

**Новейшая российская история :
исследования и документы**

Е.А. Ростовцев

**А.С. Лапко-Данилевский
и петербургская историческая
школа**

Рязань 2004

A. Saint-James

Новейшая российская история: исследования и документы

**Modern Russian History Program
University of Notre Dame**

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Vol. 7

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Bd. 7

E.A. Rostovtsev

A.S. Lappo-Danilevskii and St. Petersburg Historical School

Riazan

2004

**Программа по изучению новой и новейшей русской истории
Нотр-Дамский университет (США)**

Новейшая российская история: исследования и документы

Том 7

Е.А. Ростовцев

А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа

Рязань

2004

A.S. LAPPO-DANILEVSKII AND THE WRITING OF HISTORY IN LATE IMPERIAL RUSSIA

I first encountered the name of Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii more than thirty years ago, when, as a beginning graduate student in a class on Russian historiography and methodology, I was asked to read Nikolai Leonidovich Rubinshtein's *Russkaia istoriografiia*.¹ From Rubinshtein I learned that Lappo-Danilevskii was a forbiddingly erudite editor of historical texts, an expert on historical methodology who wrote from an Idealist rather than materialist perspective, a scholar whose outstanding work had earned him a place in the pantheon of pre-revolutionary non-Marxist historians. Rubinshtein's respect for Lappo-Danilevskii was striking because Rubinshtein advertised himself as belonging to an inimical historiographical tradition. I concluded that Lappo-Danilevskii must have been a major intellectual figure indeed, one I promised myself to study in the future. That resolution deepened in 1986 when I read Aleksei Nikolaevich Tsamutali's essay on Lappo-Danilevskii and Vasilii Osipovich Kliuchevskii.² From it I discovered that Lappo-Danilevskii's scholarship was somehow bound up with his liberal political outlook. I now decided one day to elucidate for myself the precise connections between Lappo-Danilevskii's approach to the writing of history and his politics.

In the essay below I shall first introduce the present volume, then, begging the reader's indulgence, I shall offer my own brief meditation on Lappo-Danilevskii as scholar, thinker and political actor.

I

Evgenii Anatol'evich Rostovtsev's marvelous book on Lappo-Danilevskii and the Petersburg historical school is an important contribution to our understanding of Russian culture and national identity in the two generations before the October Revolution. In it Rostovtsev investigates Lappo-Danilevskii's formation as an intellectual, his first steps as historian, his friendship and subsequent rivalry with Sergei Fedorovich Platonov over leadership of the community of historians in Petersburg University and the Russian Academy of Sciences. At stake, as Rostovtsev notes, were not only academic prestige and patronage in the narrow

¹ N. L. Rubinshtein, *Russkaia istoriografiia* (Moscow: Gospolitizdat, 1941).

² A. N. Tsamutali, "Liberal'noe napravlenie. V. O. Kliuchevskii. A.S. Lappo-Danilevskii," in *Bor'ba napravlenii v russkoi istoriografii v period imperializma* (Leningrad: Nauka, 1986), pp. 134–154.

world of the Petersburg intelligentsia but also the direction of future historical scholarship in the imperial capital and elsewhere in the empire. For if Platonov represented an empirical approach to the writing of history, one wary of broad historical generalizations and wary of theoretical models of historical interpretation, Lappo-Danilevskii advocated a sophisticated historical methodology mindful of the necessary tensions between claims about the laws of historical development and rigorous analysis of documentary sources. In Rostovtsev's telling, Platonov and Lappo-Danilevskii represented two poles of attraction within the Petersburg historical school: each man had his disciples, and each of their interpretive approaches strategies had its adherents. Occasionally an intrepid young scholar like Aleksandr Evgen'evich Presniakov tried to mediate the differences between Platonov and Lappo-Danilevskii but found the two masters mysteriously irreconcilable. Fortunately for us, Rostovtsev does not try to adjudicate the dispute between Platonov and Lappo-Danilevskii; Rostovtsev's singular achievement is to present the dispute, in all its complexity, so that we can finally apprehend both its irrational personal components and its intellectual seriousness.

Rostovtsev's book also offers us a detailed account of Lappo-Danilevskii's achievements as a historian. Rostovtsev sketches the main lines of argument in Lappo-Danilevskii's *Metodologiya istorii* and discusses his astonishingly productive career in the Imperial Academy of Sciences, especially his activities in publishing hundreds of Muscovite and early Imperial charters. Rostovtsev also mentions Lappo-Danilevskii's work behind the scenes in the Academy of Sciences: his indefatigable service as a referee of papers submitted to the academy and as juror of scholarly competitions, his willingness to write official obituaries for deceased colleagues, his eagerness to collaborate with foreign scholars interested in Russian history and to advance the profile of Russian scholarship by attending international conferences. Under Rostovtsev's pen there emerges a portrait of Lappo-Danilevskii as a brilliant, demanding, but also generous scholar who, from 1899 to his death in 1919, constituted the heart and soul of the Historical Section in the Imperial Academy of Sciences.

In the third section of Rostovtsev's book the author discusses Lappo-Danilevskii's fate in the Soviet and post-Soviet periods. He notes that for eighty years Lappo-Danilevskii has been the subject in Russia of serious scholarly discussion and evaluation. For most of the Soviet period scholars were receptive to Lappo-Danilevskii's concrete instructions on the editing of historical documents, but they rejected on ideological grounds his approach to the writing of history and especially his assumptions about proper historical methodology. Beginning in the late 1980s, given the progressive dissolution of Marxism-Leninism as a methodological paradigm for the writing of history, Soviet and post-Soviet scholars returned with new interest to Lappo-Danilevskii's strictures on historical methodology. In part, their fascination with Lappo-Danilevskii may have sprung from a desire to reconnect contemporary Russian historical scholarship with its pre-Soviet foundations, but Rostovtsev insists that the "revival" of Lappo-Danilevskii is better comprehended as a new stage in the intellectual assimilation of his extraordinary achievements as a historian and thinker.

In the book's conclusion Rostovtsev argues with some heat that Lappo-Danilevskii's methodological treatise should not be read as a "Russian variant" of the Baden school of historical interpretation, nor should his approach to scholarship be seen as more than superficially similar to that of the French *Annales* school in its classical phase. Rostovtsev's largest claim is that while Western scholarship has gone in different directions and while Western scholars, even Russianists, have shamefully neglected Lappo-Danilevskii's legacy, Soviet and Russian historians have studied that rich legacy for four generations. Rostovtsev predicts that Lappo-Danilevskii's future reputation in Russia and elsewhere depends on the sort of "social demand that civilization will exact from historical scholarship" — a safely irrefutable, but also indemonstrable proposition.

Rostovtsev's book rests on meticulous archival research, thoughtful study of Lappo-Danilevskii's *oeuvre*, and wide reading in the historiographical literature on Lappo-Danilevskii, Platonov and the entire Petersburg school of historians. Rostovtsev's depiction of Lappo-Danilevskii is a fitting tribute to a complex and talented man long in need of an inspired interpreter.

II

The final quarter century of the old regime was the golden age of historical scholarship in Russia. The period witnessed the publication of two large works of synthesis — Pavel Nikolaevich Miliukov's *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* and V. O. Kliuchevskii's magisterial *Kurs russkoi istorii* — both of which attracted broad readership.³ It also saw the appearance of classic monographs such as Nikolai Ivanovich Kareev's research on the French peasantry,⁴ Platonov's essays on the Time of Troubles,⁵ Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii's studies of Peter the Great's provincial reforms and of local self-government in the Russian north,⁶ Aleksandr Aleksandrovich Kizevetter's analysis of urban settlements in the eighteenth century,⁷ the first volume of Iurii Vladimirovich Got'e's monograph on provincial administration from Peter to Catherine the Great,⁸ and a series of fundamental books by Vasilii Ivanovich Semevskii on the Russian peasantry, the peasant question in the century before emancipation, and the Decembrists.⁹

³ According to Miliukov's biographer, *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* underwent seven editions with numerous emendations between the first volume's appearance in 1896 and 1918. See Melissa K. Stockdale, "The Idea of Development in Miliukov's Historical Thought," in Thomas Sanders, ed., *Historiography of Imperial Russia. The Profession and Writing of History in a Multinational State* (Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1999) p. 274. Kliuchevskii prepared his lectures for publication starting in 1902. The first volume saw light in 1904, the fourth in 1910, the fifth remained unfinished due to the author's death in 1911. Kliuchevskii's *Kurs russkoi istorii* won not only the interest of the contemporary reading public but of posterity. The last major Soviet edition, that of 1987 — 1989, printed 250,000 copies. See Robert F. Byrnes, "Kliuchevskii's View of the Flow of Russian History," in Sanders, *Historiography of Imperial Russia*, p. 239.

⁴ N. I. Kareev, *Krest'iane i krest'ianskii vopros vo Frantsii v poslednei chetverti XVIII v. (po nezhdannym istochnikam)* (Moscow, 1879); idem., *Ocherk istorii frantsuzskikh krest'ian s drevneishikh vremen do 1789 g.* (St. Petersburg, 1881).

⁵ S. F. Platonov, *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI-XVII vv. (Opyt izucheniia obshchestvennogo stroia i sloslovnykh otnošenii v Smutnoe vremia)* (St. Petersburg, 1899).

⁶ M. M. Bogoslovskii, *Oblastnaia reforma Petra Velikogo 1719 — 1727* (Moscow, 1902); idem., *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.* (Moscow, 1909 — 1912), 2 vols..

⁷ A. A. Kizevetter, *Posadskaia obshchina XVIII stoletia* (Moscow, 1903).

⁸ Iu. V. Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii ot Petra I do Ekateriny II. Tom 1. Reforma 1727 goda. Oblastnoe delenie i oblastnye uchrezhdeniia 1727 — 1755 gg.* (Moscow, 1913).

⁹ V. I. Semevskii, *Krest'iane v tsarstvovanie Ekateriny II* (St. Petersburg, 1882 — 1901), 2 vols.; idem., *Krest'ianskii vopros v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX veka* (St. Petersburg, 1888), 2 vols.; idem., *Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov* (St. Petersburg, 1909)

And let us not forget Semevskii's study of workers in Siberian gold mines, a two-volume social history requiring nearly seven years of research in archives and in Siberia that was probably the greatest scholarly *tour de force* by a Russian in the nineteenth century.¹⁰ In the depth of their archival findings and their penetrating shrewdness in interpreting Russian politics and society these books had few rivals in preceding decades. Indeed, it is fair to state that with their appearance the historical profession in Russia achieved parity with its Western European counterparts and in some respects surpassed them.

In this quarter century Russian historians aligned themselves in various ways. Some worked chiefly under the inspiration of a particular mentor or corpus of work: for example, in writing *Kurs russkoi istorii* Kliuchevskii drew heavily on Sergei Mikhailovich Solov'ev's multi-volume history of Russia; in turn, Kliuchevskii had a powerful impact on his pupils, even if he did not manage to impose upon them a uniform method of research or his own interpretation of Russian history.¹¹ Another familiar example is the case of Platonov, who gratefully acknowledged the guidance of his mentor Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Riumin,¹² and who later influenced two generations of students at St. Petersburg University.¹³ Certain historians identified themselves with the ethos and dominant methodology of a particular institution. As a rule of thumb, one can argue that historians trained at Moscow University tended to see themselves as responsible for providing an understanding of Russia's place in universal history, and even to discover or demonstrate the existence of general laws of historical progress. On the other hand, historians from St. Petersburg University tended to regard their primary duties as establishing the veracity of concrete documentary sources and interpreting the sources in a careful, parsimonious fashion.

In discussions of Russian historiography these factors – indebtedness to a beloved mentor and a common institutional profile or institutional loyalty – have not infrequently been taken as sufficient ground for asserting the existence of a Moscow or St. Petersburg “school” of historical writing. Yet it cannot plausibly be claimed that historians resident in Moscow operated in intellectual isolation from scholars living in St. Petersburg or vice versa. To take just two examples, Kliuchevskii's books were read eagerly by every serious historian in St. Petersburg, and Platonov explicitly acknowledged his influence; Lappo-Danilevskii's early book on Muscovite finances was strongly influenced by the Moscow jurist Boris Nikolaevich Chicherin's study of provincial administration in the seventeenth century, and, in turn, Lappo-Danilevskii's conclusions about the Muscovite and Petrine economy affected the research of Miliukov on Peter

¹⁰ V. I. Semevskii, *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh* (St. Petersburg, 1898), 2 vols. I except here Sergei Mikhailovich Solov'ev's *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* (Moscow, 1851 – 1879), 15 vols., which was a more demanding long-term enterprise but which was written almost entirely from Moscow archives and libraries.

¹¹ On the disputed nature of Kliuchevskii's influence over his students, see Terence Emmons, “Kliuchevskii's Pupils,” in Sanders, *Historiography of Imperial Russia*, pp. 118 – 145. One of those students, Mikhail Nikolaevich Pokrovskii, denied that there was any such thing as a “school” of Kliuchevskii. See M. N. Pokrovskii, *Markizn i osobennosti istoricheskogo razvitiia Rossii. Sbornik statei, 1922 – 1925 gg.* (Leningrad, 1925), p. 76.

¹² A. A. Chernobaev, Platonov Sergei Fedorovich (1860 – 1933) in A. A. Chernobaev, ed., *Istoriki Rossii. Biografii* (Moscow: ROSSPEN, 2001), p. 379.

¹³ On Platonov's influence see A. N. Tsamutali, “Glava peterburgskoi istoricheskoi shkoly: Sergei Fedorovich Platonov,” *Istoriki Rossii. XVIII-nachalo XX veka* (Moscow, 1996), pp. 538 – 552.

the Great's financial reforms.¹⁴ Thus, the lines of mutual influence connecting the two capitals mitigated against the development of hermetic scholarly schools in either place.

Moreover, the vagaries of personal loyalty, institutional ethos and patronage were complicated further by the intense ideological mobilization that marked the late imperial period. Among St. Petersburg historians Platonov, a Russian patriot and moderate monarchist who served as tutor to various members of the royal family, stood on the political right, whereas Semevskii, after 1905 a member of the Populist Socialist Party, stood on the left. In Moscow, historians spanned the spectrum from center to extreme left. Kliuchevskii was a moderate reformist with a Slavophile tinge. In 1905 he accepted an appointment to the Kobeko commission on press freedom, wherein he criticized the government for distorting Russian intellectual life by printing a series of “artificial” books that “insinuated the censor's views over the author's signature.”¹⁵ Kliuchevskii's student Milukov was an assertive liberal whose radicalism led to arrest and exile before 1905, and after 1905 led to a high-profile role in the Kadet party. Kizevetter, another of Kliuchevskii's progeny, also joined the Kadet party and sat on its Moscow central committee with Miliukov. Far to the left was Mikhail Nikolaevich Pokrovskii, who joined the Bolshevik faction of the Social Democratic Party in 1905. Neither in St. Petersburg nor in Moscow did political affiliations neatly correspond to personal loyalties, patronage networks, institutional association or intellectual indebtedness.

Thus, the scholarly universe in which Lappo-Danilevskii came to operate was an excitingly complicated, but also a treacherous and contested world where increasingly individual historians found themselves weighing political ties against their intellectual and personal allegiances. In such an environment, wherein circumstances fairly dictated *sauve qui peut* as the maxim for survival, the maintenance of equability and personal integrity was exceedingly rare.

III

In the *pléiade* of scholars at the end of the old regime few were more distinguished than Lappo-Danilevskii. His contribution to historical literature included over one hundred seventy publications, ranging from student essays on the Scythians and Varangians to a master's thesis on taxation and the commune in the seventeenth century, from a splendid edition of charters registered by the College of Economy to articles on Russian social thought in the eighteenth

¹⁴ A. P. Lappo-Danilevskii, *Organizatsiia priamogo oblozheniia v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty do epokhi preobrazovannia* (St. Petersburg, 1890); B. N. Chicherin, *Oblastnye uchrezhdeniia Rossii v XVII-m veke* (Moscow, 1856); P. N. Miliukov, *Gosudarstvennoe khoziaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII v. i reforma Petra Velikogo* (St. Petersburg, 1892). Chicherin's influence on Lappo-Danilevskii was of two sorts: first, his effort to understand the interplay between the central administration and local society pointed the way to Lappo-Danilevskii's interest in establishing how taxation worked at the local level; second, Chicherin's attempts to trace the history of the peasant commune drew Lappo-Danilevskii's attention to the ways in which the central government in fact shaped the commune as a fiscal tool. The connections between Miliukov and Lappo-Danilevskii are probably more complicated. At first, they regarded themselves as allies against older figures in the historical “establishment,” and they shared a positivist approach to historical sources. Miliukov's articles on Russian historiography were important to Lappo-Danilevskii, even when he did not agree with all of Miliukov's conclusions. Of course, as Rostovtsev has pointed out, Miliukov criticized Lappo-Danilevskii's book after having praised it; the critique wounded Lappo-Danilevskii and led to a personal break with Miliukov.

¹⁵ Quoted in R. A. Kireeva, “Kliuchevskii Vasilii Osipovich (1841–1911),” in Chernobaev, *Istoriki Rossii. Biografii*, p. 319.

century.¹⁶ His *magnum opus* – a two-volume monograph entitled *Istoriia politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v sviazi s razvitiem ee kul'tury i khodom ee politiki* – remained unpublished at his death in 1919, but the first volume was finally seen into print in 1990 and there is hope that the final tome will soon be published.¹⁷ Even without that culminating publication, it is already clear that no contemporary scholar exceeded Lappo-Danilevskii in chronological range, breadth of thematic interests, mastery of documentary sources or sheer erudition.

Alongside his analyses of Russian history Lappo-Danilevskii produced the daunting two-volume meditation on the philosophical and technical foundations of historical scholarship mentioned above, *Metodologiya istorii*.¹⁸ In his Russian generational cohort Lappo-Danilevskii stood virtually alone as expert in explicating historical methods.¹⁹ As noted above, the recent rehabilitation of Lappo-Danilevskii's reputation rests in no small measure on his methodological outlook, which grounded historical scholarship on Kantian philosophy rather than on the Marxian materialism that seduced his contemporaries and the succeeding generation of scholars.

IV

Lappo-Danilevskii's formation as a historian occurred under propitious circumstances. Born in 1863 to a prosperous noble family in Ekaterinoslav province, he received an excellent domestic education and rigorous secondary training at the Simferopol' gymnaziia. By the time he enrolled at St. Petersburg University in 1882, he had a solid foundation in history, a reading knowledge of major European languages, a developed talent in music, and an informed love of mathematics. At university he studied with Bestuzhev-Riumin, who taught him the discipline of source criticism and gave him an understanding of the evolution of Russian historiography from Karamzin onward.²⁰ He also studied with Egor

¹⁶ For the archeological essay on the Scythians see *Skifskie drevnosti. Issledovanie A. S. Lappo-Danilevskogo* (St. Petersburg, 1887). The study of Muscovite finances appeared as A. S. Lappo-Danilevskii, *Organizatsiia priamogo oblozheniia v Moskovskom gosudarstve*. In 1899 Lappo-Danilevskii proposed to the Academy of Sciences a plan for publishing archival documents from the seventeenth and eighteenth centuries. A direct result of the proposal was the masterly *Sbornik gramot Kollegii ekonomii. Tom I. Gramoty Dvinskogo uезда* (Petrograd, 1922), which was finished in 1909 but published posthumously. A bibliography of Lappo-Danilevskii's publications may be found in Aleksei Malinov and Sergei Pogodin, *Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii: istorik i filosof* (St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2001) pp. 262 – 283.

¹⁷ The first volume saw light under the title *Istoriia russkoi obshchestvennoi mysli i kul'tury XVII – XVIII vv.* (Moscow, 1990). In a recent essay A. A. Chernobaev has called for swift publication of the sequel: "At present when Russia is witnessing burning controversies over its national future, Lappo-Danilevskii's conclusions about the necessity for a national sense of identity, about the significance of "transitional periods" in the battle of ideas, about the integral connection between material and intellectual/spiritual culture, about the role of public opinion and so on – these conclusions have not only an academic character. These very issues also press on contemporary scholars. Therefore the expeditious publication of the second volume of Lappo-Danilevskii's "main book" is absolutely imperative." See Chernobaev, "Lappo-Danilevskii Aleksandr Sergeevich (1863 – 1919)," *Istoriki Rossii. Biografii*, p. 399.

¹⁸ See A. S. Lappo-Danilevskii, *Metodologiya istorii. I. Printsipy i metody istoricheskogo znaniia. II. Glavneishie napravleniia v teorii istoricheskogo znaniia*. The material was serialized in *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. VI seriia. T. XII* (1918–1919) Nos. 5-7, 9, 11, 13. See also idem., *Metodologiya istorii. Vypusk I. Posmertnoe izdanie* (Petrograd, 1923).

¹⁹ One might consider the Eurasianist Lev Platonovich Karsavin a rival, except that Karsavin was mainly interested in the philosophy of history rather than the method of its writing. See L. P. Karsavin, *Filosofiia istorii* (St. Petersburg: A. O. Komplekt, 1993).

²⁰ Bestuzhev-Riumin's most important monograph dealt with the earliest Russian chronicles. See his *O sostave russkikh letopisei do kontsa XIV veka* (St. Petersburg, 1868). For an authoritative treatment of his life and scholarship see R. A. Kireeva, *N. K. N. Bestuzhev-Riumin i istoricheskaia nauka vtoroi poloviny XIX veka* (Moscow, 1990).

Egorovich Zamyslovskii, an expert on Muscovy from the Time of Troubles to Peter, who later became his dissertation director.²¹ Toward the end of his undergraduate days Lappo-Danilevskii met the historical sociologist Kareev, whose pioneering books on the French peasantry influenced Lappo-Danilevskii's subsequent investigations of the Muscovite peasantry. To these teachers in St. Petersburg must be added the influence of the jurists Chicherin and Aleksandr Dmitrievich Gradovskii, both of whom analyzed the development of Russian law in the seventeenth and eighteenth centuries.²²

As he matured in knowledge of history, Lappo-Danilevskii moved discreetly toward a moderate liberal political outlook. Probably the first steps in that direction were taken in adolescence when he read George Grote's massive history of Greece, a history that promoted ancient ideas of freedom and democracy.²³ Lappo-Danilevskii also responded to the liberalism of Chicherin, Gradovskii, Solov'ev and Konstantin Dmitrievich Kavelin, all of whom traced the progress of liberty and free individuality in Russia. Lappo-Danilevskii's unpublished *magnum opus*, which conceptualized the eighteenth century as the moment when Russia began to recognize the significance of the individual alongside the importance of the central state, showed the impact of liberal historiography upon him.

Not the least of the liberal influences on young Lappo-Danilevskii came from student peers. In 1884 his friends Aleksandr Aleksandrovich Kornilov, Dmitrii Ivanovich Shakhovskoi, and the Ol'denburg brothers Sergei Fedorovich and Fedor Fedorovich, invited him to join the Student Scientific-Literary Society of Petersburg University, a society devoted to scholarly discussion, "inspired intellectual commitment" and "humane tolerance." In 1885 he became a member of the *Priiutinskoe bratstvo*, a group including Shakovskoi, the Ol'denburgs, the Roman historian Ivan Mikhailovich Grevs, and the natural scientist Vladimir Ivanovich Vernadskii. The *priiutintsy* embodied the best traditions of the liberal intelligentsia: commitment to truth, social equality, nonviolence and the hope for political freedom to be achieved by patient labor on behalf of the people. Politically, the *priiutintsy* advocated dialogue with the regime but without compromising their ethical principles. In practice, they identified themselves with no political party, but in the late 1880s/early 1890s they did much to advance the ethos of "small deeds" liberalism among academic intellectuals. In the late 1890s Shakhovskoi became one of the principal organizers of the *Beseda* group, a pivotal agency in the genesis of the Russian liberation movement. Lappo-Danilevskii was bound to the *Priiutinskoe bratstvo* by intellectual commitment but also by his marriage to a cousin of Grevs' wife.²⁴ Membership in the circle gradually led Lappo-Danilevskii into explorations of philosophy, ethics and religion. His interest in these topics prompted him seriously to study Kantian philosophy, and familiarity with Kant's views eventually provided him with another foundation for his liberal outlook.

²¹ See E. E. Zamyslovskii, *Tsarstvovanie Fedora Alekseevicha* (St. Petersburg, 1871); idem., *Gerbershtein i ego istoriko-geograficheskie izvestiia o Rossii* (St. Petersburg, 1884).

²² See B. N. Chicherin, *Oblastnye uchrezhdeniia Rossii v XVII veke*; idem., *Opyty po istorii russkogo prava* (Moscow, 1858); A. D. Gradovskii, *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* (St. Petersburg, 1875 – 1883), 3 vols.; idem., *Vysshaia administratsiia Rossii XVIII stoletii i general-prokurory* (St. Petersburg, 1866).

²³ George Grote, *A History of Greece: From the Earliest Period to the Close of the Generation Contemporary with Alexander the Great* (London, 1862), 8 vols.

²⁴ Malinov and Pogodin, *Aleksandr Lappo-Danilevskii: istorik i filosof*, pp. 19–20.

After passing his master's examination in 1888, Lappo-Danilevskii taught as *Privatdozent* in the Historical-Philological Institute at St. Petersburg University. His most accomplished peer and most formidable academic rival at the university was Platonov. In certain respects the two men were much alike: both were born in the 1860s; both manifested an early love of history; both studied as undergraduates under Bestuzhev-Riumin; both concentrated on Muscovite history; both participated in student scholarly circles, for a brief time they were even friends. But the friendship soon yielded to tension. Platonov invested considerable energy in the Circle of Russian Historians, a moderately conservative group that Lappo-Danilevskii occasionally visited but in which he felt uncomfortable. Meanwhile, Platonov was excluded from the *Priiutinskoe bratstvo* whose members' noble origins and liberalism he did not share. By the early 1890s Platonov had gravitated toward a kind of empiricist factology that virtually ruled out broad historical generalizations, while Lappo-Danilevskii embraced the hope of writing history enriched by philosophical insight and social science theory. In 1891, as Rostovtsev notes, Lappo-Danilevskii referred to Platonov's group as intellectually "still-born"; that same year Platonov's wife lamented that the *priiutintsy* considered her and her husband "reactionary demons" [*temnye sily*]. These divisions hardened over time. By 1894, according to Rostovtsev, the young Aleksandr Evgen'evich Presniakov realized that Lappo-Danilevskii had classified Platonov as an "ultra-conservative." After Lappo-Danilevskii was elected an adjunct member of the Imperial Academy of Sciences in 1899, he actively avoided collaboration with Platonov. Even to mention Platonov's name in the academy's precincts was enough to enrage the otherwise mild-mannered Lappo-Danilevskii.

To be sure, the tense relationship between Platonov and Lappo-Danilevskii had a personal component. Lappo-Danilevskii was an intense introvert whose taciturnity struck the more outgoing Platonov as a sign of arrogance. Moreover, both men were professionally ambitious, and the desire to win recognition as the "leading" Russian historian in the imperial capital, a desire never far beneath the surface, unfortunately poisoned their relationship. In the words of Platonov's wife, Platonov and Lappo-Danilevskii were "two bears in one lair." But the latent political disagreements between the two scholars surely reinforced their rivalry and perhaps lay at the heart of their competition for influence: in other words, their political differences raised the competitive stakes beyond their personal fates to the destiny of Russia. Let us recall that Lappo-Danilevskii's research on eighteenth-century political ideas posited a correlation between material circumstances, religious and philosophical outlooks and attitudes toward the state. In the first decade of the new century he was intellectually interested in understanding Russia's fateful shift from religious society to secular community, from unitary centralized state to the beginnings of partnership between state and educated public. He probably expected in his lifetime to witness Russia's further transformation in the direction of freedom. In his eyes Platonov was an impediment to that transformation and therefore one of Russia's "dark forces."

Lappo-Danilevskii's closest friends did not regard him as a politician in the conventional sense of that term. Yet Rostovtsev rightly points out that after the turn of the century, when the populist Semevskii fell into political difficulties, Lappo-Danilevskii did what he could to support him. In 1905 Lappo-Danilevskii

wrote in favor of educational reform, freedom to speak and publish in the Ukrainian language, and freedom of the press. In late 1905 he joined the Kadet party, and in 1906 he stood for election to the State Council, where he demanded the abolition of capital punishment and the declaration of full amnesty for participants in the 1905 revolution. In 1917, after an eleven-year hiatus from public politics, he attended the Moscow State Convocation as a representative of the Academy of Sciences, and in November 1917 he was a principal author of the academy's protest against Bolshevik power. He called the new regime "a great disaster for Russia" and referred to the Bolsheviks themselves as "violent gangsters" [*nasil'niki*].²⁵ As Rostovtsev has discovered, Lappo-Danilevskii even took the risk in 1918 of petitioning for the release from prison of Grand Duke Nikolai Mikhailovich, the prolific royal historian and archeologist. Lappo-Danilevskii acted not out of any commitment to monarchy, but out of a belief in intellectual freedom.

V

We should not leave the subject of Lappo-Danilevskii without examining briefly his *Metodologiya istorii*. In it Lappo-Danilevskii posited as the object of historical knowledge "humanity as a whole," in particular humanity conscious of absolute values such as liberty, justice and the good. He approved research devoted to narrower subjects – national histories or social classes, for example – but he expected historians to connect their conclusions about these smaller subjects to broader subjects and ultimately to the history of humanity as a whole. To describe distinctive approaches to the writing of history Lappo-Danilevskii adopted terminology used by the German critics of positivism Wilhelm Windelband and Heinrich Rickert, who divided the sciences into nomothetic (concerned with establishing regularities and defining natural laws) and idiographic (concerned with describing unique phenomena). However, Lappo-Danilevskii refused to privilege one approach over another: he insisted that each is valid within its distinctive limits and each contributes something significant to our general comprehension of humanity as a whole. A historian taking the nomothetic approach will compare a particular entity (a nation or class) with other similar entities, and will search to construct a rule or confirm the existence of a law governing the behavior of such an entity or entities over time; meanwhile, a historian taking the idiographic approach will examine a unique phenomenon but will connect its appearance to other phenomena in a chain of cause and effect, thus helping to place the phenomenon in a pattern of social evolution.

Like Kant, Lappo-Danilevskii rejected the view that an observer of a given object has direct and full access to the inner, metaphysical reality of that object; he assumed instead that an observer constructs a representation of the object and that such a representation may or may not correspond to the reality of the object. Consequently, Lappo-Danilevskii believed that historians necessarily operate in the realm of representations of the past, not in the realm of

²⁵ "Protokoly zasedanii O[bshchego] S[obraniia] [Akademii nauk] za 1917 g.," No. 306 – 307, quoted in Rostovtsev, chapter two, footnote 548; see also V. S. Sobolev, *Dlia budushchego Rossii. Deiatel'nost' Akademii nauk po sokhraneniui natsional'nogo i kul'turnogo nasledia. 1890 – 1930 gg.* (St. Petersburg, 2002), pp. 59–60. Rostovtsev notes that, while Lappo-Danilevskii remained categorically opposed to the Bolshevik regime, he was willing to collaborate with the new authorities in practical matters, such as the organization of archives.

metaphysical verities. However, he did not draw the skeptical conclusion that past reality itself is entirely unknowable, nor did he anticipate the post-modern conceit that one representation of past reality is as good as any other. Lappo-Danilevskii asserted that historians, as sentient beings, have the capacity to grasp at least to some degree the past behavior of other sentient beings. Our capacity to understand others depends on our empathy for them, on our ability to associate their acts with acts of our own, or to comprehend their acts by analogy to our own. As historians, our accuracy in assessing the past deeds of others will be limited not only by our psychological acuity and by the degree of our cultural comprehension but also by the finitude and nature of the written sources available to us. Thus, for Lappo-Danilevskii a crucial component of the historians' craft is the interpretation of historical sources as psychological-cultural constructs from another age.

It has often been written that Lappo-Danilevskii's *Metodologiya istorii* was a Kantian or Neo-Kantian tract about history, that it was a Russian example of the pan-European rejection of positivism that commenced in the early 1890s, and that it was doomed to lose its intellectual currency as soon as that cultural trend had run its course. There is considerable truth in this interpretation, but recent scholarship has modified it. To be sure, there were Kantian or Neo-Kantian elements in Lappo-Danilevskii's masterpiece. Most obvious among them was the distinction between reality and representation, mentioned above. A second was the identification of humanity as a whole – or rather of humanity conscious of absolute values – as the object of historical inquiry: the cosmopolitan essence of history and its connection with absolute values remind one of the categories of Kant's historicizing essay, *Was Ist Aufklärung?* A third element was the implicit teleology of history connected with consciousness of absolute values: like Kant, Lappo-Danilevskii assumed that humanity has evolved in the direction of enlightenment and freedom. A fourth element lay in Lappo-Danilevskii's commitment to the ethical proposition that historians are duty-bound to attempt to grasp the mental/cultural world of others.²⁶ Yet if Lappo-Danilevskii was strongly influenced by Kant and the German Neo-Kantians, he also learned much from the positivists, including Auguste Comte himself. As Aleksei Malinov and Sergei Pogodin have recently shown, Lappo-Danilevskii's notions of social evolution, or comparative history, of social consensus came straight from the positivists. Moreover, Lappo-Danilevskii considered his *Metodologiya istorii* an attempt to describe a science of society similar to and sometimes even identical to, sociology. As Malinov and Pogodin tartly observe, "Lappo-Danilevskii might have criticized several contradictory and illogical propositions of positivist philosophy, but he never abandoned its scholarly spirit."²⁷

For our purposes, the most striking feature of Lappo-Danilevskii's *Metodologiya istorii* is neither its Neo-Kantian framework nor is positivist residue, but its liberalism. By pointing to the absolute values – freedom, justice and the good—at the core of history's meaning and by constantly insisting that individual historical phenomena be assessed against the standard of those absolute values,

²⁶ This point is made in an excellent article by M. F. Rumiantseva, "Metodologiya istorii A. S. Lappo-Danilevskogo i sovremennye problemy gumanitarnogo poznaniia, *Voprosy istorii* no. 8 (1999), pp. 138–146.

²⁷ Malinov and Pogodin, *Aleksandr Lappo-Danilevskii: istorik i filosof*, p. 177.

Lappo-Danilevskii made history the science of liberty, the study of the realization of freedom and justice in the world. True, Kant gave philosophical foundation to that definition, and Comte drew attention to the process by which societies evolve in the direction of liberty, but Lappo-Danilevskii combined their teachings in his own distinctive manner. The liberal spirit of *Metodologiya istorii* relegated the book to the margins of historical thinking in the Stalin period but also accounted, to some degree at least, for its revival in the more favorable climate of the 1980s and 1990s.

VI

Among the major historians active in late imperial Russia Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii is perhaps the most attractive to us today. His meticulous discipline in editing sources, his wide-ranging scholarly interests, and his profound understanding of late Muscovite/early Petrine Russia naturally deserve our approbation. His selflessness in serving his colleges in the Academy of Sciences demands respect and emulation. The most admirable of his qualities, however, were his personal integrity and love of liberty. In a time when it would have been easy for him to place professional advancement above the cause of freedom, Lappo-Danilevskii chose to advance liberty by patiently committing himself to the small deeds necessary to realize that hope. Painstaking historical scholarship, teaching students at the university, helping colleagues in political difficulty, writing an arcane methodological treatise in the liberal spirit – all these activities were consistent with the convictions of the *Priutinskoe bratstvo* and with the finest traditions of the Russian intelligentsia.

May the knowledge of Lappo-Danilevskii, his intellectual background and achievements be advanced by E. A. Rostovtsev's splendid book and by others to come!

G. M. Hamburg
Claremont McKenna College

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому — человеку редкой эрудиции и культуры, судьба которого неразрывно связана со служением отечественной науке. Исследование творчества этого ученого стало для автора основой для постановки ряда «вечных» вопросов. Что такое историческое познание? Какова роль науки в обществе, в развитии цивилизации? Как организована связь между наукой и философией? Как влияет социум на развитие науки? Как влияет личность ученого на научное знание? Автор далек от претензий дать «конечные» ответы на них. Моя цель иная — путем реконструкции творческого пути выдающегося ученого расширить поле возможных ответов и наметить свою версию истории российской исторической науки «эпохи А.С.Лаппо-Данилевского». Но почему именно А.С.Лаппо-Данилевский? Ответом на вопрос, конечно, может служить только сама эта книга. Однако, предваряя изложение, отмечу, что этот человек не только находился в центре борьбы идей, самолюбий, ученых корпораций своей эпохи, но был одним из немногих мыслителей, выработавших исключительно целостный взгляд на современную ему историческую науку. Иными словами, изучение творчества А.С.Лаппо-Данилевского — очень удачная точка отсчета для поиска ответов на заданные вопросы.

Любое *научное* предприятие, по определению, коллективное. Эта книга не могла бы состояться без напряженного и увлекательного интеллектуального общения, которое вел автор с многочисленными коллегами. Среди собратьев по цеху, которые вольно или невольно содействовали написанию этой работы советами, замечаниями, идеями, не могу не упомянуть Б.В.Ананьича, А.И.Богомолова, Л.Ю.Гусмана, А.Н.Дмитриева, Б.Б.Дубенцова, Т.Н.Жуковскую, А.Г.Закржевского, Б.С.Кагановича, Г.В.Калашникова, А.В.Карпова, А.А.Кононова, Д.Н.Копелева, М.М.Крома, Н.В.Кузнецову, С.В.Куликова, О.Ю.Куца, О.А.Логош, Е.М.Лупанову, А.В.Малинова, А.Р.Маркова, М.О.Мельцина, М.А.Морозова, В.М.Панеяха, Е.Г.Певзнер, С.А.Педана, С.Н.Погодина, Е.Р.Пономарева, И.П.Потехину, Н.И.Приймак, И.Д.Саблина, М.Б.Свердлова, А.В.Свешникова, Ф.Л.Севастьянова, С.В.Стрельникова, П.А.Трибунского, А.И.Филюшкина, А.А.Хлевава, А.Н.Цамутали, И.А.Цветкова, Н.А.Цветкову, А.В.Чекмасова, М.А.Шиб-

ева, Д.Н.Шилова, С.О.Шмидта. Список этот можно продолжить. В разное время отдельные части и положения этой работы обсуждались в разных ученых сообществах: на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), в Историческом обществе при ЕУСПб, на кафедре истории общественного развития Санкт-Петербургского университета водных коммуникаций, кафедре истории Санкт-Петербургского политехнического университета.

Я также благодарен руководителям тех академических структур, в которых я работал в эти годы и которые создали благоприятные условия для этого исследования, — Р.В.Дегтяревой, В.В.Лапину, В.А.Леванкову, В.М.Панеяху, С.А.Педану, С.Б.Ульяновой, Б.М.Фирсову.

Особую признательность хочу выразить В.М.Панеяху, много труда вложившему в руководство моей кандидатской диссертацией, которая явилась базой для работы над книгой. Эта монография не увидела бы свет, если бы не самоотверженные усилия одного из ее научных редакторов — П.А.Трибунского, которому, кроме всего прочего, автор обязан справками по материалам московских архивов.

Санкт-Петербург,
2003 г.

ВВЕДЕНИЕ

Источники работы. Понятие школы в исторической науке. Проблема легитимности исторической науки. Методы исследования. Петербургская историческая школа в историографии. Построение работы

Цель настоящей работы — определение роли А.С.Лаппо-Данилевского в русской исторической науке рубежа XIX–XX вв. При этом особое внимание автор уделит выяснению места А.С.Лаппо-Данилевского в ряду крупнейших петербургских историков, в рамках петербургской исторической школы. Мы старались построить исследование таким образом, чтобы именно рассмотрение контекста истории исторической науки стало отличительной чертой этой работы (одной из многих об А.С.Лаппо-Данилевском). В этот контекст мы включаем историю исторической мысли, историографию, историю научных институтов, взаимоотношения между учеными.

Для понимания роли А.С.Лаппо-Данилевского в истории отечественной науки нам казалось важным реконструировать основные элементы той научно-исследовательской программы, реализация которой стала делом жизни ученого. Поэтому в построении этой книги мы отталкивались от изучения методологических оснований творчества А.С.Лаппо-Данилевского, а это обстоятельство, в свою очередь, обусловило и сужение хронологических рамок настоящей работы. В нашу задачу не входила детальная реконструкция научной биографии ученого — объектом изучения стало в основном творчество А.С.Лаппо-Данилевского в зрелые годы (с начала 1900-х гг.), когда проходило окончательное формирование его методологической системы.

В работе использовано несколько групп источников. К первой группе следует отнести труды самого А.С.Лаппо-Данилевского. Для нас важно было связать различные типы работ ученого (по методологии, методике, технике исторического знания, конкретно-исторические исследования) для того, чтобы реконструировать единую картину его творчества. Поэтому особое внимание нами было уделено работам, занимающим, на наш взгляд, наиболее важное место в каждой из указанных областей творчества ученого: «Методологии истории»,¹ «Очерку русской дипломатики

частных актов»,² «Правилам издания грамот Коллегии экономии»³ и «Истории русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.»⁴ Естественно, вне поля нашего зрения не остались и другие научные работы А.С.Лаппо-Данилевского,⁵ в монографии также широко использовались многочисленные рецензии на научные труды, отзывы о деятельности ученых, некрологи, которые А.С.Лаппо-Данилевский писал по поручению Академии наук.

Ко второй группе источников мы относим историографические источники: научные труды современников А.С.Лаппо-Данилевского, в том числе рецензии на произведения ученого; работы, в которых дана общая характеристика исторической науки или творчества А.С.Лаппо-Данилевского, работы, посвященные памяти А.С.Лаппо-Данилевского. Эти источники стали основными для уяснения позиции А.С.Лаппо-Данилевского в историографии и места его теоретических и методологических взглядов в истории исторической мысли. Наибольшее значение для нашего исследования, как правило, имели показания тех историографических источников, создатели которых, наряду с А.С.Лаппо-Данилевским, определяли ход и направление развития отечественной исторической науки начала XX в. Так, важно было выяснить отношение к творчеству А.С.Лаппо-Данилевского П.Н.Милюкова,⁶ А.Е.Преснякова,⁷ И.М.Гревса,⁸ Л.П.Карсавина,⁹ Н.И.Кареева¹⁰ и других.

К третьей группе источников можно отнести документацию нормативного и делопроизводственного характера. Показания этих источников способствовали выяснению порядка функционирования научных институтов (государственных учреждений и научных обществ), что являлось важным условием восстановления целостной картины научно-административной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. В эту группу необходимо включить уставы научных учреждений и обществ, протоколы их заседаний, служебные инструкции и записки, постановления и решения, иную делопроизводственную документацию. Особое значение имеют «Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Академии наук» (ИФО).¹¹ Этот источник содержит ценную информацию о распорядке работы III отделения Академии (ИФО), к которому принадлежал А.С.Лаппо-Данилевский, подробные сведения практически обо всех вопросах, обсуждавшихся на его заседаниях, материалы проходивших дискуссий и все основные решения, касавшиеся жизни отделения. Показания протоколов историко-филологического отделения Академии, наряду с другими материалами, послужили необходимой основой реконструкции хода академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.

Четвертая группа использованных источников — мемуары и переписка. С нашей точки зрения, эти источники наиболее важны для реконструкции личных отношений ученых. Мемуарные источники, использованные в работе (в частности, мемуары С.Ф.Платонова,¹² И.М.Гревса,¹³ В.Г.Дружинина¹⁴) по своему характеру, с одной стороны, примыкают к историографическим источникам, с другой — к переписке. Показания, извлеченные из мемуаров и переписки, служили, прежде всего, для реконструкции личных и научных отношений А.С.Лаппо-Данилевского с

его коллегами и учениками. Так, сведения, почерпнутые из писем¹⁵ двух лидеров петербургской исторической школы — С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского, — позволили автору предпринять попытку реконструкции истории их взаимоотношений. Также особо хотелось бы отметить и другой комплекс эпистолярных источников — письма А.Е.Преснякова к матери и жене.¹⁶ Его уникальная особенность в том, что показания этого комплекса источников рисуют целостную картину взаимоотношений петербургских историков рубежа веков. Ценнейшим источником по истории отечественной исторической науки XIX — начала XX вв. является дневник Н.Н.Платоновой (жены С.Ф.Платонова),¹⁷ который ранее практически не привлекал внимания исследователей.

В XX веке, в условиях постепенного отказа от кумулятивистского понимания истории науки (согласно которому фундаментальные основоположения научного знания имеют абсолютный и вечный характер) основной задачей науковедения стал поиск новых инструментов для объяснения процесса эволюции науки.¹⁸ Закономерно в этой связи, что проблема «научной школы» — одна из центральных для истории любой отрасли знания. Не является исключением и историческая наука. Не случайно, что уже со второй половины XIX в., с началом становления собственно научной историографии, возникает интерес к понятию «научная школа». Так или иначе схолярная проблематика затрагивалась в трудах В.О.Ключевского, П.Н.Милюкова, А.С.Лаппо-Данилевского, Д.И.Багаля и других крупнейших дореволюционных историков.¹⁹ Созданный в более позднее время классический учебник по русской историографии историка-эмигранта Г.В.Вернадского (1978),²⁰ по существу, построен именно по принципу рассмотрения истории научных школ. Значительное место в нем уделено и петербургской школе, к которой автор относит учеников С.Ф.Платонова.²¹ В советской исторической науке долгое время делался акцент на политический и философский критерии рассмотрения историографии. Особый интерес к понятию «историческая школа» среди российских историков возник только во второй половине 1980-х — 1990-е гг. По-видимому, это обстоятельство следует связать с общим пересмотром парадигм отечественной историографии, обусловленным отказом от прежних идеологических ориентиров в науке.

Следует оговориться, что само понятие научной школы в исторической науке уже длительное время является предметом дискуссии в науковедении. Еще в работе 1978 г. И.Л.Беленький подчеркнул, что основания наименований исторических школ в отечественной историографии различны, указав, что в их основе лежат «разнородные политическая, социальная общемировоззренческая платформы, объединяющие группы историков; философские и историософские взгляды; метод исследований; суть концепции; предметная область исследований; профессионализм; связь с университетами и другими формальными коллективами; персоналогичность (в имени школы закрепляется имя ее основателя); объективированное (уже в виде историографического исследования) понимание исторической роли того или иного сообщества историков». И.Л.Беленький также справедливо констатировал, что «сложившаяся к

настоящему времени в исторической науке мозаика имен, денотаты которой часто перекрещиваются, налагаются друг на друга, отражает, фиксирует различные по времени и по природе имена».²² Дискуссии более позднего времени вряд ли изменили положение вещей. Их обзоры приводятся в работах Г.П.Мягкова,²³ С.П.Бычкова и В.П.Корзун,²⁴ С.И.Михальченко,²⁵ С.Н.Погодина²⁶ и других авторов. На сегодняшний день мы вынуждены констатировать крайнюю расплывчатость категории исторической школы вообще, петербургской в частности. Например, С.И.Михальченко путь из тумана расплывчатых определений видит в выработке «иерархии критериев» в изучении феномена школы. Эта иерархия, по мнению С.И.Михальченко, может быть следующей: 1) «педагогическое общение как следствие отношений основателя школы и его учеников»; 2) «методы и принципы обработки источников»; 3) «методологическая (теоретическая, философская) общность»; 4) «близость в конкретно-исторических построениях и тематике исследований».²⁷ В целом путь, предложенный С.И.Михальченко, кажется перспективным при изучении «образовательных» школ. Однако очень часто научная школа понимается не в образовательном смысле, а как направление в науке, и здесь иерархия критериев может быть иной. Не случайно, что целый ряд авторов, анализирующих базовые вопросы развития отечественной исторической науки конца XIX — начала XX вв., до сих пор по существу предпочитают избегать обсуждения самой проблематики «петербургской школы».²⁸ По-видимому, отмеченные методологические трудности обусловлены как множественностью подходов к понятию «научная школа» в науковедении, так и недостаточной легитимностью истории как научной дисциплины. Можно только согласиться с мнением А.Н.Шаханова о том, что «понятие гуманитарной научной школы вследствие индивидуалистического характера исследовательского труда в этой области человеческих знаний сложно и многозначно, поэтому едва ли возможно дать ей четкое и всеохватывающее определение».²⁹

Сборник «Школы в науке» (1977),³⁰ который является своеобразным итогом дискуссии в отечественном науковедении 1960-х — 1970-х гг., показал множественность подходов к определению «научная школа». Обоснованным выглядит мнение одного из участников сборника, отметившего, что можно сформулировать понятие о научной школе как эмпирическом обобщении, но единые теоретические критерии для определения этого понятия найти сложно.³¹ Один из авторов сборника В.Б.Гасилов приводит порядка 30 определений понятия «школа», существующих в науковедении.³² Как известно, на разработку проблемы научной школы значительное влияние оказали общие модели развития научного знания К.Поппера, И.Лакатоса, Т.Куна и выдвинутые ими концепции «научно-исследовательских программ», «парадигм», «матрицы»,³³ ориентированные на негуманитарные науки. Этим во многом можно объяснить и то обстоятельство, что западное науковедение,³⁴ социология и философия науки, разрабатывающие проблему научных школ, основное внимание уделяли изучению этого понятия на материале истории естественных и точных областей знания.³⁵ Среди гуманитарных дис-

циплин в большей степени разрабатывалось понятие «школа» в лингвистике, психологии, социологии и литературоведении, т.е. в тех областях знания, где определенные «школы» (научно-исследовательские программы) сыграли решающую, институционализирующую роль в оформлении соответствующих научных дисциплин.³⁶ История как наука, которая на протяжении уже двух столетий обладает прочным академическим статусом, в меньшей степени нуждалась в разработке этого понятия, тем более что исторические школы, начиная с Л. фон Ранке и заканчивая «школой Анналов», скорее означали начало нового этапа развития предшествующей традиции. В России долгое время ситуация осложнялась тем, что марксистская философия науки и науковедение предельно жестко уязвляли развитие научно-исследовательских программ в гуманитарных науках с процессом социально-экономической эволюции общества.³⁷ В этих условиях детальная теоретическая разработка понятия научной школы в исторической науке была невозможна.

Особо следует упомянуть о сложностях, связанных с проблемой легитимности исторической науки как таковой. Очевидно, что описание «истории истории» языком современного историка неразрывно связано с его собственным представлением о предмете и задачах этой науки (вероятно, расходящимся с представлением о науке, например, основного героя этой книги — А.С.Лаппо-Данилевского). Для любого историка (не говоря уже об историографе) это тема болезненная, с тех самых пор как история стала претендовать на научность. Например, автор хрестоматийного определения петербургской школы А.Е.Пресняков в 1893 г. писал: «Если у меня дело не налаживается, то это... по причинам чисто научным. Наша наука — вовсе не наука и я мучаюсь над попытками выделить из ее задач то, что хоть сколько-ниб[удь] научно. То, что пишут по исторической методологии — довольно жидко. Эти пункты меня заняли настолько, что я согласился... что я лучше чувствовал бы себя в математике».³⁸ Действительно, широко распространенный тезис об эклектичности исторической методологии, который отчасти и нами разделяется, не дает возможности пройти мимо упоминания проблемы «научности» исторического знания и, как следствие, законности, например, постановки вопроса о «научной школе» в истории.

Постмодернистский вызов в целом поставил под сомнение все прежние представления о статусе гуманитарного научного знания (впрочем, не только гуманитарного).³⁹ Под особый удар вновь попала история, которая, согласно логике постмодернизма, оказывается не более чем «нарративом». Г.Зиммель, Э.Дюркгейм, О.Шпенглер, Б.Кроче, М.Хайдеггер, Р.Коллингвуд, М.Фуко, Х.Уайт и десятки других менее значительных авторов помимо своей воли создали цитатник интеллектуальных конструктов, который дамочным мечом нависает над современной историографией. Однако непродуктивной и даже забавной представляется позиция как тех коллег, которые сегодня ужасаются постмодернистскому вызову, так и тех, кто почти откровенно предлагает капитулировать перед ним. Примечательно при этом, что итогом интеллектуальных спекуляций XX века становится постоянное возвращение по существу к основной проблеме

исторической науки: построение исторического целого (макросхем) посредством микроанализа, т.е. от индивидуального к общему.⁴⁰ Таким образом, сциентистская ориентация истории очевидна в той же мере, как и недостижимость такого идеала для историков. Профессионал, претендующий на занятия историей в рамках научной корпорации, принужден а priori считать ее наукой независимо от своих собственных интеллектуальных спекуляций и, следовательно, соблюдать определенные правила, принятые в любом научном сообществе, и требования, предъявляемые к научному мышлению. Как кажется, историкам следует развести дискуссии о границах предмета истории и характере ее теории и собственно о ее легитимности как науки.

Таким образом, вопрос об инструментах, которые историк исторической науки может считать пригодными для исследования феномена «школы», непростой. Возможно, продуктивными являются попытки анализировать конкретные сюжеты истории научных школ не с позиций конкретных социологических конструктов, а используя глобальные модели философии науки (в том числе разработанные К.Поппером,⁴¹ Т.Куном,⁴² П.Фейерабендом⁴³ и др.). Мы сможем не только описать результаты исследования с помощью общих категорий, предложенных философами науки («научная революция», «фальсифицируемость теории», «экстернализм», «интернализм» и т.п.), но и использовать их как инструмент, обеспечивающий единство интриги исследования. Важно и то, что, поскольку эти конструкты с очевидностью применимы к истории как области знания, то мы с полным основанием имеем право принять историю если не как науку, то как модель науки и с соответствующей серьезностью относиться к этому виду интеллектуальной деятельности. Что же касается терминологии, связанной с обозначением конкретно-исторических явлений через социологические категории, то, как кажется, использовать ее в историческом исследовании необходимо с осторожностью.

Здесь нельзя также не упомянуть об исторической антропологии, призванной, по определению одного из сторонников этого направления, «обратиться к изучению повседневности, жизненной практики в различных ее формах, дополнить историю учреждений, законоположений и больших социальных групп “человеческим измерением”».⁴⁴ Казалось бы, в этой связи, что центральной для понимания проблематики научной школы может стать разработка проблем исторической антропологии науки. Считается, что историческая антропология занялась рассмотрением этой сферы с начала 1980-х гг.⁴⁵ По мнению Д.А.Александрова, впервые обратившегося с позиций этого исследовательского подхода к российскому материалу, задача историко-антропологического направления — «изучать науку как быт людей, именующих себя учеными».⁴⁶ В то же время можно спорить о том, в какой степени согласованы различные элементы методологии этого направления (восходящие даже в своей терминологии к различным социологическим и философским парадигмам), хотя его проблематика является захватывающе интересной: история отношений власти и подчинения в науке, ритуалов, научных кружков, «патронажа науки», «повседневности научного учреждения», «научных практик»,

«жизненных миров» ученых.⁴⁷ Не отрицая несомненной перспективности исследования данной тематики, можно заметить, что перечисленное по преимуществу касается *форм* организации научного познания и общения ученых между собой и с обществом, в связи с этим пока не ясно, в какой степени эти социологические конструкты применимы для характеристики конкретно-исторического содержания развития науки. Противопоставляя историческую антропологию социологии науки, Д.А.Александров отмечает, что последняя, «осудив объективизм науки, сохранила его для себя в полной мере», и «социолог, объясняющий конструирование знания учеными, как бы повторяет ученого, разоблачающего фокусника или спирита». Что же касается исторической антропологии, то она, по его словам, ставит задачу «понимания других культур и других форм жизни» «и тем самым признает право этих форм жизни на существование».⁴⁸ Однако очевидно, что подобное впечатление создается зачастую лишь внешне, за счет методологического эклектизма, в условиях отказа исследователя от системного анализа, а потому и может быть обманчивым. В то же время отказаться от антропологического подхода в изучении истории научных школ вряд ли возможно, поскольку только исследование «субъективного фактора» часто позволяет выявить те скрытые пружины внутринаучных взаимоотношений, которые подвигали ученых на конструирование собственных исследовательских парадигм и научно-исследовательских программ. Поэтому личность ученого, его мировоззрение, круг общения, внутренний мир, характер — неотъемлемые компоненты объекта исследования.

В условиях отсутствия общепризнанных критериев оценки «школы» в исторической науке особое значение для понимания феномена петербургской школы приобретают те объяснения и определения ее характера, которые присутствуют в современной историографии. Иначе говоря, при постановке нашей темы нельзя уклониться от попытки ответить на вопрос, что думают историки о петербургской исторической школе и почему они так думают?

С точки зрения изучения проблемы петербургской школы можно указать на работы А.Н.Цамутали, С.В.Чиркова, Б.В.Ананьича, В.М.Панеяха, С.О.Шмидта, В.С.Брачева, М.Б.Свердлова, Б.С.Кагановича, С.Н.Погодина, О.М.Медушевской, В.П.Корзун и других авторов.⁴⁹ На первом этапе исследователи, как правило, ограничивались общими указаниями на существование школы, не давая подробного анализа этого явления. Только с конца 1990-х гг. появляются попытки комплексного осмысления понятия «петербургская школа». Уже сегодня можно указать на ряд основных позиций по отношению к петербургской школе.

Среди историографических источников в современной историографической литературе ведущее значение придается суждениям, высказанным в первой половине прошлого века (прежде всего П.Н.Милуковым,⁵⁰ А.Е.Пресняковым⁵¹ и С.Н.Валком⁵²).

А.Е.Пресняков вводит термин «петроградская историческая школа» в определенном историографическом контексте, связанном с анализом научной литературы по истории России XIII–XV вв. В речи перед защитой

диссертации «Образование Великорусского государства» (1918) А.Е.Пресняков развивает свои историографические наблюдения, помещенные в начале представляемой работы. Эти наблюдения, содержащиеся в предисловии и введении приводят автора к выводу о научной уязвимости традиции историко-юридической школы С.М.Соловьева — В.О.Ключевского. А.Е.Пресняков пришел к выводу, что подбор фактов и интерпретация источников в трудах представителей этой школы вторичны и подчинены теории, социологической схеме. Напротив, А.Е.Пресняков предпринял попытку восстановить, по его словам, «права источника и факта». Однако, если в тексте монографии (диссертации) А.Е.Пресняков ограничивается противопоставлением методологии своих научных штудий предшествующей традиции, то в речи перед защитой он объясняет это противопоставление своей принадлежностью к «петроградской исторической школе»: «<...> пришел я к попытке пересмотра некоторых основных вопросов русской истории в духе воспитавшей меня исторической школы». А.Е.Пресняков отмечает, что ее характерной чертой был «научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции». Таким образом, складывается ситуация, при которой А.Е.Пресняков противопоставляет две исторических школы (московскую — историко-юридическую и петербургскую), заявляя, между тем, о существовании (до него) лишь одной, критикуемой им, историографической традиции (историко-юридической). Такая точка зрения по своей сути парадоксальна: если петербургская школа не дала до А.Е.Преснякова историографической традиции, альтернативной традиции московской школы, то почему методология исследования петербургской исторической школы представляется более научно обоснованной и независимой от историографической традиции? Ответ на этот вопрос содержится в рассуждениях самого А.Е.Преснякова, направленных против «строителей исторических теорий». Различие заключалось прежде всего в направленности исследовательской работы: у московских историков — общие построения при недостаточном внимании к критике источников, у петербургских — сосредоточение внимания на источниках при (и об этом А.Е.Пресняков умалчивает) невнимании к общим построениям. А.Е.Пресняков же выходит за традиционные установки петербургской исторической школы и предлагает схему исторического процесса альтернативную схемам московской исторической школы. «Это тоже схема, — пишет А.Е.Пресняков о своей концепции, — но в ней вижу законное преобладание роли материала».

В своих рассуждениях А.Е.Пресняков отождествляет понятие петербургской исторической школы со школой С.Ф.Платонова. Это положение повторяется и в его книге об А.С.Лаппо-Данилевском. Однако в последнем сочинении историографические позиции А.Е.Преснякова претерпевают значительные изменения. Он решительно отделяет историко-юридическую школу, к которой относит А.С.Лаппо-Данилевского, от московской. Позиции А.С.Лаппо-Данилевского А.Е.Пресняков противопоставляет установкам как московской, так и петербургской исторической школы.

Одновременно, в статье В.И.Невского, начинает формироваться и иная линия, рассматривающая творчество А.С.Лаппо-Данилевского как представителя петербургской исторической школы.⁵³

Другим важным историографическим источником, повлиявшим на формирование понятия «петербургская историческая школа», стали высказывания П.Н.Милокова. Впервые проблему петербургской школы П.Н.Милоков поднял еще в начале 1890-х гг., уже тогда весьма критически охарактеризовав это ученое направление.⁵⁴ Но наибольшее влияние на литературу оказали его суждения относительно петербургской исторической школы, высказанные в четвертой части его воспоминаний («От студента к учителю и к ученому») в главе «Петербург и заграница». Эти воспоминания писались во Франции в конце жизни в 1939–1940 гг. Поэтому неудивительно, что ряд деталей, в том числе и связанных с общением с петербургскими коллегами, представлен подчас неточно, однако для нас важен тот общий образ петербургской исторической школы, который вынес П.Н.Милоков из общения со столичными историками в конце 1880-х – начале 1890-х гг. Следует учитывать и то, что по своему характеру это тот вид исторической рефлексии, который уже приближается к ретроспективным историографическим суждениям, особенно для нас интересным. Они представляют образ исторической школы, которая: 1) основное внимание уделяла источникам; 2) остановилась на изучении древнейшего времени; 3) подверглась к 1890-м гг. сильному влиянию московской исторической школы; 4) продолжала эволюционировать в этом направлении, в чем особенно преуспели представители молодого поколения петербургских историков (среди которых П.Н.Милоков особо выделял С.Ф.Платонова, А.С.Лаппо-Данилевского, А.Е.Преснякова, Н.П.Павлова-Сильванского). Из текста «Воспоминаний» следует, что П.Н.Милоков, по-видимому, имел в виду именно их, когда писал о «молодых сторонниках московского направления».⁵⁵

В учебнике по русской историографии (1941) Н.Л.Рубинштейн использует понятие «московская школа историков» (которая в его изложении с определенными оговорками отождествляется со школой В.О.Ключевского),⁵⁶ однако воздерживается от термина «петербургская школа», подчеркивая, что «историческая работа в Петербургском университете развивалась... под воздействием различных скрещивающихся влияний»,⁵⁷ в числе которых он выделяет влияние «официального направления» (К.Н.Бестужев-Рюмин), «буржуазного экономизма» (В.О.Ключевский), «источниковедческого направления» (В.Г.Васильевский, К.Н.Бестужев-Рюмин, А.А.Шахматов).⁵⁸

В некотором роде все эти противоречивые представления объединены в статье С.Н.Валка. По сути, все основные положения автора представляют определенные методологические основания дореволюционной петербургской исторической науки, важным итогом которой стала деятельность А.Е.Преснякова, давшего определение петербургской научной традиции в противовес московской. С.Н.Валк указывает на это, идя дальше А.Е.Преснякова и замечая: «Все предшествующее наше изложение,

как кажется, должно послужить к некоторому расширению представленной об истоках и началах петербургской исторической школы “научного реализма”, в составе которой В.Г.Васильевский является представителем уже среднего поколения». К следующему поколению С.Н.Валк явно относит как А.Е.Преснякова, так и своего учителя А.С.Лаппо-Данилевского. К сожалению, эта статья – лишь иллюстрация завуалированно высказанной точки зрения о научном значении методологии петербургской исторической школы: общественно-политическая ситуация не давала ученому возможности открыто поставить проблему и провести ее научный анализ.

В статьях, посвященных анализу творчества А.С.Лаппо-Данилевского (1949)⁵⁹ и А.Е.Преснякова (1950),⁶⁰ Л.В.Черепнин подверг резкой критике построения Н.Л.Рубинштейна и С.Н.Валка. Примечательно, что Л.В.Черепнин не подвергал сомнению определение петербургской школы, данное А.Е.Пресняковым, однако утверждал, что «проявление указанных традиций дореволюционной “петербургской исторической школы”... являлось показателем кризиса буржуазной исторической мысли, бессильной дать широкие исторические обобщения подлинно научного характера».⁶¹ Неудивительно, что после подобных оценок, данных лидером советской исторической науки петербургской исторической школе, историографы предпочитали воздерживаться от анализа этой проблемы.

В зарубежной историографии проблема петербургской школы тоже специально не изучалась, хотя этот термин и присутствовал на историографическом фоне. Г.П.Федотов в известной статье «Россия Ключевского» (1932)⁶² подчеркивает связь идей школы В.О.Ключевского с общей тенденцией русской общественной мысли, политическим и радикальным выражением которой был марксизм. Как считает Г.П.Федотов, к школе В.О.Ключевского принадлежат «все московские и петербургские историки последних десятилетий». По словам Г.П.Федотова, «глава петербургской школы Платонов» лишь «усовершенствовал схему Ключевского, продвинулся дальше его – в том же направлении». В то же время автор статьи указывает на особое место А.С.Лаппо-Данилевского по отношению к школе В.О.Ключевского: «В стороне стоял Лаппо-Данилевский, человек огромной культуры, мысливший в терминах философского идеализма, которого обесплодило собственное богатство». «Придавленный критицизмом, – пишет далее об А.С.Лаппо-Данилевском Г.П.Федотов, – он не мог отважиться на историческое построение в большом стиле и воспитал целую школу скрупулезных дипломатистов и архивистов, русскую *École des Chartes*».⁶³ Схожие взгляды на фигуру В.О.Ключевского и значение его школы выражал Г.В.Вернадский, который, хотя и использовал понятие «московская» и «петербургская» школы, но употреблял их в ограниченном «учительско-ученическом» смысле: школа В.О.Ключевского и школа С.Ф.Платонова.⁶⁴

Под воздействием работ русских эмигрантов (в определенной степени и советской историографии) формировалось понимание понятия «петербургская школа» и в новейшей западной историографии. В этом отношении показательна статья Т.Эммонса «Ключевский и его ученики»

(1990). В ней автор подчеркнул, что влияние В.О.Ключевского на «русскую историографию конца XIX — начала XX века было всеобъемлющим», по его словам, «это становится очевидным, если обратиться к работам таких выдающихся представителей “петербургской школы” как С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский», и потому даже призвал отказаться от «терминов» «московская школа» и «школа Ключевского». ⁶⁵

Таким образом, понятие школы в историографии долгое время рассматривалось скорее с точки зрения «истории идей» и проблематики исследований, нежели анализа специфики научной методологии.

А.Н.Цамутали первым в новейшей отечественной исторической литературе поставил проблему петербургской школы и ее отношения к московской исторической школе. В монографии «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (1986) ⁶⁶ в очерках, посвященных С.Ф.Платонову и А.С.Лаппо-Данилевскому, А.Н.Цамутали рисует общую схему развития петербургской школы, опираясь прежде всего на рассуждения А.Е.Преснякова и П.Н.Милюкова. При этом А.Н.Цамутали замечает, что «резко противопоставляя “московскую” и “петербургскую” школы, Милюков прибегал к известному упрощению общей картины, рисовавшей положение дел в русской исторической науке. Впрочем, и в его трактовке московские и петербургские историки не являли собой по отношению друг к другу некую крайнюю противоположность». ⁶⁷ Автор имеет в виду мнение П.Н.Милюкова о том, что С.Ф.Платонов выступал «в роли носителя компромиссных традиций между двумя школами». ⁶⁸ По-видимому, А.Н.Цамутали разделяет эту точку зрения, вслед за П.Н.Милюковым отмечая, что петербургская школа «даже после того как подверглась влиянию московской, сохранила связь с взглядами старшего поколения». ⁶⁹ Вслед за А.Е.Пресняковым А.Н.Цамутали подчеркивает обособленное положение А.С.Лаппо-Данилевского и его школы по отношению «к школе Петербургского университета» во главе с С.Ф.Платоновым, ⁷⁰ показывает критическое отношение А.С.Лаппо-Данилевского к московской исторической школе (В.О.Ключевского). ⁷¹ В то же время автор выдвигает гипотезу о «влиянии А.С.Лаппо-Данилевского» на С.Ф.Платонова в области теории источниковедения, в частности в вопросе о «внутренней критике источника». ⁷²

В целом ряде своих статей, появившихся в печати в 1990-е гг., А.Н.Цамутали развил идеи относительно петербургской школы. В статье «Особенности развития русской историографии в конце XIX — начале XX века» (1993) он обозначил проблематику предстоящих солярных исследований: изучение особенностей московской и петербургской школ; изучение процесса их сближения и взаимовлияния в конце XIX — начале XX вв., изучение связи «дореволюционных школ» с историографией советского периода. ⁷³ В статье «В.О.Ключевский и петербургские историки» (1995) ⁷⁴ автор исследует тему взаимоотношений историков петербургской школы с Ключевским, лидером московской исторической школы. А.Н.Цамутали приходит к выводу, что характер высказываний о творчестве В.О.Ключевского со стороны петербургских историков был различным: «сдержанно-критическим» у К.Н.Бестужева-Рюмина, «почтительным»

у С.Ф.Платонова, «заинтересованно критическим» у А.С.Лаппо-Данилевского и А.Е.Преснякова. Автор отмечает, что идеи и труды В.О.Ключевского «в той или иной форме оказали большое воздействие на петербургских историков». ⁷⁵ В биографическом очерке С.Ф.Платонова, помещенном в первом томе издания документов по «Академическому делу» (в соавторстве с Б.В.Ананьичем и В.М.Панеяхом) особо подчеркивается роль С.Ф.Платонова в создании петербургской исторической школы. ⁷⁶ Эту тему А.Н.Цамутали развивает и в статье «Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов» (1996). ⁷⁷

В статье «Археография и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века» (1989) ⁷⁸ С.В.Чирков детально рассмотрел вопрос о значении школы А.С.Лаппо-Данилевского и основанной им археографической традиции, развивая свои более ранние наблюдения. ⁷⁹ Изучая научную деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в рамках петербургской школы, автор подчеркивал его отличие как от традиции московской школы, так и от направления С.Ф.Платонова. С.В.Чирков вслед за С.Н.Валком противопоставлял строго научное направление А.С.Лаппо-Данилевского «художественному» направлению С.Ф.Платонова и считал, что «у С.Ф.Платонова была по преимуществу учебная школа, а А.С.Лаппо-Данилевский выступил как организатор классической научно-исследовательской школы». ⁸⁰

На постановку проблемы школы в статье Т.Эммонса отреагировал Д.А.Гутнов, который указал, что наиболее частым критерием выделения школы все же являются «методические приемы, объединяющие группу исследователей», и с этой точки зрения рассмотрев теоретические взгляды ряда ученых Московского университета конца XIX — начала XX века (в том числе В.О.Ключевского, П.Г.Виноградова, П.Н.Милюкова, М.М.Богословского и др.), пришел к выводу о «единстве методологической базы» их научных трудов, в основе которой было «рассмотрение истории с концептуальных позиций позитивизма», вера в возможность объективного познания и объяснения прошлого, что определяло «очень внимательное отношение к историческому источнику... его скрупулезный анализ и тщательность сделанных на его основе выводов». ⁸¹

Б.В.Ананьич и В.М.Панеях следуют в своих рассуждениях за А.Н.Цамутали и С.В.Чирковым, однако для их работ характерно стремление не только указать на общее направление петербургской школы, но и дать развернутую характеристику ее истории и научного метода. В решении этой задачи Б.В.Ананьич и В.М.Панеях, главным образом, опираются на анализ рассмотренных выше историографических источников ⁸² и подчеркивают, вслед за А.Е.Пресняковым, что основной чертой «петербургской школы» был «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту — вне зависимости от историографической традиции». Наиболее полно точка зрения авторов нашла отражение в их совместной статье «О петербургской исторической школе и ее судьбе» (2000). ⁸³ Авторы фактически солидаризируются с А.Е.Пресняковым, противопоставляя петербургскую школу московской, которую он, по их словам, отождествлял с «юриди-

ческой» и которая «отличалась большей идеологизированностью и склонностью к систематизации».⁸⁴ Б.В.Ананьич и В.М.Панеях также усматривают сходство между московской школой и школой М.Н.Покровского, подчеркивая, что последний получил образование в Московском университете. Характеризуя школу М.Н.Покровского, авторы отмечают: «В противоположность принципам петербургской исторической школы, она основывалась не на анализе источников и установленных в результате него фактах, а на заранее заданной схеме, доктрине, теоретических построениях. Этим новая историческая школа внешне походила на московскую, но теория, положенная в ее основу, была резко противопоставлена исторической науке дореволюционного периода, а следовательно, обeim старым школам — и петербургской, и московской. На смену гегельянству, позитивизму и неокантианству пришел марксизм в его ленинском толковании, правда, опиравшийся на спекулятивно интерпретированную диалектику Гегеля».⁸⁵ Авторы, по существу, не оставляют московской школе никаких профессиональных черт, кроме обращения к философским системам для осмысления истории. К числу представителей петербургской исторической школы Б.В.Ананьич и В.М.Панеях причисляют В.Г.Васильевского, К.Н.Бестужева-Рюмина, С.Ф.Платонова, А.С.Лаппо-Данилевского, И.М.Гревса, С.Ф.Ольденбурга, Г.В.Форстена, С.В.Рождественского, А.Е.Преснякова, Н.П.Павлова-Сильванского, Б.А.Романова и других историков рубежа веков. Таким образом, в историографическом анализе Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха сочетаются идеи Г.П.Федотова об общественной ангажированности московской школы (в противоположность петербургской) и идеи С.Н.Валка о специфике научного метода петербургской школы. Комплексный подход авторов к проблеме является несомненным достоинством их построений. Некоторая уязвимость концепции Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха видится нам, прежде всего, в ограниченности источниковой базы их построений. Отталкиваясь от одних высказываний А.Е.Преснякова, исследователи порой игнорируют другие. Так, в известной работе, посвященной А.С.Лаппо-Данилевскому (1922), А.Е.Пресняков резко отделяет историко-юридическую школу от московской.⁸⁶ В той же работе А.Е.Пресняков подчеркивает, что А.С.Лаппо-Данилевский был независим как от петербургской исторической школы,⁸⁷ так и от московской (В.О.Ключевского).⁸⁸ Кроме того, А.Е.Пресняков противопоставил позицию представителя московской школы П.Н.Милокова позиции А.С.Лаппо-Данилевского как представителя историко-юридической школы.⁸⁹ Авторы проходят также мимо, например, критики суждений А.Е.Преснякова об исторических школах в российской исторической науке в его речи при защите докторской диссертации со стороны С.В.Рождественского (один из официальных оппонентов, также ученик С.Ф.Платонова), который оспорил утверждение диспутанта о том, что история Северо-Восточной Руси была подчинена в исследованиях его предшественников некой схеме,⁹⁰ ведь, как подчеркивал С.В.Рождественский, «читатель [диссертации А.Е.Преснякова. — *Е.Р.*] не выносит впечатления, что история северо-восточной Руси стала “жертвой” схемы, которая уже около полувека залегает, как магистрал все

развития русской исторической науки. Из тех же замечаний автора не видно, каким бы иным, более нормальным, по его мнению, путем могла пойти наука... В каком беспомощном положении оставалась бы наука без тех схем и теоретических подходов, в котором автор односторонне усматривает источник рокового заблуждения».⁹¹

Проблемы взаимоотношений внутри петербургской исторической школы В.М.Панеях затронул в своей монографии, посвященной жизни и творчеству Б.А.Романова.⁹² Б.А.Романов а priori рассматривается как представитель петербургской исторической школы.⁹³ В.М.Панеях подробно дает характеристику этой школы, основываясь на нескольких историографических источниках (упомянутые высказывания А.Е.Преснякова, П.Н.Милокова и С.Н.Валка).⁹⁴ В книге ярко показана настороженность Б.А.Романова по отношению к «москвичам». В.М.Панеях считает, что и в конце 1940-х гг. именно «петербургская историческая школа оказалась особым объектом разностной критики».⁹⁵ Вообще сущность метода Б.А.Романова как представителя школы определена автором прежде всего как продолжение метода учителя — А.Е.Преснякова.⁹⁶ В.М.Панеях постоянно подчеркивает вслед за своим героем, что задачей Б.А.Романова было «возведение плотины из фактов»,⁹⁷ или «сцепки фактов».⁹⁸ Очевидно, что Б.А.Романов не рассматривал историю как строгую науку и в этом отношении не имел строгих оснований своего «ремесла». В этом, конечно, нельзя не усмотреть фундаментального противоречия, присущего исследователю методу школы С.Ф.Платонова — А.Е.Преснякова, к которой он принадлежал. Оно заключалось в установке на строго рациональную и в этом смысле строго научную систему исследовательского анализа («ремесла историка») при отсутствии ясного представления о тех правилах, по которым должен строиться этот анализ, и, что не менее важно, фактическом отказе от задачи определения конечной цели исторического познания и его места в системе научного знания. Это позволяло «ремеслу» избежать теоретической и философской ангажированности (чисто внешне, разумеется), но не давало твердых оснований для развития исторической науки, под которым, с нашей точки зрения, следует понимать прежде всего развитие ее метода. Не случайно, что в книге, с одной стороны, показано, что «Б.А.Романов пребывал в постоянном поиске новых приемов исследования, которые были ему необходимы для работы с источниками и для воссоздания как далекого, так и недавнего прошлого», но в то же время содержится и наблюдение о том, что «может даже показаться, что... неповторимая профессиональная техника была приобретена сразу, в целом и навсегда». В.М.Панеях показал настороженное отношение Б.А.Романова к школе А.С.Лаппо-Данилевского. Однако, на наш взгляд, оно было связано не столько с тем, что ей было присуще, как полагает В.М.Панеях, «формулирование превентивных и тем более отвлеченных теоретических концепций, связанных с философским осмыслением исторического знания», а с тем, что Б.А.Романов (будучи представителем эмпирического направления петербургской школы) сам не был склонен к формулированию и применению строгой системы методологии истории. Как показано в книге, в своих оценках школы

А.С.Лаппо-Данилевского Б.А.Романов отчасти следовал за своим учителем А.Е.Пресняковым. Из описаний преподавательской практики Б.А.Романова, приведенных автором, видно, что первый следовал за своими учителями (С.Ф.Платоновым, А.Е.Пресняковым, А.С.Лаппо-Данилевским, А.А.Шахматовым),⁹⁹ которые, в свою очередь, тоже продолжали традиции университета.

В отзыве на книгу В.М.Панеяха Б.С.Каганович, отметив, что рецензируемая монография является «важным и ценным исследованием», в то же время высказал ряд критических замечаний, связанных с пониманием автором историографических сюжетов петербургской школы. По мнению рецензента, представление В.М.Панеяха о петербургской школе «грешит некоторым упрощением». Б.С.Каганович не согласен с резким противопоставлением методологии научной работы петербургской школы по отношению к московской. Рецензент замечает: «<...> очевидно, что “беспредпосылочного знания” не существует и что интерпретация источников и фактов в очень значительной мере определяется нашим мировоззрением и ментальными установками». Б.С.Каганович указывает, что «петербургская историческая школа, безусловно, выработала свой стиль работы, заметно отличающийся от московского, но принципы научного исследования и закономерности исторического мышления одни и те же повсюду».¹⁰⁰ В то же время из рецензии не вполне ясно, какие особенности петербургского «стиля работы» выделяет сам Б.С.Каганович.

Широкую дискуссию вызвал доклад В.М.Панеяха и Б.В.Ананьича, посвященный петербургской исторической школе, на Третъих мартовских чтениях, посвященных памяти С.Б.Окуня, сделанный в 1997 г. Выступив на конференции с докладом «Петербургская историческая школа и ее судьба», авторы предложили свою концепцию петербургской школы на суд научной общественности.¹⁰¹ С критическими замечаниями в адрес концепции петербургской школы, озвученной В.М.Панеяхом и Б.В.Ананьичем, выступил Ю.В.Кривошеев. Подчеркнув, что понимание термина «школа», продемонстрированное докладчиками, «имеет право на существование», он выразил мнение о том, что «авторы по сути подменили понятие “научной школы” понятием “развитие исторической науки”». По мнению Ю.В.Кривошеева, «алгоритм творчества историка-профессионала “источник — факт — концепция”, предложенный авторами доклада в качестве основополагающего при определении “петербургской школы” является, безусловно, классическим и даже каноническим для любого историка, но в то же время достаточно идеальным» и «до конца не осуществимым». Работы же крупнейших представителей петербургской школы (С.Ф.Платонова, А.Е.Преснякова, Б.А.Романова) «отнюдь “не идеальны” с точки зрения “канонической работы” с источником и историческим материалом». Дело в том, что, по мнению Ю.В.Кривошеева, процесс работы историка не является однолинейным, «и источник, и почерпнутый из него факт не должны становиться фетишами, но должны являться импульсами к созданию концепции». Сославшись на работы А.С.Лаппо-Данилевского, Ю.В.Кривошеев предложил выделять

«исторические школы» не по методологии работы, а по исторической концепции. Далее Ю.В.Кривошеев отметил: «<...> рассуждая о петербургской школе, надо иметь в виду и конкретные этапы ее развития. Для каждого же этапа нужно говорить о том или ином научном лидере. Учитель — лидер — это направление, школа; в противном случае понятие расплывается. Без наличия Учителя как идейно и научно организующего элемента бессильным становится любой подход к источнику».¹⁰²

Д.Н.Альшиц в своем выступлении подчеркнул, что исторические школы различаются не только по концепциям, но прежде всего по методам работы с источниками. Характеризуя в этой связи петербургскую историческую школу, Д.Н.Альшиц заметил, что, по его мнению, она «отличается своим непоколебимым, не подверженным никаким культурным влияниям методом исследования: источник (доскональное изучение его происхождения, достоверности, взаимоотношения со всеми другими относящимися к теме источниками) — факт — концепция», и с этой точки зрения противостоит многим другим школам, где формулирование эффективной концепции предшествует работе с источниками.¹⁰³ Д.Н.Альшиц выразил мнение, что традиции петербургской школы сохранились и в «мрачные и страшные» 1930-е гг. (особо остановившись на деятельности М.Д.Приселкова) и живы по сей день.¹⁰⁴

В своем выступлении другой участник дискуссии А.Н.Немилов охарактеризовал ленинградскую школу медиевистики (учеников И.М.Гревса и О.А.Добиаш-Рожественской) с точки зрения традиций петербургской школы, назвав в качестве ее отличительной черты «строгий критический подход к источнику», подчеркнув, что традиции «классической методологии» А.С.Лаппо-Данилевского вполне могли сочетаться с «приобщением к марксизму».¹⁰⁵

Б.Б.Дубенцов в своем выступлении, вслед за Д.Н.Альшицем, высказал мнение, что петербургская школа явление «отнюдь не географическое», но основанное на принципе «источник — факт — концепция». С этой точки зрения, по мнению Б.Б.Дубенцова, встает вопрос, «кого к этой школе можно причислить безусловно, а кого — числить историками петербургскими, но не принадлежащими к петербургской школе». Б.Б.Дубенцов подчеркнул, что, по его мнению, «не нужно проводить жестких граней» между московской и петербургской школами, «поскольку между ними велась постоянная переключка», указав на то, что «Платонов многое заимствует у В.О.Ключевского».¹⁰⁶

Е.А.Ростовцев в своем выступлении подверг анализу историографические источники, лежащие в основе концепции петербургской школы, предложенной в работах Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха (высказывания А.Е.Преснякова и П.Н.Милокова), и пришел к выводу, что «указанные источники рассматривают разные свойства историографических феноменов и не могут быть привлечены в качестве оснований для оценки одного и того же явления — “петербургской исторической школы”. Во всяком случае, такая постановка вопроса невозможна без оговорки об эволюции школы, со специальным исследовательским пояснением в отношении механизма и этапов данного процесса». Е.А.Ростовцев подчерк-

нул, что для выяснения роли петербургской и московской школ в исторической науке недостаточно привлечения рефлексивных историографических источников, необходим специальный анализ конкретно-исторических трудов крупнейших представителей исторической науки Москвы и Петербурга, а также перечислил возможные параметры такого исследования: выявление историографической традиции, философской традиции, политической направленности, «учительско-ученических» взаимоотношений, методологической преемственности (в частности, выявления иерархии исследовательских процедур). К числу черт петербургской исторической школы «условно и предварительно» Е.А.Ростовцев отнес: идиографический характер исторического исследования – от единичного к общему, что, в частности, положило систему источникововедческого анализа в основу исторического построения; элементы антропологического подхода в исследовании; методологическое восприятие философской традиции.¹⁰⁷ В статье «Термин “петербургская историческая школа” в историографических источниках» Е.А.Ростовцев развил высказанные наблюдения, рассмотрев историографические основания появления этого термина, и пришел к выводу, что «термин “петербургская историческая школа”... основывается на некоем противоречивом историографическом представлении».¹⁰⁸ Впоследствии, отталкиваясь от рассуждений С.Н.Валка, Е.А.Ростовцев проанализировал процесс становления методологической традиции петербургской школы, выделил три этапа ее развития, пришел к выводу о формировании в конце 1890-х гг. двух направлений школы: теоретического (А.С.Лаппо-Данилевский) и эмпирического (С.Ф.Платонов).¹⁰⁹

Будучи одним из редакторов сборника, в котором опубликованы материалы дискуссии по проблеме петербургской школы, Т.Н.Жуковская поместила в нем очерк под названием «Некоторые размышления о петербургской исторической школе».¹¹⁰ Целью этого очерка, по словам автора, было «обозначить собственную позицию» по этой проблеме. В начале очерка Т.Н.Жуковская задается коренным вопросом: «<...> что мы можем, а что не можем трактовать как петербургскую историческую школу». Отвечая на этот вопрос, автор, прежде всего, пытается выявить дефиниции самого понятия «школа». Ссылаясь на работу Е.В.Гутновой,¹¹¹ Т.Н.Жуковская отмечает, что критерием для выделения школы являются «общие методологические приемы, объединяющие группу историков вокруг одного ученого». Как пишет Т.Н.Жуковская, «школа предполагает осознанную близость между ее представителями на уровне техники и приемов исследования». В то же время, как подчеркивает автор, «проблема преемственности проблематики от учителя к ученикам вторична по сравнению с “методологическим наследством”».¹¹² Далее Т.Н.Жуковская намечает «те черты, которые отличали университетскую и академическую науку в Петербурге–Петрограде, единую в разнообразии многих школ». Среди них она называет «европеизм, открытость теоретическому и методологическому западному опыту»; «герметичность, ощущение науки как “государства в государстве”»; ощущение себя «в научной традиции», постоянная авторефлексия; междисциплинарность; «научный либерализм,

поощряющий, а не преследующий инакомыслие»; «высокий нравственный критерий научных исследований». Вслед за рядом исследователей, в частности за М.Б.Свердловым, Т.Н.Жуковская высказывает и такое наблюдение: «<...> до 1917 г. перед нами проходят уже четыре поколения петербургской школы “русских историков”, которая, если быть точным, распадается на автономные школы А.С.Лаппо-Данилевского, С.Ф.Платонова, Г.В.Форстена, оформляющуюся к 1920-м гг. школу А.Е.Преснякова».¹¹³ Таким образом, Т.Н.Жуковская, с одной стороны, как бы сомневается в наличии единой петербургской школы, «намечая черты» «петербургской науки», а не единой научной школы, с другой стороны, все же пишет о поколениях некоей общей петербургской школы, однако воздерживается от характеристики ее методологических традиций. В то же время Т.Н.Жуковская задается вопросом: «<...> было ли прервано развитие исторической науки в рамках прежней традиции на рубеже 30-х гг., или же в ходе “восстановления прав” истории и исторического образования во второй половине 30-х гг. эти традиции были реанимированы?» Автор дает отрицательный ответ на этот вопрос. По мнению Т.Н.Жуковской, «уж слишком трансформированное развитие получила вся советская историография в ходе идеологических прививок, “отрицательной” кадровой селекции, отсутствия возможности для создания жизнеспособных научных школ по множеству направлений».¹¹⁴ Безусловно, автор прав в своих оценках, если сопоставлять их с названными им чертами петербургской науки (открытость западному научному опыту, либерализм, особый нравственный климат и т.п.), но ведь речь идет о научной школе, а на этот вопрос, с нашей точки зрения, вообще затруднительно аргументированно ответить, воздерживаясь от характеристики единой методологической традиции петербургской школы 1850-х – 1920-х гг. Таким образом, при всей своей ценности очерк Т.Н.Жуковской ставит больше важных вопросов, чем предлагает ответов. Не внесла ясности в позицию Т.Н.Жуковской и ее статья «Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX–XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции» (2000)¹¹⁵ – в этом обзоре под петербургской школой автор, по-видимому, понимает всех преподавателей и студентов историко-филологического факультета университета независимо от их методологических или историко-философских взглядов.

Из полемических суждений, направленных против концепции петербургской исторической школы, изложенной в трудах Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха, можно упомянуть высказывания С.Н.Кистерева. В статье «Вехи в историографии русского летописеведения» (2003)¹¹⁶ автор замечает, что выражение «петербургская историческая школа» «в суждениях о методологии исторического исследования представляется не более чем техническим термином. Если речь заходит об отражении философских теорий в развитии исторической науки, то следовало бы уточнить, какой из них придерживались те, кого причисляют ныне к “петербургской школе”». Однако, как считает С.Н.Кистерев, «такое уточнение... лишит “петербургскую школу” ореола исключительности в приверженности науч-

ной истине».¹¹⁷ По-видимому, сам автор просто не склонен различать понятия «методологической» и «философской» традиции в историческом исследовании.

Несмотря на ряд недостатков, прежде всего некоторую декларативность в определении парадигмы петербургской школы, работы Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха оказались тем «локомотивом», который ввел проблему петербургской школы (и более широко школы в исторической науке рубежа веков) в центр современных историографических дискуссий. В этом нам видится основная и несомненная заслуга этих исследователей.

С.О.Шмидт с несколько иных позиций рассматривает историографическую ситуацию начала XX в., особо, вслед за А.Н.Цамутали, подчеркивая влияние на С.Ф.Платонова как В.О.Ключевского, так и источниковедческой петербургской школы, однако также указывает на конкуренцию и непростые отношения двух лидеров среди русских историков дореволюционного Петербурга — С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского.¹¹⁸

Б.С.Каганович в своей работе «Е.В.Тарле и петербургская историческая школа» указывает: «Тарле с его нелюбовью к отвлеченным спекуляциям и размашистым концепциям и стремлением восстановить живое прошлое “как оно в действительности было” стал органической частью петербургской исторической школы, хотя он и не всегда пользовался филигранными методами источниковедческого исследования, выработанными в ней».¹¹⁹ Очевидно, что при такой постановке проблемы правомерно было бы ожидать развернутой характеристики научного метода петербургской школы. Однако в книге Кагановича мы ее не находим. Неслучайно, как отметил в своей рецензии на книгу Кагановича С.Н.Погодин, проблема петербургской исторической школы в его книге, по существу, не анализировалась.¹²⁰ По-видимому, здесь дело в том, что само отнесение Е.В.Тарле к числу представителей петербургской школы является спорным.¹²¹

В.С.Брачев в 1990-е гг. многократно обращался к понятию «петербургская историческая школа», прежде всего, исследуя творчество С.Ф.Платонова. Считая С.Ф.Платонова представителем нового поколения петербургской школы, В.С.Брачев подчеркивает, что «возглавляемое им молодое поколение петербургских историков, сохранив унаследованную от К.Н.Бестужева-Рюмина и В.Г.Васильевского приверженность к конкретному изучению исторического материала, сумело вместе с тем избежать крайностей своих учителей».¹²² Впрочем, из изложения В.С.Брачева не вполне ясно, в чем именно эти «крайности» заключались, почему их удалось избежать и что нового внес С.Ф.Платонов в развитие школы. Первоначально В.С.Брачев выделял всего два основания школы С.Ф.Платонова — «идущую еще со времен К.Н.Бестужева-Рюмина и В.Г.Васильевского традицию “научного реализма, сказывающегося прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от разного рода умозрительных схем и построений”» и «лежащем в основе взаимоотношений С.Ф.Платонова со своими учениками глубоко нравственном начале».¹²³ Последнее замечание, вводящее в ис-

торическое построение этическую категорию без каких-либо разъяснений, выглядит загадочно. Правда, в последующих своих работах исследователь разъясняет свое понимание новаторской роли С.Ф.Платонова в петербургской исторической школе. Согласно В.С.Брачеву, при С.Ф.Платонове «ориентация на разыскания источниковедческого плана хотя и была сохранена, но не была безусловной и распространялась, главным образом, на молодых, начинающих ученых, как первое, крайне необходимое предварительное условие возможных обобщений исследовательского характера уже на втором, более зрелом этапе их профессиональной деятельности».¹²⁴ Особо указывает В.С.Брачев на методологическое единство школы С.Ф.Платонова и отмечает «несомненную зависимость» А.Е.Преснякова от «исторических взглядов» С.Ф.Платонова.¹²⁵ В.С.Брачев также подчеркивает, что единство школы С.Ф.Платонова заключалось «не в общности политических взглядов (увы, учитель был аполитичен)».¹²⁶ Странным образом, правда, это утверждение согласуется с представлением В.С.Брачевым С.Ф.Платонова как яркого государственника, патриота, оппонента «либеральной партии» в университете,¹²⁷ хотя, как отметил В.С.Брачев, С.Ф.Платонов «всцело следовал» либеральной историографии «в теоретико-методологическом и концептуальном плане». По-видимому, в этой связи В.С.Брачев использует несколько загадочный термин «либеральный консерватизм» для характеристики мировоззрения ученого.¹²⁸

В работе, посвященной «Академическому делу» 1929–1931 гг. (в ходе которого пострадали многие представители петербургской школы) (второе издание — 1998 г.), В.С.Брачев особо указывает, что «подоплека у “Дела историков” при неизбежных в таких случаях влияниях и случайностях все же историографическая» (а не политическая) и связана прежде всего со злокозненной деятельностью М.Н.Покровского и его школы.¹²⁹ Эти утверждения не помешали автору в своей более поздней работе «“Наша университетская школа русских историков” и ее судьба» (2001) найти еще одну черту петербургской школы — «замалчиваемые обычно нашими исследователями патриотические общественно-политические установки университетской школы русских историков».¹³⁰ В подтверждение этой точки зрения В.С.Брачев вновь обращается к анализу «Академического дела», называя уже в качестве его главной причины — «борьбу на историческом фронте» и не устраивавшие власть государственно-патриотические установки «школы русских историков».¹³¹ Полемизируя с Д.Н.Альшицем, который считает, что «петербургская — ленинградская школа историков» «жива по сей день»,¹³² В.С.Брачев отмечает: «<...> мнение Д.Н.Альшица симптоматично, так как в наше время стало модным говорить о приверженности тех или иных современных ученых традициям петербургской школы: конкретному, непосредственному отношению к источнику и факту.. И это, конечно же хорошо. Жаль только, что главное — живая душа нашей университетской школы русских историков, как убежденных государственников и патриотов России — остается при этом в тени. Хотелось бы надеяться, что позитивные перемены произойдут, в конце концов, и здесь, и наряду с вниманием к источнику и факту в чис-

ле востребуемых сегодня традиций петербургской исторической школы окажется и патриотизм».¹³³ Таким образом, согласно В.С.Брачеву, методологический критерий для определения школы уже недостаточен, необходимо следование определенным политическим принципам.

В работе, посвященной исследованию творчества А.Е.Преснякова (2002), В.С.Брачев вновь подчеркивает «национально-консервативный настрой платоновского кружка» и объясняет этим «выпады» против методологии научной работы С.Ф.Платонова со стороны «либерального» А.Е.Преснякова.¹³⁴ Как видим, из последних работ В.С.Брачева читатель уже не может вынести определенное мнение, что же в петербургской школе являлось, с точки зрения автора, ведущим системообразующим фактором: политическая позиция ее представителей или научная традиция. Не случайно, что В.С.Брачев склонен резко ограничивать «университетскую» петербургскую школу русских историков, от «внеуниверситетских направлений», в частности от школы А.А.Шахматова¹³⁵ и А.С.Лаппо-Данилевского.¹³⁶ Ведь этих двух историков трудно отнести к «консерваторам». При этом автор исходит из априорного представления о том, что петербургская школа – это школа «государственника» С.Ф.Платонова. Вообще в последних работах Брачева патриотический пафос имеет уже такое значение, что он предпринимает атаку на то самое определение петербургской школы, данное в 1918 г., которое в работах середины 1990-х гг. являлось для самого В.С.Брачева основным при характеристике петербургской школы. Историограф, в частности, предлагает вниманию читателя следующее исследовательское наблюдение: «Критическое отношение в отзыве С.В.Рожественского (фактически это был их общий отзыв с С.Ф.Платоновым) к выдвинутому А.Е.Пресняковым тезису о приоритете прав источника и факта в свете попыток некоторых историков представить его в качестве чуть ли не основного признака петербургской исторической школы, принципиально важно. Парадоксально, но факт: ни С.Ф.Платонов, ни его ученики взглядов А.Е.Преснякова в этом вопросе не разделяли».¹³⁷ Для исследователей творчества А.Е.Преснякова и С.Ф.Платонова данное утверждение загадочное, поскольку в рецензии С.Ф.Платонова на диссертацию А.Е.Преснякова¹³⁸ (которая несомненно В.С.Брачеву известна) содержится, напротив, его полная поддержка позиции диссертанта: по его словам, исследование А.Е.Преснякова совершило «эмансипацию от “схем”, более полувека господствующих в нашей историографии».¹³⁹ В то же время, если ведущим признать «патриотический» и «личный» фактор, то из «школы» следует исключить не только А.Е.Преснякова, но и многих других «непатриотичных» учеников С.Ф.Платонова (например Н.П.Павлова-Сильванского и М.А.Полиевктова), и уж конечно «учеников учеников», таких как, например, Б.А.Романов и С.Н.Чернов. С.Н.Валк же (которого, кстати, В.С.Брачев называет своим учителем¹⁴⁰) оказывается бесконечно далек от петербургской школы сразу по двум основаниям: политическим взглядам и ученичеству у А.С.Лаппо-Данилевского. Однако все названные историки фигурируют в изложении В.С.Брачева как видные представители петербургской школы. Автор заявляет о необходимости «абстрагироваться от

бесплодных, по его мнению, споров, связанных с изучением понятия научной школы в исторической науке», и изучать «конкретное научное сообщество историков».¹⁴¹ Однако очевидно, что подход, искусственно политизирующий историческую науку, заводит автора в положение, когда его собственные теоретические построения входят в резкое противоречие с излагаемым им историческим материалом. В то же время следует признать, что с точки зрения решения задачи «исторической реконструкции» работы В.С.Брачева представляют значительную научную ценность: практически в каждой своей работе автор вводит в научный оборот новый обширный архивный материал, что выгодно отличает его труды от большинства работ современных историографов. В этом отношении особо следует отметить уже упомянутую выше монографию «“Наша университетская школа русских историков” и ее судьба». (2001). Фундаментальная источниковая база исследования позволила В.С.Брачеву представить широкую панораму развития исторической науки Петербурга рубежа XIX–XX вв., и хотя целый ряд выводов представляется спорным, эта работа кажется нам наиболее значимым вкладом в изучение проблемы петербургской исторической школы, сделанным в последние десятилетия.

Противоречивые суждения В.С.Брачева о петербургской школе и ее представителях вызвали острую полемику. Его основными оппонентами выступили М.Б.Свердлов¹⁴² и В.М.Панеях.¹⁴³ М.Б.Свердлов выступил со специальной брошюрой «О “петербургской школе историков”, корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева» (1995),¹⁴⁴ направленной на полемику с В.С.Брачевым, критически проанализировавшим на страницах журнала «Отечественная история» предпринятую М.Б.Свердловым публикацию исследования А.Е.Преснякова «Княжое право в Древней Руси» и его «Лекций по русской истории».¹⁴⁵ В этой работе М.Б.Свердлов сделал особый акцент на проблеме «полицентричности» петербургской школы историков, указав, что «наряду с платоновским исследовательским направлением существовали научные кружки Г.В.Форстена – “форстенята” и А.С.Лаппо-Данилевского», подчеркнув в этой связи и значение школы А.А.Шахматова. С позиций «полицентризма» петербургской школы М.Б.Свердлов подходит и к анализу взаимоотношений С.Ф.Платонова и А.Е.Преснякова, отмечая, что «идеи последнего были значительно шире, органично включая в себя достижения других направлений, частично совпадая с традициями С.Ф.Платонова, что вело к созданию новой научной школы – А.Е.Преснякова».¹⁴⁶ В ходе полемики автор ввел в научный оборот новый источниковый материал – переписку А.Е.Преснякова с матерью и женой, – который он использовал, чтобы показать наличие значимых идейных и методологических расхождений между С.Ф.Платоновым и А.Е.Пресняковым. В.С.Брачев, в свою очередь, подготовил ответ М.Б.Свердлову (1996, опубликован в 2002),¹⁴⁷ в котором подчеркнул, что «научная близость историков, их принадлежность к определенной школе или направлению устанавливается не на основе субъективных личных признаний или умолчаний, а путем тщательного сопоставления опубликованных ими научных текстов», уп-

рекнув М.Б.Свердлова в том, что в его работах мы этого сопоставления не находим.¹⁴⁸ Здесь следует, правда, отметить, что такого сопоставления мы не находим и в работах самого В.С.Брачева. Последний также пишет в «Ответе М.Б.Свердлову» о том, что «традиции “школы” не умерли... М.Д.Приселков, С.Н.Валк, А.И.Андреев, Б.А.Романов и другие ее представители оставили после себя учеников. Некоторые из них активно работают в науке и в наши дни».¹⁴⁹ В этой связи остается совершенно непонятен пафос В.С.Брачева во время упомянутой полемики с Д.Н.Альшицем, когда он категорично заявлял: «<...> к сожалению, всему в этом мире приходит конец. Не бывает вечных школ в науке».¹⁵⁰

В.М.Панеях начал полемику в 1998 г. на страницах журнала «Отечественная история», где поместил рецензию на упомянутую книгу В.С.Брачева «Русский историк Сергей Федорович Платонов».¹⁵¹ Рецензент пришел к выводу, что «В.С.Брачев не имеет никакого представления о критике источников как основе исторического и историографического построения», а потому «автор не справился со своей задачей — воссоздать жизненный и творческий путь одного из крупнейших российских ученых, чья деятельность совпала с расцветом петербургской исторической школы, принципами которой он руководствовался, много сделав как исследователь и профессор-наставник для их развития и углубления».¹⁵² В.М.Панеях также упрекал В.С.Брачева в политизированности изложения; по его мнению, «С.Ф.Платонов под пером В.С.Брачева превратился в рупор крайне ретроградных и в этом смысле экзотических возрений самого автора».¹⁵³ В.С.Брачев вступил в ответную полемику с рецензентом на страницах журнала «Клио», где, в свою очередь, обвинил В.М.Панеяха и сочувственно отнесшегося к его рецензии Н.Н.Покровского¹⁵⁴ в политической ангажированности, на что последовала ответная реплика В.М.Панеяха.¹⁵⁵ Впрочем, предметом этой полемики были главным образом методы использования следственных показаний по «Академическому делу», широко задействованных в труде В.С.Брачева. Ничего нового в обсуждение проблемы петербургской школы полемика не внесла.

В книге «Киевская школа в российской историографии» (1996) С.И.Михальченко замечает: «<...> традиционным стало говорить о большей склонности москвичей к обобщениям, концептуальным построениям, а петербуржцев — к источниковедческой стороне изучения истории». Автор считает, что «понятие “московская”, “киевская” школы — фактически, синонимы понятий “школы московского или киевского университетов”, поскольку в конце XIX — начале XX вв. вне университетов в этих городах работало сравнительно немного профессиональных историков, часто это были те же университетские профессора в условиях совместительства». Что касается Петербурга, то вслед за С.В.Чирковым С.И.Михальченко склонен «выделять университетскую школу Платонова и академическую А.С.Лаппо-Данилевского, хотя истоки у них были общие».¹⁵⁶

Крайне осторожный подход к термину «петербургская историческая школа» демонстрирует С.Н.Погодин в монографии «“Русская школа” историков: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский» (1997).¹⁵⁷ Автор перечисляет различные критерии выявления самого понятия исто-

рической школы, не абсолютизируя ни один из имеющихся в науке подходов. С.Н.Погодин излагает имеющиеся в литературе мнения относительно петербургской школы (А.Н.Цамутали, С.Н.Валк, В.М.Панеях, Б.В.Ананьич), но воздерживается от собственной оценки этих суждений. В статье «Научные школы в исторических науках» (1998) автор возвращается к этим размышлениям¹⁵⁸ и приходит к выводу о том, что «этот вопрос [о самом понятии “научная школа”. — Е.Р.] остается открытым и нуждается в дальнейших исследованиях».¹⁵⁹ Ясности в позицию автора не внесли и его работы, посвященные А.С.Лаппо-Данилевскому, в том числе и его совместный с А.В.Малиновым труд «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ» (2001).¹⁶⁰

Э.Д.Фролов в монографии «Русская наука об античности» (1999) рассмотрел процесс становления петербургской школы в области антиковедения. В этом отношении особое внимание автор уделил анализу творчества М.С.Куторги. Характеризуя методологию научной работы М.С.Куторги, Э.Д.Фролов отметил, что, хотя «конечную цель исторического исследования Куторга видел в выяснении общего хода человеческой истории... он считал необходимым для ученого сосредоточиться на исследовании какого-либо одного исторического периода» и «был безусловным сторонником критического метода».¹⁶¹ Автор пришел к выводу, что к «Куторге, как к единому источнику, восходит целый ряд родственных научных течений — не только в науке об античности, но и в медиевистике, в византиноведении, в изучении нового времени».¹⁶² Эти наблюдения дали возможность историографу, вслед за С.Н.Валком, назвать М.С.Куторгу «родоначальником петербургской исторической школы».¹⁶³

В.П.Корзун обращается к анализу понятия «петербургская историческая школа» в своей монографии «Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв.» (2000).¹⁶⁴ В.П.Корзун полагает, что на рубеже веков происходит процесс сближения петербургской и московской исторических школ и складывание так называемой «новой волны историков» (понятие приводится со ссылкой на В.А.Муравьева).¹⁶⁵ В то же время, вслед за С.В.Чирковым, В.П.Корзун подчеркивает существование двух различных направлений в рамках петербургской школы (А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова), хотя точка зрения последнего о том, что оба эти направления объединяло «противостояние московской исторической школе», представляется ей спорной.¹⁶⁶ Исследовательница указывает на стремление нового поколения московских и петербургских историков «к преодолению заданной традицией демаркационной линии между школами», анализируя в этой связи отношения, складывавшиеся между С.Ф.Платоновым и П.Н.Милюковым в конце 1880-х — 1890-е гг.¹⁶⁷ В.П.Корзун отмечает, что исследование Е.А.Ростовцева, посвященное взаимоотношениям С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского, позволило ей «сделать следующий шаг» — применить к данному сюжету «парадигму интеллектуальной истории». Отправными в этом анализе стали, по словам автора, два тезиса. Первый (приводится со ссылкой на М.П.Мохначеву) заключается в следующем: «“Согласно теории межличностных коммуникаций в науке такой тип науковтворческой деятельнос-

ти [сообщество открытого типа как самоорганизация научного знания. — *Е.Р.*] строится по принципу рассредоточенной сети с довольно низкой степенью связанности, на фоне которой выделяются отдельные локальные уплотнения — отдельные более сплоченные группировки исследователей”. Подобный тип научных объединений “характерен для периода проблемной ситуации в научной дисциплине. Он перерождается в сильно сплоченное образование, характерное уже периоду разрешения проблемы”». Второй тезис, на который опирается В.П.Корзун, «связан с особенностями внутреннего мира ученого и необходимостью фиксации внутренних привычек (*habitus*), которые “встраиваются в человека в процессе социализации”, или, согласно другой версии, выбираются конкретным человеком».¹⁶⁸ Заявленный автором глубокий теоретический подход дал возможность прийти и к новым содержательным выводам. В.П.Корзун вслед за Е.А.Ростовцевым полагает, что причины охлаждения отношений между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым в 1890-е гг. в различии научно-теоретических взглядов двух ученых. В то же время она замечает: «Данная ситуация отражает, на наш взгляд, и более значительный процесс существенного изменения картины развития самих научных школ рубежа XIX—XX веков. Внутри них наблюдается выделение различных предметных полей исследования (напомним, что само противопоставление объекта предмету в теоретическом плане формулируется в начале XX века). Научные исследования становятся предметно не совпадающими. Обратившись к петербургской школе, можно заметить, что присущий ей принцип научного реализма А.С.Лаппо-Данилевский применяет к анализу базовых оснований исторического исследования, С.Ф.Платонов — к научной документированности при исследовании конкретного исторического процесса». Вслед за С.В.Чирковым В.П.Корзун отмечает различие между функциональной (учебной) школой С.Ф.Платонова и нефункциональной (академической) школой А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁶⁹ Среди новых выводов, к которым пришла В.П.Корзун, стало выделение ею наряду с эмпирическим и «социологического» направления петербургской школы, которое, по ее словам, представлял Н.И.Кареев.¹⁷⁰ Впрочем, из изложения автора не вполне ясно, каким образом социологическое направление Кареева связано с петербургской школой «научного реализма».

Отдельного упоминания заслуживает учебное пособие «Введение в историографию отечественной истории XX века», подготовленное В.П.Корзун в соавторстве с С.П.Бычковым.¹⁷¹ Без сомнения, уже сам подход авторов, связанный с размещением материала по истории науки по научным направлениям и школам, выгодно отличает этот учебник от историографических пособий советского и начала постсоветского времени, когда за основу историографического построения принимался не методологический принцип, а концептуальный, философско-исторический или даже политический.¹⁷² Четвертая глава пособия носит название «Петербургская школа русских историков в конце XIX — начале XX веков»,¹⁷³ определенный интерес представляет и первый параграф третьей главы под названием «Школы в науке. Историографы о московской и

петербургской школах, их взаимоотношениях».¹⁷⁴ В целом здесь повторяются положения рассмотренной выше монографии. Однако есть и новые суждения. Подводя итог полемики о петербургской школе, С.П.Бычков и В.П.Корзун справедливо отмечают: «Практически все современные исследователи признают неоднородность петербургской исторической школы русских историков в начале XX в. Одни говорят о двух направлениях внутри школы, другие делают вывод об изменении ее конфигурации вплоть до разрыва и складывания принципиально иной школы. И в первом и во втором случае речь идет о ярких фигурах С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского и сообществах, возникших вокруг них».¹⁷⁵ Далее авторы называют основную черту петербургской школы: «В качестве существенной черты петербургской школы ее участники и историки называют особое отношение к историческому источнику» и подчеркивают: «<...> однако в понимании особого признака петербургской школы — источника — не было единства». Вслед за Е.А.Ростовцевым (текстуально повторяя положения автореферата его кандидатской диссертации)¹⁷⁶ С.П.Бычков и В.П.Корзун рассматривают систему исторической методологии С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского и приходят к выводу: «<...> за такими разночтениями в понимании источника стояли различные методологические ориентиры: для Платонова — старый добрый позитивизм, для А.С.Лаппо-Данилевского — неокантианство».¹⁷⁷ Объясняя противоречия между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым, авторы замечают: «Современные исследователи (А.Н.Цамутали, Е.А.Ростовцев) связывают обозначенные противоречия с двумя направлениями в исторической науке — эмпирическим и социологическим».¹⁷⁸ По-видимому, к эмпирическому направлению в науке здесь относится С.Ф.Платонов, а к социологическому направлению — А.С.Лаппо-Данилевский с его неокантианством. Не беремся судить о работах А.Н.Цамутали, но в своем автореферате и статьях, посвященных этому вопросу, мной подчеркивалось несколько иное: С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский (который основал, по выражению А.Е.Преснякова, «теоретическую», но не социологическую школу), принадлежали к петербургской исторической школе, которая в целом находилась в оппозиции социологическому (по своему характеру преимущественно позитивистскому и неразрывно связанному с московской школой В.О.Ключевского) направлению исторической науки начала XX в.

Тему петербургской исторической школы затрагивает А.Ю.Дворниченко в своей монографии, посвященной творчеству В.В.Мавродина (2001),¹⁷⁹ который долгие годы являлся деканом исторического факультета ЛГУ и заведующим кафедрой русской истории. Автор отмечает, что время учебы В.В.Мавродина в Ленинградском университете в конце 1920-х гг. совпало с «периодом ухода из университета блестящей дореволюционной “петербургской школы”».¹⁸⁰ В то же время в работе Дворниченко содержится и следующее наблюдение: «Яркая черта творчества Мавродина — пронизанность его историографией. В лучших традициях петербургской исторической школы, основателем которой был К.Н.Бестужев-Рюмин, Мавродин каждому сюжету, которым занимается, дает глу-

бокую историографическую трактовку».¹⁸¹ «Историографичность» научного построения является очевидным достоинством и в определенном смысле родовым признаком школы В.В.Мавродина (и в этом смысле — отчасти и школы Ленинградского университета 1960-х — 1980-х гг.), однако относить эту черту научного метода к более раннему времени — периоду «блестящей петербургской школы» — без достаточных аргументов означает попытку искусственно объединить две различные университетские школы в области русской истории.

В статье Т.И.Сидненко «Петербургская школа историков (либеральное направление)» (2002) осуществлена попытка объединить в рассмотрении проблемы петербургской школы политический, методологический и корпоративный критерии, без какой-либо попытки выстраивания иерархии между ними. Такой подход с неизбежностью привел автора к включению в ряды одной школы всех крупных историков Санкт-Петербурга рубежа веков: А.С.Лаппо-Данилевского, Н.И.Кареева, А.Е.Преснякова, А.А.Корнилова, С.Ф.Платонова, М.М.Ковалевского, И.М.Гревса и др.¹⁸² Очевидно, что изложение с таких позиций носит чисто описательный характер.

Постепенно понятие «петербургская школа» все более прочно входит в научный оборот. В частности, отражением этого процесса следует считать появление целого ряда учебных курсов по отечественной историографии, где проблеме петербургской школы уделяется существенное внимание. Здесь можно отметить, кроме упомянутого учебного пособия С.П.Бычкова и В.П.Корзун, также пособия А.Н.Зашихина¹⁸³ и В.Я.Мауля.¹⁸⁴ В целом, излагая учебный материал, авторы этих пособий следуют концепции петербургской школы, изложенной С.Н.Валком и в новейшее время развитой Б.В.Ананьичем и В.М.Панеяхом. В то же время, например, в пособии по историографии, составленном Н.Г.Георгиевой, термины «московская» и «петербургская» школы историков вообще не упоминаются.¹⁸⁵ В новейшем учебнике по историографии под редакцией М.Ю.Лачаевой изложение строится по биографическому признаку. В заключительной главе, хотя и признается значение «научных школ», подчеркивается «движение этих школ навстречу друг другу».¹⁸⁶

Подводя итог обзору использования понятия «петербургская историческая школа» в научной литературе, можно отметить, что писавшие о ней историографы, по-видимому, руководствовались различной мотивацией. Часть исследователей в определении школы были ведомы социальными и политическими мотивами, другие — стремлением подчеркнуть свою собственную (или определенной корпорации) принадлежность к данной историографической традиции, некоторые рассматривают понятие «петербургская школа» как важный элемент построения общей картины национальной историографии. Последний подход кажется наиболее перспективным, и прежде всего тогда, когда в его основу положено понятие методологии исторического исследования.

Можно предположить, что понятие «петербургская школа» наиболее эффективно используется, когда оно выступает не столько как застывший объект исследования, сколько как один из историографических инструментов, призванных способствовать объяснению тех или иных яв-

лений исторической науки, как конкретных (отдельные историографические факты: работы историков, их взаимоотношения и т.п.), так и более общих (научно-исследовательская программа, научная парадигма, научная революция и т.п.). В этой книге петербургская историческая школа рассматривается как течение в отечественной исторической науке, в основе которого находилась определенная методологическая традиция. Поэтому термин «петербургская школа» используется не только для обозначения той ученой корпорации, в которую входил А.С.Лаппо-Данилевский, но и как инструмент для объяснения «научно-исследовательской программы» ученого, значения его творчества для исторической науки.

Несколько слов о построении этой книги. В первой главе мы попытались показать истоки формирования новой научной парадигмы А.С.Лаппо-Данилевского, его исследовательской программы в контексте как истории петербургской школы, так и по отношению к парадигме школы В.О.Ключевского (московской школы). Для решения этой задачи мы попытались реконструировать не только круг философско-исторических и методологических идей рубежа веков, но и тот «историографический быт», ту профессиональную среду, в которой началась ученая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского. Вторая глава посвящена изложению основных элементов методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского и реализации ее принципов в исследовательской практике, каждодневной работе ученого. Третья глава связана с анализом наследия А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной историографии, попыткой определить роль А.С.Лаппо-Данилевского и его школы в российской науке. В заключении, кроме подведения итогов исследования, мы посчитали необходимым попытаться проанализировать «феномен А.С.Лаппо-Данилевского» по отношению к научной и культурной традиции XX века. Таким образом, через изучение биографии ученого мы старались внести свой вклад в характеристику общего контекста истории гуманитарной науки в России XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; *он же*. Методология истории. СПб. 1913. Вып. II; *он же*. Методология истории // ЖМНП. 1917. № 11-12; *он же*. Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // ИАН. 1918. VI серия. Т. XII, № 5; *он же*. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // Там же. 1919. VI серия. Т. XII, № 6, 7, 9, 11, 13; *он же*. Методология истории. Пг. 1923. Вып. I; *он же*. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908—1909 акад. году. Литография. [СПб., 1909].

² Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

³ Правила издания грамот Коллегии экономики. Пг., 1922.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников. СПб., 1906; *он же*. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 719-764; *он же*. Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге. СПб., 1914 и др.

⁶ Милоков П.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // РМ. 1890. № 9; *он же*. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892; *он же*. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т. I.

- ⁷ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [С]Пб., 1922 и др.
- ⁸ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6.
- ⁹ Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). [С]Пб., 1920.
- ¹⁰ Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн. 6. и др.
- ¹¹ Протоколы заседаний историко-филологического отделения Академии наук за 1898–1923 гг. СПб.—Пг., 1899–1924.
- ¹² Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // ДД. 1921. Кн.2; *он же*. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова.
- ¹³ Гревс И.М. За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12.
- ¹⁴ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7.
- ¹⁵ См.: ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1120; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.286.
- ¹⁶ См. Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1-10. См. также: Письма А.С.Лаппо-Данилевского Е.Д.Лаппо-Данилевской / Подгот. к печати и комм. В.П.Корзун // Мир историка. XX век: Монография. М., 2002. С.390-409.
- ¹⁷ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691-5700.
- ¹⁸ Речь идет о работах Г.Башляра, А.Койре, Т.Куна, К.Поппера, С.Тулмина, П.Фейерабенда, И.Лакатоса, Я.Хинтички и других авторов. См. об этом, например: Черняк В.С. Особенности современных концепций развития науки // В поисках теории развития науки: (Очерки западноевропейских и американских концепций XX века). М., 1982. С.12-50.
- ¹⁹ Ср.: Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С.12.
- ²⁰ Вернадский Г.В. Очерки по истории науки в России // ЗРАГ. N. Y., 1971–1975. Т.5–9; *он же*. Russian Historiography. Belmont, 1978. См. также: Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
- ²¹ Там же. С.256.
- ²² Бельский И.Л. К проблеме наименований школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч.П. С.64-65.
- ²³ Мязгов Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «Русской исторической школы». Казань, 2000. С.7-108.
- ²⁴ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: Учеб. пособие. Омск, 2001. С.77-81.
- ²⁵ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии: (школа западно-русского права). Брянск, 1996. С.3-16. Ср.: Михальченко С.И. Киевская школа: Очерки об историках. Брянск, 1994. С.59-62.
- ²⁶ Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках // Клио (СПб.). 1998. № 2. С.14-26.
- ²⁷ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии. С.12-13.
- ²⁸ См., например: Рамзанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999–2000. Ч.1–II; Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.
- ²⁹ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С.393.
- ³⁰ Школы в науке. М., 1977.
- ³¹ См., например: Лайтко Г. Научная школа – теоретические и практические аспекты // Там же. С.218.
- ³² Гасилов В.Б. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // Там же. С.144-148.
- ³³ См.: Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Там же. С.7-24.
- ³⁴ См., например: Main Trends of Research in Social and Human Sciences. Hague, 1970. Part 1. Vol.1–2.
- ³⁵ Школы в науке.
- ³⁶ См.: Дмитриев А.Н. Проблемы формирования «строгой науки» в гуманитарном знании // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып.1. С.329-349.
- ³⁷ См., например: Коноплев Н.С. Принцип детерминизма как методологическая основа гуманитарных наук. Иркутск, 1986; Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М., 1980.
- ³⁸ См.: А.Е.Пресняков – матери. 31 октября 1893 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1. Л.309 об.
- ³⁹ Barnes B. About Science. Oxford, N. Y., 1985; Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Lnd., 1976. См. об этом, например: Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века: Сб. ст. СПб., 1999; Наука: возможности и границы. М., 2003; Fuller S. Philosophy of Science and its Discontents. Boulder, 1989; Laudan L. Science and Relativism: (Some Key Controversies in the Philosophy of Science). Chicago, 1990.

- ⁴⁰ См. об этом, например: Колосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001. С.46-48; Шломбом Ю., Кром М., Зоккол Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С.7-26.
- ⁴¹ Поттер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
- ⁴² Кун Т. Структура научных революций. М., 1985.
- ⁴³ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- ⁴⁴ Кром М.М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. С.69.
- ⁴⁵ См.: Sciences and Cultures: Anthropological and Historical Studies of Science. Dordrecht, 1981. Ср.: Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // ВИАТ. 1994. № 4. С.4.
- ⁴⁶ Там же. С.5.
- ⁴⁷ См.: Там же. С.5-21. Ср.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- ⁴⁸ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России. С.21.
- ⁴⁹ Ростовцев Е.А. Петербургская историческая школа в исторической литературе (в печати).
- ⁵⁰ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.163.
- ⁵¹ Пресняков А.Е. Образование Великолукского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918; *он же*. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великолукского государства». Пг., 1920. С.6; *он же*. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.16-17, 25, 27-28.
- ⁵² Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С.3-79. См. переиздание: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С.7-106.
- ⁵³ Невский В.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып.1 // Печать и революция. 1923. № 7. С.182.
- ⁵⁴ См.: [Милоков П.Н.]. Рец. на: Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891 // РМ. 1892. № 2. С.64-66 отд. паг. Ср.: Трибунский П.А. П.Н.Милоков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. науч. тр. кафедры древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып.1. С.5-12.
- ⁵⁵ См.: Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.161-163.
- ⁵⁶ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С.497-502.
- ⁵⁷ Там же. С.502.
- ⁵⁸ Там же. С.502-509.
- ⁵⁹ Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С.30-51.
- ⁶⁰ Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е.Преснякова // ИЗ. 1950. Т.33. С.201-231.
- ⁶¹ Там же. С.204-205.
- ⁶² Федотов Г.П. Россия Ключевского // СЗ. 1932. Т.Л. С.340-362. См. переиздание: Федотов Г.П. Россия Ключевского // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т.1. С.329-348.
- ⁶³ Там же. С.346.
- ⁶⁴ Вернадский Г.В. Русская историография. С.256.
- ⁶⁵ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С.53.
- ⁶⁶ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.
- ⁶⁷ Там же. С.80-81.
- ⁶⁸ Там же. С.81.
- ⁶⁹ Там же. С.80.
- ⁷⁰ Там же. С.145.
- ⁷¹ Там же. С.145-150.
- ⁷² Там же. С.99.
- ⁷³ Цамутали А.Н. Особенности развития русской историографии в конце XIX – начале XX века // Историческое познание: традиции и новации: Тезисы Международной теоретической конф., Ижевск, 26-28 октября 1993 г. Ижевск, 1993. Ч.1. С.166-168.
- ⁷⁴ Цамутали А.Н. В.О.Ключевский и петербургские историки // В.О.Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып.1. С.282-289.
- ⁷⁵ Там же. С.288.
- ⁷⁶ Анянич Б.В., Панялх В.М., Цамутали А.Н. Сергей Федорович Платонов. Биографический очерк // Академическое дело 1929–1931 гг. С. LXIII-LXXIV.
- ⁷⁷ Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С.538-552; *он же*. Sergei Fedorovich Platonov (1860–1933) // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State. Armonk–N. Y.–Lnd., 1999. P.311-331.
- ⁷⁸ Чирков С.В. Археология и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // АЕ за 1988 г. М., 1990. С.19-27.
- ⁷⁹ См.: Чирков С.В. [Выступление на совместном заседании Археологической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященном памяти С.Н.Валка] // АЕ за 1976 г. М., 1977. С.309-310.

- ⁸⁰ *Чирков С.В.* Археография и школы... С.23.
- ⁸¹ *Гутнов Д.А.* Об исторической школе Московского университета // ВМУ. 1993. Сер.8. История. № 8. С.40-53.
- ⁸² *Ананьич Б.В.* «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996; *он же.* О воспоминаниях Н.С.Штакельберг // In memotiam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. СПб., 1995. С.78-90; *Панях В.М.* Б.А.Романов об издании судебных актов XV—XVI вв. // Проблемы социально-экономической истории России. Л., 1991. С.19-20; *он же.* «Настоящая жизнь»: Борис Александрович Романов — студент Петербургского университета. 1906—1911 годы // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996; *он же.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С.21-23.
- ⁸³ *Ананьич Б.В., Панях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // ОИ. 2000. № 5. С.105-118. См. также: *Anan'ich B.V., Paneyah V.M.* The St. Petersburg School of History and its Fate // Russian Studies in History. 1998. Vol.36. № 4. P.72-92; *они же.* The St. Petersburg School of History and its Fate // Historiography of Imperial Russia. P.146-162.
- ⁸⁴ *Ананьич Б.В., Панях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе. С.106.
- ⁸⁵ Там же. С.109.
- ⁸⁶ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.65,66.
- ⁸⁷ Там же. С.16-17,25.
- ⁸⁸ Там же. С.27-28.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ *Рождественский С.В.* Речь на: Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII—XV ст. Пг., 1918 // РИЖ. 1918. Кн.5. С.279-290.
- ⁹¹ Там же. С.281. Ср.: *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). СПб., 2002. С.43.
- ⁹² *Панях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов.
- ⁹³ Там же. С.21 и др.
- ⁹⁴ См.: Там же. С.21-23 и др.
- ⁹⁵ Там же. С.266.
- ⁹⁶ Там же. С.80 и др.
- ⁹⁷ Там же. С.103.
- ⁹⁸ Там же. С.362.
- ⁹⁹ Там же. С.59,329-331.
- ¹⁰⁰ *Каганович Б.С.* Речь на: Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000 // ННИ. 2002. № 4. С.210-211.
- ¹⁰¹ См.: [*Жуковская Т.Н., Марголис А.Д.* От составителей] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С.6.
- ¹⁰² *Кривошеев Ю.В.* [Выступление в прениях] // Там же. С.55-58.
- ¹⁰³ *Альшиц Д.Н.* [Выступление в прениях] // Там же. С.58-59
- ¹⁰⁴ Там же. С.60-62.
- ¹⁰⁵ *Немилов А.Н.* [Выступление в прениях] // Там же. С.62-67
- ¹⁰⁶ *Дубенцов Б.Б.* [Выступление в прениях] // Там же. С.67-68.
- ¹⁰⁷ *Ростовцев Е.А.* [Выступление в прениях] // Там же. С.70-75.
- ¹⁰⁸ *Ростовцев Е.А.* Термин «петербургская историческая школа» в историографических источниках // Петербургские чтения 98-99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999. С.417.
- ¹⁰⁹ *Ростовцев Е.А.* Методология истории петербургской исторической школы // Там же. С.412-415.
- ¹¹⁰ *Жуковская Т.Н.* Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня. С.8-14.
- ¹¹¹ См.: *Гутнова Е.В.* Историография средних веков: Учебник для студентов. М., 1985. С.9-10.
- ¹¹² *Жуковская Т.Н.* Некоторые размышления о «петербургской школе». С.9.
- ¹¹³ Там же. С.10-12.
- ¹¹⁴ Там же. С.13.
- ¹¹⁵ См.: *Жуковская Т.Н.* Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX — XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы международной конф. (2—5 февраля 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С.341-349.
- ¹¹⁶ *Кистерев С.Н.* Вехи в историографии русского летописеведения // Очерки феодальной России: Сб. ст. М., 2003. Вып.7. С.5-28.
- ¹¹⁷ Там же. С.20.
- ¹¹⁸ *Шмидт С.О.* Жизнь и творчество историка С.Ф.Платонова в контексте проблемы «Петербург—Москва» // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С.533-537. Ср.: *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов (1860—1933) // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. М.—Иерусалим, 2000. Т.1. Отечественная история. С.100-135.
- ¹¹⁹ *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С.108.

- ¹²⁰ *Погодин С.Н.* Речь на: Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо...(Жизнь и деятельность Е.В.Тарле). Орел, 1994; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995 // ВИ. 1997. № 6. С.169.
- ¹²¹ Ср.: *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.
- ¹²² *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996. С.15.
- ¹²³ Там же. С.16. Ср.: *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1—II; *он же.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С.244; *он же.* Петербургская археографическая комиссия (1834—1929). СПб., 1997. С.80-81; *он же.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). С.77-78 и др.
- ¹²⁴ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.241.
- ¹²⁵ *Брачев В.С.* Речь на: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С.198-201.
- ¹²⁶ *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов: Автореферат... С.16.
- ¹²⁷ См.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.257-260 и др. Ср.: *Панях В.М.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1—II // ОИ. 1998. № 1. С.136-141.
- ¹²⁸ *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.257.
- ¹²⁹ *Брачев В.С.* «Дело историков» 1929—1931 гг. 2-е изд., доп. СПб., 1998. С.115.
- ¹³⁰ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.8-9.
- ¹³¹ Там же. С.10.
- ¹³² Цит по: *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.11. См.: *Альшиц Д.Н.* Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа: Альманах. СПб., 2001. С.81. Ср.: *Альшиц Д.Н.* [Выступление в прениях]. С.62.
- ¹³³ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.11.
- ¹³⁴ *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). С.13,21. Ср.: *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.95.
- ¹³⁵ *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834—1929). С.132.
- ¹³⁶ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.7,69.
- ¹³⁷ *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). С.45; *он же.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.7,69,142,143.
- ¹³⁸ См.: *Платонов С.Ф.* Речь на: Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII — XV ст. Пг., 1918 // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн.8. С.99-100.
- ¹³⁹ Там же. С.100.
- ¹⁴⁰ *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834—1929). С.7.
- ¹⁴¹ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.8.
- ¹⁴² *Брачев В.С.* Речь на: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С.198-201; *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева. СПб., 1995; *Брачев В.С.* А.Е.Пресняков, С.Ф.Платонов и петербургская историческая школа. Ответ М.Б.Свердлову (1996) // *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). С.72-83.
- ¹⁴³ *Панях В.М.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. С.136-141.
- ¹⁴⁴ *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков»...
- ¹⁴⁵ См.: *Брачев В.С.* Речь на: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С.198-201.
- ¹⁴⁶ *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков»... С.22.
- ¹⁴⁷ *Брачев В.С.* А.Е.Пресняков, С.Ф.Платонов и петербургская историческая школа. С.72-83.
- ¹⁴⁸ Там же. С.79-80.
- ¹⁴⁹ Там же. С.83.
- ¹⁵⁰ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.11.
- ¹⁵¹ См.: *Панях В.М.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. С.136-141. В обзрении книги В.С.Брачева на страницах журнала также приняли участие А.Ю.Дворниченко и Н.Н.Покровский (см.: *Дворниченко А.Ю.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1—II // ОИ. 1998. № 1. С.134-136; *Покровский Н.Н.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1—II // Там же. С.142-145).
- ¹⁵² *Панях В.М.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. С.141.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ *Брачев В.С.* Возражения критикам // Клио. 1998. № 3. С.347-348.
- ¹⁵⁵ *Панях В.М.* О полемической заметке В.С.Брачева «Возражения критикам» // Там же. 1999. № 2. С.362-364.
- ¹⁵⁶ *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии. С.4-5.
- ¹⁵⁷ *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков. С.17-49.
- ¹⁵⁸ *Погодин С.Н.* Научные школы в исторических науках. С.14-26.
- ¹⁵⁹ Там же. С.24.
- ¹⁶⁰ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и филолог. СПб., 2001.

- ¹⁶¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С.167.
- ¹⁶² Там же. С.170-171.
- ¹⁶³ Там же. С.171.
- ¹⁶⁴ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург-Омск, 2000.
- ¹⁶⁵ Там же. С.61-62.
- ¹⁶⁶ Там же. С.61.
- ¹⁶⁷ Там же. С.71.
- ¹⁶⁸ Там же. С.85.
- ¹⁶⁹ Там же. С.91-92. Ср.: Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002. С.16-17.
- ¹⁷⁰ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. С.89.
- ¹⁷¹ Бычков С.П., Корзун В.П. Указ. соч.
- ¹⁷² См.: Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993.; *он же*. Русская историография в период империализма. Л., 1962; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции /Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М., 1961; то же. 2-е изд. М., 1971; Русская историография: Учеб. пособие /Под ред. В.Е.Иллерицкого, И.А.Кудрявцева. М., 1960. Вып. III. Русская историография периода империализма; Иллерицкий В.Е. Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников. Чита, 1969; *он же*. Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников. М., 1969; *он же*. Русская историография второй половины XIX в. (Лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института). М., 1957; Рубинштейн Н.Л. Русская историография.
- ¹⁷³ Бычков С.П., Корзун В.П. Указ. соч. С.150-222.
- ¹⁷⁴ Там же. С.77-80.
- ¹⁷⁵ Там же. С.150.
- ¹⁷⁶ Там же. С.154-156. Ср.: Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С.12-14.
- ¹⁷⁷ Бычков С.П., Корзун В.П. Указ. соч. С.156.
- ¹⁷⁸ Там же. С.157.
- ¹⁷⁹ Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.
- ¹⁸⁰ Там же. С.9.
- ¹⁸¹ Там же. С.175.
- ¹⁸² См.: Сидненко Т.И. Петербургская школа историков (либеральное направление) // Клио. 2002. № 4. С.24-27.
- ¹⁸³ Зашихин А.Н. Русская историография от Нестора до наших дней: План-конспект курса «Историография истории Отечества». Архангельск, 1999. С.11.
- ¹⁸⁴ Мауль В.Я. Историография отечественной истории (курс лекций для студентов исторического факультета). Комсомольск-на-Амуре, 1999. С.111-116.
- ¹⁸⁵ Историография отечественной истории: С древнейших времен до середины XX столетия: Учебно-методическое пособие /Сост. Н.Г.Георгиева. М., 1997.
- ¹⁸⁶ Историография истории России до 1917 г.: Учебник для студентов высших учебных заведений /Под ред. М.Ю.Лачаевой. М., 2003. Т.2. С.378.

ГЛАВА I

«СЛИШКОМ САМ ПО СЕБЕ» СКЛАДЫВАНИЕ УЧЕНОГО (А.С.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ РУБЕЖА ВЕКОВ)

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский родился 15 января 1863 г. Его отец был предводителем уездного дворянства; первые годы Александр Сергеевич провел в атмосфере старого помещичьего дома, где получал с самого раннего возраста всестороннее домашнее образование. Полугодовая поездка семьи в Швейцарию также способствовала развитию юного ума. В это время к Александру Сергеевичу приходит то блестящее знание иностранных языков, которое его всегда отличало, и самое главное: юный А.С.Лаппо-Данилевский впервые приобщается к европейской культуре — эту культурную сопричастность он пронес через всю жизнь. В 1882 году А.С.Лаппо-Данилевский закончил с золотой медалью симферопольскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.¹

Среди университетских преподавателей А.С.Лаппо-Данилевского были известнейшие ученые: М.И.Владиславлев, В.Г.Васильевский, К.Н.Бестужев-Рюмин, Н.И.Кареев, Е.Е.Замысловский, О.Ф.Миллер, П.В.Никитин, И.В.Помяловский, Ф.Ф.Соколов, И.Е.Троицкий.

А.С.Лаппо-Данилевский сразу обратил на себя внимание профессоров. Особенно теплые отношения сложились у него с К.Н.Бестужевым-Рюминым, В.Г.Васильевским и О.Ф.Миллером. Его научным руководителем стал профессор Е.Е.Замысловский.

В своей автобиографии ученый указывает, что уже в гимназические годы он «несколько знакомился с философией по труду Льюиса, с системами Конта и Милля, а под влиянием Тэйлора, Спенсера и Грота» «обнаружил склонность к изучению первобытной культуры и античного мира».² В студенческие годы изучение проблем философии и древнейшей истории остается важной частью занятий начинающего ученого. Об этом свидетельствуют темы его студенческих сочинений: «История развития государственных форм правления в важнейших государствах древней Греции» (1882), «Краткий обзор нравственного состояния Римского на-

рода в первые времена империи. Лукреций и содержание его поэмы» (1882), «Разбор II и III-й главы соч. Ф. де Куланджа» (1883).³

В университете А.С.Лаппо-Данилевский обращается к занятиям русской историей, которая стала основной сферой его научной работы. Сам ученый объясняет обращение к русской проблематике «влиянием известных представителей историко-юридической школы — Б.Н.Чичерина, А.Д.Градовского и других».⁴ Среди студенческих работ А.С.Лаппо-Данилевского, посвященных русской истории, следует назвать: «Несколько сведений, сообщенных иностранными писателями о Северо-Западной России и отношении ее к Западу» (1883), «Из старинных сношений России с Западной Европой» (1884), «Дворники Московского государства за XVII столетие» (1885), «Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича» (1885), «Литовские и казацкие воровские шайки в первое десятилетие царя Михаила» (1886), «Разбой и разбойники первой половины XVII столетия в Московском государстве» (1886).⁵ Уже на первые студенческие работы А.С.Лаппо-Данилевского появилось несколько журнальных рецензий.⁶ Нетрудно заметить, что в центре внимания А.С.Лаппо-Данилевского с самого начала присутствуют две основные темы — «изучение московского государственного строя»⁷ и изучение процесса иностранного влияния на русскую культуру в XVI—XVIII вв. Обе темы остаются центральными для него и по окончании университета.

Вообще научные интересы студента А.С.Лаппо-Данилевского были очень обширны. Достаточно сказать, что его перу принадлежит «Очерк по всеобщей истории. Возвышение Австрийского дома» (1882).⁸ Энциклопедическая образованность ученого — это то, что за ним признавали и поклонники и непримиримые оппоненты, такие как известный историк-марксист М.Н.Покровский, объявивший беспощадную войну «историческому идеализму».⁹

Неудивительно, что с таким интеллектуальным багажом А.С.Лаппо-Данилевский быстро занял лидирующее положение в студенческой научной среде. Поступив в университет, А.С.Лаппо-Данилевский сразу же активно включился в деятельность образованного по инициативе А.Ф.Гейдена в 1882 г. студенческого Научно-литературного общества. Общество возглавлялось профессором О.Ф.Миллером. Активными членами Общества становятся студенты С.Ф.Платонов, И.М.Гревс, С.Ф.Ольденбург, В.И.Вернадский, В.Г.Дружинин, Д.И.Шаховской, Н.Д.Чечулин, Е.Ф.Шмурло и другие в будущем знаменитые ученые.¹⁰

На одном из первых заседаний Общества А.С.Лаппо-Данилевский выступил с речью программного характера, посвященной задачам студенческого объединения. На этой речи (конспект которой сохранился в архиве) следует остановиться подробнее, так как в ней были заключены те принципы научной работы и ее организации, которые стали впоследствии своеобразной «визитной карточкой» А.С.Лаппо-Данилевского в научном мире: «Позвольте мне, господа, сказать Вам несколько слов о том общем деле, которое соединяет нас сегодня и, надеюсь, долго будет соединять нас». Общая цель собравшихся, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, — товарищеское единение на научной почве. Смысл этой идеи

разъясняется через этическое долженствование: «Я должен мыслить правильно, а потому и должен стремиться к научному мышлению. Но идея долга, хотя бы и научного долга, крепнет в общественной атмосфере, взаимно усматривая друг в друге так же этически-научное настроение, каждый гораздо сильнее испытывает его». Далее А.С.Лаппо-Данилевский отмечал: «Методически правильная научная мысль, конечно, будет обращаться и к обсуждению самых разнообразных тем; в научном мировоззрении должны будут найти себе место и те из них, которые ближайшим образом касаются студенческой жизни; в широком научном освещении они, конечно, потеряют свой исключительный интерес, но выиграют в понимании». Эти слова показывают, какую значительную культурную и социальную роль студент А.С.Лаппо-Данилевский отводил науке. «Единство общества, — продолжал А.С.Лаппо-Данилевский, — достигается в его деятельности как таковой. Надобно, чтобы эта деятельность обнаруживалась в живой работе. Данная общественная организация, умение ее выработать и служить ей — есть само по себе уже и общественное дело, хотя бы и скромное». Для успеха Общества, согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, необходимо «взаимное доверие членов друг к другу в широком (философском) смысле», «общий культурный фонд, основанный на общности некоторых элементов», «взаимное уважение к индивидуальности каждого из нас... Терпимость. Надо терпеть друг друга». «Мы затеяли общество, но мы должны суметь выработать в нем общие жизненные правила, которые прочно связывали бы его членов, общую традицию, которая установила бы тесную связь между старыми и новыми членами, надо не только выработать начала, но развить их и сохранить от временных и случайных опасностей, как внутренних, так и внешних».¹¹ Эти мысли об общности задач научного познания, об общественной значимости и этической универсальности научного знания будут путеводными для А.С.Лаппо-Данилевского в его научной и общественной деятельности.

В 1885 г. А.С.Лаппо-Данилевский был зачинателем и руководителем (секретарем) «Научного отдела» Общества,¹² а значит координатором его научной деятельности, поскольку, согласно уставу Общества, в обязанности научного отдела лежала вся организация занятий.¹³ В его записях сохранился план его занятий по трем секциям: 1) естественнонаучной, 2) исторических наук, 3) литературы.¹⁴ И.М.Гревс вспоминал, что А.С.Лаппо-Данилевский был основателем специального исторического кружка в недрах общества, в среде которого и начал свои беседы по методологии истории.¹⁵ Члены Научного отдела также ежемесячно по своей специальности обязаны были давать отзывы о новых книгах и сообщать «научные новости». В обязанности Научного отдела входило предварительное рецензирование студенческих рефератов, читаемых в общем собрании Общества, а на секретаре лежала обязанность составления общей программы занятий.¹⁶ По-видимому, именно в это время А.С.Лаппо-Данилевский, впоследствии известный как «присяжный оценщик» сочинений по русской истории, приобрел вкус к рецензионной работе. Деятельность Общества была прервана по политическим мотивам в 1887 г.¹⁷ — одним из активных его членов был Александр Ульянов (являвшийся секретарем его естественной секции)¹⁸.

Наиболее крупным трудом в области древней истории, созданным А.С.Лаппо-Данилевским в студенческие годы, стало обозрение «Скифские древности», которое вскоре было напечатано имп. Русским археологическим обществом в своих «Записках» и вышло отдельным изданием.¹⁹

Среди откликов на «Скифские древности» (1887 г.) наиболее интересны критическая статья Ф.Г.Мищенко и короткая рецензия П.Н.Полевого. Статья профессора Казанского университета Ф.Г.Мищенко содержала резкую критику этого исследования. Ее основная мысль сформулирована Ф.Г.Мищенко в самом начале: «Молодостью — неопытностью автора... следует объяснять, как частные недостатки исследования, так и неудачу, которая по нашему мнению, постигла попытку его разрешить одну из труднейших и сложнейших проблем в начальной истории юга России». Рецензент обвинил А.С.Лаппо-Данилевского в отсутствии добросовестной и последовательной критики материала, его «предварительной и тщательной обработки».²⁰ Методика молодого автора, который хотел рассмотреть предмет исследования одновременно с этнографической, топографической и хронологической точки зрения, применял «косвенный путь» исторической реконструкции, метод построения аналогий,²¹ осталась для критика совершенно неясной. П.Н.Полевой, в целом положительно оценивая труд А.С.Лаппо-Данилевского, упрекал автора с противоположных позиций, критикуя его за «юношеский и совершенно излишний педантизм», выраженный в стремлении «все доказывать» и быть «чересчур точным в исследовании».²²

Таким образом, уже в оценках этой первой крупной работы А.С.Лаппо-Данилевского проявился тот подход, который был характерен для всего последующего критического восприятия творчества ученого в исторической литературе: упреки в «чрезмерной теоретизированности» исследовательских изысканий и, с другой стороны, в «чрезмерной аргументированности» научных построений. Причина этого видится в особом отношении ученого к задачам своей деятельности, к тем целям, которые он перед собой ставил. Можно констатировать, что уже в ранних работах А.С.Лаппо-Данилевский стремился сочетать тщательные источниковедческие изыскания в традициях петербургской школы со смелыми приемами исторического синтеза.

А.С.Лаппо-Данилевский задержал предоставление кандидатской диссертации («Скифские древности»), а потому кандидатская степень ему была присвоена уже по окончании университета решением совета факультета 20 сентября 1886 г. Уже на следующем заседании совета (4 октября) по предложению Е.Е.Замысловского А.С.Лаппо-Данилевский был единогласно избран «оставленным при университете».²³ Темой магистерской диссертации А.С.Лаппо-Данилевского стали русские финансы XVII в., ее название — «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований».

Поступив в магистратуру и выдержав магистерский экзамен (1888),²⁴ А.С.Лаппо-Данилевский входит в корпорацию петербургских историков 1880—1890-х гг. От того, как сложатся его отношения с коллегами, зависело многое в судьбе ученого, выбор стратегии жизненного и научного пути.

Как было показано выше, вопрос о значении петербургской исторической школы для российской гуманитарной науки обсуждается в течение длительного времени. Повторим, что А.Е.Пресняков в 1918 г. дал определение этой школы как «школы восстановления прав исторического источника и факта вне зависимости от историографической традиции».²⁵ С тех пор большинство авторов рассматривало петербургскую школу с точки зрения ее методологической позиции в российской науке. Поэтому вопрос о методологии истории петербургской школы и ее эволюции является ключевым для нашего исследования.

Попытаемся условно и схематично наметить путь развития этой научной школы, что возможно сделать только сопоставлением этой ученой корпорации с московской школой. Первый этап развития петербургской школы (1840—1890-е гг.) связан с именами ученых ее первого и второго поколений. Рассматривая «признаки нарождающейся петербургской исторической школы», С.Н.Валк противопоставлял развитие исторической мысли в Санкт-Петербургском университете, проходившее под влиянием М.С.Куторги, направлению московских профессоров во главе с Т.Н.Грановским. Представители этих двух направлений ставили различные задачи перед исторической наукой, что обусловило и отличия в научно-методологическом аппарате двух формирующихся исторических школ. Общественно-политические взгляды, господствовавшие в среде московской профессуры, определяли «нравственный подход» к истории, ее понимание роли исторической науки как принесение общественной пользы.²⁶ В силу этого московская историческая школа неизбежно встала на путь концептуального осмысления российской и мировой истории. Детальное же изучение исторических фактов и научно-критическая работа с историческими источниками часто вынужденно отступали на второй план. При этом заслуги первого и второго поколений московской исторической школы очевидны и общепризнанны. К ней принадлежали Т.Н.Грановский, С.М.Соловьев, К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин, В.И.Сергеевич, В.О.Ключевский, другие крупнейшие историки. В 1840—1880-е гг. в трудах этих исследователей была разработана государственная теория, которая сыграла центральную роль в развитии отечественной исторической науки. Крупнейшими представителями следующего поколения московской школы были ученики В.О.Ключевского — П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер, М.Н.Покровский, М.М.Богословский, Ю.В.Готье, С.В.Бахрушин и еще целый ряд видных историков конца XIX — начала XX вв. В.О.Ключевский и представители его школы в значительной степени преодолели ограниченность историко-юридического подхода к рассмотрению национальной истории. Обратившись к изучению социально-экономической проблематики и введя в научный оборот большой круг исторических источников, В.О.Ключевский и его ученики придали новое звучание государственной теории. Таким образом, научная деятельность представителей московской исторической школы в области концептуального анализа русской истории оказала определяющее влияние на формирование дискурса отечественной исторической науки второй половины XIX — начала XX вв.

Строгий правительственный контроль над столичным университетом в николаевскую эпоху менее всего способствовал развитию концептуального осмысления исторического процесса в его стенах. Такое положение объективно подталкивало петербургских историков к углубленной разработке другой стороны исторического знания — научно-критической работе с историческими источниками.²⁷ Большую роль в формировании системы источниковедческих приемов исследователей петербургской школы сыграла немецкая историческая школа и присущий ей научно-критический метод. С XVIII в., с эпохи А.-Л.Шлецера, в Российскую Академию наук были перенесены немецкие источниковедческие традиции, которые поддерживались в ней несколькими поколениями ученых (Ф.И.Круг, Е.Е.Кёлер, Х.Д.Френ и др.). Не случайно именно Академия способствовала созданию в 1834 г. Археографической комиссии (на базе Археографической экспедиции П.М.Строева, начатой в 1829 г.), первоочередной задачей которой стало издание источников по русской истории.

Таким образом, в 1840—1860-е гг. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, Академия наук и Археографическая комиссия стали институциональной основой формирования петербургской исторической школы. Среди ученых, которых наряду с М.С.Кутургой можно причислить к ее первым представителям, следует назвать профессора М.М.Стасюлевича, академиков А.А.Куника, И.И.Срезневского, Л.Э.Стефани, Я.И.Бердникова, П.М.Строева, А.Ф.Бычкова и других видных историков середины — второй половины XIX в.

Творчество второго поколения историков петербургской школы приходится на 1860—1890-е гг. В это время научно-критический метод одержал окончательную победу в стенах Санкт-Петербургского университета. Ко второму поколению петербургской школы можно отнести: В.В.Бауэра, Ф.Ф.Соколова, Е.Е.Замысловского и других петербургских профессоров того времени. Несомненными лидерами этого поколения были В.Г.Васильевский и К.Н.Бестужев-Рюмин.²⁸ С.Ф.Платонов, описывая методологию источниковедческой работы В.Г.Васильевского, отмечал: «<...> эта сторона его ученого таланта, можно сказать, сверкала как грань алмаза», он использовал источник «до последней мелочи».²⁹ Одним из первых представителей петербургской исторической школы в области русской истории был К.Н.Бестужев-Рюмин. По словам того же С.Ф.Платонова, он также «считал важнейшей задачей ученого изучение первоисточника и критику его показаний» и способствовал «утверждению этого взгляда среди других историков петербургского университета».³⁰ Таким образом, утвердив научно-критический метод в качестве базового в историческом исследовании, второе поколение петербургской школы так и не пришло к формулированию целостной системы методологии истории.

Именно в этом нам видится основная причина того, что, несмотря на очень корректные и благожелательные личные отношения со старшими коллегами в профессиональном плане, А.С.Лаппо-Данилевский очень

рано дистанцируется от своих профессоров. О руководстве своей работой со стороны Е.Е.Замысловского А.С.Лаппо-Данилевский отзывался, например, следующим образом: «Замысловский продолжает меня мучить и порою доводит до болезненного отупения. А еще предлагает вместе предпринять какую-нибудь работу, напр[имер] в роде Аделунга, который будто бы устарел! Я ему чуть в лицо не расхохотался! Переливать из пустого в порожнее, да еще в такой дикой компании, прошу покорно! а?... Впрочем он человек добрый и по своему хороший, только как говорят французы *il a la vertu rénable* [он добродетелен поневоле. — *E.P.*]».³¹ Характерно высказывание А.С.Лаппо-Данилевского о петербургском научном мире в письме П.Н.Милюкову (декабрь 1889 г.): «Должно быть слепну от нестерпимого блеска бесконечного количества светил, рассеянных на петербургском небе. Правда, что при ближайшем знакомстве с последними многие напоминают пустые оловянные посудины; ну, да что же делать и где же их нет? Одно из этих светил совсем меркнет; ваш друг Замысловский серьезно болен... Жаль все-таки, он хоть и не был, м[ожет] б[ыть], на своем месте, но все же добрым был человеком».³²

Итак, основным пунктом, который разделял А.С.Лаппо-Данилевского с его университетскими коллегами, было его отношение к теории истории. Уже в университетские годы в целом определился широкий теоретический, философский взгляд А.С.Лаппо-Данилевского на задачи истории, которая воспринималась им как неразрывная часть научного познания. Для молодого ученого узкий специальный взгляд на науку был неприемлем. В этой связи уместно привести цитату из письма А.С.Лаппо-Данилевского В.И.Вернадскому (вторая половина 1880-х гг.): «Что же касается до меня, то я конечно сторонник общего образования. Если Моира предопределила мне долгую жизнь, то я и думаю ее разделить на три периода: первый посвящаю специальности; второй кругу знаний, однородных с моею специальностью (наукам общественным); третий — знанию вообще... Этим делением я не рассекаю своей умственной жизни на три бессвязных части, а рассматриваю ее как союз трех рядов знания, которые с статической точки зрения представляю себе в виде трех концентрических кругов, а с динамической — в виде взаимодействия трех обратно-пропорциональных прогрессий».³³ Таким образом, само занятие «историческим ремеслом» имело в его представлении подготовительный характер по отношению к его будущей творческой деятельности. В определенной степени А.С.Лаппо-Данилевский даже тяготился той ремесленной исторической работой, которой не мог дать достаточного философского основания. В этом смысле характерно одно из писем А.С.Лаппо-Данилевского М.А.Дьяконову, написанное в период работы над «Организацией прямого обложения...»: «Что Вам сказать о собственном жалком существе? Находится оно не в особенно веселом расположении, чувствует себя не у дел. Горько видеть, что негде и не к чему приложить свои силы или скорее, что нет возможности приложить их к тому делу, к которому их подготавливал. Я иной раз даже думаю, стоит ли все свои силы окончательно повязать русской историей и оставаться на веки вечные чернорабо-

чим? Нельзя ли взглянуть выше и шире? И сейчас же браню себя и упрекаю в ребяческой заносчивости и невыдержанности. Я за эти последние месяцы совсем себя в кабалу отдал русской истории, а между тем иногда до болезненности чувствую, что моя духовная жизнь не может этим удовлетвориться. Скорее бы кончить эти несносные финансы, да подвинуть хотя бы на пядь мой опыт теории общественной науки. Этот опыт все зреет, да никак не дозреет, а между тем некоторые мои догадки могут быть открыты другими, что уже отчасти и случилось, или вместе со мною канут в вечность». ³⁴ Схожие мысли находим и в другом письме А.С.Лаппо-Данилевского (февраль 1891 г.): «Для меня теоретические вопросы все-таки главная сторона моего существования и я даже в этот тяжелый год продолжаю ими заниматься контрабандой: я чувствую, что именно в такие минуты я живу наилучшей своей духовною жизнью. Я должен иметь или религию, или философию (а не простой кодекс нравственных правил) и без них не могу себе представить своей жизни. Но религию в обыденном, обрядовом смысле я утерял. На смену явилась другая религия под названием философии. Я вовсе не претендую решить те или другие вопросы, но не могу не решать их. В самом процессе такого решения я чувствую некоторое повышение моего духовного уровня и даже иной раз в нем ищу прибежища в тяжкие минуты, и не только ищу, но и нахожу. Реальной т[ак] ск[азать] подкладкой моих рассуждений пока служит теория обществоведения, о которой я, быть может, лет через 10-15 и выпущу то что надумал и записал (план у меня уже отчасти складывается). Но и теперь я заглядываю дальше и шире. А между тем о такого рода вопросах здесь не с кем переговорить; с Бестужевым[-Рюминым] можно и я недавно еще говорил; но он все же старик и мы довольно разных мировоззрений, так что всего ему высказать нет возможности не оскорбивши его внутреннего чувства». ³⁵

Вообще из историков старшего поколения у А.С.Лаппо-Данилевского, по-видимому, наиболее близкие отношения действительно сложились именно с К.Н.Бестужевым-Рюминым, который, хотя и оставил кафедру русской истории в 1884 г. Е.Е.Замысловскому, не порывал связи с университетом. Судя по переписке А.С.Лаппо-Данилевского, с ним одним молодой ученый мог обсуждать вопросы теории истории, делиться своими планами. Следует подчеркнуть, что хотя К.Н.Бестужев-Рюмин живо интересовался вопросами философии истории (ему была близка историософия Н.Я.Данилевского), очевидным было отсутствие у него методологического аппарата, который служил бы связующим звеном между его методическими и историко-теоретическими взглядами. Кажется неслучайным, что К.Н.Бестужев-Рюмин возлагал надежду на разработку теоретических основ исторической науки на представителя следующего поколения школы — А.С.Лаппо-Данилевского. ³⁶

Ко второму этапу эволюции петербургской исторической школы (1890-е — начало 1920-х гг.), т.е. к представителям ее третьего и четвертого поколений, с нашей точки зрения, можно отнести, кроме А.С.Лаппо-Данилевского, Е.Ф.Шмурло, Н.Д.Чечулина, В.Г.Дружинина, Н.П.Лихачева, А.А.Шахматова, С.В.Рождественского, А.Е.Преснякова, Н.П.Павлова-

Сильванского, И.М.Гревса, Б.А.Тураева, М.И.Ростовцева, С.А.Жебелева, Э.Д.Гримма, М.Д.Приселкова и других. В этой связи закономерным кажется вопрос, в какой степени философский подход к историческому знанию А.С.Лаппо-Данилевского нашел понимание и поддержку у этих новых поколений школы?

О том, как складывались отношения А.С.Лаппо-Данилевского с большинством его коллег по историко-филологическому факультету, уже в начале 1890-х гг. свидетельствует одно из его писем М.А.Дьяконову (май 1891 г.): «На нашем факультете из старых профессоров — Ламанский человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела. А из молодых у меня душа ни к одному не лежит, и как подумаешь во что превратился факультет — то и не особенно весело становится». ³⁷ Центральной в этой сфере является проблема взаимоотношений А.С.Лаппо-Данилевского с профессором С.Ф.Платоновым, которая неслучайно давно привлекала внимание историографов. ³⁸ Для уяснения характера отношений историков и основанных ими научных школ попытаемся реконструировать картину научного и личного общения ученых.

По-видимому, А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов познакомились в первой половине 1880-х гг. в студенческом Научно-литературном обществе. С руководителем общества профессором О.Ф.Миллером у обоих молодых ученых сложились хорошие отношения. В январе 1883 г. С.Ф.Платонов писал К.Н.Бестужеву-Рюмину: «Ваши вторники [собрания у К.Н.Бестужева-Рюмина. — *Е.Р.*] до некоторой степени возмещаются мне четвергами Ореста Федоровича [собрания Общества. — *Е.Р.*]». ³⁹ В другом письме тому же адресату он отмечал: «Если не ошибаюсь, то хорошо ко мне относится О.Ф.Миллер, и я люблю этого человека, хотя и чужд его мировоззрению». ⁴⁰ А.С.Лаппо-Данилевский в 1886 г. был среди тех, кто подписал адрес в честь 25-летия научной деятельности О.Ф.Миллера. ⁴¹

В студенческом Обществе довольно скоро сформировались два разных по составу и по характеру отношений между их членами неформальных кружка: Кружок русских историков и Ольденбургский кружок («Приютинское братство»). Особое значение в жизни историко-филологического факультета кружки приобрели в 1887 г., когда официальное Научно-литературное общество было закрыто. Кружок русских историков возник в среде старшего поколения участников Научно-литературного общества. Он вырос из числа студентов, посещавших еще «вторники» К.Н.Бестужева-Рюмина и «среды» Е.Е.Замысловского. ⁴² Ольденбургский кружок более связан с поколением середины 1880-х гг. ⁴³ Если Кружок русских историков по преимуществу занимался научными проблемами, то Ольденбургский кружок был скорее дружеским союзом единомышленников, чем ученым обществом. Хотя оба кружка отчасти возникли как реакция на стремление политизировать Научно-литературное общество оппозиционно настроенными студентами во главе с А.И.Ульяновым, ⁴⁴ их политическая окраска была разная: Кружок русских историков склонялся к умеренному консерватизму, тогда как Ольденбургский

кружок посещали либеральные интеллектуалы. Лидерами Кружка русских историков были С.Ф.Платонов, И.А.Шляпкин и В.Г.Дружинин, а в «Приютинском братстве» главенствовали С.Ф.Ольденбург, Д.И.Шаховской и И.М.Гревс.

Если для С.Ф.Платонова круг «Приютинского братства» всегда оставался чуждым, то А.С.Лаппо-Данилевский, несмотря на то, что, по словам А.Е.Преснякова, «был слишком “сам по себе”, чтобы всецело войти в какую-либо кружковую организацию»,⁴⁵ посещал оба кружка. Об участии А.С.Лаппо-Данилевского в Кружке русских историков, в который входили, помимо лидеров, Н.Д.Чечулин, М.А.Дьяконов, Е.Ф.Шмурло, С.М.Середонин и другие известные петербургские историки,⁴⁶ упоминал сам С.Ф.Платонов. Кружок русских историков, как правило, собирался на квартире В.Г.Дружинина. Но письма А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствуют, что в конце 1880-х гг. он бывал также запросто и на квартире С.Ф.Платонова на правах доброго знакомого.⁴⁷ Н.Н.Платонова (жена историка) отмечала в своем дневнике, что в то время с А.С.Лаппо-Данилевским у них были очень «хорошие отношения».⁴⁸ По-видимому, у участников кружка существовал обычай направлять друг другу шуточные послания в «древнерусском» стиле, которые сохранились в архиве С.Ф.Платонова. Одно из них было составлено А.С.Лаппо-Данилевским в декабре 1887 г. и адресовано С.Ф.Платонову: «Государю моему Сергею Федорову сыну, сирота твой Александрец челом бьет...».⁴⁹ В августе 1889 г. А.С.Лаппо-Данилевский благодарит С.Ф.Платонова за поздравление с собственными именинами, о которых он сам позабыл.⁵⁰ О теплых отношениях между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым в конце 1880-х гг. свидетельствует и переписка С.Ф.Платонова с М.А.Дьяконовым, где А.С.Лаппо-Данилевский фигурирует в качестве одного из ближайших к С.Ф.Платонову лиц.⁵¹ Однако того дружеского сближения до конца жизни, которое произошло у А.С.Лаппо-Данилевского с участниками «Приютинского братства», с кругом С.Ф.Платонова и самим С.Ф.Платоновым не последовало.

С.Ф.Платонов был учеником К.Н.Бестужева-Рюмина, А.С.Лаппо-Данилевский — Е.Е.Замысловского. Направление научных занятий обоих в начале их исследовательской деятельности было связано с научными интересами их руководителей, однако и тот и другой впоследствии отрицали сколько-нибудь значительное влияние учителей на методологию их работы. Однако если А.С.Лаппо-Данилевский вообще не называл никого из своих профессоров в числе ученых, оказавших на него влияние, то, по признанию самого С.Ф.Платонова, наибольшее влияние на него оказал В.Г.Васильевский.⁵² Следует отметить, что, по-видимому, у С.Ф.Платонова сформировались несколько более теплые, чем у А.С.Лаппо-Данилевского, отношения со старшим поколением историков.⁵³ Неслучайно С.Ф.Платонов, в отличие от А.С.Лаппо-Данилевского, органично вписался в научную среду петербургского университета и стал лидером поколения петербургских историков 1880-х гг. Кроме свойств характера, умения наладить диалог и черт научного лидера успеху С.Ф.Платонова способствовало и то, что его научное мировоззрение органично было свя-

зано со старыми петербургскими научными традициями.⁵⁴ Задача систематизации методов исторического исследования, выработанных петербургской школой, была решена С.Ф.Платоновым прагматически, в целях создания прочной основы для исторического построения. Так, С.Ф.Платонов намеренно упрощал понятие «исторический источник», сводя его к «письменному остатку старинь».⁵⁵ Источники подразделялись им на летописные и юридические, а критика источника на внешнюю и внутреннюю. Внешняя критика предусматривала рассмотрение внешней формы источника и отвечала на вопрос о «подделке», понятие которой, естественным образом, противопоставлялось понятию «подлинности». Внутренняя критика включала в себя «критику текста» и «критику факта». Критика факта имела целью установление истинности показания источника. Эта задача решалась путем выявления «угла зрения», с которого данный источник был создан.⁵⁶ Из понимания С.Ф.Платоновым задач «внешней критики» источника и «критики текста» вытекало требование детального археографического описания источника. В своих «Лекциях по русской истории» С.Ф.Платонов допускал «построение общей схемы» того или иного исторического процесса, но только там, где «факты уже собраны и освещены»⁵⁷, и категорически отказывался понимать историю как «науку о законах исторической жизни человеческих обществ».⁵⁸ В представлении лидера петербургской исторической школы «история есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ».⁵⁹ При таком подходе методология исторического построения и синтеза фактически выводилась за пределы теоретической регламентации и оставалась сферой индивидуального творчества исследователя, а методологические задачи эмпирического направления петербургской школы не выходили за пределы методических указаний и выработки правил работы с источником материалом. С этой точки зрения, вполне объяснимо и то, что методика исторического источниковедения С.Ф.Платонова по ряду ключевых положений была близка к системе источниковедения В.О.Ключевского,⁶⁰ хотя для школы последнего и был характерен совершенно отличный от «платоновского» социологический подход к задачам исторического построения.⁶¹

Согласованные действия К.Н.Бестужева-Рюмина, Е.Е.Замысловского и В.Г.Васильевского сыграли особую роль в карьере С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского: благодаря поддержке этих ученых старшего поколения оба они в разное время были оставлены при университете для подготовки к профессорской деятельности, а после защиты магистерских диссертаций получили курсы на кафедре русской истории.

Характер отношений между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым стал меняться с момента организации Исторического общества при Санкт-Петербургском университете.⁶² Оно было задумано в марте 1889 г. группой историков-преподавателей столичных учебных заведений, в которую первоначально входили В.Г.Васильевский, А.Н.Веселовский, Е.Е.Замысловский, Н.И.Кареев, В.И.Ламанский, И.П.Минаев, С.Ф.Пла-

тонов, Ф.Ф.Соколов, Г.В.Форстен и Е.Ф.Шмурло. На этапе формирования к ноябрю 1889 г. к ним присоединилось еще 19 человек, в том числе А.С.Лаппо-Данилевский. Таким образом, группа членов-учредителей Общества состояла из 29 человек.⁶³

Основным автором устава Общества⁶⁴ был Н.И.Кареев, хотя активное участие в его составлении принимали и деятели Кружка русских историков во главе с С.Ф.Платоновым.⁶⁵ Устав содержал довольно расплывчатые положения относительно целей Общества, но очень четко определял его организационную структуру. Цели Общества, согласно уставу, сводились к трем пунктам: исследование всех областей русской и всеобщей истории, разработка вопросов теории истории, разработка вопросов преподавания истории. Устав предусматривал создание сильной административной основы формирующейся организации — избранный комитет должен был приобрести почти неограниченные права внутри Общества,⁶⁶ в том числе комплектоваться фактически за счет кооптации заранее определенных членов, давать предварительные заключения по поводу программ будущих сообщений, т.е., по существу, определять темы для выступлений, заранее рассматривать и выносить суждения (фактически — решения) по всем предложениям, исходящим от членов Общества, контролировать прием в него новых членов, заведовать доходами и публикацией трудов Общества. Поэтому первые заседания, носившие организационный характер, предreshали многое в формулировании основных направлений и определении характера деятельности Общества. В таких условиях особое значение имела судьба первого комитета, избранного собранием членов-учредителей.

Первое собрание и вместе с ним формальное учреждение Общества состоялось 26 ноября 1889 г. Начальное формирование комитета общества носило драматический характер. В.Г.Васильевский, будучи признанным лидером петербургской школы и фигурой, объединявшей представителей как всеобщей, так и русской истории, мог стать единственным реальным конкурентом на выборах председателя Общества его основному организатору Н.И.Карееву. Несмотря на то, что на заседании 26 ноября В.Г.Васильевский отсутствовал, С.Ф.Платонов и другие члены Кружка русских историков выдвинули его кандидатуру и большинством голосов выбрали на пост председателя; тогда же был избран комитет в составе С.А.Бершадского, В.Г.Васильевского, В.Г.Дружинина, Н.И.Кареева, С.Ф.Платонова, Г.В.Форстена и Е.Ф.Шмурло.⁶⁷ И хотя по предложению И.М.Гревса была выражена «благодарность Н.И.Карееву, по инициативе которого возникло Общество и который наиболее хлопотал о его устройстве»,⁶⁸ конфликт этим не был исчерпан. Роль С.Ф.Платонова в этой ситуации выглядела двусмысленно в глазах не только И.М.Гревса, но и А.С.Лаппо-Данилевского. В начале декабря он написал П.Н.Милюкову: «Председателем (чуть ли не по науськиванию почтеннейшего Платонова и К^о) избран Васильевский». ⁶⁹ О дальнейшем развитии конфликта свидетельствует протокол второго (экстренного) общего собрания членов-учредителей,⁷⁰ состоявшегося 6 декабря 1889 г. В.Г.Васильевский заявил, «что в виду встретившихся в Комитете затруднений при распределении обя-

занностей между его членов, он слагает с себя возложенное звание».⁷¹ За председателем в отставку подал весь комитет. После проведения повторных выборов (В.Г.Васильевский был избран без баллотировки) комитет был избран почти в прежнем составе (только вместо В.Г.Дружинина был избран Н.А.Меншуткин), затем В.Г.Васильевский и С.Ф.Платонов отказались от звания членов комитета. Вместо них были избраны В.Г.Дружинин и А.С.Лаппо-Данилевский. Н.И.Кареев же получил председательское место; товарищем председателя был выбран историк государственного права С.А.Бершадский. А.С.Лаппо-Данилевский занял один из ключевых постов секретаря Общества. На третьем заседании (26 декабря 1889 г.) новый председатель выступил с программной речью.⁷² В ней проявились отголоски научных противоречий, которые обнаружились в период первых организационных заседаний Общества. Н.И.Кареев признал, что значительная часть избранных членов Общества, помимо членов-учредителей, «была приглашена им» и что они в большой степени сочувствовали одной «частной цели», а именно «идее о разработке теоретических вопросов исторической науки, так как мне, по роду моих занятий, эта разработка была бы наиболее желательна; кроме того, многие лица с особым сочувствием отнеслись к обсуждению в наших собраниях вопросов, имеющих соприкосновение с преподаванием истории в учебных заведениях».⁷³ Далее Н.И.Кареев остановился на «словах сомнения и недоверия», которые он слышал «от некоторых лиц, присутствующих на сегодняшнем заседании»: «По поводу разработки теоретических вопросов исторической науки как одной из задач Общества говорилось, что едва ли она пойдет успешно и что потому едва ли следовало включать ее в устав как самостоятельную задачу Общества: указывалось именно на то, что серьезно и *ex professo* [со знанием дела. — *E.P.*] теоретическими вопросами истории почти никто не занимается, что занятие ими придется, пожалуй, создавать искусственно, что в результате может от этого получиться только одна потеря времени без всякой пользы для науки».⁷⁴

Можно предположить, что в этих словах отразились научно-мировоззренческие позиции участников, которые в негативном плане могут быть представлены как эмпирическая направленность научных занятий представителей петербургской школы (В.Г.Васильевский, С.Ф.Платонов и его кружок) и социологическая заданность теоретических построений Н.И.Кареева. В этом смысле кандидатура А.С.Лаппо-Данилевского, выдвинутого на один из руководящих постов в обществе, была компромиссной в двух отношениях: еще будучи студентом, А.С.Лаппо-Данилевский обращался к Н.И.Карееву по вопросам теории исторического знания; с другой стороны, в то время он посещал Кружок русских историков и сохранял научную близость с В.Г.Васильевским до конца его жизни. Но кроме личного момента, принимались во внимание и теоретические устремления А.С.Лаппо-Данилевского: свои источниковедческие исследования, связанные с подготовкой магистерской диссертации «Организация прямого обложения...», он сочетал с разработкой теории и методологии истории, что, хотя бы и формально, было близко интересам Н.И.Кареева.⁷⁵

Занятия теорией истории в 1890-х гг. вообще имели и некоторое политическое звучание, поскольку были напрямую связаны с западной теоретико-исторической мыслью. Поэтому с культурной точки зрения эмпирические («источниковедческие») традиции петербургской школы отчасти были связаны с некоторой «аполитичностью», вызванной положением столичного университета.⁷⁶ С конца 1890-х гг. эта традиция петербургской школы начала преодолевать: соответственно политическим предпочтениям новое поколение ее представителей разделяется на консервативный и либеральный политические лагеря, хотя отчетливой границы между этими лагерями и не было. Характерно, что в первом доминировали «эмпирики», во втором преобладали «строители систем». С.Ф.Платонов относился к первому лагерю, А.С.Лаппо-Данилевский — ко второму.

Через два года после защиты диссертации С.Ф.Платоновым (1888), 9 мая 1890 г. состоялся магистерский диспут А.С.Лаппо-Данилевского. «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» распадается на пять глав, введение и заключение. В основу структуры положен формальный принцип последовательного описания финансовых институтов Московского государства.⁷⁷ Прежде всего следует остановиться на общем принципе изложения А.С.Лаппо-Данилевского, который в той или иной степени характерен для большинства его работ, в том числе и для «Организации прямого обложения...». Автор в начале предлагает определенный идеологический стержень — некий концептуальный постулат, вокруг которого группируются факты, раскрывающие его содержание. Хотя большинство положений его исторической схемы отвечало общим установкам юридической школы, очевидно, что такая система изложения была не более чем методологическим приемом, тем каркасом, на котором основывалось историческое построение. Конкретные факты, конструируемые за ними выводы иногда входили в открытое противоречие с первоначально заявленным постулатом. Материал как бы рассматривался по отношению к определенной концепции.

Общая схема этой книги такова: под влиянием внешней угрозы в XVII веке происходит усиление роли государства в жизни общества, что выражается в усилении фискальной системы, рассмотрение которой становится, таким образом, наиважнейшей задачей историка. В соответствии с этой схемой А.С.Лаппо-Данилевский представляет финансовую систему как репартиционную и связывает с этим утверждением свои частные выводы.

Источниковая база построения А.С.Лаппо-Данилевского включала в себя весь опубликованный к тому времени материал нормативного и частно-актового характера, связанный с практикой системы налогообложения русского государства второй половины XVI — XVII веков. Все изложение А.С.Лаппо-Данилевского основывается на анализе конкретных источников, их индивидуального значения.

На основании актового и законодательного материала А.С.Лаппо-Данилевский начинает изучение вопроса о распределении бремени подат-

ной системы между отдельными классами населения, в центре его внимания оказывается финансовое положение представителей конкретных социальных групп по отношению к государству. В результате А.С.Лаппо-Данилевский проводит четкую границу между тяглым и служилым классами, подводя каждую из социальных категорий населения страны под одно из этих сословий.⁷⁸ Таким образом, начальная установка на четкое деление общества в соответствии с его обязанностью перед государством на податное и служилое сословие наполняется конкретным содержанием. Наиболее яркой в первой главе является реконструкция внутреннего мира крестьянской и посадской общины. Через призму податных обязанностей А.С.Лаппо-Данилевский на материалах порядных, данных, поручных, нормативного материала восстанавливает конкретные отношения внутри общины: вопросы выбора общинного самоуправления, приема и изгнания из общины, взаимоотношений и сложной структуры дифференциации крестьян и бобылей, тяглецов и служилого люда, выборов церковного начальства и т.д. Принцип анализа материала, выбранный историком, — юридический, статус конкретного лица рассматривается в контексте его принадлежности к финансово-юридической структуре: северной черносошной общине, южным военным колониетским поселениям (однородческим общинам), центральным селам, разным категориям посада, церковным приходам, монастырским и частновладельческим вотчинам, дворцовым хозяйствам и т.п. В результате А.С.Лаппо-Данилевский создает сложную гамму из тончайших оттенков юридического статуса тяглого человека и взаимоотношений между ними. В заключении, сведя восстановленные таким образом факты в систему, он приходит к общим выводам, рисуя картину развития посадской и сельской общины в пространстве и времени и выделяя ту доминирующую линию этого развития, которая отвечала его государственно-юридической концепции.

С источниковедческой точки зрения примером филигранного анализа и построения являются разделы книги, посвященные технологии налогообложения, в котором А.С.Лаппо-Данилевский выделяет два момента: правительственный расклад и мирскую раскладку. Прежде всего, автор подробно анализирует такие источники, как дозорные, переписные и писцовые книги, с одной стороны, как исторические источники, с другой — как финансовые инструменты податной системы. Главной заслугой А.С.Лаппо-Данилевского была систематизация податных единиц в соответствии с податными объектами и субъектами податного обложения: определение размеров сохи, выти, живущей четверти, подворной подати в соответствии с социальным и юридическим статусом налогооблагаемого населения и видом налога. На основании источниковедческого анализа А.С.Лаппо-Данилевский приходит к системе выводов об эволюции единиц податного измерения, их соотношения между собой и по отношению к объектам налогообложения. Общий исторический вывод не выходит за рамки положения о репартиционной системе, но частные наблюдения, лежащие в его основе, о смене сохи живущей четвертью и затем подворной податью являются оригинальным результатом исследо-

вания. При этом здесь как раз тот случай, когда частные предположения автора противоречат общей линии. В своих предположениях А.С.Лаппо-Данилевский исходит из того, что введение живущей четверти отражало, с одной стороны, процесс усиления репартиционного начала в податной системе, связанного с презрением выгод частных интересов в пользу государства. Но, с другой стороны, на основании анализа источникового материала автор приходит к выводу о связи этих изменений с подъемом благосостояния общины и стремлением правительства восстановить хозяйство после Смуты. Любопытной особенностью книги является то, что она пытается рассмотреть частные стороны системы налогообложения в их эволюции, что усложняет восприятие читателем эволюции всей системы, но в то же время позволяет выделить главные черты в отношении отдельных ее сторон и в итоге представить «идиографическую» фиксацию системы налогообложения в целом для XVII века.

Нельзя не отметить, что, поскольку все изложение А.С.Лаппо-Данилевского построено на анализе отношений между конкретными плательщиками и фискальными органами государства, то проблемы государственного налогообложения преломляются через призму частных проблем, целей, жизненных установок средневекового человека. Подробная юридическо-социальная дифференциация населения выявляет мельчайшие особенности отношения данного индивида к средневековому социуму. Одним из примеров, иллюстрирующих эту методологическую позицию А.С.Лаппо-Данилевского, может служить описание мирской раскладки: показываются отношения человека внутри общины, отношения между рядовыми членами общины и мирским советом, порядок выборов местного самоуправления: старост, целовальников, окладников, судеек, сотских и т.п. Через описание развода и разруба воспроизводится и та моральная атмосфера, которая царила в общине, показывается психология общинного коллектива, направленная против «чужаков» — беломестцев, против разбогатевших и желавших выделиться из общины сотоварищей, рассматривается и семейное положение общинников, зорко отслеживавшееся со стороны «мира», который вмешивался в своих интересах в частную жизнь отдельных семей.

«Организация прямого обложения...» написана в период увлечения А.С.Лаппо-Данилевского позитивистской философией истории. Систему податных обязанностей А.С.Лаппо-Данилевский рассматривает как историческое следствие векового взаимодействия целого ряда сил, размеры и свойства которых определялись местными условиями и специфическими чертами данного национального типа. Причинно-следственную связь А.С.Лаппо-Данилевский также понимает в позитивистском плане, сравнивая эволюцию налоговой системы с развитием клетки. Однако эти общие установки не влияют на методы исторического изучения, используемые в работе: на основании источниковедческого анализа и «индивидуализирующего» исторического построения А.С.Лаппо-Данилевский формулирует частные выводы, которые связывает с юридической концепцией. Такой подход предопределил как сильные, так и уязвимые стороны труда А.С.Лаппо-Данилевского, которые использовали в дальнейшем его критики.

В своей вступительной речи на диспуте А.С.Лаппо-Данилевский главное внимание уделил методологии своего исследования. Он исходил из представления об истории как о науке, которая изучает явления развития, обнаруживаемые во взаимодействии живых индивидуумов. Разумный выбор той или иной группы вопросов для изучения, на взгляд А.С.Лаппо-Данилевского, зависит не столько от отвлеченных рассуждений об истории вообще, сколько от особенностей исторического развития той национальности, которая служит предметом изучения. Так как А.С.Лаппо-Данилевский считал, что временем, наиболее характерным для раскрытия национальных черт, является XVII век, а в XVII веке наибольшую важность имела финансовая система государства, прежде всего система налогообложения, а в системе налогообложения — система прямого обложения, то он и сосредоточил свои усилия на изучении истории этого вопроса, имея в виду высокие цели изучения русского национального типа. Рассматривая в качестве элементов своей работы разные стороны финансовой системы, А.С.Лаппо-Данилевский замечает, что в разное место и время эти явления входят в различные соотношения, что он и пытался показать в своей работе. На основании подобного рода эволюционного рассмотрения А.С.Лаппо-Данилевский пришел к следующим выводам. Первое — ко второй половине XVII века происходит более резкое разграничение тяглого и служилого класса и более четкое определение различия между крестьянским и посадским сословиями. Второе — в мирской раскладке произошли принципиальные изменения: усиление местного самоуправления и ослабление власти воевод. Третье — сословно-территориальный принцип взимания налогов постепенно сменяется целевым. Не трудно заметить, что второй вывод А.С.Лаппо-Данилевского явно выпадал из его общей государственно-юридической доктрины, но зато органично вписывался в конкретную систему отношений, раскрываемую «Организацией прямого обложения...».

Оппонентами А.С.Лаппо-Данилевского стали главные действующие лица недавнего конфликта в Историческом обществе — Н.И.Кареев и С.Ф.Платонов. Предвосхищая ход диспута, С.Ф.Платонов отметил в письме к П.Н.Милюкову: «Карееву очень хотелось этого [участия в диспуте. — Е.Р.], хотя он для приличия и отказывался довольно долго. Лаппо[Данилевский] же будет, напротив, очень недоволен этим и напрасно: Кареева он легко посадит на мель».⁷⁹ Действительно, Н.И.Кареев выдвинул ряд возражений, носящих формальный характер, которые сам А.С.Лаппо-Данилевский охарактеризовал как «мелочи» и «поверхностные придирки», связанные с указанием на «мнимые противоречия» в тексте диссертации.⁸⁰ С.Ф.Платонов же, в целом дав положительную оценку труду А.С.Лаппо-Данилевского, выразил и свое несогласие с теоретизированностью его подхода к историческому знанию. Интерес представляет замечание С.Ф.Платонова о «теоретических странностях» работы А.С.Лаппо-Данилевского, в частности о том, что взгляд А.С.Лаппо-Данилевского — это «взгляд Канта».⁸¹ С.Ф.Платонов отметил чрезмерную приверженность А.С.Лаппо-Данилевского постулатам юридической школы С.М.Соловьева — Б.Н.Чичерина и вызванную этим узость научного взгляда на

русскую историю XVII в. С точки зрения оппонента, А.С.Лаппо-Данилевский уделил недостаточное внимание истории народного хозяйства. В ответном слове А.С.Лаппо-Данилевский заявил, что он и не отрицал значения народного хозяйства, но, на его взгляд, правительственная история (и соответственно система налогообложения) подчиняла себе на этом этапе историю хозяйственного развития.⁸²

В письме к М.А.Дьяконову (критически относившемуся к Н.И.Кареву и приятельски — к С.Ф.Платонову) А.С.Лаппо-Данилевский пишет об оппонентах так: «Кареев меня немножко раздражил; против Платонова я не чувствовал — никакого раздражения, да и против других». Однако из характеристики замечаний второго оппонента, который, по словам А.С.Лаппо-Данилевского, то невольно «защищал [диссертанта] от самого себя» (за что А.С.Лаппо-Данилевский не преминул его поблагодарить), то излагал «простую тавтологию»,⁸³ видно, что А.С.Лаппо-Данилевского «раздразнил» и С.Ф.Платонов. Впрочем, сам С.Ф.Платонов, излагая свои впечатления от диспута в письме П.Н.Милюкову, отметил, что «свое возражение я считаю совершенно неудавшимся», «Лаппо защищался остроумно», хотя и подчеркнул, что «при большем умении справляться с формой можно было бы сократить книгу [диссертацию А.С.Лаппо-Данилевского. — *Е.Р.*] страниц на 200».⁸⁴

Диссертация А.С.Лаппо-Данилевского вышла в свет в виде отдельной монографии. В рецензии на эту книгу С.Ф.Платонов несколько иначе выразил свою оценку работы А.С.Лаппо-Данилевского. Хотя он и признал, что «тема поставлена автором вполне определенно, развита во всех частях в должной мере и насколько позволял материал и требовали теоретические соображения», однако намекнул на вспомогательный характер источниковедческой работы А.С.Лаппо-Данилевского по отношению к общим задачам исторического построения, негативно противопоставив ее в этом отношении методологии Н.Д.Чечулина⁸⁵ — также активного участника Кружка русских историков.

Примечательно, что сам А.С.Лаппо-Данилевский считал Н.Д.Чечулина «человеком буйного нрава и малообразованным»,⁸⁶ о работах которого он отзывался как о «необработанном сырье».⁸⁷ В конце 1890 г. он писал П.Н.Милюкову: «Ваш маэстро [речь идет о В.О.Ключевском. — *Е.Р.*] присудил Уваров[скую] премию Платонову; но рецензия его кажется не все-то удовлетворила. Леонид Ник[олаевич] Майков о ней отзывался с неудовольствием. Странно; ведь он (т.е. Майков) умный человек, а между тем положительный поклонник Платонова и Чечулина».⁸⁸

По всей видимости, именно в это время, в начале 1890-х гг., А.С.Лаппо-Данилевский постепенно стал отдаляться от Кружка русских историков. А.Е.Пресняков замечал, что А.С.Лаппо-Данилевский отошел от участия в Кружке русских историков, многозначительно добавляя, что главным лицом в кружке был С.Ф.Платонов.⁸⁹

Все более настороженным было отношение к А.С.Лаппо-Данилевскому и со стороны С.Ф.Платонова. Н.Н.Платонова писала в дневнике (август 1890 г.): «Вчера Степанов сообщил С[ергею] Ф[едоровичу] некоторые интересные новости... Лаппо-Данилевский получил приглашение

в один из южных университетов и принял его. С[ергей] Ф[едорович] доволен этим, если только это правда: два медведя в одной берлоге не уживутся, да и наши отношения с Лаппо-Д[анилевски]м за последние годы стали какими-то натянутыми».⁹⁰ Вскоре Н.Н.Платонова выяснила, впрочем от самого А.С.Лаппо-Данилевского, который в это время еще к Платоновым заходил, что тот «не приглашен ни в какой университет».⁹¹ Показательно, что С.Ф.Платонов (вопрос о профессорстве которого на кафедре русской истории к тому моменту уже был решен) не присутствовал на вступительной лекции А.С.Лаппо-Данилевского (своего приват-доцента) в университете 18 сентября 1890 г.⁹² Лекция называлась «Какое теоретическое значение имеет историческое изучение социального строя всякого общества и древнерусского общества в частности».⁹³ Двусмысленный отзыв о лекции, составленный с чужих слов, находим в дневнике Н.Н.Платоновой: «<...> лекцию Лаппо-Дан[илевско]го хвалят, но говорят, что она была чисто-философского характера и столько же относилась к русской истории как и ко всякой другой науке».⁹⁴ Как мы видим, критическое отношение к философствованию А.С.Лаппо-Данилевского перешло от мужа жене.

В начале 1890-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский окончательно отходит от Кружка русских историков. В одном из писем П.Н.Милюкову (январь 1891 г.) С.Ф.Платонов замечает: «Лаппо-Д[анилевский] очень занят и наше знакомство существует лишь в воспоминании: кроме ближайших знакомых он нигде не показывается».⁹⁵ Сам А.С.Лаппо-Данилевский в феврале 1891 г. писал в письме М.А.Дьяконову: «Завтра... русские историки обедают у Донона, знаете фешенебельный ресторан. Бог с ним. Я теперь кроме Ольден[бургов] и Бекар[юковых], перестал бывать у кого бы то ни было».⁹⁶ Об отсутствии А.С.Лаппо-Данилевского на этом обеде в кружке в дневнике не без горечи упомянула Н.Н.Платонова: «<...> был обед русских историков у Донона; Лаппо-Данилевский не был, как, он потом говорил Сереже [С.Ф.Платонову. — *Е.Р.*], что отдал в тот день свое пальто в починку портному. Основательная причина!»⁹⁷ Вскоре А.С.Лаппо-Данилевский уже недвусмысленно отзывался о встречах русских историков как о «заседаниях мертворожденных».⁹⁸ О своих же отношениях с лидером кружка А.С.Лаппо-Данилевский писал М.А.Дьяконову в июне 1891 г.: «Сегодня Платонов отправился на Волгу один. С ним я как-то расхожусь совсем, мы не враги, но не друзья и даже не товарищи».⁹⁹ Осенью 1891 г. уже С.Ф.Платонов пишет тому же М.А.Дьяконову: «Александр Сергеевич... ведет себя с таким невниманием, что приходится считать отношения прерванными».¹⁰⁰ Для окружающих конкуренция А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова в университете была очевидна. Например, Н.Н.Платонова отмечает в своем дневнике (1891 г.), что И.И.Холодник (профессор римской словесности) «постоянно систематически дразнит Сережу Лаппо-Данилевским, изрекая, например, такие фразы: что ж, что в университете 5 человек читают русск[ую] историю; другое дело, если бы было пять Лаппо-Д[анилевски]х».¹⁰¹

Таким образом, период 1889–1891 гг. можно назвать переломным в отношениях между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым; после магистерского диспута А.С.Лаппо-Данилевского их отношения постепенно становились все более отчужденными.

После защиты диссертации А.С.Лаппо-Данилевский все больше времени уделял занятию теорией истории и испытывал все большее научное одиночество в университетской среде. А.С.Лаппо-Данилевский с горечью писал М.С.Гревс, жене И.М.Гревса, в начале 1891 г.: «В нашем официальном ученом мире об идеалах и философии почти не с кем говорить. К[арева], хотя и занимается теоретическими вопросами, но у него голова не философская. С Бестужевым[-Рюминым] я иногда говорю, но мы ведь разных поколений, значит во многом разных мировоззрений. О некоторых других и говорить нечего. Очень иногда чувствуется недостаток в человеке, с которым можно было бы поговорить о некоторых специальных вопросах по теории обществоведения».¹⁰²

Научно-общественная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского не мыслится без преподавания, которое он вел в основном в университете, но также в Историко-филологическом институте, где был избран профессором, на архивных курсах, в женской гимназии и других учебных заведениях. А.С.Лаппо-Данилевский всегда живо интересовался вопросами преподавания истории. За почти 30 лет преподавательской деятельности А.С.Лаппо-Данилевский вел занятия по очень широкому кругу тем. Главными были курсы «История древнерусского хозяйства», «История сословий в России XVIII века», «История России в XVIII столетии», «История русского общества в XVIII столетии», «Главнейшие направления в русской историографии XVIII–XIX вв.», «Методы изучения источников и явлений русской истории», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Методологии истории», «Дипломатика частных актов Московского периода».¹⁰³ В своей автобиографии А.С.Лаппо-Данилевский отмечает, что из семинаров по этим предметам вышло несколько молодых ученых и преподавателей.¹⁰⁴ В первой половине 1890-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский постепенно отошел от чтения курсов по русской истории и историографии в университете, где утверждаются взгляды С.Ф.Платонова, ставшего заведующим кафедрой русской истории в декабре 1890 г. Можно предположить, что отход А.С.Лаппо-Данилевского от ряда университетских курсов в значительной степени обусловлен научными разногласиями с С.Ф.Платоновым и произошел под его давлением. Уже в 1891 г. А.С.Лаппо-Данилевский перешел от чтения обширного курса «Общественный строй Московского государства до эпохи преобразований» (параллельного общему курсу русской истории, который С.Ф.Платонов взял за читать сам) к чтению курсов по XVIII веку. Правда, еще несколько лет А.С.Лаппо-Данилевский читал общий курс русской истории в Историко-филологическом институте (в котором, кстати, он занял место, освободившееся после ухода С.Ф.Платонова в 1890 г.¹⁰⁵). В октябре 1890 г. А.С.Лаппо-Данилевский писал М.С.Гревс: «Я читаю общий курс по собственному своему плану, в значительной степени отступающему от общепринятого нашими русскими историками и отечественными знаменитостями... Я думаю, у меня в распоряжении несколько лет эти лекции переработать в общую историю России для всякого образованного человека. Я думаю, что русские люди нуждаются в такого рода книге, которая

воспитывала бы их политическое самосознание».¹⁰⁶ Отметим, что А.С.Лаппо-Данилевскому так и не удалось осуществить эти планы.

Сосредоточение интересов А.С.Лаппо-Данилевского на XVIII веке в условиях Санкт-Петербургского университета не только разграничило предметы научных интересов его и С.Ф.Платонова, но и обусловило новаторские позиции курса А.С.Лаппо-Данилевского в системе университетского преподавания. Увлеченно готовя новый курс летом 1891 г., А.С.Лаппо-Данилевский замечал: «Я думаю, что курс может выйти интересным. Судьба русской истории в наших университетах довольно странная: на нашем факультете читается только древний период, официальный профессор не доходит до XVIII века... Между тем, в XVIII в. завязывались те узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время».¹⁰⁷ Но в 1892–1893 гг. С.Ф.Платонов все же включил в свой общий курс историю XVIII в., и А.С.Лаппо-Данилевскому пришлось в очередной раз составлять для себя новый курс — «Главнейшие направления в русской историографии XVIII–XIX вв.».¹⁰⁸ Однако и он читался А.С.Лаппо-Данилевским параллельно с лекциями С.Ф.Платонова по историографии.¹⁰⁹ Но подход заведующего кафедрой отличался от подхода к историографии А.С.Лаппо-Данилевского значительно более критическим отношением к историко-юридической школе. В результате, отказавшись от курсов по истории XVIII в. и историографии, А.С.Лаппо-Данилевский с 1894 г. начал чтение приват-доцентских курсов по теории исторического знания, которые к началу 1900-х гг. становятся центральными в его преподавательской деятельности в университете. Что касается общего курса в Историко-филологическом институте, то А.С.Лаппо-Данилевский придавал ему большое значение и явно противопоставлял курсу, читаемому С.Ф.Платоновым. В мае 1893 г., сравнивая уровень экзаменов, принимаемых по окончании общих курсов у студентов института и университета, А.С.Лаппо-Данилевский замечал: «18-го был у меня экзамен на I курсе. Из 25 держало всего 15, остальные 10 отказались. Но и этих 15 я экзаменовал не так как П[латонов] в университете, каждому посвятил минут 20 и спрашивал по всему курсу».¹¹⁰

Теоретические курсы А.С.Лаппо-Данилевского заняли особое место в системе университетского преподавания. При отсутствии на факультете других специалистов, кроме Н.И.Кареева, способных читать общетеоретические курсы, кандидатура А.С.Лаппо-Данилевского, по всей видимости, была приемлемой и для С.Ф.Платонова.

А.С.Лаппо-Данилевский, таким образом, обрел свое место на факультете и на кафедре русской истории, но ощущение одиночества не оставляло его. Он признавался, что испытывает недостаток в общении с коллегами. «К университетскому миру я мало имею отношение в самом университете, да и вне его. Удивительная разобщенность замечается не только между старыми и молодыми, но и между последними»,¹¹¹ — писал А.С.Лаппо-Данилевский. Показателен эпизод в отношениях между С.Ф.Ольденбургом и А.С.Лаппо-Данилевским, описанный последним в письмах их общему товарищу по «братству» — М.А.Дьяконову: «Ольденбург стал доказывать, что для всех положительно обязательна обществен-

ная деятельность помимо университетской, что он, быть может, когда-нибудь и университет и науку бросит для совсем другой сферы. Я по обыкновению настаивал на необходимости кроме политического образования и философского и говорил, что для меня лично даже философское выдвигается на первый план. Ольденбург это назвал самодавлением. Я, как вы знаете не особенный спорщик и смолчал, хотя для меня эта фраза была очень тяжела, даже оскорбительна. И теперь после этого разговора, который ничего враждебного не имел, я тем не менее чувствую какой-то холод, недоверие к С[ергею] Ф[едоровичу] и это чувство очень тяжелое и неприятное. Я надеюсь, что это все вздор и пройдет через несколько дней, а то право ведь я совсем один в этом большом городе. Нет ни одного человека с которым можно было бы поговорить по душе». ¹¹² В этом эпизоде ярко проявились болезненные свойства характера и особенности душевного склада А.С.Лаппо-Данилевского. ¹¹³ Один из ближайших друзей А.С.Лаппо-Данилевского И.М.Гревс отмечал его «болезненное самолюбие» и замкнутость. ¹¹⁴ Что же касается «платоновцев», то их отношение к личности А.С.Лаппо-Данилевского со студенческих лет было крайне настороженным. Вполне характерно в этом смысле замечание В.Г.Дружинина, которое мы находим в его мемуарах: «<...> он был человек, по-видимому, плохо воспитан и очень угловат в обращении с людьми. С равными себе и с учениками он обращался хорошо; но с высшими себе обращался надменно, когда это было для него безопасно. Но когда это было нужно держал себя очень почтительно». ¹¹⁵ Н.Н.Платонова многократно писала о «заносчивости» и «невежливости», «странности» А.С.Лаппо-Данилевского. М.И.Ростовцев рассказывал о его «надменном высокомерии». По словам Е.В.Тарле, «даже члены близкого [к А.С.Лаппо-Данилевскому. — Е.Р.] кружка (например) А.А.Кауфман) боялись его». ¹¹⁶

Впрочем, С.Ф.Ольденбург, так же как и И.М.Гревс, до конца жизни оставались одними из немногих друзей ученого. Вообще кружок С.Ф.Ольденбурга воспринимался русскими историками и С.Ф.Платоновым как источник беспокойства. Неоднократно в своем дневнике об Ольденбургском кружке критически отзывается Н.Н.Платонова. Вот, например, характерная запись: «На днях был у нас Степанов; разговор шел о кружке Гревса и Ольденбурга, к которому, несомненно, тесно примкнул и Лаппо-Данилевский. По мнению Ст[епа]нова, члены этого кружка до такой степени убеждены, что они — сосуды истины, добра и красоты, что на всех других людей смотрят свысока и весьма легко и охотно критикуют их образ мыслей и их деятельность. К нам, т.е. к С[ергею] Ф[едоровичу] и мне, они, очевидно, относятся отрицательно, — может быть, даже считают нас темными силами. С[ергея] Ф[едоровича] они, между прочим, упрекают в том, что он мало времени уделяет университету, но из чего они это видят?» ¹¹⁷

Возможно, именно чувство неудовлетворенности университетской жизнью и научной разобщенностью с коллегами побуждало А.С.Лаппо-Данилевского активно участвовать в более свободных, нежели университетское преподавание, формах научного общения. Оно выражалось в работе А.С.Лаппо-Данилевского в научно-исторических обществах.

Одновременно с работой секретарем в Историческом обществе при университете А.С.Лаппо-Данилевский вел активную работу по воссозданию более открытого научного общества (по типу запрещенного Научно-литературного общества), отвечающего задачам научного познания и преподавания в широком смысле, а именно общефакультетского студенческого научного общества. ¹¹⁸ Первоначально Общество предполагалось даже возродить под прежним названием «научно-литературного» или «историко-филологического». ¹¹⁹ Возникновение общества, именованного «Беседами по проблемам факультетского преподавания», произошло еще весной 1894 г., хотя официальное утверждение и последовало только в ноябре. Судя по замечаниям А.Е.Преснякова, активно принимавшего участие в его создании, ¹²⁰ А.С.Лаппо-Данилевскому пришлось столкнуться с сопротивлением руководства как университета, так и историко-филологического факультета. ¹²¹ Так, в сентябре 1894 г. А.Е.Пресняков писал в письме к матери: «От Лаппо-Данилевского слышал, что студенческое общество разрешили, но с такими оговорками, что, пожалуй, его бросить придется». ¹²² Однако, когда организационные трудности остались позади, он так описывал открытие общества: «Великий день открытия нового общества! Кроме шуток, вышло довольно торжественно. Собрались мы в университет к 8 часам. Студентов пришло много, и что всего неожиданнее, что это запрещение пускать с других факультетов, по-видимому, останется мертвою буквой. На этот раз были и юристы, и естественники. Но большинство, конечно, филологов. Из профессоров, кроме председателя Лаппо-Данилевского, приехали только Форстен и Васильевский. Присутствие Васильевского было особенно приятно: это наш патриарх и любимец. Начал Лаппо-Данилевский речью, говорил умно и хорошо, потом мой товарищ Панченко разразился речью, немного странной по тону, но очень искренней... Затем студент Кульман сказал несколько слов по случаю недавнего юбилея Крылова, а за ним я читал с кафедры стоя своего Лакомба». ¹²³

Продолжались «Беседы» на протяжении 10 лет — до 1904 г. Проводились они обычно один-два раза в месяц. По сохранившимся материалам ¹²⁴ мы можем воссоздать ход этих занятий. Председательствовал и руководил собраниями и прениями А.С.Лаппо-Данилевский. Вместе с тем он старался придать организации «Бесед» элемент самоуправления. Поэтому ежегодно, с ноября 1894 г., проходили выборы комитета по устройству «Бесед», определявшие кандидатов от курсов и отделений. Комитет (или «помощники» — как они официально назывались) принимал активное участие в выработке тем будущих заседаний, обсуждении предполагаемых рефератов, составлении заключения о прочитанных докладах. ¹²⁵ Протоколы «Бесед», видимо, не велись, ¹²⁶ и до нас дошли в основном лишь темы прочитанных докладов. ¹²⁷ Направленность тем была весьма разнообразной, соответствующей широкой ориентации историко-филологического факультета, — по психологии, истории, славяноведению, философии, педагогике. С докладами выступали люди, очень далекие друг от друга в профессиональном плане, например преподаватели В.Г.Васильевский и Н.М.Коркунов, студенты М.Д.Приселков и М.А.Полиевктов; ¹²⁸

А.Е.Пресняков. «Беседы» неоднократно посещали многие преподаватели, и прежде всего А.И.Введенский, И.М.Гревс, Н.М.Коркунов, В.Г.Васильевский, Г.В.Форстен, А.И.Соболевский, С.Л.Пташицкий, С.Ф.Ольденбург, В.М.Гессен и другие. На этом фоне показательно отсутствие в числе участников «Бесед» заведующего кафедрой, а затем и ставшего деканом факультета (с 1900 г.) С.Ф.Платонова.

Сама по себе организация «Бесед» не создавала альтернативного административного центра на факультете, но представляла собой самостоятельную научную структуру. Возможно, ее существование было, наряду с другими, одной из причин натянутых отношений между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым. Поскольку выборы¹²⁹ специально проводились по курсам и отделениям, так или иначе с жизнью «Бесед» были связаны все студенты историко-филологического факультета. Судя по нескольким сохранившимся официальным письмам С.Ф.Платонова в качестве декана факультета к А.С.Лаппо-Данилевскому как руководителю «Бесед», их отношения стали носить крайне отчужденный характер.¹³⁰ Показателен эпизод с безуспешной попыткой А.С.Лаппо-Данилевского организовать в 1902 г. секцию этики при «Беседах», которая была воспринята С.Ф.Платоновым отрицательно, хотя их руководитель придавал ей большое значение с точки зрения общественного и культурного смысла возглавляемых им «Бесед».¹³¹

Усилиями А.С.Лаппо-Данилевского «Беседы» плавно перетекли в 1904 г. в студенческое Научно-литературное общество. В 1902–1903 гг. А.С.Лаппо-Данилевский деятельно наводил справки об аналогичных обществах в других университетах; прежде всего, он обратился к опыту только что созданного (1902 г.) Студенческого общества при имп. Московском университете.¹³² Опираясь¹³³ на устав московского общества,¹³⁴ а также на «Примерный устав научных и литературных кружков»,¹³⁵ А.С.Лаппо-Данилевский вместе со студентами создал несколько проектов устава студенческого Научно-литературного общества¹³⁶ при историко-филологическом факультете. Устав Общества был утвержден на Совете университета в январе 1904 г. Выдвигая на первый план цели научной работы, устав предусматривал относительную автономию Общества от факультета, закреплял твердые начала самоуправления. Интересно, что изменения,¹³⁷ внесенные в окончательный текст устава по сравнению с последним проектом, имели ограничительный характер: при приглашении посторонних лиц на заседания Общества возникла вставка «с разрешения ректора»; преподаватели имели право только присутствовать на заседаниях Общества, но не могли быть его действительными членами. Это последнее исправление устава было связано с обстановкой, сложившейся на факультете в то время, и с теми глубокими разногласиями, которые разделяли различные группы университетской профессуры. Так, будучи деканом, С.Ф.Платонов не мог бы не войти в Общество вместе с другими преподавателями, а это означало бы пусть формальное, но подчинение общему руководству А.С.Лаппо-Данилевского, что было для С.Ф.Платонова, по-видимому, неприемлемо. Ему было куда предпочтительнее сохранить если не прямо подчиненное, то отстраненное положение Обще-

ства¹³⁸ по отношению к администрации факультета. Отношение к студенческому обществу вполне соответствовало деловой записке С.Ф.Платонова А.С.Лаппо-Данилевскому, датированной 1 марта 1904 г.: «Милостивый Государь Александр Сергеевич! Я согласен собрать учредителей **Вашего** [выделено мной. — *Е.Р.*] Общества в воскресенье 7 марта в 8 часов вечера. В четверг я скажу об этом ректору Университета и, условясь с ним, где устроить собрание, немедля Вас уведомя. Если для оповещения учредителей о времени и месте собрания надобно привлечь канцелярию университета, прошу Вас известить меня об этом до четверга. Готовый к услугам Платонов». 13 марта 1904 г., после учреждения Общества С.Ф.Платонов сообщил А.С.Лаппо-Данилевскому об утверждении его председателем студенческого Научно-литературного общества на заседании совета факультета.¹³⁹

Ощутимая конкуренция между обоими учеными за влияние в студенческой среде не ограничивалась нежеланием С.Ф.Платонова участвовать в «обществе А.С.Лаппо-Данилевского» и в какой-то степени переносилась на их общих учеников.

Среди своих учеников, «вышедших из его семинариев 1890-х», С.Ф.Платонов называл С.В.Рождественского, А.Е.Преснякова, И.И.Лаппо, М.А.Полиевктова и Н.П.Павлова-Сильванского.¹⁴⁰ Но все они вышли и из «Бесед» А.С.Лаппо-Данилевского. Из учеников С.Ф.Платонова наибольшее влияние А.С.Лаппо-Данилевского, по-видимому, испытал А.Е.Пресняков.

Большое влияние на формирование А.Е.Преснякова оказали В.Г.Васильевский, Г.В.Форстен и А.С.Лаппо-Данилевский, в то время как С.Ф.Платонов был, как показал М.Б.Свердлов, «не идейным руководителем, а помощником на жизненном пути».¹⁴¹ С.Ф.Платонов оказывал поддержку А.Е.Преснякову со времени защиты его кандидатского сочинения, помог остаться в университете. А.Е.Пресняков стал заместителем С.Ф.Платонова по Женскому педагогическому институту.¹⁴² С.Ф.Платонов был оппонентом на докторском диспуте А.Е.Преснякова в 1918 г., в ходе которого выступил с безусловной и очень важной для диссертанта поддержкой ряда принципиально новых для русской науки положений.

Судя по воспоминаниям А.Е.Преснякова, первые курсы А.С.Лаппо-Данилевского 1890–1891 и 1891–1892 гг. (вероятнее 1891–1892, 1892–1893 гг.) прошли лишь при двух постоянных слушателях (он и Л.К.Куманин) и лишь иногда случайных третьем или четвертом.¹⁴³ Переписка А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствует о большем количестве слушателей, но с 1890 г. мы находим в письмах постоянные упоминания о «самых верных» «К» и «П». Можно с уверенностью утверждать, что это были А.Е.Пресняков и Л.К.Куманин. По-видимому, между студентами и преподавателем сложились теплые отношения. Осенью 1892 г. А.С.Лаппо-Данилевский предложил А.Е.Преснякову познакомиться с К.Н.Бестужевым-Рюминым, и, как пишет А.Е.Пресняков, «я, конечно, обрадовался... было бы любопытно. Только смутил меня Куманин — говорит, что Платонову это может не понравиться — он Лаппу [Лаппо-Данилевского. — *Е.Р.*] не долюбивает, а с Бест[ужевым-Рюминым] и сам знаком, так что ему может

не понравится, что я помимо его туда попаду. По-моему, это не умно, ведь Лаппо[-Данилевский] мне предложил, а он нет — так не отказываться же мне.... Постараюсь рассказать ему это все так, чтобы вышло ловко — недаром меня мои приятели “мошенником” зовут, т.е. за избыток такта в некоторых случаях». ¹⁴⁴ В тот раз встреча с К.Н.Бестужевым-Рюминым не состоялась, а в скором времени (в январе 1893 г.) С.Ф.Платонов сам познакомил с ним А.Е.Преснякова. Историю эту А.Е.Пресняков описывает следующим образом: «Вчера Платонов с удивлением спросил меня: откуда Бестужев[-Рюмин] обо мне знает и почему желает со мной познакомиться. Я сообразил, что Бестужев[-Рюмин] не забыл еще известных... переговоров с Лаппо-Данилевским. Сегодня отправился. Кстати Платонов дал мне книгу, чтобы возвратить ее Бестужеву[-Рюмину]». ¹⁴⁵ В письме А.С.Лаппо-Данилевского, помеченного маем 1893 г., находим описание одного из разговоров с учениками: «Вечером пришли мои верные слушатели П[ресняков] и К[уманин] Разговоры наши с ними были самые разнообразные и интересные. П[реснякову] вероятно немного вскружили голову его успехи, что впрочем понятно. Он поэтому держит себя довольно самоуверенно, а с товарищем покровительственно и вообще задорно. Все это не особенно привлекательно, но пройдет с годами. Человек он несомненно умный и образованный, языки знает, читал кое-что, живописью увлекается... П[ресняков] объявил, что будет заниматься XVIII веком и что он намерен другой раз со мной об этом поговорить и посоветоваться». ¹⁴⁶ В сентябре 1893 г. А.Е.Пресняков рассказывал в письме о составлении своей магистерской программы: «У Лаппо-Данилевского я обедал в Воскресенье, много говорили, состряпали магистерскую программу, несколько изменив мои вопросы; окончательный вид она примет в среду, после беседы с Платоновым». ¹⁴⁷ Впрочем, как ни ценил А.Е.Пресняков советы С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского, он замечал в то же время, что «я и без них знаю, что и как делать». ¹⁴⁸ В ноябре А.Е.Пресняков сообщал в письме: «Относительно занятий моих — у меня был обстоятельный разговор с Лаппо-Данилевским. В общем мы с ним столковались, а в виде темы для магистерской диссертации проектируем вопрос по XVIII веку, хотя формулировки еще не нашли. Может быть, это не совсем ладно, что советы Лаппо-Данилевского заменяют мне руководство Платонова, но я же не виноват, что они полезны! Сведения у этого человека масса и самых разнообразных!» ¹⁴⁹

Как известно, А.Е.Пресняков стал углубленно заниматься более ранними периодами, но курсы А.С.Лаппо-Данилевского по истории XVIII в. и методологии истории он продолжал слушать до 1895 г. ¹⁵⁰ В середине 1890-х гг. А.Е.Пресняков был одним из наиболее активных организаторов и деятелей «Бесед». ¹⁵¹ В мае 1895 г. А.Е.Пресняков замечал по поводу кружка Г.В.Форстена, в деятельности которого тоже принимал определенное участие: «Вокруг Форстена только труженики, а кто подаровитее, уйдет к Лаппо[-Данилевскому], потому что он шире». ¹⁵² Когда к концу 1890-х гг. вокруг А.С.Лаппо-Данилевского стал группироваться кружок, в той или иной степени противостоящий Кружку русских историков, А.Е.Пресня-

ков оказался в числе его участников, и по его воспоминаниям мы можем судить о деятельности и составе этого кружка. В письме к матери от 9 октября 1897 г. А.Е.Пресняков отмечал: «Из любопытных новинок моих стоит упомянуть о начавшихся собраниях у А.С.Лаппо-Данилевского. Он затеял составить небольшой кружок из историков для занятий теорией и методологией социальных наук. Участвуют И.М.Гревс, экономист А.А.Кауфман, ориенталист С.Ф.Ольденбург, И.И.Лапшин, М.А.Полиевктов, еще два-три человека. Поучительно». ¹⁵³ Вглядываясь в состав кружков, нельзя не отметить, что младшие их участники, студенты и вчерашние выпускники факультета, часто входили в несколько таких групп, или переходя из одного кружка в другой, или участвуя в нескольких одновременно. Барьер, воздвигнутый старшими, не касался младшего поколения, хотя рано или поздно большинство идентифицировали себя с определенной группой и с конкретным именем.

А.С.Лаппо-Данилевский продолжал привлекать А.Е.Преснякова к различным научным предприятиям на протяжении всей своей научной деятельности. С образованием в 1903 г. секции русской истории в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете на долгие годы установилось ее руководство — председатель А.С.Лаппо-Данилевский, секретарь А.Е.Пресняков, проводивший заседания в отсутствие председателя. Сотрудничество А.С.Лаппо-Данилевского с А.Е.Пресняковым продолжилось и в Русском социологическом обществе, и в Организационном комитете IV Международного исторического конгресса в Санкт-Петербурге.

А.Е.Пресняков с самого начала тяготился необходимостью маневрировать, как он сам писал, «изворачиваться между Платоновым и Лаппо-Данилевским». ¹⁵⁴ В одном из его писем (17 марта 1894 г.) читаем следующие строки: «Толковали мы [с С.Ф.Платоновым] о “кружковщине”, у нас ведь все лагеря друг друга не выносящие, хотя ни в чем в сущности серьезно не противоположные. Все это мелко и нехорошо. Я говорил с задней мыслью, п[отому] что предполагал (а после узнал достоверно), что Платонов недоволен тем, что я бываю у Лаппо-Данилевского. Выпили мы с ним за столом за уничтожение кружковщины. Эта злосчастная кружковщина и вчера обсуждалась. Зло это неискоренимое». ¹⁵⁵

В середине 1890-х гг. А.Е.Пресняков даже предпринял несколько попыток «примирить» враждующие партии. Первая произошла на банкете, последовавшем за докторским диспутом Г.В.Форстена в марте 1894 г. Вот как А.Е.Пресняков описывал ситуацию на этом банкете в письме к матери: «Затянулось собрание надолго. Сперва разговаривали кружками. До смешного делились на партии. В зале сидел Кареев с 2-3 неуниверситетскими, в кабинете в одном углу Платонов с кружком “русских историков”, а в другом Гревс со стариками. Лаппо-Данилевский держался больше студентов. Такое деление мне надоело и с помощью Форстена мы попытались перемешать публику, но безуспешно. В 11 часов пошли закусь, потом еще с час сидели в кабинете и тогда только пошли ужинать. И тут сели по всем правилам местничества. Стол стоял так, т.е. три стола: — с одного конца сидели кончающие студенты с А.С.Лаппо-Дани-

левским, потом старшие — Ламанский с Васильевским, потом посторонние университету, опять студенты, затем мы, кружок Платонова, с нами Форстен, рядом с ним пустой стул, и на противоположном конце — Гревс с Кареевым. Мне это глаза кололо и я завел с Платоновым разговор по душе, о причинах такого деления. Он был необыкновенно искренен: и вообще такой был задушевный, что совсем меня тронул. Он разъяснил мне, что кружки — его и Лаппо-Данилевского различаются двумя признаками: те — дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т.е. платоновцы, разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только лично дружбой, а не каким-нибудь общим *сredo* связанные между собой. По характеру ума они скептики — недовольные ныне господствующими порядками, не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их по внешности — равнодушно, делая свое ученое и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собою и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным. Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их; попытки сближения были и кончились обидой для них же».¹⁵⁶ Возможно, под воздействием этого разговора С.Ф.Платонов вскоре предложил тост, который А.Е.Пресняков описывает далее в своем письме следующим образом: «Платонов... предложил чудный искренний тост, который должен будет иметь серьезные последствия — тост за выработку полной и тесной солидарности членов факультета, на которой держится та факультетская традиция, которая вырабатывает молодежь в хорошем направлении. Увы! один Лаппо-Данилевский с противоположного конца стола пришел чокнуться; конечно молодежь и друзья Платонова с восторгом приняли тост. А Кареев, и что обидно — Гревс... ну, Бог с ними. Лишь бы Лаппо[-Данилевский] понял, что приняв протянутую руку, он принял на себя известное обязательство. Платонов убежден, что Лаппо[-Данилевский] сделал это сознательно, а в него он и целил».¹⁵⁷ Интересно, что следующей «мишенью» С.Ф.Платонова стал сам виновник торжества — Г.В.Форстен. А.Е.Пресняков так изобразил этот пассаж С.Ф.Платонова: «Платонов опять стал говорить — говорить о значении Васильевского, которого мы все ученики до мозга костей, рассказал историю сближения кружка русских историков с Форстеном. Он говорил так задушевно, что, по общему признанию, Васильевскому и ему мы обязаны тем хорошим впечатлением, которое все унесли с собою. Мне стало стыдно, что я последнее время не совсем доверчиво относился к нему, считая, что он человек партии, кружка. А Кареев лишил меня возможности защищать его, что я начал было делать, думая, что не он виноват в факультетском расколе».¹⁵⁸ Дело в том, что, по словам А.Е.Преснякова, Н.И.Кареев выпил и «сбежал» до тоста С.Ф.Платонова, причем после его ухода стало как-то «уютнее и теплее».¹⁵⁹

После этого вечера А.Е.Преснякову даже показалось, что он может положить конец вражде двух партий. Его следующее письмо матери повествует о его усилиях в этом направлении: «Любопытные времена мы теперь переживаем... Эпоха ликвидации отношений, как говорит Платонов. Странное дело: наши кружки, долго обособленные, столкнулись было, и теперь весь вопрос в том сумеют ли они, захотят ли понять друг друга. Покончивши объяснением с Платоновым, я не утерпел, чтобы не затеять их с Лаппо-Данилевским. К сожалению, нам помешали в Четверг, когда я был у него; он успел высказаться (и, слава Богу, сделал это вполне откровенно), — относительно своих отношений к Платонову и К°. Боже мой, какая тут нелепая путаница понятий. На этот кружок смотрят как на ультраконсервативный, а la “Новое время” и, вспоминая “прежние либеральные мысли” Платонова, видя отщепенца (?!!), да еще, кажется, под влиянием жены. Такой красивый ярлык повешен на весь кружок, и — не смейтесь читающие! — и на... меня!! ... Все это очень досадно, но так нелепо, что даже не обидно, а смешно. К сожалению, я не успел со своей стороны, разъяснить Лаппо-Данилевскому настоящее положение дела. Надеюсь сделать это в ближайшем будущем».¹⁶⁰ О своем намерении поговорить с А.С.Лаппо-Данилевским А.Е.Пресняков упоминает еще раз, но уже несколько в ином тоне. В письме к матери от 6 апреля он замечает: «А наше болото поволновалось, да и стихло... Лаппо[-Данилевского] я больше не видел. Верно, я завтра схожу к нему. Разъяснить недоразумения следует, но результатов не последует. Их с Платоновым разделяет противоположность натур. Лаппо[-Данилевский] прав, говоря, что с Платоновым нельзя поддерживать чисто деловых научных отношений. Он требует большего, требует личных отношений, дружбы. А на это Лаппо[-Данилевский] не способен. Не даром Гревс на вопрос, каков Лапп[-Данилевский] с своим маленьким сыном (летом он умер), ответил также вопросом: “Да какое может у него быть отношение к маленькому существу?” Больно он “умственный” человек. А все-таки он не сухой, а очень симпатичный. Странная натура».¹⁶¹ По-видимому, этот разговор с А.С.Лаппо-Данилевским так и не состоялся, поскольку А.Е.Пресняков постепенно укреплялся в мысли о его вероятной безрезультатности, а может быть, и своей наивности в стремлении что-либо «разъяснить».

Пример научной судьбы А.Е.Преснякова показателен для той роли, которую играли А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов в системе взаимоотношений петербургской исторической науки конца XIX — начала XX в.

В 1880-х — начале 1890-х гг. С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский были центрами притяжения, прежде всего неформального научного общения. Однако постепенно росли их научно-административные обязанности и полномочия, С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский начинали выступать как администраторы и координаторы деятельности петербургской исторической науки. Быстрая карьера обоих ученых в 1890-х — начале 1900-х гг. придала административно-организационные основания научному противостоянию и личному соперничеству.

Напряженный характер служебных отношений А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова проявился в их совместной деятельности в Археографической комиссии, в состав которой они были избраны одновременно — 20 сентября 1894 г.¹⁶² С.В.Чирков указал на совместную деятельность в Археографической комиссии С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского как «учеников В.Г.Васильевского».¹⁶³ С этим мнением С.В.Чиркова можно согласиться в том отношении, что в 1890-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов были самыми активными членами Комиссии. Они оба занимались изданием писцовых и переписных книг — А.С.Лаппо-Данилевский по Нижнему Новгороду, С.Ф.Платонов по Новгороду Великому. При этом оба археографа сами разрабатывали правила издания этих источников.¹⁶⁴ Правила А.С.Лаппо-Данилевского отличались от указаний С.Ф.Платонова не столько с точки зрения археографической техники, которая во многом совпадала, сколько с точки зрения самого подхода к изданию. Подход С.Ф.Платонова был эмпирическим, связанным с задачей максимально полного отображения источника издателем. Подход А.С.Лаппо-Данилевского изначально был теоретическим, поэтому его предложения более систематизированы,¹⁶⁵ по замечанию С.Н.Валка, «теоретически продуманы, разносторонни»¹⁶⁶ и были увязаны с задачами исторического построения. По-видимому, этот «теоретический взгляд» несколько смущал С.Ф.Платонова, который подходил к задачам археографии с более формальных по сравнению с А.С.Лаппо-Данилевским позиций. Если А.С.Лаппо-Данилевский все же вносил некий элемент научной субъективности в археографию, предлагая печатать исторические значимые источники, хотя и понимал эту «значимость» широко, с позиций своей методологии, то С.Ф.Платонов предлагал отказаться от всякой «выборочной системы».¹⁶⁷ О серьезности археографических расхождений между учеными свидетельствует тот факт, что С.Ф.Платонов был единственным крупным ученым, занимающимся русской историей, не приглашенным А.С.Лаппо-Данилевским в 1902 г. к обсуждению составленного им по поручению Академии «Плана издания архивных документов XVI—XVIII вв.». Противоположная ситуация сложилась в Археографической комиссии, в которой с 1900 г. лидирующее положение занял С.Ф.Платонов. Он не только возглавил созданный редакционный совет Комиссии, который, по существу, подготавливал все ее решения, но и руководил многими заседаниями Комиссии во время отсутствия ее председателя графа С.Д.Шереметева. В 1900—1910-х гг. в число членов и сотрудников Комиссии был введен ряд членов бывшего Кружка русских историков и учеников С.Ф.Платонова,¹⁶⁸ в то время как ни один из учеников А.С.Лаппо-Данилевского, создавшего свою археографическую школу, не был привлечен до смерти их учителя к деятельности Комиссии даже в качестве сотрудника. В начале своей академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевский попытался привлечь Археографическую комиссию к реализации своих издательских замыслов. В 1902 г. он официально обратился от имени Академии к Комиссии с просьбой издать ряд материалов, собранных А.А.Куником в виде приложения к сборнику, уже изданному Комиссией, но Комиссия отказала ему в этой просьбе. С этого

момента А.С.Лаппо-Данилевский прекращает попытки использовать Комиссию в интересах Академии. Не участвовал А.С.Лаппо-Данилевский и в одном из основных издательских предприятий Археографической комиссии — издании «Полного собрания русских летописей», руководимом А.А.Шахматовым и С.Ф.Платоновым. Не присутствовал А.С.Лаппо-Данилевский и на заседаниях редакционного совета, связанных с подготовкой правил издания летописных текстов, главным разработчиком которых стал А.А.Шахматов.

О работе А.С.Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии сохранились любопытные воспоминания ее правителя дел «платоновца» В.Г.Дружинина. Они иллюстрируют как отношения внутри комиссии, так и характер разногласий между ее членами. В Археографической комиссии «он [А.С.Лаппо-Данилевский. — *Е.Р.*] испортил одно назревшее предприятие, совершенно не понимая и не умея отличить теорию от практики». По словам В.Г.Дружинина, комиссия нашла деньги на переиздание Актов Археографической экспедиции, «которые были необходимы студентам как пособие, но которое на рынке стоило 25 р., т.к. все издание сгорело в 1863 г. при пожаре Апраксина двора... Новое издание стоило бы всего пять рублей и было бы прекрасным пособием для учащихся... В заседании комиссии, когда обсуждался вопрос о новом издании этих актов, Лаппо-Данилевский стал проводить прямолинейную мысль о том, что комиссии не подобает перепечатывать несовершенных изданий... он не хотел понять то, что нужно дать учащимся в руки дешевое пособие. Что же касается ошибок при издании актов, то их можно было бы оговорить».¹⁶⁹

В 1904 г. члены Археографической комиссии четко разделили между собой предметы археографических занятий. С.Ф.Платонову было поручено издание приказных книг и столбцов, а А.С.Лаппо-Данилевскому — материалов по истории частного хозяйства, сборников актов и писцовых книг.¹⁷⁰ С этого момента занятия ученых в Археографической комиссии не пересекались. С начала 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский резко ограничил свою работу в Археографической комиссии, фактически не принимая участия в ее основных предприятиях. Впрочем, по этому поводу В.Г.Дружинин просто замечает, что А.С.Лаппо-Данилевскому «редакции больших изданий... не поручали».¹⁷¹

В 1893 г. С.Ф.Платонов был утвержден секретарем историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1895 г. к занимаемому им посту добавилась должность помощника директора Санкт-Петербургских женских курсов. Наконец, в 1900 г. С.Ф.Платонов был избран деканом Историко-филологического факультета, а в 1903 г. назначен директором Женского педагогического института. Таким образом, в первой половине 1900-х гг. он прочно занял крупные административные позиции в петербургской науке. Их значение определялось прежде всего полномочиями С.Ф.Платонова в области привлечения научных кадров к деятельности возглавляемых им учреждений, распределения факультетских и институтских должностей и курсов. Будучи директором Женского педагогического института, С.Ф.Платонов привлекал к пре-

подаванию в институте своих университетских коллег и учеников. В их числе были Э.Д.Гримм, Г.В.Форстен, Н.К.Кульман, А.Е.Пресняков, С.В.Рождественский, Н.Д.Чечулин, А.А.Шахматов, П.Г.Васенко, И.И.Лаппо и другие. А.Е.Пресняков, Н.К.Кульман и С.В.Рождественский в разное время были заместителями директора Женского педагогического института. С.Ф.Платонов многократно обращался за материальной помощью для своих коллег, которую он получал по ведомству императрицы Марии.¹⁷² В 1900–1903 гг. С.Ф.Платонов добивался назначения на должности профессоров университета И.А.Бодуэна де Куртенэ, И.М.Гревса, Э.Д.Гримма, М.И.Ростовцева, С.А.Жебелева, Б.М.Мелиоранского, И.А.Шляпкина, Б.А.Тураева.¹⁷³ При этом большинство кандидатов, выдвигаемых С.Ф.Платоновым на профессорские должности, не имели необходимой по закону докторской степени и назначались лишь благодаря исключительной настойчивости декана.¹⁷⁴ По всей вероятности, именно С.Ф.Платонову удалось добиться восстановления на факультете опальных И.А.Бодуэна де Куртенэ и И.М.Гревса.¹⁷⁵ Таким образом, «консервативный историк» С.Ф.Платонов, обеспечивший себе большое влияние в университете и Министерстве народного просвещения благодаря связям с императорским домом (с 1895 г. С.Ф.Платонов преподавал политическую историю великому князю Михаилу Александровичу и великой княжне Ольге Александровне),¹⁷⁶ объективно встал на защиту научных сил факультета от тех гонений, которые обрушились на него после студенческих волнений 1899 г. В период руководства С.Ф.Платонова факультетом сформировался, возможно, один из лучших профессорско-преподавательских составов в его истории. Возможно, изменение обстановки на факультете способствовало и перемене настроения А.С.Лаппо-Данилевского, который в конце 1899 г. хотел уйти с факультета по этическим соображениям.¹⁷⁷ С другой стороны, показательно, что А.С.Лаппо-Данилевский так и не был представлен С.Ф.Платоновым к профессорскому званию, хотя по формальным основаниям, в отличие от большинства приват-доцентов, он имел на это право, будучи академиком (на него не распространялось обязательное требование о наличии докторской степени). В то же самое время, согласно университетскому уставу 1884 г. историко-филологический факультет и его декан просто были обязаны предоставить любому члену Академии наук возможность ведения приват-доцентских курсов на факультете.¹⁷⁸ С 1907 г. А.С.Лаппо-Данилевский воспользовался своим правом «академика» и стал вести курсы сразу по двум кафедрам — всеобщей и русской истории.¹⁷⁹

Карьера А.С.Лаппо-Данилевского развивалась не менее стремительно. В.Г.Васильевский называл А.С.Лаппо-Данилевского «прирожденным академиком» и способствовал его продвижению в состав Академии наук.¹⁸⁰ Возможно, избранию А.С.Лаппо-Данилевского способствовало и его знакомство с президентом Академии великим князем Константином Константиновичем, который в конце 1890-х гг. пригласил его руководить занятиями своих сыновей.¹⁸¹ В декабре 1899 г. А.С.Лаппо-Данилевский был избран действительным членом Академии наук в звании адъюнкта, в апреле 1902 г. стал экстраординарным, а в мае 1905 г. — ординарным акаде-

миком.¹⁸² Об избрании А.С.Лаппо-Данилевского в Академию особый интерес представляют воспоминания Н.Н.Платоновой, записанные уже после смерти А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 г. Отвечая на вопрос, заданный Е.В.Тарле, «почему Л[аппо]-Данилевский был избран в Ак[адемию] Н[аук] помимо С[ергея] Ф[едоровича]», т.е., почему была совершена «несправедливость», Н.Н. Платонова пишет: «Мы с С[ергеем] Ф[едоровичем] прекрасно помним, как это было: Васильевский, Бестужев[-Рюмин], Розен решили провести в Ак[адемию] Н[аук] молодые силы для оживления работы и остановились на европейски образованных, сравнительно обеспеченных и не удрученных семей молодых ученых — Л[аппо]-Д[анилевском] и С.Ф.Ольденбурге. У С[ергея] Ф[едоровича] хранится письмо Васильевского по этому делу. Вероятно, что они рассуждали так: С[ергей] Ф[едорович] занимает кафедру в Ун[иверсите]те — не все же отдавать одному; С[ергей] Ф[едорович] хороший лектор, а Л[аппо]-Д[анилевский] человек типа кабинетного ученого. С течением времени, когда Ак[адемия] Наук превратилась всецело в гнездо партии к[онституцион-ных]-д[емократов], да еще при нетерпимом отношении к С[ергею] Ф[едоровичу] со стороны Л[аппо]-Д[анилевского], произнести имя С[ергея] Ф[едоровича] в Ак[адемии] Н[аук] было все равно, что показать быку красный платок. Теперь, когда Л[аппо]-Д[анилевско]го уже нет, С[ергей] Ф[едорович] имеет полное право сказать, что он никогда не делал никакого зла Л[аппо]-Д[анилевско]му, а от него много зла видел».¹⁸³ По-видимому, Н.Н.Платонова в целом верно определила логику выбора старшего поколения петербургской школы. Возможно, однако, что здесь шла речь не только о соблюдении «баланса сил», но также присутствовало осознание значимости той перспективы, которую открывал перед наукой теоретический подход А.С.Лаппо-Данилевского. По крайней мере, интерес к теоретическим изысканиям ученого у одного из «стариков» был. В мае 1893 г. А.С.Лаппо-Данилевский писал жене: «Бестужев[-Рюмин], у которого я был недавно, говорит, что мое “призвание” состоит в том, чтобы дать историкам теоретическое построение нашей науки. Никогда он не высказывался так определенно на мой счет, а это приятно».¹⁸⁴

А.С.Лаппо-Данилевский стал организатором целого ряда предприятий Академии, к которым привлек ведущие исследовательские силы русской науки. Первое место среди направлений ученой деятельности академика заняла публикация источников по национальной истории. А.С.Лаппо-Данилевский приглашал и координировал работу большого числа специалистов по русской истории. Среди них были А.А.Шахматов, В.Н.Сторожев, М.А.Дьяконов, В.Н.Бенешевич, Е.Ф.Шмурло, Э.А.Вольтер, И.Н.Миклашевский, О.И.Остроградский, Н.Д.Чечулин, А.И.Успенский, А.А.Кизеветтер, М.М.Богословский, М.В.Клочков, А.А.Шилов, Н.И.Сидоров, С.В.Рождественский, А.В.Карташев, А.А.Жижиленко, А.В.Бородин, С.М.Горяинов, А.В.Флоровский, князь Д.И.Шаховской, Ф.В.Тарановский, Б.Д.Греков, А.И.Андреев, С.Н.Валк, В.Н.Кун, М.Ф.Злотников, П.Б.Струве, И.И.Лаппо, Г.В.Вернадский, Я.Л.Барсков, П.И.Люблинский. Работа велась по двум основным программам издания источников, разработанным А.С.Лаппо-Данилевским, — «Памятни-

ки русского старинного законодательства» и «Материалы по истории русского законодательства». Особое место занимало редактируемое А.С.Лаппо-Данилевским будущее издание «Грамот Коллегии экономии». По рекомендации и под наблюдением А.С.Лаппо-Данилевского в академических изданиях был опубликован ряд работ петербургских ученых, в частности Н.И.Кареева и О.А.Добиаш-Рождественской.¹⁸⁵

К участию в различных международных проектах Академии наук А.С.Лаппо-Данилевский привлекал В.В.Бартольда, А.А.Васильева, И.М.Гревса, Э.Д.Гримма, М.А.Дьяконова, С.А.Жебелева, Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского, Н.Я.Марра, П.П.Митрофанова, С.Ф.Ольденбурга, М.И.Ростовцева, Б.А.Тураева, Б.В.Фармаковского, А.Е.Преснякова, Л.П.Карсавина и ряд других.¹⁸⁶

Среди приглашенных А.С.Лаппо-Данилевским к участию в работе секции русской истории в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете были А.А.Шахматов, Я.Л.Барсков, Б.Д.Греков, М.А.Дьяконов, А.А.Кауфман, В.А.Мякотин, Н.П.Павлов-Сильванский, М.А.Полиевктов, М.Д.Приселков, А.Е.Пресняков, С.Л.Пташицкий, С.В.Рождественский, Е.В.Тарле, Е.Ф.Шмурло.¹⁸⁷

А.С.Лаппо-Данилевский стоял у истоков организации социологической науки в России. Под его руководством в 1916 г. возникло Русское социологическое общество, к работе которого им был привлечен ряд видных историков и философов.¹⁸⁸

Очевиден значительный масштаб научно-организаторской деятельности обоих ученых. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, координируя работы основных сил петербургской исторической науки, А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов действовали обособленно.

Видимо, 1900-е гг. — время максимального нарастания напряженности в их отношениях. В подтверждение этого предположения свидетельствуют данные о контактах С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского в этот период. В феврале 1903 г. А.С.Лаппо-Данилевский сделал «попытку» привлечь С.Ф.Платонова к работе русской секции в Историческом обществе при университете. По этому поводу сохранились записка А.С.Лаппо-Данилевского С.Ф.Платонову и его ответ. А.С.Лаппо-Данилевский писал: «Многоуважаемый Сергей Федорович, Я решаюсь обратиться к Вам с большою просьбой, заранее извиняясь, что совершенное отсутствие времени лишает меня возможности лично передать Вам ее. Дело вот в чем. При Историческом обществе (при Университете) желательнее было бы образовать особую (специальную) секцию по русской истории, в занятиях которой Ваше участие было бы ценно [? — Е.Р.] для Общества. Не будете ли Вы добры приехать ко мне в Воскресенье в 8 часов вечера для обсуждения этого вопроса. Ваше присутствие было бы весьма желательно. Готовый к услугам, А.Лаппо-Данилевский». Общий тон письма к декану, и в частности замечание об отсутствии времени для устного приглашения, выглядели вызывающе. На письме А.С.Лаппо-Данилевского пометка С.Ф.Платонова: «Нахальство или неопытность?» и черновик ответа: «Душевно сожалею, что не могу в воскресенье быть у Вас. Недостаток времени мешает дать Вам и заочное обещание, что я буду принимать

участие в трудах, возникающей при Вашем обществе секции русской истории. Готовый к услугам, С.Ф.Платонов».¹⁸⁹ Такой характер переписки явно указывает на острое соперничество между учеными и на то, что их отношения находились в этот момент на грани открытой неприязни.

В годы революции 1905—1907 гг. еще более резко обозначились противоречия в политических взглядах двух историков, что, по всей вероятности, также не способствовало улучшению взаимных отношений.

В.С.Брачев обоснованно указал на существование в научной среде того времени мнения о противодействии А.С.Лаппо-Данилевского выдвижению С.Ф.Платонова в действительные члены Академии,¹⁹⁰ что было причиной явной антипатии С.Ф.Платонова по отношению к Академии. Характерно, что, когда в 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский вместе с академиками М.А.Дьяконовым и В.В.Латышевым инициировал избрание С.Ф.Платонова в члены-корреспонденты Академии,¹⁹¹ С.Ф.Платонов, в отличие от других избранных, в своем письме Академии выразил признательность не за избрание, а за факт уведомления об избрании.¹⁹²

В 1910-е гг. отношения между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым продолжают оставаться сложными, хотя и менее резкими внешне. В 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский предпринял несколько попыток привлечь С.Ф.Платонова к сотрудничеству в академических проектах. В ноябре 1913 г. он дважды приглашал С.Ф.Платонова принять участие в совещаниях, связанных с проведением организационного съезда историков, посвященного подготовке Международного исторического конгресса в Санкт-Петербурге в 1918 г. С.Ф.Платонов отказывался и замечал в письме А.С.Лаппо-Данилевскому: «Не сомневаюсь, что Академия найдет достаточно энергичных людей для устройства съезда и потому не считаю своего отказа сколько-нибудь существенным для успеха дела».¹⁹³ В 1915 г. по просьбе группы американских историков А.С.Лаппо-Данилевский начал подготовку издания истории России на английском языке.¹⁹⁴ Впервые для изданий, редактируемых А.С.Лаппо-Данилевским, в списке предполагаемых авторов появилась фамилия С.Ф.Платонова. По предположению А.С.Лаппо-Данилевского, С.Ф.Платонов мог бы участвовать вместе с М.А.Дьяконовым и С.В.Рождественским в написании раздела истории, посвященного «московскому периоду». Однако фамилия С.Ф.Платонова оставалась в списке, составленном А.С.Лаппо-Данилевским, под вопросом. Планы издания были сорваны политическими событиями. По всей видимости, С.Ф.Платонова по меньшей мере заинтересовало предложение А.С.Лаппо-Данилевского, поскольку после революции и смерти А.С.Лаппо-Данилевского он вступил в переговоры со стэнфордским профессором Ф.А.Голдером,¹⁹⁵ представлявшим заказчиков издания А.С.Лаппо-Данилевского, написал и выпустил свою краткую однотомную «Историю России» на английском языке¹⁹⁶ (основой послужил учебник С.Ф.Платонова по истории России).

К области совместной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова относится их участие в работе имп. Русского исторического общества. С.Ф.Платонов стал членом этого самого престижного в России исторического общества в феврале 1902 г., после того как начал

преподавать историю членам императорской фамилии. С 1908 г. С.Ф.Платонов был членом Совета общества. Однако в 1910 г. председателем Общества стал великий князь Николай Михайлович, с которым у С.Ф.Платонова не сложились отношения,¹⁹⁷ что, видимо, послужило действительным мотивом его демонстративного выхода из Совета общества в 1915 г.¹⁹⁸ С другой стороны, у Николая Михайловича, по-видимому, сложились хорошие отношения с А.С.Лаппо-Данилевским, который был избран в состав Общества в 1914 г., а в Совет общества — в 1917 г. Таким образом, и в этом обществе С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский оказались в оппозиции друг к другу.

С.Ф.Платонов — единственный из крупных петербургских историков — не принял участия в организации «Русского исторического журнала» в 1916–1917 гг., возможно, именно потому, что к этому был причастен А.С.Лаппо-Данилевский.

События октября 1917 г. были восприняты как катастрофа обоими учеными. Видимо, в революционные годы перед лицом свершавшихся культурных потрясений происходит вынужденное сближение А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова. В 1918 г. С.Ф.Платонов наконец рекомендовал А.С.Лаппо-Данилевского на должность экстраординарного профессора,¹⁹⁹ А.С.Лаппо-Данилевский, по-видимому, поддержал кандидатуру С.Ф.Платонова на выборах председателя Археографической комиссии.²⁰⁰

С другой стороны, как показала Т.И.Хорхордина, противоречия между группировками платоновцев и лаппо-данилевцев отразились в работе различных общественных и государственных учреждений по руководству архивным делом, возникших в «смутные» 1917–1919 гг.²⁰¹ Кроме личного момента, причину противоречий Т.И.Хорхордина видела, во-первых, в государственнической позиции С.Ф.Платонова, противопоставляя ее антибольшевистской принципиальности А.С.Лаппо-Данилевского, во-вторых, в отношении А.С.Лаппо-Данилевского и его учеников к архивоведению как к науке, что было нехарактерно для школы С.Ф.Платонова.²⁰²

На наш взгляд, сложные личные отношения и административное противостояние ученых и их школ в значительной степени было обусловлено различием в понимании задач и методов исторической науки.²⁰³ Разница в методологических подходах к историческому знанию, суть расхождений заключалась не столько в разных концепциях национальной истории, сколько в отношении к роли методологии в работе историка. Археографические штудии, источниковедческие курсы, учебные семинары, конкретно-исторические работы С.Ф.Платонова никак идеологически не связаны. Его лекции по источниковедению являлись скорее эмпирическими обобщениями, описанием опыта нескольких поколений историков, нежели научным построением. Выше уже указывалось, что вопросы общей теории истории вообще были С.Ф.Платонову чужды. В противоположность ему, А.С.Лаппо-Данилевский с первых шагов на исследовательском поприще относился к истории и ее методологии как к строгому научному знанию. В Научно-литературном обществе А.С.Лаппо-Данилевский не раз выступал с докладами по теории ис-

торического знания.²⁰⁴ Важна была и особая устремленность А.С.Лаппо-Данилевского к перевороту в науке. «Претензии у меня большие, — писал А.С.Лаппо-Данилевский в 1891 г., — хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым в высоком значении этого слова, ученым, который дает новое освещение не только некоторым подробностям науки, но и основным принципам науки».²⁰⁵ На наш взгляд, у С.Ф.Платонова, не менее преданного науке, не было таких претензий, стремления посягнуть на ее основные принципы.

Организаторские способности и административные возможности С.Ф.Платонова способствовали становлению некой научной корпорации — «школы С.Ф.Платонова» — в 1890–1900-х гг. В нее входили не только ученики С.Ф.Платонова, но и ученики его учеников, в том числе те, кого Б.А.Романов образно окрестил «дружиной».²⁰⁶

В 1900-х гг. начала складываться и школа А.С.Лаппо-Данилевского. К ней следует отнести В.Н. Борсука, А.А.Шилова, А.И.Андреева, С.Н.Валка, В.Н.Куна, М.Ф.Злотникова, В.И.Веретенникова, И.И.Любименко, ряд других ученых. Как и С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский чувствовал себя лидером этой особой научной корпорации, он широко использовал связи для устройства своих учеников.

Как отмечал ряд исследователей, школа А.С.Лаппо-Данилевского носила отчужденный характер по отношению к школе С.Ф.Платонова.²⁰⁷ Показательно, что в то время как многие ученики С.Ф.Платонова активно участвовали в семинариях и научных предприятиях А.С.Лаппо-Данилевского, ученики А.С.Лаппо-Данилевского до его смерти к участию в ученых занятиях С.Ф.Платонова не привлекались. Причина этого видится нам не только в научных разногласиях, но и в том, что А.С.Лаппо-Данилевский с известной долей ревности относился к своим ученикам, а С.Ф.Платонов строго выделял «людей А.С.Лаппо-Данилевского» из возглавляемой им корпорации. Показательна переписка ученых, посвященная магистерскому диспуту ученика А.С.Лаппо-Данилевского В.И.Веретенникова в 1910 г. С.Ф.Платонов дважды пересылал письмо В.И.Веретенникова с просьбой об организации диспута А.С.Лаппо-Данилевскому, отказываясь делать какое-либо заключение о работе «ученика А.С.Лаппо-Данилевского». При этом С.Ф.Платонов был готов выступить вторым оппонентом, полностью положившись на мнение А.С.Лаппо-Данилевского.²⁰⁸ А.С.Лаппо-Данилевский же в осторожных выражениях пытался выяснить мнение С.Ф.Платонова по существу диссертации до диспута.²⁰⁹ Ситуацией, сложившейся с магистерской диссертацией В.И.Веретенникова из-за напряженных отношений А.С.Лаппо-Данилевского с С.Ф.Платоновым, возмущался А.Е.Пресняков,²¹⁰ который даже искал способ организовать защиту В.И.Веретенникова в Москве.²¹¹

Таким образом, несмотря на напряженность отношений между учеными в профессиональном общении, этический момент оставался значимым. Как мы дальше увидим, изменение историографической ситуации после революционных потрясений 1917 г. и кончина А.С.Лаппо-Данилевского разрушили барьер между С.Ф.Платоновым и школой А.С.Лаппо-Данилевского.

Кроме «эмпирического» направления С.Ф.Платонова в Санкт-Петербургском университете, рядом со школой А.С.Лаппо-Данилевского работал Н.И.Кареев, по праву занявший видное место в истории русской социологии и теории истории. «Теоретичность» подхода Н.И.Кареева к историческому знанию позволила В.П.Корзун даже отнести его к «социологическому» направлению петербургской школы,²¹² а В.П.Золотарев даже назвал А.С.Лаппо-Данилевского «в некоторой степени учеником Н.И.Кареева».²¹³ Насколько это обоснованно и каковы были научные и личные отношения А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева? Этот вопрос мы попытались подробно осветить в одной из статей,²¹⁴ здесь лишь кратко обозначим основные моменты взаимоотношений ученых. Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский познакомились, по-видимому, в 1885 г. вскоре после начала преподавания Н.И.Кареева на историко-филологическом факультете университета, где в то время заканчивал курс А.С.Лаппо-Данилевский. Молодого преподавателя и студента сблизил интерес к теоретическим проблемам исторического знания. В 1919 г. Н.И.Кареев так вспоминал свое первое общение с А.С.Лаппо-Данилевским: «Я познакомился с А.С.Лаппо-Данилевским... когда он был еще студентом... уже тогда его интересовали эти вопросы [теории истории. — *Е.Р.*], он о них думал и имел относительно их определенные мнения. К сожалению, я не помню содержания одного из первых наших разговоров, но в моей памяти сохранилось, что тема была историко-философская, что мой молодой собеседник сам начал этот разговор, развивал в нем какую-то общую мысль, какую излагал так сказать в алгебраических выражениях».²¹⁵ Впрочем, эти разговоры не вели к сближению позиций собеседников. Как замечал Н.И.Кареев, «так как мы оба были не охотниками до прений, а по многим пунктам наши взгляды не совпали, то с течением времени и наши беседы становились все более и более редкими».²¹⁶ Хотя в теоретических трудах А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева и присутствуют ссылки на работы друг друга, но по существу они носят лишь библиографический, справочный характер.²¹⁷ Правомерно предположить, что взгляды А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева развивались параллельно, не воздействуя непосредственно друг на друга. Здесь следует учитывать и то обстоятельство, что Н.И.Кареев был учеником В.И.Герье и прошел школу Московского университета.²¹⁸ Именно это обстоятельство, с нашей точки зрения, во многом предопределило и различие их подходов к вопросам теории истории. Если для Н.И.Кареева теория истории — это прежде всего занятие философией истории и теорией исторического процесса (историологией),²¹⁹ то для А.С.Лаппо-Данилевского — это занятие ее методологией и методикой. Во многом именно поэтому само отношение ученых к теории исторического знания было различным. Если в системе А.С.Лаппо-Данилевского теория истории как бы «обслуживает» решение задач исторического построения и источниковедения,²²⁰ то у Н.И.Кареева — она вырабатывает основные задачи исторической науки и предлагает их решение.²²¹ Однако, несмотря на видимую отдаленность в своих теоретических воззрениях, оба историка все-таки принадлежали к довольно

малочисленной в то время группе теоретиков исторического знания в России и, как отмечено выше, особенно резко в этом отношении они выбивались из среды ученых Санкт-Петербургского университета. Это обстоятельство во многом предопределило и «невольный союз» Н.И.Кареева и А.С.Лаппо-Данилевского в университете и других научных учреждениях Петербурга в 1890 — 1910-х гг.

Н.И.Кареев начал преподавание в Санкт-Петербургском университете в 1885 г. В столице ученый оказался в новой для себя среде петербургской исторической школы. От того, как сложатся отношения «новичка» с господствующим в столице научным направлением, зависело многое в судьбе историка. Начало фактического конфликта между В.Г.Васильевским и его школой, а также С.Ф.Платоновым и «русскими историками» следует отнести к 1889 г. (упомянутый выше скандал с созданием Исторического общества при университете). Негативное представление о Н.И.Карееве прочно сформировалось не только у «русских историков», но и у младшего поколения, прежде всего в среде многочисленных учеников С.Ф.Платонова. В частности, А.Е.Пресняков, один из наиболее ярких представителей этой плеяды, явно под влиянием учителя, не стеснялся в оценках Н.И.Кареева: «<...> добродушный, упитанный, очень недалекий буржуа, которого неподходящее для него положение “ученого” делает мелочным, самолюбивым и бестактным, в университетских отношениях» или: «Кареев — чванное животное».²²² В свою очередь и Н.И.Кареев не упускал случая «показать характер». В ноябре 1896 г. произошел новый конфликт между «русскими историками» и Н.И.Кареевым, который под надуманным предлогом отказался оппонировать Н.Д.Чечулину на его докторском диспуте при защите диссертации,²²³ а в 1898 г. произошел широко известный в историографии казус с отказом Н.И.Кареева принять магистерский экзамен у ученика С.Ф.Платонова Н.П.Павлова-Сильванского, который счел это решение несправедливым и отказался от переэкзаменовки, что самым пагубным образом отразилось на его научной карьере.²²⁴ Неудивительно, что и увольнение Н.И.Кареева из университета по политическим мотивам в 1899 г. не встретило особого «протеста» у большинства «платоновцев».

Иной характер приняли отношения Н.И.Кареева с А.С.Лаппо-Данилевским. Как показано выше, А.С.Лаппо-Данилевский не только не поддержал «русских историков» в конфликте, произошедшем в Историческом обществе, но и согласился войти в его новый комитет, возглавляемый Н.И.Кареевым. Возможно, этот конфликт послужил одной из причин отхода самого А.С.Лаппо-Данилевского от Кружка русских историков. В то же время А.С.Лаппо-Данилевский весьма скептически отзывался о научной деятельности и организаторских способностях Н.И.Кареева. Уже после начала деятельности Общества (в декабре 1889 г.) А.С.Лаппо-Данилевский писал М.А.Дьяконову: «Было у нас вчера заседание исторического общества, коего я секретарь. В общем не дурно, только Кареев председатель плохой». Вскоре А.С.Лаппо-Данилевский нелестно высказался и о докладе Н.И.Кареева на заседании Общества: «Кареев убил всех наповал изложением взглядов (разумеется чужих) на историю средних

веков до наших дней. Элементарно и скучно!»²²⁵ Вообще А.С.Лаппо-Данилевский считал, что «К[ареев], хотя и занимается теоретическими вопросами, но у него голова не философская».²²⁶ В то же время, в отличие от С.Ф.Платонова и «русских историков», А.С.Лаппо-Данилевскому удалось не только сохранить с Н.И.Кареевым хорошие личные отношения, но и приобрести в его лице союзника в своих научных проектах и академических предприятиях. Возможно, этому способствовали и общность их политических (либеральных) взглядов, и маргинальное положение «теоретиков» в среде историков.

Период некоторого осложнения отношений А.С.Лаппо-Данилевского с Н.И.Кареевым приходится на середину 1890-х гг. Причина заключалась в чрезмерном самолюбии Н.И.Кареева, который обиделся на А.С.Лаппо-Данилевского за то, что тот занял место председателя «Бесед по проблемам факультетского преподавания», на которое Н.И.Кареев очень рассчитывал. Н.Н.Платонова описывала ситуацию следующим образом: «Студенты (все это происходило у Форстена), после горячих пререканий (кажется, состоявших в том, что большинство резко восстало против предложенного кем-то в председатели Кареева) выбрали председателем Лаппо-Данилевского. На другой день А.И.Введенский и Л[аппо]-Дан[илевский] просили ректора содействовать возрождению общества. Ректор обещал свое сочувствие и содействие, но что из этого выйдет неизвестно. Интересно, что Кареев, узнав о выборе Л[аппо]-Дан[илевского] в председатели, перестал с ним разговаривать. Вот странное честолюбие и крайняя мелочность!»²²⁷ В связи с этим конфликтом А.Е.Пресняков, бывший одним из основных организаторов Общества, замечал про Н.И.Кареева: «На наше новое общество он фыркает и, видимо, обижен, что его обогнали. Но что делать, он был бы там прямо вреден своей претензией всюду играть первую роль, которая ему не по чину».²²⁸

Значимой вехой в отношениях ученых стал 1899 год. А.С.Лаппо-Данилевский был глубоко возмущен отстранением Н.И.Кареева от университетского преподавания, равно как и ситуацией в университете в целом. По его словам, «не было ни одного факта достаточного, чтобы вызвать подобную расправу».²²⁹ Несмотря на то, что как раз в это время решался вопрос о его членстве в Академии наук, А.С.Лаппо-Данилевский не стеснялся навещать опального профессора²³⁰ и, не скрывая своего резко негативного отношения ко всему происходящему, заявлял, что «наука становится лишней в наших университетах».²³¹

А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева в условиях Санкт-Петербургского университета объединяло и положение теоретиков и общие оппоненты (прежде всего С.Ф.Платонов и его сторонники) в научно-административных битвах того времени. Неслучайно, когда в 1915 г. праздновался 25-летний юбилей педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, Н.И.Кареев обратился к юбиляру с поздравительным письмом, в котором отметил основные вехи их сотрудничества и взаимодействия в науке: работа в Историческом обществе при университете, магистерский диспут А.С.Лаппо-Данилевского (на котором Н.И.Кареев выступил официальным оппонентом), издание Н.И.Кареевым документов «парижских

секций» (в академических изданиях по протекции А.С.Лаппо-Данилевского), совместная работа в комитете по подготовке Международного исторического съезда.²³² А.С.Лаппо-Данилевский (который с середины 1900-х гг. фактически принимал основные кадровые решения на Историко-филологическом отделении Академии (ИФО) в области истории), способствовал в 1909 г. избранию Н.И.Кареева членом-корреспондентом Академии, хотя и воздерживался от его рекомендации в ее действительные члены.

Можно предположить, что ни Н.И.Карееву, ни А.С.Лаппо-Данилевскому так и не удалось стать полностью «своими» по отношению к большинству в петербургской школе историков, в определенном смысле ученым приходилось «лабиринтировать» между различными течениями внутри школы, и этим обусловлены их «союзнические отношения». В этой связи интересно наблюдение из лагеря «оппонентов». Н.Н.Платонова замечает, что Ольденбургский кружок относится к Н.И.Карееву «отрицательно, но поддерживает с ним отношения, так как видит в нем полезное орудие для достижения своих целей».²³³

Говоря о формировании особого научного направления А.С.Лаппо-Данилевского, нельзя обойти тему сложных взаимоотношений А.С.Лаппо-Данилевского с московской школой и ее лидерами — В.О.Ключевским и П.Н.Милюковым.

Отношение к В.О.Ключевскому старшего поколения петербургской школы, к которому, как отмечено выше, принадлежали А.А.Куник, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.Г.Васильевский, Е.Е.Замысловский и другие, всегда было, по крайней мере, настороженным. Характерно, например, скептическое отношение К.Н.Бестужева-Рюмина к «Боярской думе Древней Руси»²³⁴ (докторской диссертации В.О.Ключевского).²³⁵ Как показал С.Н.Валк, с 40–50-х гг. XIX в. для петербуржцев оставались чуждыми «схемы московской школы»,²³⁶ петербургская школа не считала русскую науку готовой к всеобъемлющему синтезу, оставалась сосредоточенной на анализе исторических источников. По мнению П.Н.Милюкова, перелом в отношениях между школами наступил только в конце 1880-х — начале 1890-х гг. с появлением нового поколения петербуржцев, по-новому относившегося к задачам синтеза и, в связи с этим, к «направлению В.О.Ключевского».²³⁷

Как известно, методологическая система В.О.Ключевского была ориентирована прежде всего на решение задачи синтеза русской истории, выявление законов ее развития, определение ее общей схемы. В основе взгляда В.О.Ключевского на методологию был исследовательский прагматизм, но он не ограничивался (как у С.Ф.Платонова) решением задачи восстановления факта, а шел дальше — к решению проблемы синтеза «местной истории» в рамках позитивистской модели теории истории. Историческая методология понималась как совокупность приемов изучения, которые разнообразны в зависимости от поставленных задач, а задачи определяются предметом изучения. Предмет же исторической науки, согласно В.О.Ключевскому, — «происхождение, развитие и свойства людских союзов».²³⁸ «Объективный метод» исторического изучения

поэтому заключается, по определению ученого, в том, чтобы все исторические явления представить как часть этого движения. По мысли лидера московской школы, изучение исторических явлений должно строиться «сверху вниз», т.е. от верховной власти к низшим слоям населения. В.О.Ключевский утверждал, что такой порядок изучения дает возможность сводить явления того или другого разряда (т.е. явления политические, юридические и экономические) «в особую обобщающую формулу», а из отдельных формул можно вывести «общую схему нашей истории». В курсе русской истории этот метод изучения В.О.Ключевский называл «социологическим» и прямо связывал с общей задачей выведения законов функционирования общества. Примечательно, что и задачи исторической критики В.О.Ключевский полностью подчинял «объективному методу», считая критику источников (о методике которой речь шла выше) лишь первой ступенью исторической критики, верхняя ступень которой (т.н. высшая историческая критика) как раз и связана с выявлением исторической закономерности явлений.²³⁹

В своем «Курсе русской истории» (читавшемся им в 1890-е гг. в Историко-филологическом институте) А.С.Лаппо-Данилевский ограничивается лишь кратким изложением «теории колонизации» В.О.Ключевского, воздерживаясь от того, чтобы давать ей оценку.²⁴⁰ Правда, в последнем издании лекций А.С.Лаппо-Данилевского (1897) после изложения «схемы» В.О.Ключевского появляется примечательный критический пассаж: «<...> в этой схеме, как видно, В.О.Ключевский опускает духовные факторы нашего развития, а отсюда и взаимодействие между различными основными проявлениями древнерусской жизни, и ее эволюция в целом недостаточно выяснены; позднейшие периоды нашей истории к тому же обрисованы слишком слабо: намечены, быть может, лишь некоторые из ее особенностей, а не ее основания».²⁴¹ В читаемом А.С.Лаппо-Данилевским в то же время курсе историографии В.О.Ключевский, наряду с С.М.Соловьевым, характеризуется как «представитель последнего — современного нам — направления», которое «рассматривает русскую народность как организм, развивающийся путем перерождения частных норм в общие (государственные)».²⁴²

У А.С.Лаппо-Данилевского есть и несколько специальных очерков, посвященных В.О.Ключевскому. Первый из них относится к 1900 г. Это «Записка об ученых трудах профессора Императорского Московского университета В.О.Ключевского», составленная А.С.Лаппо-Данилевским²⁴³ от имени ряда академиков и явившаяся формальной рекомендацией для избрания В.О.Ключевского в состав действительных членов Академии наук.

В «Записке...» деятельность В.О.Ключевского рассматривается прежде всего как ученика С.М.Соловьева и сторонника «органической теории». Интересно, что среди достоинств кандидата А.С.Лаппо-Данилевский выделял, однако, иные стороны профессиональной деятельности и научного метода В.О.Ключевского — те, которые были близки ему самому. Так, особое внимание А.С.Лаппо-Данилевский уделил работе В.О.Ключевского над древнерусскими житиями (магистерская диссертация

«Древнерусские жития святых как исторический источник»²⁴⁴). По словам А.С.Лаппо-Данилевского, В.О.Ключевский «обратился к изучению житий не столько как источника, сколько как явления» и «мастерски пользовался обломками старины для воспроизведения целого». Примечательно, что, как отметил А.С.Лаппо-Данилевский, самого В.О.Ключевского как раз это исследование не удовлетворило, поскольку не дало ожидаемого материала для разработки теории «колонизации». Импонировали А.С.Лаппо-Данилевскому и иные специально-исторические изыскания кандидата, которые, конечно, для самого В.О.Ключевского носили периферийный характер, например выяснение вопроса о «ценности рубля». А.С.Лаппо-Данилевский подчеркнул ценность работ ученого, посвященных истории XVII—XVIII вв., где, по его словам, В.О.Ключевский обратился к анализу западных влияний на русскую культуру, к исследованию религиозных представлений людей Московской Руси и выявил «значение идеи возникшей у некоторых из русских людей того времени под влиянием падения Константинополя», рассмотрел вопрос о роли церкви в обществе. А.С.Лаппо-Данилевский как бы подчеркивал своим изложением, что исследование сознания народа и «истории идей» оказалось более продуктивным в научной деятельности В.О.Ключевского, нежели социально-экономическая проблематика и тема «колонизации».²⁴⁵

После смерти В.О.Ключевского А.С.Лаппо-Данилевский принял участие в ряде мероприятий, посвященных памяти покойного ученого. Так, в 1911 г. А.С.Лаппо-Данилевский выступил с речами, посвященными В.О.Ключевскому, на заседаниях секции русской истории Исторического общества при Санкт-Петербургском университете²⁴⁶ и XV Археологического съезда. В последнем выступлении А.С.Лаппо-Данилевский особо остановился на роли В.О.Ключевского как «главы московской исторической школы», к которой он отнес П.Н.Милюкова, А.А.Кизеветтера, В.Н.Сторожева, Я.Л.Барскова, М.М.Богословского, Н.А.Рожкова и М.Н.Покровского, и, что примечательно, подчеркнул влияние В.О.Ключевского на труды своих петербургских коллег — М.А.Дьяконова и С.Ф.Платонова.²⁴⁷ А.С.Лаппо-Данилевский также явился автором двух публикаций, посвященных памяти В.О.Ключевского. Статья «Памяти Василия Осиповича Ключевского» была опубликована два раза: сначала в журнале «Вестник Европы»,²⁴⁸ затем в сборнике «В.О.Ключевский. Характеристики и воспоминания» под названием «Исторические взгляды В.О.Ключевского»,²⁴⁹ другая публикация — некролог, читанный в общем собрании Академии и помещенный в ее «Известиях» (1911).²⁵⁰ А.Н.Цамутали первый в литературе обратил внимание на критическое отношение А.С.Лаппо-Данилевского к теоретическим взглядам В.О.Ключевского, которое скрывалось за внешне почтительным тоном, соответствующим жанру статьи «Исторические взгляды...».²⁵¹ Действительно, А.С.Лаппо-Данилевский, анализируя систему взглядов В.О.Ключевского, подчеркивал, «социологичность» его точки зрения на историю, зависимость его схемы от взглядов С.М.Соловьева. Примечательно, что А.С.Лаппо-Данилевский явно критически относился как раз к тому, чем, по его словам, В.О.Ключевский «пополнил схему, принятую

Соловьевым», а именно положением о доминирующей роли социальных и экономических факторов в истории. Одновременно А.С.Лаппо-Данилевский, правда, обратил внимание и на то, что было позитивного в творчестве В.О.Ключевского с точки зрения его собственной системы. В.О.Ключевский не отрицал значения «духовных факторов», роли тех идей в истории, которые имеют «общепризнанное» или историческое значение. Особо импонирует А.С.Лаппо-Данилевскому сам принцип целостного синтетического взгляда на историю, сочетание разработки теории и конкретно-исторических исследований. А.С.Лаппо-Данилевский отмечал как достоинство схемы В.О.Ключевского (в сравнении с С.М.Соловьевым), что он стремится показать «индивидуальный» характер русской истории, т.е. в решении этой задачи становится на близкую А.С.Лаппо-Данилевскому «индивидуализирующую» точку зрения.²⁵² В некрологе, помещенном в «Известиях», А.С.Лаппо-Данилевский подчеркивает достоинства конкретно-исторических работ В.О.Ключевского. В частности, он отмечает, что последний хотел «понять наше прошлое с собственно исторической точки зрения, в значительной степени соподчиняя ей ту социологическую схему, с которой он приступил к своим исследованиям».²⁵³ Высоко ценил А.С.Лаппо-Данилевский и «редкий дар слова», присущий покойному ученому, его способность к художественному воскрешению истории.²⁵⁴

Таким образом, хотя А.С.Лаппо-Данилевскому импонирует сама постановка вопросов теории исторического знания и он готов был принять те конкретно-исторические выводы В.О.Ключевского, которые подчиняли общую «социологическую схему», базовые принципы, лежащие в основе методологии научной работы В.О.Ключевского, являлись для его петербургского коллеги совершенно чуждыми.

Различное видение задач исторической науки, по-видимому, вело к тому, что «точек соприкосновения» (или «столкновения») научных интересов В.О.Ключевского и А.С.Лаппо-Данилевского тоже было немного. Познакомились ученые, видимо, в начале 1890-х гг., и, по всей вероятности, их отношения всегда носили только официальный характер. В ходе конфликта вокруг диссертации П.Н.Милокова А.С.Лаппо-Данилевский, по-видимому, занял сторону последнего и наряду с С.Ф.Платоновым оказал содействие в напечатании в Петербурге работы «Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого».²⁵⁵

Общие научные интересы и задачи А.С.Лаппо-Данилевского и В.О.Ключевского были прежде всего связаны с совместной деятельностью историков в Академии наук. Несомненно, однако, что их отношения носили уважительный, но более отчужденный характер, чем у В.О.Ключевского с С.Ф.Платоновым. Возможно, это связано с началом сотрудничества в составе ИФО А.С.Лаппо-Данилевского и В.О.Ключевского. В Академию наук историки были избраны почти одновременно. А.С.Лаппо-Данилевский в 1899 г. был избран адъюнктом, В.О.Ключевский — в конце 1900 г. ординарным академиком ИФО вне штата (а в 1908 г. еще и почетным академиком разряда изящной словесности Академии наук).

Существуют разные точки зрения относительно того, почему В.О.Ключевский не был избран в штат Академии сразу после того, как освободи-

лась в 1899 г. вакансия после кончины А.А.Куника. Р.А.Киреева, например, считает, что дело заключалось в том, что В.О.Ключевский не хотел переезжать из Москвы.²⁵⁶ Эта точка зрения вызывает некоторые сомнения. В «Материалах к биографии Васильевского» И.М.Гревс пишет по этому поводу, что выбирать иногородних В.С.Иконникова и В.О.Ключевского «было неудобно, так как им могла быть предложена лишь ординатура, а тут освободилось только место адъюнкта», и описывает усилия В.Г.Васильевского по избранию именно А.С.Лаппо-Данилевского.²⁵⁷ Сам А.С.Лаппо-Данилевский в письме к М.А.Дьяконову разъясняет ситуацию следующим образом: «Вы пишете об Иконникове и Ключевском... выяснилось, что в уставе есть параграф, в силу которого можно быть избранным лишь в адъюнкты, из которых заслуживающие сего переизбираются в э[кстраординарные] и о[рдинарные] академики».²⁵⁸ В упомянутой выше «Записке...», составленной А.С.Лаппо-Данилевским для рекомендации В.О.Ключевского в Академию, указывается, что предложение В.О.Ключевского в «иногородние ординарные академики» (т.е. за штатом), связано с «отсутствием второй ординатуры по истории».²⁵⁹ Оценивая эти пояснения, следует иметь в виду, что внутри Академии «штатные» члены обладали равными правами, а продвижение из адъюнктов в академики являлось чисто технической процедурой, занимающей 2–3 года. Так, А.С.Лаппо-Данилевский стал экстраординарным академиком уже в 1902 г. Примечательно, что и с освобождением штатной ординатуры в ИФО в 1904 г., после смерти Н.Ф.Дубровина, она не была предложена В.О.Ключевскому. Штатным ординарным академиком стал А.С.Лаппо-Данилевский. По-видимому, петербургские академики (старшее поколение школы), выбирая между С.Ф.Платоновым и А.С.Лаппо-Данилевским, изначально не склонны были всерьез рассматривать возможность избрания «варяга» В.О.Ключевского в штат «своего» ученого учреждения. С другой стороны, при отсутствии вакансии в состав Академии можно было избрать только «вне штата», т.е. «с оставлением в прежней должности», что и было сделано в 1900 г. в виде «утешительного приза» в отношении В.О.Ключевского и Ф.И.Успенского,²⁶⁰ который тоже претендовал первоначально на место А.А.Куника.²⁶¹ Можно предположить, что эта история с избранием в академики наряду с научно-теоретическими разногласиями предопределила отчасти и характер сотрудничества ученых в составе Академии.

Единственным опытом этого сотрудничества стала попытка А.С.Лаппо-Данилевского привлечь В.О.Ключевского к своему основному проекту в Академии — изданию грамот Коллегии экономии. Однако В.О.Ключевский предложил печатать акты не по уездам (в отличие от А.С.Лаппо-Данилевского), а в общем хронологическом порядке.²⁶² «Расположение актов Коллегии экономии в архиве юстиции по уездам было вызвано, можно думать, — писал В.О.Ключевский А.С.Лаппо-Данилевскому, — специальными практическими нуждами учреждения... В целях общего научного изучения представляется наиболее пригодным издание всех актов коллегии, древнейших и позднейших, в хронологическом порядке без дальнейшего их подразделения». Одновременно В.О.Ключевский предлагал составить к

изданию географический указатель с распределением актов по уездам.²⁶³ Для А.С.Лаппо-Данилевского этот прагматический подход, конечно, приемлем не был — с позиций его методологии, грамоты следовало расположить в «систематическом целом», т.е. печатать их по уездам в хронологической последовательности.²⁶⁴ После этого эпизода В.О.Ключевский фактически самоустранился от деятельности Отделения. Так, в 1906 г. он отказался от поручения Комиссии Академии по присуждению премий графа Уварова — рецензирования сочинения М.С.Грушевского «Очерк истории украинского народа».²⁶⁵ Сам по себе формальный отказ от выполнения поручения Академии под предлогом занятости другими делами (в университете)²⁶⁶ со стороны ее действительного члена — случай беспрецедентный. Следует иметь в виду, что комиссиями по присуждению премий графа Уварова по сочинениям по русской истории фактически руководил А.С.Лаппо-Данилевский²⁶⁷ (кстати, симпатизировавший М.С.Грушевскому).²⁶⁸ По-видимому, В.О.Ключевский не хотел играть «вторую скрипку» в ИФО, следуя политике А.С.Лаппо-Данилевского, что и недвусмысленно давал понять. Тем не менее вряд ли обоснованно говорить о каком-то формальном «разрыве» в отношениях В.О.Ключевского и А.С.Лаппо-Данилевского. Так, несмотря на свое фактическое неучастие в делах отделения, В.О.Ключевский пытался помочь А.С.Лаппо-Данилевскому в переговорах с директором Московского архива министерства юстиции Д.Я.Самоквасовым по поводу запланированного Академией издания «Материалов по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду», хранившихся в этом архиве. Редактором издания являлся ученик В.О.Ключевского В.Н.Сторожев. У последнего так же, как и у А.С.Лаппо-Данилевского (курировавшего издание от Академии), сложились конфликтные отношения с Д.Я.Самоквасовым, который был известен своим нетерпимым отношением к любым публикациям материалов своего архива, осуществлявшимся помимо него самого.²⁶⁹ В.Н.Сторожеву директором был даже запрещен вход в архив. В.О.Ключевский пытался, по просьбе А.С.Лаппо-Данилевского, смягчить позицию Д.Я.Самоквасова, но последний заявил ему, что «этого запрета», наложенного на В.Н.Сторожева «за какой-то поступок с архивными документами», «не может отменить ни он, директор, ни сам министр юстиции», о чем В.О.Ключевский с долей иронии и сообщил А.С.Лаппо-Данилевскому.²⁷⁰ В то же время В.О.Ключевский добился от Д.Я.Самоквасова обещания предоставить «все удобства» для другого лица помимо В.Н.Сторожева, который будет готовить это издание для Академии. По всей вероятности, ни А.С.Лаппо-Данилевского, ни ИФО такой компромисс не устроил, и работа над изданием «Материалов...» была продолжена В.Н.Сторожевым только после смерти Д.Я.Самоквасова (1911 г.), что привело к 12-ти летнему перерыву между их первым и вторым выпусками.²⁷¹ Судя по этому эпизоду, отношения между учеными при всей их отдаленности друг от друга оставались корректными и даже учтивыми. Последний раз А.С.Лаппо-Данилевский и В.О.Ключевский, по-видимому, встречались в 1909 г. в Москве — в дневнике В.О.Ключевского сохранилась запись²⁷² о разговоре по теме, в изучении которой их научные интересы смыкались, — истории сословий.²⁷³

Если концептуальное видение русского исторического процесса П.Н.Милюкова отличалось от такового В.О.Ключевского, то методология его научной работы в целом соответствовала направлению учителя. Недаром первое и базовое теоретическое положение «Очерков по истории русской культуры» связано с распространением «понятий закономерности и эволюции из области естественных наук в область наук гуманитарных».²⁷⁴ Как следствие, П.Н.Милюков всячески подчеркивает свою «социологическую точку зрения» на исторический процесс.²⁷⁵ Отношение П.Н.Милюкова к методологии научной работы петербургской школы довольно ясно проявилось уже в начале 1890-х гг., когда он обвинил петербургских историков, сосредоточенных на «источниковедческих и историографических» темах, в односторонности, высказав мнение вполне в стиле школы В.О.Ключевского о том, что «критическая оценка источника [речь шла об исследовании С.М.Середонина сочинения Д.Флетчера «О государстве Русском». — *Е.Р.*]... должна не предварять реальное изучение, а быть выводом из него или, по крайней мере, идти с ним об руку».²⁷⁶ Посчитав, что «среди самих последователей школы уже заметно сознание односторонности изображенного направления и делаются попытки вернуться к реальному изучению», неудачу сочинения С.М.Середонина П.Н.Милюков связал с тем, «что старая закваска школы не совсем выдохлась и продолжает оказывать вредное влияние на исследователей, это особенно ярко видно на примере разбираемого исследования».²⁷⁷ Вот как отреагировала на такую постановку вопроса о «школах» Н.Н.Платонова (запись от 28 февраля 1892 г.): «В этой [февральской. — *Е.Р.*]... книжке Русск[ой] Мысли помещена очень странная рецензия Милюкова на книгу Середонина, которая (книга) якобы доказывает, что петерб[ургская] школа (историческая) раскаялась в своих прежних заблуждениях и решила обратиться на путь истинный. Васильевский и С.Ф. [Платонов] недовольны этой рецензией».²⁷⁸ Отметим, что в последующих высказываниях П.Н.Милюкова именно С.Ф.Платонов относился им к новому поколению петербургской школы, перенявшему московские традиции,²⁷⁹ хотя С.Ф.Платонов же, напротив, предпочитал ощущать себя главой школы «восстановления прав источника и факта», полностью разделив такую характеристику петроградской исторической школы, данную в 1918 г. его учеником А.Е.Пресняковым.²⁸⁰ В известной статье «Источники русской истории и историография» (1899) П.Н.Милюков вновь упрекал петербургских историков, последователей К.Н.Бестужева-Рюмина, в том, что в их работах «ученое творчество отступает... на задний план перед осторожным эклектизмом: критика источников получает перевес над пользованием ими».²⁸¹

В конечном итоге именно методологические разногласия (наряду с противоречиями личного характера), с нашей точки зрения, предопределили и фактический разрыв отношений А.С.Лаппо-Данилевского с П.Н.Милюковым, отношений, которые завязались в конце 1880-х гг. почти на дружеском уровне. Одно из писем этого времени А.С.Лаппо-Данилевский начинает, например, такими словами: «Не хочу обращаться к Вам

с титулов: многоуважаемый, титулов, которыми мы называем так много официальных и неофициальных, патентованных и непатентованных олухов. Не смею сказать дорогой, но, не кривя душой, могу написать: симпатичный мне, Павел Николаевич!»²⁸²

Первую реакцию П.Н.Милюкова на «Организацию прямого обложения...» А.С.Лаппо-Данилевского находим в письме к С.Ф.Платонову (май 1890 г.): «Книга [Лаппо-]Данилевского мне очень понравилась; я готов признать, что выражается он часто очень неумело и туманно, но не согласен, чтоб можно было книгу сократить страниц на 200: ведь он, в сущности, слишком мало и так раскрывает свой материал. Во всяком случае, и тема и материал выбраны очень удачно... — он совладал с темой и дал много совсем нового и важного».²⁸³ Аналогичен тон первой краткой рецензии П.Н.Милюкова, вышедшей вскоре после публикации книги, в которой он дал очень высокую оценку работы А.С.Лаппо-Данилевского, однако отмечал: «<...> автору удалось сделать весьма крупный вклад в русскую историческую литературу. Совершенного нет под луной, и в работе г. А.С.Лаппо-Данилевского найдутся недостатки»,²⁸⁴ наиболее важный из которых рецензент усмотрел в статическом изложении: «<...> явления разных моментов XVII в. получают в изложении автора слишком однозначную окраску. Поэтому следует пожелать, чтобы автор... рядом с *системой*... написал и *историю* русского государственного хозяйства XVII в.».²⁸⁵

Вторая, развернутая, рецензия П.Н.Милюкова («Спорные вопросы финансовой истории Московского государства») стала важнейшим историографическим фактом.²⁸⁶ По просьбе Академии наук П.Н.Милюков представил отзыв на «Организацию прямого обложения...», поданную на премию графа Уварова 1891 г. Некоторые исследователи (например С.Б.Веселовский, один из младших учеников В.О.Ключевского) считали даже, что цена рецензии «гораздо выше цены той работы на которую она писалась».²⁸⁷ С.Ф.Платонов тотчас после ее появления просил позволения П.Н.Милюкова «ввести ее в употребление в аудитории в листах теперь же» и сожалел, что «ей суждено быть только рецензией, а не монографией für sich und an sich [для себя и в себе. — *Е.Р.*]».²⁸⁸ В этом специальном труде, посвященном анализу книги А.С.Лаппо-Данилевского, можно выделить два принципиальных возражения против его методологии исторического исследования: во-первых, рецензент подверг критике автора за то, что он не изучал финансовую систему в целом, а только проблему прямого налогообложения, в то же время далеко выходя за рамки заявленной темы; во-вторых, указал на внутреннюю противоречивость изложения, связанную с тем, что «однообразная схема» А.С.Лаппо-Данилевского не соответствовала излагаемому им материалу. П.Н.Милюков, в частности, писал: «<...> потребность отыскивать общий смысл в изучаемых... деталях явления составляет, конечно, одну из самых симпатичных сторон исследования автора, но, к сожалению, его общие точки зрения не всегда стоят в органической связи с детальным исследованием, не вытекая непосредственно из материала».²⁸⁹ Рецензент подверг критике именно те частные выводы А.С.Лаппо-Данилевского,

которые не соответствовали концепции государственной школы. Одновременно автор «Спорных вопросов...» настаивал на необходимости рассмотрения системы налогообложения в контексте эволюционного развития ее институтов (что соответствовало установкам позитивистской историографии). П.Н.Милюков оценивал исследование петербургского ученого с точки зрения традиционных представлений московской школы о структуре научного труда и о роли теории, определяющей порядок работы с историческим материалом.

В полемику с П.Н.Милюковым вступил М.А.Дьяконов, опубликовавший специальную «рецензию на рецензию».²⁹⁰ Прежде всего, М.А.Дьяконов не согласился с мнением П.Н.Милюкова о том, что А.С.Лаппо-Данилевский ошибочно строит выводы на подборе единичных фактов и, таким образом, часто приходит к заключениям, противоречащим общей идее книги. М.А.Дьяконов, в частности, указал на то, что подобная постановка вопроса П.Н.Милюковым дает повод к методологическим недоумениям, так как нет «иного способа изучать тот или иной порядок, как путем наблюдения практики, т.е. изучения отдельных фактов». Задавшись вопросом, «удалось ли г. Милюкову по всем вопросам найти и лучше исследовать источники и прийти к более бесспорным выводам?»,²⁹¹ М.А.Дьяконов подверг сомнению ряд источниковедческих изысканий П.Н.Милюкова, лежащих в основе критики построений А.С.Лаппо-Данилевского.

Таким образом, при внешней схожести историографической критики С.Ф.Платонова и П.Н.Милюкова их методологические мотивации различались. С.Ф.Платонов критиковал А.С.Лаппо-Данилевского за чрезмерное следование общей схеме, П.Н.Милюков — за недостаточное увязывание «общих точек зрения» с «конкретным материалом». С разных позиций оба рецензента в негативном плане отнесли А.С.Лаппо-Данилевского к историко-юридической школе, и эта оценка прочно закрепилась в историографии.

После опубликования рецензии П.Н.Милюкова А.С.Лаппо-Данилевский фактически прекратил с ним отношения и не скрывал явной антипатии к своему оппоненту. В дневнике Н.Н.Платоновой (январь 1893 г.) рассказывается о рауте у В.Г.Дружинина: «<...> был там и Лаппо-Данилевский, который, в разговоре о Милюкове, назвал его глупым и прямо дураком за его речь на диспуте, ответ на рецензию Безобразова и, наконец, за его академическую рецензию на книгу Л[апп]п[о-] Дан[илевско]го». Н.Н.Платонова, которая к тому времени, по-видимому, «разочаровалась» в П.Н.Милюкове, в целом сочувственно отозвалась на этот раз о его критике: «<...> мне все-таки жаль, что я теперь не вижу и не говорю с Лаппо-Дан[илевски]м: по-моему, он хоть грубый и неотесанный человек, но все-таки интересный».²⁹²

Положение А.С.Лаппо-Данилевского в кругу коллег на начальном этапе его карьеры определялось рядом различных факторов. Уже в студенческие и магистрантские годы проявились такие черты характера А.С.Лаппо-Данилевского, как замкнутость, крайне критическое отношение к работам коллег, болезненное самолюбие, которые сочетались с беззавет-

ной преданностью научному труду, системностью мышления, восприятием науки как неотъемлемой части культурной традиции. Философское осмысление мира заменило А.С.Лаппо-Данилевскому религию, научная работа воспринималась им как этический долг. Эти свойства натуры А.С.Лаппо-Данилевского предопределили критическое восприятие им существующей научной традиции, желание дать «новое освещение основным принципам науки». А.С.Лаппо-Данилевского не только в теоретическом плане не удовлетворяло ни одно из современных ему течений в исторической мысли, но в профессиональном и личном отношении не устраивали основные научные школы: московская и то направление петербургской школы, которое было связано с именем С.Ф.Платонова. А.С.Лаппо-Данилевский, очевидно, пытался совместить строгие источниковедческие принципы предшествующего поколения школы с занятиями теорией истории и социальных наук.

До 90-х гг. XIX столетия в российской историографии цельного изложения системы теории и методологии истории просто не существовало, хотя со времен Н.И.Надеждина и Т.Н.Грановского теоретические вопросы периодически обсуждались. В начале 1890-х гг. В.С.Иконников, автор классического «Опыта русской историографии», характеризуя положение в этой области научной литературы, писал: «<...> мы доселе не имеем... *строгаго метода* и... довольно ясного сознания настоящих целей нашей науки... при современном состоянии науки, все еще приходится разбирать элементарные вопросы, на которые не стоит тратить труда в других сферах знания... история, как наука, еще не определилась окончательно, т.е. не успела выработать ни твердо устоявшегося *метода*, ни точно определенных общих *законов*, управляющих историческою жизнью человечества... настоящей так наз. *теории истории* даже нет». ²⁹³ Ему вторил А.Е.Пресняков, в пафосном стиле заявив (в статье 1895 г.): «Отличительной чертой научного движения XIX века считается разработка и широкое применение исторического метода. Но каков научный метод самой исторической науки, где его основы? У нас нет удовлетворительной методологии, нет даже установленного определения исторической науки. Все это слишком известные факты, чтобы на них останавливаться». ²⁹⁴

Круг идей, к которому, главным образом, обращались теоретики исторического знания рубежа веков, известен: гегельянство, позитивизм и неокантианство. К представителям русского неокантианства начала XX века традиционно относят А.И.Введенского, И.И.Лапшина, Г.И.Челпанова, П.И.Новгородцева, Л.И.Петражицкого, Б.А.Кистяковского и ряд других видных мыслителей. ²⁹⁵ Наряду с А.С.Лаппо-Данилевским к русским историкам-неокантианцам причисляют, прежде всего, В.М.Хвостова, М.М.Хвостова, Д.М.Петрушевского и Н.М.Бубнова. ²⁹⁶ Обращение отечественных историков к неокантианской философии было общим с их европейскими коллегами и бесспорно связано с попытками преодолеть кризис позитивистского понимания предмета и метода истории, ²⁹⁷ который со всей четкостью обозначился в конце XIX века после появле-

ния работ Э.Дюркгейма, Г.Зиммеля и В.Дильтея. Суть задачи, стоящей перед историками, заключалась в обеспечении легитимизации истории как науки в условиях, когда теоретическая несостоятельность старой доброй формулы Л. фон Ранке о том, что история «это то, что было на самом деле», была уже очевидна. Во французской историографии вызов приняли представители «методической школы», в немецкой Э.Мейер, ²⁹⁸ Э.Бернгейм, ²⁹⁹ И.Г.Дройзен, ³⁰⁰ в итальянской Б.Кроче, ³⁰¹ в английской Р.Коллингвуд. ³⁰² В русской историографии единственную законченную модель исторического знания, основанную на неокантианской философии истории, сформулировал А.С.Лаппо-Данилевский.

Осознание необходимости теоретического обоснования принципов исторической науки привело в последние десятилетия XIX в. к институционализации методологии истории как научной и учебной дисциплины в европейских, в том числе российских, университетах. ³⁰³ Каноническим стал знаменитый курс «Методы исторического исследования», читаемый Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобосом в Сорбонне. ³⁰⁴ Несколько параллельных курсов методологии истории начинает читаться и в российских высших учебных заведениях. ³⁰⁵ Можно предположить, что «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского родилась благодаря удачному совпадению «академического заказа» с теми теоретическими задачами, которые сам ученый ставил перед собой.

Как отмечалось выше, на раннем этапе методологических поисков А.С.Лаппо-Данилевского он скорее отталкивался от позитивистского, «органистического» понимания хода исторического процесса. Однако уже первые крупные конкретно-исторические работы ученого вызвали критику, которая показала уязвимость построений А.С.Лаппо-Данилевского, вызванную как раз тем, что общетеоретические представления о ходе исторического процесса были слабо увязаны с конкретно-историческими выводами, получаемыми в ходе исследования, проведенного в традициях петербургской школы. Впрочем, уже ранние опыты А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствуют и о поиске нового подхода в самом построении системы методологии. В одном из писем 1894 г. историк формулирует его так: «Я думаю о том, что первая часть моей методологии должна сильно развивать способности студентов к анализу. К анализу стремятся теперь все науки, он не только важен как орудие мысли, которым мы рассееаем непроницаемые для нашего сознания в их целом массы грубого материала, но имеет громадное значение и потому, что из этих мелких частей (и чем меньше, тем лучше) можно построить здание логически гораздо более цельное». ³⁰⁶ Таким образом, не только кризис позитивистской модели теории истории конца XIX в., но и «индивидуализирующий» характер исторического познания, присущий петербургской научной традиции, с неизбежностью подвел А.С.Лаппо-Данилевского к преодолению позитивизма (в начале 1900-х гг.) ³⁰⁷ и к попытке создания неокантианской системы исторического знания, а на ее основе — научно-исследовательской программы, основные элементы которой мы попытаемся осветить во второй главе книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О гимназических годах А.С.Лаппо-Данилевского см.: *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С.13-17.

² Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч.1. С.408.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* [Студенческие сочинения] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.1-109. См. также: Годовой отчет по имп. Санкт-Петербургскому университету за 1882 г. /Сост. Э.Р.Вреден. СПб., 1883. С.29; Отчет по Санкт-Петербургскому университету за 1882 год /С прил. речи В.И.Васильева; Сост. Ю.Э.Янсоном. СПб., 1883. С.32.

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч.1. С.408.

⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Несколько сведений, сообщенных иностранными писателями о Северо-Западной России и отношения ее к Западу // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.114-122; *он же.* Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинении В.И.Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // ЖМНП. 1884. № 5. С.21-38 отд. паг.; *он же.* Дворники Московского государства за XVII столетие // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.156-164; *он же.* Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // ЖМНП. 1885. № 9. С.66-106 отд. паг.; *он же.* Литовские и казачьи воровские шайки в первое десятилетие царя Михаила // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.165-235; *он же.* Разбой и разбойники первой половины XVII столетия в Московском государстве // Там же. Л.237-265

⁶ См.: Правительственный вестник. 1885. 11 декабря; Архангельские губернские ведомости. 1886. 4 января.

⁷ Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч.1. С.408

⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк по всеобщей истории. Возвышение Австрийского дома // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.2. Л.110-113.

⁹ См.: *Покровский М.Н.* О книге А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып.1 // *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып.2. С.97-104.

¹⁰ *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн.6. С.59; *он же.* За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С.82. См.: Отчет по Санкт-Петербургскому университету за 1882 год. С.50-51; Отчет о состоянии имп. Санкт-Петербургского университета и деятельности его ученого сословия за 1883 год, читанный на акте 8-го февраля 1884 года ordinарным профессором Ю.В.Сохоцким // Годичный акт имп. Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1884 г. СПб., 1885. С.28; Отчет о состоянии имп. Санкт-Петербургского университета за 1884 год, читанный на годичном акте 8 февраля 1885 г. экстраординарным профессором бароном В.Р.Розеном // Годичный акт имп. Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1885 г. СПб., 1885. С.32-33.

¹¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* [Конспект речи, посвященной задачам студенческого объединения] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.5. Л.12-16.

¹² Материалы студенческого Научно-литературного общества // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.5. Л.4,13.

¹³ Устав студенческого Научно-литературного общества. § 10 // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.108. Л.6.

¹⁴ Материалы студенческого научно-литературного общества // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.5. Л.4.

¹⁵ См.: *Гревс И.М.* За культуру. С. 83.

¹⁶ Материалы студенческого научно-литературного общества // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.5. Л.3 об.-4 об.

¹⁷ *Шаховской Д.И.* Письма о братстве /Публ. Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. М.—СПб., 1992. Вып.2. С.283.

¹⁸ См.: *Жуковская Т.Н.* Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX—XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Материалы международной конф. (2—5 февраля 2000 года). Петрозаводск, 2000. С.346.

¹⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1887. Т.4. (Отд. отт.: СПб., 1887).

²⁰ *Мищенко Ф.Г.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб., 1887 // ЖМНП. 1888. № 9. С.211,219 отд. паг.

²¹ Ответ А.С.Лаппо-Данилевского на методологическую критику Ф.Г.Мищенко см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Заметка по поводу статьи Ф.Г.Мищенко о «Скифских древностях» // ЖМНП. 1888. № 11. С.162-172 отд. паг.

²² *Полевой П.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб., 1887 // ИВ. 1887. № 7. С.209,210.

²³ Протоколы заседания Совета Историко-филологического факультета // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д.16032. Л.15 об.,17 об.

²⁴ [Лаппо-Данилевский А.С.]. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. СПб., 1896. Т.1. А—Л. С.364.

²⁵ *Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великолукского государства». Пг., 1920. С.6.

²⁶ См., например: *Левандовский А.А.* Т.Н.Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С.214 и др.

²⁷ *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С.10-14.

²⁸ Ср.: Там же. С.15.

²⁹ *Платонов С.Ф.* [Подготовительные материалы к речи по случаю годовщины смерти В.Г.Васильевского] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1527. Л.6.

³⁰ *Платонов С.Ф.* Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // РИЖ. 1922. Кн.8. С.227. О методе «критического изучения источников» К.Н.Бестужева-Рюмина см.: *Киреева Р.А.* Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996. С.342-347.

³¹ А.С.Лаппо-Данилевский — М.А.Дьяконову. [1889 г.] // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.22-23 об.

³² А.С.Лаппо-Данилевский — П.Н.Милокову. 4 и 6 декабря 1889 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.10 об.

³³ А.С.Лаппо-Данилевский — В.И.Вернадскому. 1880-е гг. // АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.923. Л.19-20 об.

³⁴ А.С.Лаппо-Данилевский — М.А.Дьяконову. [1889 г.] // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.21 об.-22.

³⁵ А.С.Лаппо-Данилевский — М.А.Дьяконову. 6 февраля 1891 г. // Там же. Л.57 об.-58.

³⁶ А.С.Лаппо-Данилевский — Е. Д.Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.23 об.

³⁷ А.С.Лаппо-Данилевский — М.А.Дьяконову. 15 мая 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.68.

³⁸ См. в частности: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [СПб., 1922. С.22; *Валк С.Н.* [Выступление на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.114-115; *Чирков С.В.* Археология и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.22-24; *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. М., 1994. С.18-20,22,53-54,115; *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С.44,45,50-51,53.

³⁹ С.Ф.Платонов — К.Н.Бестужеву-Рюмину. 8 января 1883 г. Копия // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1716. Л.4 об.-5.

⁴⁰ С.Ф.Платонов — К.Н.Бестужеву-Рюмину. 30 ноября 1883 г. Копия // Там же. Л.8 об.

⁴¹ Адрес О.Ф.Миллеру по случаю 25-летия его преподавательской деятельности // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.1931. Л.1.

⁴² *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.42. См.: *Киреева Р.А.* К.Н.Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С.225.

⁴³ Подробнее см.: *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.58-59. О роли А.С.Лаппо-Данилевского в Ольденбургском кружке см.: *Корзун В.П.* Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С.Лаппо-Данилевского) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.257-258. Вообще о «Приютинском братстве» и об обширной литературе, посвященной ему, см.: *Шаховской Д.И.* Письма о братстве. С.175.

⁴⁴ Там же. С.283. О радикальном направлении в Научно-литературном обществе см.: *Чеботарева И.Н.* Воспоминания об Александре Ульянове и Петербургском студенчестве 1883-1887 гг. // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1963. Т.1. С.224.

⁴⁵ См.: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.18.

⁴⁶ *Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // ДД. 1921. Кн.2. С.132. Ср.: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.25.

⁴⁷ Сохранилась, например, записка А.С.Лаппо-Данилевского С.Ф. Платонову следующего содержания: «Многоуважаемый Сергей Федорович! У Вас кажется есть Жур[нал] Мин[истерства] Нар[родного] Пр[освещения] за Сентябрь. Сделайте одолжение, если возможно, дайте его мне на короткий срок. Я не могу его нигде достать, а между тем хорошо бы прочесть рецензию Мищенко, которой внимательно еще не читал. Если можно такое дело устроить, то не отвечайте мне, я зайду за книгой в среду вечером; если нельзя, то уведоьте что бы не совершать мне длинной прогулки; теперь мне время дорого. Досадно только, что экзамен придется держать не 17, а 24 сент[ября]» (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1120. Л.3).

⁴⁸ См.: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.126.

⁴⁹ А.С.Лаппо-Данилевский — С.Ф.Платонову. Декабрь 1887 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1120. Л.1.

⁵⁰ А.С.Лаппо-Данилевский — С.Ф.Платонову. 30 августа 1889 г. // Там же. Л.5.

- ⁵¹ М.А.Дьяконов – С.Ф.Платонову. 1889 г. // Там же. Д.2856. Л.42,45 и др.
- ⁵² Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. С.262.
- ⁵³ О теплых отношениях с учителями свидетельствуют переписка и воспоминания С.Ф.Платонова. Последний среди других преподавателей особо выделяет отношение к нему Е.Е.Замысловского. См.: С.Ф.Платонов – К.Н.Бестужеву-Рюмину. 30 ноября 1883 г. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1716. Л.8 об.; Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний... С.129.
- ⁵⁴ См. об этом, например: Мамонтова М.А. С.Ф.Платонов: поиск модели исторического исследования: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С.20-21.
- ⁵⁵ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Литография. СПб., 1905. Ср.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Платонов С.Ф. Соч. В 2-х т. СПб., 1993. Т.1. С.55-56.
- ⁵⁶ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Об этой работе С.Ф.Платонова см.: Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С.99.
- ⁵⁷ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С.40.
- ⁵⁸ Там же. С.39.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ См.: Чумаченко Э.Г. В.О.Ключевский – источниковед. М., 1970. С.151.
- ⁶¹ См.: Голосенко И.А. В.О.Ключевский: историк и социолог // Социологические исследования. 1993. № 9. С.113-114. Ср.: Попов А.С. Социологическая методология отечественной истории: Историографические очерки. Пенза, 1999. С.29-44.
- ⁶² См.: Кононова Н.Н. Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т.2; Слонимский А.Г. Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // Уч. зап. исторического факультета Талджикского гос. ун-та. Душанбе, 1974. Вып.1; Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 г. М., 1975. С.43-44.
- ⁶³ Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие, 1889–1914 гг. // ИО. 1915. Т.20. С.188 отд. паг.
- ⁶⁴ Устав Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском университете // Там же. 1890. Т.1. С.12-16 отд. паг.
- ⁶⁵ Демина Л.И. «Записки» Е.Ф.Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // АЕ за 1984 г. М., 1986. С.253; Есенгараев Е.Ж. Научные общества и их роль в исторической науке России конца XIX – начала XX веков (на материалах исторических обществ при Московском и Петербургском университетах): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
- ⁶⁶ Устав Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском университете. С.14 отд. паг.
- ⁶⁷ Там же. С.16 отд. паг.
- ⁶⁸ Там же. С.17 отд. паг.
- ⁶⁹ Цит. по: Слонимский А.Г. Указ. соч. С.33.
- ⁷⁰ Протокол второго (экстренного) собрания членов-учредителей // ИО. 1890. Т.1. С.18-19 отд. паг.
- ⁷¹ Там же. С.18 отд. паг.
- ⁷² Там же. С.5-11 отд. паг.
- ⁷³ Кареев Н.И. [Речь на третьем заседании общего собрания Исторического общества] // Там же. С.5 отд. паг.
- ⁷⁴ Там же. С.5-6,8 отд. паг.
- ⁷⁵ См.: Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн. 6. С.112.
- ⁷⁶ Ср.: Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. С.10-13; Чирков С.В. Археология и школы... С.21-22.
- ⁷⁷ Введение. Главы 1, 2, 3, 4, 5: Податные классы, Раскладка подати, Взимание подати, Особенности в отправлении некоторых податных обязанностей, Распределение поступлений по центральным учреждениям. Заключение.
- ⁷⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 44-76.
- ⁷⁹ С.Ф.Платонов – П.Н.Милокову. 16 апреля 1890 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.10 об.
- ⁸⁰ См.: А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 12 мая 1890 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.27-32.
- ⁸¹ Платонов С.Ф. [Отзыв на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1371. Л.11.
- ⁸² Исторические диспуты // ИО. 1890. Т.1. С.293. Ср.: Диспут в С.-Петербургском университете // НВ. 1890. 10 мая.
- ⁸³ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 12 мая 1890 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.27-32.

- ⁸⁴ См.: С.Ф.Платонов – П.Н.Милокову. 10 мая 1890 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.15 об.-16.
- ⁸⁵ [Платонов С.Ф.]. Новые монографии по истории русского права // ЮЛ. 1890. № 11. С.417-418. Следует отметить, что и сам Н.Д.Чечулин выступил с критической заметкой относительно методики использования писцовых книг в диссертации А.С.Лаппо-Данилевского (см.: Чечулин Н.Д. К вопросу о населенности посадского двора // ЖМНП. 1891. № 3. С.18-29 отд. паг.).
- ⁸⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – П.Н.Милокову. 4 и 6 декабря 1889 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.10 об.
- ⁸⁷ А.С.Лаппо-Данилевский – П.Н.Милокову. 24 сентября 1889 г. // Там же. Л.2.
- ⁸⁸ А.С.Лаппо-Данилевский – П.Н.Милокову. 12 октября 1889 г. // Там же. Л.4 об.
- ⁸⁹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.22.
- ⁹⁰ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.7.
- ⁹¹ Платонова Н.Н. Дневник // Там же. Л.8 об.
- ⁹² Платонова Н.Н. Дневник // Там же. Л.20.
- ⁹³ См.: А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 18 сентября 1890 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.37.
- ⁹⁴ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.21.
- ⁹⁵ С.Ф.Платонов – П.Н.Милокову. 24 января 1891 г. // ГАРФ. Ф. 579. Оп.1. Д. 5388. Л.38-38 об.
- ⁹⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 6 февраля 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.58 об.
- ⁹⁷ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.42 об. О значении, которое придавалось «русскими историками» отсутствию на заседаниях А.С.Лаппо-Данилевского, свидетельствует та тщательность, с которой Н.Н.Платонова отмечала каждый случай отсутствия А.С.Лаппо-Данилевского на общих собраниях кружка (официальных обедах и годовых собраниях): 1) 14 февраля 1891 г.; 2) 27 октября 1891 г.; 3) 9 января 1892 г.; 4) 10 февраля 1892 г. (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.42 об., 67,81 об,87).
- ⁹⁸ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 15 мая 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.79.
- ⁹⁹ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 4 июня 1891 г. // Там же. Л.62.
- ¹⁰⁰ С.Ф.Платонов – М.А.Дьяконову. 28 октября 1891 г. // АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.1073-1162. Л.64 об.
- ¹⁰¹ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.38 об.-39.
- ¹⁰² А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Февраль 1891 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.4. Л.32 об.-33.
- ¹⁰³ Обзорение преподавания наук в имп. Санкт-Петербургском [Петроградском] университете на осеннее и весеннее полугодия 1890–1918 гг. СПб. [160 Пг.], 1890–1918. Ср.: Шилов А.А., Андреев А.И. Лекции и практические занятия А.С.Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890–1918 гг. // РИЖ. 1920. Кн.6. С.42-43.
- ¹⁰⁴ См.: Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С.407. Воспоминания и впечатления учеников А.С.Лаппо-Данилевского об этих занятиях см. Райнов Т.И. О философских взглядах и педагогических приемах А.С.Лаппо-Данилевского // ЖМНП. 1915. № 3; Валк С.Н. Воспоминания ученика // РИЖ. 1920. Кн.6; Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // Там же.
- ¹⁰⁵ В августе 1890 г. С.Ф. Платонов официально по просьбе Е.Е.Замысловского уведомил А.С.Лаппо-Данилевского о том, что Е.Е.Замысловский и он, С.Ф.Платонов, рекомендовали его на освобождающееся место в Историко-филологический институт (См.: С.Ф.Платонов – А.С.Лаппо-Данилевскому. 28 августа 1890 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.286. Л.1-1 об.
- ¹⁰⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Октябрь 1890 г. // Там же. Д.4. Л.19 об.-20.
- ¹⁰⁷ А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Бекарюковой (Лаппо-Данилевской). Июнь 1891 г. // Там же. Д.10. Л.15-15 об.
- ¹⁰⁸ Шилов А.А., Андреев А.И. Указ. соч. С.42.
- ¹⁰⁹ Платонов С.Ф. Программа лекций по русской истории 1892/93 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1513. Л.47-49 об. (материал семи первых лекций курса в значительной степени посвящен рассмотрению историографии); он же. Соловьев и Кавелин. Происхождение и падение их исторических теорий. Публичная лекция. Конспект и программы // Там же. Д.1515.
- ¹¹⁰ А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.22.
- ¹¹¹ А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Ноябрь 1890 г. // Там же. Д.4. Л.22-22 об.
- ¹¹² А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 19 января 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.54.
- ¹¹³ Ср.: Брочев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. С.68-69.
- ¹¹⁴ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.73.
- ¹¹⁵ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.121 об.-122. Ср.: Брочев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.67.

- ¹¹⁶ См.: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5698. Л.87 об.-88.
- ¹¹⁷ *Платонова Н.Н.* Дневник // Там же. Д.5691. Л.67 об.-68.
- ¹¹⁸ *Гревс И.М.* За культуру. С.88.
- ¹¹⁹ См.: А.Е.Пресняков – матери. 8 марта 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.20 об. См. также: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.34 об.-35.
- ¹²⁰ См.: А.Е.Пресняков – матери. 8 марта 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.20 об.-21
- ¹²¹ См.: А.Е.Пресняков – матери. 6 апреля 1894 г. // Там же. Л.36-37.
- ¹²² А.Е.Пресняков – матери. 15 сентября 1894 г. // Там же. Л.58 об.
- ¹²³ А.Е.Пресняков – матери. 24 ноября 1894 г. // Там же. Л.110-110 об. А.Е.Пресняков сделал доклад о книге П.Лакомба «De l'histoire considerée comme science» 22 ноября 1894 г. (ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.75. Л.23,35 об). Доклад также вышел (благодаря содействию С.Ф.Платонова) в виде рецензии в ЖМНП см.: *Пресняков А.Е.* Новый труд по теории исторической науки // ЖМНП. 1895. № 1. С.188-210 отд. паг. – Рец. на: Lacombe P. De l'histoire considerée comme science. Paris, 1894. Ср.: *Чирков С.В.* Проникновенный источник: Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России. XVIII – начало XX века. С.558-559.
- ¹²⁴ Проект правил для организации научных бесед студентов историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.75. Л.5-5 об.
- ¹²⁵ Материалы «Бесед по проблемам факультетского преподавания» // Там же. Л.39.
- ¹²⁶ «Протоколы излишни» – отметил в одной из записок, посвященных организации бесед, А.С.Лаппо-Данилевский (Там же. Л.7).
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Там же. Л.54,72,118 и др.
- ¹²⁹ С 1896 г. окончательно определился их порядок (Там же. Л.41). Младшие курсы (I и II) избирали своего представителя ежегодно, представители отделений избирались в два года по одному человеку от каждого отделения, на тот же срок выдвигали двух своих представителей «оставшиеся при университете».
- ¹³⁰ Материалы «Бесед по проблемам факультетского преподавания» // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.75. Л.81,82.
- ¹³¹ Там же. Л.82.
- ¹³² Там же. Л.95-98.
- ¹³³ Там же. Л.99.
- ¹³⁴ Там же. Л.97-98 об.
- ¹³⁵ Принят Советом Санкт-Петербургского университета 20 октября 1903 г. (Там же. Л.99).
- ¹³⁶ Материалы «Бесед по проблемам факультетского преподавания» // Там же. Л.101-102,105-107,109-112.
- ¹³⁷ Там же. Л.115-115 об.
- ¹³⁸ ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.286. Л.2.
- ¹³⁹ Там же. Оп.2. Д.75. Л.120.
- ¹⁴⁰ *Платонов С.Ф.* Автобиографическая записка. С.269.
- ¹⁴¹ *Свердлов М.Б.* А.Е.Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С.514.
- ¹⁴² С.Ф.Платонов – Константину Константиновичу. Январь 1908 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1809. Л.5.
- ¹⁴³ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.23.
- ¹⁴⁴ А.Е.Пресняков – матери. 4 октября 1892 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1. Л.103-103 об.
- ¹⁴⁵ А.Е.Пресняков – матери. 17 января 1892 г. // Там же. Л.177.
- ¹⁴⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.19 об.-20.
- ¹⁴⁷ А.Е.Пресняков – матери. 29 сентября 1893 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1. Л.294 об.
- ¹⁴⁸ А.Е.Пресняков – матери. 29 сентября 1893 г. // Там же. Л.294 об.
- ¹⁴⁹ А.Е.Пресняков – матери. 6 ноября 1893 г. // Там же. Л.311 об.
- ¹⁵⁰ См.: А.Е.Пресняков – матери. 15 сентября 1894 г. // Там же. Д.2. Л.58.
- ¹⁵¹ См. письма А.Е.Преснякова к матери (Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.20 об.-21,31 об.-32,36-36 об.,58 об.,61-61 об.,64,82,90-90 об.,110-111 об.).
- ¹⁵² Цит. по: *Кан А.С.* Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979. С.87.
- ¹⁵³ Цит. по: *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева. СПб., 1995. С.19.
- ¹⁵⁴ А.Е.Пресняков – матери. 23 октября 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.87.
- ¹⁵⁵ А.Е.Пресняков – матери. 17 марта 1894 г. // Там же. Л.23.
- ¹⁵⁶ А.Е.Пресняков – матери. Март 1894 г. // Там же. Л.26-27 об.
- ¹⁵⁷ А.Е.Пресняков – матери. Март 1894 г. // Там же. Л.28 об.-29. Об этом эпизоде см. также: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.43.

- ¹⁵⁸ А.Е.Пресняков – матери. Март 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.29-29 об.
- ¹⁵⁹ Там же. Л.29.
- ¹⁶⁰ А.Е.Пресняков – матери. Март 1894 г. // Там же. Л.31-31 об.
- ¹⁶¹ А.Е.Пресняков – матери. 6 апреля 1894 г. // Там же. Л.36-37.
- ¹⁶² ЛЗАК за 1888–1894 гг. СПб., 1903. Вып.ХІ. С.184.
- ¹⁶³ *Чирков С.В.* А.С.Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 г. С.264.
- ¹⁶⁴ ЛЗАК за 1888–1894 гг. Вып.ХІ. С.128,169-170,177; То же за 1895–1899 гг. СПб., 1901. Вып.ХІІ. С.26-27,66-67.
- ¹⁶⁵ [*Лаппо-Данилевский А.С.* Предисловие. Правила издания переписных и писцовых книг] // Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду /Изд. имп. Археографической комиссии; Под ред. и предисл. А.С.Лаппо-Данилевского // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.ХVІІ (сборный). С.ХІІІ–ХІІІ.
- ¹⁶⁶ См.: *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в освещении С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Вып.ІХ. С.84.
- ¹⁶⁷ См.: ЛЗАК за 1901 г. СПб., 1902 г. Вып.ХІV. С.3-4. Ср.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.44.
- ¹⁶⁸ См. также: Состав Археографической комиссии на 1 января 1919 [с указанием времени привлечения к ее деятельности участвующих в ней лиц] // ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1919. Вып.ХХХІ. С.24-25.
- ¹⁶⁹ См.: *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.123-123 об. Poleмика вокруг переиздания «Актов Археографической экспедиции» нашла косвенное отражение в официальных протоколах комиссии, хотя фамилия А.С.Лаппо-Данилевского в них и не упоминается. Комиссия затягивала решение вопроса о печатании актов по изданию П.М.Строева (ЛЗАК за 1905 год. СПб., 1907. Вып.ХVІІІ. С.15-16,20-22; То же за 1906 год. СПб., 1908. Вып.ХІХ. С.60). Такое решение было принято по предложению С.Ф.Платонова только в 1909 г. (см. ЛЗАК за 1909 год. СПб., 1910. Вып.ХХІІ. С.38-40; Архив П.М.Строева. Пг., 1915. Т.1).
- ¹⁷⁰ См.: *Брачев В.С.* Петербургская археологическая комиссия (1834–1929). СПб., 1998. С.88.
- ¹⁷¹ *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.125.
- ¹⁷² С.Ф.Платонов – Константину Константиновичу. За 1904–1915 гг. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1806–1817.
- ¹⁷³ См. письма С.Ф.Платонова ректору университета А.Х.Гольмстену по вопросам формирования преподавательского состава за 1900–1905 гг. (черновики) (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1750).
- ¹⁷⁴ Общий устав имп. российских университетов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. СПб., 1884. Т.ІV. Ст.99. С.468. Ср.: *Жебелев С.А.* Ученые степени в прошлом, возрождение их в настоящем и грозная опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып.ІІІ. С.155.
- ¹⁷⁵ С.Ф.Платонов – А.Х.Гольмстену. 11 декабря 1900 г. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1750. Л.11. Особые усилия С.Ф.Платонов приложил к успешному решению дела И.М.Гревса, о чем свидетельствует их переписка за 1900–1902 гг. (см.: ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2714. Л.13-22 об.,24,28).
- ¹⁷⁶ См.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.187.
- ¹⁷⁷ О возможности своего ухода А.С.Лаппо-Данилевский писал жене в связи с увольнением из университета И.М.Гревса (А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Лаппо-Данилевской. Август 1899 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.65 об.).
- ¹⁷⁸ Общий устав имп. российских университетов. Ст.108. С.469.
- ¹⁷⁹ Обозрение преподавания наук в имп. Санкт-Петербургском [Петроградском] университете на осеннее и весеннее полугодия 1907–1918 гг. СПб. [Пг.], 1907–1918.
- ¹⁸⁰ *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.69; *он же.* Материалы к биографии В.Г.Васильевского // ПФА РАН. Ф.776. Оп.1. Д.22. Л.256,257.
- ¹⁸¹ См.: А.Е.Пресняков – матери. 17 сентября 1899 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.4. Л.64 об.-65. Примечательно, что преподавание вел. кн. князьям (Иоанну и Гавриилу) собственно истории А.С.Лаппо-Данилевский поручил А.Е.Преснякову (А.Е.Пресняков – матери. 11 октября 1899 г.; 21 октября 1899 г.; 31 октября 1899 г.; 12 ноября 1899 г. // Там же. Л.71,73,75-75 об.,77 об.,82).
- ¹⁸² Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. С.5.
- ¹⁸³ *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5698. Л.88 об.-89.
- ¹⁸⁴ А.С.Лаппо-Данилевский – Е.Д.Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.10. Л.23 об.
- ¹⁸⁵ Протоколы заседаний историко-филологического отделения Академии наук за 1900–1917 гг. СПб. [Пг.], 1900–1917 (далее – Протоколы заседаний ИФО АН).
- ¹⁸⁶ Материалы по организации IV Международного съезда историков // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94.
- ¹⁸⁷ Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие, 1889–1914 гг. С.206–212; Протоколы заседаний [Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском университете] // ИО. 1890–1915. Т.1–20.
- ¹⁸⁸ См. главу 2.
- ¹⁸⁹ А.С.Лаппо-Данилевский – С.Ф.Платонову. 14 февраля 1903 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1.

- Д.1120. Л.39-39 об.; С.Ф.Платонов – А.С.Лаппо-Данилевскому. Черновик. 15 февраля 1903 г. // Там же. Л.40.
- ¹⁹⁰ Брачев В.С. Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.53.
- ¹⁹¹ Об избрании почетных членов и членов-корреспондентов Академии наук в 1909 г. // ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1909 г. Д.14. Л.17-17 об. О неудовлетворенности С.Ф.Платонова своим «низким» положением в Академии и о критическом отношении к ее «действительным» членам неоднократно упоминает в своем дневнике его жена (см.: Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5695. Л.71-72,109; Д.5698. Л.87 об.-89; Д.5701. Л.104 об.).
- ¹⁹² ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1909 г. Д.14. Л.36.
- ¹⁹³ Там же. Ф.113. Оп.2. Д.94. Л.173-173 об.
- ¹⁹⁴ Тараторкин Ф.Г. А.С.Лаппо-Данилевский и проект создания истории России на английском языке // АЕ за 1994. С.270-273; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.127.
- ¹⁹⁵ С.Ф.Платонова – Ф.А.Голдеру. Декабрь 1923 г. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1749.
- ¹⁹⁶ Platонов S.F. History of Russia. N. Y., 1925.
- ¹⁹⁷ Об этом свидетельствует, в частности, характер высказываний С.Ф.Платонова о вел. кн. Николае Михайловиче в 1915 году в письме вел. кн. Константину Константиновичу (см.: ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1817. Л.6 об.).
- ¹⁹⁸ См. черновики писем С.Ф.Платонова помощнику председателя Русского исторического общества А.Н.Куломзину, где он мотивирует свою отставку несогласием с действиями председателя общества (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1828. Л.1 об.-2,5).
- ¹⁹⁹ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. С.52-53.
- ²⁰⁰ ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1919. Вып. XXXI.
- ²⁰¹ Хорхордина Т.И. История отечества и архивы. С.18-20,22,53-54.
- ²⁰² Там же. С.22,115.
- ²⁰³ Ср.: Корзун В.П., Свешиников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков как исторического источника) // Письма русских историков (С.Ф.Платонов, П.Н.Милоков) / Под ред. В.П.Корзун. Омск, 2003. С.30.
- ²⁰⁴ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.59; *он же*. За культуру. С.82.
- ²⁰⁵ А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Март 1891 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.4. Л.37.
- ²⁰⁶ Б.А.Романов, Б.В.Александров – С.Ф.Платонову. 25 августа 1918 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Д.2069. Л.3 об.
- ²⁰⁷ См. Введение.
- ²⁰⁸ С.Ф.Платонов – А.С.Лаппо-Данилевскому. 1910 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1831. Л.2; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.286. Л.3-4. См. также письма В.И.Веретенникова С.Ф.Платонову по поводу диспута, где В.И.Веретенников, отвечая С.Ф.Платонову, специально излагает положительное заключение А.С.Лаппо-Данилевского относительно своего сочинения (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2488. Л.4-9).
- ²⁰⁹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.15. Л.1-2.
- ²¹⁰ См.: А.Е.Пресняков – Ю.П.Пресняковой. 9 января 1910 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.9. Л.351-352.
- ²¹¹ См.: А.Е.Пресняков – Ю.П.Пресняковой. 11 января 1910 г. // Там же. Л.355-355 об.
- ²¹² Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург–Омск, 2000. С.89.
- ²¹³ Золотарев В.П. Общая теория истории в понимании Н.И.Кареева // ННИ. 2003. № 2. С.31.
- ²¹⁴ Ростовцев Е.А. Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в свете петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // ЖССА. 2000. Т.III, № 4. С.105-121. См. также: Синицын О.В. Историк среди историков: теоретико-методологические труды А.С.Лаппо-Данилевского в оценке Н.И.Кареева // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С.143-147.
- ²¹⁵ Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн.6. С.112. См. также: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.188.
- ²¹⁶ Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского. С.112.
- ²¹⁷ См., например: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1907. С.447; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып.1. С.25,197,214,249,252,255,257,269.
- ²¹⁸ Ср.: Дунаева Ю.В. Западно-европейская история в исторической концепции Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С.16.
- ²¹⁹ См.: Гнатюк Л.В. Теория исторического процесса, социология, философия истории Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева. Л., 1988; Корейнюк Ю.Г. Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Сафронов Б.Г. Н.И.Кареев о структуре исторического знания. М., 1995 и др.
- ²²⁰ См.: Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // Петербургские чтения-97. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997. С.413-416.

- ²²¹ См.: Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса). Пг., 1915. С.309-316. О теоретических взглядах Н.И.Кареева существует обширная литература. В частности, см.: Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция. Сафронов Б.Г. Н.И.Кареев о структуре исторического знания.
- ²²² См.: А.Е.Пресняков – матери. 16 ноября 1892 г.; 30 сентября 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1. Л.125-125 об.; Д.2. Л.69-69 об.
- ²²³ См.: А.Е.Пресняков – матери. 3 ноября 1896 г. // Там же. Д.3. Л.66-67
- ²²⁴ См. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С.623.
- ²²⁵ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 22 декабря 1889 г.; 1 февраля 1891 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.11 об.,50 об.
- ²²⁶ А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Гревс. Февраль 1891 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.4. Л.32 об.-33
- ²²⁷ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.34 об.-35.
- ²²⁸ А.Е.Пресняков – матери. 30 сентября 1894 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.2. Л.69-69 об.
- ²²⁹ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 4 сентября 1899 г. // Там же. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.98.
- ²³⁰ См.: А.С.Лаппо-Данилевский – Н.И.Карееву. 1 декабря 1899 г. // НИОР РГБ. Ф.119. К.10. Д.30. Л.1.
- ²³¹ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 4 сентября 1899 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.99 об.
- ²³² Н.И.Кареев – А.С.Лаппо-Данилевскому. Май 1915 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.177. Л.9 об.
- ²³³ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.69-69 об.
- ²³⁴ Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1881.
- ²³⁵ См.: Цамутали А.Н. В.О.Ключевский и русские историки // Ключевский: Сб. материалов. Пенза. 1995. Вып.1. С.283.
- ²³⁶ Валк С.Н. Историческая наука в Санкт-Петербургском университете за 125 лет. С.3-79.
- ²³⁷ Милоков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.1. С.161-163. Подробный анализ взглядов П.Н.Милокова относительно «петербургской школы» см.: Трибунский П.А. П.Н.Милоков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. науч. тр. кафедры древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып.1. С.5-12.
- ²³⁸ Ключевский В.О. Методология русской истории. 1884-85 академический год // Ключевский В.О. Собр. соч. в 9-ти т. М., 1989. Т.6. Специальные исторические работы. С.9.
- ²³⁹ Там же. С.88. Ср.: Киреева Р.А. Послесловие // Там же. С.436-481; Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С.263-267.
- ²⁴⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса имп. Историко-филологического института в 1890/91. Литография. СПб., [1891]. С.142-143; *он же*. Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса имп. Историко-филологического института в 1892/93. Литография. СПб., [1892]. С.158-159.
- ²⁴¹ Лаппо-Данилевский А.С. Лекции по русской истории, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1896-7 учебном году. Литография. СПб., [1897]. С.107.
- ²⁴² Лаппо-Данилевский А.С. Лекции по русской историографии, читанные студентам имп. Историко-филологического института в 1891-92 acad. году. Литография. СПб., [1892].
- ²⁴³ Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах ординарного профессора имп. Московского университета В.О.Ключевского // Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. СПб., 1900. Приложение III к протоколу заседания ИФО 26 апреля 1900 г. Эта «Записка...» не включалась в списки трудов А.С.Лаппо-Данилевского, но о принадлежности ее А.С.Лаппо-Данилевскому свидетельствует пометка, сделанная его рукой, на отписке «Записки...», хранящемся в его фонде: «Составлен мною А.С. Л-Д» (ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. Д.399. Л.1).
- ²⁴⁴ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- ²⁴⁵ Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах ординарного профессора имп. Московского университета В.О.Ключевского.
- ²⁴⁶ Протоколы секции русской истории от 5 октября 1911 г. по 10 декабря 1914 гг. // ИО. 1915. Т.20. С.127. Ср.: Протокол 45 заседания секции русской истории Исторического общества при Петербургском университете. 5 октября 1911 г. // Архив СПб. ИИ РАН Ф.193. Оп.3. Д.1. Л.3.
- ²⁴⁷ См.: ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. Д.244. Л.3.
- ²⁴⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Памяти Василия Осиповича Ключевского // ВЕ. 1911. № 8. С.337-353.
- ²⁴⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О.Ключевского // В.О.Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.100-116.
- ²⁵⁰ Лаппо-Данилевский А.С. В.О.Ключевский. Некролог // ИАН. 1911. VI серия. Т.V, № 13. С.921-924.

- ²⁵¹ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С.146-150
- ²⁵² *Лаппо-Данилевский А.С.* Исторические взгляды В.О.Ключевского. С.115.
- ²⁵³ *Лаппо-Данилевский А.С.* В.О.Ключевский. Некролог. С.923
- ²⁵⁴ Там же.
- ²⁵⁵ *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859-1904). Рязань, 2001. С.61.
- ²⁵⁶ *Киреева Р.А.* За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Историки России. XVIII – начало XX века. С.434.
- ²⁵⁷ *Гревс И.М.* Материалы к биографии В.Г.Васильевского // ПФА РАН. Ф.776. Оп.1. Д.22. Л.256-257
- ²⁵⁸ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову. 16 мая 1899 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297. Оп.1. Д.112. Л.102 об.
- ²⁵⁹ *Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах ординарного профессора имп. Московского университета В.О.Ключевского.
- ²⁶⁰ Всеподданнейшие доклады по министерству народного просвещения. Доклад 439, 440 // РГИА. Ф.744. Оп.1. Д.172. Л.75-76 об. Об отношении современников к такому выбору Академии свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что министр народного просвещения Н.П.Боголепов, получив от имени конференции Академии представление об избрании В.О.Ключевского, подчеркнул в документе слова «был избран вне штата» и «с оставлением в занимаемых им должностях» и сделал на полях пометку карандашом: «Согласен ли проф. Ключевский?» (см.: РГИА. Ф.733. Оп.122. Д.1611. Л.330-330 об.).
- ²⁶¹ *Гревс И.М.* Материалы к биографии В.Г.Васильевского // ПФА РАН. Ф.776. Оп.1. Д.22.
- ²⁶² См.: *Копанев А.И.* Указ. соч. С.86.
- ²⁶³ В.О.Ключевский – в Академию наук. [1900–1901 гг.]. Черновик // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.192.
- ²⁶⁴ См.: Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.
- ²⁶⁵ В.О. Ключевский – Комиссии по присуждению наград гр. Уварова при имп. Академии наук. 1906 г. Черновик // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С.205.
- ²⁶⁶ См.: Там же.
- ²⁶⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып.1. С.218-224.
- ²⁶⁸ См.: А.С.Лаппо-Данилевский – М.С.Грушевскому. 30 сентября 1906 г. // «Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности». Письма А.С.Лаппо-Данилевского М.С.Грушевскому. 1905–1914 гг. / Публ. И.Б.Матяш // ИА. 2002. № 4. С.140.
- ²⁶⁹ См.: *Шохин Л.И.* Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999. С.200,320-321 и др.
- ²⁷⁰ В.О.Ключевский – А.С.Лаппо-Данилевскому. 28 мая 1906 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.189. Л.1.
- ²⁷¹ См.: Материалы по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду. СПб., 1906. Вып.1; Пг., 1918. Вып.2.
- ²⁷² См. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. С.533.
- ²⁷³ Ср.: *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С.146; *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. С.533-534.
- ²⁷⁴ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. М., 1993. Т.1. С.40.
- ²⁷⁵ Там же. С.36-65.
- ²⁷⁶ См.: *[Милоков П.Н.]* Рец. на: Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891 // РМ. 1892. № 2. С.64-66 отд. паг. Ср.: *Трибунский П.А.* П.Н.Милоков о петербургской исторической школе. С.5-12.
- ²⁷⁷ См.: *[Милоков П.Н.]* Рец. на: Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера...С.65 отд. паг.
- ²⁷⁸ *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.90-90 об.
- ²⁷⁹ См.: *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.161-163.
- ²⁸⁰ См.: *Платонов С.Ф.* Рец. на: Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918 // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн.8. С.99-100.
- ²⁸¹ См.: *Милоков П.Н.* Источники русской истории и русская историография // Энциклопедический словарь /Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб., 1899. Т.ХХVIII, полумом. С.444.
- ²⁸² А.С.Лаппо-Данилевский – П.Н.Милокову. 24 сентября 1889 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.1.
- ²⁸³ П.Н.Милоков – С.Ф.Платонову. Между 10 и 23 мая 1890 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.14.
- ²⁸⁴ *[Милоков П.Н.]* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // РМ. 1890. № 9. С.413 отд. паг.

- ²⁸⁵ Там же. С.414 отд. паг.
- ²⁸⁶ *Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892; Отчет о XXXIII присуждении наград графа Уварова. СПб., 1892.
- ²⁸⁷ См.: *Веселовский С.Б.* Из курса лекций аспирантам Московского государственного историко-архивного института о методике научных исследований // *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С.286.
- ²⁸⁸ С.Ф.Платонов – П.Н.Милокову. 12 сентября 1892 г. // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.89-89 об.
- ²⁸⁹ *Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. С.155.
- ²⁹⁰ *Дьяконов М. А.* Рец. на: Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892 // ЖМНП. 1893. № 7.
- ²⁹¹ Там же. С.203-204 отд. паг.
- ²⁹² *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.9 об.
- ²⁹³ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т.1, кн.1. С.29-30.
- ²⁹⁴ *Пресняков А.Е.* Новый труд по теории исторической науки. С.188 отд. паг.
- ²⁹⁵ См., например: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т.II, ч.1. С.225-253; Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С.255-282 и др.
- ²⁹⁶ См., например: *Рамазанов С.П.* Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1995; *он же.* Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999-2000. Ч.1-2.
- ²⁹⁷ См. об этом, например: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С.9-10,220-268.
- ²⁹⁸ См., например: *Мейер Э.* Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1911.
- ²⁹⁹ См. например: *Берггейм Э.* Введение в историческую науку. М., 1908.
- ³⁰⁰ *Droysen J.G.* Grundriss der Historik. Berlin, 1882.
- ³⁰¹ См., например: *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998.
- ³⁰² См., например: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- ³⁰³ *Ростовцев Е.А.* Учебный курс методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского // Научно-методическая конференция-98. Тезисы докладов. СПб., 1998. Ч.1. С.46.
- ³⁰⁴ *Прост А.* Двенадцать уроков истории. М., 2000. С.6.
- ³⁰⁵ См.: *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.
- ³⁰⁶ Цит. по: *Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г.* Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век: Монография. М., 2002. С.99.
- ³⁰⁷ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы социологической доктрины О.Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С.394-490.

ГЛАВА II

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ А.С.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В этой главе мы попытались реконструировать систему научного мировоззрения А.С.Лаппо-Данилевского и показать, как она реализовывалась в исследовательской практике: конкретно-исторических трудах, работах по дипломатике и археографии, академических предприятиях.

1. Методология истории

Наиболее полное отражение парадигма, в основу которой была положена идея истории как строгой науки, нашла в основной теоретической работе А.С.Лаппо-Данилевского — «Методология истории».¹

Этот труд А.С.Лаппо-Данилевского включает в себя «Введение» и две части. Первая часть — «Теория исторического знания» — состоит из трех отделов: «Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения», «Построение теории исторического знания с идиографической точки зрения», «Объект исторического познания». Вторая часть «Методологии истории» — «Методы исторического изучения». Она распадается на отделы «Методология источниковедения» и «Методология исторического построения». Если теорию истории А.С.Лаппо-Данилевский называл общей методологией истории, то методы исторического изучения ученый относил к специальной методологии.² А.С.Лаппо-Данилевский решительно спорил со скептиками, ставившими под сомнение необходимость самого существования такой дисциплины, как методология истории. Он утверждал, что «талант, и, в особенности рядовые работники очень полезные, для науки все же воспитываются и на методологических курсах».³

Введение имеет подзаголовок «Принципы и методы исторической науки». А.С.Лаппо-Данилевский прослеживает связь между теорией познания и исторической наукой. По его мнению, только истинное знание, характеризуемое систематическим единством, называется наукой. Оно достижимо только через сочетание системы методов научного мышле-

ния и системы принципов научной методологии. А.С.Лаппо-Данилевский различает две основных задачи методологии науки, выводя из них и соответствующие задачи для методологии истории. Основная задача науки — «установить те принципы, которые лежат в основе науки и в силу которых она получает свое значение», и производная задача — «дать систематическое учение о тех методах, при помощи которых что-либо изучается». Для методологии истории актуальными становятся, таким образом, следующие задачи: 1) «она стремится дать теорию исторического познания», 2) «выяснить методы исторического изучения».⁴ Последняя задача включает в себя изучение методологии источниковедения и методологии исторического построения. А.С.Лаппо-Данилевский обращает внимание на принципиальное различие задач методологии истории и технологии исторического исследования. Он выделяет пять главных преимуществ, которые дает методология: 1) движение науки вперед, 2) общая терминология, 3) убедительность научных доказательств, 4) системность теоретического изложения, 5) эффективность исторического познания. При этом А.С.Лаппо-Данилевский не оспаривает значения интуитивного творчества и воображения историка — но только в рамках научной методологии. Такая постановка вопросов методологии отвечала стремлениям А.С.Лаппо-Данилевского «оторваться от эмпиризма». Последний важный вопрос, затронутый во «Введении», — об отношении методологии к философии истории. А.С.Лаппо-Данилевский отвечает на него, что «Методология истории» менее широка по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только «учение о принципах и методах исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его исторических судеб».⁵

В своем теоретическом построении А.С.Лаппо-Данилевский вслед за Г.Риккертом исходил из представления о существовании двух противоположных методов научного познания — идиографического (индивидуализирующего) и номотетического (обобщающего).⁶ С точки зрения ученого, оба эти подхода применимы в изучении истории. Однако А.С.Лаппо-Данилевский считал, что возможное совмещение номотетического и историографического подходов в историческом исследовании не должно «приводить к смешению двух принципиально разных точек зрения, с которых один и тот же ученый может изучать эмпирически данную ему действительность».⁷ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский утверждал, что «изучение обеих теорий [идиографической и номотетической. — *Е.Р.*] показывает, что (вопреки утверждениям их сторонников) они не могут обойтись друг без друга».⁸ Эту зависимость одного метода изучения истории от другого ученый характеризовал следующим образом: «В основе исторического изучения действительности лежит идиографическое знание, получающее, однако, научный характер лишь в том случае, если оно пользуется номотетическим знанием и умеет приноровить его к установлению исторического значения индивидуального».⁹ Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский по существу противоречил сам себе, когда формулировал базовые принципы своей методологии.

Несогласованность базовых теоретических идей «Методологии истории», по-видимому, связана с учебной направленностью этой работы. Текст «Методологии...» формировался в течение многих лет на основе курса лекций, который ученый читал на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Поэтому первое издание «Методологии истории» вышло как учебное пособие к одноименному университетскому курсу. Жанр учебного пособия обязывал автора максимально полно изложить и объективно охарактеризовать различные направления историко-теоретической и методологической мысли. По-видимому, со стремлением ученого соблюсти необходимую объективность связано и указание на равноправие идиографического и номотетического путей исторического познания, что подчеркивается всей структурой изложения. В то же время сама попытка представить совокупность всего множества теорий, существовавших в исторической науке, в виде единой системы методов познания неизбежно привела автора к формулированию собственной теоретической концепции, по своему характеру идиографической и получившей в литературе оценку «неокантианской».¹⁰

Оригинальная теоретическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского была представлена им в виде своего рода «мозаики», включавшей в себя множество элементов, извлеченных из различных теорий. Такой подход придавал «Методологии истории» внешнюю эклектичность и в то же время позволил ее автору претендовать на представление своей личной концепции в качестве итога развития исторической науки. Таким образом, порядок изложения А.С.Лаппо-Данилевским своей теоретической системы определялся структурой подготовленного им учебного пособия.

В историографических частях своей работы А.С.Лаппо-Данилевский рассмотрел «главные моменты в развитии номотетического и идиографического знания».¹¹ Вначале автор обратился к рассмотрению «хода номотетического построения истории».¹² А.С.Лаппо-Данилевский подверг подробному анализу десятки концепций и теорий, которые как-либо могли служить целям номотетического построения истории. В их числе ученый называл учение Г.В.Лейбница о причинно-следственной связи,¹³ Д.Вико об идее истории,¹⁴ Д.Дидро, А.Р.Ж.Тюрго и М.Ж.А.Н.Кондорсе об эволюции человеческого разума,¹⁵ Г.Б. де Мабли о «страстях человеческих» как двигателе истории,¹⁶ учение И.Канта о мире как субстанции Вселенной, подчиненной законам движения, гармонии и развития,¹⁷ Д.С.Милля о психологических законах, являющихся основой исторического развития,¹⁸ Г.Спенсера о методах индукции и дедукции,¹⁹ В.Вундта о психологии как прикладной исторической науке²⁰ и другие. Излагая историю номотетического подхода к историческому знанию, А.С.Лаппо-Данилевский особо выделил теории, связанные с психологическим объяснением исторического процесса, принципами научного познания и критической философией.

Переходя к рассмотрению «оснований номотетического построения истории»,²¹ А.С.Лаппо-Данилевский последовательно рассмотрел его базовые принципы. К ним ученый отнес принцип причинно-следственности и «взаимобразия психической природы человека». Согласно

А.С.Лаппо-Данилевскому, использование принципа причинно-следственности позволяет историку устанавливать взаимозависимость между элементами различных исторических фактов. В то же время признание принципа взаимобразия психической природы человека, по мнению теоретика, обеспечивает саму возможность восстановления причинно-следственных связей историком.²²

А.С.Лаппо-Данилевский рассмотрел два пути построения номотетического знания — с материалистической и с психологической точек зрения. Материалистический путь ученый решительно отверг: «Если строго придерживаться экономического материализма, пришлось бы также выводить исключительно из того, что есть, т.е. из производственных отношений и то, что должно быть, т.е. абсолютные ценности».²³ Таким образом, материалистический взгляд на историю отрицался А.С.Лаппо-Данилевским с позиций идеалистической философии. Единственно приемлемой для ученого стала «психологическая точка зрения». Подробно рассматривая проблему номотетического познания истории с позиций психологизма, он использовал ряд понятий («оценка», «цель», «воля», «мотив» и другие), разработанных предшествующими теоретиками (В.Вундтом, А. фон Мейнгоном, Т.Липпсом, К.Лампрехтом и другими).²⁴ А.С.Лаппо-Данилевский исходил в своих рассуждениях из того, что человек с присущей ему «свободной волей» является основным субъектом истории, а потому только изучение его психологии даст возможность исследователю выявить закономерность человеческих действий и, соответственно, ход истории.²⁵

А.С.Лаппо-Данилевский выделял два вида причинно-следственной связи — «консенсус» и «эволюцию». Термин «консенсус» ученый заимствовал у К.Брейзинга и О.Конта.²⁶ В интерпретации автора «Методологии истории» он означал взаимозависимость элементов разных исторических серий, возникших одновременно. Принципу эволюции (зависимости элементов одной серии во времени) А.С.Лаппо-Данилевский придавал «телеологический» характер, при котором субъект эволюции (историческая серия) одновременно является в сознании историка ее целью, т.е. процесс эволюции конструировался от результата.²⁷ Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский готов был почерпнуть из методов номотетического познания истории два теоретических принципа — причинно-следственность и психологическое истолкование хода истории.

Однако сам способ номотетического познания истории «с психологической точки зрения» допускался А.С.Лаппо-Данилевским лишь условно, с оговорками принципиального характера, связанными с представлением о номотетическом построении как вспомогательном методе исторического исследования. Так, он указал на практическую неосуществимость выработки общих «совершенных» законов истории.²⁸ Как приверженец идиографической точки зрения, ученый всячески подчеркивал условность и менее крупных «номонологических обобщений» — «исторического типа», «эмпирического обобщения», «типологического обобщения». В то же время А.С.Лаппо-Данилевский допускал их использование в исследовательской реконструкции.

Излагая теорию «номонологических обобщений», ученый опирался на философско-исторические концепции и терминологию ряда теоретиков — Д.С.Милля, И.Тэна, И.Г.Гердера, Н.Я.Данилевского, Г.Вьеркандта, Л.Кохлера, К.Лампрехта, О.Конта, Э.Дюркгейма и многих других. Несмотря на то, что практически все употребляемые А.С.Лаппо-Данилевским термины были, таким образом, заимствованы из чужих работ, он выработал оригинальное истолкование номотетических теорий.²⁹ Наиболее подробно А.С.Лаппо-Данилевский рассмотрел проблему исторических типов. Он считал, что в основе конструирования исследователем исторических типов «лежит мысль о законообразной комбинации психических факторов, соответственно производящей при тождественности условий одни и те же последствия».³⁰ А.С.Лаппо-Данилевский допускал возможность конструирования двух видов исторических типов — «племенного» и «культурного». Задачей таких построений он называл объяснение происхождения продуктов культуры. Согласно ученому, племенной тип конструируется с помощью метода консенсуса в пространстве; культурный тип — с помощью метода эволюции во времени. Полное объяснение происхождения продукта культуры, считал он, возможно только в контексте их рассмотрения в рамках как племенного, так и культурного типа. Методолог подчеркнул, что племенной тип конструируется в пространстве «с точки зрения психических, а не физиологических особенностей» данной группы. Видами племенного типа, согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, являются расовый, народный и сословный (классовый) типы. С помощью конструирования племенного типа историк может установить «общие черты, характеризующие данный тип», и «рассматривать их как общие и постоянные черты, обуславливающие данную культуру».³¹ А.С.Лаппо-Данилевский считал, что культурный тип основан на «совкупности схожих сознаний» соответствующей общественной группы, приводящей к появлению схожих продуктов культуры (например культура «диких» и «цивилизованных» народов) или общем состоянии сознания, порождающем однородные продукты культуры (например «рыцарство» — «турниры»; «феодализм» — «монархическая власть»)³².

А.С.Лаппо-Данилевский отмечал, что исторические типы, создаваемые путем обобщений, следует рассматривать скорее не как исторические законы, а как «типологические обобщения»,³³ то есть «общие научно-установленные представления», формулируемые на основании общих групп признаков.³⁴ По А.С.Лаппо-Данилевскому, основным методологическим недостатком понятия типа является нерешенность проблемы отнесения его к определенной ценности, что необходимо для «индивидуализации наших знаний».³⁵

Завершая рассмотрение номотетического познания истории, А.С.Лаппо-Данилевский подверг критическому рассмотрению этот вид исторического построения. Он отметил, что номотетическое построение исторического знания не решает вопроса о сущности причинно-следственной связи в истории. Ученый считал, что эта связь осуществляется на основании «случайностей», «фактически, а не логически», следовательно, и реконструировать ее можно только путем восхождения от частного к обще-

му, а не наоборот. А.С.Лаппо-Данилевский утверждал, что объяснение действий основного субъекта истории — человека также возможно только при обращении к его индивидуальности, а как раз этого номотетический метод и не позволяет сделать.³⁶

После изложения основ номотетического построения исторического знания А.С.Лаппо-Данилевский обратился к анализу «построения теории исторического знания с идиографической точки зрения».³⁷ Примечательно, что, излагая «главные моменты в развитии идиографического построения», А.С.Лаппо-Данилевский часто обращался к анализу теорий, уже рассмотренных в историографическом разделе, посвященном номотетическому построению. Так, с двух разных точек зрения им были изложены идеи Ф.Бэкона, Г.В.Лейбница, И.Канта, О.Конта, Г.В.Фегеля. А.С.Лаппо-Данилевский попытался расчленил концепции этих теоретиков на элементы, чтобы выделить в них наряду с номотетической и идиографическую составляющую.³⁸

А.С.Лаппо-Данилевский отметил ключевую роль философии И.Канта в развитии идиографического направления исторического познания: «С Канта можно начинать новый период в развитии идиографического построения истории: главные методологические принципы критического идеализма легли в основу последующих теорий об идиографическом характере исторического знания».³⁹ В то же время ученый обратил внимание на философскую отвлеченность идей И.Канта, их оторванность от исторической действительности.⁴⁰ Заслугу практической реализации идиографических принципов в историческом исследовании А.С.Лаппо-Данилевский отдавал школе Л. фон Ранке.⁴¹

Как ни парадоксально, среди наиболее значительных теоретиков идиографического построения истории А.С.Лаппо-Данилевский называл основателя позитивизма и автора теории строго законообразного развития человечества О.Конта. Автор «Методологии истории» отметил важность учения О.Конта о «солидарности» различных «индивидуальных частей» общественного организма, благодаря чему и происходит процесс развития человечества.⁴²

Особое значение А.С.Лаппо-Данилевский придавал тому направлению познания истории, которое охарактеризовал как «идиографическое построение с точки зрения теоретико-познавательного идеализма».⁴³ К основным представителям этого направления ученый относил В.Виндельбанда, Г.Риккерта и Г.Зиммеля. А.С.Лаппо-Данилевский отметил особую важность учения В.Виндельбанда об абсолютных ценностях и его деления наук на естественные и исторические. Он подчеркнул значение заключения этого теоретика о приоритете номотетического метода в естественных науках, а идиографического — в исторических. А.С.Лаппо-Данилевский отметил и другой основополагающий тезис философии В.Виндельбанда — о необходимости ценностного подхода к изучению индивидуального. Автор показал, что в его основе лежало этическое понимание В.Виндельбандом исторического процесса.⁴⁴ Основной заслугой работ Г.Зиммеля А.С.Лаппо-Данилевский считал признание и разработку им принципа «чужого одушевления».⁴⁵

Так же как в разделе «Методологии...», посвященном номотетическому построению исторического знания, автор подчеркнул значение для теории истории близких ему идей критической философии и привлек внимание к тем понятиям («ценность», «всеобщее значение», «чужое одушевление»), которые легли в основу его собственной методологической концепции.

Начиная изложение «оснований идиографического построения исторического знания», А.С.Лаппо-Данилевский подчеркнул, что «историк человечества не может ограничиваться изучением... истории хозяйства или истории идей, ведь каждая из таких серий — абстракция, в действительности нет отдельных серий, а только сочетания их. Мало того, реальную связь надо искать в реальных людях, т.е. в индивидуумах... Для естествознания — образование общих понятий есть цель, для истории они служат лишь средством, а целью оказывается понимание индивидуального».⁴⁶ Тем самым А.С.Лаппо-Данилевский вновь в категорической форме указал на приоритет идиографической точки зрения над номотетической. Ученый определил основную задачу идиографического исследования — конструирование исторического целого через построение группы индивидуальностей.⁴⁷ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский высказал мнение о необходимости упрощения содержания «исторического опыта» о конкретном объекте исследования, поскольку любой объект обладает бесконечным многообразием индивидуальных черт. Ученый предложил «научные критерии» такого упрощения — выявление того индивидуального значения объекта (факта), которое имеет смысл для значения всеобщего, наличие которого устанавливается путем качественной оценки последствий данного факта. То индивидуальное значение, которое имеет смысл для значения всеобщего, А.С.Лаппо-Данилевский назвал «историческим».⁴⁸

Установление «исторического значения» А.С.Лаппо-Данилевский связывал с применением категорий «ценность» (термин Г.Риккерта и В.Виндельбанда) и «действенность» (термин Э.Мейера). Он определил «ценность» как «характерные моменты некоего требования, предъявляемые нашим “я” к собственному сознанию».⁴⁹ А.С.Лаппо-Данилевский считал, что философия истории должна выработать систему абсолютных ценностей, с точки зрения которой следует определять положительное или отрицательное значение соответствующих ценностей, данных в сознании людей конкретного времени.⁵⁰ Он отличал общепризнанные ценности (признание которых присутствует в сознании изучаемой историком группы) от обоснованных ценностей (сконструированных самим историком в исследовательских целях).⁵¹ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, «историческим» может быть признан только тот факт, который отнесен исследователем к обоснованной ценности и обладает при этом «действенностью», т.е. влияет на последующие исторические факты. Таким образом, понятие «ценность» утрачивало в методологической системе А.С.Лаппо-Данилевского ту этическую нагрузку, которую оно имело в теориях В.Виндельбанда и Г.Риккерта.⁵²

Факты, имеющие наибольшее историческое значение, формируют, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, «центральный ряд» фактов конкрет-

ной исследовательской реконструкции, вокруг которого располагаются ряды «второстепенных» исторических фактов.⁵³ Нетрудно заметить, что эта система воссоздания картины исторической жизни целиком зависела не только от задач исследования, но и от субъективности историка, формулирующего «обоснованную ценность», по отношению к которой определялось историческое значение фактов.

А.С.Лаппо-Данилевский считал, что для построения исторической действительности с идиографической точки зрения необходимо представить конкретное в виде целого, то есть, показать индивидуальность целого как в отношении частей (элементов) самого себя, так и в отношении более обширного целого.⁵⁴ Таким образом, любой исторический факт рассматривался им и как часть целого и как целое. Последовательно развивая эту точку зрения, ученый пришел к выводу, что в конечном итоге любое индивидуальное должно рассматриваться как часть мирового целого. Однако в методологических целях А.С.Лаппо-Данилевский ввел понятие «относительного целого». В связи с этим автор отмечал: «Чем часть дробнее и чем менее она рассматривается по отношению к целому, тем более она оказывается отвлеченной, и, можно сказать, что отдельно взятый индивидуум есть абстракция».⁵⁵ А.С.Лаппо-Данилевский выделил два вида относительно целого — коэкзистенциальное и эволюционное. Они в какой-то степени соответствуют понятиям исторических типов в номотетическом построении. Коэкзистенциальное целое конструируется А.С.Лаппо-Данилевским в пространстве, эволюционное целое — во времени.⁵⁶

Третий отдел «Теории исторического знания» — «Объект исторического познания»⁵⁷ — по существу является логическим продолжением построения истории с идиографической точки зрения. В этой части «Методологии...» автор развивал свои идеи об относительном целом и строил модель объекта исторического познания.

Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, для конструирования относительного целого и его частей историк должен определить их индивидуальность. Индивидуальность исторического объекта устанавливается, как считал автор, через его психологическое истолкование, которое основывается на признании исследователем принципов чужого одушевления и единообразия психофизической природы человека. Согласно мысли А.С.Лаппо-Данилевского, основным способом установления индивидуальности объекта должно быть проведение аналогии между психическим состоянием историка и объекта его исследования. Другими словами, историк должен представить себя на месте своего героя и реконструировать психическую природу его действий. При этом возможна только «осторожная аналогия», в ходе которой историк может добиться сходства «лишь некоторых элементов [своей. — Е.Р.] одушевленности» с «одушевленностью» другого человека.⁵⁸ Таким образом, исследователь может лишь отчасти понять чужую индивидуальность, причины и смысл ее воздействия на среду, а следовательно, лишь частично восстановить тот или иной исторический факт и реконструировать относительное целое. Исходя из этого, А.С.Лаппо-Данилевский указал на элемент «гадательности» в предлагаемой им системе исторической реконструкции.

Ученый выделил два типа исторических объектов — исторические факты и исторические процессы: «<...> под историческим фактом в наиболее характерном, специфическом его смысле следует преимущественно разуметь воздействие сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду».⁵⁹ Под историческим процессом А.С.Лаппо-Данилевский понимал «чередование воздействия» индивидуальности на среду и среды на индивидуальность.

К одному из типов исторического процесса ученый отнес и «историческое целое», или историю человечества.⁶⁰ В главе, посвященной этому предмету, А.С.Лаппо-Данилевский изложил свою философско-историческую концепцию. В ее основе лежит убежденность в том, что всемирная история есть процесс осознания человеком абсолютных ценностей и становления его «великой индивидуальности». Эта «великая индивидуальность» (или историческое целое), по мысли А.С.Лаппо-Данилевского, является индивидуальной частью мирового целого. На основании этих философских представлений А.С.Лаппо-Данилевский предрекал неизбежность интеграции человечества в ходе становления его великой индивидуальности и реализации абсолютных ценностей.

Таким образом, априорные понятия неокантианской философии были введены автором в методологию науки. А.С.Лаппо-Данилевский определил цель существования исторического целого и призвал соотносить все исторические факты с абсолютными ценностями. С нашей точки зрения, догматическая философско-историческая модель, созданная теоретиком, входила в противоречие со всей его методологической системой, поскольку сводила все множество индивидуальностей исторического целого к одной, априорно данной.

В специальную методологию истории (методы исторического изучения) ученый включал методологию источниковедения и методологию исторического построения.⁶¹ В формулировании основных положений специальной методологии А.С.Лаппо-Данилевский исходил «из той познавательной точки зрения, которая устанавливается в теории исторического знания», и из изложенных им ранее «рассуждений об его объекте». Поэтому в рассказе о методах исторического изучения ученый не конструировал теорию, опираясь на высказывания предшественников (как в первой части труда), а руководствовался уже установленными теоретическими принципами. В то же время А.С.Лаппо-Данилевский отметил заслуги в области специальной методологии истории ряда представителей современной ему западноевропейской науки — Э.Фримэна, Э.Бернгейма, Ш.Ланглуа, Ш.Сеньобоса и ряда других.⁶²

А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что «методология источниковедения до сих пор не представляет цельного и систематического учения», и предпринял попытку его создания на основе последовательного применения принципов общей методологии. Основные методы своей системы источниковедения А.С.Лаппо-Данилевский определил в качестве «психологических», так как задачей источниковеда, по его мнению, является изучение продуктов психической деятельности человека.⁶³ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, «исторический источник есть реализованный

продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением».⁶⁴ В работе исследователя с историческими источниками он различал две основных методологических процедуры — интерпретацию и историческую критику.

Под интерпретацией исторического источника А.С.Лаппо-Данилевский понимал «установление его объективно-данного психического значения».⁶⁵ Излагая порядок интерпретации, он отметил, что она никогда не бывает полной, поскольку историк в принципе не способен достигнуть абсолютной тождественности своего сознания и сознания автора источника, а следовательно, до конца уяснить психическое значение источника.⁶⁶ Ученый выделил четыре основных метода исторической интерпретации — психологический, технический, индивидуализирующий и типизирующий.⁶⁷

Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, психологический метод интерпретации предполагал телеологический характер истолкования источника историком. Иными словами, историк должен был выявить «главную идею» его создания, основной смысл, который в него вложил автор.⁶⁸ Технический метод интерпретации был призван дополнить выводы, полученные с помощью психологического метода, анализом «материального образа источника». Историк, таким образом, получает более четкое представление о «психическом продукте» «чужой одушевленности».⁶⁹ К задачам технической интерпретации А.С.Лаппо-Данилевский относил установление времени, места и техники производства источника,⁷⁰ т.е. отводил этому виду интерпретации роль внешней критики. Типизирующий метод интерпретации он связывал с разработанным в теории исторического знания понятием исторического типа и предлагал применять типизирующий метод интерпретации к одному и тому же источнику с двух разных точек зрения — систематической и эволюционной. С систематической точки зрения исследователь должен изучить источник в пространстве как элемент «состояния культуры», с эволюционной точки зрения — во времени как элемент «периода культуры».⁷¹ В рамках этих двух подходов к типизирующему методу ученый рассмотрел его основные виды. А.С.Лаппо-Данилевский привлек особое внимание к эволюционно-аналитической интерпретации источников, которая считала в себе систематическую и эволюционную точки зрения на предмет исследования. Задачей эволюционно-аналитической интерпретации являлось установление тождественности между различными элементами разных источников, благодаря чему историк имеет возможность связать конкретный источник с определенной культурой и тем самым установить психическое значение того или иного элемента этого источника. А.С.Лаппо-Данилевский показал, как работает эволюционно-аналитический метод типизирующей интерпретации на примере анализа состава формуляров служилых кабал XVI—XVII вв. Эволюцию формуляра грамот и соответственно психического значения этих источников ученый связывал с изменениями культурно-исторического типа.⁷² Индивидуализирующий метод исторической интерпретации А.С.Лаппо-Данилевский представлял как истолкование

индивидуальных черт и особенностей источника: его основой является анализ личности автора источника. При этом под «личностью» А.С.Лаппо-Данилевский понимал как отдельного человека, так и «коллективное лицо». Путь постижения индивидуальности автора источника он видел как в изучении фактов его биографии, так и в исследовании самого источника с целью почерпнуть информацию о его авторе. В ходе индивидуальной интерпретации, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, историку необходимо постоянно соотносить индивидуальность источника с состоянием культуры той эпохи, к которой он относится.⁷³

Завершая обзор методов исторической интерпретации, А.С.Лаппо-Данилевский подчеркнул необходимость их комбинирования в зависимости от объектов и цели конкретного исследования.⁷⁴

Задачей исторической критики А.С.Лаппо-Данилевский считал установление научно-исторической ценности источников.⁷⁵ Он выделял два вида критики – критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и критику, устанавливающую ценность источника как показания о факте.⁷⁶

Согласно автору «Методологии истории», критика источника как факта включала в себя прежде всего установление «действительности» источника, т.е. того, что он не является подделкой. Действительные источники А.С.Лаппо-Данилевский подразделил на подлинные (когда историческая действительность соответствовала представлениям об источнике как факте) и неподлинные (когда источник оказывался фактом, расходящимся с первоначальным представлением о нем).⁷⁷ В качестве основных критериев установления действительности и подлинности источника в изложении А.С.Лаппо-Данилевского выступали принципы соответствия источника данному состоянию культуры и индивидуальности автора. Ученый настаивал на комбинировании этих принципов в ходе критики источника. Он подчеркивал, что принцип культурного соответствия не вполне применим к творениям гениальных индивидуальностей, которые, как правило, опережали свое время.⁷⁸ А.С.Лаппо-Данилевский поставил вопрос о необходимости критики источника как факта не только по отношению к конкретному источнику в целом, но и по отношению к его отдельным частям. Для установления ценности исторического источника и его частей А.С.Лаппо-Данилевский предложил, так же как и в ходе процедуры интерпретации, разбить источники родственной группы на смысловые элементы и путем их сопоставления восстановить ход влияния источников друг на друга и, таким образом, выявить основные и производные источники, а также архетип (общее звено родственной группы источников).⁷⁹ А.С.Лаппо-Данилевский подробно рассмотрел различные виды зависимости исторических источников друг от друга.⁸⁰ По его мнению, для установления архетипа и места источника в родственной группе часто возникает необходимость в специальной исследовательской процедуре – эмендации (исправлении), т.е. восстановлении подлинного чтения текста источника.⁸¹

Наряду с приемами критики действительных источников А.С.Лаппо-Данилевский также рассмотрел понятие «поддельные источники», под

которыми он понимал «всякий продукт искусственно созданный для того, чтобы умышленно выдавать его посредством лжи и обмана за настоящий», проявление «злой воли» чужого сознания.⁸² Поэтому, с точки зрения А.С.Лаппо-Данилевского, установление подделки связано прежде всего с выявлением в ней элементов злонамеренного сознания. Характерно, что основными приемами установления подделки автор «Методологии истории» считал методы критики источника как продукта чужой психики. Технические способы определения подделки ученый называл «добавочными».⁸³

Задачей критики, «устанавливающей научно-историческую ценность показаний источника о факте», А.С.Лаппо-Данилевский считал определение степени достоверности его показаний, под которой понимал определение значимого соотношения верных и неверных элементов показания. Он выделил три основных критерия достоверности: единство сознания субъекта показаний (т.е. вменяемость автора источника, способность признавать ценность истины), соответствие показания состоянию культуры, соответствие показания индивидуальности автора (наличие или отсутствие у него воли к ложному показанию). А.С.Лаппо-Данилевский подробно рассмотрел проблему согласованности и совпадения показаний источников. В качестве основного способа определения степени согласованности показаний он вновь использовал прием расчленения источника на смысловые элементы. В данном случае для него было важным установить степень совпадения элементов независимых показаний.⁸⁴ Ученый подчеркивал, что это возможно только после процедуры критики источника как факта, с помощью которой историк должен определить степень его зависимости от других источников.

А.С.Лаппо-Данилевский остановился и на проблеме критико-генетического исследования достоверных и недостоверных показаний источника. С точки зрения ученого, его основой должно стать изучение сознания автора источника. По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, историку необходимо определить способность субъекта показаний к познанию данного факта по ряду критериев (целостность сознания, достоверность чувственного восприятия факта, способность к анализу факта, степень субъективной заинтересованности в таком анализе, яркость впечатления субъекта о факте и т.п.), а также психическую природу самого факта показаний (импульсивную или волевою, в последнем случае обязателен анализ мотивации автора источника).⁸⁵

В последней главе «Методологии источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевский рассмотрел вопрос о значении исторических источников. Отметив их безусловное значение как фактов истории человеческой культуры, он в то же время указал на неполноту и относительность достоверности показаний источников о прошлом. На этом основании А.С.Лаппо-Данилевский констатировал и относительность того научного знания, которое получает историк, исследуя исторические источники.⁸⁶

Второй отдел специальной методологии истории – «Методология исторического построения» – так и не был подготовлен автором к печати. Эта часть «Методологии истории» сохранилась только в литографичес-

ких курсах лекций 1908–1909 гг.⁸⁷ Рукописные материалы,⁸⁸ сохранившиеся в архиве ученого, позволяют установить, что работу над «Методологией исторического построения» А.С.Лаппо-Данилевский вел вплоть до 1918 г.⁸⁹

Основная задача методологии исторического построения, согласно его концепции, — установление тех принципов и методов, на основании и при помощи которых «историк дает научное построение действительности, т.е. благодаря которым он определяет, каким образом произошло то, что имеет историческое значение, и какое именно историческое значение следует приписывать каждому из фактов, образующих то историческое целое, которое он построяет».⁹⁰

Излагая понятие об историческом факте в литографии 1909 г., А.С.Лаппо-Данилевский по существу привел те же наблюдения,⁹¹ которые затем изложил в той части общей методологии истории, которая посвящена «объекту исторического познания» (см. выше).⁹² Исторический факт рассматривался ученым прежде всего как психическое воздействие личности на среду.⁹³ В то же время в «Методологии исторического построения» А.С.Лаппо-Данилевский уделил больше внимания конструкции исторического факта и проблемам их группировки. Процедура построения исторического факта, согласно его концепции, включала в себя три этапа: психологическое истолкование, восстановление и комбинацию признаков факта.⁹⁴ По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, задачей историка при психологическом истолковании факта являлось «воспроизведение чужого одушевления». Путь решения этой задачи он видел в выяснении основных мотивов психического воздействия личности на среду и в анализе их причин.⁹⁵ По мысли А.С.Лаппо-Данилевского, в основе процедуры истолкования факта лежит его членение на отдельные психические элементы, каждый из которых имеет индивидуальное значение. В то же время ученый полагал, что группировка элементов, образующих факт, имеет «объективно-телеологическое значение», т.е. подчинена основному мотиву, который связывает элементы факта и определяет значение данного психического воздействия на среду.⁹⁶ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, в основе процедуры восстановления факта лежит исследовательская установка на синтез различных индивидуальных элементов факта.⁹⁷ В ходе восстановления факта историк, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, должен установить характер связи между его элементами. Научно-историческое построение факта завершается комбинацией признаков, его характеризующих.⁹⁸ Признаками факта А.С.Лаппо-Данилевский называл «частные представления историка о конечных его элементах». Для их комбинации, по мнению ученого, необходимо определить основной признак факта — его «главную черту». Критерием такого выбора, по А.С.Лаппо-Данилевскому, является соотношение того или иного признака с историческим значением факта. Следуя установкам общей методологии для определения исторического значения, он предлагал рассматривать факт по отношению к той или иной ценности. По мысли А.С.Лаппо-Данилевского, историк должен определить степень действительности различных элементов факта, после чего установить ту относитель-

ную (общепризнанную или обоснованную) или абсолютную ценность, к которой относится наиболее действенный элемент. Историк, таким образом, определяет историческое значение факта и получает возможность комбинировать его элементы (признаки) вокруг «главной черты», определяющей это значение.⁹⁹

А.С.Лаппо-Данилевский уделил много внимания описанию «построения причинно-следственной связи между историческими фактами»,¹⁰⁰ которую он определил как связь между отдельными элементами «фактов-причин» и «фактов-следствий». Он различал простые (отдельные элементы) и сложные причины (комплексы элементов). Ученый выделял четыре типа причин, приводящих к возникновению исторического факта: 1) условия, 2) отдаленные причины, 3) ближайшие причины, 4) поводы.¹⁰¹ Он настаивал на необходимости сочетания дедуктивного и индуктивного методов анализа в реконструкции причинно-следственной связи, т.е. постоянного чередования направлений исследовательской мысли — от следствия к причине и от причины к следствию.¹⁰² В ходе рассмотрения механизма причинно-следственной связи А.С.Лаппо-Данилевский ввел ряд методологических понятий — исторический фактор (элемент сложной причины), историческая производная (элемент сложного следствия), исторический продукт (совокупность исторических производных).¹⁰³ Эти понятия связываются автором с различной группировкой элементов причины и следствия.

Завершив описание конструкции факта и механизма причинно-следственной связи, А.С.Лаппо-Данилевский обратился к рассмотрению проблемы построения исторических групп.¹⁰⁴ Прежде всего, он подчеркнул отличие исторической группы от исторического типа, который, в его изложении, являлся результатом номотетического построения. Если исторический тип, согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, представляет собой не более чем совокупность умозрительно определенных признаков части прошлого, то историческая группа — это «реальная» реконструкция исторической действительности. Правда, в то же время он признавал, что полное и всеобъемлющее восстановление исторической действительности невозможно, поскольку историк не в состоянии до конца постичь все аспекты причинно-следственной связи. По логике А.С.Лаппо-Данилевского, чем больше элементов фактов данной исторической группы рассматривает историк, тем ближе к реальности воссоздаваемая им картина прошлого.¹⁰⁵

Основными типами исторических групп А.С.Лаппо-Данилевский считал «состояние культуры» (группировка фактов в пространстве) и эволюционную серию (группировка фактов во времени).¹⁰⁶ Он различал три стадии построения исторических групп: предварительная группировка, социологическая группировка, историческая группировка.¹⁰⁷ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, предварительная группировка исторических фактов должна основываться на топографическом и хронологическом принципах. В задачу этого этапа входит определение пределов распространения фактов данной группы в пространстве и повторяемости во времени, создание «горизонтальных» и «вертикальных» рядов фактов и вклю-

чение их в «синхронические таблицы». Таким образом, предварительной группировкой фактов подготавливается образование эволюционного и систематического целого.¹⁰⁸ В ходе социологической группировки фактов исследователь уже пользуется результатами предварительной группировки. На этом этапе задачей, как считал А.С.Лаппо-Данилевский, является группировка фактов по однородным признакам для определения значения данной группы как части более обширного целого. В социологической группировке факты объединяются по потребностям или мотивам, вызвавшим соответствующее воздействие на среду.¹⁰⁹ Ученый различал два вида социологической группировки – статистический и сравнительный.¹¹⁰ По его мнению, статистический метод группировки исторических фактов дает возможность установления «некой законообразности в совокупности наблюдаемых случаев с точки зрения очередности их в каком-либо отношении».¹¹¹ Наиболее существенным недостатком статистического метода А.С.Лаппо-Данилевский называл то, что с его помощью невозможно прийти к качественной характеристике факта, поскольку «психическое, а следовательно, историческое значение не поддается исчислению».¹¹²

Основной целью сравнительного метода группировки исторических фактов в системе А.С.Лаппо-Данилевского было установление качественного сходства изучаемых объектов и конструирование групп, где факты объединены по качественным признакам.¹¹³ Он отметил, что благодаря социологической группировке фактов более ясным становится механизм их взаимозависимости.¹¹⁴ Однако при этом историк вынужден «членить единство чужого сознания», сосредоточив внимание лишь на одном из признаков факта, и не в состоянии установить его «индивидуальное значение».¹¹⁵ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский считал, что социологическая группировка – необходимая предпосылка для перехода к исторической группировке фактов.¹¹⁶

Исторической группировкой фактов А.С.Лаппо-Данилевский называл их объединение по историческому значению.¹¹⁷ Согласно установкам общей методологии, под историческим значением ученый понимал «аксиологическое значение, определенное путем отнесения... [факта] к абсолютной или относительной ценности».¹¹⁸ В ходе исторической группировки А.С.Лаппо-Данилевский предлагал исследователю определить «центральный» факт, который сочетает в себе основные элементы фактов формируемой группы, и вокруг него расположить «второстепенные» факты.¹¹⁹ По замыслу автора «Методологии истории», конечной целью исторической группировки фактов является систематическое целое (состояние культуры) и эволюционное целое (исторический ряд).¹²⁰

А.С.Лаппо-Данилевский указывал на индивидуальный характер систематического целого, которое, по его мысли, должно быть реконструировано исследователем как проявление сознания субъекта, переживающего данное состояние культуры. Ученому, приступившему к исторической группировке, необходимо на основании принципа консенсуса установить единство между различными элементами культуры по отношению к определенной ценности.¹²¹ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, при построении

построения состояния культуры исследователь должен исходить из признака индивидуальности каждой составляющей этой исторической группы, но в то же время в его задачу входит выяснение структуры и правил взаимодействия исторических фактов внутри группы.¹²² Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский по существу привносил в идиографическое построение элемент номотетического познания.

Этот подход ученого проявился и в построении эволюционного целого (исторического ряда). Он представил исторический ряд как закономерность причинно-следственных изменений в данной последовательности.¹²³ По А.С.Лаппо-Данилевскому, историк должен восстановить исторический ряд с «объективно-телеологической точки зрения», т.е. исходя из той цели или известного конечного результата, которые исследователь приписывает историческому ряду. В данном случае понятие «цель» в его изложении фактически отождествляется с понятием «ценность». Согласно определению А.С.Лаппо-Данилевского, исторический ряд является «прогрессивным», если значение той или иной абсолютной или общепризнанной ценности в нем возрастает, и регрессивным, если оно снижается.¹²⁴ В основе построения исторического ряда находится историко-генетический метод, применяя который, исследователь рассматривает каждый исторический факт как результат развития эволюционной серии.¹²⁵ А.С.Лаппо-Данилевский призвал к чередованию «обратно-генетического» и «прямого генетического» методов, то есть, выводы, полученные в ходе восхождения исследовательской мысли от результата серии к ее предшествующим звеньям, он предлагал проверять восхождением от начала серии к ее результату.¹²⁶ По итогам построения исторической серии он считал необходимым ее периодизацию по отношению к значению той ценности, к которой данная серия относилась.¹²⁷

Заключительный отдел «Методологии исторического построения» и всей «Методологии истории» автор посвятил «Построению исторического целого»,¹²⁸ которое считал конечной задачей исторического синтеза.¹²⁹ Историческое целое представлялось А.С.Лаппо-Данилевскому как объединение всего многообразия эмпирически данной действительности.¹³⁰ В описании порядка построения исторического целого ученый исходил из той теоретической посылки (уже изложенной им в общей методологии), что историческое целое есть та часть мирового целого, в которой реализуется система абсолютных ценностей.¹³¹ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский представил историческое целое как «реальное содержание истории человечества», сочетание эволюционного и систематического целого.¹³² Излагая свою историософскую доктрину, ученый писал: «Всматриваясь в историю человечества, [историк] замечает все более нарастающую взаимозависимость между ее частями, он все менее способен понимать историю одного народа вне ее связи с историей другого народа».¹³³ Мировая история представлялась А.С.Лаппо-Данилевскому как совокупность эволюционных серий (историй народов), которые составляют историческое целое. Он определил и «центральную» историческую серию, в которой реализуются абсолютные ценности, – историю Европы.¹³⁴ «В истории европейской культуры, – писал А.С.Лаппо-Данилевский, – луч-

ше всего сказало развитие человеческой культуры, если не зародившейся, то, во всяком случае, сложившейся на европейской почве, здесь оно получило наибольшее развитие и отсюда распространилось за пределы нашего материка». ¹³⁵ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский указывал на все многообразие исторического процесса и на то, что «частные» эволюционные серии по своему направлению и господствующим ценностям могут не совпадать с основным направлением развития мировой цивилизации. ¹³⁶

Следует отметить, что идея «синтеза» в русской исторической науке рубежа веков реализовывалась преимущественно в трудах представителей московской исторической школы. Появление «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствует о вызревании альтернативного подхода к историческому синтезу в рамках петербургской школы. Но идея синтеза выражена у него не в виде упреждающей социологической схемы или исторической концепции, но как методологический подход к анализу исторических фактов.

С.Ф.Платонову и А.С.Лаппо-Данилевскому удалось создать научные школы русской истории, отражавшие и распространявшие влияние позиций обоих ученых. Если до революции 1917 г. и смерти А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 г. взаимоотношения этих школ носили характер научного соперничества, то с изменением политической и историографической ситуации начинается консолидация петербургской школы под влиянием насильственного внедрения марксистской методологии в интерпретации М.Н.Покровского. Поскольку система методологии истории школы А.С.Лаппо-Данилевского в условиях советского партийно-политического режима не могла быть востребована, развитие теоретического направления внутри школы было искусственно прекращено. ¹³⁷

Специфические формы получило развитие петербургской школы на третьем этапе — в советское время (с середины 1920-х гг.). Ее выразителями в области истории России были многочисленные ученики С.Ф.Платонова, А.С.Лаппо-Данилевского, А.Е.Преснякова и других ученых, чья основная деятельность развивалась до революции. Доминирующая черта методологической эволюции школы в этот период — сознательное дистанцирование от теории истории (полностью подчиненной идеологии) и сосредоточение усилий на поддержании традиций «ремесла». Крупнейшими представителями этой ветви школы были А.И.Андреев, С.Н.Валк, П.Г.Любомиров, М.Д.Приселков, Б.А.Романов, С.Н.Чернов и ряд других ученых, а за ними следовали их ученики. Сознательный отказ от теоретических исследований обусловил слабую восприимчивость петербургской школы не только к марксизму, но и к другим теоретическим системам (структурализм, постструктурализм) и направлениям в науке («Новая историческая наука» — школа Анналов).

Методологическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского напрямую связана с его историософскими взглядами. Как показал А.Е.Пресняков, она сформировалась к началу 1900-х гг., т.е. как раз когда определились основные положения его методологии истории.

Со времени защиты своей магистерской диссертации (1890 г.) А.С.Лаппо-Данилевский примкнул к историко-юридическому направлению в российской историографии и оставался его приверженцем до конца своей научной деятельности. Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, государство как определяющая сила исторического развития России сменяет родовые отношения окончательно в XVII столетии. В своей диссертации, посвященной истории прямого обложения в XVII в., он высказал мысль, согласно которой, когда «родовые отношения, на которых основан был патриархальный строй древнерусского общества, стали обнаруживать явные следы разложения» и «не успели еще смениться юридически определенными общественными союзами», правительство окрепло, «стало во главе общества», «осуществило в себе идею государства и олицетворило ее в царской власти». ¹³⁸ А.С.Лаппо-Данилевский считал, что, начиная с XVIII в., роль государства в процессе исторического развития ослабевает, и, по существу, повторил тезис Б.Н.Чичерина, С.М.Соловьева, П.Н.Милюкова и других о «раскрепощении» русского общества в XVIII–XIX вв.

В то же время методологические взгляды ученого обусловили своеобразие его интерпретации государственно-юридической концепции. Центральный исторический ряд фактов национальной истории А.С.Лаппо-Данилевский группировал, исходя из господствующей ценности «государства», и таким образом реконструировал картину российской истории XVI–XVIII вв. как эволюционного целого. Поскольку А.С.Лаппо-Данилевский считал, что исторические факты являлись «психическим воздействием личности на среду», то для него было важным выяснить природу этого «психического воздействия». Поэтому он придавал большое значение изучению истории идей, лежащих в основе создания важнейших фактов истории российского государства. Как отмечал А.Л.Шапиро, отличие концепции А.С.Лаппо-Данилевского от воззрений представителей других направлений теории «государственного фактора» заключается в его идейно-исторической доктрине. ¹³⁹ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, в XVI в. идея государства в России носила религиозный характер. То был период начала торжества государственной идеи. Ее окончательную победу А.С.Лаппо-Данилевский относит к XVII столетию. В то же время ученый считал, что именно тогда религиозный характер государственной идеи стал постепенно меняться под влиянием светского элемента. ¹⁴⁰ Уже к началу XVIII в. государственная идея становится скорее светской, чем религиозной, а это приводит к тому, что национальная идея в XVIII в. характеризуется повышением роли личности, хотя ценность «государства» все еще доминирует. Деятельный век, следуя логике А.С.Лаппо-Данилевского (хотя мы и не встречали его замечаний на этот счет — исследования ученого в основном ограничиваются XVII–XVIII вв.), должен быть эпохой дальнейшего усиления идеи личности в России.

Идейно-историческая концепция А.С.Лаппо-Данилевского позволила ему реконструировать историю России как историческое целое, представив ее как смену двух культурно-исторических типов. Московская Русь

вплоть до XVII в. представляет собой цельный культурно-исторический тип в своеобразной статической законченности, поскольку средневековое мировоззрение этой эпохи характеризуется высокой степенью единства. Однако постепенная секуляризация мышления в XVII в. разлагает единство духовной культуры, и настает период, длящийся до конца XVIII в., который, согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, можно охарактеризовать как эпоху искания новых форм общественности и мышления, усвоения новых элементов просвещения в связи с усилением западных влияний. Именно обилие и определяющая роль западных влияний в XVII—XVIII вв. привели к отсутствию единства национальной идеи, национального мировоззрения. По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, только к XIX в. русское мышление вернулось к поиску единства, а русская наука и просвещение приобрели национальные черты, русская мысль получила самостоятельность.¹⁴¹

Такое видение А.С.Лаппо-Данилевским процесса национальной истории объясняет, почему основным объектом изучения истории России, начиная со второй половины 1890-х гг., для него стал XVIII век. По представлению ученого, это был ключевой период российской истории, поскольку в это время происходила смена национального типа. Она заключалась в постепенной смене государства как доминирующей (и общепризнанной) ценности и главного фактора исторического развития ценностью личности. Эти изменения проходили под воздействием западноевропейских идей. Таким образом, центральные исторические ряды Европы и России все более сближались в рамках единого эволюционного целого. Изучение этого процесса и стало приоритетной задачей научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.

А.С.Лаппо-Данилевский уже в начале 1900-х гг. сформулировал свое представление об историческом целом (мировой истории) в «Материалах для общеобразовательного курса по истории человечества».¹⁴² Хотя «Материалы...» были составлены А.С.Лаппо-Данилевским до формулирования его историософской концепции в «Методологии истории», как показал Н.И.Кареев, они полностью отвечали ее установкам.¹⁴³ А.С.Лаппо-Данилевский был убежден, что основой истории человечества является история Европы как центра человеческой культуры.¹⁴⁴ Итогом всемирного развития А.С.Лаппо-Данилевскому виделось формирование единой культуры — «развитие общеевропейской международно-правовой цивилизации на земном шаре».¹⁴⁵

С разных позиций С.Н.Валк,¹⁴⁶ М.М.Цвибак¹⁴⁷ и Л.В.Черепнин¹⁴⁸ отмечали, что система дипломатики частного акта А.С.Лаппо-Данилевского напрямую связана с его методологией истории.¹⁴⁹

В соответствии с принципами методологии источниковедения акты в дипломатике А.С.Лаппо-Данилевского анализируются не просто как одна из разновидностей документов, но как исторические факты. Поскольку понятие факта трактовалось А.С.Лаппо-Данилевским в психологическом плане, и акты он был склонен рассматривать как памятники правосознания данной эпохи.¹⁵⁰ А.С.Лаппо-Данилевский отметил различие между

частным и публичным правом, существовавшее в русском средневековом правосознании, и соответственно выделил две основные группы актов — публичные и частные.¹⁵¹ Следуя принципам методологии истории, он разделил дипломатику (науку об актах) на «документальное источниковедение» и «документальное построение» актов.¹⁵² Целью документального источниковедения актов было изучение их как источников. Документальное источниковедение включало в себя интерпретацию и критику акта. В «Очерке русской дипломатики частных актов» рассматривается применение этих исследовательских приемов (общие принципы которых изложены в «Методологии истории») по отношению к частным актам. Целью документального построения актов было «выяснение их развития как явления народного правосознания в зависимости от состояния и периода культуры». Документальное построение включало в себя анализ и синтез акта. В соответствии с принципами методологии исторического построения в «Очерке русской дипломатики...» А.С.Лаппо-Данилевский подробно остановился на группировке актов в пространстве и времени, т.е. в систематическом и эволюционном целом. Анализ актов подразделялся им на дипломатический и юридический. Дипломатический анализ заключался в расчленении актов на смысловые элементы — клаузулы. Расчленение источников на отдельные семантические элементы соответствовало базовым установкам интерпретации и критики источника как факта, данным в «Методологии истории». Путем выявления типического соотношения клаузул А.С.Лаппо-Данилевский устанавливал типический формуляр актов¹⁵³ и проводил их группировку по видам и регионам.¹⁵⁴ Юридический анализ был призван выявить значение данного конкретного акта как исторического факта. К анализу примыкал синтез, целью которого было «выяснения того, что придает ему [акту. — Е.Р.] некоторое единство, цель».

Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский в развитие его базовых научно-методологических идей создал законченную научно-теоретическую систему дипломатики частного акта. В этом заключалось принципиальное отличие системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского от работ по дипломатике представителей эмпирического направления петербургской исторической школы — С.Ф.Платонова, Н.П.Павлова-Сильванского, Н.П.Лихачева и др.

«Правила воспроизведения и издания исторического материала», т.е. «археографию в узком смысле», А.С.Лаппо-Данилевский относил не к методологии, а к технике исторического исследования. В то же время общепризнанно, что археографические правила, разработанные А.С.Лаппо-Данилевским, существенно отличались от предшествующих и современных им образцов. В.С.Брачев причины этого видит в том, что археографическая система А.С.Лаппо-Данилевского была связана с его философскими неокантианскими взглядами. Эту связь он усматривает в чрезмерном подчеркивании ученым индивидуальных особенностей источников.¹⁵⁵

С нашей точки зрения, для понимания археографических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского следует обратиться к конкретным установкам

«Методологии истории» и «Очерка русской дипломатики частных актов». В его представлении исторический источник должен быть подготовлен издателем для последующей работы с ним в соответствии с принципами его методологии. Представляется, что именно эту задачу ставил перед собой ученый, работая над «Правилами издания грамот Коллегии экономии». ¹⁵⁶ Соблюдение издателем требований, предусмотренных в этом археографическом руководстве, по существу само по себе уже решало ряд задач интерпретации и критики источников.

Прежде всего, для А.С.Лаппо-Данилевского было необходимым распределение документов в издании по тополого-хронологическому принципу, т.е. по месту и времени (Отдел II «Правил...» ¹⁵⁷), что соответствовало задаче предварительной группировки актов в «Очерке русской дипломатики...» ¹⁵⁸ и типизирующего метода исторической интерпретации в «Методологии...» ¹⁵⁹. А.С.Лаппо-Данилевский отвел 56 статей (Отдел III ¹⁶⁰) описанию порядка составления заголовков издаваемых актов: в заголовке должна быть указана юридическая разновидность акта, что соответствует задаче типологической интерпретации источников, ¹⁶¹ нужно отразить объект и субъект правоотношения, источник власти, адресат акта, т.е. создать все необходимые условия для психологической и индивидуализирующей интерпретации источников и последующего установления их научно-исторической ценности как фактов. При печатании текста (Отдел IV ¹⁶²) исключительно важным требованием было членение грамот на смысловые элементы — клаузулы. ¹⁶³ Выше мы уже отмечали, что принцип членения любого источника на отдельные смысловые элементы лежит в основе всей методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. Правила передачи текста при его печатании созвучны и конкретным указаниям, данным в «Методологии...», прежде всего в области рецензии и эмендации текста. ¹⁶⁴ Сличение текстов грамот (Отдел V ¹⁶⁵) является особой исследовательской задачей, которую А.С.Лаппо-Данилевский решает в соответствии с общими принципами установления взаимозависимости источников, сформулированными в соответствующем разделе его методологии источниковедения. ¹⁶⁶

Отделы VI и VII «Правил...» ¹⁶⁷ связаны с рассмотрением техники описания печатей и составлением примечаний и решают задачи технической интерпретации текста, согласно терминологии «Методологии истории». ¹⁶⁸ Отдел VII — «Таблицы» ¹⁶⁹ носит вспомогательный характер и призван дать максимально полное представление об акте в контексте систематического и эволюционного целого.

Различие археографических подходов А.С.Лаппо-Данилевского и представителей эмпирического направления петербургской исторической школы проявилось прежде всего в Археографической комиссии. В.Г.Дружинин, С.Ф.Платонов и другие ее члены рассматривали формулирование археографических правил как чисто техническую задачу. В число требований к изданию актов, выдвигаемых этими учеными, не входило определение вида акта, субъекта и объекта права, членение акта на клаузулы и т.п. Они не включали в круг обязанностей издателя предварительное изучение источников как исторических фактов и, следовательно,

но, не находили нужным указывать при издании те данные об акте, которые являлись результатом специального исследования.

Таким образом, можно констатировать, что научно-теоретическим взглядам А.С.Лаппо-Данилевского в области методологии истории, методики и техники исторического исследования было присуще единство. Научно-теоретические взгляды ученого оказали прямое воздействие на формулирование им концепции национальной истории и выбор основного предмета своих научных занятий в области истории России. Теоретизированный подход к историческому знанию А.С.Лаппо-Данилевского и его школы предопределил их разногласия с учеными эмпирического направления в области дипломатики, археографии, а отчасти и в сфере концептуального осмысления исторического процесса. Следует отметить, что элементы неокантианской философии имеют у А.С.Лаппо-Данилевского вспомогательное и чисто методологическое значение в конструируемой им системе исторического знания. Поэтому и критику его методологии истории за «догматизм» и «неокантианский идеализм» следует объяснять как отрицанием необходимости теоретического подхода к историческому знанию со стороны эмпирического направления петербургской школы (С.Ф.Платонов, А.Е.Пресняков), так и действительно догматическим подходом к теории истории (историки-марксисты). ¹⁷⁰

Рассматривая творчество А.С.Лаппо-Данилевского, следует учитывать, что, по выражению И.М.Гревса, «постепенно можно сказать, философ в А.С.Лаппо-Данилевском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их, как это понимание развивалось в концепцию широкой полноты и стройности». ¹⁷¹ В этом контексте важной проблемой, требующей дополнительного изучения, является применение теоретических принципов школы А.С.Лаппо-Данилевского в его собственных конкретно-исторических трудах и трудах его учеников.

Примером применения методологических идей А.С.Лаппо-Данилевского в практике исторического исследования может служить его наиболее поздняя работа «История политических идей в России в XVIII в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» (первая часть труда опубликована под названием «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв» ¹⁷²). А.И.Клибанов утверждал, что ряд предыдущих работ А.С.Лаппо-Данилевского с середины 1890-х гг. являются «последовательными ступенями к возводимому монументальному зданию его труда “История политических идей в России в XVIII в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики”». ¹⁷³ С этим можно согласиться, учитывая, что большинство названных А.И.Клибановым работ А.С.Лаппо-Данилевского ¹⁷⁴ так или иначе посвящено изучению истории идеологии русского общества в XVII—XVIII вв. В то же время, рассматривая конкретно-исторические труды А.С.Лаппо-Данилевского, необходимо принять во внимание и то, что их большая часть была опубликована еще в 1890-е гг., ¹⁷⁵ а последний крупный конкретно-исторический труд

А.С.Лаппо-Данилевского, увидевший свет при жизни ученого, был издан в 1905 г.¹⁷⁶ Примечательно, что первая часть «Истории политических идей...» была подготовлена к печати еще в 1900 г., а вторая к 1906 г.¹⁷⁷ Однако тогда А.С.Лаппо-Данилевский отказался от печатания труда и занялся его интенсивной переработкой.¹⁷⁸ По-видимому, в 1909 г. он обсуждал отдельные положения своего труда с В.О.Ключевским.¹⁷⁹ По мнению Л.А.Черной и М.Ю.Сорокиной, А.С.Лаппо-Данилевский в целом завершил работу над рукописью к 1912 г.¹⁸⁰ Возможно, ученый все же не считал труд завершенным, поскольку не приступал к его публикации.

В 1906–1907 гг. А.С.Лаппо-Данилевский впервые прочитал курс лекций по общей методологии истории; в 1907–1908 гг. — по специальной методологии истории.¹⁸¹ Таким образом, одновременно с переработкой «Истории политических идей...» во второй половине 1900-х — начале 1910-х гг. он формулирует в целостном развернутом виде свою «Методологию истории». Правомерно связать эти процессы. В этом легко убедиться, обратившись к «Введению» (датированному 1910–1912 гг.¹⁸²) к «Истории политических идей...», где автор оперировал терминологией «Методологии истории»,¹⁸³ используя такие понятия, как «эволюционный ряд», «обще-признанная ценность», «культурный тип», «состояние культуры», «историческое значение», «действенность факта», «историческое построение» и другие.¹⁸⁴

А.С.Лаппо-Данилевский считал, что нельзя рассматривать историю русского правосознания XVII–XVIII вв. как единый «эволюционный ряд», и утверждал, что ее можно «назвать скорее эпигенезисом, чем развитием».¹⁸⁵ Согласно ученому, в XVII в. элементы западной культуры, проникавшие в Россию, неизбежно имели религиозную окраску, поскольку отношение русских людей к новой культуре определялось именно религиозной точкой зрения, которая сохранялась в России того времени «в качестве общепризнанного мерила ценности человеческого знания».¹⁸⁶ Однако, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, с началом XVIII в. эта «обще-признанная ценность» исчезла, и вместе с ней прекратил существование и прежний тип культуры.¹⁸⁷ А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что ее носители (православные русские книжники) не смогли переработать иностранные влияния и подчинить светские элементы православной точке зрения, т.е. не сумели создать «новый цельный тип культуры», поскольку не обладали достаточно самостоятельным мышлением и образовательными средствами.¹⁸⁸ В результате процесс эпигенезиса русского сознания изменился: как отмечал А.С.Лаппо-Данилевский, «в эпоху преобразований русская мысль начала высвобождаться из-под гнета старинных традиций и подыскивать в новой, преимущественно светской образованности новые начала права и политики».¹⁸⁹

По словам автора, «обширная тема предполагаемого труда потребовала» от него «весьма сложных приемов исторического исследования и построения».¹⁹⁰ Прежде всего, для А.С.Лаппо-Данилевского было необходимо установить связь между ходом развития русского правосознания и общим «состоянием культуры» (систематическим целым) России и Европы.¹⁹¹ Таким образом, предметом изучения А.С.Лаппо-Данилевского

стали как западноевропейские политические доктрины, так и «реальные условия русской общественной жизни», способствовавшие проникновению в Россию «тех, а не иных течений» западной правовой мысли.¹⁹²

А.С.Лаппо-Данилевский заметил, что идеи, заимствованные русским обществом с Запада, «историческое значение получали лишь в зависимости от их действительности».¹⁹³ На этом основании ученый включил в свою исследовательскую задачу изучение хода распространения историко-правовых идей и реакцию на них в русском обществе, их влияния на политику и законодательство. При этом историк подчеркивал, что «значение заимствованных идей обнаруживается не только в распространении их среди данного общества, но и в степени вызываемого ими отпора».¹⁹⁴

Несмотря на нежелание видеть в истории политических идей России рассматриваемого периода «эволюционный ряд», А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что и в этом процессе (эпигенезисе) «можно усмотреть своего рода прогресс: и в формальном отношении, поскольку он постепенно сменяется эволюцией, и по содержанию тех идей, которые путем все более современных заимствований, а отчасти и начинающейся их переработки, проникали в русское общественное сознание и оказывали влияние на социальные отношения и правительственную политику».¹⁹⁵ Таким образом, ученый представлял историю политических идей в рамках исторического целого и своей историософской концепции, отводившей XVIII в. роль формирования русского самосознания и культуры, которое, по мысли А.С.Лаппо-Данилевского, завершилось и приобрело единство в XIX в.¹⁹⁶

Структура книги А.С.Лаппо-Данилевского в целом отвечала тем исследовательским принципам, о которых он писал в «Введении».¹⁹⁷ Хронологически труд был подразделен на два периода: дореформенный (до 90-х гг. XVII в.)¹⁹⁸ и пореформенный (до конца XVIII в.)¹⁹⁹ Материал был сгруппирован по западным историко-правовым доктринам, проникавшим в Россию. Описание влияния каждой доктрины включало в себя краткий анализ ее происхождения на Западе, историю проникновения в Россию, рассмотрения степени ее действительности (история распространения идеи в обществе и анализ вызванной ею реакции) и выяснением ее исторического значения.²⁰⁰

Для понимания принципов методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского следует обратиться и к тем работам ученого, которые посвящены исследованию конкретных источников. В работе «Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников» (1906 г.)²⁰¹ А.С.Лаппо-Данилевский продемонстрировал практическое применение своей методологии источниковедения.²⁰² С этой точки зрения заслуживает внимания и другая работа ученого — «Служилые кабалы позднейшего типа» (1909 г.)²⁰³

Основным методом рассмотрения служилых кабал XVI–XVII вв. в статье «Служилые кабалы...» А.С.Лаппо-Данилевского стал клаузуальный анализ. На его основании ученый выявил несколько типов служилых кабал и проследил эволюцию их формуляра.²⁰⁴ Такой подход полностью соответствовал решению задачи типизирующего метода интерпретации

источника, которую А.С.Лаппо-Данилевский ставил в «Методологии источниковедения». Не случайно в «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевский в качестве иллюстрации применения типизирующего метода интерпретации привел именно хорошо знакомый ему пример эволюции формуляра служилых кабал XVI–XVII вв.²⁰⁵ В то же время для А.С.Лаппо-Данилевского недостаточно было провести типизирующую интерпретацию кабал и дать обзор эволюции их формуляра. С позиций его методологической системы ученому было необходимо объяснить и индивидуальные особенности рассматриваемых источников, а также выявить их значение как фактов и показаний о фактах.²⁰⁶ Решению этих задач, по существу, посвящена вторая часть статьи.²⁰⁷ В качестве причин, обуславливавших индивидуальные особенности формуляра служилых кабал, А.С.Лаппо-Данилевский называл разнообразие «местных и временных условий» возникновения актов.²⁰⁸ В их число он включал принадлежность актов к определенной канцелярии,²⁰⁹ индивидуальные особенности личности подьячего,²¹⁰ его прошлое место службы,²¹¹ индивидуальные особенности субъектов правоотношения (клиентов).²¹² Таким образом, в терминологии своей методологии истории А.С.Лаппо-Данилевский указал основные направления «индивидуализирующей интерпретации»²¹³ служилых кабал.

А.С.Лаппо-Данилевский выделил два типа служилых кабал – старший (до 1680 г.) и позднейший (после 1680 г.).²¹⁴ Это подразделение историк основывал на законодательном введении с 1680 г. общего формуляра для всех служилых кабал и окончательного вывода из формуляра клаузулы о займе.²¹⁵ Показательно, что А.С.Лаппо-Данилевский пытался представить процесс эволюции формуляра служилых кабал старшего типа и последующую его замену позднейшим типом в общем контексте социально-экономической и политической истории русского общества, установив, таким образом, историческое значение служилых кабал. Объясняя изменения в формуляре служилых кабал XVII в., А.С.Лаппо-Данилевский писал: «<...> по мере развития личной крепостной зависимости кабального человека от его господина клаузула о займе теряет свое значение, а условие о службе “по его живот”, наоборот получает определенную формулировку».²¹⁶ Эволюцию формуляра А.С.Лаппо-Данилевский связывает также и с изменениями в политической жизни, в частности с усилением влияния государства и государственного законодательства на гражданское делопроизводство, которое, согласно ученому, особенно заметно с введением в действие Соборного уложения 1649 г.²¹⁷

Смену типов служилых кабал А.С.Лаппо-Данилевский также увязывал с изменением социально-экономической ситуации. Установив, что постепенно уменьшалось значение заемной клаузулы на протяжении XVII в., ученый пришел к выводу, что клаузула о займе к моменту ее упразднения по указу 1680 г. имела «скорее фиктивное, чем реальное значение».²¹⁸ Тем самым А.С.Лаппо-Данилевский показал зависимость между изменением формуляра служилых кабал и эволюцией института кабального холопства от заемного к пожизненному, которое он рассматривал как этап на пути полного закрепощения кабальных холопов.²¹⁹

Таким образом, хотя наиболее последовательное теоретическое развитие принципов «Методологии источниковедения» в отношении дипломатики²²⁰ А.С.Лаппо-Данилевский осуществил через десять лет в «Очерке русской дипломатики частных актов»,²²¹ их применение на конкретном материале ученый продемонстрировал уже в «Служилых кабалах позднейшего типа». Примечательно, что и в «Очерке русской дипломатики частных актов» А.С.Лаппо-Данилевский несколько раз на примере служилых кабал демонстрировал порядок применения той или иной методологической процедуры, в частности порядок «определения типических клаузул данной группы актов»²²² и «выяснения типического формуляра данной группы актов».²²³ В разделе, посвященном синтезу акта, А.С.Лаппо-Данилевский развивал идею о том, что «частный акт... является продуктом данной культуры и, значит, получает в своих элементах или в своих отношениях к другим актам более или менее выдержанное единство в зависимости от большей или меньшей цельности той культуры, которая обусловила его строение и развитие».²²⁴ Свою мысль историк проиллюстрировал на примере эволюции формуляра служилых кабал XVI–XVII вв., унификацию которого, сначала относительную и постепенную, а с 1680 г. почти полную, он связывал с усилением московского самодержавия и становлением единого типа русской культуры.²²⁵

Методологическая система, разработанная А.С.Лаппо-Данилевским, ставила перед ним и его последователями ряд задач, решение которых становилось обязательным в любом историческом исследовании, при этом исключительно строгие (сформулированные в «Методологии истории») требования к научному тексту предъявлялись и на уровне работы с источниками, и на уровне исторического синтеза. В этом заключается основная причина резкого снижения темпа работы А.С.Лаппо-Данилевского над конкретно-историческими трудами начиная с середины 1900-х гг. и того, что его докторская диссертация («История политических идей...») так и не увидела свет при жизни ученого. Коллеги и ученики А.С.Лаппо-Данилевского отмечали исключительную требовательность ученого ко всему, что выходило из-под его пера. Например, А.Е.Пресняков писал о работе А.С.Лаппо-Данилевского, что «крайние запросы научности, предельные требования полноты и цельности знания... привели к преобладанию подготовительного исследования методов и техники изучения действительности над конкретно-исторической работой».²²⁶ Неслучайно научные оппоненты А.С.Лаппо-Данилевского – сторонники эмпирического направления – воспринимали его школу критически. В.Г.Дружинин, например, утверждал: «У него [А.С.Лаппо-Данилевского. – Е.Р.] было до 15 учеников-специалистов-историков, которые очень ценили устраиваемые им для них вечерние беседы. И после смерти учителя они собирались периодически один раз в месяц поочередно у каждого. Выдающихся из них никого не вышло, а многие еще при жизни его почувствовали схематичность его руководства, отходили от него и переходили в семинарий пр[офессора] Платонова, где получали большее удовлетворение».²²⁷

С нашей точки зрения, причины того, что «выдающихся из них никого не вышло», заключались совсем не «в схематичности» А.С.Лаппо-Да-

нилевского. Методологические взгляды учеников А.С.Лаппо-Данилевского могли отличаться от точки зрения учителя в том или ином вопросе, однако всю школу А.С.Лаппо-Данилевского (или теоретическое направление в петербургской исторической школе) объединяло стремление к строгим, теоретически обоснованным правилам научной работы. Во многом это обстоятельство объясняет малое число работ монографического характера у учеников А.С.Лаппо-Данилевского. В предреволюционный период большинство из них было занято подготовкой к изданию грамот Коллегии экономии, составлением каталога частных актов и в других археографических предприятиях учителя. По-видимому, в это время многие и не чувствовали себя достаточно зрелыми исследователями для создания работ монографического плана, отвечающих методологическим требованиям их научной школы. На более позднем этапе их профессионального творчества (в советский период) последовательное применение принципов «Методологии истории» в исследовательской работе, особенно в области исторического построения и синтеза, стало невозможным, в связи с господством марксистско-ленинской идеологии. Таким образом, представители школы А.С.Лаппо-Данилевского оказались фактически обречены на ограничение своей исследовательской деятельности. В частности, это ограничение выразилось в том, что основным научным жанром учеников А.С.Лаппо-Данилевского стала не монография, а статья. С другой же стороны, большинство из них основным предметом своей научной деятельности избрали не изучение конкретно-исторических проблем, а специальные исторические дисциплины и археографию. В этой области исторической науки заслуги учеников А.С.Лаппо-Данилевского (С.Н.Валка, А.А.Шилова, А.А.Введенского, А.И.Андреева и других) общепризнанны.

2. «Прирожденный академик»

А.С.Лаппо-Данилевский был избран в действительные члены имп. Академии наук в 1899 г. Само по себе его избрание академиком в столь молодом возрасте (36 лет) было примечательным фактом. Произошло оно благодаря деятельной поддержке и даже организации этого избрания В.Г.Васильевским,²²⁸ увидевшим в младшем коллеге, «прирожденном академике»,²²⁹ «крепкого и свежего деятеля в синих рукавицах, способного руководить работою по всей русской истории, особенно центральными частями ее (Московский период и XVIII век)... именно в том направлении, в каком идет наиболее горячая работа — учреждения, социально-экономический строй, в соединении с хорошим знакомством с архивами здесь и в Москве».²³⁰ По словам В.Г.Васильевского, таков был и «предсмертный завет» К.Н.Бестужева-Рюмина относительно А.С.Лаппо-Данилевского.²³¹ Таким образом, два ведущих представителя петербургской исторической школы рекомендовали своего коллегу, а до некоторой степени и ученика, к академической деятельности.

Еще до этого, с середины 1890-х гг., В.Г.Васильевский систематически привлекал А.С.Лаппо-Данилевского к выполнению поручений Академии наук. Прежде всего, они сводились к рецензированию работ, представленных на получение различных премий и наград, присуждаемых Академией. Среди них были: премия митрополита Макария,²³² Сибиряковская премия,²³³ Уваровская премия.²³⁴ Характерен эпизод с поручением А.С.Лаппо-Данилевскому рецензирования работ, представленных на получение Сибиряковской премии в 1898 г. Как правило, такие работы рецензировались действительными членами Академии. По решению комиссии ее историко-филологического отделения (ИФО) рецензентом одной из представленных на конкурс работ был назначен В.Г.Васильевский. Однако последний, по его словам, с согласия отделения обратился «к содействию одного из младших ученых друзей». Оценивая ход последующей работы над рецензией, В.Г.Васильевский замечал, что «дальнейшие обстоятельства приняли затем такой вид, что содействие обратилось в исключительное авторство и моя роль свелась к согласию и одобрению написанного другим. Это, впрочем, тем более извинительно и понятно, что мой предполагавшийся сотрудник принадлежит к числу (очень небольшому) первых знатоков дела и помимо меня сделался уже, можно сказать, постоянным присяжным оценщиком трудов по экономической и социальной русской истории, представляемых для соискания премий в Императорскую академию наук. Нет даже и нужды называть его имя. Замечу только, что сделанное им теперь сделано в виде дружеской личной услуги и что, хотя, по моему мнению, этого вполне достаточно для цели... г. Лаппо-Данилевский, если бы ему пришлось подписаться собственною фамилиею под отзывом, представляемым Академией наук, еще внимательней и подробнее написал бы его».²³⁵ Тщательность и научный уровень подготовленных отзывов оказались оцененными членами ИФО.

Работы А.С.Лаппо-Данилевского, связанные с рецензированием трудов, выдвинутых на присуждение этих премий, выливались в самостоятельные исследования.²³⁶ За них А.С.Лаппо-Данилевский многократно получал благодарность от неперменного секретаря Академии Н.Ф.Дубровина.²³⁷ В 1898 и 1899 гг. А.С.Лаппо-Данилевский был награжден от имени Академии золотой Уваровской медалью.²³⁸

Официальное выдвижение А.С.Лаппо-Данилевского на пост адъюнкта Академии наук состоялось 15 сентября 1899 года на заседании ИФО академиками К.С.Веселовским, В.В.Латышевым, И.И.Янжулом и Н.Ф.Дубровиным²³⁹ уже после смерти В.Г.Васильевского. В записке, подготовленной К.С.Веселовским по материалам, оставленным В.Г.Васильевским, и подписанной перечисленными академиками, говорилось: «Мы считаем своим долгом обратить внимание Отделения на молодого ученого, который, несмотря на свою молодость, уже успел целым рядом весьма серьезных и ценных трудов заявить свою любовь к научной работе, свое умение отыскивать еще нетронутые до него вопросы отечественной историографии и замечательный талант в разысканьях по существеннейшим задачам науки... Незабвенный наш товарищ В.Г.Васильевский весною нынешнего года собирался предложить Лаппо-Данилевского на место, сделавшееся вакантным... и только болезнь, а потом неожиданная кон-

чина были причиной, что он не исполнил этого намерения... Он в этих видах составил уже об ученых трудах Лаппо-Данилевского подробную записку, которая и легла в основу настоящего нашего представления».²⁴⁰ 29 сентября 1899 г. А.С.Лаппо-Данилевский был единогласно избран ИФО в адъюнкты Академии наук.²⁴¹ 6 ноября состоялось представление его кандидатуры общему собранию Академии,²⁴² 4 декабря – баллотировка общим собранием (25 – «за», 4 – «против»),²⁴³ 8 января 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский высочайшим приказом был назначен адъюнктом²⁴⁴ и, наконец, 15 января вместе с другими избранными, в том числе А.А.Шахматовым, ставшим ординарным академиком, «был введен в собрание [Академии] и приветствован присутствующими членами».²⁴⁵

Кроме поддержки, оказанной В.Г.Васильевским и К.Н.Бестужевым-Рюминым, и признания ученых достоинств А.С.Лаппо-Данилевского со стороны других членов отделения, значительную роль в его избрании в столь молодом возрасте сыграло и то объективное обстоятельство, что в конце 1880-х – начале 1900-х гг. ИФО оказалось в сложном кадровом положении. В конце 1880-х – первой половине 1890-х гг. оно состояло из академиков, избранных в его состав в 1840–1860-е гг. За 15 лет – с 1886 по 1901 гг. – ушло из жизни 12 членов отделения, численность которого в этот период не превышала, как правило, 9 человек. Для сравнения отметим, в последующие 15 лет (до 1916 г.), когда его численность возросла до 14 человек, Отделение потеряло всего троих членов. Таким образом, в последние пятнадцать лет XIX века состав ИФО почти полностью обновился. С уходом из жизни Ф.И.Видемана, А.К.Наука, О.Н.Бетлинга, А.А.Куника завершился период доминирования (а до начала 1880-х гг. – «господства») «немцев» в ИФО, которое не прерывалось с момента основания Академии. В состав ИФО кроме А.С.Лаппо-Данилевского в это время были избраны К.Г.Залеман (1886 г.), Н.Ф.Дубровин (1887 г.), П.В.Никитин (1888 г.), В.Р.Розен (1890 г.), В.В.Латышев (1893 г.), И.И.Янжул (1895 г.), С.Ф.Ольденбург (1901 г.). В 1900–1910-е гг. штатными членами отделения стали П.К.Коковцев (1903 г.), М.А.Дьяконов (1905 г.), Н.Я.Марр (1909 г.), В.В.Бартольд (1913 г.), М.М.Ковалевский (1914 г.), Ф.И.Успенский (1916 г.), П.Г.Виноградов (1916 г.), М.И.Ростовцев (1917 г.), П.Б.Струве (1917 г.) и Б.А.Тураев (1918 г.).²⁴⁶ Таков был состав того академического поколения, к которому принадлежал А.С.Лаппо-Данилевский.

Сохранился черновик благодарственной речи А.С.Лаппо-Данилевского, произнесенной при вступлении в число действительных членов Академии наук. Она стала программной для его академической деятельности. На наш взгляд, это был своеобразный манифест: «Высокую честь избрания меня в действительные члены Императорской Академии наук я объясняю про себя не столько вниманием к моим заслугам, конечно весьма скромным, сколько одобрением того ученого направления, к которому я принадлежу... Не пренебрегая лингвистикой, археологией и археографией, я стараюсь и буду стараться придерживаться того направления, которое имеет в виду не только факты, но и факторы, не одни события, но и явления, которое стремится изобразить не столько картины, сколько процессы и располагает материал не живописными группа-

ми, а эволюционными рядами... В своей научно-литературной деятельности я принципиально нисколько не отрицал великого и самостоятельного значения духовного развития человеческих обществ и старался в своих занятиях по русской истории разъяснить законообразный ход нашего духовного развития. Я не могу не выразить радости своей при мысли, что то ученое направление, к которому я принадлежу, нашло одобрение и ободрение со стороны Императорской Академии».²⁴⁷

Работе в Академии А.С.Лаппо-Данилевский придавал первостепенное значение. С.Ф.Ольденбург вспоминал, что А.С.Лаппо-Данилевский обосновывал свой уход из Историко-филологического института, где состоял профессором, тем, что «хотел посвятить академии все свои силы и отдать ей всю свою работу».²⁴⁸ Что касается университета, то он всегда оставался для А.С.Лаппо-Данилевского «вторым местом работы». По словам А.Е.Преснякова, А.С.Лаппо-Данилевский так и не стал полноправным членом историко-филологического факультета. И дело было не только в том, что он долгое время оставался на факультете всего лишь приват-доцентом. А.Е.Пресняков отмечал, что А.С.Лаппо-Данилевский не вошел в школу Петроградского университета, поставив рядом с ней особую теоретическую школу.²⁴⁹

По нашему мнению, А.С.Лаппо-Данилевский последовательно в течение всей дальнейшей научной деятельности реализовывал установки того ученого направления, характеристику которого он дал в речи при вступлении в действительные члены Академии. Объективно оно противостояло «художественной» (по выражению С.Н.Валка) школе С.Ф.Платонова.²⁵⁰ Если центром развития школы С.Ф.Платонова определенно был историко-филологический факультет университета, то местом становления теоретического направления А.С.Лаппо-Данилевского – историко-филологическое отделение Академии.

С нашей точки зрения, цели, которые академик ставил перед своим научным направлением, определяли основные предприятия его ученой и административной деятельности в 1900–1910-е гг. Наиболее крупными из них стали создание системы методологии истории и организация целого ряда коллективных исследовательских работ.

После избрания в адъюнкты академическая карьера А.С.Лаппо-Данилевского включала в себя еще два этапа – избрание экстраординарным (в 1902 г.),²⁵¹ а затем ординарным (в 1904–1905 гг.) академиком.²⁵² Для него избрание на должность ординарного академика по кафедре истории и древностей российских стало возможным после освобождения вакансии со смертью Н.Ф.Дубровина. Несмотря на формальное равенство действительных членов Академии, это карьерное продвижение имело существенное значение. С этого момента А.С.Лаппо-Данилевский стал фактическим руководителем основных предприятий Академии в области русской истории.

В 1901 г. А.С.Лаппо-Данилевский активно способствовал избранию в Академию С.Ф.Ольденбурга, с которым его связывала тесная дружба с середины 1880-х гг. В 1904 г. С.Ф.Ольденбург сменил Н.Ф.Дубровина на ключевом посту неперменного секретаря Академии наук. С этого момен-

та А.С.Лаппо-Данилевский мог рассчитывать на его поддержку во всех своих академических предприятиях.

В качестве старшего академика по русской истории А.С.Лаппо-Данилевский стал с 1905 г. инициатором основных кадровых решений по своей кафедре (истории и древностей российских). В 1905 г. он предложил кандидатуру М.А.Дьяконова на должность адъюнкта Академии по этой кафедре.²⁵³ С М.А.Дьяконовым А.С.Лаппо-Данилевский также познакомился в 1880-х гг. Они сотрудничали в Научно-литературном обществе и Кружке русских историков, входили вместе с С.Ф.Ольденбургом в «Приютинское братство». Многолетняя переписка ученых (М.А.Дьяконов с 1889 г. стал преподавать в Дерптском университете) свидетельствует об их теплых отношениях.²⁵⁴ В 1899 г. А.С.Лаппо-Данилевский по поручению комиссии Академии по рассмотрению сочинений на соискание премий графа Уварова представил весьма благоприятный отзыв о работах М.А.Дьяконова, что позволило последнему получить эту награду.²⁵⁵ А.С.Лаппо-Данилевский неизменно тепло отзывался о М.А.Дьяконове, в частности защищая его от нападок В.И.Сергеевича.²⁵⁶ С началом своей академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевский стал привлекать этого ученого к различным предприятиям Академии²⁵⁷ и впоследствии стал основным инициатором его избрания в действительные члены Академии. В историко-правовых работах М.А.Дьяконова А.С.Лаппо-Данилевский видел то необходимое сочетание психологического и формально-научного подходов, которые он стремился примирить в своей методологии. Его привлекало в работе М.А.Дьяконова то, что последний обращает внимание на духовные факторы развития древнерусского права. А.С.Лаппо-Данилевский высоко оценивал и попытки М.А.Дьяконова подойти к своему предмету с точки зрения «истории идей и влияния их на правовые нормы». Особенно близкими А.С.Лаппо-Данилевскому были разработка М.А.Дьяконовым идеи самодержавия в русском средневековом обществе и формально-юридические методы, применяемые им в работе над древнерусскими актами.²⁵⁸

По поводу своего избрания в адъюнкты Академии в апреле 1905 г. М.А.Дьяконов замечал в письме А.С.Лаппо-Данилевскому: «Спасибо за инициативу и успех дела, ибо всем этим обязан Вам. Испытываю только невольное смущение, так как весьма не уверен в том, в какой мере окажусь в силах оправдать оказанное мне доверие и отличие».²⁵⁹ В лице М.А.Дьяконова А.С.Лаппо-Данилевский нашел союзника по основным академическим предприятиям. Фактически он получил важный дополнительный голос при решении дел в разряде историко-политических наук ИФО, что вскоре понадобилось А.С.Лаппо-Данилевскому при обсуждении проблемы расширения штата отделения.

Это вопрос был поднят среди членов ИФО в 1905 г.²⁶⁰ По словам С.Ф.Ольденбурга, инициатором его обсуждения был А.С.Лаппо-Данилевский.²⁶¹ Для увеличения штатов Академии необходимо было издание соответствующего закона. Манифест 17 октября и утверждение новой законодательной процедуры затормозили ход дела. Законопроект о расширении штатов необходимо было провести через Государственную думу

и Государственный совет. Неожиданным препятствием на этом пути стала позиция кадетской партии. В феврале 1907 г. член Государственного совета академик В.И.Вернадский, к которому А.С.Лаппо-Данилевский обратился по поводу выяснения перспектив положительного решения вопроса о расширении штатов Академии, писал ему, что в подготовительной комиссии кадетской партии при Центральном комитете «поставлен на очередь Устав и Штаты университетов», и «вероятно им будет гарантирована поддержка партии, — продолжал он, — не знаю, удастся ли провести там в принципе вопрос о штате Академии наук». Далее В.И.Вернадский отмечал: «Положение теперь такое, что если университеты получат штаты, Академия на несколько лет лишится возможности улучшить свое положение и совершенно захиреет».²⁶² По-видимому, негативное отношение кадетской партии, в целом близкой А.С.Лаппо-Данилевскому по духу и составу, к планам расширения Академии заставило его на время их отложить. Но уже в октябре 1908 г. он представил вниманию ИФО «Записку об усилении личного состава Историко-филологического отделения». Ее основная идея состояла в том, что штат Академии не соответствует уровню развития гуманитарной науки. А.С.Лаппо-Данилевский предлагал образовать четыре новых кафедры — всеобщей истории, философских наук, юридических наук, политических наук. При этом он не считал нужным связывать занятие кафедры со специализацией ученого в конкретной дисциплине, относящейся к одной из указанных областей. С таким подходом был категорически не согласен другой академик по разряду историко-политических наук, известный экономист И.И.Янжул. Он заявил о необходимости строгой специализации кафедр, указав, что в противном случае возможно произвольное толкование границ той или другой научной области и, как следствие, преобладание в составе разряда и отделения представителей определенной специальности. И.И.Янжул предложил организовать не четыре, а шесть новых кафедр со строгой специализацией. Однако отделение, в котором преобладали историки Востока и специалисты по восточным языкам, приняло осторожное решение о желательности образования только двух новых кафедр — всеобщей истории и философии, юридических и политических наук.²⁶³

Рассмотрение этого вопроса в различных инстанциях шло до 1912 г., когда Государственный совет не только утвердил увеличение штатов ИФО, но и выразил пожелание об учреждении в составе Академии наук специального отделения юридических и экономических наук. После этого ИФО избрало комиссию во главе с вице-президентом Академии П.В.Никитиным, который, как правило, руководил такими комиссиями по должности. В нее вошли представители разряда историко-политических наук А.С.Лаппо-Данилевский, И.И.Янжул и М.А.Дьяконов. В ходе работы к единому мнению по поводу предложения Государственного совета члены комиссии не пришли. В ее докладе, подписанном П.В.Никитиным, А.С.Лаппо-Данилевским и М.А.Дьяконовым, утверждалось, что образование нового отделения привело бы к «ломке в организации Историко-филологического отделения». Авторами доклада было отмечено, что существуют два пути образования нового отделения: первый связан с

дроблением историко-политического разряда и отрывом исторических наук от политических, а второй — с выходом разряда историко-политических наук из состава ИФО и, как следствие, с отделением исторических и философских наук от филологических. Оба эти пути для подписавших доклад академиков были неприемлемы. И.И.Янжул высказал особое мнение. Он указал на странное соседство в одном отделении столь разных дисциплин, какими являются современная политэкономия и древние языки, и выразил недоумение по поводу того, как комиссия может добровольно отказаться от существенного расширения штатов Академии. В результате прений в ИФО решение вопроса было отложено сначала до следующего заседания, а в конце концов на четыре месяца. Только после отъезда И.И.Янжула за границу ИФО приняло предложение комиссии с отказом от образования нового отделения юридических и экономических наук и просьбой учреждения взамен этого трех новых кафедр.²⁶⁴

На наш взгляд, причиной всех этих разногласий была убежденность А.С.Лаппо-Данилевского в необходимости интеграции гуманитарных наук и его желание координировать этот процесс в рамках Академии. На организационном уровне это выражалось в подборе соответствующих кандидатур в состав отделения. В 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский способствует избранию в состав ИФО М.М.Ковалевского, П.Г.Виноградова, Ф.И.Успенского и П.Б.Струве.

М.М.Ковалевский в 1914 г. занял одну из новых кафедр, предоставленных отделению. Несмотря на то, что М.М.Ковалевский во многом расходился с А.С.Лаппо-Данилевским в своих социологических построениях, их объединяло общее представление о социологии как исторической дисциплине. Результатом их совместной работы была подготовка институционализации социологической науки в России. Уже после кончины М.М.Ковалевского (1916 г.) под руководством А.С.Лаппо-Данилевского образовалось Русское социологическое общество памяти М.М.Ковалевского, к работе которого А.С.Лаппо-Данилевским были привлечены П.А.Сорокин, П.Б.Струве, С.И.Гессен, Б.Б.Веселовский, Н.И.Кареев, Е.В.Тарле, И.В.Лучицкий, П.Н.Милоков, П.Г.Виноградов, А.Е.Пресняков, М.А.Дьяконов.²⁶⁵

А.С.Лаппо-Данилевский был основным инициатором избрания в состав ИФО П.Г.Виноградова. За отсутствием свободной вакансии П.Г.Виноградов был избран в 1913 г. сначала в сверхштатные академики.

Сотрудничество в области организации международных научных работ А.С.Лаппо-Данилевского и П.Г.Виноградова началось в конце 1900-х гг. Будучи членом Британской Академии наук, П.Г.Виноградов принимал, наряду с А.С.Лаппо-Данилевским, активное участие в работе Международного союза академий. Вместе они входили в состав большинства крупных международных исторических съездов 1900—1910-х гг. В определенной степени П.Г.Виноградов выступал посредником между русской и западноевропейской исторической наукой. Он активно поддержал на Лондонском историческом конгрессе 1913 г. идею А.С.Лаппо-Данилевского о проведении следующего конгресса (1918 г.) в Санкт-Петербурге и включился в работу по его подготовке, координируемую А.С.Лаппо-Данилевским.

Если П.Г.Виноградов оказывал поддержку международной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, то А.С.Лаппо-Данилевский содействовал укреплению позиций П.Г.Виноградова в системе русских научных учреждений. Когда, после разгрома правительством московской профессуры в 1911 г., П.Г.Виноградов в очередной раз был вынужден покинуть Московский университет и возвратиться в Великобританию, А.С.Лаппо-Данилевский взял на себя хлопоты по назначению опальному профессору пенсии и добился этого.²⁶⁶ П.Г.Виноградов считал, что при избрании его в сверхштатные члены Академии А.С.Лаппо-Данилевский «взял на себя как бы представительство» его «интересов».²⁶⁷ Как видно из писем П.Г.Виноградова А.С.Лаппо-Данилевскому, при согласовании его кандидатуры в Академии возникли определенные трудности,²⁶⁸ которые А.С.Лаппо-Данилевскому удалось преодолеть. С получением известия об избрании его в сверхштатные члены Академии П.Г.Виноградов благодарил А.С.Лаппо-Данилевского «за дружеские хлопоты».²⁶⁹ По-видимому, избрание П.Г.Виноградова в сверхштатные члены было для А.С.Лаппо-Данилевского лишь этапом на пути введения своего кандидата в состав действительных членов Отделения. С образованием новых кафедр в составе ИФО А.С.Лаппо-Данилевский решительно настаивал на кандидатуре П.Г.Виноградова. Вероятно, и в этот раз ему пришлось преодолевать возражения своих коллег. В октябре 1915 г. П.Г.Виноградов замечал в письме А.С.Лаппо-Данилевскому: «Очень жаль, что моя кандидатура приносит Вам столько хлопот, во всяком случае, примите мою искреннюю благодарность за настойчивую поддержку... В случае моего избрания в штатные члены Академии, я буду смотреть на это положение как на главное, к которому все остальное придется приспособить».²⁷⁰ Однако, когда все препятствия удалось преодолеть и в конце 1915 г. П.Г.Виноградов был избран ординарным академиком, условия военного времени помешали ученому вернуться на родину, впрочем, как отмечено выше, в это время П.Г.Виноградов как бы являлся представителем интересов Российской Академии в союзнической Великобритании.²⁷¹

В «Записках о трудах П.Г.Виноградова» 1913 и 1915 гг., подготовленных А.С.Лаппо-Данилевским для рассмотрения кандидатуры в ИФО, в качестве преимуществ кандидата отмечено сочетание строгого научнокритического метода обработки архивного материала со вниманием к широкому кругу проблем социальных наук. Для А.С.Лаппо-Данилевского особенно ценными представлялись работы кандидата, посвященные истории правовых систем, взаимодействию различных историко-правовых учений и систем права на Западе в период средних веков.²⁷² В отмеченных достоинствах трудов П.Г.Виноградова (послуживших основанием для избрания) отражены, таким образом, те стороны его научного метода и те области его научных интересов, которые были наиболее значимыми с точки зрения научно-методологических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского. Сам П.Г.Виноградов не был чужд идеям «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского, которую называл «в высшей степени интересной и значительной работой».²⁷³

Добившись избрания П.Г.Виноградова в число членов ИФО, А.С.Лаппо-Данилевский получил в качестве союзника единомышленника и ученого с мировым именем, на поддержку которого он мог рассчитывать в своих международных проектах.

А.С.Лаппо-Данилевский был формальным инициатором избрания в штатные академики одного из основателей школы русского византиноведения Ф.И.Успенского. В отличие от кандидатур М.А.Дьяконова и П.Г.Виноградова, избрание в штат Академии Ф.И.Успенского было в определенной степени предрешено. С 1900 г. он являлся сверхштатным членом отделения. Долгое время вопрос о включении его в штат не поднимался, поскольку Ф.И.Успенский не мог постоянно участвовать в работе отделения, будучи директором Русского археологического института в Константинополе. Кроме того, в штатном расписании отделения до 1912 г. отсутствовала кафедра всеобщей истории. В то же время, как свидетельствуют его письма А.С.Лаппо-Данилевскому, с начала 1900-х гг. Ф.И.Успенский высказывал желание оказаться избранным в число штатных членов Академии.²⁷⁴ С началом войны и возвращением Ф.И.Успенского в Россию он стал регулярно принимать участие в заседаниях ИФО, и решение проблемы включения его в штат стало вопросом времени. В течение пятнадцати лет Ф.И.Успенский многократно выполнял различные просьбы А.С.Лаппо-Данилевского, связанные с подготовкой редактируемых им изданий, они вместе участвовали в ряде работ отделения, и поэтому выдвижение кандидатуры Ф.И.Успенского именно А.С.Лаппо-Данилевским было естественным. Заслуживает внимания характер аргументации А.С.Лаппо-Данилевского при представлении им этой кандидатуры к избранию в должность ординарного академика. По существу, он рассматривал ученые достоинства кандидата с позиций своей методологии. Высоко оценивая тридцатилетнюю научную деятельность кандидата в области критической разработки источников и конкретных проблем византийской истории XII–XIV вв. и особенно работы Ф.И.Успенского по истории философской и богословской мысли, А.С.Лаппо-Данилевский тем не менее придавал этой работе значение подготовительного этапа по отношению к построению общей истории Византии, «историческому синтезу», к которому Ф.И.Успенский приступил с начала 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский подчеркивал, что для развития науки «оценка и размещение уже добытого материала» не менее важна, чем разработка источников.²⁷⁵

С П.Б.Струве А.С.Лаппо-Данилевский был знаком с 1890-х гг., когда молодой экономист принимал участие в «Беседах по проблемам факультетского преподавания».²⁷⁶ В начале 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский и П.Б.Струве оказались участниками движения русских интеллектуалов против позитивизма. Начиная со второй половины 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский систематически привлекал П.Б.Струве к деятельности Академии. В своей «Методологии истории» он неоднократно ссылаясь на его труды. В 1916 г. А.С.Лаппо-Данилевский пригласил П.Б.Струве к сотрудничеству в Русском социологическом обществе памяти М.М.Ковалевского. Представляя своего кандидата ИФО в марте 1917 г., А.С.Лаппо-

Данилевский подробно остановился на анализе методологии его научной работы. Он отмечал, что П.Б.Струве с увлечением отдавался тем «кропотливо мелочным» изысканиям, «пренебрежительное отношение к которым так еще распространено, к сожалению, в кругах наших ученых-обществоведов, свидетельствуя о недостаточно строгой научной школе». А.С.Лаппо-Данилевскому импонировал подход П.Б.Струве к основному предмету занятий – экономической теории, а именно выдвижение «главенствующей роли идиографических элементов в решении основных проблем теоретической экономии». Подход П.Б.Струве в этом отношении противопоставлялся обобщающим теориям, в частности классовой теории. А.С.Лаппо-Данилевский отметил и достоинство историко-экономических работ кандидата, указав, что с помощью экономической теории П.Б.Струве удастся осветить связь явлений экономики России и их историческую преемственность.²⁷⁷ Из «Записки», автором которой был А.С.Лаппо-Данилевский, видно, как основные методологические подходы в области истории переносились им и на другие сферы гуманитарного знания.

Избрание в действительные члены Академии М.И.Ростовцева и Б.А.Тураева на вакансии «восточных» разрядов, освободившиеся с кончиной академиков П.В.Никитина и К.Г.Залемана, формально никак не было связано с позицией А.С.Лаппо-Данилевского. Однако следует учесть, что эти ученые в первой половине 1910-х гг. привлекались А.С.Лаппо-Данилевским к различным предприятиям Академии – рецензированию представленных в Академию работ, участию в подготовке Международного исторического конгресса в Санкт-Петербурге в 1918 г. и другим. Исходя из этого можно предположить, что он был благожелательно настроен по отношению к этим новым членам отделения.

Таким образом, научно-методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского и те задачи в области организации гуманитарных наук в России и Европе, которые ученый ставил перед собой, оказали прямое влияние на формирование состава ИФО в 1900–1910-е гг. С этой точки зрения на протяжении всего периода академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского его позиции в отделении укреплялись, а влияние в Академии наук росло.

3. Выдающийся археограф

Археографические занятия находились в центре всей работы А.С.Лаппо-Данилевского в Академии наук. Это было обусловлено традициями, господствовавшими в ее историко-филологическом отделении во второй половине XIX – начале XX вв.

Как отмечал С.Н.Валк,²⁷⁸ основные принципы археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского начали формироваться в первой половине – середине 1890-х гг. во время работы над изданиями кормленной книги Костромской чети²⁷⁹ и переписной и писцовых книг XVII в. по Нижнему Новгороду.²⁸⁰ Археография относилась А.С.Лаппо-Данилевским к технике исторического знания. Однако системный подход к истори-

ческой науке, характерный для ученого, полностью подчинил задачи археологии методологии истории.²⁸¹

А.С.Лаппо-Данилевский начал подготовку значительного количества изданий Академии наук и продолжил работы по многим ранее заброшенным. Академия вскоре оценила археологические возможности А.С.Лаппо-Данилевского. К.С.Веселовский по этому поводу писал ему: «Академия, имея теперь в Вашем лице такого приготовленного и, позвольте прибавить, — даровитого работника по исследованию Русской истории XIV—XVI столетий, должна и обязана дать Вам средства не только для личных трудов... но еще более для того, чтобы Вы могли сделаться центром и руководителем целой организации коллективных работ... по столь слабо разработанным периодам нашей истории».²⁸² В том же письме содержались и слова, которые можно интерпретировать как предостережение А.С.Лаппо-Данилевскому: «<...> один в поле не воин, а наш старинный быт... — это такое море безбрежное, в котором одинокий работник, какой бы он ни был силы еще не много сможет сделать за всю свою жизнь».²⁸³ Об археологических проектах А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствует и А.Е.Пресняков, который отметил в одном из писем сентября 1900 г.: «Как адъюнкт Академии, он [А.С.Лаппо-Данилевский. — Е.Р.] теперь затевает ряд важных изданий — критически обработанных источников по русской истории».²⁸⁴

С первого дня работы в Академии А.С.Лаппо-Данилевский включился в решение текущих дел историко-филологического отделения. Еще до его формального вступления в действительные члены Академии, 12 января 1900 г., ИФО поручило ему разобраться с документами сборника «*Varia spectantia ad Moscoviam*», неожиданно попавшего в распоряжение Академии благодаря дару принца Виктора Неаполитанского, переданному великому князю Константину Константиновичу.²⁸⁵ Как установил А.С.Лаппо-Данилевский, эти материалы являлись копией с оригинального сборника, хотя и содержали, на первый взгляд, очень ценную информацию (например уникальные сведения о ходе Полтавской битвы 1709 г.). Судьба проекта этого издания своеобразна. Первоначально принятое решение ИФО о порядке издания этого сборника разбивало содержащийся в нем материал на три части. Скорейшей публикации подлежали материалы по истории пропаганды католицизма в России. Издание материалов о переговорах о царском титуле конца XVII — начала XVIII вв. до выяснения вопроса о состоянии российских архивов, связанных с этой темой, было отложено. Французский вариант реляции о Полтавской битве было решено печатать после консультаций с военным историком.²⁸⁶ Однако в ходе тщательной работы над этим сборником А.С.Лаппо-Данилевского и привлеченных им ученых планы издания пришлось изменить, поскольку А.С.Лаппо-Данилевским было установлено, что в действительности большой ценности найденные материалы не имеют.²⁸⁷ По его предложению, сделанному в апреле 1904 г., ИФО ограничилось публикацией описания сборника в «Известиях» Академии. Тем не менее представлял интерес те археологические принципы, которые были выработаны А.С.Лаппо-Данилевским применительно к предполагаемому изданию.

Замечания по поводу правил издания «*Varia spectantia ad Moscoviam*» он изложил в письме Н.Ф.Дубровину от 2 февраля 1902 г. Основное внимание А.С.Лаппо-Данилевский уделил примечаниям и легенде. Ученый считал, что примечания могли бы быть библиографическими, критическими и реальными. Под библиографическими примечаниями А.С.Лаппо-Данилевский понимал «библиографический комментарий».²⁸⁸ Под критическими примечаниями — такие примечания, «которые нужны лишь постольку, поскольку способствуют правильному чтению текста, или устраняют какие-либо грубые фактические ошибки и т.п.».²⁸⁹ «Реальными» примечаниями А.С.Лаппо-Данилевский называл «реальные толкования содержания текстов, которые логично было бы выполнить в виде особого приложения».²⁹⁰ Таким образом, уже в этот период формируется системный археологический подход А.С.Лаппо-Данилевского, получивший затем развитие как в теории, так и на практике.

А.С.Лаппо-Данилевский занял в Академии вакансию, освободившуюся после смерти А.А.Куника. С ним его будущий преемник в Академии был знаком по совместной работе в Археологической комиссии с середины 1890-х гг. По всей вероятности, укреплению отношений молодого ученого и одного из старейших академиков способствовал В.Г.Васильевский, для которого А.А.Куник был одним из наиболее близких людей в Академии.²⁹¹ Видимо, ко времени кончины А.А.Куника у него сложились довольно тесные отношения с А.С.Лаппо-Данилевским. В 1897 г. Н.П.Павлов-Сильванский воспользовался услугами именно А.С.Лаппо-Данилевского, по рекомендации которого А.А.Куник предоставил ему возможность пользоваться рукописями собрания Библиотеки Академии наук.²⁹²

На А.С.Лаппо-Данилевского легла обязанность продолжения многочисленных изданий, начатых А.А.Куником.²⁹³ Работа над ними стала началом археологической и издательской деятельности А.С.Лаппо-Данилевского в Академии наук. Всего через месяц после избрания в Академию на заседании ИФО 16 февраля 1900 г. он прочел «Записку о трудах А.А.Куника и о состоявших под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии».²⁹⁴ Общая программа печатания трудов и изданий А.А.Куника, предложенная А.С.Лаппо-Данилевским, была принята с незначительными изменениями на следующем заседании отделения, 29 марта. 14 изданий, начатых А.А.Куником, были разбиты на несколько групп, с каждой из которых А.С.Лаппо-Данилевскому предстояла отдельная работа.²⁹⁵ Главная трудность заключалась в том, что подготовка к изданию большинства редактировавшихся А.А.Куником изданий началась 10—40 лет назад и затем по разным причинам была приостановлена. Многие рукописи устарели по своему научному содержанию, и в связи с этим А.С.Лаппо-Данилевский вступил в переписку с их авторами и получил согласие некоторых из них отказаться от печатания их трудов.²⁹⁶ Остальные работы предстояло подготовить к печати и издать. Решение этой задачи потребовало многих лет труда, поскольку почти каждое подготовленное А.С.Лаппо-Данилевским издание было связано не только с редакторской, но и со специальной научно-исследовательской работой.

Среди этих изданий были: «Заметка о Молодинском кладе» Ю.Б.Иверсена, «Материалы для историко-этнографической географии северо-запада России» Э.А.Вольтера, «Нева и Ниеншанц» А.И.Гиппинга, «Болеслав-Юрий II, последний князь всей Малой Руси» И.В.Режабека и другие.

Не потребовала значительных редакторских усилий только статья Ю.Б.Иверсена «Заметка о Молодинском кладе»,²⁹⁷ которую А.С.Лаппо-Данилевский издал сразу же в 1900 г.²⁹⁸

В феврале 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский начал работу над продолжением издания «Материалов для историко-этнографической географии северо-запада России». К марту выяснилось, что из обширного плана Э.А.Вольтера подготовлены лишь «Списки Сувалковской и Виленской губерний». А в апреле сам автор и А.С.Лаппо-Данилевский пришли к заключению, что «Список по Виленской губернии» печатать не следует, поскольку методика сбора информации для него была несовершенной. По предложению А.С.Лаппо-Данилевского отделение попросило Э.А.Вольтера пересмотреть подготовленные им материалы и по Сувалковской губернии. После внесения в текст ряда исправлений согласно указаниям А.С.Лаппо-Данилевского, они были напечатаны. На этом публикация «Материалов...» была прекращена.²⁹⁹

Среди изданий А.А.Куника, потребовавших затраты большого количества времени и сил, на первом месте находился сборник «Болеслав-Юрий II, последний князь всей Малой Руси». На подготовку сборника к печати у А.С.Лаппо-Данилевского ушло около семи лет.³⁰⁰

Появление сборника связано с одноименной статьей чешского ученого И.В.Режабека, опубликованной в Праге в 1883 г. А.А.Куник намеревался осуществить ее переиздание в русском переводе.³⁰¹ В него предполагалось включить также незначительные добавления к статье И.В.Режабека переводчика О.Гонсиоровского, И.А.Линниченко и самого А.А.Куника.³⁰² Начатое печатанием издание было вскоре заброшено (с конца 1880-х гг.). В мае 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский проинформировал ИФО о желании И.В.Режабека «оставить свою статью в том виде, в каком она уже напечатана». При этом А.С.Лаппо-Данилевский заметил, что «так как статья г. Режабека была издана пятнадцать лет тому назад, в течение их появилось немало новых материалов и статей, касающихся времени Юрия II... было бы желательным присоединить по крайней мере библиографический обзор вышедших по предмету его работы источников и литературы». По предложению А.С.Лаппо-Данилевского Академия поручила эту работу С.Л.Пташицкому.³⁰³ С начала 1901 г. издание рассматривается в заседаниях отделения как сборник статей. В феврале 1901 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского отделение принимает решение о продолжении печатания сборника. Однако уже в марте происходит первая задержка в связи с решением А.С.Лаппо-Данилевского, одобренным отделением, о включении в сборник ряда снимков с печатей на «грамотах галицких», а также с самих грамот, «интересных в палеографическом отношении». На протяжении 1901 г. число снимков, предполагаемых к

публикации, дважды увеличивалось. В октябре 1901 г. ИФО, приняв во внимание заявление А.С.Лаппо-Данилевского о том, что «сборник почти закончен печатанием», по его предложению поручило его ученику В.Н.Борсуку составление к сборнику именного и географического указателя.³⁰⁴ Однако работа ученого над сборником выявляла все новые проблемы и значительно расширяла его объем. В феврале 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил свое введение к сборнику, которое получило одобрение ИФО.³⁰⁵ Весной 1902 г. в работе произошла новая задержка. Включение в сборник фототипических снимков, которое вначале представлялось А.С.Лаппо-Данилевскому как дело, «которое не потребует большой траты времени и средств»,³⁰⁶ обернулось новыми редакторскими трудностями. Публикацию уже сделанных снимков А.С.Лаппо-Данилевский считал возможной только с присоединением археографического описания этих грамот и печатей. Помещение же археографического описания потребовало ознакомления с их подлинниками. В связи с этим в апреле 1902 г. ИФО приняло решение о командировке А.С.Лаппо-Данилевского в Кенигсберг, где хранилось подавляющее большинство публикуемых грамот.³⁰⁷ В сентябре 1902 г. он отчитался о ее результатах. Отчет А.С.Лаппо-Данилевского интересен для характеристики методики работы ученого в начале 1900-х гг. с актовым материалом как историческим источником. В отчете содержатся: описание способа крепления печатей и материала, с помощью которого они были прикреплены, наблюдения над «княжеским орнаментом» и «орнаментикой самих печатей», дополнение к их легендам; сопоставление печатей разных типов; установление и описание помет и особой нумерации на обороте грамот. Историковедческие изыскания позволили А.С.Лаппо-Данилевскому прийти к ряду значимых выводов по истории архива Тевтонского ордена, времени восшествия Болеслава-Юрия на галицкий престол, о характере культурного влияния Польши и Чехии на галицкие земли.³⁰⁸ Таким образом, редактирование им материалов, посвященных галицкому князю Юрию II, постепенно перерастало в углубленное изучение этой темы.

В декабре 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский отметил на заседании ИФО, что «выпуск сборника несколько затянулся».³⁰⁹ Действительно, сборник продолжал обрастать новыми материалами. В октябре 1902 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского ИФО включило в состав сборника «Дополнительные замечания» И.А.Линниченко, в мае 1905 г. — замечания Е.Ф.Шмурло (помещенные в «Дополнительных заметках» А.С.Лаппо-Данилевского), в мае 1906 г. — обнаруженные А.С.Лаппо-Данилевским в архиве А.А.Куника статьи по данному вопросу.³¹⁰ Но основная трудность была связана с подготовкой фундаментального исследования «Печати последних Галицко-Владимирских князей и их советников» самого А.С.Лаппо-Данилевского, которое было намечено к включению в состав сборника по решению ИФО в марте 1903 г. С подготовкой этого исследования были связаны специальные занятия А.С.Лаппо-Данилевского в германских архивах осенью 1903 г.³¹¹ Оно было завершено в 1906 г.³¹² и издано отдельной монографией.³¹³ Тогда же к работе по пополнению указателя А.С.Лаппо-Данилевский привлек еще одного своего ученика,

Г.М.Котлярова. Окончательно редакторская работа над сборником была завершена в январе 1907 г., и к апрелю того же года он вышел в свет.³¹⁴

В рецензии на этот сборник М.С.Грушевский отмечал: «Настоящая ценность вышедшей книги заключается в ее новых частях: собрании снимков галицко-волынских грамот и приложенном к нему обширном исследовании ак[адемика] А.С.Лаппо-Данилевского о печатях галицко-волынских грамот».³¹⁵ Далее М.С.Грушевский «с признательностью принимает» установленные А.С.Лаппо-Данилевским «факты непосредственной зависимости галицко-волынской дипломатики от западноевропейской (минуя польскую)»;³¹⁶ что же касается критических замечаний, то, по признанию самого рецензента, они носили частный характер.³¹⁷ Это исследование интересно тем, что в нем А.С.Лаппо-Данилевский наглядно продемонстрировал практическое применение своей методологии источниковедения. Через подробный разбор каждого элемента печати, способов их прикрепления А.С.Лаппо-Данилевский выделил типы печатей и рассмотрел проблему их эволюции и взаимовлияния. Такой подход позволил ученому прийти к ряду выводов о характере западноевропейского культурного влияния на западнорусские земли.

Более десяти лет ушло у А.С.Лаппо-Данилевского на завершение другого издания, находившегося под наблюдением А.А.Куника, — труда А.И.Гиппинга «Нева и Ниеншанц». Н.И.Приймак показала, что редакторская работа над ним вылилась в дополнительное исследование самого А.С.Лаппо-Данилевского.³¹⁸ Издание труда А.И.Гиппинга³¹⁹ и относящихся к нему материалов А.А.Куника, а также дополнений самого А.С.Лаппо-Данилевского было завершено только в 1916 г.³²⁰

Как заметила Н.И.Приймак,³²¹ А.С.Лаппо-Данилевский в 1915 г. указал в своей автобиографии, что им были изданы «почти все незаконченные работы А.А.Куника или выполненные под его редакцией».³²² Однако следует отметить, что А.С.Лаппо-Данилевский продолжал работать над изданиями и рукописями А.А.Куника до конца своей жизни, и целый ряд их по разным причинам так и не увидел свет. В.Г.Дружинин, критически относившийся к А.С.Лаппо-Данилевскому, замечал по этому поводу: «В Академии наук на него возложили распутать тяжелое наследие академика Куника. Этих начатых изданий было до двадцати, и все они были брошены не оконченными. Лаппо-Данилевскому удалось лишь окончить одно издание о Неве и Ниеншанце. Остальные же лежали и после него неоконченными».³²³ Однако сам ход работы А.С.Лаппо-Данилевского над изданиями представляет интерес для понимания тех археографических принципов, которыми он руководствовался.

К их числу принадлежит, в частности, работа С.А.Гедеонова «О варяжском вопросе». К предполагаемому изданию этой работы А.А.Куник подготовил свои «Замечания». Тематически труд С.А.Гедеонова и «Замечания» издателя примыкали к работе самого А.А.Куника «Письмо к сухопутным морякам», которая представляла собой обзор и критику антинорманистских взглядов. В феврале 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский предложил объединить эти почти готовые к печати труды в одно издание. По его замыслу «Письмо...» должно было стать предисловием к работе

С.А.Гедеонова. Слияние почти подготовленных к печати работ вызвало технические проблемы, которые приходилось решать самому А.С.Лаппо-Данилевскому в 1900–1902 гг.: подготовка нового указателя, допечатывание необходимого количества экземпляров листов работы С.А.Гедеонова до соответствующего количества напечатанных листов работы А.А.Куника. Однако вскоре выяснилось, что весь этот труд был излишним. В марте 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский сообщил ИФО, что ему удалось установить, что «Письмо...» А.А.Куника являлось предисловием, которое он первоначально хотел поместить к своему совместному с В.Р.Розеном труду «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть I». Поскольку в 1899 г. ИФО решило печатать вторую часть этой работы, по предложению А.С.Лаппо-Данилевского отделение постановило издать «Письмо...» в качестве предисловия ко второй части труда А.А.Куника и В.Р.Розена, что и было сделано в 1903 г.³²⁴ Однако подготовка к печати сборника в целом была отложена. Прежний указатель к изданию С.А.Гедеонова, составленный учеником А.С.Лаппо-Данилевского В.П.Денисовым, оказался, таким образом, ненужным.

К работе над изданием сборника А.С.Лаппо-Данилевский возвращается в конце 1900-х гг. К составлению нового указателя в январе 1909 г. он привлек профессора Ф.А.Брауна и приват-доцента К.Ф.Тиандера. Однако уже в декабре 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский доложил ИФО о новой находке, заставившей его коренным образом поменять планы издания. В бумагах А.А.Куника удалось обнаружить «Предисловие издателя» к труду С.А.Гедеонова, а также разыскание А.А.Куника, предназначавшееся в качестве приложения к этому труду. Вновь возник тот же круг технических проблем, связанный с расширением «Сборника трудов С.Гедеонова и А.Куника по варяжскому вопросу», — приведение в соответствие разных тиражей различных частей предполагаемого сборника, составление нового указателя. К маю 1912 г. эта работа была закончена. Но новые находки все же мешали А.С.Лаппо-Данилевскому завершить издание. В марте 1914 г. с одобрения ИФО он решил включить в сборник письма А.А.Куника 1860-х гг. к профессору Ф.К.Бруну, посвященные норманнскому вопросу. Эти письма попали в распоряжение профессора И.А.Линниченко, который и сообщил о них А.С.Лаппо-Данилевскому. Сам А.С.Лаппо-Данилевский, в свою очередь, обратившись к архиву А.А.Куника, обнаружил аналогичные письма Ф.К.Бруна. В сентябре 1914 г. состав сборника по предложению А.С.Лаппо-Данилевского пополнился и этой находкой. Включение в него нового источника — переписки — потребовало специального издательского предисловия. Его подготовку А.С.Лаппо-Данилевский в апреле 1915 г. с одобрения ИФО поручил И.А.Линниченко. Однако после того как переписка и предисловие к ней были готовы к изданию, А.С.Лаппо-Данилевский в феврале 1917 г. предложил печатать их отдельно. Причина задержки выпуска сборника в целом заключалась в том, что А.С.Лаппо-Данилевский работал над очерком жизни и трудов С.А.Гедеонова. Его он планировал поместить в приложение к сборнику. Таким образом, сборник, редактировавшийся в течение многих лет, так и не был издан.³²⁵

Другой труд из числа начатых А.А.Куником и так и не увидевших свет, несмотря на все усилия А.С.Лаппо-Данилевского, — работа самого А.А.Куника «Düna und Nawa». Статья, содержащая систематическое собрание аргументов в поддержку норманистских взглядов автора, заинтересовала как А.С.Лаппо-Данилевского, так и ИФО. Поскольку полностью текст предполагаемого издания набран не был, в феврале 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский указал в своей «Записке» о трудах А.А.Куника, что оно может быть закончено лишь после предварительных разысканий в бумагах покойного академика. В марте того же года по поручению ИФО он обратился за содействием к профессору Санкт-Петербургского университета Ф.А.Брауну.³²⁶ В октябре 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский доложил его записку по поводу возможного издания «Düna und Nawa» на заседании ИФО. Ф.А.Брауну удалось установить, что сохранившиеся в корректуре отрывки статьи являются вариантами второй, незаконченной, ее редакции, первую же — вполне законченную — редакцию следует искать в бумагах А.А.Куника. Ф.А.Браун предлагал отложить работу над статьей до окончания разбора бумаг покойного автора — с тем, чтобы в случае обнаружения первой редакции выпустить ее, допуская возможность вставки в нее отрывков из второй редакции.³²⁷ А.С.Лаппо-Данилевский, согласившись с тем, что публикацию статьи следует отложить до разбора бумаг А.А.Куника, отметил, что он «не признает возможным вставками изменять тот вид ее, который сам автор придал своему произведению».³²⁸ Произвольная контаминация в издании любых текстов (источников или авторских рукописей) была для А.С.Лаппо-Данилевского абсолютно недопустима, поскольку нарушала «психическое единство» текста и делала невозможным его дальнейшую интерпретацию и критику.

Что касается разбора бумаг А.А.Куника, то он затянулся на долгие годы и так и не был завершен при жизни А.С.Лаппо-Данилевского. Здесь следует, правда, отметить, что такого рода работа не входила в сферу ответственности А.С.Лаппо-Данилевского, так как всеми работами в библиотеке I отделения Академии (а именно там находился архив А.А.Куника) руководил ее заведующий академик А.А.Шахматов. На одном из заседаний Отделения весной 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский с сожалением замечал: «До последнего времени собрание рукописей А.А.Куника, его собственноручных трудов, заметок и выписок, а также поступивших на его рассмотрение сочинений, документов и т.п. не было приведено в порядок». В связи с этим А.С.Лаппо-Данилевский добился специального решения отделения, обязавшего библиотекаря А.А.Петерса составить под его наблюдением опись бумаг А.А.Куника.³²⁹

Вообще к изучению личности и научного наследия своего предшественника А.С.Лаппо-Данилевский обращался многократно на протяжении своей академической деятельности. Для него было важно все, что имело отношение к биографии А.А.Куника. На наш взгляд, это было не просто служебной обязанностью, но пониманием А.С.Лаппо-Данилевским важности преемственности в науке. Итогом этой работы стало издание А.С.Лаппо-Данилевским в 1914 г. научно-биографического очерка, посвященного А.А.Кунику. В нем автор, с одной стороны, описал

методику работы своего предшественника, а с другой — попытался реконструировать картину отношений А.А.Куника с рядом ученых его поколения.

Для А.С.Лаппо-Данилевского прежде всего было близко то понимание сути профессии историка, которого придерживался А.А.Куник: наука должна «исследовать и изображать, как думали, чему веровали и что испытывали в своей душе люди прежних столетий». Подробно разбирая методику работы своего предшественника, А.С.Лаппо-Данилевский показал, что историософские и историко-теоретические взгляды А.А.Куника (развитие и своеобразный пересмотр философии истории Г.В.Ф.Гегеля) никак не были связаны с применявшейся им методикой (историко-филологической) конкретно-исторического исследования. Это обусловило его чрезвычайную научную шепетильность и, как следствие, большое количество незавершенных исследовательских работ и изданий.

А.С.Лаппо-Данилевский показал, какое значение покойный академик придавал таким деталям своих изданий, как формат, шрифт, правописание, система указателей, составление карт и пр. С этой точки зрения уместно говорить и о влиянии научной традиции предшественника А.С.Лаппо-Данилевского на его собственную работу.³³⁰ Во всяком случае, С.Ф.Ольденбург справедливо проводил параллель между причинами незаконченности многих академических работ А.А.Куника и А.С.Лаппо-Данилевского. На его взгляд, ими были чрезвычайно строгие научные требования к результатам своей работы и «глубокое участие в чужих трудах».³³¹

Другим примером редакторской деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, затем переросшим в самостоятельное научное исследование, стало издание «Доимочной книги мостового и решеточного сборов», подготовленной к печати И.Н.Миклашевским. На заседании ИФО 8 ноября 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил составленную по его просьбе записку И.Н.Миклашевского об этом издании. И в этом случае для А.С.Лаппо-Данилевского большую роль играл фактор исторической значимости публикуемого источника. Анализ «Доимочной книги...» стал одним из аргументов, призванных обосновать положение государственнo-юридической школы о вотчинном характере городского владения в Москве в XVII в. Отделение согласилось с А.С.Лаппо-Данилевским и включило «Доимочную книгу...» в число академических изданий. К марту 1901 г. текст книги был почти полностью напечатан в академической типографии. Тогда же А.С.Лаппо-Данилевский внес в отделение предложение о дополнении издания образцом отписи о приеме мостового и решеточного сборов, хранившейся в его личной коллекции, на что получил согласие. Включение в сборник нового вида источников побудило А.С.Лаппо-Данилевского к специальным, связанным с этим, историко-ведческим изысканиям. Летом 1901 г. он предпринял поездку в Москву для работы в Румянцевском музее. В коллекции И.Д.Беляева А.С.Лаппо-Данилевский обнаружил и скопировал 10 аналогичных расписок в приеме мостового и решеточного сборов. В сентябре 1901 г. ИФО по его просьбе включило их в состав издания. Постепенно, в ходе редакторской

работы над публикацией «Книги» и расписок летом — осенью 1901 г. А.С.Лаппо-Данилевский формулировал основные положения исследования, посвященного истории «мостового и решеточного» налогов в Московской Руси. В сентябре 1901 г. отделение согласилось включить его в сборник.³³² Еще одна, теперь уже последняя, задержка издания была связана со смертью И.Н.Миклашевского. Он не успел оставить описание внешнего вида публикуемой рукописи, а для А.С.Лаппо-Данилевского отсутствие такого описания в научно-критическом издании было невозможным. По его просьбе это описание было подготовлено А.И.Успенским,³³³ с которым с этого времени А.С.Лаппо-Данилевский начал активно сотрудничать. Сборник вышел в «Записках» ИФО в 1902 г.³³⁴ Основной и большей его частью является именно исследование А.С.Лаппо-Данилевского, которое вскоре было издано в виде отдельной монографии.³³⁵

Совместная работа с И.Н.Миклашевским вероятно, была одним из факторов, который побудил А.С.Лаппо-Данилевского к разбору бумаг, оставшихся после его смерти в конце 1901 г. На заседании ИФО в октябре 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский сообщил о рассмотренной им в числе бумаг И.Н.Миклашевского статье «Древнерусские поземельные кадастры». Он предложил ИФО напечатать статью в «Записках» отделения. Аргументируя это предложение, А.С.Лаппо-Данилевский заметил, что И.Н.Миклашевский, «опровергая теорию П.Н.Милюкова, приходит к остроумному объяснению “четвертей сеvu” и превращении сохи в определенную геометрическую площадь, а также установления податного значения». Таким образом, И.Н.Миклашевский подтверждал выводы А.С.Лаппо-Данилевского, подвергнутое критике П.Н.Милюковым,³³⁶ о значении «четверти» и «сохи» как единиц обложения в средневековой Руси.³³⁷ С согласия ИФО А.С.Лаппо-Данилевский добавил к статье И.Н.Миклашевского несколько примечаний, написал к ней вступительную заметку и издал в «Записках» отделения.³³⁸

Одним из первых изданий актового материала под редакцией А.С.Лаппо-Данилевского стало «Собрание актов по истории делопроизводства Поместного приказа», подготовленное к печати В.Н.Сторожевым. Эта публикация была передана в Академию управляющим Московским архивом Министерства юстиции Д.Я.Самоковасовым в 1899 г. и больше года ждала своего рассмотрения. А.С.Лаппо-Данилевский, обратившийся к ней в сентябре 1900 г., дал ей высокую оценку. На заседании ИФО в ноябре 1900 г. он пояснил, чем его привлекло «Собрание...» В.Н.Сторожева. По словам А.С.Лаппо-Данилевского, подготовка этой публикации предусматривала детальное изучение документов Поместного приказа за весь XVII в. в отношении одного (Вологодского) уезда. «Собрание...» было способно пролить свет не только на историю землевладения в данном уезде, но и на решение вопроса о том, что вообще может предоставить для русской истории изучение данного комплекса источников. Однако А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что не может быть и речи о том, чтобы материал по Вологодскому уезду был напечатан полностью. «Необходим строгий выбор, — подчеркнул он, — благодаря которому возможно будет ограничиться главным типическим материалом и делами особенно слож-

ными». А.С.Лаппо-Данилевский внес предложение разбить и сократить представленные В.Н.Сторожевым материалы. Писцовую книгу (7136–7138 гг.) предлагалось печатать в выдержках, исходя из целей издания, приказные же дела разбить на группы по юридическому принципу, придерживаясь внутри групп хронологической последовательности. Отделение согласилось с этой схемой издания материалов В.Н.Сторожева. В октябре 1901 г. оно утвердило предложения А.С.Лаппо-Данилевского относительно научного аппарата издания: в него вошли два указателя (именной, включавший в себя личные имена и географические названия, и предметный), а также карта уезда XVII в.³³⁹ К 1906 г. редакторская работа В.Н.Сторожева и А.С.Лаппо-Данилевского над изданием, именовавшимся теперь уже «Материалами для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду», была завершена,³⁴⁰ и их первая часть появилась в «Записках» ИФО в том же году.³⁴¹

Как видим, в редактировании этого академического издания А.С.Лаппо-Данилевский придерживался определенной археографической иерархии: главенствовал принцип исторической значимости материала (с точки зрения задач исторического исследования), из которого следует принцип тематического подбора материала и затем — уже в нем — отбора типического. Одновременно материал располагался в хронологическом порядке и группировался по топографической принадлежности.

Одним из наиболее значительных академических предприятий А.С.Лаппо-Данилевского стала подготовка к изданию грамот Коллегии экономии.³⁴² Она сопровождалась ученой полемикой, а по выходе в свет стала предметом последующей историографической рефлексии.³⁴³ В первые месяцы своей работы в Академии А.С.Лаппо-Данилевский поднял вопрос о состоянии дел в издании архивных материалов в России. В мае 1900 г. он получил от нее официальное поручение подготовить план изданий архивных документов XVI–XVII веков.³⁴⁴ Первую его часть под названием «Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной русской историографии?»³⁴⁵ А.С.Лаппо-Данилевский доложил историко-филологическому отделению в октябре 1900 г.³⁴⁶ Для российской науки это выступление стало поворотным. А.С.Лаппо-Данилевский указал на недостаточное внимание русской археографии к частным актам, в то время как они являются важнейшим источником для нового направления в науке — исследования быта и хозяйственных отношений. С этой точки зрения его не удовлетворяли существующие издания актов. По словам А.С.Лаппо-Данилевского, основные их сборники, то есть «Акты юридические» и «Акты, относящиеся до экономической истории, хозяйственной деятельности юридического быта древней России», являются лишь подбором разновидностей частных актов, учеными хрестоматиями, «полезными для... ознакомления с формальными особенностями каждого вида, но совсем не достаточные для исследования самих явлений, нуждающихся в систематическом собрании подобного рода материалов». На этом основании А.С.Лаппо-Данилевский предлагал, во-первых, отложить дальнейшее печатание издаваемых Академией «Актов Московского государства» (ссылаясь на произвольный характер отбора

актов или выписок из актов издателем) и, во-вторых, приступить к изданию корпуса актов Коллегии экономии, которые древнее, разнообразнее и имеют большое значение для хозяйственной истории и истории быта. Выступление А.С.Лаппо-Данилевского произвело сильное впечатление на членов историко-филологического отделения, которые согласились с его доводами.³⁴⁷

В реализации своего плана А.С.Лаппо-Данилевский встретил серьезное противодействие со стороны Д.Я.Самоковасова. Первое столкновение мнений А.С.Лаппо-Данилевского и Д.Я.Самоковасова произошло во второй половине 1890-х гг. Дело в том, что Д.Я.Самоковасов рецензировал по просьбе Академии в 1895 г. работу Н.Н.Оглоблина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа». Однако вторую часть этой работы, представленную автором в Академию уже в 1898 г., рецензировал А.С.Лаппо-Данилевский. При этом в основных положениях он разошелся с Д.Я.Самоковасовым.³⁴⁸

Публичный конфликт между А.С.Лаппо-Данилевским и Д.Я.Самоковасовым произошел в 1902 г. после утверждения постановления Академии наук о порядке издания архивных документов в соответствии с замыслом А.С.Лаппо-Данилевского. Печатную полемику начал Д.Я.Самоковасов, дав в книге «Архивное дело в России» нелестную оценку планам Академии и предложениям А.С.Лаппо-Данилевского.³⁴⁹ Об этой книге к заседанию историко-филологического отделения 13 ноября 1902 года А.С.Лаппо-Данилевский подготовил специальную записку «Разбор мнения г. Самоковасова о научном значении некоторых изданий, предпринятых Академией Наук».³⁵⁰ Суть разногласия заключалась в следующем. В соответствии с «Планом издания архивных документов...» А.С.Лаппо-Данилевский намечал публикацию коллекции грамот Коллегии экономии в 10 томах. Она должна была заменить издание «Актов юридических», отстаиваемое Д.Я.Самоковасовым. Новый принцип пофондового издания корпуса актов хозяйственного и частноправового характера должен был прийти на смену тем устаревшим принципам издания, основанным на субъективно-избирательном подходе, связанном с произвольно-юридической классификацией актов издателем.³⁵¹ «План...» А.С.Лаппо-Данилевского открывал новые исследовательские возможности для анализа истории России XIV–XVII вв.³⁵² Этим объясняется поддержка, оказанная плану крупнейшими деятелями тогдашней исторической науки, — В.О.Ключевским, П.Н.Миллюковым, М.А.Дьяконовым, Н.П.Лихачевым, И.Н.Миклашевским, А.А.Шахматовым и С.В.Рождественским.³⁵³ Показательно, однако, что эта поддержка не была безусловной. Например, П.Н.Миллюков, И.Н.Миклашевский, С.В.Рождественский и В.О.Ключевский предлагали печатать акты не по уездам (в отличие от А.С.Лаппо-Данилевского), а в общем хронологическом порядке.³⁵⁴ В.О.Ключевский, например, замечал в письме А.С.Лаппо-Данилевскому: «<...> расположение актов Коллегии экономии в архиве юстиции по уездам было вызвано, можно думать, специаль[ными] практическими нуждами учреждения... В целях общего научного изучения представляется наиболее пригодным издание всех актов коллегии, древнейших и позд-

нейших в хронологическом порядке без дальнейшего их подразделения». Одновременно В.О.Ключевский предлагал составить к изданию географический указатель с распределением актов по уездам.³⁵⁵ П.Н.Миллюков вслед за Д.Я.Самоковасовым называл грамоты Коллегии экономии «случайной группой актов» и считал необходимым «издание всех грамот до XVII в.».³⁵⁶ Научно-теоретический подход А.С.Лаппо-Данилевского к археографии требовал предварительного исследования издаваемых источников, поэтому реализация замысла П.Н.Миллюкова была для него невозможной. Против ряда положений «Плана...» выступил и С.А.Шумаков, архивист, которого А.С.Лаппо-Данилевский имел в виду привлечь в качестве одного из основных исполнителей своего проекта, но его мнение не было учтено, что послужило впоследствии одной из причин выхода этого ученого из числа публикаторов грамот Коллегии экономии³⁵⁷ и начала его работы над параллельным изданием грамот с 1911 г.³⁵⁸ Показательно, что, обратившись за советом ко всем крупным историкам России того времени, А.С.Лаппо-Данилевский явно обошел С.Ф.Платонова.³⁵⁹

Первоначально А.С.Лаппо-Данилевский предполагал придерживаться выборочного принципа и при подготовке к печати грамот Коллегии экономии (аналогичный подход применен в издании «Собрания...» В.Н.Сторожева). Однако к началу 1910-х гг. он определенно пришел к решению полностью печатать весь фонд, что вело к увеличению объема предполагаемого издания, по крайней мере, в два раза.³⁶⁰ Таким образом, можно констатировать факт эволюции археографических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского в отношении издания массового актового материала.

В середине 1900-х гг. свои академические занятия, связанные с подготовкой издания грамот Коллегии экономии, А.С.Лаппо-Данилевский переносит в университет: в 1904/05 учебном году в университете под его руководством начал работу семинар по дипломатике частного акта. В подготовке издания грамот Коллегии экономии этот семинар сыграл важнейшую роль. Его участники со временем включились в работу, проводимую с начала 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевским и С.А.Шумаковым. Но еще до непосредственного привлечения своих учеников к этому важному делу А.С.Лаппо-Данилевский постарался ввести деятельность семинара в круг интересов Академии. Уже с апреля 1905 г. по его просьбе ИФО включило в план своих занятий работы над составом сборника актов Кирилло-Белозерского монастыря, которые проводились под руководством А.С.Лаппо-Данилевского его учениками А.А.Шиловым и Н.И.Сидоровым.³⁶¹

Семинар по дипломатике частного акта, выросший из работ А.С.Лаппо-Данилевского по изданию грамот Коллегии экономии, к 1911 г. постепенно превратился в научное сообщество, занимающееся дипломатикой частного акта. Организационно это выразилось в формальном отделении семинара от университета и все большем оформлении его деятельности при ИФО. В феврале 1911 г. А.С.Лаппо-Данилевский проинформировал отделение о том, что он «уже давно занимается вместе с некоторыми из своих учеников подготовкой каталога всех частных актов, напечатанных в различных изданиях». Он попросил у ИФО технической

поддержки этой работы в виде печатания в академической типографии бланков для каталога, что с этого момента регулярно осуществлялось по запросам семинара. С ноября 1911 г. А.С.Лаппо-Данилевский обратился к ИФО с просьбой оплачивать проводимые работы по составлению каталога, аргументируя это тем, что данная работа «имеет значение и для составления библиографических примечаний к грамотам бывшей Коллегии экономии, печатаемых Академией». С этого момента работа участников семинара А.С.Лаппо-Данилевского оплачивалась,³⁶² что, на наш взгляд, способствовало как ее более быстрому продвижению, так и консолидации семинара, перераставшего в кружок единомышленников. Финансирование работ Академией потребовало регулярных отчетов А.С.Лаппо-Данилевского, которые он предоставлял ИФО с 1913 г. В одном из них в феврале 1915 г. он отмечал, что «долголетние работы по составлению каталога частных актов, предпринятые мной вместе с моими учениками, в настоящее время приближаются к концу». Действительно, в эти годы членами кружка была проделана большая по объему работа. Для составления каталога было просмотрено огромное количество столичных и провинциальных изданий почти за столетие. Работы продолжались и в кризисные 1917–1919 гг. Финансовый кризис, сказавшийся на всех предприятиях Академии наук, по всей вероятности сильно ударил и по финансированию составления каталога частных актов. В марте 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский все же добился на заседании ИФО получения кредита для окончания работ, которые по его предложению ИФО поручило А.И.Андрееву.³⁶³ Это решение (наряду с последующим назначением его ученым секретарем Археографической комиссии) предопределило положение А.И.Андреева как ответственного редактора ряда академических изданий, начатых А.С.Лаппо-Данилевским.

Одновременно с работой над каталогом в начале 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевским и его учениками было начато составление «Терминологического словаря частных актов», но финансирование у Академии было запрошено только на его печатание, которое началось в 1917 г.

Таким образом, с одной стороны, академическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в области археографии послужила толчком для складывания археографической школы его учеников и русской школы дипломатики частного акта. С другой же стороны, формирование научного сообщества его учеников служило базой для развития археографической деятельности академика и историко-филологического отделения Академии.³⁶⁴ В 1900–1910-е гг. А.С.Лаппо-Данилевским и его учениками был создан целый ряд работ по дипломатике.³⁶⁵ Базовым теоретическим трудом стал подготовленный А.С.Лаппо-Данилевским незадолго до смерти «Очерк русской дипломатики частных актов»,³⁶⁶ являющийся, по сути, изложением основных принципов методологии источниковедения применительно к актовому материалу.³⁶⁷

В ходе работ над изданием грамот Коллегии экономии А.С.Лаппо-Данилевским и его учениками были разработаны «Правила издания сборника грамот Коллегии экономии».³⁶⁸ Эти «Правила...» стали наиболее полным выражением методологических принципов А.С.Лаппо-Данилев-

ского в отношении археографии.³⁶⁹ С.Н.Валк показал, что «система “Правил” послужила несомненным образцом для всех последующих... работ по составлению правил издания документов».³⁷⁰

В 1920-х гг. после смерти А.С.Лаппо-Данилевского работу по составлению каталога частных актов продолжил созданный им кружок исследователей дипломатики частного акта.

Наиболее крупномасштабным археографическим проектом А.С.Лаппо-Данилевского стала подготовка с 1902 г. серии «Памятники старинного русского законодательства». Перед официальной постановкой вопроса об этом проекте в Академии он поделился его планами с рядом историков России и уже получил предварительное согласие принять участие в издании О.И.Остроградского, Н.Д.Чечулина и М.А.Дьяконова. С идеей новой серии академических изданий А.С.Лаппо-Данилевский выступил в ИФО в октябре 1902 г. Необходимость ее подготовки А.С.Лаппо-Данилевский аргументировал наличием пробела в археографии. Он указал на то, что в то время как существуют научно-критические издания «Русской правды» и «Судебников», отсутствуют критические издания памятников русского законодательства более позднего времени – XVII–XVIII вв.³⁷¹ Получив поддержку Академии, А.С.Лаппо-Данилевский с конца 1902 г. начал работу по подготовке плана и археографических правил для новой издательской серии, а также активно искал редакторов будущих публикаций. Конечно, на выбор предмета для такого обширного проекта оказали влияние собственные научные интересы А.С.Лаппо-Данилевского, связанные с историей русского права XVII–XVIII вв.

Среди изданий серии, редакторскую работу по которым вел А.С.Лаппо-Данилевский, были «Уложение 1649 г.», «Новоторговый устав», «Наказ императрицы Екатерины II» (с 1902 г.), «Городовое положение 1785 г.» (с 1903 г.), «Воеводские инструкции Петра Великого», «Учреждение о губерниях 1775 г.» (с 1904 г.), «Кормчая книга 1653 г.», «Устав народным училищам 1786 г.» (с 1905 г.), «Духовный регламент Петра Великого» (с 1907 г.), «Устав Воинский Петра Великого» (с 1908 г.), «Жалованная грамота дворянству 1785 г.» (с 1909 г.), «Табель о рангах» (с 1912 г.), «Устав Благочиния 1782 г.», «Цеховой устав 1799 г.» (с 1916 г.), «Учреждение императорской фамилии» (с 1917 г.), «Проекты императрицы Екатерины II касательно уголовного права и процесса» (с 1918 г.).³⁷² Первоначально очередность выхода в свет выпусков серии строго определена не была, и только через несколько лет (в 1906 г.), сообразуясь с ходом работ по разным изданиям, А.С.Лаппо-Данилевский установил этот порядок: вып. 1. – «Уложение царя Алексея Михайловича» (редактор М.А.Дьяконов, при участии В.Н.Бенешевича); вып. 2. – «Наказ императрицы Екатерины II» (редактор Н.Д.Чечулин); вып. 3. – «Учреждение о губерниях 1775 г.» (редактор – А.С.Лаппо-Данилевский, при участии барона А.Э.Нольде и М.В.Клочкова); вып. 4. – «Кормчая книга 1653 г.» (редактор В.Н.Бенешевич).³⁷³

В 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский пришел к выводу о необходимости подготовки параллельной «Памятникам...» серии «Материалы для истории русского законодательства», которые должны были выходить отдель-

ными выпусками к соответствующим изданиям «Памятников...». Таким образом, планировалось опубликовать «Материалы для истории Новоторгового устава», «Материалы для составления Учреждения о губерниях» и другие. А.С.Лаппо-Данилевский аргументировал необходимость параллельного дополнительного издания тем, что в работе над серией «Памятники...» исследователи встречают многочисленные материалы, которые представляют интерес, во-первых, для истории возникновения текста и, во-вторых, по правоприменительной практике, а также тем, что будет невозможно использовать весь этот комплекс источников при издании «Памятников...».³⁷⁴

С нашей точки зрения, идея публикации «Материалов...» отражала, таким образом, важную научно-методологическую установку А.С.Лаппо-Данилевского об источнике как историческом факте. Научно-критический анализ источника (в данном случае памятника законодательства) требовал, в свою очередь, анализа источников его происхождения, т.е. «материалов составления».

Изданием, отнявшим у А.С.Лаппо-Данилевского много времени и сил, но так и не увидевшим свет, стало «Соборное уложение». К нему А.С.Лаппо-Данилевским с самого начала был привлечен М.А.Дьяконов. Договоренность об этом была достигнута в феврале 1902 г.,³⁷⁵ а совместная работа над памятником началась в 1903 г. К работе над «церковными» статьями «Соборного уложения» А.С.Лаппо-Данилевский в начале 1904 г. (по предложению М.А.Дьяконова³⁷⁶) пригласил В.Н.Бенешевича как специалиста в области истории канонического права. Как и в других подобных случаях, А.С.Лаппо-Данилевский обеспечил своим сотрудникам возможность знакомства со всеми архивными материалами, касающимися «Уложения», которые либо высылались М.А.Дьяконову в Юрьев, а В.Н.Бенешевичу в Санкт-Петербург, либо предоставлялись им в московских и петербургских архивах. Первоначально А.С.Лаппо-Данилевский был весьма удовлетворен ходом работ, о чем свидетельствует то, что готовившееся издание «Уложения» он предполагал сделать возможным образцом для последующих публикаций серии. Между прочим, участие М.А.Дьяконова в этом проекте было одним из аргументов А.С.Лаппо-Данилевского в 1905 г. при выдвижении М.А.Дьяконова в адъюнкты Академии. Уже после избрания М.А.Дьяконова в состав Академии между редакторами намечилось разногласие. В начале 1906 г., когда основные материалы были собраны, М.А.Дьяконов представил А.С.Лаппо-Данилевскому как редактору серии план издания. Суть разногласий заключалась в том, что издание, подготовленное М.А.Дьяконовым, не содержало, с точки зрения А.С.Лаппо-Данилевского, объяснения, почему в нем использованы те или иные списки «Уложения». В письме М.А.Дьяконову он замечал: «В наборе и выборе списков Уложения Вы конечно более компетентны, чем я; но едва ли можно решить вопрос, какие именно списки стоят того, чтобы править их к изданию, не сделавши предварительно краткой описи всех списков и не установивши какого-нибудь критерия выбора. В предисловии к Ул[ожению] вероятно следовало такую опись напечатать и объяснить основания, в силу которых во внимание Вы при-

няли такие-то, оговариваясь, что мелкие орфографические и стилистические различия (не нарушающие смысла) не приняты во внимание».³⁷⁷ В качестве третейского судьи А.С.Лаппо-Данилевский, по-видимому, избрал А.А.Шахматова. С этой целью в начале февраля 1906 г. он пригласил А.А.Шахматова к себе на квартиру: «Дьяконов и я очень просим Вас зайти ко мне, если можете, в воскресенье (15 февраля) в 9 часов вечера; нам очень нужно было бы выслушать Ваше мнение относительно приемов издания Уложения А[лексея] М[ихайловича], над текстом которого сейчас работает М[ихаил] А[лександрович] вместе с Бенешевичем».³⁷⁸ Неизвестно, состоялась ли эта встреча, но к единому мнению редакторы серии и издания, по всей видимости, не пришли. М.А.Дьяконов, хотя и уклонился от выражения открытого несогласия с позицией А.С.Лаппо-Данилевского, работу над «Уложением» вскоре прекратил. Поэтому, несмотря на то, что его ответственным редактором оставался М.А.Дьяконов, для реализации своего варианта научно-критического издания А.С.Лаппо-Данилевский привлек к работе над «Уложением» сначала (в 1907 г.) Н.Я.Озерцковского, а затем, в 1912 г., А.Я.Лихтермана. Однако «Уложение» так и не вышло в свет.³⁷⁹

Единственный памятник русского законодательства, подготовка которого была доведена до выхода издания в свет, был «Наказ императрицы Екатерины II», намечавшийся в качестве второго выпуска серии. А.С.Лаппо-Данилевский предложил быть редактором «Наказа...» Н.Д.Чечулину. Представляя кандидатуру этого ученого на утверждение ИФО в октябре 1902 г., академик указал, что он «специально занимается историей императрицы Екатерины II и Наказа». Несмотря на то, что между А.С.Лаппо-Данилевским и Н.Д.Чечулиным (активным членом кружка С.Ф.Платонова) существовали определенные научные и научно-методологические разногласия, А.С.Лаппо-Данилевский поручил именно ему издавать памятник, с которым сам много работал. Вообще только способность ради профессиональных интересов подниматься над своими пристрастиями дала ему возможность столь широко поставить организацию научных работ в Академии.

Н.Д.Чечулин представил подготовленный к печати текст «Наказа...» и критический комментарий к нему в ноябре 1903 г. По предложению А.С.Лаппо-Данилевского в издание был включен ряд дополнительных материалов, прежде всего снимки с автографов императрицы Екатерины II. Работы над снятием снимков и корректурой существенно задержали появление издания, но к началу 1907 г. они были завершены. «Наказ...» вышел в свет в марте 1907 г.³⁸⁰ В январе 1907 г. ИФО, учитывая, что «Наказ императрицы Екатерины II» станет первым по времени выпуском «Памятников русского законодательства», решило поместить в издание в качестве предисловия записку о целях серии, написанную А.С.Лаппо-Данилевским.³⁸¹ В этой записке А.С.Лаппо-Данилевский повторил основные аргументы в поддержку этой серии, высказанные им еще в 1902 г.³⁸²

Вопрос о степени участия А.С.Лаппо-Данилевского в подготовительных работах по изданию «Наказа...» требует специального исследования. Н.Д.Чечулин счел себя обязанным поблагодарить А.С.Лаппо-Данилев-

ского как за внимание к его работе, так и за «деятельное и крайне ценное участие» в ней.³⁸³ По всей вероятности, именно А.С.Лаппо-Данилевскому принадлежит разработка общей структуры издания, которая должна была стать типовой для всей серии. Перед текстом памятника были помещены все рукописные материалы, «имеющие отношение к “Наказу”» и не вошедшие в текст, давался подробный обзор источников «Наказа...», а также «материалы для суждения о “Наказе” как источнике русского права». Публикуемый текст памятника Н.Д.Чечулин сверил с подлинником, собственноручно подписанным императрицей. Завершал издание указатель собственных имен. Это издание не лишено было недостатков. К ним можно отнести произвольный характер подстрочных примечаний (в них издатель указывал не все изменения вариантов текста, а лишь наиболее характерные с его точки зрения) и отсутствие указаний на нумерацию листов подлинника. Отсутствовал в издании и предметный указатель.³⁸⁴

В эту серию в качестве третьего выпуска должно было входить издание «Учреждения о губерниях 1775 г.». Еще в 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевскому удалось разыскать подлинник этого памятника в коллекции дел стат-секретарей Екатерины II (в Государственном архиве).³⁸⁵ С этого момента в его планы входило издание этого закона. Первоначально всей работой по подготовке его к публикации и редактированию А.С.Лаппо-Данилевский занимался сам. Ее реальным результатом было составление им к октябрю 1904 г. образца предметного указателя к этому изданию, который и был принят ИФО в качестве образчика для всей серии, начиная с третьего выпуска.³⁸⁶ Составление предметных указателей было новым для российской археографии. По-видимому, недостаток времени мешал А.С.Лаппо-Данилевскому сосредоточиться на дальнейшей работе над «Учреждением о губерниях», поэтому в 1907 г. он привлек к ней своих коллег по университету барона А.Э.Нольде и М.В.Клочкова. В 1910 г. академик фактически передал последнему общее руководство изданием, которое, однако, так и не вышло в свет.³⁸⁷

Для редактирования четвертого выпуска серии («Кормчая книга 1653 г.») А.С.Лаппо-Данилевский в начале 1905 г. пригласил В.Н.Бенешевича.³⁸⁸ При этом по предложению А.С.Лаппо-Данилевского наблюдение над этим изданием было разделено между ним и академиком В.В.Латышевым. Дело в том, что по замыслу А.С.Лаппо-Данилевского было абсолютно необходимым параллельное воспроизведение двух текстов «Кормчей книги»: греческого и славянского. При этом В.В.Латышев должен был осуществлять наблюдение за подготовкой к печати и печатанием греческой, а А.С.Лаппо-Данилевский — славянской частей издания. Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский предложил новаторский для российской археографической практики принцип, который, хотя и не был реализован в данном случае, вошел затем в арсенал российской археографии.³⁸⁹

Анализ архивных материалов и протоколов ИФО показывает, что кроме этих предполагаемых четырех первых выпусков серии, активная работа велась и по другим изданиям серий «Памятники старинного законодательства» и «Материалы для истории русского законодательства». Среди них следует назвать «Городовое положение 1785 г.» (редактор А.А.Кизе-

веттер), «Устав народным училищам 1786 г.» (редактор С.В.Рождественский), «Духовный регламент Петра Великого» (редакторы А.В.Карташев, П.В.Верховский), «Устав Воинский Петра Великого» (редакторы А.А.Жижиленко, А.В.Бородин), «Устав Благочиния» (редактор Ф.В.Тарановский), «Указатель “чиновных особ” XVIII в. по месяцесловам Екатерины II (1765–1796)» (редактор Г.В.Вернадский), «Проекты императрицы Екатерины II касательно уголовного права и процесса» (редактор П.И.Люблинский).

Со времени работы над книгой «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» А.С.Лаппо-Данилевский поддерживал тесные научные контакты с А.А.Кизеветтером. Аргументируя в сентябре 1903 г. выбор кандидатуры этого ученого на должность ответственного редактора «Городового положения», А.С.Лаппо-Данилевский отметил высокое значение его трудов по истории городского населения XVIII в. С небольшими перерывами работа над «Городовым положением» велась около пятнадцати лет. По регулярным отчетам А.А.Кизеветтера, предоставляемым в ИФО А.С.Лаппо-Данилевским, видно, что для ответственного редактора его работа стала кропотливым исследованием истории составления памятника, его источников, истории введения «Положения» в действие. Через десять лет работы (в 1913 г.) А.А.Кизеветтер представил подготовленный к печати текст «Положения». В целом план издания, предложенный им, получил у А.С.Лаппо-Данилевского высокую оценку. Он предусматривал детальное исследование истории «Городового положения» («Введение»); текст (последний вариант, получивший силу закона) с подведением в подстрочных примечаниях всех разночтений черновых редакций; тексты всех черновых редакций «Городового положения» и «Жалованной грамоты городам», синоптическая таблица номеров однородных статей по различным изданиям «Положения», алфавитный и предметный указатели («Приложения»). После положительного заключения А.С.Лаппо-Данилевского по решению ИФО началось печатание текста, которое продолжалось до 1916 г. К 1917 г. издание было почти готово, оставалось напечатать «Приложения».³⁹⁰ Революционные события, круто изменившие судьбу ответственного редактора, прервали работу по завершению пятнадцатилетнего труда.

Решение о привлечении к изданию «Устава народных училищ» С.В.Рождественского было принято А.С.Лаппо-Данилевским в 1905 г. Очень скоро выяснилась первоочередная задача, стоящая перед С.В.Рождественским и А.С.Лаппо-Данилевским, — отыскание подлинника «Устава...». Протоколы заседаний ИФО свидетельствуют о многочисленных, но безуспешных попытках редакторов издания и серии обнаружить подлинник в московских и петербургских библиотеках и архивах — вплоть до 1912 г. Параллельно С.В.Рождественский начал поиск в российских и австрийских архивах материалов, касающихся источников памятника.³⁹¹ Прекращение (приостановление) работ над этим изданием, по-видимому, было связано с началом Первой мировой войны, сделавшей их временно невозможными.

Работу над изданием «Духовного регламента Петра Великого» (которая планировалась еще с 1902 г.) А.С.Лаппо-Данилевский начал осенью 1907 г., когда по его просьбе ИФО поручило редактирование памятника А.В.Карташеву. Выбор редактора А.С.Лаппо-Данилевский аргументировал высокой оценкой работ А.В.Карташева по истории русской церкви XVIII в. Однако уже в 1910 г. их сотрудничество прервалось. В начале 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский привлек к этому изданию другого известного историка церкви, профессора Варшавского университета П.В.Верховского. Предварительно вступив в переписку с этим ученым, А.С.Лаппо-Данилевский получил от него соображения по поводу критического издания памятника, которые полностью соответствовали его представлениям.³⁹² По замыслу П.В.Верховского и А.С.Лаппо-Данилевского, будущая публикация должна была прояснить весь комплекс вопросов, связанных с происхождением «Духовного регламента» (источники, процесс составления), с его правоприменением и воздействием на последующее законодательство. Были определены и обязательные требования – перечень всех изданий и переводов, сверка текста по подлиннику. Однако последнее археографическое требование обернулось, так же как и в случае с «Уставом народных училищ», трудной проблемой. Сложность здесь заключалась в том, что четыре разных черновика расходились с печатным текстом, в который (как предположили издатели) составители вносили последние изменения уже в ходе набора. В этой ситуации в конце 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский и П.В.Верховский приняли решение об издании «Духовного регламента» по первому печатному тексту.³⁹³ Однако по каким-то причинам П.В.Верховский самостоятельно опубликовал «Духовный регламент» и все сопутствующие материалы.

В ноябре 1908 г. А.С.Лаппо-Данилевский впервые поднял на заседании ИФО вопрос о необходимости издания «Устава Воинского Петра Великого». В качестве ответственного редактора издания им был предложен профессор А.А.Жижиленко. Однако после принятия решения о начале этих работ дело не двигалось почти десять лет. Только в 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский привлек к работе нового редактора – приват-доцента А.В.Бородину. С последним А.С.Лаппо-Данилевский сотрудничал в многочисленных комиссиях по реорганизации архивного дела и весьма ценил его как архивиста. Судя по протоколам ИФО, осенью 1918 – зимой 1919 г. дело заметно продвинулось вперед, и только смерть А.С.Лаппо-Данилевского оборвала работу.³⁹⁴

В январе 1916 г. на заседании ИФО А.С.Лаппо-Данилевский зачитал записку о необходимости издания «Устава Благочиния 1782 г.». Предварительно он связался с профессором Юрьевского университета Ф.В.Тарановским и получил его согласие возглавить эту работу. Судя по переписке А.С.Лаппо-Данилевского и Ф.В.Тарановского и протоколам ИФО, в 1916 – начале 1917 гг. она шла полным ходом. Война и революция, как и в других случаях, прервали ее.³⁹⁵

В 1916 г. в связи с изданием «Материалов для истории русского законодательства» А.С.Лаппо-Данилевский при посредстве ИФО поручил Г.В.Вернадскому составление «Указателя “чиновных особ” XVIII в. по ме-

сящесловам Екатерины II». К маю 1917 г. под руководством Г.В.Вернадского был составлен каталог, включавший более шестидесяти тысяч карточек с росписью чиновников эпохи Екатерины II по месяцам. Каталог должен был стать основой составляемого указателя. И хотя в 1917 г. возникли трудности с надлежащим финансированием Академией этого издания, однако до конца года работа над подготовкой «Указателя...» к печати продолжалась и прекратилась только в 1918 г. в связи с отъездом Г.В.Вернадского из Петрограда.³⁹⁶

Последним изданием, по подготовке которого А.С.Лаппо-Данилевский и его коллеги успели проделать значительную работу, были «Проекты императрицы Екатерины II касательно уголовного права и процесса». Работал над ним А.С.Лаппо-Данилевский с 1916 по 1918 гг. Ответственное редактирование издания им было поручено профессору П.И.Люблинскому. В феврале 1918 г. они представили в ИФО совместную записку, в которой отчитывались о проделанной работе. В подготовке издания редакторы исходили из необходимости наиболее полного содержательного охвата проблемы. Материал отбирался по направлениям, выделенным на основании строгого юридического критерия: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, тюремное законодательство. Для этого понадобился просмотр всех архивных материалов по теме. Из отчета следовало, что работа была фактически завершена. Однако, как заметил А.С.Лаппо-Данилевский, «окончательная отделка труда невольно тормозится вследствие эвакуации соответственных частей Архива Академии наук и Государственного архива».³⁹⁷

В рамках серий «Памятники старинного русского законодательства» и «Материалы для истории русского законодательства» под руководством А.С.Лаппо-Данилевского была начата работа еще над целым рядом изданий. Однако их подавляющее большинство было только формально объявлено А.С.Лаппо-Данилевским на заседаниях ИФО. Иногда дело заканчивалось лишь назначением ответственного редактора. Среди только начатых были «Новоторговый устав» (с 1902 г. – ответственный редактор профессор Юрьевского университета О.И.Остроградский); «Воеводские инструкции Петра Великого» (с 1904 г. – приват-доцент Московского университета М.М.Богословский); «Жалованная грамота дворянству 1785 г.» (с 1909 г. – В.Н.Сторожев, с 1916 г. – приват-доцент Новороссийского университета А.В.Флоровский); «Табель о рангах» (с 1912 г. – Ф.В.Тарановский); «Цеховой устав 1799 г.» (с 1916 г. – П.Б.Струве); «Литовский статут 1588 г.» (с 1916 г. – профессор Юрьевского университета И.И.Лаппо); «Учреждение императорской фамилии» (с 1917 г. – Я.Л.Барсков); «Архивные материалы, касающиеся законодательной деятельности императрицы Екатерины II и проекты основных законов» (Я.Л.Барсков); «Сельское положение» (И.А.Стратонов).³⁹⁸

План А.С.Лаппо-Данилевского по изданию законодательных актов русской истории XVII–XVIII вв. был для своего времени одним из наиболее крупных археографических проектов. Однако этим масштабным замыслам и далеком идущим планам не суждено было осуществиться.

Кроме основных издательских проектов А.С.Лаппо-Данилевский вел и другие академические издания. С апреля 1903 г. он начал редактирование сборника «Материалы для истории царской библиотеки в XVII и XVIII вв.». Инициатором его публикации был А.И.Успенский, в то время хранитель Московского дворцового архива. Важность опубликования сборника А.С.Лаппо-Данилевский видел прежде всего в том, что он содержал интересные материалы о технике книжного дела и описи царских библиотек. С точки зрения ученого, они представляли ценность для определения круга литературных источников, влиявших на культурный кругозор русских самодержцев. Общее руководство работой А.И.Успенского над сборником А.С.Лаппо-Данилевский осуществлял более трех лет — до конца 1906 г. Для участия в подготовке этого издания (подготовка к публикации описей библиотек императора Петра III и императрицы Екатерины II) А.С.Лаппо-Данилевский привлек также своих учеников В.П.Денисова и Н.И.Сидорова.³⁹⁹ Хотя подготовка сборника к печати так и не была полностью завершена (из-за желания А.И.Успенского его доработать), материалы его первого отдела вышли в «Записках» ИФО в конце 1906 г.⁴⁰⁰

Специального рассмотрения требует деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в рамках Постоянной исторической комиссии (ПИК) ИФО, образованной в 1903 г. Вообще его работа в этой комиссии в первое время заключалась главным образом в том, что он с октября 1903 г. от имени Академии курировал многотомное издание «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией». Ответственным редактором этого проекта являлся ученый корреспондент Академии в Риме Е.Ф.Шмурло.

С.Н.Валк, а вслед за ним А.И.Копанев и В.С.Брачев рассматривали ПИК как орган, осуществлявший издательскую деятельность ИФО и до некоторой степени противостоявший Археографической комиссии.⁴⁰¹ Однако история возникновения и начальной деятельности ПИК не дает веских оснований в пользу таких утверждений. С 1895 г. по предложению А.П.Извольского (в то время министр-резидент в Риме) в многочисленных комиссиях ИФО обсуждались планы создания русского научного учреждения в Италии. Первоначально предполагалось, что это будет целый Русский археологический институт в Риме, однако в начале 1902 г. С.Ю.Витте (бывший тогда министром финансов) решительно отказал Академии в финансировании проекта, указав на недостаток средств в Государственном казначействе, и предложил для начала учредить в Риме только должность ученого корреспондента. В январе 1902 г. ИФО образовало очередную комиссию во главе с вице-президентом Академии П.В.Никитиным для обсуждения этого вопроса. В нее вошел и А.С.Лаппо-Данилевский. Согласившись в целом с идеей С.Ю.Витте, комиссия тем не менее не желала отказываться от учреждения постоянного органа, курирующего деятельность Академии в Италии. Тогда и было принято решение об учреждении ПИК. По замыслу комиссии, постоянный представитель Академии в Италии должен был стать, таким образом, секретарем создаваемого органа.⁴⁰² Летом 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский по поручению ИФО предпринял поездку в Рим с тем, чтобы «ознакомиться

с условиями, в какие ныне может быть поставлена будущая деятельность ученого секретаря Исторической комиссии». В 1902 г. в его отчете Академии по существу была сформулирована программа работы для комиссии и ученого секретаря, которая последовательно реализовывалась до 1918 г. По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, в центр работы комиссии должны были быть поставлены археографические задачи — описание итальянских архивов, имеющих отношение к русской истории, и издание памятников культурных сношений России с Италией.⁴⁰³

Однако бюрократический механизм учреждения должности «ученого корреспондента» уже был запущен, и в середине января 1903 г. непреременный секретарь Академии сообщил ИФО, что эта должность создана. В конце января 1903 г. А.С.Лаппо-Данилевский, выступая на заседании отделения, предложил все же вернуться к идее создания ПИК, «которая могла бы предложить Отделению кандидата для занятия должности ученого корреспондента, выработать ему инструкцию и руководить общим ходом ученых работ, предпринимаемых им в итальянских архивах по поручению Академии». ИФО согласилось с ним и сформировало ПИК во главе с П.В.Никитиным (члены Н.Ф.Дубровин, А.С.Лаппо-Данилевский). Затем по поручению комиссии А.С.Лаппо-Данилевский приступил к поиску кандидата на должность ученого корреспондента.⁴⁰⁴ По-видимому, он заранее имел в виду кандидатуру Е.Ф.Шмурло, поскольку сразу обратился к нему с соответствующим запросом. Е.Ф.Шмурло и А.С.Лаппо-Данилевского связывали многолетние товарищеские отношения с 1880-х годов. В то время они оба начинали преподавательскую деятельность, оба были в Кружке русских историков, а потом отошли от него из-за соперничества с лидером этого кружка С.Ф.Платоновым. Е.Ф.Шмурло, рассчитывавший занять кафедру русской истории в Санкт-Петербургском университете, после назначения на эту должность С.Ф.Платонова уехал в Дерпт, но контактов с А.С.Лаппо-Данилевским не прерывал.⁴⁰⁵ Е.Ф.Шмурло был одним из немногих русских ученых, который в то время уже специально занимался историей русско-итальянских связей.⁴⁰⁶ В 1900 г. он включился в дискуссию относительно планов учреждения русской исторической комиссии в Риме,⁴⁰⁷ образовать которую, правда, предполагал не при Академии, а «под непосредственным начальством Министерства народного просвещения». ⁴⁰⁸ В феврале 1903 г. А.С.Лаппо-Данилевский получил положительный ответ Е.Ф.Шмурло. В марте 1903 г. ПИК представила на рассмотрение ИФО кандидатуру Е.Ф.Шмурло на должность ученого корреспондента, сопроводив это представление запиской об ученых трудах кандидата.⁴⁰⁹

В октябре 1903 г. ИФО утвердило «Предварительную инструкцию ученому корреспонденту в Риме», авторство которой также, по всей вероятности, принадлежит А.С.Лаппо-Данилевскому. Она содержит масштабный план археографических работ Академии наук в Италии и его теоретическое обоснование. В инструкции перед ученым корреспондентом был поставлен ряд задач: системный просмотр фондов и краткая опись бумаг, имеющих отношение к русской истории, краткая характеристика их значения как источника и как материала для исторической реконст-

рукции, оценка отдельных важных рукописей. В инструкции отмечалось: «<...> для того, чтобы придать занятиям ученого корреспондента единство, которого нельзя найти в разнородном и разбросанном архивном материале... его работу можно было бы приурочить или к истории отдельных миссий и посольств из Италии в Россию, или к истории общих им международных планов и мероприятий». Автор инструкции предполагал, руководствуясь изложенными принципами, начать издание двух периодических сборников — «Памятники культурных и дипломатических отношений между Россией и Италией» и «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией».⁴¹⁰

В конце 1903 г. Е.Ф.Шмурло приступил к исполнению своих обязанностей в Риме. Ученый корреспондент регулярно посылал в ПИК отчеты о работе, которые представлялись А.С.Лаппо-Данилевским на рассмотрение ИФО. За пятнадцать лет работы (с 1903 по 1918 гг.) в Италии Е.Ф.Шмурло подготовил под наблюдением А.С.Лаппо-Данилевского шесть выпусков сборника «Россия и Италия», которые и были изданы. В их состав вошли материалы различного характера, в том числе описания крупнейших итальянских и испанских архивов, описи собраний документов, имеющих отношение к русской истории, отдельные документы по истории итальянско-русских отношений, небольшие исследования Е.Ф.Шмурло на темы, связанные с публикуемыми источниками.⁴¹¹ А.С.Лаппо-Данилевский в целом одобрял деятельность ученого корреспондента и трижды (в 1908, 1913, 1917 гг.) предлагал его кандидатуру к переизбранию на следующие пять лет. Тем не менее А.С.Лаппо-Данилевский был более заинтересован в издании другого запланированного сборника — «Памятники дипломатических сношений между Россией и Италией», — вопрос о котором он многократно поднимал на заседаниях ИФО. С 1908 г. он даже начал поиск других, помимо Е.Ф.Шмурло, ученых, которых можно было бы привлечь к этому изданию. Однако уже в 1909 г. Е.Ф.Шмурло разработал и представил ПИК подробные правила публикации этого сборника. Они предусматривали использование всех европейских архивных материалов по теме; указание на все опубликованные документы и краткое их изложение; строго хронологический порядок размещения материала; внешнюю критику всех рукописей; легенду, включающую указание на авторство, время и место составления документа; комментарий.⁴¹² Но первая мировая война сорвала планы Е.Ф.Шмурло и А.С.Лаппо-Данилевского по изданию сборника, который увидел свет только в 1925 г.⁴¹³

Вообще ПИК изначально ставила задачи развития русской научно-исторической деятельности в Риме, выходящие за рамки издательских программ. Поэтому по просьбе А.С.Лаппо-Данилевского Е.Ф.Шмурло периодически наводил всевозможные справки в итальянских архивах, делал обширные выписки и обзоры итальянского законодательства в области охраны архитектурных памятников. В связи с тем, что А.С.Лаппо-Данилевский рассчитывал в будущем на расширение деятельности Академии в Италии, предполагалась организация подготовки лиц, которых

Академия могла бы в будущем командировать в Рим. С этой целью по его просьбе с 1903 по 1908 гг. Е.Ф.Шмурло составил две коллекции фотографических снимков с важнейших в палеографическом отношении образцов итальянского средневекового письма.⁴¹⁴ Кроме выполнения прямых обязательств перед Академией Е.Ф.Шмурло подготовил и опубликовал еще целый ряд исследований по истории российско-итальянских отношений.⁴¹⁵

Хотя формальным председателем ПИК был вице-президент Академии П.В.Никитин, реально подготовка всех решений комиссии находилась в руках заведующего ее делами, которым был А.С.Лаппо-Данилевский. С 1916 г. он стал также и формальным ее председателем.⁴¹⁶ А.С.Лаппо-Данилевский довольно ревниво относился к попыткам помимо комиссии, влиять на деятельность ученого корреспондента. Так, уже в 1918 г. после выполнения одной просьбы, исходившей от посторонних лиц, Е.Ф.Шмурло был официально уведомлен, что все поручения даются ему только через ПИК.⁴¹⁷

Представление о том, что ПИК с самого начала была издательским органом ИФО, закрепившееся в литературе, имеет определенные причины. Поскольку ПИК была единственной постоянно действующей издательской комиссией отделения, на нее возлагались иногда и издательские поручения, напрямую не связанные с ее профилем. Наиболее крупным из них была передача в 1909 г. под наблюдение ПИК издания «Писем и бумаг Петра Великого». От имени ПИК его также курировал А.С.Лаппо-Данилевский. Передача издания именно ПИК как комиссии ИФО объясняется тем, что, с одной стороны, она с самого начала находилась в ведении Академии и, с другой — существовала как бы независимо от ее учреждений, будучи напрямую подчиненной ее президенту. К началу XX в. комиссия по изданию «Писем и бумаг...», сформированная в 1872 г. и руководившая работами по подготовке издания, уже давно прекратила существование, и вся тяжесть археографической работы легла на плечи И.А.Бычкова, продолжавшего работу после смерти в 1899 г. его отца, академика А.Ф.Бычкова. Она шла очень медленно, и в 1907 г., в преддверии празднования 200-летия Полтавской битвы, президент Академии великий князь Константин Константинович стремился ускорить ход издания и, возможно, снять с себя персональную ответственность за его медленное продвижение. Сложная бюрократическая процедура передачи издания «Писем и бумаг...» в ведение ПИК продолжалась около двух лет и завершилась только в 1909 г. С этого момента А.С.Лаппо-Данилевский активно включился в редактирование «Писем и бумаг...», начиная с подготовки к изданию шестого тома. Но требовательный подход А.С.Лаппо-Данилевского к археографической обработке документов не только не ускорил дела (что было главной целью передачи издания в ПИК), но скорее замедлил его. Так, выход в свет VI тома был задержан из-за того, что А.С.Лаппо-Данилевский настоял на обязательной сверке ряда копий писем с вновь обнаруженными подлинниками и помещении в виде «Добавления» в него ряда неизвестных ранее писем.⁴¹⁸ В то же время он не стал кардинальным образом менять принципы издания, установленные еще для первого тома.⁴¹⁹

В ходе многолетней совместной работы между А.С.Лаппо-Данилевским и И.А.Бычковым установились хорошие деловые отношения. А.С.Лаппо-Данилевский вплоть до 1918 г. продолжал вникать в проблемы издания, но с 1910-х гг. в основном ограничивался лишь техническим содействием в подготовке соответственно седьмого и восьмого томов. С выпуском в свет восьмого тома сложилась тяжелая ситуация. Он был подготовлен к печати в 1917 г., и в условиях жестокого финансового кризиса, который испытывала Академия, его издание оказалось под вопросом. А.С.Лаппо-Данилевский и И.А.Бычков обращались в различные инстанции с просьбой о помощи в печатании тома. И.А.Бычков предложил разбить том на два выпуска и вначале издать первый, листы которого уже были напечатаны. Но А.С.Лаппо-Данилевский возражал против того, чтобы примечания оказались отделенными от текста, хотя в конце концов ему пришлось пойти на этот вариант. Возможно, на это решение повлияло сообщение о том, что Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов решил конфисковать бумагу той типографии, где печаталось издание.⁴²⁰ Первый выпуск восьмого тома, таким образом, увидел свет в 1919 г., а второй — только в конце 1940-х гг.⁴²¹

Сотрудничество А.С.Лаппо-Данилевского с А.И.Успенским, начавшееся в апреле 1903 г. с подготовки к изданию «Материалов для истории царской библиотеки в XVII и XVIII вв.», с апреля 1904 г. упрочилось в ходе их совместной работы еще над одной публикацией — «Представления профессора Десницкого об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Этот документ, обнаруженный А.И.Успенским в Московском Дворцовом архиве, показался А.С.Лаппо-Данилевскому интересным памятником екатерининской эпохи, достойным опубликования. Издание вполне укладывалось в программу публикации юридических памятников, разработанную А.С.Лаппо-Данилевским. По его предложению ИФО постановило опубликовать «Представления...» в «Записках» отделения,⁴²² что и было сделано в 1905 г.⁴²³

После смерти Н.Ф.Дубровина в 1904 г. А.С.Лаппо-Данилевский занялся разбором бумаг покойного академика. Видимо поэтому именно ему было поручено продолжить работу над одним из основных изданий Н.Ф.Дубровина — «Бумагами князя Меншикова». Сам Н.Ф.Дубровин подготовил лишь первый том. Ознакомившись с его материалами, А.С.Лаппо-Данилевский представил ИФО ряд рекомендаций, направленных на усовершенствование принципов публикации. Он предложил отказаться от издания всех бумаг А.Д.Меншикова, с тем чтобы, исходя из выборочного принципа, печатать только исторически значимые документы, остальные же бумаги должны были бы приводиться лишь в виде кратких регест. По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, ранее опубликованные документы не должны были печататься, следовало отказаться и от беспорядочного правописания подлинников. С точки зрения А.С.Лаппо-Данилевского, необходимо было включать датировку документов в легенды. Предусматривались и упорядочение написания заголовков, введение

единообразия в составление легенд. Предложение о столь значительном пересмотре принципов издания наглядно демонстрирует различие археографических подходов А.С.Лаппо-Данилевского и представителей старшего поколения академической школы. Если Н.Ф.Дубровин был приверженцем старого историко-филологического метода публикации, диктовавшего необходимость следования правописанию подлинников, то в основе критериев А.С.Лаппо-Данилевского было требование строгой научной целесообразности, предельной определенности каждого элемента издания. Показательно, что при издании «Бумаг...» А.С.Лаппо-Данилевский вновь предложил выборочный принцип издания, уже примененный им в ходе работ над «Собранием...» В.Н.Сторожева и на первом этапе подготовки к печати грамот Коллегии экономии. ИФО приняло все предложения А.С.Лаппо-Данилевского. В 1906 г. он передал дальнейшее редактирование издания М.А.Дьяконову.⁴²⁴ Как и большинство изданий ИФО, начатых в предреволюционные десятилетия, публикация «Бумаг князя Меншикова» так и не была завершена.

С 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский начал крупный археографический проект — издание мемуаров С.А.Понятовского. Его инициатором выступил директор Государственного архива при Министерстве иностранных дел С.М.Горяинов, который в феврале 1909 г. обратился с соответствующим запросом к А.С.Лаппо-Данилевскому. Считая мемуары ценным источником для реконструкции российской и европейской истории второй половины XVIII в., А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал ИФО принять предложение С.М.Горяинова и тем самым возложил на себя общее руководство изданием. Первоначально эти мемуары предполагалось выпустить в двух томах, но после начала работы с рукописью стало ясно, что ее объем требует разделения издания на три тома. Кроме этого обстоятельства, задержавшего его выпуск в свет, было и другое, связанное с соображениями цензуры. В мае 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский обратился к ИФО с запросом, следует ли печатать ряд мест из мемуаров С.А.Понятовского «ввиду их содержания». Речь, по-видимому, шла о фрагментах, связанных с тем, что С.А.Понятовский был фаворитом Екатерины II. ИФО постановило не печатать их с указанием в издании на пропуски, а 25 экземпляров напечатать без купюр. А.С.Лаппо-Данилевский даже составил список тех, кому следовало вручить такие экземпляры. Однако в январе 1914 г., когда первый том «Мемуаров» был уже готов к выходу в свет, последовало распоряжение Николая II на доклад президента Академии великого князя Константина Константиновича — печатать «Мемуары» без изъятий. В результате пришлось перепечатывать часть первого тома, который все же вышел в свет в 1915 г. Работа же над вторым томом, по свидетельству А.С.Лаппо-Данилевского, шла медленно ввиду болезни С.М.Горяинова. По инициативе А.С.Лаппо-Данилевского в ноябре 1918 г. дальнейшую редакторскую работу ИФО передало Я.Л.Барскову.⁴²⁵

В апреле 1910 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского ИФО решило опубликовать «Реестр книг князя М.М.Щербатова». Исходя из своих методологических принципов, он рассматривал этот источник и как факт и как показание о факте. Значение «Реестра...» А.С.Лаппо-Данилевский

видел в том, что по нему можно судить и о круге литературных интересов князей И.А.Щербатова и М.М.Щербатова, и о тех изданиях, которыми последний пользовался для своих литературных трудов, и о ряде других данных, касающихся истории книжного дела в России.⁴²⁶ С идеей опубликования этого памятника к А.С.Лаппо-Данилевскому обратился князь Д.И.Шаховской, дружбой с которым А.С.Лаппо-Данилевский был связан со времен Ольденбургского кружка (1880–1890-е гг.). «Реестр...» был вскоре напечатан под наблюдением А.С.Лаппо-Данилевского и М.А.Дьяконова.⁴²⁷

В ноябре 1910 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил вниманию ИФО труд профессора Санкт-Петербургской духовной академии П.Н.Жуковича «Материалы для истории Киевского и Львовского соборов 1629 года». По его рекомендации отделение решило напечатать эту работу в своих «Записках». А.С.Лаппо-Данилевский аргументировал свое предложение тем, что эти материалы существенно дополняли известные сведения об отношениях православной и униатской церквей и были снабжены соответствующими научно-критическими примечаниями. Труд П.Н.Жуковича под наблюдением А.С.Лаппо-Данилевского вышел в «Записках» ИФО в 1911 г.⁴²⁸

В рамках ИФО в 1912–1913 гг. проводилось обсуждение программы изданий Академии, приуроченных к ее будущему 200-летию (1925 г.). Одним из наиболее деятельных его участников был А.С.Лаппо-Данилевский. Обсуждение началось с записки Е.Ф.Шмурло, направленной на имя неперменного секретаря Академии С.Ф.Ольденбурга в феврале 1912 г. Он предлагал подготовить «ряд капитальных работ, имеющих целью облегчение и упрочение дальнейшего исследования личности и эпохи императора Петра Великого», которому Академия обязана своим существованием. Е.Ф.Шмурло, специально занимавшийся историей Петра Великого,⁴²⁹ считал такую подготовку важной и необходимой. По решению ИФО С.Ф.Ольденбург передал записку на рассмотрение А.С.Лаппо-Данилевскому. В письме к Е.Ф.Шмурло А.С.Лаппо-Данилевский просил разъяснить основные положения предложенной программы. Судя по ответу Е.Ф.Шмурло, можно восстановить отношение академика к этим планам. А.С.Лаппо-Данилевский не возражал против масштабных археографических работ, посвященных первой четверти XVIII в., но тем не менее сомневался в их реальной осуществимости из-за «недостатка подходящих людей и отсутствия необходимых сумм» (как излагал его мнение Е.Ф.Шмурло в своем ответном письме). Из этого эпизода видна сложность положения А.С.Лаппо-Данилевского как организатора археографической деятельности Академии в области национальной истории. Начав к 1912 г. подготовку большого количества изданий, возможности для скорого выхода в свет которых он не видел, А.С.Лаппо-Данилевский не решался приступить к новому и столь масштабному проекту, хотя эта идея и была ему близка. Все же в ноябре 1912 г. он предложил образовать комиссию (В.В.Радлов, А.С.Лаппо-Данилевский, М.А.Дьяконов) «для ближайшего рассмотрения вопроса о выпуске Академией в свет к 200-летию ее существования ряда изданий, относящихся к эпохе Петра Великого».

Существование этой комиссии, специально обсуждавшей вопрос о ряде изданий, относящихся к эпохе Петра Великого, позволило А.С.Лаппо-Данилевскому в 1914 г. запросить дополнительное финансирование для публикации «Писем и бумаг Петра Великого» как издания уже давно начатого Академией. Проект же организации серии изданий, предложенный Е.Ф.Шмурло, по существу, был заброшен.

По просьбе Н.И.Кареева А.С.Лаппо-Данилевский способствовал публикации ряда его работ в изданиях Академии. Несмотря на глубокие теоретические и методологические разногласия, А.С.Лаппо-Данилевский и Н.И.Кареев долгое время плодотворно сотрудничали в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете и его печатном органе – «Историческом обозрении». В какой-то степени ученых объединяли и общие либеральные взгляды, и «оппозиция» к декану факультета С.Ф.Платонову. В январе 1912 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил для напечатания труд Н.И.Кареева «Неизданные документы по истории Парижских секций 1790–1795 гг.», как обычно, дав характеристику публикуемым источникам и указав на ценность материала для характеристики деятельности парижских секций и событий начала реакции.⁴³⁰ По предложению А.С.Лаппо-Данилевского этот труд был напечатан в «Записках».⁴³¹

В 1914 г. по просьбе А.С.Лаппо-Данилевского ИФО постановило печатать следующую часть материалов, подготовленных Н.И.Кареевым («Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года»). При этом А.С.Лаппо-Данилевский допустил отступление от обычного для него принципа издания – либо целиком, либо в виде регест – и не возражал против печатания части протоколов в выдержках.⁴³² Это было, конечно, связано с нежеланием А.С.Лаппо-Данилевского каким-либо образом править представленную публикацию.⁴³³

В декабре 1912 г. по просьбе И.М.Гревса А.С.Лаппо-Данилевский представил ИФО для печатания в «Записках» Отделения работу О.А.Добиаш-Рождественской «Церковная жизнь Франции в XIII в.». В данном случае рекомендация И.М.Гревса послужила единственным и достаточным для ИФО аргументом в пользу печатания труда, которое продолжалось около двух лет – до 1914 г.⁴³⁴ На примере этого издания видно, какое значение А.С.Лаппо-Данилевский придавал строгой упорядоченности системы шрифтов. По этому поводу в конце 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский замечал в письме О.А.Добиаш-Рождественской: «Я не решаюсь подписать 2-й лист, не спросивши Вас вот о чем: выписки из источников (и при том в одном и том же издании) набраны в примечаниях то прямым шрифтом, то курсивом (напр., СС. 24, 30 и др.). Верно ли это?»⁴³⁵ В ответ О.А.Добиаш-Рождественская писала: «Действительно, во втором листе, присланном Вами, имеется целый ряд тех же самых погрешностей, какие были отмечены Вами в 1 листе. Это так и должно быть. Ведь второй лист не доставлялся мне с тех пор, как я видела и исправила прокомментированный Вами первый лист... Мне хотелось сказать Вам, если позволите, несколько слов по этому вопросу, Александр Сергеевич. Я не знала, что академические издания проходят через ответственную редакцию одного

из членов, а тот большой труд, который Вы даете себе над моим произведением, вызывает во мне глубокую признательность, но с другой стороны сильно смущает меня и тревожит... Я возьму, с Вашего разрешения, свою рукопись на время и проведу в ней отчетливее в духе Ваших указаний систему шрифтов».⁴³⁶

В 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил для напечатания в «Записках» ИФО подготовленное Б.Д.Грековым «Дело, возбужденное строителем Маркеллом по поводу «затеснения Розважского монастыря»». Этот документ показался А.С.Лаппо-Данилевскому, как и автору публикации, интересным и как факт (иллюстрирующий изданные Археографической комиссией писцовые книги по Новгороду), и как показание о факте (топографии Новгорода XVII в.).⁴³⁷

В отдельное исследование вылилась публикация А.С.Лаппо-Данилевским «Грамоты царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича шведскому королю Карлу XI». Первоначально он планировал издать ее в сборнике «Нева и Ниеншанц», поскольку таков был замысел А.А.Куника и А.Ф.Бычкова, обнаружившего в свое время этот документ. Однако в январе 1915 г. А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что грамота представляет особый интерес для изучения религиозной борьбы в Ингерманландии конца XVII в., и потому было бы опророчено печатать ее в этом сборнике, не предназначавшемся к продаже. В связи с этим ИФО постановило опубликовать грамоту, а вместе с ней и специальную статью А.С.Лаппо-Данилевского сначала в «Известиях», а потом, с увеличением объема статьи, в «Записках» ИФО.⁴³⁸ Впрочем, издать статью он так и не успел.

А.С.Лаппо-Данилевский был одним из первых, кто поднял вопрос о необходимости публикации массовых источников нового времени. По его инициативе в мае 1915 г. ИФО постановило печатать «Собрание документов, относящихся до крепостного права в вотчинах графа Дмитриева-Мамонова в Ярославской и Владимирской губерниях (1763–1861)» в виде отдельного сборника. Получив эти документы от их владельца, К.В.Сивкова, А.С.Лаппо-Данилевский посчитал необходимым заручиться поддержкой авторитетного специалиста в этой области и направил их А.А.Кизеветтеру, с которым активно сотрудничал в подготовке издания «Городового положения». А.А.Кизеветтер ответил, что издание таких документов важно и нужно для решения очередного вопроса исторической науки о социальном строе и о роли крепостного права в первой половине XIX в. А.С.Лаппо-Данилевский вполне солидаризировался только с другим указанием А.А.Кизеветтера, связанным с необходимостью показать этим изданием «несколько типических образцов того материала, массовое соби́рание и изучение которого должно составить задачу» будущих историков крепостного хозяйства. Академик согласился с этим, отметив, что собрание представляет интерес именно потому, что «содержит образцы различных видов вотчинного делопроизводства в крупном крепостном хозяйстве».⁴³⁹ Хотя дальше решения опубликовать сборник дело не продвинулось, сама по себе постановка вопроса о таком издании несомненно была новаторской.

В последние годы жизни А.С.Лаппо-Данилевский начал активно работать над еще одним обширным издательским проектом — изданием «Собрания бумаг, сочинений и писем М.М.Сперанского».⁴⁴⁰ Первоначально (с 1909 г.) этот проект был им предпринят в рамках секции русской истории Исторического общества при Санкт-Петербургском университете.⁴⁴¹ Но уже в апреле 1916 г. А.С.Лаппо-Данилевский обратился к ИФО с просьбой о содействии в его реализации, и с этого момента подготовка издания проходила уже в рамках Академии.⁴⁴² Работой руководила специальная комиссия секции русской истории Исторического общества. В комиссию входили И.А.Бычков, А.В.Васильев, князь Н.В.Голицын, А.А.Корнилов, А.С.Лаппо-Данилевский (председатель), барон С.А.Корф, барон А.Э.Нольде, барон Б.Э.Нольде, С.В.Рождественский, В.И.Семевский, В.Н.Строев. Впоследствии в состав комиссии были включены К.Я.Здравомыслов и А.А.Сиверс (с ноября 1918 г.). На постоянной основе с комиссией сотрудничали и принимали участие в ее заседаниях С.А.Панчулидзева, И.А.Блинов, А.С.Лыкошин, Д.В.Цветаев, А.Н.Филиппов, А.И.Тотоцкий, П.О.Морозов, Г.П.Георгиевский, Е.И.Тарасов, С.В.Вознесенский, В.Я.Адарюков. Целью комиссии было соби́рание и публикация бумаг М.М.Сперанского — как еще не изданных, так и появившихся в печати, но не снабженных надлежащим научно-критическим аппаратом. В начале работы над этим изданием комиссия выработала специальные правила, в том числе «Образец бланка для описи бумаг М.М.Сперанского» и «Инструкцию для снятия копий с рукописей Сперанского». «Образец бланка» был подготовлен А.С.Лаппо-Данилевским в марте 1916 г. и включал в себя стандартный набор его требований к описанию исторического источника. При описи бумаг графа М.М.Сперанского было необходимо заполнить следующие графы: 1) местонахождение документа; 2) фонд, шифры (старые и новые); 3) заголовки дела и документа; 4) состояние подлинника (оригинал или копия, собственноручный или нет, белой или черновой, с поправками или без таковых); 5) начальные слова дела или документа; 6) место и время написания; 7) формат и число страниц; 8) наличие (отсутствие) заметок на полях; 9) связь данной бумаги с другими; 10) примечания; 11) указание на предыдущее издание (издания) документа. «Инструкция по снятию копий с рукописей графа М.М.Сперанского» была выработана специальной подкомиссией, в которую кроме А.С.Лаппо-Данилевского вошли И.А.Бычков, князь Н.В.Голицын и А.Н.Макаров. По сути, эта инструкция отражала и более широкую археографическую задачу — подготовку документов к печати.

Как показал А.А.Александров, работа, проведенная комиссией по изданию сочинений М.М.Сперанского, подготовила почву для последующих изданий работ этого государственного деятеля и, с другой стороны, поставила перед наукой задачи, не утратившие своего значения по сей день.⁴⁴³ С одним из сотрудников комиссии по изданию сочинений Сперанского — Д.В.Цветаевым (директором Московского архива Министерства юстиции) — А.С.Лаппо-Данилевский приступил в это время к разработке обширных планов издания исторических документов по новой истории России.⁴⁴⁴

Последний большой проект, которым руководил А.С.Лаппо-Данилевский, носил общеакадемический характер. По поручению общего собрания Академии А.С.Лаппо-Данилевский возглавлял комиссию по изданию серии сборников «Русская наука». ⁴⁴⁵ Ориентация сборника в значительной степени была гуманитарной, поскольку к участию в нем А.С.Лаппо-Данилевский привлек многих из тех, с кем уже вел работу по ранее начатым проектам. Среди них были Н.Н.Глубоковский, Н.И.Карев, Б.А.Тураев, барон А.Э.Нольде, М.И.Ростовцев, С.А.Жебелев, Э.Л.Радлов и другие. Однако в состав участников комиссии и сборника входили и крупнейшие представители негуманитарных наук. Для А.С.Лаппо-Данилевского это издание имело важное значение, связанное, с одной стороны, с демонстрацией единства научного знания, с другой же стороны, с представлением достижений русской науки, которая вступила в период зрелости. ⁴⁴⁶ Первое заседание комиссии состоялось 25 февраля 1917 г. На нем А.С.Лаппо-Данилевский сделал доклад о характере и общем плане проектируемого сборника, тогда же большинство его глав было распределено между членами комиссии. Несмотря на сложные условия революционного времени, с мая 1917 г. работа комиссии приняла систематический характер. Под руководством А.С.Лаппо-Данилевского были подготовлены общие правила проектируемого издания. Оно должно было состоять из серии очерков по разным научным дисциплинам, снабженных библиографическими справками в соответствующей области. Первоначально планировалась подготовка 25 очерков, впоследствии комиссия многократно принимала решения о пополнении состава сборника. К январю 1918 г. к А.С.Лаппо-Данилевскому поступили уже первые очерки, которые стали печататься с июня 1918 г. Всего к январю 1919 г. был представлен 21 очерк по различным дисциплинам. ⁴⁴⁷ Сам А.С.Лаппо-Данилевский приготовил обширный очерк, посвященный русской историографии. ⁴⁴⁸ Хотя сборник и не вышел в свет, работа над ним стала важной рефлексией состояния отечественной науки учеными разных областей знания.

Несмотря на большое число проектов (более шестидесяти), работу над которыми вел А.С.Лаппо-Данилевский, именно «Сборник грамот Коллегии экономии» и две серии памятников русского законодательства XVII–XVIII вв. стали основными в его археографической деятельности в рамках Академии. Особое значение А.С.Лаппо-Данилевский придавал изданию источников и научных трудов, связанных с историей права и идей и историей культурных контактов России с Европой, т.е. посвященных наиболее важным, с его точки зрения, сторонам исторического процесса.

Археографическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского основывалась на базовых установках его методологии и историософской концепции. Прежде всего, это выразилось в выборе предмета основных археографических предприятий. Основопологающим для него был принцип исторической значимости источника, устанавливаемой путем культурно-исторического синтеза. Относительно новой истории России А.С.Лаппо-Данилевскому представлялось необходимым издание документов,

связанных с историей основного эволюционного ряда «ключевого периода», т.е. памятников государственного права XVII–XVIII вв. С точки зрения задач исторического синтеза А.С.Лаппо-Данилевский пришел к выводу о необходимости изучения, а следовательно, и издания корпуса русских средневековых актов (грамот Коллегии экономии). В ходе работы над ним А.С.Лаппо-Данилевский принял решение о полном издании этого собрания актов и отошел от выборочного принципа публикации по отношению к массовым источникам. Установки методологии источниковедения предусматривали ряд обязательных методологических процедур при интерпретации и критике источников. В задачу археографа, как ее определял А.С.Лаппо-Данилевский, входило создание адекватной информационной базы для исторического исследования. Он считал, что необходимы единообразные правила издания частных актов.

В центр археографической работы А.С.Лаппо-Данилевский ставил исследование издаваемого источника как факта. Такой подход неизбежно подводил археографа к необходимости специального его исследования в широком историческом контексте. Выше было показано, что издательско-редакторская деятельность А.С.Лаппо-Данилевского и его ближайших сотрудников (Н.Д.Чечулина, А.А.Кизветтера, участников дипломатического семинария) неизбежно перерастала в исследовательскую, и только такие издательские проекты заканчивались выходом издания в свет или приближались к завершению. Исключительная строгость методологических требований, которые А.С.Лаппо-Данилевский предъявлял к подготовке своих публикаций, служит объяснением того факта, что их абсолютное большинство не было завершено.

4. «Присяжный оценщик»

Важная сфера академических занятий А.С.Лаппо-Данилевского – характеристика по поручению Академии научных трудов и деятельности ученых. С.Ф.Ольденбург выделил несколько типов оценок, данных А.С.Лаппо-Данилевским трудам и научной деятельности своих коллег: характеристика деятельности ученых, которых Академия привлекала в свою среду; некрологи; анализ трудов, представляемых на академические премии. ⁴⁴⁹ По выражению В.Г.Васильевского, А.С.Лаппо-Данилевский был «присяжным оценщиком» Академии.

Характеристики научной деятельности ученых традиционно готовились академиками для представления ИФО своих кандидатов. Как правило, для привлечения того или иного ученого к выполнению единичных поручений ИФО или Академии от рекомендовавшего его академика не требовались специальные характеристики. Другое дело – оформление постоянных научных связей между Академией и ученым. К этому виду сотрудничества можно отнести занятие любых должностей в системе Академии, связанных с научной деятельностью, или избрание в члены-корреспонденты. По неписаному правилу перед официальным выдвижением кандидатуры неформально согласовывались со всеми членами ИФО. Поэтому случаев выдвижения нескольких кандидатур на одну ва-

кансию или отклонения выдвинутых кандидатур голосованием в период работы А.С.Лаппо-Данилевского в Академии не было. Под характеристикой научной деятельности кандидата должны были стоять подписи не менее двух (как правило, не менее трех) действительных членов отделения. Поэтому необходимо отличать их авторов от тех, кто их просто подписывал.⁴⁵⁰

Первый вид характеристик связан с рекомендацией в действительные члены Академии. К ним примыкали записки о деятельности действительных членов Академии при выдвижении их на очередную академическую должность (экстраординарного и ординарного академиком). Эти характеристики уже подробно разбирались нами выше. А.С.Лаппо-Данилевский придавал большое значение и подбору кандидатур на замещение вакансий членов-корреспондентов Академии. Большинство членов-корреспондентов по историко-политическому разряду, избранных во второй половине 1900–1910 гг., были рекомендованы А.С.Лаппо-Данилевским. Среди них были Д.А.Корсаков, И.В.Лучицкий, Н.И.Кареев и А.А.Кизеветтер.

Кандидатура профессора Казанского университета Д.А.Корсакова была выдвинута А.С.Лаппо-Данилевским на должность члена-корреспондента в ноябре 1905 г. Особую заслугу Д.А.Корсакова он видел в том, что этот ученый одним из первых обратился к монографическому изучению истории второй трети XVIII века. А.С.Лаппо-Данилевский высоко оценил работы кандидата, посвященные проблеме воцарения Анны Иоанновны, научно-критический разбор шляхетских проектов 1730 г. В числе трудов Д.А.Корсакова, заслуживающих внимания, А.С.Лаппо-Данилевский назвал также серию биографий деятелей XVIII века, подготовленную кандидатом.⁴⁵¹ Нетрудно заметить, что основные исследования казанского профессора (действительно одного из первых серьезных специалистов по XVIII в.)⁴⁵² непосредственно пересекались с проблематикой работ самого А.С.Лаппо-Данилевского и способствовали восполнению пробела в изучении ключевого периода русской истории, каким представлялся А.С.Лаппо-Данилевскому XVIII век.

Кандидатуру профессора Университета св. Владимира (Киев), известного исследователя новой истории Западной Европы И.В.Лучицкого, А.С.Лаппо-Данилевский выдвинул в 1909 г., отметив ряд достоинств научных трудов кандидата. В их числе были научно-критическая обработка большого архивного материала, внимание ученого к различным факторам исторического процесса — классовый борьбе и социально-экономической структуре общества в сочетании с анализом хода и значения религиозной борьбы в Европе в начале нового времени. А.С.Лаппо-Данилевский, вероятно, подразумевал, что между работами И.В.Лучицкого и его собственными исследованиями той же эпохи, но на российском материале усматривается параллель: социально-экономические отношения тесно переплетались с историей идей.⁴⁵³

Н.И.Кареев был выдвинут А.С.Лаппо-Данилевским в члены-корреспонденты Академии в конце 1910 г. В его записке отмечены заслуги Н.И.Кареева как историка Франции и особо — как автора работ по тео-

рии и философии истории и социологии.⁴⁵⁴ Однако известно, что А.С.Лаппо-Данилевский принципиально расходился с Н.И.Кареевым в подходе к методу исторического исследования. В терминологии науки того времени номотетический подход к историческому знанию Н.И.Кареева был противоположен идиографическому подходу А.С.Лаппо-Данилевского.⁴⁵⁵ На наш взгляд, здесь уместно провести параллель с избранием в члены-корреспонденты С.Ф.Платонова, которое состоялось за год до избрания Н.И.Кареева. Хотя автором записки, в которой перечислялись ученые достоинства С.Ф.Платонова, тогда был М.А.Дьяконов,⁴⁵⁶ под ней стоит подпись и А.С.Лаппо-Данилевского.⁴⁵⁷ Для него, учитывавшего, какую роль играли в то время эти крупнейшие историки в отечественной науке, избрание их членами-корреспондентами (но даже не сверхштатными или почетными академиками) было скорее соблюдением приличий, чем признанием в них научных единомышленников.

В 1913 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского на должность члена-корреспондента был избран профессор Новороссийского университета И.А.Линниченко.⁴⁵⁸ А.С.Лаппо-Данилевский сотрудничал с И.А.Линниченко с середины 1900-х гг. и высоко ценил его работы, посвященные отношениям Руси и Польши и истории сословий Юго-Западной Руси, которые опять-таки перекликались с собственными исследованиями академика.

Еще одним русским ученым, выдвинутым А.С.Лаппо-Данилевским на должность члена-корреспондента Академии, был А.А.Кизеветтер. Несмотря на расхождения в ряде конкретных вопросов, А.С.Лаппо-Данилевский в целом высоко оценивал работы А.А.Кизеветтера по истории XVIII века. Его заслугу А.С.Лаппо-Данилевский видел в том, что этот ученый «в соответствии с более строгими [чем у его предшественников. — *Е.Р.*] научно-критическими требованиями... занялся выяснением действительной жизни русской городской общины XVIII века». В ходе совместной с А.С.Лаппо-Данилевским работы над изданием «Городового положения» А.А.Кизеветтер написал и напечатал монографию, посвященную исследованию этого памятника законодательства.⁴⁵⁹ Характеризуя политическую деятельность А.А.Кизеветтера как активного члена кадетской партии, А.С.Лаппо-Данилевский не без удовлетворения заметил, что она не мешает ученому в его работах «сохранять академическое спокойствие».⁴⁶⁰ Четко определенная грань между наукой и политикой всегда оставалась для академика безусловной.

Факторы, влиявшие на выдвижение А.С.Лаппо-Данилевским иностранных ученых в члены-корреспонденты Академии наук, были различными. Многие из тех, кого он рекомендовал в члены-корреспонденты, были ему знакомы по международным научным конгрессам и переписке. Неслучайным представляется, что выдвижение иностранных ученых на должности членов-корреспондентов А.С.Лаппо-Данилевский начинает только в 1910 г., после целого ряда зарубежных поездок, в которых он лично познакомился с ведущими представителями европейской исторической науки. Примечательно, что большинство характеристик, данных им кандидатам из числа зарубежных ученых, заостряли внимание ИФО

на тех сторонах их научной деятельности, которые так или иначе были связаны с научными воззрениями самого академика. Среди иностранных ученых, выдвинутых в члены-корреспонденты А.С.Лаппо-Данилевским, были Э.Мейер, О.Гирке, П.Виоллэ, Э.Лависс, Э.Бутру, А.В.Дайси, А.Пиренн.

Первым иностранным ученым, выдвинутым А.С.Лаппо-Данилевским в 1910 г. в члены-корреспонденты, был известный немецкий историк и теоретик исторического знания Э.Мейер. Они познакомились на историческом конгрессе в Берлине в 1908 г. и вместе работали в секции конгресса, посвященной методологии истории. Второй раз ученые встретились в 1913 г. в Лондоне уже после избрания Э.Мейера членом-корреспондентом. Последний оказал важную поддержку предложению А.С.Лаппо-Данилевского провести следующий конгресс в 1918 г. в Санкт-Петербурге.⁴⁶¹ В записке, представлявшей кандидатуру Э.Мейера, А.С.Лаппо-Данилевский указал на отличительные черты научного творчества кандидата: «всемирно-историческая точка зрения» на основной предмет занятий — историю древности, комплексное изучение различных сторон истории древних народов (политика, культура, экономика и пр.), широкое применение методов различных дисциплин (в том числе филологии и этнографии). А.С.Лаппо-Данилевский высоко оценивал «приемы строго научного исследования», которые демонстрировал немецкий ученый в своих работах.⁴⁶² В своей «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевский указал на значение историко-теоретических работ Э.Мейера. Он представлен А.С.Лаппо-Данилевским как сторонник родственного ему идиографического направления. Одно из ключевых понятий своей методологии — «действенность факта»⁴⁶³ — А.С.Лаппо-Данилевский заимствовал из теории истории Э.Мейера.⁴⁶⁴

В 1912 г. А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал в члены-корреспонденты Академии другого берлинского профессора, О.Гирке. По-видимому, с О.Гирке, так же как и с Э.Мейером, А.С.Лаппо-Данилевский познакомился на берлинском конгрессе. Работы этого ученого оказались близки А.С.Лаппо-Данилевскому прежде всего с точки зрения их направленности на изучение истории религиозных и правовых идей в средневековой Германии.⁴⁶⁵

Еще один кандидат, французский ученый П.Виоллэ, выдвинутый в 1912 г., был знаком А.С.Лаппо-Данилевскому по работе в Международном союзе академий. А.С.Лаппо-Данилевский дал высокую оценку его трудам по истории гражданского права и государственных учреждений в Европе.⁴⁶⁶

По политическим причинам с началом Первой мировой войны в поисках кандидатов в члены-корреспонденты все отделения Академии обращались, главным образом, к ученому миру Великобритании и Франции. В 1914 г. А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал к избранию еще одного французского историка — Э.Лависса. В характеристике этого ученого А.С.Лаппо-Данилевский особо подчеркивал его заслуги в организации крупных предприятий французской исторической науки, в частности начало работы над знаменитой «Историей XIX века».⁴⁶⁷

В 1916 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского Академия избрала своим членом-корреспондентом по ИФО французского философа и историка философии Э.Бутру. Основной предмет его исследований — история философии нового времени (прежде всего философия Б.Паскаля, Г.В.Лейбница и О.Конта) — находился в сфере исторических и социологических интересов А.С.Лаппо-Данилевского. Характеризуя работы Э.Бутру, он отметил в них «характерные особенности французской философской мысли — ее ясность и тесную связь с положительным знанием, результаты которого подвергаются рассмотрению в самой изящной и вместе с тем простой форме». Здесь можно отметить совпадение подходов А.С.Лаппо-Данилевского и французского ученого к философии как основе положительного (т.е. научного) знания.⁴⁶⁸

В том же году А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал известного английского юриста и историка права А.В.Дайси. В его работах академик обнаружил ценный анализ взаимодействия разных областей права, в частности столкновения гражданского и государственного права в английской юридической практике. Различные системы права исторически возводились А.В.Дайси к идеям либерализма и социализма.⁴⁶⁹ Разработка же механизма взаимодействия «идей» и правовых систем в истории была центральной в методологических штудиях А.С.Лаппо-Данилевского.

Еще одним иностранным ученым, рекомендованным А.С.Лаппо-Данилевским к избранию в члены-корреспонденты, был бельгийский историк средневековья Анри Пиренн. В его работах он ценил «удачное сочетание строго научного критического отношения к литературным и документальным текстам с умением использовать их для исторических построений».⁴⁷⁰

Другой тип оценок научной деятельности, посмертный, которые приходилось составлять А.С.Лаппо-Данилевскому, как и другим членам ИФО, содержался в некрологах. В течение почти двадцати лет работы в Академии он написал значительное их количество в связи с кончинами российских и иностранных ученых. Естественно, что в них говорилось о достоинствах ушедшего из жизни ученого. Положение академика по историко-политическому разряду вынуждало А.С.Лаппо-Данилевского писать некрологи, в том числе и на тех скончавшихся членов и членов-корреспондентов по этому разряду, от которых в научном плане он был далек. Но и жанр некролога академик использовал, чтобы подчеркнуть те стороны деятельности и те работы почивших, которые способствовали развитию науки в близком ему направлении.

Один из первых некрологов, составленных А.С.Лаппо-Данилевским, был посвящен памяти Н.Ф.Дубровина. В нем А.С.Лаппо-Данилевский подробно проанализировал методику работы этого историка. В частности, он отметил, что Н.Ф.Дубровин «не конструировал исторического процесса, а довольствовался изображением важнейших эпох и моментов нашей истории. При таких условиях в его изложении исторических событий анализ мотивов человеческих действий или их научная оценка часто заменялись живым рассказом о том, что было; но вместе с тем он получил возможность объективно относиться к историческим фактам и индиви-

дуализировать их».⁴⁷¹ Из приведенных слов видно, что А.С.Лаппо-Данилевский дал оценку творчеству покойного академика в контексте собственной методологии. Являясь последовательным критиком подмены исторического построения по правилам строгой науки художественным повествованием («живым рассказом») о событиях прошлого, А.С.Лаппо-Данилевскому в то же время импонировал «индивидуализирующий» подход к изучению исторических фактов.

Характеризуя работы Г.А.Леера, скончавшегося в 1904 г., А.С.Лаппо-Данилевский указал, прежде всего, на роль «исторического метода» в его трудах, посвященных военной тактике, на значение его военно-исторических исследований о Петре, о военной истории XVIII–XIX вв.⁴⁷²

С большим уважением А.С.Лаппо-Данилевский отзывался в некрологе 1905 г. о другом члене-корреспонденте Академии, немецком профессоре Якобе Каро, занимавшемся исследованием истории Речи Посполитой. О методе Я.Каро, которому он следовал, А.С.Лаппо-Данилевский замечал: «Каро казалось, что он призван объяснять факты и заниматься только теми из них, которые находятся в причинно-следственном отношении друг к другу и могут быть охвачены разумной мыслью историка; а оценку их он проводил лишь с точки зрения того времени и места, в которых они происходили». А.С.Лаппо-Данилевский отмечал, что покойный ученый пытался, таким образом, основываясь на критическом анализе исторических источников, изобразить культурно-исторический процесс во всех его проявлениях.⁴⁷³

В связи с кончиной А.Сореля в 1906 г. А.С.Лаппо-Данилевский выступил в ИФО со специальной речью, посвященной его памяти. В методологии работы А.Сореля А.С.Лаппо-Данилевскому импонировало сочетание «умеренного детерминизма» и «признания свободы воли человека». Путь Сореля в изложении А.С.Лаппо-Данилевского рисовался как развитие творчества историка, который «ушел от чрезмерных увлечений абстрактной теорией и от излишеств чисто конкретного описания исторического процесса». Он оценил плюсы и минусы подобной позиции А.Сореля, в сравнении с работами другого французского историка – И.Тэна. А.С.Лаппо-Данилевский писал о том, что «Сорель уступал... Тэну в глубине философской концепции: но он и не увлекался, подобно ему, изучением самых отдаленных причин явлений... он чаще и строже Тэна подчинял свое творчество требованиям исторической критики и лучше его изображал и конкретные условия, в которых данные факты возникали».⁴⁷⁴ Тем самым А.С.Лаппо-Данилевский указал на задачу установления связи между теоретическим и эмпирическим уровнями исторического исследования, решение которой было основной задачей и его «Методологии истории».

В некрологе скончавшегося в 1908 г. члена-корреспондента Академии В.Б.Антоновича А.С.Лаппо-Данилевский особо отметил его работы, посвященные взаимодействию русской и литовской культур. Он отметил положительную сторону творчества покойного ученого: «<...> в лице Антоновича антрополог соединялся с археологом и этнограф с историком».⁴⁷⁵ А.С.Лаппо-Данилевский придавал большое значение сочетанию методик этих наук в исследовательской работе.

В 1909 г. в некрологе в связи с кончиной почетного члена Академии И.Е.Забелина А.С.Лаппо-Данилевский указал на основное, с его точки зрения, достоинство научного творчества этого историка: объектом изучения была история русской культуры и русского быта. Отметив, что у И.Е.Забелина не было «строгой научной школы», А.С.Лаппо-Данилевский тем не менее обратил внимание на перспективность примененного И.Е.Забелиным метода выявления исторических типов («государя», «купца», «крестьянина»)⁴⁷⁶ Такой подход содержал прямые переклички с соответствующими позициями «Методологии истории».

Оценивая в некрологе (1910 г.) заслуги чешского ученого Г.Ирчека в области истории древнеславянского права, А.С.Лаппо-Данилевский особо отметил попытки проследить взаимодействие между различными его системами в Восточной Европе.⁴⁷⁷ В своих печатных выступлениях А.С.Лаппо-Данилевский подчеркивал важнейшую роль права как «эволюционного ряда». Заслугой чешского ученого А.С.Лаппо-Данилевский считал и «научно-критическое издание памятников древнеславянского права».

На творчество французского ученого Г.Моно, писал А.С.Лаппо-Данилевский в некрологе (1912 г.), положительное влияние оказало то, что он прошел не французскую, а строгую научно-критическую немецкую школу. В то же время, на его взгляд, поддержки заслуживал синтетический подход Г.Моно к историческому знанию как к «реконструкции серии времен жизни человечества во всей его совокупности».⁴⁷⁸

В 1918 г. был опубликован некролог А.С.Лаппо-Данилевского в связи с смертью бывшего директора Публичной библиотеки Д.Ф.Кобеко. В нем дана высокая оценка Д.Ф.Кобеко как «просвещенному сановнику», человеку, каким, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, должен быть организатор науки. Автор некролога отметил и достижения Д.Ф.Кобеко как ученого, обратившегося к истории русского просвещения. Особое внимание А.С.Лаппо-Данилевский обратил на методологию работ покойного ученого по генеалогии: он «стремился дать систематическую и точную обработку источников и таким образом сделать «безопасными» ссылки на наши мало надежные родословные сборники».⁴⁷⁹ В условиях прихода во власть после Октябрьской революции людей абсолютно чуждых науке и культуре появление некролога на кончину Д.Ф.Кобеко можно рассматривать как демонстрацию общественной и культурной позиции А.С.Лаппо-Данилевского.

Наиболее важным видом оценок научной деятельности ученых, которые А.С.Лаппо-Данилевский выполнял по поручению Академии, была работа по рецензированию трудов, представленных к ее наградам. По большей части именно от его мнения зависело принятие того или иного решения. Много времени у А.С.Лаппо-Данилевского отнимал и труд по характеристике рукописей, представляемых авторами на отзыв в Академию.⁴⁸⁰ Такой тип работы, возможно, был одним из побуждающих мотивов методологических занятий А.С.Лаппо-Данилевского.

К 1917 г. существовало 17 различных периодически выдаваемых наград Академии за исследования в области истории и смежных дисциплин.

лин, присуждение которых было или целиком возложено на ИФО, или в котором ИФО было обязано участвовать.⁴⁸¹ Кроме того, в течение двух первых десятилетий XX века возникало значительное количество единовременных наград и премий, обязанность присуждения которых также ложилась на ИФО. А.С.Лаппо-Данилевский был единственным академиком ИФО, который фактически участвовал во всех комиссиях отделения, создаваемых для этого.⁴⁸² Пожалуй, можно провести параллель между А.С.Лаппо-Данилевским и академиком А.А.Шахматовым, который также участвовал почти во всех комиссиях, создаваемых при участии отделения русского языка и словесности (ОРЯС).

Работа комиссий Академии обычно строилась следующим образом. На первом этапе определялось число поступивших на конкурс сочинений. На втором — устанавливалось их соответствие условиям конкурса. На третьем — намечались рецензенты; после получения их согласия на предоставление отзыва им направлялись сочинения конкурсантов. Четвертый этап был связан с их обсуждением в комиссиях на основании полученных рецензий и подведением итогов конкурса. Оценка рецензента, таким образом, имела важнейшее значение. Работы, получившие отрицательную оценку, почти никогда не имели шансов быть удостоенными награды, а сочинения, отзыв на которые по какой-либо причине не был предоставлен, переносились на следующий конкурс. Как правило, на получение престижных премий конкурс был высок, но положительной оценки рецензентов удостоивалось большое количество сочинений, намного превышающее число присуждаемых на конкурсе премий. Следовательно, резко возрастало значение личных пристрастий и мнений членов комиссий. Председателем большинства комиссий по премиям Академии был неприменный секретарь или исполняющий его обязанности академик. Во второй половине 1910-х гг. положение постепенно изменялось, и это привело к тому, что такие комиссии мог возглавлять и один из старших академиков соответствующего отделения. Несколькими из них руководил и А.С.Лаппо-Данилевский.

Наиболее престижными наградами, вручаемыми ИФО или при его участии, были премии графа Уварова, митрополита Макария, А.М.Сибирякова и М.Н.Ахматова. Эти премии присуждались наиболее часто (ежегодно или раз в два года) и были наиболее крупными: размер первых премий колебался от 800 до 1500 рублей.⁴⁸³ Как правило, отзывы на сочинения, победившие на этих конкурсах, печатались в изданиях Академии.

На первом месте среди конкурсов, проводимых Академией, был конкурс на получение Уваровских премий. Они присуждались ежегодно, конкурсная комиссия формировалась под председательством неприменного секретаря из представителей ИФО и ОРЯС. Предметом конкурсных сочинений могли быть работы по истории России и русского языка. Особенностью Уваровских конкурсов было то, что отзывы зачастую превращались в отдельные монографии по теме рецензируемого труда. На протяжении тридцати лет А.С.Лаппо-Данилевский принимал участие в этом конкурсе — сначала как участник (1892 г.), затем как рецензент (1898, 1899, 1901, 1905, 1908, 1913 гг.) и член конкурсной комиссии (1900—1919 гг.).

Конкурсные комиссии по Уваровским премиям состояли не менее чем из пяти человек. Большую часть их членов, как правило, составляли представители ИФО. Обычно академики других специальностей, по-видимому, оказывали специалистам по русской истории безусловное доверие в вопросах их компетенции, в данном случае — в оценке трудов по русской истории. Первые четыре года участия А.С.Лаппо-Данилевского в работе комиссии решающее слово оставалось за неприменным секретарем Н.Ф.Дубровиным, который, впрочем, по всей вероятности, прислушивался к мнению А.С.Лаппо-Данилевского. После его смерти в 1904 г. мнение А.С.Лаппо-Данилевского в принятии окончательных решений относительно сочинений по русской истории стало определяющим.

Материалы отчетов Академии по присуждению Уваровских премий 1900—1916 гг. позволяют утверждать, что предпочтение отдавалось работам по русской истории XVII и особенно XVIII вв. На наш взгляд, это может свидетельствовать о сознательном поощрении сочинений, связанных с исследованием «ключевого», по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, периода в российской истории. В пользу этого предположения также свидетельствует то, что в этот период Уваровскую премию получили многие участники академических предприятий А.С.Лаппо-Данилевского, упоминавшиеся выше, — А.А.Кизеветтер (1902 г.), В.Н.Бенешевич (1902 г.), Н.Д.Чечулин (1908 г.), С.М.Горяинов (1908 г.), П.В.Верховский (1910 г.), И.И.Лаппо (1912 г.), С.В.Рождественский (1913 г.) и другие. Показательно, что среди рецензентов трудов по русской истории число сотрудников А.С.Лаппо-Данилевского не менее значительно: М.А.Дьяконов (1902 г.), Е.Ф.Шмурло (1902, 1907 гг.), Д.А.Корсаков (1906 г.), К.Я.Здравомыслов (1908, 1914 гг.), П.Н.Жукович (1908, 1909 гг.), Д.В.Цветаев (1909 г.), А.А.Кизеветтер (1912 г.), М.М.Богословский (1911 г.), А.А.Кауфман (1911 г.), С.М.Середонин (1911 г.), А.К.Байлов (1913, 1914 гг.), П.Б.Струве (1914 г.), В.Н.Бенешевич (1914 г.), Б.Б.Голицын (1914 г.) и другие.⁴⁸⁴ Можно предположить, что конкурсы на присуждение Уваровских премий способствовали расширению сферы влияния А.С.Лаппо-Данилевского и его ближайших сотрудников в исторической науке.

Будучи действительным членом Академии, А.С.Лаппо-Данилевский и сам написал четыре положительных отзыва на сочинения, представленные к присуждению Уваровской премии. На примере этих рецензий наиболее четко проступают основные принципы, которыми он руководствовался.

Первый из представленных им отзывов (1901 г.) — на работу П.М.Майкова «Иван Иванович Бецкой: Опыт биографии» — получил название «И.И.Бецкой и его система воспитания» и вышел в качестве отдельной монографии, в то время как рецензируемый труд остался в рукописи. Основные замечания А.С.Лаппо-Данилевского последовательно отражают его представления об обязательных исследовательских процедурах, применяемых при работе историка. Первый вопрос, который поднял рецензент, был связан с выяснением цели сочинения П.М.Майкова. На взгляд А.С.Лаппо-Данилевского, она вряд ли установлена автором, по-

чему в исследовании «нет полного единства темы» и «строгости изложения». ⁴⁸⁵ А это, в свою очередь, затрудняет и уяснение автором оснований исторического синтеза, который он должен применить в исследовании, а именно: выяснить «многообразную зависимость планов Бецкого от просветительской философии его времени». ⁴⁸⁶ Отсутствие четкой цели работы, писал А.С.Лаппо-Данилевский, помешало автору правильно отобрать факты для исторического построения: «<...> в некоторых случаях чрезмерное обилие фактов даже вредит изложению... главные черты деятельности Бецкого нередко утопают во множестве подробностей». ⁴⁸⁷ Для решения задачи построения биографии Бецкого, по утверждению рецензента, необходимо было уяснить тот «дух среды», в котором развивалась его деятельность, и, с другой стороны, «выяснить его индивидуальность». Только при соблюдении этих принципов, считал он, значение деятельности Бецкого может быть представлено со всей ясностью. ⁴⁸⁸ Решение этой проблемы и стало основной содержательной частью отзыва А.С.Лаппо-Данилевского. Рецензент последовательно выявил элементы «национальной традиции» в идеях и проектах реформ Бецкого (идеи Ф.Прокоповича, А.Миславского, законодательство Петра Великого об организации воспитания русского юношества и т.д.) и указал на косвенное и прямое влияние конкретных элементов идей европейского Просвещения (Д.Локка, Ж.Ж.Руссо, Вольтера, К.А.Гельвеция и др.). Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский наглядно продемонстрировал эклектизм работы Бецкого и тем самым показал, что автор рецензируемого труда преувеличил значение личности своего героя. ⁴⁸⁹ А.С.Лаппо-Данилевский попытался восполнить и другой недостаток рецензируемого исследования — соотнести деятельность Бецкого с общими началами политики Екатерины II в области просвещения и, таким образом, ввести приведенный автором материал в исторический контекст. ⁴⁹⁰ Несмотря на столь строгий разбор сочинения П.М.Майкова, А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал поощрить его премией, что и было сделано конкурсной комиссией.

В 1905 г. А.С.Лаппо-Данилевский подготовил отзыв о труде казанского историка Н.Н.Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II». ⁴⁹¹ Основной критический пафос рецензента вновь был связан с проблемой цели исследования. По поводу существенного методологического недостатка работы Н.Н.Фирсова А.С.Лаппо-Данилевский писал: «<...> автор слишком мало выяснил ту точку зрения, с которой он исследует их [явления, имевшие большое значение в истории русской торговли XVIII в. — *Е.Р.*], что отразилось на его методологических приемах и содержании его сочинения». ⁴⁹² Рецензент связал отсутствие общей точки зрения автора в том числе и со слабой источниковой основой разбираемого труда. Он высказался за необходимость систематического просмотра всего архивного материала по теме, что не было сделано Н.Н.Фирсовым. Отметив нерешенность проблемы исторического синтеза, А.С.Лаппо-Данилевский указал на невыясненность им природы «либеральных начал русской торговой политики XVIII века». По существу, рецензент провел свое собствен-

ное исследование генезиса русского торгового либерализма в XVIII в., показав влияние на него элементов различных течений европейской мысли, прежде всего доктрины естественных прав и учения физиократов. Другим недостатком труда Н.Н.Фирсова А.С.Лаппо-Данилевский считал то, что автор, исследовав правительственную политику в области внешней торговли, не показал ее результатов. Этот пробел рецензируемого исследования А.С.Лаппо-Данилевский также попытался восполнить. ⁴⁹³ Так же как и в случае с сочинением П.М.Майкова, работа Н.Н.Фирсова была признана А.С.Лаппо-Данилевским заслуживающей премии и была ею отмечена.

В 1908 г. А.С.Лаппо-Данилевский рецензировал представленный на конкурс труд Н.Д.Чечулина «Очерки истории русских финансов в царствование Екатерины II». ⁴⁹⁴ Автор отзыва отметил, что достоинство труда Н.Д.Чечулина «состоит преимущественно в цифровых показаниях и их подсчете, но он имеет менее значения для исторического их понимания... Г. Чечулин не столько исследует генезис нашей финансовой системы в XVIII веке и ее историческое значение, сколько дает обозрение важнейших элементов нашего бюджета». ⁴⁹⁵ Упрек в отсутствии синтеза и невыясненности «основных начал» финансовой политики в труде Н.Д.Чечулина не случаен. Н.Д.Чечулин — видный деятель Кружка русских историков и сторонник «платоновского» направления петербургской школы. Высоко ценя профессиональные качества этого ученого и приглашая его к участию в предприятиях Академии, А.С.Лаппо-Данилевский подчеркивал недостатки его эмпирического подхода в исследовательской практике. Указав на отсутствие исторического синтеза в работе Н.Д.Чечулина, А.С.Лаппо-Данилевский сосредоточил внимание на анализе источниковедческой части рецензируемой работы. Он последовательно указал на несовершенство исторической критики ряда используемых источников. ⁴⁹⁶ Тем не менее в целом оценка труда Н.Д.Чечулина рецензентом была высокой, и автор сочинения получил первую Уваровскую премию. В благодарственном письме А.С.Лаппо-Данилевскому Н.Д.Чечулин отметил: «<...> горжусь благоприятным отзывом человека столь глубоко знающего — и, позвольте сообщить Вам общее мнение, — рецензента, очень серьезного». ⁴⁹⁷

В 1913 г. по поручению конкурсной комиссии А.С.Лаппо-Данилевский оценивал работу Н.Я.Новомбергского «Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия» ⁴⁹⁸ и заключил, что «труд автора заслуживает некоторого поощрения». Как обычно, отзыв А.С.Лаппо-Данилевского перерос в специальное исследование проблемы, однако в этот раз ему пришлось обращаться к изучению совершенно нового для себя предмета, в частности архивным изысканиям. ⁴⁹⁹ В отзыве А.С.Лаппо-Данилевский указал на целый корпус неиспользованных источников, отметив, что нельзя ставить изложение темы в зависимость от найденных материалов. Основным недостатком труда он видел в том, что автор «довольствуется скорее обозрением того положения, в каком находилось тогда ветеринарное дело... и не пытается выяснить те факторы, которые повлияли на его возникновение и развитие». Со своей стороны, А.С.Лаппо-Данилевский постарался последовательно выделить эти факторы, связанные

с государственными потребностями и эволюцией хозяйства, и связать их с материалами, собранными Н.Я.Новомбергским.⁵⁰⁰

В целом участие А.С.Лаппо-Данилевского в процедуре присуждения премий митрополита Макария, А.М.Сибирякова и М.Н.Ахматова было похоже на его роль в Уваровских конкурсах. Другое дело, что эти премии были менее престижны и не велики по объему по сравнению с Уваровскими наградами. Поэтому часто во время присуждения таких премий складывалась ситуация, при которой реальный конкурс отсутствовал или был минимальным. В этих условиях роль конкурсных комиссий сводилась к выдаче наград в соответствии с отзывами рецензентов. Может быть, поэтому тенденции, отмеченные нами относительно присуждения Уваровских премий, в этих случаях менее заметны.

На наш взгляд, ход научно-рецензионной работы и работы по составлению записок о научной деятельности историков показывает, как А.С.Лаппо-Данилевский спланировал вокруг Академии близких ему по духу ученых и сотрудников по академическим предприятиям. Очевидно, что представляя Академию (одно из авторитетных научных учреждений страны) и вынося от ее имени вердикты исследованиям в области русской истории и ученой деятельности своих коллег, А.С.Лаппо-Данилевский располагал также возможностью для утверждения своих методологических принципов в широких кругах российской науки. С нашей точки зрения, большинство рецензий, характеристик научной деятельности, иных суждений, сделанных А.С.Лаппо-Данилевским как «присяжным оценщиком» Академии, не только отражали его методологические и историософские взгляды, но и в значительной мере способствовали их распространению.

5. «Борьба за культуру»

Кроме организации научной работы в области русской истории, А.С.Лаппо-Данилевский принимал участие в целом ряде ученых и культурных предприятий Академии, а также в ее общественно-политической деятельности.

С начала 1900-х гг. он принялся за сбор материалов по истории Академии наук, о чем свидетельствует его переписка со старейшиной историко-филологического отделения академиком К.С.Веселовским. Можно сказать, что последний передал А.С.Лаппо-Данилевскому обязанности историографа академической науки.⁵⁰¹ Однако большая часть материалов по истории Академии, собранных ученым за двадцать лет его академической деятельности, так и не стала доступной читателям.

Своеобразный итог работ А.С.Лаппо-Данилевского по изучению ранней истории Академии был подведен им в речи «Петр Великий — основатель императорской Академии наук в Петербурге», произнесенной на торжественном заседании общего собрания Академии в 1913 г. по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых.⁵⁰² В обширной речи (изданной также в виде отдельной монографии⁵⁰³) А.С.Лаппо-Данилевский подробно рассмотрел деятельность первых академиков, приглашенных в

Россию из Западной Европы, — Г.Б.Бюльфингера, К.Ф.Вольфа, Д.Бернулли, И.Лейтмана, Г.З.Байера, Л.Эйлера, Г.В.Крафта, Г.Ф.Миллера и других. Она была представлена А.С.Лаппо-Данилевским в контексте его концепции об определяющем влиянии западноевропейских идей на духовное развитие России в XVIII в. Автор пришел к выводу о том, что эти иностранные ученые «оставили более или менее глубокий след в истории наук и упрочили у нас те научные традиции, которые легли в основу современной нашей цивилизации».⁵⁰⁴

С самого начала своей академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевский способствовал тесному сотрудничеству представителей различных отраслей гуманитарного знания в рамках Академии. Прежде всего, это касалось совместных научных предприятий представителей исторической и филологической наук. А.С.Лаппо-Данилевский был активным участником (а зачастую основным инициатором) совместных академических предприятий ИФО и ОРЯС.

Одним из них стал организованный Академией в 1903 г. съезд русских славистов. Он был созван с целью «подвергнуть некоторые вопросы славянской филологии обсуждению ученых специалистов».⁵⁰⁵ На съезде А.С.Лаппо-Данилевский возглавлял секцию «по вопросу о славянской энциклопедии». Задачей секции стало формулирование программы этого издания. В ходе дискуссии столкнулись две противоположные позиции, высказанные А.Н.Ясинским (автором основного проекта программы) и П.Н.Милюковым. А.Н.Ясинский предлагал положить в основу издания предметный принцип размещения материала — общий для всего славянского мира.⁵⁰⁶ П.Н.Милюков настаивал на изложении всего материала энциклопедии по отдельным славянским народам.⁵⁰⁷ А.С.Лаппо-Данилевский предложил компромиссное решение, которое и было принято секцией. По его замыслу, издание должно было строиться следующим образом: 1) введение и вспомогательные исторические дисциплины; 2) древняя история славянства; 3) история отдельных народов; 4) сравнительные историко-литературные очерки славянской культуры.⁵⁰⁸ Таким образом, используя терминологию А.С.Лаппо-Данилевского, в проектируемой энциклопедии история славянства должна была быть представлена как в виде «эволюционных рядов», так и «систематического целого».

На протяжении почти двадцати лет он вел активную работу, направленную на то, чтобы сделать Академию центром формирования архивной политики в России. Как вспоминал С.Ф.Ольденбург, ее начало относится к ноябрю 1903 г. Выступая на заседании Отделения, А.С.Лаппо-Данилевский указал, что от директора Археологического института в Академию не поступают отчеты о работе губернских архивных комиссий, как того требует «Положение» об их деятельности. ИФО поручило ему исправить ситуацию.⁵⁰⁹ С этого момента А.С.Лаппо-Данилевский по существу курировал работы архивных (археографических) губернских комиссий. Начало этой работы совпало, таким образом, с упадком деятельности комиссий в середине 1900-х гг., который сам А.С.Лаппо-Данилевский связывал не в последнюю очередь с «тяжелыми политическими условия-

ми» и с «общественным движением».⁵¹⁰ Своей задачей ученый видел возрождение и усиление значения этого культурного института. Из целого ряда его записок, посвященных этой проблематике, можно выделить основные предложения о совершенствовании их работы, с которыми он выступал. Начиная с середины 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский многократно предлагал выработать единую инструкцию для работы комиссий, подготовить для каждой комиссии научно разработанную программу действий, организовать соответствующее материальное обеспечение работы комиссий (предоставление помещений и регулярное финансирование из государственного бюджета). Он считал необходимым также охватить сеть губернских комиссий всю территорию империи и существенно расширить сферу их деятельности. Среди направлений работ, которыми они могли бы заниматься, он указывал на составление археологических карт, ведение библиографических работ по истории местной жизни, музееведение, охрану памятников старины и разработку местного законодательства в этой сфере, издание архивных материалов, пополнение архивов не только из государственных, но и частных собраний, археологические и этнографические исследования, библиотечное дело, сооружение памятников. Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский считал, что комиссии должны стоять в центре губернской культурной жизни. Он был уверен в необходимости перестройки всего архивного дела в губерниях, которая включала бы в себя обязательное составление всеми ведомствами описей дел, сдаваемых в архив, по единому образцу; обязательный просмотр дел не по описи, а по содержанию перед принятием решения об их уничтожении; составление и хранение подробных описей дел, предназначенных к уничтожению.⁵¹¹

Своими публичными выступлениями относительно необходимости реорганизации работы губернских архивных комиссий и внесения соответствующих изменений в «Положение о деятельности архивных комиссий» А.С.Лаппо-Данилевскому удалось привлечь внимание к их деятельности. Работой архивных комиссий заинтересовалось имп. Русское историческое общество (РИО)⁵¹² и его глава великий князь Николай Михайлович. В 1911 г. была образована Особая комиссия РИО по сохранению местных архивов, а в феврале 1912 г. было высочайше утверждено положение о ее деятельности. Председателем комиссии был назначен помощник председателя РИО А.Н.Куломзин, секретарем — С.М.Середонин, членом комиссии был избран и С.Ф.Платонов. Основной задачей комиссии была забота о сохранении местных архивов. Она получила право привлечения к своей работе представителей центральных и местных государственных учреждений. До 1914 г. деятельность комиссии, заключавшаяся прежде всего в разборе отчетов губернских архивных комиссий, по сути, дублировала работу, проводимую А.С.Лаппо-Данилевским в Академии. Однако в марте 1914 г. А.С.Лаппо-Данилевский был избран в состав РИО и вскоре подключился к архивной деятельности Общества. В мае 1914 г. он участвовал в съезде представителей «губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений».⁵¹³ По словам А.С.Лаппо-Данилевского, целью съезда была выработка мер, «которые

дали бы им [архивным комиссиям. — *Е.Р.*] возможность правильно и систематично работать по охране письменных памятников нашей истории». Съезд принял ряд предложений, которые уже давно высказывал А.С.Лаппо-Данилевский. В их числе были положения о необходимости охвата сетью архивных комиссий всей территории империи и регулярного финансирования, общих правил работы с архивными документами. Реальным результатом съезда стало выделение Министерством финансов единовременной помощи комиссиям и открытие нескольких новых.⁵¹⁴ Что касается выработки общих правил работы, то она была поручена Особой комиссии РИО.

В начале 1915 г., после кончины С.М.Середонина, А.С.Лаппо-Данилевский был избран секретарем Особой комиссии РИО. Таким образом, в его руках сосредоточилось научное руководство деятельностью местных архивных комиссий. Но и по линии Академии, и как секретарь Особой комиссии РИО А.С.Лаппо-Данилевский не обладал распорядительными функциями, а учреждения, деятельность которых он координировал, так и не получили регулярного государственного финансирования. Поэтому административная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в архивной области сводилась к консультациям как самих комиссий, так и властей. Он периодически выступал от имени комиссий в качестве ходатая перед центральными и местными властями по поводу предоставления им помещений для работы, финансирования, сохранения того или иного архивного собрания, предоставления им той или иной справки, доводил до сведения общественности и центральных властей случаи нарушения архивного законодательства на местах. В то же время Особая комиссия РИО последовательно проводила в жизнь решения съезда 1914 г., направленные на упорядочение деятельности комиссий. В числе ее мероприятий 1915—1917 гг. были составление сборника законоположений и циркуляров по архивному делу в России,⁵¹⁵ составление сводного проекта общей инструкции для работы комиссий, рассылка им «общих указаний, касательно просмотра дел и соблюдения архивных фондов». В 1916 г. комиссия добилась от Министерства финансов важного обязательства о выделении по предоставлению РИО единовременных пособий на финансирование той или иной архивной губернской комиссии. Однако, по-видимому, этим своим правом Общество воспользоваться не успело.⁵¹⁶

В 1917 г. положение губернских комиссий, как и других культурных учреждений, резко усложнилось. В мае 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский был избран председателем Союза российских архивных деятелей (РАД) и в его качестве предложил Академии созвать межведомственное совещание по вопросу о положении губернских архивных комиссий. Это совещание проходило в июле 1917 г. под председательством А.С.Лаппо-Данилевского и наметило основные меры к преодолению их тяжелого положения. Там же была образована под его же председательством комиссия для обсуждения положения губернских ученых архивных комиссий. Таким образом, в течение непродолжительного времени А.С.Лаппо-Данилевский оказался в положении координатора архивной политики. Его выступления и записки по архивному делу в 1917 и первой половине

1918 г. рисуют широкую программу реформ. А.С.Лаппо-Данилевский отстаивал переход к системной политике в архивной сфере, которая включала в себя общее руководство по устройству и управлению архивами, меры по охране документов и архивных материалов, общее руководство по описанию архивов, программу подготовки архивных работников, защиту профессиональных интересов архивных деятелей и другие направления. Т.И.Хорхордина показала исключительную роль РАД и его председателя в спасении отечественных архивов в условиях катастрофы 1917 г. РАД формально руководил архивным делом в России вплоть до апреля 1918 г. Однако все попытки получить официальные полномочия и законодательно обеспечить выполнение поставленных задач со стороны сначала Временного правительства, а затем и СНК не увенчались успехом. В марте 1918 г. РАД вступил в переговоры с уполномоченным СНК Д.Б.Рязановым, в ходе которых было достигнуто соглашение о формировании нового органа по руководству архивным делом — Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА). Председателем комитета стал Д.Б.Рязанов. А.С.Лаппо-Данилевский был избран в этот комитет от РАД и Академии наук, но вскоре отошел от активной работы в нем, когда стало понятно, что принцип «непартийности архивов», на котором он упорно настаивал, игнорируется новой властью.⁵¹⁷ Возможно, что другой причиной отхода А.С.Лаппо-Данилевского от работы в ЦКУА было нежелание сотрудничать с С.Ф.Платоновым.⁵¹⁸

В 1916–1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский принимал активное участие в организации «Русского исторического журнала». Идея этого издания объединила лучшие силы отечественной исторической науки. Объявление об основании журнала подписали кроме А.С.Лаппо-Данилевского А.Л.Бем, В.Н.Бенешевич, С.Б.Веселовский, Э.Д.Гримм, М.А.Дьяконов, Л.П.Карсавин, Н.К.Никольский, М.А.Полиевктов, М.Д.Приселков, А.Е.Пресняков, С.В.Рождественский, В.И.Срезневский и А.А.Шахматов.⁵¹⁹ В апреле 1916 г. академик М.А.Дьяконов сообщил об основании журнала ИФО. По его предложению, отделение решило ходатайствовать о выделении субсидии на издание журнала Министерством народного просвещения. Форму ходатайства ИФО поручило выработать ПИК, т. е., по существу, доверило решение этой задачи А.С.Лаппо-Данилевскому.⁵²⁰ Возможно, именно его активное участие в делах журнала было основной причиной того, что С.Ф.Платонов оказался вне круга организаторов нового издания. Неизвестно, удалось ли А.С.Лаппо-Данилевскому добиться выделения субсидии министерства, но два отделения Академии (ИФО и ОРЯС) оказали журналу единовременную финансовую помощь, благодаря чему его первый номер вышел в свет в начале 1917 г.⁵²¹

В 1916–1919 г. А.С.Лаппо-Данилевский был заведующим нумизматического кабинета Академии. Им он стал в 1916 г. после смерти прежнего заведующего, академика К.Г.Залемана. Таким образом, в последние годы деятельности в сферу его профессиональных интересов попала еще одна специальная историческая дисциплина — нумизматика. А.С.Лаппо-Данилевский отчасти перестроил работу вверенного ему кабинета, в

частности, стал активно расширять его коллекции за счет «монет нового времени» (эпохи Екатерины II), а в 1918–1919 гг. приступил к систематизации его фондов.⁵²²

Общественная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского связана с пониманием им научной работы как культурной и общественной деятельности в широком смысле слова. Академия воспринималась А.С.Лаппо-Данилевским как важный социальный институт государства, задачей которого было не только развитие национальной культуры, но и просвещение общественного сознания.

Академическое звание дало А.С.Лаппо-Данилевскому возможность реализовывать на практике свои культурные идеалы. В 1904 г. от лица Академии он возглавил работу по подготовке национального законодательства в области охраны памятников старины. За основу было принято итальянское законодательство. Ученый корреспондент в Риме Е.Ф.Шмурло по просьбе А.С.Лаппо-Данилевского сделал для него обширные переводы из итальянских законов по охране памятников.⁵²³ Они были в 1904–1905 гг. им тщательно изучены наряду с обширной литературой на итальянском и немецком языках.⁵²⁴ Но революционные события оборвали эту работу. Вернулся А.С.Лаппо-Данилевский к ней уже во время мировой войны. В 1914 г. в числе других академиков он участвовал в «частном совещании», где обсуждался вопрос об охране памятников в условиях военного времени. Оно разработало программу, которую вынесло на утверждение общего собрания Академии. Последнее согласилось с предложениями совещания, в результате чего была создана комиссия с широкими полномочиями по охране памятников, определены источники ее финансирования. В комиссию кроме А.С.Лаппо-Данилевского вошли академики И.П.Бородин, В.И.Вернадский, М.А.Дьяконов, Н.П.Кондаков, В.М.Истрин, Ф.И.Успенский, Н.В.Насонов и А.А.Шахматов. Во время войны она направляла своих представителей для организации охраны памятников силами армии в зоне боевых действий.⁵²⁵ А.С.Лаппо-Данилевский принимал участие и в многочисленных текущих общественных акциях Академии. Характерен, например, эпизод, связанный с защитой Новгорода академиками Н.П.Кондаковым и А.С.Лаппо-Данилевским от строительства железной дороги, срочно возводившейся в военных целях в 1916 году.⁵²⁶

Весной — летом 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский по поручению общего собрания состоял в целом ряде комиссий и совещаний, к участию в которых Временное правительство привлекало Академию: от совещания по подготовке университетской реформы (май) до комиссии по приемке имущества Петроградского дворцового управления (август).⁵²⁷ В течение 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский участвовал и в разработке закона о воспрещении вывоза за границу художественных произведений.⁵²⁸

В 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский стал одним из основных инициаторов создания Российского союза ученых учреждений и высших учебных заведений. По определению А.С.Лаппо-Данилевского, целью союза должно было стать объединение сил ученых для «защиты их чисто научных внепартийных интересов, для обеспечения их автономии и нормальной работы от всяких случайностей».⁵²⁹

Важное место в деятельности А.С.Лаппо-Данилевского заняли междисциплинарные научные проекты. В сферу его научно-административной деятельности входило значительное число проектов в разных областях гуманитарного знания – истории, археологии, этнографии, музееведения, философии. Из наиболее значительных следует отметить попытку организации Института социальных наук.

Этот проект относился к 1917–1918 гг. На наш взгляд, он был ответом на тот колоссальный вызов, который предъявляла гуманитарной науке культурная и общественно-политическая ситуация. Идея заключалась в организации на базе Академии отдельного исследовательского центра по ряду направлений – социально-экономическому, социологии, права, государства и финансов. А.С.Лаппо-Данилевский в своем обращении к общему собранию Академии отметил, что такой институт «должен быть, прежде всего, чисто научным учреждением и иметь целью исследование социальных проблем, в особенности тех, которые выдвинуты... современной жизнью во всей их полноте и исторической связи». Таким образом, предлагая создать новую структуру, А.С.Лаппо-Данилевский, с одной стороны, подчеркивал ее внепартийность, с другой же стороны, надеялся на то, что будущий институт послужит принесению общественной пользы, преобразованию жизни посредством научной и культурной работы. В своем выступлении он подчеркнул, что «без научного руководства, без свечка знания ни общество, ни государственная власть не будут в силах найти правильные пути к решению самых насущных и неотложных практических задач, которые стоят на очереди».⁵³⁰

К организации института А.С.Лаппо-Данилевский привлек многих своих прежних сотрудников по различным научным предприятиям – Ф.И.Успенского, М.А.Дьяконова, Э.Д.Гримма, М.Я.Пергамента, В.М.Гессена, барона А.Э.Нольде, В.В.Степанова.⁵³¹

Для А.С.Лаппо-Данилевского реализация идеи организации Института социальных наук была важна не только для решения задачи сохранения российской научной культуры в годы потрясений, но и потому, что давала возможность утверждать его методологические идеи. Однако, как заметил С.Ф.Ольденбург, предложение А.С.Лаппо-Данилевского не было поддержано «комиссариатом».⁵³² Власть не была заинтересована в создании не подконтрольного ей научного института, тем более претендовавшего на то, чтобы предлагать ей «решения... практических задач».

А.Е.Пресняков отмечал, что А.С.Лаппо-Данилевский тяготился политической деятельностью.⁵³³ С.Ф.Ольденбург, описывая некоторые ее стороны, также посчитал необходимым указать, что А.С.Лаппо-Данилевский не был политиком.⁵³⁴ Общественно-политическая деятельность виделась ему, так же как и научная, как реализация выработанных им культурных идеалов.⁵³⁵ В то же время вряд ли могут быть сомнения в либеральных политических взглядах А.С.Лаппо-Данилевского. В круг близких знакомых А.С.Лаппо-Данилевского входил и опальный В.И.Семевский, которому А.С.Лаппо-Данилевский, пользуясь своим академическим званием, многократно оказывал административную поддержку.⁵³⁶

Революционные события 1905 г. подтолкнули А.С.Лаппо-Данилевского, как и многих других ученых, к участию в политической жизни страны. Вместе с большинством либеральных историков, начавших в это время свою политическую деятельность, А.С.Лаппо-Данилевский примкнул к кадетской партии, но в число ее видных деятелей никогда не входил. Возможно, это связано не только с его явным нежеланием заниматься политико-организационной деятельностью, но и с его непростыми отношениями с лидером партии П.Н.Милюковым, подвергшимся серьезному испытанию в начале 1890-х гг. после выхода книги последнего «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства».⁵³⁷

Начало политической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского связано с его участием в январе 1905 г. в составлении записки по вопросу о высшей школе.⁵³⁸ В записке, подписанной 342 ведущими отечественными учеными, была подвергнута резкой критике правительственная политика в области просвещения за ее «полицейский характер».⁵³⁹ С.Ф.Ольденбург отметил работу А.С.Лаппо-Данилевского в феврале 1905 г. в комиссии по вопросу о малорусском языке.⁵⁴⁰ В докладе, подготовленном комиссией и одобренном общим собранием, отстаивалось право украинского народа «говорить публично и печатать на родном языке».⁵⁴¹ В числе основных общественно-политических мероприятий, в которых в годы первой русской революции принимал участие А.С.Лаппо-Данилевский, следует назвать и составление в марте 1905 г. от имени Академии записки о свободе слова. В докладе по этому вопросу, подготовленном А.С.Лаппо-Данилевским совместно с академиком А.А.Шахматовым для общего собрания, говорилось: «Наша печать нуждается не в облегчениях, она нуждается в точном определении своих прав и отношений к закону. Это может быть достигнуто только коренным пересмотром всего цензурного устава, а прежде всего признанием главного, неотъемлемого права печати, права на свободу».⁵⁴²

Пиком политической карьеры А.С.Лаппо-Данилевского было его избрание от Академии в Государственный совет в 1906 г., где он выступал как последовательный сторонник либеральных идей, которые были связаны с его представлениями о культурно-этических задачах, стоящих перед русским и европейским обществом. С этих позиций он настаивал на раскрепощении малорусского языка, требовал отмены смертной казни и полной амнистии участникам революционных событий 1905–1906 гг.⁵⁴³ Уже современники воспринимали деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Государственном совете не столько как политическую, сколько как общественно-культурную. В 1906 г. Н.Д.Чечулин в письме к нему замечал: «Вы знаете, я думаю, что программе к[онституционно]-д[емократической] партии я не сочувствую и что иные приемы ее как партии не вполне одобряю. Но это несколько не мешает мне питать твердое убеждение, что участие в [политических. – Е.Р.] делах людей как Вы, Ключевский или Шахматов принесут большую пользу нашей... несчастной и истерзанной... родине».⁵⁴⁴

Добровольно покинув в 1906 г. Государственный совет, А.С.Лаппо-Данилевский на десять лет отошел от прямого участия в политике и вновь

оказался вовлеченным в нее только в 1917 г. с началом второй русской революции. В августе 1917 г. он был избран от Академии членом Государственного совещания в Москве и Особого совещания для изготовления положения о выборах в Учредительное собрание.⁵⁴⁵ А.С.Лаппо-Данилевский был одним из основных организаторов движения протеста против октябрьского переворота в Петрограде, которое развернулось в стенах Академии осенью 1917 г. 18 ноября 1917 г. было созвано экстраординарное заседание общего собрания. Поясняя причину его созыва, президент Академии А.П.Карпинский указал на то, что «происшедшие события угрожают стране гибелью, и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое время». Дискуссия, развернувшаяся затем, выявила разные точки зрения относительно того заявления, которое Академия намеревалась принять. Собранием была избрана комиссия с тем, чтобы подготовить к следующему заседанию согласованный проект. В эту комиссию вошли А.А.Шахматов, А.С.Лаппо-Данилевский, С.Ф.Ольденбург, М.А.Дьяконов, Н.С.Курнаков и М.И.Ростовцев.⁵⁴⁶ Подготовленный ими текст постановления был зачитан на следующем заседании А.С.Лаппо-Данилевским (по практике, принятой в Академии, текст таких совместных проектов обычно представлял основной автор) и одобрен общим собранием. Текст заявления начинался словами: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства». Выдержанное в таком духе заявление заканчивалось обещанием Академии «всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую Свободная Россия возлагает на Учредительное собрание».⁵⁴⁷ Через несколько дней А.С.Лаппо-Данилевский стал инициатором и автором⁵⁴⁸ аналогичного по духу «Воззвания ученых Петрограда».⁵⁴⁹ Несмотря на столь категоричную позицию по отношению к новому режиму, уже в марте 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский стал сотрудничать с представителями СНК в РАД и Главном управлении архивным делом, подчинив политические пристрастия задачам культурной работы.

В 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский предпринимал усилия для освобождения из заключения в ЧК великого князя Николая Михайловича.⁵⁵⁰ С ним А.С.Лаппо-Данилевского связывали долгие личные и профессиональные отношения, почти 20 лет совместной работы в историко-филологическом отделении Академии и несколько лет научного сотрудничества в РИО. Именно А.С.Лаппо-Данилевский, не занимая административных должностей в Академии, выступил от ее имени в защиту великого князя. Он написал в СНК письмо⁵⁵¹ от имени Академии с просьбой освободить «одного из ее почетных членов», «давно известного своими плодотворными трудами на пользу русской науки».⁵⁵² Из письма видно, что А.С.Лаппо-Данилевский специально собирал сведения о тех испытаниях, которые выпали на долю великого князя после прихода к власти большевиков, в письме подробно излагается «тюремная эпопея» великого князя Николая Михайловича. В то же время тон письма политически нейтрален, все внимание привлечено к научным заслугам арестованного, письмо составлено не в виде протеста, а скорее как деловая записка с обо-

снованием необходимости освобождения великого князя и с приложением списка его научных трудов.

А.Е.Пресняков отмечал, что А.С.Лаппо-Данилевский был «носителем высоких культурных ценностей» и посвятил жизнь борьбе за их воплощение.⁵⁵³ Действительно, разные сферы его общественной деятельности объединяет борьба за культуру. При этом научная работа органически воспринималась академиком как часть этой борьбы. Как и другие либеральные историки, А.С.Лаппо-Данилевский полагал, что в конце XIX в. Россия вошла в эпоху торжества «идеи личности», с этой точки зрения политические выступления ученого были логическим выражением его культурной позиции и историософских взглядов. Поэтом Отябрь 1917 г. и последовавшие за ним события были восприняты ученым как катастрофа, разрушившая национальную культуру и науку. Академик М.И.Ростовцев писал об А.С.Лаппо-Данилевском: «Он умер гордый и замкнутый, в глубокой тоске по гибнущей родине».⁵⁵⁴ До последних дней А.С.Лаппо-Данилевский продолжал жить в мире высоких культурных ценностей. П.А.Сорокин, навестивший академика за день до смерти, вспоминал: «<...> лежа в больничной койке, этот умирающий человек читал “Феноменологию духа” Гегеля. “Никогда не было времени внимательно протудировать ее, — прошептал он.— Начну сейчас”. На следующий день он скончался».⁵⁵⁵

6. «Русский европеец»

Важной сферой академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского была его активность на международном поприще с целью интеграции сил европейской исторической науки. Международное научное общение он воспринимал как важный элемент культурной интеграции, которая, с точки зрения его историософской концепции, должна была стать будущим Европы. Для А.С.Лаппо-Данилевского было исключительно важным общение с зарубежными коллегами как для того, чтобы оставаться в курсе последних научных достижений, так и для доведения своих собственных идей до мировой научной аудитории. А.С.Лаппо-Данилевский взял на себя организацию участия русских историков в международных исторических конгрессах, а также выдвинул идею и возглавил работу по организации такого конгресса в Санкт-Петербурге.

Хотя А.С.Лаппо-Данилевский и отсутствовал на Римском историческом конгрессе 1903 года, он был одним из тех, кто поднял в Академии вопрос о реализации важного предложения, прозвучавшего на конгрессе, — об организации непосредственного обмена книгами и рукописями между крупнейшими мировыми библиотеками и научными учреждениями.⁵⁵⁶

А.С.Лаппо-Данилевский возглавлял делегации российских историков на конгрессах в Берлине в 1908 г. и в Лондоне в 1913 г.⁵⁵⁷ Свой отчет о берлинском конгрессе А.С.Лаппо-Данилевский использовал для оценки современного состояния европейской исторической науки. С точки зрения А.С.Лаппо-Данилевского, конгресс показал «связь истории культу-

ры с детальными филологическими исследованиями», зависимость общей истории от истории юридических институтов, рост значения исторической географии, дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин. Он также солидаризировался с рядом историко-теоретических идей Р.Эйслера, К.Брейзинга и К.Лампрехта, которые были созвучны отдельным положениям его «Методологии истории». ⁵⁵⁸ Тем самым А.С.Лаппо-Данилевский в международном научном общении находил аргументы в подтверждение развиваемого им и его школой научного направления.

На лондонском конгрессе ⁵⁵⁹ в апреле 1913 г. ведущей мыслью, высказанной руководителем российской делегации, была идея универсальности и призыв к объединению научной мысли. Это была не просто парадная фраза, ⁵⁶⁰ она отражала понимание А.С.Лаппо-Данилевским цели таких форумов. Он был избран почетным вице-президентом лондонского конгресса ⁵⁶¹ и сделал доклад, в котором кратко сформулировал свою концепцию национальной истории ⁵⁶² и тем самым привлек к ней внимание мировой научной элиты.

В 1913 г. было решено, хотя и не без колебаний, проводить следующий конгресс (IV) в 1918 г. в Санкт-Петербурге; заслуга А.С.Лаппо-Данилевского состояла в том, что он сумел их преодолеть.

А.С.Лаппо-Данилевский, по сути, формировал по поручению Академии состав российских делегаций на международные конгрессы. Хотя они и не были «академическими», последнее слово оставалось за Академией. Делегации включали в себя в основном специалистов по всеобщей истории, представлявших школу В.Г.Васильевского, поэтому школа С.Ф.Платонова на конгрессах представлена не была. Так, от русистов в конгрессе 1913 г. участвовали только Н.П.Лихачев, С.М.Середонин и сам А.С.Лаппо-Данилевский. Не исключено, что это вызвало недовольство не приглашенного С.Ф.Платонова. Показательно, что П.Г.Виноградов, отвечавший при проведении Лондонского конгресса за приглашение русских историков, полагался на мнение А.С.Лаппо-Данилевского, прося его перечислить «ученые организации», которые должны быть представлены от России на съезде. ⁵⁶³ Естественным результатом этого обращения стало то, что делегацию составили в основном представители Академии (русская история) и Санкт-Петербургского университета (всеобщая история).

Особый интерес с точки зрения отношений в среде петербургских историков представляют материалы о подготовке IV Международного конгресса историков в Санкт-Петербурге. ⁵⁶⁴ Распределение обязанностей по его организации на годы вперед проводилось осенью 1913 года на созываемых А.С.Лаппо-Данилевским «частных совещаниях» петербургских историков. На первое совещание (17 ноября 1913 г.) он пригласил В.В.Бартольда, графа А.А.Бобринского, А.А.Васильева, И.М.Гревса, Э.Д.Гримма, М.А.Дьяконова, С.А.Жебелева, Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского, Н.Я.Марра, П.П.Митрофанова, С.Ф.Ольденбурга, М.И.Ростовцева, Б.А.Тураева, Б.В.Фармаковского. ⁵⁶⁵ Задачами таких совещаний были прежде всего выработка решений предстоящего предварительного исторического съезда, который должен был определить программу и состав

органов международного конгресса. ⁵⁶⁶ На самих совещаниях был определен еще более узкий круг организаторов — А.С.Лаппо-Данилевский, Н.И.Кареев, М.И.Ростовцев. ⁵⁶⁷ Они подготовили для частного совещания проекты основных решений — о руководителях предварительного съезда (А.С.Лаппо-Данилевский, А.Е.Пресняков, Л.П.Карсавин), о составе исполнительного, финансового и приемного комитетов, причем отдельно было оговорено, кто из присутствующих с кем вступит в «соглашение» с целью привлечения к работе конгресса. На совещании 1 декабря 1913 г., в частности, был зафиксирован отказ «профессора Платонова [сославшегося на занятость. — *Е.Р.*], намеченного в члены Исполнительного комитета», участвовать в нем. ⁵⁶⁸ А.С.Лаппо-Данилевским, возможно при участии Н.И.Кареева и М.И.Ростовцева, был составлен список организаций и лиц, в будущем намеченных для участия в организации международного конгресса. ⁵⁶⁹ В первой половине декабря 1913 г. ход будущего предварительного съезда русских историков детально прорабатывается указанной группой. Работа принесла плоды: на съезде (18–20 декабря 1913 г.), представляющем историков со всех концов страны, был избран исполнительный комитет в составе, определенном на частных совещаниях 17 ноября и 1 декабря 1913 г. В число членов комитета были избраны А.К.Байлов, В.В.Бартольд, Н.Н.Глубоковский, И.М.Гревс, М.А.Дьяконов, Н.И.Кареев, М.М.Ковалевский, А.С.Лаппо-Данилевский (председатель), С.Ф.Ольденбург, А.Е.Пресняков (секретарь), С.В.Рождественский, М.И.Ростовцев. ⁵⁷⁰

Составленная А.С.Лаппо-Данилевским программа намечавшегося международного конгресса отличалась от программы Лондонского и отражала, в частности, и его личные методологические и историософские взгляды на содержание исторической науки. Она состояла из шести основных пунктов: I. Теория и техника исторической науки. II. Антропология. Этнология. Доисторическая археология. III. Древний Восток и Греко-Римский мир. IV. История Западной Европы с ее колониями. V. История Восточной Европы (с подсекцией по русской истории). VI. История духовной культуры. VII. История права и хозяйства. ⁵⁷¹ Вплоть до середины 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский продолжал деятельность по организации конгресса, не оставляя надежды на его проведение. Огромная работа, переписка с иностранными учеными, русскими научными и правительственными учреждениями свидетельствует о том, что это была одна из основных задач ученого в последние годы жизни.

С середины 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский активно участвовал в деятельности Международного союза академий. Весной 1910 г. он вместе с К.Г.Залеманом представлял ИФО на общем собрании Международного союза академий в Риме. ⁵⁷² В 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский был одним из организаторов подобного собрания в Санкт-Петербурге. Будучи его секретарем, он руководил и исторической секцией съезда. ⁵⁷³ В рамках Союза академий А.С.Лаппо-Данилевский представлял Россию и в ряде международных научных издательских проектов. Наиболее крупными из них были издание полного собрания сочинений Г.В.Лейбница и издание списка судов, проходивших через Зунд в XV–XVII вв. Их подготовка (ос-

новными центрами которой были академии Германии и Дании) шла много лет, на протяжении которых А.С.Лаппо-Данилевский наводил справки в русских архивах по темам этих изданий и организовывал участие Российской Академии наук в их финансировании.⁵⁷⁴ В годы Первой мировой войны ученый не поддавался волне национализма — А.С.Лаппо-Данилевский в числе других академиков протестовал против исключения «неприятельских подданных» из ее состава в 1914 г.⁵⁷⁵

А.С.Лаппо-Данилевский был представителем Академии на юбилеях Женевского и Берлинского университетов. В приветственной речи от имени Академии, произнесенной на 350-летнем юбилее Женевского университета (июль 1909 г.),⁵⁷⁶ он, по-видимому, пытался развивать одно из своих ключевых теоретических положений о том, что «методология науки конструируется с теоретико-познавательной, а не с психогенетической точки зрения».⁵⁷⁷ В выступлении на столетнем юбилее Берлинского университета (сентябрь 1910 г.)⁵⁷⁸ А.С.Лаппо-Данилевский основное внимание обратил на влияние немецкой исторической науки на становление науки в России.⁵⁷⁹

В 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский как представитель Академии был участником еще нескольких международных мероприятий: например, он участвовал в организации Французского института,⁵⁸⁰ Общества Английского флага,⁵⁸¹ председательствовал в отделе культурных связей Русско-Английского общества,⁵⁸² начал подготовку издания по русской истории на английском языке.⁵⁸³ Он стал довольно известной фигурой в западном научном мире. В 1916 г. А.С.Лаппо-Данилевский возглавил группу русских историков, отправившихся читать цикл лекций в Кембриджском университете, где ему в числе других была присвоена докторская степень (*honoris causa*).⁵⁸⁴ В это время на Западе стали печататься его концептуальные статьи по русской истории, получает известность его «Методология истории».

Значение имели и многочисленные личные контакты А.С.Лаппо-Данилевского с западными коллегами. По словам Г.В.Вернадского, «А.С.Лаппо-Данилевский был живой связью с русской исторической наукой» для ученых Европы и Америки. «Когда кто-либо из иностранных ученых приезжал в Россию для занятий в архивах и библиотеках, — писал Г.В.Вернадский, — он прежде всего обращался в Академию наук к Лаппо-Данилевскому, и тот налаживал нужные ему знакомства с русскими коллегами и учеными учреждениями».⁵⁸⁵ О впечатлении, которое А.С.Лаппо-Данилевский произвел на одного из своих гостей — американского историка Ф.А.Голдера, можно судить по записи в его дневнике (1914 г.): «Профессор Лаппо-Данилевский один из редких ученых в мире. Он необычайно хорошо подготовлен лингвистически для своих исторических штудий; и он не только говорит на ряде современных языков, но и пишет на них. Он очень много читал мировой литературы, он знает музыку и приветствует искусство. Быть в его компании — это образование и восхищение».⁵⁸⁶

Таким образом, можно указать на несколько основных задач, решаемых А.С.Лаппо-Данилевским в ходе его международной деятельности.

Во-первых, организация участия представителей русской науки в ряде важных европейских научных мероприятий, что способствовало усилению ее влияния. Во-вторых, интеграция международной научной деятельности (организация совместных научных работ, упрощение обмена научной информацией и укрепление международного научного общения). В-третьих, утверждение своих научно-методологических взглядов на международном научном уровне. Поэтому можно предположить, что и деятельность на международном поприще была для А.С.Лаппо-Данилевского в какой-то мере частью того строительства системы исторического знания, которому он посвятил себя.

Итак, в основе парадигмы, отстаиваемой А.С.Лаппо-Данилевским, было стремление представить историческое знание как строгую науку со строгой системой методов и четкой структурой. Органичной частью методологии истории является система источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского, которая, в свою очередь, выступает как теоретическая основа для разработки специальных дисциплин. «Методология источниковедения» стала основой для работ А.С.Лаппо-Данилевского и его школы в области дипломатики, сфрагистики и археографии. Методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского предопределили формулирование им концепции национальной истории России, во многом даже характер его научно-организационной и административной деятельности.

Организационной основой «теоретического направления» петербургской школы стала корпорация учеников А.С.Лаппо-Данилевского, а материальной базой историко-филологическое отделение Академии наук. В этой связи закономерным выглядит постоянное расширение А.С.Лаппо-Данилевским сферы своей академической деятельности. Если на первом этапе (до 1903 г.) она ограничивалась издательской, археографической и рецензионной работой, то затем ее границы стали расширяться. С 1903—1904 гг. стала активно развиваться архивная деятельность ученого. Революционный подъем 1905—1907 гг. способствовал началу общественно-политической активности А.С.Лаппо-Данилевского. Со второй половины 1900-х гг. для академика все большее значение имела международная научная работа.

Расширение общего горизонта академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского шло параллельно с углублением работы ученого по ее отдельным направлениям. С каждым годом все большее число ведущих представителей российской исторической науки и других социальных наук принимали участие в его академических проектах.

Постепенно в орбиту своих академических занятий А.С.Лаппо-Данилевский включал научные предприятия, начатые в других учреждениях (семинар по дипломатике в Санкт-Петербургском университете, Комиссия по изданию трудов графа Сперанского — в Историческом обществе). Таким образом, значение Академии в научной судьбе ученого возрастало.

А.С.Лаппо-Данилевский последовательно решал задачи того научно-го направления, о принадлежности к которому заявил, вступая в Акаде-

мию в 1900 г. Его главной целью было конструирование истории как строгой науки. Созданию теоретической основы такой науки А.С.Лаппо-Данилевский посвятил свои работы по методологии исторического знания. Академия наук стала центром становления школы А.С.Лаппо-Данилевского, распространения и утверждения его подходов в науке и той материальной базой, которая была необходима для воплощения в жизнь его идей и планов. Утверждение и распространение методологических подходов А.С.Лаппо-Данилевского протекало в различных формах его академической деятельности: составление археографических правил, рецензирование работ, представленных в Академию, записки о научной деятельности русских и зарубежных ученых, даже составление некрологов. Важно подчеркнуть, что методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского находились в прямой связи с его историософской концепцией. А.С.Лаппо-Данилевский в полной мере использовал возможности Академии как для «пропаганды» своей методологии, так и для активизации изучения «ключевых», с его точки зрения, периодов национальной истории.

Работа над созданием материальной базы «строгой науки» включала в себя следующие основные направления: 1) организация архивоведения и архивного дела как необходимого фундамента исторической науки; 2) на основе конкурсно-премиальной системы Академии поддержка и поощрение работ, методологически близких А.С.Лаппо-Данилевскому, поощрение исследований по предметам, важным, с его точки зрения, для развития науки; 3) подготовка научно-критических изданий юридических памятников русской истории «ключевого периода»; 4) организация серии работ по актовым источникам и институционализация школы А.С.Лаппо-Данилевского при Академии; 5) институционализация социологии и поощрение междисциплинарных исследований; 6) международная научная интеграция на базе Академии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Состав публикаций «Методологии истории»: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910. Ч.1. Издание включает в себя введение и два отдела первой части: 1) Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения, 2) Построение теории исторического знания с идиографической точки зрения. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. II. Издание включает в себя третий отдел первой части (Объект исторического познания) и первый отдел второй части (Методология источниковедения). *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории // ЖМНП. 1917. № 11-12. Издание включает в себя переработанный и расширенный вариант начала первого отдела первой части (Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения). *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // ИАН. 1918. VI серия. Т. XII, № 5; *он же.* Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // ИАН. 1919. VI серия. Т. XII, № 6, 7, 9, 11, 13; *он же.* Методология истории. Пг., 1923. Вып. I. Издание включает в себя переработанный и расширенный вариант начала первого отдела первой части (Введение; Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения). *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908-1909 акад. году. Литография. [СПб., 1909]. Издание включает в себя второй отдел второй части (Методология исторического построения). В данный перечень не вошли литографированные публикации курсов лекций, кроме последнего раздела «Методологии истории», не увидевшего свет в типографском варианте.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С. 338-342.

³ Там же. С. 348.
⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1923. Вып. I. С. 6.
⁵ Там же. С. 16.
⁶ Там же. С. 22-24.
⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 290-294.
⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1923. Вып. I. С. 27.
⁹ Там же. С. 28.
¹⁰ См. главу 3.
¹¹ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 69-111, 178-220; *он же.* Методология истории. 1923. Вып. I. С. 30-269.
¹² Там же. С. 31.
¹³ Там же. С. 94-95.
¹⁴ Там же. С. 105-106.
¹⁵ Там же. С. 113-119.
¹⁶ Там же. С. 119.
¹⁷ Там же. С. 130-132.
¹⁸ Там же. С. 155-157.
¹⁹ Там же. С. 158-162.
²⁰ Там же. С. 163-167.
²¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 112-167.
²² Там же. С. 113-114.
²³ Там же. С. 114-118.
²⁴ Там же. С. 118-119.
²⁵ Там же. С. 119-127.
²⁶ Там же. С. 128-129.
²⁷ Там же. С. 128-135.
²⁸ Там же. С. 136.
²⁹ Там же. С. 139-158.
³⁰ Там же. С. 139.
³¹ Там же. С. 140-144.
³² Там же. С. 144-148.
³³ Там же. С. 173.
³⁴ Там же. С. 155.
³⁵ Там же. С. 176.
³⁶ Там же. С. 165-173.
³⁷ Там же. С. 178-291.
³⁸ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1923. Вып. I. С. 30-269; *он же.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 69-111, 178-220.
³⁹ Там же. С. 189-190.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же. С. 201.
⁴² Там же. С. 203.
⁴³ См.: Там же. С. 209-222.
⁴⁴ Там же. С. 214-215.
⁴⁵ Там же. С. 218.
⁴⁶ Там же. С. 226.
⁴⁷ Там же. С. 231.
⁴⁸ Там же. С. 233-238.
⁴⁹ Там же. С. 239.
⁵⁰ Там же. С. 242.
⁵¹ Там же. С. 244-247.
⁵² См.: *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903; *он же.* Философия истории. СПб., 1908.
⁵³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 253.
⁵⁴ Там же. С. 276-277.
⁵⁵ Там же. С. 278.
⁵⁶ Там же. С. 279-281.
⁵⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С. 293-335.
⁵⁸ Там же. С. 315-318.
⁵⁹ Там же. С. 322.
⁶⁰ Там же. С. 329-331.
⁶¹ Там же. С. 338-342.
⁶² Там же. С. 347.
⁶³ Там же. С. 357-358.
⁶⁴ Там же. С. 375.

- ⁶⁵ Там же. С.409.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Там же. С.411-414.
⁶⁸ Там же. С.424-429.
⁶⁹ См.: Там же. С.437-442,453-454.
⁷⁰ Там же. С.443-453.
⁷¹ Там же. С.464.
⁷² Там же. С.488.
⁷³ См.: Там же. С.493-502.
⁷⁴ Там же. С.503.
⁷⁵ Там же. С.521.
⁷⁶ Там же. С.524.
⁷⁷ Там же. С.531.
⁷⁸ Там же. С.555-558.
⁷⁹ Там же. С.563-572.
⁸⁰ Там же. С.588-595.
⁸¹ Там же. С.580-584.
⁸² Там же. С.600.
⁸³ Там же. С.610-617.
⁸⁴ См.: Там же. С.648-653.
⁸⁵ См.: Там же. С.676-748.
⁸⁶ См.: Там же. С.765-796.
⁸⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения.
⁸⁸ ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. Д.268 («Методология истории». Отд.2. Методология исторического построения факта); Д.271 («Методология истории». Отд.2. Построение причинно-следственных связей); Д.286 («Методология истории». Отд.2. О методологии исторического построения); Д.272 («Методология истории». Построение исторических групп и группировка исторических фактов); Д.274 («Методология истории». Построения исторического ряда); Д.275 («Методология истории». Построение исторического целого); Д.287 («Методология истории». Построение состояния культуры. Статистический метод понятия об историческом целом).
⁸⁹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. Д.268. Л.3,31.
⁹⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. С.8-9.
⁹¹ Там же. С.37-64.
⁹² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.319-330.
⁹³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. С.54-64.
⁹⁴ Там же. С.64-65.
⁹⁵ Там же. С.66-70.
⁹⁶ Там же. С.73-78.
⁹⁷ Там же. С.78.
⁹⁸ Там же. С.93.
⁹⁹ Там же. С.92-99.
¹⁰⁰ См.: Там же. С.101-137.
¹⁰¹ Там же. С.118-120.
¹⁰² Там же. С.120-126.
¹⁰³ Там же. С.126-137.
¹⁰⁴ См.: Там же. С.138-222.
¹⁰⁵ Там же. С.139-142.
¹⁰⁶ Там же. С.145-148.
¹⁰⁷ Там же. С.154.
¹⁰⁸ См.: Там же. С.159.
¹⁰⁹ Там же. С.159-161.
¹¹⁰ Там же. С.170.
¹¹¹ Там же. С.170-171.
¹¹² Там же. С.188.
¹¹³ Там же. С.194-196.
¹¹⁴ Там же. С.167-169,208-212.
¹¹⁵ Там же. С.167-169,212-215.
¹¹⁶ См.: Там же. С.194-196.
¹¹⁷ Там же. С.215-216,218.
¹¹⁸ Там же. С.217.
¹¹⁹ Там же. С.220-221.
¹²⁰ Там же. С.221-222.

- ¹²¹ Там же. С.224-227.
¹²² Там же. С.227-229.
¹²³ Там же. С.227-229.
¹²⁴ Там же. С.232-233.
¹²⁵ Там же. С.233-235.
¹²⁶ Там же. С.235-238.
¹²⁷ Там же. С.238-239.
¹²⁸ См.: Там же. С.239-249.
¹²⁹ Там же. С.239.
¹³⁰ Там же. С.240.
¹³¹ Там же. С.242.
¹³² Там же. С.243.
¹³³ Там же. С.242.
¹³⁴ Там же. С.246.
¹³⁵ Там же. С.249.
¹³⁶ Там же. С.249.
¹³⁷ См. главы 1 и 3.
¹³⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С.579.
¹³⁹ См.: *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С.579-581.
¹⁴⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // Полис. 1994. № 1. С.178.
¹⁴¹ См.: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [С]Пб., 1922. С.91-94.
¹⁴² *Лаппо-Данилевский А.С.* Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища СПб., 1902. Ч. I. С.87-101. Заслуживает внимания факт критического отношения к «Материалам...» С.Ф.Платонова, зафиксированный А.Е.Пресняковым (см.: Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.96. Л.21 об.).
¹⁴³ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ.1920. Кн.6. С.128-131.
¹⁴⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Материалы для общеобразовательного курса... С.89.
¹⁴⁵ Там же. С.98.
¹⁴⁶ *Валк С.Н.* Рец. на: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // КР. 1920. № 2. С.39.
¹⁴⁷ *Цвибак М.М.* Заключительное слово [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931г.] // ПМ. 1931. № 3. С.122.
¹⁴⁸ *Черепнин Л.В.* А.С.Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С.47.
¹⁴⁹ См. главу 1.
¹⁵⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С.49.
¹⁵¹ Там же. С.42-46.
¹⁵² Там же. С.50-51.
¹⁵³ Там же. С.145-150.
¹⁵⁴ Там же. С.139-145.
¹⁵⁵ *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834–1929). СПб., 1998. С.89,103.
¹⁵⁶ Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.
¹⁵⁷ Там же. С.3-7.
¹⁵⁸ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. С.126-130.
¹⁵⁹ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.464.
¹⁶⁰ Правила издания грамот Коллегии экономии. С.7-20.
¹⁶¹ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.475-477. Ср.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. С.147.
¹⁶² Правила издания грамот Коллегии экономии. С.20-30.
¹⁶³ Там же. С.24-25. Однако в издании грамот Коллегии экономии, вышедшем в свет после смерти А.С.Лаппо-Данилевского, обязательное согласно «Правилам...» членение грамот на клаузулы проведено не было (см.: Сборник грамот Коллегии экономии. [С]Пб., 1922. Т. I. Грамоты Двинского уезда; Л., 1929. Т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов).
¹⁶⁴ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.580.
¹⁶⁵ Правила издания грамот Коллегии экономии. С.30-34.
¹⁶⁶ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.564-571.
¹⁶⁷ Правила издания грамот Коллегии экономии. С.34-38.
¹⁶⁸ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.437-442.
¹⁶⁹ Правила издания грамот Коллегии экономии. С.38-42.
¹⁷⁰ См. главу 3.

- ¹⁷¹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ 1920. Кн.6. С.60-61.
- ¹⁷² Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990.
- ¹⁷³ Клибанов А.И. А.С.Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. С.272.
- ¹⁷⁴ В числе этих работ А.С.Лаппо-Данилевского А.И.Клибанов называл «Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв.» (СПб., 1895), «Очерк внутренней политики Екатерины II» (СПб., 1898), «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» (СПб., 1899), «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» (СПб., 1905) (см.: Клибанов А.И. Указ. соч. С.271-272).
- ¹⁷⁵ См. Шилов А.А., Андреев А.И. Список трудов А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн.6. С.7-37.
- ¹⁷⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. СПб., 1905.
- ¹⁷⁷ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. С.11.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ См.: Ключевский В.О. Дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч. В 9-ти т. М., 1990. Т.9. Материалы разных лет. С.347-348. Ср.: Нечкина М.В. В.О.Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С.533-534.
- ¹⁸⁰ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Указ. соч. С.11.
- ¹⁸¹ См.: Шилов А.А., Андреев А.И. Лекции и практические занятия А.С.Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890—1918 гг. // РИЖ. 1920. Кн.6. С.42. О составе публикаций «Методологии истории» см. примечание 1 к данной главе.
- ¹⁸² Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Указ. соч. С.11.
- ¹⁸³ См. раздел «Методология истории», связанный с историческим построением: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения.
- ¹⁸⁴ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. С.17-24.
- ¹⁸⁵ Там же. С.21
- ¹⁸⁶ Там же. С.18
- ¹⁸⁷ См. Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.91-94.
- ¹⁸⁸ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. С.19.
- ¹⁸⁹ Там же. С.20
- ¹⁹⁰ Там же. С.24.
- ¹⁹¹ См.: Там же. С.22-23.
- ¹⁹² Там же. С.22-23.
- ¹⁹³ Там же. С.23.
- ¹⁹⁴ Там же. С.24.
- ¹⁹⁵ Там же. С.21.
- ¹⁹⁶ См.: Ростовцев Е.А. [Предисловие] / Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С.357.
- ¹⁹⁷ Полное оглавление книги А.С.Лаппо-Данилевского см.: Сидоров Н.И., Чаев Н.С. Краткаяпись рукописей А.С.Лаппо-Данилевского, хранящихся в библиотеке Академии наук СССР // Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С.44-46.
- ¹⁹⁸ Часть I. Отделы I, II (Сидоров Н.И., Чаев Н.С. Указ. соч. С.44).
- ¹⁹⁹ Часть I. Отдел III; Части II и III (Сидоров Н.И., Чаев Н.С. Указ. соч. С.44-46).
- ²⁰⁰ См.: Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. и рукопись в ПФА РАН. (Ф.113. Оп.1. Д.68-85).
- ²⁰¹ Лаппо-Данилевский А.С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников. СПб., 1906.
- ²⁰² См.: Ростовцев Е.А. Деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып.1. С.163.
- ²⁰³ Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С.719-764.
- ²⁰⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа. С.719-739.
- ²⁰⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1913. Вып. II. С.488.
- ²⁰⁶ Там же. С.524
- ²⁰⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа. С.739-764.
- ²⁰⁸ Там же. С.741.
- ²⁰⁹ Там же.

- ²¹⁰ Там же. С.742.
- ²¹¹ Там же. С.743.
- ²¹² Там же. С.744.
- ²¹³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1913. Вып. II. С.493-502.
- ²¹⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа. С.720.
- ²¹⁵ Там же. С.758.
- ²¹⁶ Там же. С.746.
- ²¹⁷ Там же. С.748-749.
- ²¹⁸ Там же. С.758.
- ²¹⁹ Там же. С.764.
- ²²⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1913. Вып. II. С.493-502.
- ²²¹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов.
- ²²² См.: Там же. С.139-145.
- ²²³ См.: Там же. С.145-157.
- ²²⁴ См.: Там же. С.174-175.
- ²²⁵ Там же. С.175-177.
- ²²⁶ Пресняков А.Е. А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн.6. С.86.
- ²²⁷ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.128.
- ²²⁸ В ПФА РАН хранится рукопись И.М.Гревса «Материалы к биографии В.Г.Васильевского» (Ф.776. Оп.1. Д.22), где он в подробностях описывает обстоятельства избрания А.С.Лаппо-Данилевского и связанные с этим хлопоты В.Г.Васильевского (Л.256,257). Благодарю за указание на эту информацию Д.Н.Шилова.
- ²²⁹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.69.
- ²³⁰ Цит. по: Гревс И.М. Материалы к биографии В.Г.Васильевского // ПФА РАН. Ф.776. Оп.1. Д.22. Л.256.
- ²³¹ Там же. Л.257.
- ²³² Отчет о шестом присуждении Академией наук премии митрополита Макария, читанный на публичном заседании Академии наук, 19 сентября 1895 года, академиком Н.Ф.Дубровиним // Отчет о шестом присуждении премии митрополита Макария в 1895 году. СПб., 1897. С.29.
- ²³³ Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО. 1899. VIII серия. Т.IV, № 3. С.3-18. (отд. отд.: СПб., 1900); ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.51.
- ²³⁴ Отчет о сорок первом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1901. VIII серия. Т.V, № 1.
- ²³⁵ См.: Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО. 1899. VIII серия. Т.IV, № 3. С.7-8.
- ²³⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на: Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893 // ЖМНП. 1895. № 12. С.343-397 отд. паг.; он же. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. // ЖМНП. 1898. № 12. С.306-366 отд. паг.; 1899. № 2. С.371-436 отд. паг.; он же. Отзыв о сочинении Н.Н.Оглобина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)». М., 1898. Ч.II. Документы таможенного управления // Записки АН по ИФО. 1899. Т.IV, № 3. С.318. Все указанные работы вышли отдельными изданиями.
- ²³⁷ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.51. Л.2,5-7.
- ²³⁸ Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова // ИАН. 1898. V серия. Т.IX. С.296; Отчет о сорок первом присуждении наград гр. Уварова // Там же. 1899. V серия. Т.XI. С.116; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.51. Л.7.
- ²³⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1899 г. СПб., 1900. § 152.
- ²⁴⁰ Веселовский К.С., Латышев В.В., Янжул И.И., Дубровин Н.Ф. Записка об ученых трудах профессора Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний ИФО АН за 1899 г. Приложение III к протоколу заседания ИФО 15 сентября 1899 г. См. также: 1899 // Летопись Российской Академии наук. В 4-х т. СПб., 2003. Т.III. 1861—1900. С.602.
- ²⁴¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1899 г. § 163.
- ²⁴² Протоколы заседаний общего собрания имп. Академии наук за 1899 г. СПб., 1900. § 169 (далее — Протоколы заседаний ОС АН).
- ²⁴³ Протоколы заседаний ОС АН за 1899 г. § 197. См. также: 1899 // Летопись Российской Академии наук. Т.III. 1861—1900. С.607.
- ²⁴⁴ Протоколы заседаний ОС АН за 1900 г. СПб., 1901. § 4. О высочайшем приказе А.С.Лаппо-Данилевский был официально проинформирован только 14 января 1900 г., накануне того первого заседания общего собрания Академии, в котором он принимал участие (ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.10. Л.5). См. также: 1900 // Летопись Российской Академии наук. Т.III. 1861—1900. С.609.
- ²⁴⁵ Протоколы заседаний ОС АН за 1900 г. § 4.
- ²⁴⁶ См.: Список действительных членов имп Академии наук, умерших с 1889 г. // Памятная книжка имп. Академии наук на 1903 г. СПб., 1903. С.64-70; Bulletin de l'academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. 1886. T.XXX. P.2; 1887. T.XXXI. P.2; 1888. T.XXXII. P.2; Список членов имп. Академии наук, 1725-1907 /Сост. Б.Л.Молзалецкий. СПб., 1908.
- ²⁴⁷ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.10. Л.6-7. Текст датирован 12 января 1900 г. Возможно, что он был зачитан А.С.Лаппо-Данилевским на общем собрании Академии 15 января 1900 г.
- ²⁴⁸ Олденбурге С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн.6. С.164.

- ²⁴⁹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.25.
- ²⁵⁰ См. *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып. I. С.128-165.
- ²⁵¹ Выдвижение кандидатуры А.С.Лаппо-Данилевского в ИФО — 9 января 1902 г.; баллотировка в отделение (единогласно) — 6 февраля 1902 г.; представление в общем собрании — 2 марта 1902 г.; баллотировка в общем собрании (28 — «за», 1 — «против») — 6 апреля 1902 г.; высочайшее утверждение — 18 мая 1902 г.; оглашение в общем собрании — 7 сентября 1902 г. (см.: Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. СПб., 1903. § 31,46; Протоколы заседаний ОС АН за 1902 г. СПб., 1903. § 84,108,135.
- ²⁵² Выдвижение кандидатуры А.С.Лаппо-Данилевского в ИФО — 24 ноября 1904 г.; баллотировка в отделение (единогласно) — 8 декабря 1904 г.; представление в общем собрании — 8 января 1905 г.; баллотировка в общем собрании (28 — «за», 1 — «против») — 5 февраля 1905 г.; высочайшее утверждение — 18 марта 1905 г.; оглашение в общем собрании — 2 апреля 1905 г. (см.: Протоколы заседаний ИФО за 1904 г. СПб., 1905. § 318,335,337; Протоколы заседаний ОС АН за 1905 г. СПб., 1906. § 28,108).
- ²⁵³ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. СПб., 1904. § 123.
- ²⁵⁴ ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.149; ОР РНБ. Ф.270. Д.147.
- ²⁵⁵ См.: Отчет о сорок первом присуждении наград гр. Уварова // Записки ИАН по ИФО. 1901. VIII серия. Т.V, № 1. Отд. издание: *Лаппо-Данилевский А.С.* Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI-XVII вв. Отзыв А.С.Лаппо-Данилевского о книге М.А.Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве». СПб., 1900.
- ²⁵⁶ См.: А.С.Лаппо-Данилевский — В.Э.Грабарю. 1902 г. // НИОР РГБ. Ф.376. К.5. Д.50. Л.1-1 об.
- ²⁵⁷ См. письмо М.А.Дьяконова А.С.Лаппо-Данилевскому, где он благодарит последнего за «академическую медаль», присужденную, как сам Дьяконов был уверен, по предложению Лаппо-Данилевского (М.А.Дьяконов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 12 октября 1901 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.149. Л.13).
- ²⁵⁸ *Радлов В.В., Залеман К.Г., Ключевский В.О., Лаппо-Данилевский А.С., Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах профессора имп. Юрьевского университета Михаила Александровича Дьяконова // Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г. СПб., 1906. Приложение 1 к протоколу заседания 30 марта 1905 г. Ср.: *Никитин П.В., Янжул И.И., Латышев В.В., Радлов В.В., Залеман К.Г., Лаппо-Данилевский А.С., Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах адъюнкта М.А.Дьяконова // Протоколы заседаний ИФО АН за 1908 г. СПб., 1909. Приложение к протоколу заседания 19 ноября 1908 г.
- ²⁵⁹ М.А.Дьяконов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 29 апреля 1905 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.149. Л.29.
- ²⁶⁰ Отчет о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1905 г. СПб., 1905. С.12.
- ²⁶¹ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.177.
- ²⁶² В.И.Вернадский — А.С.Лаппо-Данилевскому. 6 февраля 1907 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.86. Л.5.
- ²⁶³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об усилении личного состава Историко-филологического отделения // Протоколы заседаний ИФО АН за 1908 г. Приложение к протоколу заседания 15 октября 1908 г.; *Янжул И.И.* Добавление к Записке А.С.Лаппо-Данилевского об усилении личного состава Историко-филологического отделения // Протоколы заседаний ИФО за 1908 г. Приложение к протоколу заседания 5 ноября 1908 г.
- ²⁶⁴ *Никитин П.В., Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А.* Доклад комиссии, организованной при историко-филологическом отделении для рассмотрения вопроса об учреждении в составе Академии наук отделения юридических и экономических наук // Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. СПб., 1913; *Янжул И.И.* Особое мнение // Там же. См. также: Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. § 449; То же за 1913 г. СПб., 1914. § 142.
- ²⁶⁵ [Документы по организации Социологического общества] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.87. Л.16.
- ²⁶⁶ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 13 октября 1911 г.; 29 октября 1911 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.91. Л.4-5 об.,6.
- ²⁶⁷ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 27 апреля 1913 г. // Там же. Л.17 об.
- ²⁶⁸ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 8 июня 1913 г. // Там же. Л.18-20 об.
- ²⁶⁹ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 16 августа 1913 г. // Там же. Л.23.
- ²⁷⁰ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 23 октября 1915 г. // Там же. Л.29-30 об.
- ²⁷¹ См.: *Антощенко А.В.* Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) // Историки России. Биографии. М., 2001. С.357-358.
- ²⁷² *Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А.* Записка об ученых трудах П.Г.Виноградова // Протоколы заседаний ИФО за 1913 г. Приложение к протоколу заседания 23 октября 1913 г.;

- Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Ковалевский М.М.* Доклад об ученых трудах сверхштатного академика П.Г.Виноградова // Протоколы заседаний ИФО за 1915 г. Пг., 1916. Приложение III к протоколу заседания 28 октября 1915 г.
- ²⁷³ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 29 октября 1910 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.91. Л.2 об.
- ²⁷⁴ См.: *Басаргина Е.Ю.* Ф.И.Успенский: обзор личного фонда // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С.55-56.
- ²⁷⁵ *Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Никитин П.В., Латышев В.В.* Доклад об ученых трудах сверхштатного академика Ф.И.Успенского // Протоколы заседаний ИФО за 1915 г. Приложение III к протоколу заседания 28 октября 1915 г.
- ²⁷⁶ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.87. Л.10.
- ²⁷⁷ *Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И.* Записка об ученых трудах П.Б.Струве // Протоколы заседаний ИФО за 1917 г. Пг., 1918. Приложение II к заседанию ИФО 8 марта 1917 г.
- ²⁷⁸ См.: *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в освещении С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Т.IX. С.84.
- ²⁷⁹ ЛЗАК за 1888—1894 гг. СПб., 1903. Вып.XI.
- ²⁸⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.XVII (сборный).
- ²⁸¹ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С.14-15.
- ²⁸² К.С.Веселовский — А.С.Лаппо-Данилевскому. 6 ноября 1900 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.90. Л.1.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ А.Е.Пресняков — матери. 20 сентября 1900 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.4. Л.157.
- ²⁸⁵ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 39. А.С.Лаппо-Данилевскому было официально предложено дать заключение об этой группе документов в специальном письме неперменного секретаря Н.Ф.Дубровина (А.С.Лаппо-Данилевский — Н.Ф.Дубровину. 13 января 1900 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.54. Л.1). Н.Ф.Дубровин действовал по поручению президента Академии вел. кн. Константина Константиновича и ее вице-президента Л.Н.Майкова, которые приняли решение о передаче этой работы А.С.Лаппо-Данилевскому (см. их переписку по этому вопросу: Константин Константинович — Л.Н.Майкову. 2 января 1900 г. // *К.Р.* Избранная переписка / Публ. Н.Н.Лавровой. СПб., 1999. С.518; Л.Н.Майков — Константину Константиновичу. 2 января 1900 г. // Там же. С.519).
- ²⁸⁶ Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. § 39.
- ²⁸⁷ В течение четырех лет А.С.Лаппо-Данилевский занимался подготовкой сборника к изданию. К работе над ним А.С.Лаппо-Данилевским был привлечен и Е.Ф.Шмурло. В марте 1902 г. началось печатание сборника, которое было приостановлено из-за необходимости сличения текста копии с оригиналом. Летом 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский специально отправился в Неаполь, где изучил оригинал в архиве Palazzo Reale. Об объеме работы, проведенной А.С.Лаппо-Данилевским, можно судить по его отчету ИФО, представленному на заседании 4 сентября 1902 г.: «1) рукопись точно описана, при чем частью по способу, каким документы внесены в сборник, частью по почеркам мне удалось выяснить происхождение и родство известных групп их; 2) сняты копии... различных заметок на полях и дипломатических указаний, отсутствовавших в академической копии; 3) сличен текст некоторых статей в оригинале и академической копии целиком, при чем последняя оказалась весьма исправною, кроме чтений имен собственных и цифровых показаний; поэтому 4) пришлось сверить в оригинале и копии все имена собственные, все хронологические даты и цифровые показания» Для окончательного решения вопроса о способе издания рукописи А.С.Лаппо-Данилевский обратился к эксперту в этой области, проживавшему в Париже, отцу Павлу Пирлингу, который неожиданно сообщил, что большая часть документов, содержащихся в сборнике, не только известна, но или уже напечатана или предполагается к печати. В результате на заседании ИФО 3 марта 1904 г. А.С.Лаппо-Данилевский предложил отделению фактически отказаться от издания сборника, что и было принято (*Лаппо-Данилевский А.С.* Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весной 1902 г. // ИАН. 1902. V серия. Т.XVII, № 4. С.01-01V; Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 39,56,117; То же за 1902 г. § 9,39,85,95,159; То же за 1904 г. § 11,95; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.54).
- ²⁸⁸ А.С.Лаппо-Данилевский — Н.Ф.Дубровину. 2 февраля 1902 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.8. Л.2.
- ²⁸⁹ Там же. Л.3.
- ²⁹⁰ Там же.
- ²⁹¹ Некролог А.А.Куника был одной из последних работ самого В.Г.Васильевского (см.: *Васильевский В.Г.* А.А.Куник // ИАН. 1899. V серия. Т.X, № 3. С.XV-XXVI).
- ²⁹² А.С.Лаппо-Данилевский — А.А.Кунику. 1897 г. // ПФА РАН. Ф.95. Оп.2. Д.500. Л.2.
- ²⁹³ [Документы по изданию трудов А.А.Куника] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.52.

²⁹⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 41; *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах А.А.Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях начатых печатанием в академической типографии // Там же. Приложение I к протоколу заседания ИФО 16 февраля 1900 г.

²⁹⁵ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 58.

²⁹⁶ Там же. § 57, 138.

²⁹⁷ *Иверсен Ю.Б.* Заметка о Молодинском кладе 1878 года с приложением А.А.Куника [с пред- уведомлением А.С.Лаппо-Данилевского]. СПб., 1900.

²⁹⁸ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 116. Первоначально издание статьи Ю.Б.Ивер- сена планировалось в составе «Сборника статей о времени чеканки древних киевских монет» (Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 41), однако после того как А.С.Лаппо-Данилевским было установлено, что другие статьи подготовленные для сборника устарели ИФО решило напечатать статью Ю.Б.Иверсена отдельным оттиском (Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 116).

²⁹⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 41, 58, 79, 118; То же за 1901 г. § 11; Э.А.Вольтер — А.С.Лаппо-Данилевскому. 1901 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.97. Л.1-6.

³⁰⁰ Там же. Оп.2. Д.55.

³⁰¹ 1884 // Летопись Российской Академии наук. Т.III. 1861—1900. С.353.

³⁰² Протоколы заседаний ИФО за 1884 г. СПб., 1885. § 21, 36, 52, 95, 100, 107; То же за 1885 г. СПб., 1886. § 12.

³⁰³ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 138; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.55. Л.35-46.

³⁰⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1901 г. § 53, 55, 67, 94, 160, 188; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.55. Л.47-50.

³⁰⁵ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 61.

³⁰⁶ Протоколы заседаний ИФО АН за 1901 г. § 67.

³⁰⁷ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 95.

³⁰⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весной 1902 г. С.01-01V; Протоколы засе- даний ИФО АН за 1902 г. § 159.

³⁰⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 256.

³¹⁰ Там же. § 207; То же за 1905 г. § 167; То же за 1906 г. СПб., 1907. § 141.

³¹¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. § 211.

³¹² Протоколы заседаний ИФО АН за 1906 г. § 10, 96.

³¹³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советни- ков. СПб., 1906.

³¹⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1906 г. § 180; То же 1907 г. СПб., 1908. § 23, 140; Болеслав- Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907.

³¹⁵ *Грушевский М.С.* Рец. на: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907 // ЖМНП. 1908. № 9. С.197 отд. паг.

³¹⁶ Там же. С.199 отд. паг.

³¹⁷ Там же. С.199-202 отд. паг.

³¹⁸ *Приймак Н.И.* Материалы по истории Санкт-Петербурга в археографической деятельно- сти А.С.Лаппо-Данилевского // Петербургские чтения 97. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997. С.410-413.

³¹⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об издании сочинений А.-И.Гиппинга «Нева и Ниеншанц» с присоединением «Описи географических карт, приложенных к сочинению А.-И.Гиппинга» // ИАН. 1908. VI серия. Т.XI, № 6. С.464; Нева и Ниеншанц / Сост. А.-И.Гиппинг; С вступ. ст. А.С.Лаппо-Данилевского. СПб., 1909. Ч.1. Последнее издание см.: *Гиппинг А.-И.* Введение в исто- рию Санкт-Петербурга или Нева и Ниеншанц. М., 2003.

³²⁰ Карты и планы Ниеншанца / Собр. А.-И.Гиппингом и А.А.Куником. [СПб., 1913.] (послед- нее издание (СПб., 2003)); *Лаппо-Данилевский А.С.* Карты и планы Ниеншанца, собранные А.-И.Гиппингом и А.А.Куником. СПб., 1913; Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца / Прил. к труду А.-И.Гиппинга «Нева и Ниеншанц» с предварительной заметкой А.С.Лаппо-Данилевского. Пг., 1916. Об издании труда А.-И.Гиппинга «Нева и Ниеншанц» и приложениях к нему см.: *Шаблаева Н.К.* Планы и карты Ниеншанца (Канцев): историко-библио- графическое обозрение // Петербургские чтения 98-99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999. С.428; *Чумакова Т.В.* Арист Аристович Куник // *Гиппинг А.-И.* Введение в историю Санкт-Петербурга или Нева и Ниеншанц. С.403-406; *Лебе- дев Г.С.* Заключение // Там же. С.465-467.

³²¹ *Приймак Н.И.* Материалы по истории Санкт-Петербурга... С. 411.

³²² Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч.1. С.408.

³²³ *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.125.

³²⁴ *Куник А.А.* Открытое письмо к сухопутным морякам // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч.II.

³²⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах А.А.Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии // Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. См. также: Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 58, 139; То же за 1902 г. § 84, 189; То же за 1909 г. СПб., 1910. § 53, 360; То же за 1912 г. § 241; То же за 1914 г. Пг., 1915. § 180, 307; То же за 1915 г. § 128; То же за 1917 г. § 106; То же за 1918 г. Пг., 1919. § 84.

³²⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах А.А.Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии.

³²⁷ Отзыв профессора С.-Петербургского императорского университета Федора Александровича Брауна о статье покойного академика А.А.Куника «Düna und Nawa» // Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. Приложение I к протоколу заседания ИФО 11 октября 1900 г.

³²⁸ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 224.

³²⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1917 г. § 153.

³³⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов // ИАН. 1914. VI серия. Т.VIII, № 18. С.1455-1479.

³³¹ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.169.

³³² *Лаппо-Данилевский А.С.* Отзыв о труде И.Н.Миклашевского «Доимочная книга 7202-7203 и т.д.» // ИАН. 1900. V серия. Т.XIII, № 5. С.CLXXVIII-LXXIX; Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. § 247; То же за 1901 г. § 68, 141.

³³³ [*Успенский А.И.* Предисловие с примечаниями А.С.Лаппо-Данилевского] / Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVII века, сообщенные А.С.Лаппо-Данилевским и И.Н.Миклашевским // Записки АН по ИФО. 1902. VIII серия. Т.V, № 4. С.1.

³³⁴ Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском госу- дарстве XVII века...

³³⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Мостовые и решеточные деньги в Новгороде и Москве в XVII веке. СПб., 1902.

³³⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; *Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансо- вой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892.

³³⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отзыв о статье И.Н.Миклашевского «Древнерусские поземельные кадастры» // ИАН. 1902. V серия. Т.XVII, № 4. С.0IV; Протоколы заседаний ИФО за 1902 г. § 180.

³³⁸ *Миклашевский И.Н.* Древнерусские поземельные кадастры // Записки АН по ИФО. 1904. VIII серия. Т.VI, № 4; [*Лаппо-Данилевский А.С.* Предисловие] / *Миклашевский И.Н.* Древнерус- ские поземельные кадастры // Там же. [С.1].

³³⁹ Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. § 208, 221, 264; То же за 1901 § 187.

³⁴⁰ Протоколы заседаний ИФО за 1905 г. § 264; То же за 1906 г. § 49.

³⁴¹ *Сторожев В.Н.* Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Воло- годскому уезду. Вып.1 // Записки АН по ИФО. 1906. Т.IX, № 1. Л.И.Шохин, напротив, считает, что А.С.Лаппо-Данилевский ускорил ход издания, которое тормозил Д.Я.Самоковасов, «из нена- висти к своим оппонентам» не допуская их к работе во вверенном ему архиве (См.: *Шохин Л.И.* Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX века. М., 1999. С.200).

³⁴² Из запланированных 20 томов после смерти А.С.Лаппо-Данилевского было издано всего два: Сборник грамот Коллегии экономии. [СПб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда; Л., 1929. Т.II. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов.

³⁴³ Грамотам Коллегии экономии посвящена обширная литература. В числе работ, наиболее значимых для изучения вопроса см.: *Валк С.Н.* Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // БК. 1924. № 1—2 (последнее издание: *он же.* Избранные труды по археографии. СПб., 1991); *он же.* Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. [СПб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда; Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922 // Века (Пг.). 1924. Кн.1; *он же.* Советская археография. М.; Л., 1948; История археографии в дореволюцион- ной России: Учеб. пособие / Под ред. М.С.Селезнева. М., 1969. С.199-202; *Конанев А.И.* Указ. соч.; *Панях В.М.* Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки) // ВИД. СПб., 1994. Т.XXV. С.19-40; *Шохин Л.И.* Указ. соч. и др.

³⁴⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 147.

³⁴⁵ Приложение I к протоколу заседания 24 мая 1900 г. // Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г.

³⁴⁶ Там же. § 234.

³⁴⁷ См.: *Дубровин Н. Ф., Никитин П. В., Латышев В.В., Залеман К.Г., Янжул И.И., Розен В.Р.* Записка об ученых трудах адъюнкта А.С.Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний ИФО за 1902 г. Приложение I к протоколу заседания ИФО 23 января 1902 г.; *Радлов В.В., Залеман К.Г., Янжул И.И., Никитин П.В., Розен В.Р., Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах экстраординарного академика А.С.Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний ИФО АН за 1904 г. Приложение II к протоколу заседания ИФО 24 ноября 1904 г.

³⁴⁸ Отчет о присуждении премии почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО. 1896. V серия. Т.V, № 3. С.285-287; Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО. 1899. VIII серия. Т.IV, № 3. С.3-18.

³⁴⁹ *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн. I. С.81-94. Во время полемики вокруг «Организации прямого обложения...» в адрес А.С.Лаппо-Данилевского прозвучала резкая критика со стороны Н.Н.Оглоблина, известного московского архивиста и археографа. Критик касался лишь одного источниковедческого пассажа в книге А.С.Лаппо-Данилевского, связанного с историей сибирского податного обложения, однако приводимые аргументы выглядели весьма уничтожающе для оценки компетенции А.С.Лаппо-Данилевского в данном конкретном вопросе (*Оглоблин Н.Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768) // ЧОИДР. 1895. Кн.2. С.9. См. также: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 2000. Вып. II. С.172-175). Впрочем, одновременно Н.Н.Оглоблин признавал критикуемый труд «серьезным исследованием». И данный эпизод не заслуживал бы упоминания, если бы не перепечатка замечания Н.Н.Оглоблина Д.Я.Самоквасовым (*Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. I. С.82-83). Д.Я.Самоквасов грубо исказил при цитировании авторский текст в целях максимально большей дискредитации А.С.Лаппо-Данилевского как архивиста. Этот прием был использован Д.Я.Самоквасовым в период его полемики с А.С.Лаппо-Данилевским по поводу издания грамот Коллегии экономии. О приемах научной полемики Д.Я.Самоквасова см.: *Оглоблин Н.Н.* Ответ недобросовестному критику (по поводу «Архивного инвентаря» Д.Я.Самоквасова) // *Шохин Л.И.* Указ. соч. С.445-466.

³⁵⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Разбор мнения г. Самоквасова о научном значении некоторых изданий, предпринятых Академией Наук // Протоколы заседаний ИФО за 1902 г. Приложение I к заседанию ИФО 13 ноября 1902 г. Второе изд. см.: ИАН. 1902. V серия. Т.XVII, № 4. С.0V-0IX.

³⁵¹ Ср.: *Валк С.Н.* Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. С.47; *Шохин Л.И.* Указ. соч. С.195.

³⁵² План А.С.Лаппо-Данилевского не был опубликован целиком, но легко восстанавливается по «Протоколам заседаний» ИФО АН и «Приложениям» к ним за 1900–1901 г. В данный комплекс материалов входят: [*Лаппо-Данилевский А.С.*] План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С.Лаппо-Данилевским. Отдел 1. Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной историографии? // Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. Приложение I к протоколу заседаний ИФО от 25 октября 1900 г.; [*он же*]. План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С.Лаппо-Данилевским. Отдел 2. План издания частных и правительственных великорусских актов XIV–XVIII вв. // То же за 1901 г. Приложение II к протоколу заседания ИФО от 10 января 1901 г.; Постановление Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии (в составе Н.Ф.Дубровина, К.Г.Залемана, А.А.Шахматова, А.С.Лаппо-Данилевского, А.И.Соболевского) // Там же. § 34; [*Лаппо-Данилевский А.С.*] Предисловие. Правила издания переписных и писцовых книг / Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду / Изд. имп. Археографической комиссии; Под ред. и предисл. А.С.Лаппо-Данилевского // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.XVII (сборный). С.VII–XIII. Эти правила, выработанные А.С.Лаппо-Данилевским, были определены в постановлении вышеуказанной комиссии к исполнению при издании грамот Коллегии экономии (Постановление Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии...; Доклад Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии // Протоколы заседаний ИФО АН за 1901 г. § 5,80).

³⁵³ [*Лаппо-Данилевский А.С.*] План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С.Лаппо-Данилевским. Отдел 2.; Доклад Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии; *Лаппо-Данилевский А.С.* Разбор мнения г. Самоквасова...

³⁵⁴ См.: *Копанев А.И.* Указ. соч. С.86.

³⁵⁵ В.О.Ключевский – в Академию наук. [1900–1901 гг.]. Черновик // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.192.

³⁵⁶ *Копанев А.И.* Указ. соч. С.85-86.

³⁵⁷ Такова точка зрения С.Н.Валка, которую восстанавливает, а затем и опровергает А.И.Копанев, считавший причиной разрыва властную манеру руководства изданием со стороны А.С.Лаппо-Данилевского (см.: *Копанев А.И.* Указ. соч. С.87-88. См. также: *Шохин Л.И.* Указ. соч. С.260-261).

³⁵⁸ Там же. С.358-361,422.

³⁵⁹ О разногласиях А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова в области археографии см.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов... С.157-161.

³⁶⁰ Первоначально А.С.Лаппо-Данилевский планировал издание грамот Коллегии экономии в 10 томах (см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* План изданий архивных документов XVI–XVIII веков. Отдел 1). Ученик А.С.Лаппо-Данилевского С.Н.Валк, с конца 1900-х гг. имевший непосредственное отношение к изданию, приводил в разное время другие предположения: в 1924 г. – 30 томов (*Валк С.Н.* Сборник Грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // БК. 1924. № 1–2. С.228), а позднее (в неопубликованных материалах к статье об археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского) остановился на другой цифре – 20 томов (см.: *Копанев А.И.* Указ. соч. С.83).

³⁶¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г. § 144, 195.

³⁶² То же за 1911 г. § 362.

³⁶³ То же за 1918 г. § 116.

³⁶⁴ Ср.: *Чернуха В.Г.* Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) // Историки России XVIII–XX вв. М., 1996. Вып. III. С.95.

³⁶⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Служилые кабалы позднейшего типа; Сборник статей, посвященный А.С.Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916.

³⁶⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов.

³⁶⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского в контексте методологии истории петербургской исторической школы // Гуманитарные исследования: История, теория, практика: Сб. науч. тр. СПб., 2003. С.21-25.

³⁶⁸ Правила издания грамот Коллегии экономии.

³⁶⁹ См.: *Ростовцев Е.А.* Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского... С.24.

³⁷⁰ *Валк С.Н.* Советская археология. С.44.

³⁷¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 188.

³⁷² Там же. § 188, 190; То же за 1903 г. § 169; То же за 1904 г. § 248; То же за 1905 г. § 12,304; То же за 1908 г. § 301; То же за 1909 г. § 109; То же за 1912 г. § 2; То же за 1916 г. Пг., 1917. § 44,295,346; То же за 1918 г. § 70.

³⁷³ [Программа издания серии «Памятники старинного русского законодательства»] // Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н.Д.Чичулина. СПб., 1907.

³⁷⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1909 г. § 20.

³⁷⁵ М.А.Дьяконов – А.С.Лаппо-Данилевскому, 9 февраля 1902 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.149. Л.15.

³⁷⁶ М.А.Дьяконов – А.С.Лаппо-Данилевскому, 8 ноября 1903 г. // Там же. Л.20 об.

³⁷⁷ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову, 1906 г. // ОР РНБ. Ф.270. Д.147. Л.1-1 об.

³⁷⁸ А.С.Лаппо-Данилевский – А.А.Шахматову, 2 февраля 1906 г. // ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Д.821. Л.24,24 об.

³⁷⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 190; То же за 1903 г. § 250; То же за 1904 г. § 54,99; То же за 1905 г. § 115,231,243,291,305; То же за 1906 г. § 15; То же за 1907 г. § 14,116,289; То же за 1909 г. § 32; То же за 1912 г. § 2.

³⁸⁰ Наказ императрицы Екатерины II.

³⁸¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 188,190; То же за 1903 г. § 30,254; То же за 1904 г. § 20,32,254; То же за 1905 г. § 242; То же за 1906 г. § 39,254; То же за 1907 г. § 36,121; *Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад о снабжении «Наказа» императрицы Екатерины II несколькими фотографическими снимками с собственноручной рукописи императрицы // ИАН. 1906. V серия. Т.XXIV, № 1. С.01. См. также переписку Н.Д.Чечулина и А.С.Лаппо-Данилевского по поводу издания: ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.392. Л.1-5 об.

³⁸² [*Лаппо-Данилевский А.С.* Предисловие] // Наказ императрицы Екатерины II. [С.1-2].

³⁸³ *Чечулин Н.Д.* Введение // Наказ императрицы Екатерины II. С. LIV.

³⁸⁴ Ср.: *Бабич М.В.* Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) // Историки России. Биографии. С.407.

³⁸⁵ Отчет имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1900 г. // ИАН. 1901. V серия. Т.XIV. С.142.

³⁸⁶ Протоколы заседаний ИФО АН за 1907 г. § 301.

³⁸⁷ То же за 1904 г. § 231; То же за 1907 г. § 14,113,301; То же за 1910 г. § 111.

³⁸⁸ Интересное сообщение об этом издании мы находим в одном из писем В.Н.Бенешевича Ст.Становичу (февраль 1937 г.). В нем редактор «Кормчей книги» возложил ответственность за то, что план ее издания не был осуществлен, на А.С.Лаппо-Данилевского: «В начале 900-х гг. Комиссия по изд[анию] памятников русск[ого] законодательства в нашей Академии под председ[ательством] А.С.Лаппо-Данилевского поручила мне издать печ[атную] Кормчую 1650/53 г., но у Л[аппо]-Данил[евского] никогда ничего из его комиссий не выходило, и тут не вышло» (цит. по: *Медведев И.П.* В.Н.Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. С.366).

³⁸⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад об издании печатной Кормчей 1653 года в серии «Памятники русского законодательства» // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 1. С.01-01I.

³⁹⁰ *Кизеветтер А.А.* Отчет о ходе работ по изданию «Городового положения» 1785 г. в серии «Памятники русского законодательства» // Там же. № 4 и 5. С.0VII-0VIII.

³⁹¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г. § 304; То же за 1909 г. § 180; То же за 1910 г. § 25; То же за 1912 г. § 127.

³⁹² *Верховский П.В.* Соображения по поводу критического издания «Духовного регламента» // Протоколы заседаний ИФО АН за 1913 г. Приложение к протоколу ИФО 30 января 1913 г.

³⁹³ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 188; за 1907 г. § 353; То же за 1910 г. § 2; То же за 1913 г. § 61,62,104,131,403; То же за 1913 г. § 61; *Верховский П.В.* Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении церкви и государства в России: исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону, 1916. Т.1-2. См. также: *Трибульский П.А.* Эпистолярные материалы А.С.Лаппо-Данилевского в Российском государственном архиве литературы и искусства // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С.336-337.

³⁹⁴ То же за 1908 г. § 301,306; То же за 1918 г. § 259,366,367.

³⁹⁵ То же за 1916 г. § 44, 66, 300, 359; за 1917 г. § 4. См. также: *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии: (школа западно-русского права). Брянск, 1996. С.136-137.

- ³⁹⁶ Протоколы заседаний ИФО АН за 1916 г. § 377; То же за 1917 г. § 140,345.
- ³⁹⁷ То же за 1918 г. § 70; *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о работах профессора П.И.Люблинского по разработке рукописей императрицы Екатерины II, относящихся к уголовному праву и процессу // Там же. Приложение к протоколу заседания ИФО 27 февраля 1918 г.
- ³⁹⁸ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 188; То же за 1904 г. § 8,96-98; То же за 1909 г. § 109; То же за 1912 г. § 2; То же за 1916 г. § 187,295,346; То же за 1917 г. § 166; *Хроника // РИЖ.* 1917. Кн.1-2. С.142-143.
- ³⁹⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. § 105,136,253; То же за 1905 г. § 252; То же за 1906 г. § 25,47,82,198; То же за 1907 г. § 37,52.
- ⁴⁰⁰ Записки АН по ИФО. 1906. Т.VIII.
- ⁴⁰¹ См.: *Валк С.Н.* Советская археография.
- ⁴⁰² Протоколы заседаний ИФО АН за 1896 г. СПб., 1897. § 9,27; То же за 1898 г. СПб., 1899. § 80; То же за 1902 г. § 66.
- ⁴⁰³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весною 1902 г. С.01-01V.
- ⁴⁰⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. § 3.
- ⁴⁰⁵ См. переписку А.С.Лаппо-Данилевского и Е.Ф.Шмурло (ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.410)
- ⁴⁰⁶ См.: *Горелова С.И.* Исторические взгляды Е.Ф.Шмурло: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С.21.
- ⁴⁰⁷ *Шмурло Е.Ф.* Об учреждении русской исторической комиссии в Риме. М., 1900.
- ⁴⁰⁸ Там же. С.9.
- ⁴⁰⁹ *Никитин П.В., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах и д. ординарного профессора имп. Юрьевского университета Евгения Францевича Шмурло // Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г.
- ⁴¹⁰ Там же. § 186,206; *Никитин П.В., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад Постоянной исторической комиссии при ИФО имп. Академии наук. 1. Проект положения об обязанностях и службе ученого корреспондента ИФО имп. Академии наук в Риме. 2. Предварительная инструкция ученому корреспонденту ИФО имп. Академии наук в Риме // Там же. Приложение к протоколу заседания 24 сентября 1903 г.
- ⁴¹¹ Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1907. Т.1, вып.1; 1911. Т.1, вып.2; 1908. Т.2, вып.1; 1913. Т.2, вып.2; 1911. Т.3, вып.1; Пг., 1915. Т.3, вып.2; Л., 1927. Т.4.
- ⁴¹² Протоколы заседаний ИФО АН за 1908 г. § 129,163; То же за 1913 г. § 49,71; То же за 1918 г. § 74,411; Отчет ученого корреспондента в Риме Е.Ф.Шмурло за 1908–1909 гг. // Россия и Италия. 1911. Т.3, вып.1. С.48-50.
- ⁴¹³ Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Л., 1925. Т.1, вып.1. (1578–1581).
- ⁴¹⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. § 213; Отчет ученого корреспондента в Риме Е.Ф.Шмурло за 1908–1909 гг.
- ⁴¹⁵ См.: *Горелова С.И.* Указ. соч. С.21.
- ⁴¹⁶ См.: Отчет о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1903–1915 гг. СПб. [Пг.], 1903–1915; Отчет о деятельности Российской Академии наук по физико-математическому отделению и отделению исторических наук и филологии за 1917 г. Пг., 1918. С.307.
- ⁴¹⁷ Протоколы заседаний ИФО АН за 1918 г. § 24.
- ⁴¹⁸ То же за 1910 г. § 129.
- ⁴¹⁹ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т.1.
- ⁴²⁰ Протоколы заседаний ИФО АН за 1918 г. § 307.
- ⁴²¹ Письма и бумаги Петра Великого. М.-Л., 1948. Т.VIII, вып.1; 1951. Т.VIII, вып.2.
- ⁴²² *Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад об издании труда С.Н.Десницкого «Представления об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 2. С.0X; № 3. С.0X1.
- ⁴²³ Представления профессора Десницкого об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Записки АН по ИФО. 1906. VII серия. Т.VII, № 4.
- ⁴²⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1906 г. § 195.
- ⁴²⁵ То же за 1909 г. § 69,176,253; То же за 1911 г. § 18; То же за 1913 г. § 326,369; То же за 1914 г. § 26,316; То же за 1918 г. § 319.
- ⁴²⁶ То же за 1910 г. § 146.
- ⁴²⁷ Там же. § 200.
- ⁴²⁸ То же за 1911 г. § 342; *Жукович П.Н.* Материалы для истории Киевского и Львовского соборов 1629 года // Записки АН по ИФО. 1911. VIII серия. Т.VIII, № 15.
- ⁴²⁹ См.: *Горелова С.И.* Указ. соч. С.8,13,16-19.
- ⁴³⁰ Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. § 180,287.
- ⁴³¹ То же за 1910 г. § 91.

- ⁴³² То же за 1914 г. § 91.
- ⁴³³ Н.И.Кареев в одном из писем особо благодарил А.С.Лаппо-Данилевского за организацию публикации подготовленных им документов в академическом издании (Н.И.Кареев – А.С.Лаппо-Данилевскому. 1915 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.177. Л.9 об.).
- ⁴³⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. § 447; То же за 1913 г. § 141; То же за 1914 г. § 242.
- ⁴³⁵ А.С.Лаппо-Данилевский – О.А.Добиаш-Рожественской. Конец 1913 г. // ОР РНБ. Ф.252. Д.203. Л.1.
- ⁴³⁶ О.А.Добиаш-Рожественская – А.С.Лаппо-Данилевскому. 5 января 1914 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.139. Л.1-2.
- ⁴³⁷ Протоколы заседаний ИФО АН за 1913 г. § 91,279.
- ⁴³⁸ То же за 1915 г. § 10,281.
- ⁴³⁹ Приложение 1 к протоколу IX заседания ИФО // Протоколы заседаний ИФО АН за 1915 г. См. также: Там же. § 171.
- ⁴⁴⁰ См. об этом: *Валк С.Н.* Предисловие // *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С.9-10. *он же.* Законодательные проекты М.М.Сперанского в печати и рукописях // *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии; *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского // АЕ за 1993 г. М., 1995. С.172-188; *он же.* Академик А.С.Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского // То же за 1994 г. М., 1996. С.268-270.
- ⁴⁴¹ *Пресняков А.Е.* Историческое общество при университете в 1916 г. // РИЖ. 1917. Кн.1-2. С.145-146.
- ⁴⁴² *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка В.И.Семевского об издании проектов государственных преобразований М.М.Сперанского и заключение академика А.С.Лаппо-Данилевского // ИАН. 1916. VI серия. Т.X, № 14. С.1230-1232.
- ⁴⁴³ *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского. С.182-184.
- ⁴⁴⁴ *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского. С.179; *Цветаев Д.В.* Новые издания МАМУ // РИЖ. 1917. Кн.1-2. С.151-162.
- ⁴⁴⁵ Подробнее см.: *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т.67, № 12. С.1129-1139; *Тункина И.В.* К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1933. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. док. СПб., 2003. С.637-659.
- ⁴⁴⁶ *Пресняков А.Е.* Труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории // РИЖ. 1920. Кн.6. С.109.
- ⁴⁴⁷ Список очерков, представленных А.С.Лаппо-Данилевскому, как главному редактору сборника «Русская наука»: Н.Н.Глубоковский – богословские науки; П.П.Лазарев – физика; К.Д.Глинка – почвоведение; Н.А.Холодковский (при участии В.Н.Тонкова и А.А.Максимова) – сравнительная анатомия человека, гистология; Н.И.Кареев – социология; Б.А.Тураев – Древний Восток; Н.М.Петровский – языки и литературы славянских народов; Н.И.Кареев – история нового времени; А.А.Белопольский – астрономия; А.И.Малеин – латинский язык и римская литература; А.А.Кауфман – статистика; Д.К.Петров – язык и литература романских народов; М.И.Ростовцев – классические и скифские древности северного побережья Черного моря; С.А.Жебелев – археология и общая история искусства; Э.Л.Радлов – философия; П.О.Сомов – механика; А.А.Борисяк, М.Д.Залесский – палеонтология; В.П.Бузескул – история Греции; Л.С.Берг – география; Н.О.Лосский – психология; Н.А.Холодковский – морфологическая зоология и другие отрасли зоологических наук.
- ⁴⁴⁸ В сокращенном варианте очерк вышел уже после смерти А.С.Лаппо-Данилевского (см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк развития русской историографии // РИЖ. 1920. Кн.6. С.5-29).
- ⁴⁴⁹ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.169-171.
- ⁴⁵⁰ В определении авторства А.С.Лаппо-Данилевского в подписанных им коллективных отзывах и записках мы исходили из того, что лично ему принадлежит авторство только тех из них, которые он включил в список своих трудов (см.: Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч.1. С.409-412). По-видимому, тем же принципом руководствовались А.А.Шилов и А.И.Андреев, составляя список трудов А.С.Лаппо-Данилевского (см.: Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. С.7, 9-37).
- ⁴⁵¹ *Янжул И.И., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах Д.А.Корсакова // Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г. Приложение к протоколу заседания 16 ноября 1905 г.
- ⁴⁵² См., например: *Мухамедеев А.И.* Дмитрий Александрович Корсаков, 1843–1919. Казань, 2002.
- ⁴⁵³ *Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Янжул И.И.* Записка об ученых трудах И.В.Лучицкого // ИАН. 1909. VI серия. Т.III, № 2. С.123-128.
- ⁴⁵⁴ *Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах Н.И.Кареева // Протоколы заседаний ИФО АН за 1910 г. Приложение III к протоколу заседания 17 ноября 1910 г.
- ⁴⁵⁵ Об истории отношений А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева см.: *Ростовцев Е.А.* Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // ЖССА. 2000. Т.III, № 4. С.105-121.

⁴⁵⁶ См.: [Дьяконов М.А. Проект коллективного отзыва ученых о научной деятельности историка Сергея Федоровича Платонова в связи с выдвижением его в члены-корреспонденты Академии наук] // ОР РНБ. Ф.270. Д.9.

⁴⁵⁷ Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С., Латышев В.В. Записка об ученых трудах С.Ф.Платонова // ИАН. 1910. VI серия. Т.IV, № 1. С.34-35; Об избрании почетных членов и членов-корреспондентов Академии наук в 1909 г. // ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1909 г. Д.14. Л.17-17 об.

⁴⁵⁸ Протоколы заседаний ИФО АН за 1913 г. § 471.

⁴⁵⁹ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Исторический комментарий. М., 1909. Ср.: Вандалковская М.Г. Вечный россиянин: Александр Александрович Кизеветтер // Историки России. XVIII — начало XX века. С.630.

⁴⁶⁰ Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И., Дьяконов М.А., Струве П.Б. Записка об ученых трудах профессора А.А.Кизеветтера // Протоколы заседаний ОС АН за 1917 г. Пг., 1918. Приложение II к заседанию 2 декабря 1917 г.

⁴⁶¹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.91. Л.45.

⁴⁶² Лаппо-Данилевский А.С., Ольденбург С.Ф., Латышев В.В. Записка об ученых трудах Эдуарда Мейера // ИАН. 1910. VI серия. Т.IV, № 1. С.193-194.

⁴⁶³ См. Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. С.14,23.

⁴⁶⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1923. Вып.1. С.201,220; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1910. Ч.1. С.249-253.

⁴⁶⁵ Лаппо-Данилевский А.С., Янжул И.И., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Берлинского университета Отто Гирке // Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. Приложение III к протоколу заседания 28 ноября 1912 г.

⁴⁶⁶ Дьяконов М.А., Янжул И.И., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах члена Парижской академии надписей Поля Виолле // Там же. Приложение III к протоколу заседания 28 ноября 1912 г.

⁴⁶⁷ Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Эрнеста Лависса // Протоколы заседаний ИФО АН за 1914 г.

⁴⁶⁸ Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Успенский Ф.И., Виноградов П.Г. Записка об ученых трудах профессора Э.Бутру // Протоколы заседаний ИФО за 1916 г. Приложение II к протоколу заседания 23 ноября 1916 г.

⁴⁶⁹ Виноградов П.Г., Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Успенский Ф.И. Записка об ученых трудах профессора А.В.Дайси // Там же. Приложение II к протоколу заседания 23 ноября 1916 г.

⁴⁷⁰ Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Анри Пирена // ИАН. 1919. VI серия. Т.XIII, № 1. С.60-62.

⁴⁷¹ Лаппо-Данилевский А.С. Н.Ф.Дубровин. Некролог // ИАН. 1904. V серия. Т.XXI, № 3. С.0VII-0VIII.

⁴⁷² Лаппо-Данилевский А.С. Памяти Г.А.Леера // Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г.

⁴⁷³ Лаппо-Данилевский А.С. Профессор Якоб Каро. Некролог // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 3. С.0VII-0VIII.

⁴⁷⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Альберт Сорель. Речь // Там же. 1906. Т.XXV, № 1-2. С.0II-0VIII.

⁴⁷⁵ Лаппо-Данилевский А.С. В.Б.Антонович. 1830—1908. Некролог // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 6. С.467-472.

⁴⁷⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Иван Егорович Забелин. Некролог // Там же. 1909. VI серия. Т.III, № 2. С.123-128.

⁴⁷⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Герменегильд Ирчек. Некролог // Там же. 1910. VI серия. Т.IV, № 3. С.189-192.

⁴⁷⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Габриэль Моно. Некролог // Там же. 1912. VI серия. Т.VI, № 9. С.667-670.

⁴⁷⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Дмитрий Фомич Кобеко. Некролог // Там же. 1918. VI серия. Т.XII, № 7. С.521-530.

⁴⁸⁰ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.170-171.

⁴⁸¹ См.: Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математическому и исторических наук и филологии за 1917 г.

⁴⁸² См. отчеты о деятельности Академии за 1900—1919 гг. (СПб. [Пг.], 1900-1920) и ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.51.

⁴⁸³ Памятные книжки имп. Академии наук за 1899—1914 гг. СПб., 1899—1914; Отчеты о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1900—1916 гг.; То же Российской Академии наук за 1917-1919 гг.

⁴⁸⁴ См.: Отчеты о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1900—1916 гг.; То же Российской Академии наук за 1917-1919 гг.

⁴⁸⁵ Отчет о сорок четвертом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1902. VIII серия. Т.VI, № 7. С.10.

⁴⁸⁶ Там же. С.11.

⁴⁸⁷ Лаппо-Данилевский А.С. И.И.Бецкой и его система воспитания. Отзыв А.С.Лаппо-Данилевского о сочинении П.М.Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии» // Там же. С.119.

⁴⁸⁸ Там же. С.131-133.

⁴⁸⁹ Там же. С.145-153.

⁴⁹⁰ Там же. С.156-163.

⁴⁹¹ Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Казань, 1902.

⁴⁹² Отчет о сорок седьмом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1906. VIII серия. Т.VIII, № 2. С.2.

⁴⁹³ Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Н.Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II» // Там же. С.5-38.

⁴⁹⁴ Чечулин Н.Д. Очерки истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

⁴⁹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Д.Чечулина «Очерки истории русских финансов в царствование Екатерины II» // Записки АН по ИФО. 1910. Т.X, № 2. С.143-144.

⁴⁹⁶ Там же. С.83-144.

⁴⁹⁷ Н.Д.Чечулин — А.С.Лаппо-Данилевскому. 26 сентября 1908 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.392. Л.9.

⁴⁹⁸ Новомбергский Н.Я. Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия. Томск, 1910.

⁴⁹⁹ См.: А.С.Лаппо-Данилевский — Я.Л.Барскову. 18 мая 1913 г. // НИОР РГБ. Ф.16. К.III. Д.34. Л.37-37 об.

⁵⁰⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Я.Новомбергского «Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия» // Записки АН по ИФО. 1916. Т.XII, № 8. С.55-65.

⁵⁰¹ См. переписку К.С.Веселовского и А.С.Лаппо-Данилевского (ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.90; Ф.24. Оп.2. Д.71).

⁵⁰² Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге // Речи, произнесенные на торжественном собрании имп. Академии наук по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Пг., 1915.

⁵⁰³ Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге. СПб., 1914.

⁵⁰⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге // Речи, произнесенные... С.89.

⁵⁰⁵ Предварительный съезд русских филологов [10-15 апреля 1903 года]; Бюллетени. СПб., 1903.

⁵⁰⁶ Там же. С.48.

⁵⁰⁷ Там же. С.47.

⁵⁰⁸ Лаппо-Данилевский А.С. [Доклад исторической подсекции II секции предварительного съезда русских филологов] // Там же. С.116.

⁵⁰⁹ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.176.

⁵¹⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Доклад о деятельности некоторых губернских архивных комиссий по их отчетам за 1903—1907 гг. // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 14. С.1118. И.Л.Маяковский своеобразно интерпретировал слова А.С.Лаппо-Данилевского об упадке деятельности комиссий в середине 1900-х гг., заметив, что «Лаппо-Данилевский невольно разоблачил реакционный характер своих protégés, ибо революция затормозила именно реакционные явления, прогрессивным же силам она создавала благоприятные условия для развития» (Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства). М., 1941. Ч.1. История архивного дела в СССР до Великой Октябрьской социалистической революции). С.301).

⁵¹¹ Лаппо-Данилевский А.С. Записка о деятельности губернских ученых архивных комиссий // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 1. С.0III-0VII; *он же*. Доклад о деятельности некоторых губернских архивных комиссий по их отчетам за 1903—1907 гг. // Там же. 1908. VI серия. Т.II, № 14. С.1117-1122; *он же*. Доклад о деятельности некоторых губернских архивных комиссий по их отчетам за 1904—1911 гг. // Там же. 1913. VI серия. Т.VII, № 2. С.75-86; *он же*. Доклад о научной деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам, преимущественно за 1911—1914 гг. // Там же. 1916. VI серия. Т.X, № 7. С.457-470; *он же*. Заключение об отчете Псковской губернской ученой архивной комиссии за 1916—1917 гг. // Там же. 1917. VI серия. Т.XI, № 15. С.1219-1220.

⁵¹² О деятельности Русского исторического общества см.: Камардина О.В. Императорское Русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866—1916 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.

⁵¹³ См.: Назин И.С. Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских архивных комиссий) // АД. 1936. № 2 (39). С.26-37.

⁵¹⁴ См.: Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1958. С.300-301.

⁵¹⁵ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т.I; 1917. Т.II.

⁵¹⁶ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914 г. СПб., 1914. С.VI; Русское историческое общество // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.I. С.675-692; Лаппо-Данилев-

ский А.С. Доклад о научной деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам, преимущественно за 1911–1914 гг. С.458; *он же*. Особая комиссия при имп. Русском историческом обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов, 1911–1916. Пг., 1916. С.2–11.

⁵¹⁷ См.: *Иванова Л.В.* К истории Союза российских архивных деятелей // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.196–200.

⁵¹⁸ Извлечения из протоколов заседаний Общего собрания Российской Академии наук. Заседание 27 мая 1917 г. // ИАН. 1917. VI серия. Т.XI. С.1193–1194; Отчет о деятельности Российской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1918 г. С.26; *Маркевич А.И.* Архивно-археологическая деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского // ИТУАК. 1919. № 56. С.164–165; *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. М., 1994. С.19–54; *Аленова В.А.* Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. Рязань, 2002. С.51.

⁵¹⁹ Объявление об основании «Русского исторического журнала» // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.970.

⁵²⁰ Протоколы заседаний ИФО АН за 1916 г. § 136.

⁵²¹ От редакции // РИЖ. 1917. Кн.1–2. С.6.

⁵²² Отчет о деятельности имп. Российской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1916 г. С.300; То же за 1917 г. С.113; То же за 1918 г. С.110; То же за 1919 г. С.134.

⁵²³ Протоколы заседаний ИФО АН за 1904 г. §117; То же за 1905 г. § 74.

⁵²⁴ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.56. Л.8–104.

⁵²⁵ Протоколы заседаний ОС АН за 1914 г. Пг., 1915. § 208.

⁵²⁶ Протоколы заседаний ОС АН за 1916 г. Пг., 1917. § 186.

⁵²⁷ Извлечения из протоколов ОС // ИАН. 1917. VI серия. Т.XI.

⁵²⁸ Там же; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.56. Л.5–6.

⁵²⁹ Цит по: *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968. С.203.

⁵³⁰ Приложение III к заседанию ОС АН 5 (18) июня 1918 г. // Протоколы заседаний ОС АН за 1918 г. Пг., 1919.

⁵³¹ [Лаппо-Данилевский А.С. Записка об организации Института социальных наук; Протоколы комиссии по рассмотрению проекта] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.60.

⁵³² *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.178.

⁵³³ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.44.

⁵³⁴ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.172.

⁵³⁵ См.: *Корзун В.П.* Ученый и реформы государственного строя: к характеристике общественно-политической позиции А.С.Лаппо-Данилевского // П.А.Столыпин и исторический опыт реформ в России: Тезисы докладов и сообщений конф., посвященной 135-летию со дня рождения П.А.Столыпина. Омск, 1997. С.135–140.

⁵³⁶ См. письма А.С.Лаппо-Данилевского В.И.Семевскому за 1904–1915 гг. // АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.400. Л.5–27

⁵³⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский в исторической литературе. С.173–175.

⁵³⁸ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.172.

⁵³⁹ История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т.II. 1803–1917. С.466.

⁵⁴⁰ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.171–172.

⁵⁴¹ Цит по: История Академии наук СССР. Т.II. 1803–1917. С.467.

⁵⁴² Цит по: Там же.

⁵⁴³ *Лаппо-Данилевский А.С.* [Речь в заседании Государственного совета 4 мая 1906 г. по проекту всеподданнейшего адреса и необходимости полной амнистии] // Стенографический отчет Государственного совета. Сессия I. Заседание III. СПб., 1906. С.6–8.

⁵⁴⁴ Н.Д.Чечулин – А.С.Лаппо-Данилевскому. 12 апреля 1906 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.392. Л.7.

⁵⁴⁵ Отчет о деятельности Российской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1917 г. С.25.

⁵⁴⁶ См.: *Шмидт С.О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Материалы юбил. науч. конф. архивистов Ленинграда. 13–14 июня 1968 г. Л., 1970. С.24.

⁵⁴⁷ Протоколы заседаний ОС АН за 1917 г. § 306,307. Ср.: *Соболев В.С.* Для будущего России. Деятельность Академии наук по сохранению национального и культурного наследия. 1890–1930 гг. СПб., 2002. С.59–60.

⁵⁴⁸ *Алексеева Г.Д.* Указ. соч. С.202.

⁵⁴⁹ Грядущий день (Пг.). 1917. 26 ноября.

⁵⁵⁰ О безуспешной попытке общенности и Академии наук добиться освобождения вел. кн. Николая Михайловича из заключения см.: *Измозик В.С., Павлов В.Б.* Великий князь Николай Михайлович // Из глубины времен (СПб.). 1994. Вып.3. С.128–131; *Цамутали А.Н.* Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // Историки России. XVIII – начало XX века. С.508–509.

⁵⁵¹ А.С.Лаппо-Данилевский – в СНК РСФСР. 1918 г. Черновик // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.73. Л.1–1 об.

⁵⁵² Там же. Л.1.

⁵⁵³ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.44–45.

⁵⁵⁴ *Ростовцев М.И.* Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег) // *Ростовцев М.И.* Политические статьи. СПб., 2002. С.108. Ср.: *Ростовцев М.И.* Мученики науки в Советской России // Там же. С.98.

⁵⁵⁵ *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С.145.

⁵⁵⁶ *Залеман К.Г., Шахматов А.А., Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад комиссии для рассмотрения сделанного на Римском историческом конгрессе предложения... // ИАН. 1904. V серия. Т.XX, № 5. [С.VI–VII].

⁵⁵⁷ См.: *Приймак Н.И.* О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // ВСПУ. 1998. Сер.2. История, языковедение, литературоведение. Вып.4; *Кравченко Е.А.* Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) // Россия в XX веке: судьбы исторической науки М., 1996. С.436–446; Русские и советские ученые на международных конгрессах историков // ВИ. 1955. № 8; *Слонимский А.Г.* Участие российских ученых в международных конгрессах историков // ВИ. 1970. № 7; *Ардашев П.Н.* Третий международный исторический конгресс в Лондоне. СПб., 1913; *Хвостов М.М.* Международный исторический конгресс в Берлине. 6–12 августа 1908 г. Казань, 1909; *Сарбей В.Г.* 3 истории утверждения российской мови на міжнародных конгрессах істориків // Український історичний журнал. 1960. № 4.

⁵⁵⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Сообщение о международном конгрессе историков, проходившем в Берлине 6–12 августа (н. с.) 1908 г. // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 14. С.1113–1116.

⁵⁵⁹ Об этом конгрессе см.: *Ардашев П.Н.* Указ. соч.; *Тарле Е.В.* Международный исторический конгресс в Лондоне (3–9 апреля н. ст. 1913 г.) // НИЖ. 1913. № 1. Ср.: *Приймак Н.И.* О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. С.3–4.

⁵⁶⁰ А.С.Лаппо-Данилевский в своей речи, конспект которой сохранился в архиве, в частности, сказал: «I dare to say, that every scientific congress aims at the unifying of human thought. And that historical congresses have no other aim... [but] to unify our historical thoughts» [Смею утверждать, что каждый научный конгресс нацелен на объединение человеческой мысли. И у исторических конгрессов нет другой цели... как объединение исторической мысли] (ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.91. Л.7).

⁵⁶¹ Отчет о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 г. С.29.

⁵⁶² *Лаппо-Данилевский А.С.* L'idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis les troubles du XVII-ème siècle jusqu'aux réformes du XVIII-me // Essays in Legal History Read before the International Congress of Historical Studies Held in London /Ed. by P.Vinogradoff. Lnd., N. Y., 1913. Перевод: *он же*. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты и до эпохи преобразований // ГМ. 1914. № 12.

⁵⁶³ П.Г.Виноградов – А.С.Лаппо-Данилевскому. 21 сентября 1912 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.91. Л.11.

⁵⁶⁴ [Документы по участию в II и III Международных конгрессах исторических наук] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94. Ср.: *Приймак Н.И.* О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. С.3–8.

⁵⁶⁵ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94. Л.7.

⁵⁶⁶ Там же. Л.7 об.

⁵⁶⁷ Там же. Л.8.

⁵⁶⁸ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94. Л.14 об.; С.Ф.Платонов – А.С.Лаппо-Данилевскому. 30 ноября 1913 г. // Там же. Л.173–173 об.

⁵⁶⁹ Там же. Л.28–29,97–104,110–110 об. Первоначальный список организаций, намеченных к участию в конгрессе, составленный А.С.Лаппо-Данилевским, был принят еще в мае 1913 г. (см.: Приложение II к протоколу ИФО 8 мая 1913 г. // Протоколы заседаний ИФО за 1913 г.).

⁵⁷⁰ См.: НИЖ. 1914. № 3. С.118–127.

⁵⁷¹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94. Л.55.

⁵⁷² *Баклунд О.А., Залеман К.Г., Чернышев Ф.Н., Лаппо-Данилевский А.С.* Отчет о командировке на общее собрание Международного союза академий // Протоколы заседаний ОС АН за 1910 г. СПб., 1911. Приложение к протоколу заседания 6 ноября 1910 г.

⁵⁷³ Отчет о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 г. С.29.

⁵⁷⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1904 г. § 105; То же за 1912 § 98,334; То же за 1913 г. § 283,381; То же за 1914 г. § 28,406; То же за 1915 г. § 265.

⁵⁷⁵ *Хартанович М.Ф.* Предисловие // Летопись Российской Академии наук. Т.III. 1861–1900. С.9.

⁵⁷⁶ [Документы по участию в юбилее Женевского университета] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.92.

⁵⁷⁷ Там же. Л.4 об.

⁵⁷⁸ [Документы по участию в юбилее Берлинского университета] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.93. См. также: *Лаппо-Данилевский. А.С.* Проект адреса от Академии Берлинскому университету // ИАН. 1910. VI серия. Т.IV. С.1378.

⁵⁷⁹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.93.

⁵⁸⁰ [Документы по организации Французского института в Санкт-Петербурге] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.88. См. также: *Медушевский А.Н.* Становление политической антропологии: Французский институт в Петрограде // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений науч. конф., Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998. С.157-160.

⁵⁸¹ [Документы по участию в работе Общества Английского флага] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.85.

⁵⁸² [Документы по участию в работе Русско-английского общества] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.86.

⁵⁸³ *Тараторкин Ф.Г.* А.С.Лаппо-Данилевский и проект создания истории России на английском языке // АЕ за 1994 г. М., 1996.

⁵⁸⁴ Honorary degrees for Russian visitors. Ceremony at the Senate House // Cambridge daily news. 1916. August, 12; Русский сезон в Кембридже // Речь. 1916. 24 августа.

⁵⁸⁵ *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С.187.

⁵⁸⁶ *Golder F.A.* War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927 /Comp., ed., and introduced by T.Emmons and B.M.Patenaude. Stanford, 1992. P.13.

ГЛАВА III

НАСЛЕДИЕ А.С.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Монография «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» и вызванный ею резонанс в науке сразу поставили А.С.Лаппо-Данилевского в один ряд с крупнейшими современными историками. П.Н.Милюков, С.Ф.Платонов, М.А.Дьяконов, с разных позиций критически проанализировав труд А.С.Лаппо-Данилевского, сошлись во мнении о его высокой научной значимости. В 1890-е гг. внимание А.С.Лаппо-Данилевского переключается на последующий период русской истории – XVIII век. В эти годы основные работы ученого связаны с Екатерининским временем – малоизученной тогда эпохой.¹ Именно в это время за А.С.Лаппо-Данилевским закрепляется репутация тонкого историка общественной мысли и права – области, к которой он обратился в самом начале своей ученой деятельности² и которая стала главным объектом его конкретно-исторических исследований, в частности так и не увидевшей свет при жизни А.С.Лаппо-Данилевского (и не защищенной) докторской диссертации.³ Характерен отклик анонимного рецензента о работах А.С.Лаппо-Данилевского по истории XVIII века: «Все его исторические труды, постоянно затрагивающие русское право в прошлом, свидетельствуют не только об обстоятельности исследования, но и о понимании предмета. Выработанные веками категории, приемы мышления, не кажутся ему крючкотворными хитросплетениями, разрешаемые только ударом меча, наоборот, относясь с уважением к догме права, при ее помощи автор легко разбирается в самых сложных положениях».⁴ П.Н.Милюков в статье «Источники русской истории и русская историография», подготовленной для Энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона (1899 г.), выделил А.С.Лаппо-Данилевского из общего ряда петербургских историков, заметив, что он в своих исследованиях «по истории русского обложения и кодификации» стоит «ближе к историкам-юристам, чем к историкам».⁵ Однако, при всем значении работ раннего («доакадемического») периода ученой деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, основным предметом

анализа стали его более поздние работы, прежде всего связанные с методологией истории и дипломатикой частного акта.

С 1900-х гг. начался новый этап научного творчества А.С.Лаппо-Данилевского. В этот период задачами его исследовательской деятельности стали выработка методологии исторического знания и ее применение в научной практике. Первым результатом этой работы стало издание в начале 1910-х гг. двух первых выпусков «Методологии истории».⁶

Незамедлительно на «Методологию истории» отреагировал библиограф Н.А.Рубакин, у которого с А.С.Лаппо-Данилевским сложились теплые отношения. В мае 1913 г. Н.А.Рубакин писал академику: «Недавно я познакомился с капитальным Вашим трудом по методологии истории, который и использован мною широко в II-й “Среди книг”. К сожалению, в ней о методологии истории я мог говорить лишь о I части Вашей превосходной работы, т.к. II [часть] дошла до меня лишь после того, как эта часть уже была напечатана».⁷

«Методология истории» сразу же привлекла внимание как историков, так и философов. Первым откликом на эту работу стала рецензия Н.И.Кареева,⁸ одного из наиболее значительных исследователей теории исторического знания. Принимая во внимание то обстоятельство, что издание было осуществлено как учебное пособие для студентов историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, Н.И.Кареев отметил обременительность для учащихся этого курса. Он считал «Методологию истории» «скорее ученым трактатом, нежели курсом лекций».⁹ Рецензенту при этом импонировало строгое отделение теории исторического знания от теории исторического процесса. Н.И.Кареев констатировал, что отправной точкой системы А.С.Лаппо-Данилевского стало «виндельбандовское различие»¹⁰ между номотетической и идиографической точками зрения. Наиболее подробно в рецензии рассматривался раздел, посвященный методологии источниковедения. Н.И.Кареев обратил внимание на ярко выраженный психологический подход А.С.Лаппо-Данилевского и отметил плодотворность определения им исторического источника как реального продукта человеческой психики. С похвалой отозвавшись о теории источниковедения, Н.И.Кареев констатировал, что «весь отдел об интерпретации источников разработан А.С.Лаппо-Данилевским заново».¹¹ Небольшая рецензия Н.И.Кареева носит скорее описательный, нежели аналитический характер. Он не пытался рассматривать рецензируемый труд в целом. Его оценки «Методологии истории» как «полезной», «нужной» книги не содержат каких-либо выводов о реальном научном значении труда. На наш взгляд, это было связано с тем, что рецензент не хотел вступать в полемику с автором «Методологии истории» (см. первую главу). Историко-философские воззрения Н.И.Кареева восходили к позитивизму и были иными, нежели у А.С.Лаппо-Данилевского.

В 1915 г. проходило празднование 25-летия научно-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. Ряд откликов на это событие появился в печати. Наиболее обстоятельные статьи, посвященные этому юбилею, принадлежат его ученику В.Н.Куну и одному из ближайших коллег А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Кизеветтеру.

Среди работ А.С.Лаппо-Данилевского особое значение В.Н.Кун придал «Методологии истории», отметив ее большой вклад в историко-философскую литературу. В.Н.Кун первым в литературе дал характеристику научно-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, особо указав на основную ее черту — уважение и поддержку «самодетельно чужой мысли». Автор, в частности, привел краткую характеристику речей учеников А.С.Лаппо-Данилевского, произнесенных во время чествования учителя его дипломатическим семинарием.¹² В приветственной речи, произнесенной от имени семинария А.А.Шиловым, основное внимание было уделено заслугам А.С.Лаппо-Данилевского «в выработке методов обращения с научным материалом».¹³

Основной темой статьи А.А.Кизеветтера стало выяснение соотношения философского и исторического начал в творчестве А.С.Лаппо-Данилевского. Автор пришел к выводу, что «философские штудии А.С.Лаппо-Данилевского идут рука об руку с его исследовательской деятельностью в области русской истории, сообщая ей более широкий размах в области обобщающей мысли», что не ослабляло внимания А.С.Лаппо-Данилевского к «изучению специальных исторических вопросов». В качестве примера такого изучения автор привел «обширный труд по истории политического сознания русского общества в эпоху Московского государства и в XVIII ст., обнаружения... [которого. — *Е.Р.*] ожидают друзья русской исторической науки».¹⁴

Празднование 25-летия научно-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского завершилось изданием сборника статей его учеников, посвященного этому событию.¹⁵ Среди авторов сборника были А.И.Андреев, А.А.Шилов, В.И.Веретенников, В.Н.Кун, Г.М.Котляров, М.Ф.Злотников, Н.И.Сидоров, М.Н.Смирнов. Все статьи были написаны участниками дипломатического семинария А.С.Лаппо-Данилевского и были связаны с его проблематикой. А.И.Андреев поместил в сборнике и очерк деятельности кружка А.С.Лаппо-Данилевского. Автор подчеркнул методологическую направленность деятельности кружка, определил основные этапы его развития и направления работы.¹⁶

В 1915 году вышли две обстоятельные статьи, посвященные анализу «Методологии истории». Первая развернутая рецензия на книгу «Методология истории» принадлежит перу одного из учеников А.С.Лаппо-Данилевского — Т.И.Райнову.¹⁷ В статье под названием «О философских взглядах и педагогических воззрениях А.С.Лаппо-Данилевского» рецензент отметил, что А.С.Лаппо-Данилевского можно назвать неокантианцем, но Кант у него — лишь «исходная точка», «толчок», «побуждающий к развитию собственной мысли».¹⁸ По мнению автора, для А.С.Лаппо-Данилевского свойственно даже критическое отношение к Канту, Кант для него — не канон, автор часто обращается и к понятиям докантианской философии. Т.И.Райнов считал, что в труде А.С.Лаппо-Данилевского отсутствует какая-либо догматическая система, но подход автора неизменно характеризуется систематическим единством.¹⁹

С точки зрения Т.И.Райнова, объектом философского интереса А.С.Лаппо-Данилевского было научное познание, наука. Рецензент под-

робно останавливается на этом общем теоретическом основании доктрины А.С.Лаппо-Данилевского, обращаясь по преимуществу к «Методологии истории». Свои доводы он дополнил ссылками на статью А.С.Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины Конта».²⁰ Исходя из разрозненных высказываний А.С.Лаппо-Данилевского, Т.И.Райнов выстроил следующую цепь рассуждений автора «Методологии истории». Целью развития науки является стремление к единству знаний. Развитие науки проявляется в форме построения действительности в научном, т.е. во всеобщем, значении. Эта задача решается путем отбора и систематизации данных индивидуального переживания. Такой подход определяет основные принципы построения научного познания. Базовым принципом научного познания в системе А.С.Лаппо-Данилевского выступает принцип систематического единства знания. Т.И.Райнову импонировал такой подход автора, характерный для позитивистского направления в науке. Рецензент характеризовал теоретическое построение автора «Методологии истории» как философскую новацию, так как, по его мнению, в системе А.С.Лаппо-Данилевского гносеология становится учением о методах научного познания с точки зрения их подчиненности соответствующим философским принципам. В то же время Т.И.Райнов считал недостаточно аргументированным сам вывод А.С.Лаппо-Данилевского о том, что во всяком познании человек стремится к единству знаний, так как вся аргументация в книге, по словам рецензента, сводилась к аналогии знания с сознанием, которое, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, характеризуется единством.²¹ Останавливаясь на других недостатках работы, Т.И.Райнов отметил, что А.С.Лаппо-Данилевский не затронул ряда принципиальных философских вопросов, ответы на которые следовало бы дать, исходя из содержания теоретических выводов его методологии. Автор рецензии высказал мнение, что А.С.Лаппо-Данилевским не решены проблемы отношения действительности к предмету познания, содержания принципов знания и действительности, а также не разъяснено понятие «единства в систематическом смысле».²²

Несмотря на критику, Т.И.Райнов очень высоко оценил философские достижения «Методологии истории». Считая союз философии и эмпирической науки естественным и необходимым, рецензент констатировал, что теоретическая работа А.С.Лаппо-Данилевского была одиночкой попыткой выработать принципы научного познания и их системного приращения.²³

Кроме анализа книги «Методология истории», в статье Т.И.Райнова содержится характеристика деятельности семинария А.С.Лаппо-Данилевского по методологии истории, участником которого был и автор статьи. Т.И.Райнов оставил единственное в литературе подробное описание организации и порядка работы этого объединения. Автор отмечал, что многие из выступлений его руководителя «могли бы составить специальные статьи», способные заполнить «весьма существенные пробелы в философской литературе».²⁴ Т.И.Райнов дал развернутую характеристику метода мышления своего учителя и подчеркнул, что А.С.Лаппо-Данилев-

ский «заботится о внутренней стройности, строгости и четкости [мысли. — *Е.Р.*]... и менее всего о ее внешней красоте».²⁵ По Т.И.Райнову, особенностью процесса анализа А.С.Лаппо-Данилевского является присущая ему «чрезвычайная обостренность различающей функции мышления». По мнению автора, каждый участник семинария неизбежно выносил из занятий у А.С.Лаппо-Данилевского что-либо «по части методов научного исследования, “мышления” вообще».²⁶ «Для многих участие в [семинарии. — *Е.Р.*], — подчеркивал Т.И.Райнов, — было и остается настоящей эпохой в умственном, в частности — в научном их развитии и созревании».²⁷

Н.Д.Кондратьев в статье «Теория истории А.С.Лаппо-Данилевского» кратко изложил основы методологии ученого, критически оценил ее и указал на место этого труда в ряду аналогичных по задачам работ.²⁸ Особый интерес вызывают замечания Н.Д.Кондратьева, относящиеся к самым основаниям рассматриваемой доктрины.²⁹ Отмечая, что фундаментальными основами «Методологии истории» являются принципы «единства сознания» и «систематического единства» знания, Н.Д.Кондратьев считал, что вопрос об их соотношении остался невыясненным. Иными словами, для рецензента осталось неясным, что в методологии А.С.Лаппо-Данилевского первично — чувственный принцип «сознания» или теоретико-познавательный принцип «систематического единства знания». По мнению Н.Д.Кондратьева, А.С.Лаппо-Данилевский решает этот вопрос в пользу то одного, то другого принципа.³⁰

По поводу выдвигаемого А.С.Лаппо-Данилевским понятия «абсолютные ценности» Н.Д.Кондратьев задает вопрос, почему А.С.Лаппо-Данилевский использует это понятие только применительно к познанию истории с идиографической точки зрения. По мнению рецензента, рассмотрение исторического знания с номотетической точки зрения имеет такое же основание для применения понятия «абсолютные ценности». Тем самым Н.Д.Кондратьев отверг тезис А.С.Лаппо-Данилевского, согласно которому номотетическое знание менее многообразно, чем идиографическое, которое одно только может исходить из высшего критерия. По Н.Д.Кондратьеву, если «обобщенное» так же бесконечно многообразно, как и «единичное», то и понятие «абсолютные ценности» следует относить не только к «индивидуальному», но и к «типическому».³¹ Подобная критика подрывала саму основу концепции А.С.Лаппо-Данилевского. Рецензент высказал также недоумение по поводу соотношения фактов с абсолютной ценностью через «всеобщее значение», так как с точки зрения «объекта истории» они уже признаны «историческими». И наконец, Н.Д.Кондратьев задал коренной вопрос о самой критерии отнесения фактов к абсолютной ценности. По его мнению, в сочинении А.С.Лаппо-Данилевского он не был указан.³² В свете приведенных замечаний становится понятной мысль автора рецензии о пагубном влиянии «пробелов» в основаниях здания методологии на ценность рассматриваемого труда в целом.³³

Н.Д.Кондратьев отметил и достоинства «Методологии истории». К ним он отнес всестороннее исследование А.С.Лаппо-Данилевским принци-

пов причинности, случайности, чужой одушевленности; закона обобщения; конструкцию исторического целого. Особо рецензент отметил глубину теории источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. Справедливо относя А.С.Лаппо-Данилевского к сторонникам идиографического подхода к историческому знанию, Н.Д.Кондратьев подчеркнул, что ученому удалось преодолеть существенные недостатки концепций своих предшественников, страдавших либо слишком большой общностью, удаленностью от конкретного исторического материала, либо малой обоснованностью философских принципов. По мнению рецензента, А.С.Лаппо-Данилевский попытался объединить идиографическую и номотетическую точки зрения на почве совмещения общефилософского и специально-исторического знания, «соединяя в себе лучшие достоинства и того и другого».³⁴ На наш взгляд, анализ Н.Д.Кондратьевым книги «Методология истории» относится к наиболее глубоким откликам на этот труд.

Таковы первые отклики и оценки двух первых выпусков «Методологии истории». Их основным содержанием стал анализ принципов «Методологии истории» в кругу идей того времени, критический подход к выдвинутым А.С.Лаппо-Данилевским положениям с позиций позитивизма. Все рецензенты отмечали положительное значение труда призывали автора продолжить разработку своей концепции и ждали публикации 3-го выпуска «Методологии истории».

Кончина А.С.Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г. поставила перед его коллегами и учениками вопрос о подведении итогов творческого пути ученого. Первая попытка проанализировать результаты научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и наметить пути систематизации и изучения его творческого наследия принадлежала Академии наук. В апреле 1919 г. академик М.А.Дьяконов зачитал на общем собрании Академии некролог А.С.Лаппо-Данилевского.³⁵ После его смерти М.А.Дьяконов несколько месяцев исполнял основные обязанности, которые до этого нес в Академии А.С.Лаппо-Данилевский, и возглавил комиссию по изданию его трудов. Дав общую характеристику научной деятельности своего коллеги, М.А.Дьяконов отметил в качестве особой заслуги А.С.Лаппо-Данилевского «создание школы... научно-критического изучения источников».³⁶ Автор некролога считал, что наиболее важным трудом для самого А.С.Лаппо-Данилевского была «Методология истории». В то же время сам М.А.Дьяконов не решился предположить, в какой мере результаты этого труда «оригинальны и значительны».³⁷ Смерть самого М.А.Дьяконова в августе 1919 г. прервала работу Академии по разбору и подготовке к изданию трудов А.С.Лаппо-Данилевского.

В статье «Памяти А.С.Лаппо-Данилевского и М.А.Дьяконова» (1919 г.) Я.Л.Барсков высказал мнение, что никто из русских ученых не сделал так много для методологии истории, как А.С.Лаппо-Данилевский. В то же время относительно книги «Методология истории» в статье содержится и критическое замечание: «<...> курс... к сожалению, был известен лишь по записям слушателей, хотя и напечатанным под редакцией автора. Яс-

ная, четкая речь Лаппо-Данилевского была вообще лишена живости и блеска, которые привлекают читателя».³⁸ В статье, «посвященной памяти загубленных друзей и коллег» (1920 г.), М.И.Ростовцев дал схожую, но эмоционально более яркую характеристику трудам А.С.Лаппо-Данилевского по методологии истории: «<...> его лекции по философии истории – глубокие и тяжелые – были и наслаждением и мучением для ряда начинающих историков, его учеников».³⁹

В 1919 г. появилась серия публикаций об А.С.Лаппо-Данилевском в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии».⁴⁰ Ее авторами были Г.В.Вернадский, Б.Д.Греков и А.И.Маркевич. Всех трех авторов связывали с А.С.Лаппо-Данилевским давние и теплые отношения. Если Б.Д.Греков и Г.В.Вернадский являлись в определенной степени учениками А.С.Лаппо-Данилевского и принимали участие в возглавляемых им научных предприятиях, то А.И.Маркевич, по-видимому, начиная с 1880-х гг. входил в круг «крымских знакомых» ученого (А.С.Лаппо-Данилевский почти каждый год приезжал в Симферополь, где он провел свои гимназические годы). Не принявшие Октябрьского переворота 1917 г. Г.В.Вернадский и Б.Д.Греков переехали в Крым, где вместе с другими русскими интеллигентами оказались отрезанными на годы гражданской войны от ученых центров и библиотек Москвы и Петрограда. Поэтому очерки этих авторов о деятельности А.С.Лаппо-Данилевского основаны почти исключительно на воспоминаниях и содержат целый ряд фактических неточностей. Тем не менее они представляют несомненный историографический интерес как одни из первых попыток подведения итогов творчества ученого.

Статья Г.В.Вернадского заслуживает внимания прежде всего тем, что является единственной историографической работой, специально посвященной трудам А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории XVIII в.⁴¹ Г.В.Вернадский отметил значение исследований А.С.Лаппо-Данилевского прежде всего для «методологии истории новой России», в основе которой лежала его «установка на строгое согласование выводов с материалом».⁴²

Б.Д.Греков в статье «Ученая и учебная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского»,⁴³ с одной стороны, обратил внимание на темы уже затронутые в литературе: был приведен подробный, хотя и менее стройный по сравнению с рецензиями Н.Д.Кондратьева, Т.И.Райнова, Н.И.Кареева, обзор содержания «Методологии истории»⁴⁴; сжато дана оценка «Организации прямого обложения» и того резонанса, который труд получил в историографии.⁴⁵ С другой стороны, Б.Д.Греков осветил историю и основные черты школы А.С.Лаппо-Данилевского,⁴⁶ затронул вопросы научно-организаторской деятельности академика.⁴⁷ Автор считал, что в основе исторических занятий А.С.Лаппо-Данилевского был «теоретический интерес».⁴⁸ Согласно Б.Д.Грекову, основная черта ученого «в течение всей его жизни, это необычайная осторожность, тщательность и точность в изучении источника, строгость и обоснованность выводов».⁴⁹ По мнению автора, сочетание этих черт отразилось в теоретических занятиях А.С.Лаппо-Данилевского, которые постепенно превратили его «из исто-

рика, посвящавшего себя изучению конкретных явлений жизни, в чистого теоретика исторического знания». ⁵⁰ Рассматривая проблему школы А.С.Лаппо-Данилевского, Б.Д.Греков назвал отличительной чертой работы его учеников (к числу которых автор относил и себя) «строжайшую научную выправку», подчеркивая, что учитель «требовал прежде всего строгого научного метода». ⁵¹ Исходя из этого положения, Б.Д.Греков делает заключительный вывод: «А.С... жил для науки и в науке видел жизнь, через науку подходил к жизни, в науке искал и находил смысл и озарение своей жизни». ⁵² В конце статьи Б.Д.Греков первый в литературе указал на духовно-этическую основу научного творчества А.С.Лаппо-Данилевского. ⁵³

А.И.Маркевич своим обзором положил начало обсуждению в литературе вопроса о роли А.С.Лаппо-Данилевского как организатора архивного дела в России. ⁵⁴ В числе основных направлений архивной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского автор назвал его участие в работе губернских ученых архивных комиссий, руководство Особой комиссией Русского исторического общества, а затем Союзом российских архивных деятелей. Целью архивной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, по словам А.И.Маркевича, было преодоление российского «архивного нестроения». ⁵⁵ В статье также впервые приводится и общий обзор археологической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. ⁵⁶

В 1920 г. с оценкой «Методологии истории» выступил один из видных теоретиков исторической науки Л.П.Карсавин. В книге «Введение в историю» («Теория истории») ⁵⁷ Л.П.Карсавин охарактеризовал работу А.С.Лаппо-Данилевского как «один из наиболее обширных и систематических курсов по теории и методологии истории» и высказал мнение о том, что «для всякого, серьезно изучающего вопросы теории истории, она является необходимой». В труде А.С.Лаппо-Данилевского Л.П.Карсавин особенно привлекли богатство и полнота изложения историографии предмета. В то же время автор утверждал, что собственное построение А.С.Лаппо-Данилевского недостаточно ясно и обоснованно, считая, что «единого построения задач и методов истории не дано». ⁵⁸

Важным историографическим фактом стало издание «Очерка русской дипломатики частных актов» (1920 г.), ⁵⁹ который был подготовлен к печати учеником А.С.Лаппо-Данилевского А.И.Андреевым. ⁶⁰ «Очерк...» сразу же оказался в сфере внимания авторов работ о научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.

В 1920 г. в Петрограде вышел специальный сборник статей (отдельный том «Русского исторического журнала» ⁶¹), посвященный памяти А.С.Лаппо-Данилевского. Большинство работ, помещенных в сборнике, было непосредственно связано с анализом творчества историка. Среди них были статьи Н.И.Кареева, И.М.Гревса, С.Ф.Ольденбурга, Б.А.Романова, В.И.Веретенникова, С.Н.Валка и А.Е.Преснякова.

Основой статьи Н.И.Кареева «Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского» стал доклад в Историческом обществе при Петроградском университете, с которым Н.И.Кареев выступил в 1919 г. ⁶² От первой его рецензии на «Методологию истории» (1913 г.) ⁶³ данная статья

отличается более полным изложением концепции А.С.Лаппо-Данилевского, а также ее критической оценкой. Примечательным элементом статьи является единственное в литературе краткое описание не опубликованной в типографском варианте (есть литографическое издание ⁶⁴) части «Методологии истории». ⁶⁵ Н.И.Кареев очень высоко оценил историко-теоретические исследования А.С.Лаппо-Данилевского, отмечая, в частности, стремление А.С.Лаппо-Данилевского избежать какой-либо односторонности в решении рассматриваемых вопросов. В то же время автор отметил, что А.С.Лаппо-Данилевский по своим взглядам примыкал к «кантианскому критицизму, а из представителей последнего на него оказали наибольшее влияние Виндельбанд и Риккерт». ⁶⁶ Н.И.Кареев отметил предпринятую А.С.Лаппо-Данилевским попытку объединения номотетической и идиографической точек зрения, оценивая ее как достижение «синтеза, снимающего противоположности и примиряющего их в высшем единстве». ⁶⁷ По некоторым вопросам Н.И.Кареев высказал иное мнение, нежели А.С.Лаппо-Данилевский. В частности, он отверг то обоснование необходимости идиографичности истории, которое предложил А.С.Лаппо-Данилевский. По Н.И.Карееву, специфика индивидуального в истории не столько в том, что оно является неповторяющейся частью известного целого, а в обособлении его от этого целого. Смысл этого замечания напрямую связан с отличной от взглядов А.С.Лаппо-Данилевского точкой зрения на то общее, что они называли «человечеством». Критически оценивая историко-теоретическую концепцию А.С.Лаппо-Данилевского, Н.И.Кареев считал, что «человечество, в большей части своей истории не было чем-то целым, хотя, взятое в своих разрозненных частях, и является единым и единственным, что и делает возможным идиографическое его изучение». ⁶⁸ С этим утверждением был связан и другой упрек Н.И.Кареева. Он считал недостаточно обоснованным понимание А.С.Лаппо-Данилевским человечества как главного объекта истории и указал на самодовлеющее значение в сознании А.С.Лаппо-Данилевского его социологической концепции. ⁶⁹ Н.И.Кареев отметил, что А.С.Лаппо-Данилевский противопоставил позитивизму О.Конта не иную философию, а пытался «пересмотреть некоторые построения [позитивизма. — Е.Р.] с точки зрения чистой науки». Автор пришел к выводу о том, что «по существу же сам Лаппо-Данилевский был и позитивистом и социологом в более широком понимании и более свободном критическом направлении». ⁷⁰

Цель статьи И.М.Гревса — «опыт истолкования души» ⁷¹ покойного друга. Как отмечал сам автор, эта статья представляет собой расширенный текст речи, посвященной памяти А.С.Лаппо-Данилевского, прочитанной им на собрании памяти историка, организованном Академией наук в 1919 г. ⁷² И.М.Гревс пытался обрисовать облик А.С.Лаппо-Данилевского через изображение разных сторон его личности и характера. Основными свойствами личности покойного ученого И.М.Гревс считал «дворянское воспитание», «любовь к природе», «научный интерес», ⁷³ «любовь к музыке», «религиозность», ⁷⁴ сосуществование в сознании А.С.Лаппо-Данилевского идей двух разных путей познания — религиозного и на-

учного.⁷⁵ По И.М.Гревсу, проникновенная религиозность стала основой глубокого понимания А.С.Лаппо-Данилевским своего этического долга. Эта черта его личности и «научный интерес» порождали стремление к совершенству научного познания.⁷⁶ Автор отмечал, что стремление к совершенству в познании, с одной стороны, порождало самопессимизм А.С.Лаппо-Данилевского,⁷⁷ а с другой — заставляло его искать опору в систематизации научного знания и выработке в себе истинного энциклопедизма⁷⁸ (основы которого были заложены базовым образованием — лучшей стороной дворянского воспитания). И.М.Гревс считал, что самопессимизм, связанные с ним строгость к себе и повышенная самокритика порождали болезненное самолюбие А.С.Лаппо-Данилевского, протестующее против «задевания другими наболевших от самокритики мест».⁷⁹ По И.М.Гревсу, чувство этического долга и стремление к совершенству в науке порождали и требовательность А.С.Лаппо-Данилевского по отношению к другим. Как отмечал автор, в сочетании с проявлениями болезненного самолюбия А.С.Лаппо-Данилевского это привело к несправедливой легенде о нем как «гордом педанте, самоуверенном и сухом, придирчивом индивидуалисте».⁸⁰ И.М.Гревс выразил мнение, что систематизация научного знания и соответствующий ей энциклопедизм нашли яркое выражение в профессиональных занятиях А.С.Лаппо-Данилевского историей. На взгляд автора, ученого все больше привлекала «теория истории», работа над которой все более систематизировалась, перерастая во всеобъемлющую систему «теоретического обществоведения».⁸¹ Согласно И.М.Гревсу, этим обусловлено и то, что «постепенно можно сказать, философ в А.С.Лаппо-Данилевском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их, как это понимание развивалось в концепцию широкой полноты и стройности».⁸² В то же время, как отметил И.М.Гревс, основные труды А.С.Лаппо-Данилевского так и остались незавершенными из-за стремления к совершенству в научном познании.⁸³

И.М.Гревс неоднократно отмечал незыблемую научную принципиальность как линию всего поведения А.С.Лаппо-Данилевского.⁸⁴ Хотя формально автор отказался от выводов,⁸⁵ он все же пришел к определенному аналитическому обобщению в своем «истолковании души»: «одушевляла, одухотворяла, единила многообразные крупные начала его души — высокая жажда (Sehnsucht) бесконечного, постоянная мысль, упорная и властная о вечном... Его проникало все больше убеждение в духовности космоса, ощущение мировой любви, как основного закона бытия, понимание зависимости человека от космоса силою притяжения этой мировой любви, которая вместе с тем наполняет его правдой и значит дает свободу: единство и свобода в любви!... А.С. шел к вечности через науку, философию, природу, жизнь; он мыслил ее религиозно; может быть музыка ближе всего подводила его к мистическому восприятию высшего мирового начала, Бога».⁸⁶ Свой взгляд на личность А.С.Лаппо-Данилевского И.М.Гревс подкреплял цитатами из юношеского дневника⁸⁷ и пи-

сем историка, которые, впрочем, скорее иллюстрируют оценки И.М.Гревса, нежели прямо провоцируют их, — естественно, что в основе взгляда автора на личность ушедшего товарища лежал личный опыт и особенности его собственного мирозерцания, а не источниковый материал.

Среди воспоминаний об А.С.Лаппо-Данилевском важное место занимает очерк одного из его ближайших друзей, неперемного секретаря Академии С.Ф.Ольденбурга — «Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук».⁸⁸ Среди затронутых в очерке тем: научно-организаторский стиль работы академика А.С.Лаппо-Данилевского⁸⁹; составление плана издания архивных документов, издание «Грамот Коллегии экономии»⁹⁰; издание трудов А.А.Куника⁹¹; оценки научных работников и их трудов, данные А.С.Лаппо-Данилевским по поручению Академии⁹²; общественная и политическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского⁹³; международная научная деятельность академика.⁹⁴ С.Ф.Ольденбургом были упомянуты и такие факты научной биографии А.С.Лаппо-Данилевского, как издание источников,⁹⁵ организация деятельности архивных комиссий,⁹⁶ проекты укрепления Академии,⁹⁷ организация Института социальных наук,⁹⁸ труды А.С.Лаппо-Данилевского о русской науке.⁹⁹ Таким образом, С.Ф.Ольденбург очертил поле деятельности для последующего изучения круга занятий ученого в Академии наук.

«Две речи» Б.А.Романова¹⁰⁰ выдержаны в жанре, созвучном очерку И.М.Гревса, который можно назвать рефлектирующими воспоминаниями. Неслучайно И.М.Гревс хвалил и рекомендовал первую из речей Б.А.Романова к публикации.¹⁰¹ Очерки Б.А.Романова в целом дают представление о личности и жизни А.С.Лаппо-Данилевского, созвучное содержащемуся у И.М.Гревса: уважение к человеку, верность научному долгу, строгость мысли. Б.А.Романов считал, что «в облике А.С. сходятся логические и этические нити человеческой природы».¹⁰² Б.А.Романов восстанавливает облик А.С.Лаппо-Данилевского через раскрытие конкретных эпизодов общения (семинарий, экзамен, заседание исторического кружка).¹⁰³

Статья В.И.Веретенникова посвящена рассмотрению педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁰⁴ В.И.Веретенников отметил, что не может пока «спокойно, со взглядом издали подойти к делам и творениям покойного учителя»,¹⁰⁵ что цель этих воспоминаний «постараться наметить те черты дорогого учителя, которые сделали для меня Александра Сергеевича именно моим дорогим и единственным учителем».¹⁰⁶ Среди этих черт автор называл: «культ настоящего знания»,¹⁰⁷ главенство «чистой науки» во всей работе. О школе А.С.Лаппо-Данилевского В.И.Веретенников писал не как о направлении в историографии или даже в исторической методологии, а в чисто педагогическом смысле: «Эта школа состояла не в том, что ученики усваивали себе более или менее догматически основные идеи своего учителя и затем, усвоив их, продолжали их дальнейшее развитие в том или ином направлении, с той или иной точки зрения. Александр Сергеевич не давал никакой догматики своим ученикам... он выковывал у... ученика настоящее понимание методов познания как той или иной специальности, так, может быть, и в более широ-

ком масштабе».¹⁰⁸ По словам В.И.Веретенникова, эта педагогическая работа основывалась на огромной эрудиции, которая была «собственным знанием» ученого, прошедшим «через горнило его аналитического ума»,¹⁰⁹ и соответствовала «исключительной широте ученого горизонта»,¹¹⁰ а также открытости для аудитории лаборатории его научных построений.¹¹¹ Появление в литературе такого представления об А.С.Лаппо-Данилевском как ученом и профессоре в отрыве от его этических, философских и исторических взглядов важно, поскольку позволяет более критически взглянуть на различные попытки «синтеза» и более объективно оценить роль А.С.Лаппо-Данилевского и его идей в формировании мировоззрения и научных методов его учеников и петербургской исторической школы в целом.

Очерк С.Н.Валка «Воспоминание ученика» в «Русском историческом журнале» (1920 г.), главным образом, посвящен А.С.Лаппо-Данилевскому как создателю новой для России вспомогательной научной дисциплины — дипломатики. Мы объединили в нашем рассмотрении серию аналитических суждений С.Н.Валка о дипломатическом методе А.С.Лаппо-Данилевского и его школы.¹¹² Благодаря работам С.Н.Валка,¹¹³ А.С.Лаппо-Данилевский признан в литературе как основатель русской школы дипломатики частного акта.¹¹⁴ Это суждение С.Н.Валк высказал уже в первом кратком отклике на «Очерк дипломатики частного акта».¹¹⁵ В той же рецензии С.Н.Валк указал и на то, что в «Очерке дипломатики...» получили развитие общие принципы «Методологии истории».¹¹⁶ В очерке «Воспоминание ученика» С.Н.Валк основное внимание уделил истории дипломатического семинария А.С.Лаппо-Данилевского. Наблюдения автора интересны и с точки зрения истории русской дипломатики, и с точки зрения генезиса научных взглядов в этой области как А.С.Лаппо-Данилевского, так и самого С.Н.Валка. По его словам, существовало две группы («правая» и «левая») в семинарии и кружке по изучению частных актов.¹¹⁷ Исходя из изложения С.Н.Валка, можно предположить, что в ходе эволюции семинара изменялся и характер «оппозиционности» двух групп по отношению друг к другу. Вначале «библиографы» («правая»), связывавшие свои задачи с исторической практикой, противостояли теоретикам акта («левая»). Затем, по мере работы над актами и развития теории, положение изменилось: «Путь пройден был не малый, от наивного библиографического сознания к принципиально-обоснованному. На место случайного состава записи становился другой — целебусловленный».¹¹⁸ Автор давал понять, что вместе с А.С.Лаппо-Данилевским принадлежит к лагерю «теоретиков». Благодаря мысли «теоретиков», согласно С.Н.Валку, лучше почувствовали себя именно «практики», т.е. работники «того психологического склада, что более склонен к библиографическому типу работы... Вот научно-психологический момент, создавший в процессе непрерывного и систематического труда нашу правую и питавший ее».¹¹⁹ Но движение вперед «левой» группы, вдохновляемое А.С.Лаппо-Данилевским, продолжалось. Автор так оценивал научные позиции членов кружка А.С.Лаппо-Данилевского на момент его распада: «<...> если для части из нас дипломатика приобретала такое независимое значение об-

ласти самостоятельных проблем, то из остальных одни продолжали тяготеть к исходным точкам — к собственно историческому исследованию со стремлением лишь служебно понять роль акта (они-то и стали нашим центром), другие же поняли дипломатику своеобразно, независимо от истории собственно, желая прежде всего и едва ли не только всего клаузуального анализа акта (наша же правая».¹²⁰ Замечания, приведенные в «Воспоминании ученика», соответствовали точке зрения о расхождении в семинаре А.С.Лаппо-Данилевского, высказанной С.Н.Валком двумя годами позднее — в другой рецензии на «Очерк дипломатики частных актов» А.С.Лаппо-Данилевского.¹²¹ Однако в статье 1922 г. А.С.Лаппо-Данилевский выступает скорее как представитель «правой», т.е. чуждой рецензенту точки зрения.¹²² На наш взгляд, в действительности А.С.Лаппо-Данилевский в «Очерке дипломатики частных актов» синтезировал позиции участников кружка. Сам С.Н.Валк отмечал, что, несмотря на разногласия, членам кружка «все яснее становилось, что научно мы несомненно представляем что-то единое»,¹²³ но одновременно сводил это общее к абстрактным категориям единства «в пределах абсолюта», понимание «этического императива», научного дела¹²⁴ и объединения самой личностью А.С.Лаппо-Данилевского.¹²⁵ Проводимая в «Воспоминании ученика» и рецензии 1922 г. сепарация взглядов участников семинара объективно подготавливала основания для вызревания формально-эволюционной концепции С.Н.Валка, преодолевающей установки методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского.¹²⁶ С другой стороны, сам факт фундаментальных расхождений между участниками семинара А.С.Лаппо-Данилевского не вызывает сомнений. Именно поэтому интегрирующий подход самого А.С.Лаппо-Данилевского вызвал возражения у представителя другой («правой») точки зрения. Выражением этой точки зрения стала рецензия Г.М.Котлярова.¹²⁷ Если С.Н.Валк критиковал А.С.Лаппо-Данилевского за необоснованное преобладание «систематической» точки зрения над «эволюционной» в вопросе «об актах с осведомительным и актах с удостоверительным характером»,¹²⁸ то Г.М.Котляров недостаток всей системы А.С.Лаппо-Данилевского видел, по сути, как раз в неразвитости юридической точки зрения: как с позиций методологии (ошибочное выделение А.С.Лаппо-Данилевским исторического источниковедения акта, т.е. изучение его как явления («документа с правозначимым содержанием») из исторического построения), так и с позиций собственно дипломатики — отсутствия у А.С.Лаппо-Данилевского «выяснения видов и разновидностей русских старинных актов».¹²⁹

В 1922 г. вышел из печати первый том «Сборника грамот Коллегии экономии».¹³⁰ В редакторском предисловии А.И.Андреев изложил историю подготовки издания. Особое место автором было уделено освещению роли А.С.Лаппо-Данилевского, в течение почти двадцати лет руководившего подготовительными работами по изданию сборника.¹³¹ Одновременно с его выходом в свет Академией наук (под редакцией А.И.Андреева) были опубликованы и «Правила издания сборника грамот коллегии экономии».¹³² На первый том «Сборника...» и «Правил...» откликнулся С.Н.Валк. В рецензии с подзаголовком «Историографичес-

кие заметки» он показал, что начало издания «Сборника грамот Коллегии экономии» было подготовлено всем ходом развития российского актоведения и археографии. С.Н.Валк обратил внимание и на то, что «работа над изданием «Сборника» имела результатом... создание в условиях русской науки новой для последней исторической дисциплины — дипломатики».¹³³

Под редакцией А.И.Андреева в 1922 г. вышел в свет и «Терминологический словарь частных актов Московского государства».¹³⁴ В предисловии редактор показал основные этапы работы над словарем, проходившей под руководством А.С.Лаппо-Данилевского.¹³⁵

Расхождения С.Н.Валка с учителем по ключевым вопросам теории источниковедения не мешали ему высоко оценивать в целом значение «Методологии источниковедения» и отдельных разделов этого труда. Обратившись в 1922 г. к проблеме критики мемуаров политических деятелей русской революции (которые в большом количестве появлялись в печати в начале 1920-х гг.), С.Н.Валк призывал историков при анализе этого источника следовать приемам критики мемуаров, изложенной в «Методологии источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского.¹³⁶

От имени Петербургского философского общества некролог А.С.Лаппо-Данилевского был подготовлен Н.В.Болдыревым и опубликован в журнале «Мысль» (1922 г.).¹³⁷ Автор охарактеризовал философские искания А.С.Лаппо-Данилевского как попытку системного познания истины. Согласно Н.В.Болдыреву, для того, чтобы познать истину, А.С.Лаппо-Данилевский обратился к научному знанию, для того, чтобы понять принципы этого знания, — к выяснению философского содержания понятия принципа.¹³⁸

За 1919—1922 гг. наибольшее количества работ, посвященных наследию А.С.Лаппо-Данилевского, вышло из-под пера А.Е.Преснякова.¹³⁹ Поскольку итогом разбора творчества А.С.Лаппо-Данилевского для А.Е.Преснякова стало издание им в 1922 году специального исследования (вышедшего отдельной брошюрой), посвященного ученому, мы приняли текст этого издания в качестве основы для характеристики его позиции. Попытка биографии А.С.Лаппо-Данилевского, осуществленная А.Е.Пресняковым, опиралась как на его собственные статьи, так и на появившиеся к тому моменту в печати статьи других авторов, прежде всего И.М.Гревса,¹⁴⁰ наблюдения которого он использовал в конструировании научной биографии А.С.Лаппо-Данилевского.

Изложение А.Е.Преснякова строится с позиций его представлений о петербургской исторической школе и неприятия позиций историко-юридической школы, которую А.Е.Пресняков в данном случае отделял от московской. Автор особо отметил независимость А.С.Лаппо-Данилевского как от петербургской исторической школы,¹⁴¹ так и от московской (В.О.Ключевского).¹⁴² Кроме того, А.Е.Пресняков противопоставил позицию представителя московской школы П.Н.Милюкова позиции А.С.Лаппо-Данилевского как представителя историко-юридической школы.¹⁴³

Так же как и другие авторы, А.Е.Пресняков отметил влияние на А.С.Лаппо-Данилевского философии неокантианства, прежде всего Г.Риккерт

и В.Виндельбанда.¹⁴⁴ А.Е.Пресняков определил центральный пункт методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского об «абсолютных ценностях» как догматический и метафизический,¹⁴⁵ хотя и признал его методологическую обусловленность.¹⁴⁶ По его словам, А.С.Лаппо-Данилевский вводит понятие «абсолютные ценности» в «методологически обусловленной форме», показывая их логическую необходимость для построения исторического знания. А.Е.Пресняков далее заметил, что введение понятия абсолютных ценностей «служит очевидно и другой цели: сознательному уяснению и обоснованию представления об абсолютных ценностях и их роли в исторической действительности». По мнению А.Е.Преснякова, эти «течения его мысли (методологическое и морально-догматическое) неотделимы: раз этические ценности имманентны сознанию, они реальный фактор того психического процесса, в котором суть коллективной исторической жизни, а в то же время, понятие о них — необходимая категория в построении исторического знания».¹⁴⁷ Проанализировав, таким образом, центральное теоретическое положение «Методологии истории», А.Е.Пресняков обратил внимание на те методологические проблемы, которые с ним связаны. Отмечая, что главное своеобразие «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского состоит в том, что он вводит в построение теории исторического знания априорный элемент этического характера, А.Е.Пресняков считал, что этот «догматический элемент» оказался «нерастворимым для всего напряжения критической мысли».¹⁴⁸ Указав на целевое и методологическое единство различных сторон творчества А.С.Лаппо-Данилевского,¹⁴⁹ А.Е.Пресняков подчеркнул зависимость сознания А.С.Лаппо-Данилевского от определенной культурной традиции¹⁵⁰ и, как следствие, историографической традиции (историко-юридической).¹⁵¹ По А.Е.Преснякову, нерешенность вопроса об эволюции априорных форм сознания вообще — слабый пункт во всей методологии и мировоззренческой позиции А.С.Лаппо-Данилевского, применимый и к нему лично.¹⁵² Все это дало возможность историографу осторожно намекать на ограниченность выводов А.С.Лаппо-Данилевского как историка.¹⁵³ А.Е.Пресняков первый в литературе представил схему русской истории А.С.Лаппо-Данилевского в контексте его историософской системы.¹⁵⁴ А.Е.Пресняков проследил органическую связь этического и познавательного элемента в системе А.С.Лаппо-Данилевского, отметил единство его научно-методологических взглядов в области теории истории, источниковедения, специальных исторических дисциплин и археографии.

Не разделяя научных взглядов героя своего очерка, автор пытался показать его крупную роль в науке, исключительную ценность системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского,¹⁵⁵ значение созданной им школы,¹⁵⁶ его выдающуюся научно-организаторскую роль.¹⁵⁷ Таким образом, А.Е.Пресняков собрал воедино все высказанные к тому времени наиболее важные суждения о деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и добавил от себя много оригинального и ценного, что позволило ему создать наиболее цельный и содержательный очерк об А.С.Лаппо-Данилевском.

В 1922 г. вышла в свет рецензия С.Н.Чернова на номер «Русского исторического журнала», посвященный памяти А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁵⁸ В целом положительно оценив значение этого сборника статей для начала изучения творческой биографии ученого, рецензент отметил, что многие важные вопросы, связанные с деятельностью А.С.Лаппо-Данилевского, остались вне сферы внимания авторов этого издания. С.Н.Чернов заметил, что в материалах сборника «не прослежено во всех направлениях... сложение ученой личности А.С., особенно в годы студенчества и первые годы по окончании университета».¹⁵⁹ Рецензент считал, что авторы обобщающих статей сборника (И.М.Гревс и А.Е.Пресняков) не учли в достаточной степени того, что дал А.С.Лаппо-Данилевскому «родной Петроградский университет в своих обоих поколениях и во всех группах того времени [1880—1890-е гг. — *Е.Р.*]».¹⁶⁰ К числу тем, которые не получили в нем достаточного освещения, рецензент отнес научно-организаторскую деятельность ученого, его работы в Археологической комиссии и исторических обществах, общественно-политическую деятельность А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁶¹ Таким образом, С.Н.Чернов в определенной степени подвел итог историографического изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского к 1922—1923 гг. и наметил направления дальнейшей работы.

Подводили итог жизненного и научного пути А.С.Лаппо-Данилевского и его давние научные противники, и личные недоброжелатели. В связи со смертью А.С.Лаппо-Данилевского Н.Н.Платонова отмечала в дневнике: «<...> в его жизни был один большой успех — ранее (в 30 лет) избрание в Академию Наук, но ведь одним успехом не проживешь. Его магистерская диссертация, при всех своих достоинствах, не была чем-либо особенно выдающимся, да и Милюков в своей рецензии на нее указал, что в финансах России большее значение имеют косвенные, чем прямые налоги, т[ак] ч[то] Л[аппо]-Д[анилевский] мог придти к выводу, что сама тема его поставлена неудачно. Докторской диссертации он так и не написал, хотя много лет собирал для нее материалы (по истории общественной мысли России в XVIII в.). По мнению [Е.В.]Тарле, Л[аппо]-Д[анилевский], как очень благородный человек, мучился сознанием того, что он не оправдал надежд, которые на него возлагались при таком раннем избрании его в Академию Наук, не дал таких трудов, каких от него ожидали, а разменялся на разные съезды, комиссии, рецензии и т.д. — отсюда глубокая неудовлетворенность и озлобленность. Его острое отношение к С[ергею] Ф[едоровичу] [Е.В.]Тарле как и [М.И.]Ростовцев, объясняет завистью: С[ергей] Ф[едорович] мог дать и дал гораздо больше, чем Л[аппо]-Д[анилевский], что последний прекрасно сознавал... Мне лично Л[аппо]-Д[анилевский] представлялся всегда очень несчастным человеком: получив превосходное домашнее образование, зная много языков, обладая колоссальными знаниями и необыкновенной усидчивостью, он всю жизнь стремился воспарить в творческом порыве — и не мог, п[отому] ч[то] в сущности у него не было таланта, творчества, интуиции».¹⁶² Почти буквально слова Н.Н.Платоновой о «бесталанности» А.С.Лаппо-Данилевского и о его «зависти» к С.Ф.Платонову повторяет в своих «Воспоминаниях» В.Г.Дружинин.¹⁶³

Результатом трудов коллег и учеников А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 г. — начале 1920-х гг. стало создание целостного историографического представления об А.С.Лаппо-Данилевском. Его главными составляющими были оценки современниками научно-организаторской роли ученого и его работ по методологии истории. Связь этих двух сфер деятельности А.С.Лаппо-Данилевского большинству авторов виделась в неуклонном следовании академика своим культурным и этическим идеалам. Таким образом, в основе сформированного в этот период историографического представления об А.С.Лаппо-Данилевском лежало субъективное восприятие его творчества, связанное с факторами личного и научно-методологического восприятия современниками его деятельности.

При рассмотрении основного методологического труда А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории» в 1919—1922 гг. больше анализировались его философские основания, которые рассматривались в кругу идей того времени, связывались с неокантианством и с этих позиций оценивались как «вторичные». В то же время большинство авторов этого времени прочило «Методологии истории» большое будущее в исторической науке, причем издание полного и исправленного текста этой работы представлялось вопросом времени. Поэтому неопубликованной целиком «Методологии исторического изучения» (вторая часть «Методологии истории», которая включала в себя методологию источниковедения и исторического построения) первые исследователи творчества А.С.Лаппо-Данилевского не уделяли достаточного внимания.

Следует учитывать, что «научно-психологический» подход А.С.Лаппо-Данилевского к историческому знанию являлся новаторским для русской науки начала XX века. Не случайно концепция А.С.Лаппо-Данилевского была критически воспринята и представителем «психологически-интуитивистского» направления в историографии Л.П.Карсавиным, и одновременно получила неоднозначную оценку историков-позитивистов. Характерно, что теоретический подход А.С.Лаппо-Данилевского к вопросам исторического знания был критически воспринят такими видными представителями петербургской школы, как И.М.Гревс и А.Е.Пресняков. С нашей точки зрения, критика методологической системы А.С.Лаппо-Данилевского с позитивистских позиций в 1910—1920-е гг. свидетельствовала отчасти и о неприятии самого принципа теоретического подхода к историческому знанию со стороны представителей эмпирического направления петербургской исторической школы.¹⁶⁴

Смерть А.С.Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г. и почти одновременная с ней кончина М.А.Дьяконова и А.А.Шахматова объективно выдвинула на первый план фигуру С.Ф.Платонова, который оставался одним из немногих представителей старой школы среди административных деятелей советской науки 1920-х гг.¹⁶⁵

С.Ф.Платонов принял на себя абсолютное большинство научно-административных обязанностей, которые нес А.С.Лаппо-Данилевский. В мае 1919 г. С.Ф.Платонов занял освободившийся после смерти А.С.Лаппо-Данилевского пост председателя Союза российских архивных деятелей.

В Академии наук, куда С.Ф.Платонов был избран в августе 1920 г., из должностей, занимаемых ранее А.С.Лаппо-Данилевским, к С.Ф.Платонову перешли председательство в Постоянной исторической комиссии, заведование нумизматическим кабинетом, общее руководство «Русским историческим журналом», редактирование многочисленных изданий по русской истории. В частности, С.Ф.Платонов принял на себя руководство изданием грамот Коллегии экономии, которое для А.С.Лаппо-Данилевского было делом жизни.¹⁶⁶

С.Ф.Платонов возглавил «комиссию по ознакомлению с бумагами А.С.Лаппо-Данилевского», которая продолжила работу образованной ранее «комиссии по изданию трудов А.С.Лаппо-Данилевского». С комиссией сотрудничали многочисленные ученики А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁶⁷ В 1923 г. С.Ф.Платонов доложил на заседании отделения истории и социальных наук Академии наук, что главный труд А.С.Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII веке» подготовлен к печати, в связи с чем Отделение приняло решение о начале печатания труда,¹⁶⁸ которое, однако, стало возможным многие годы спустя, в 1990 г.¹⁶⁹

С.Ф.Платонов продолжил многие академические начинания А.С.Лаппо-Данилевского, и поэтому естественным выглядит привлечение им к этим занятиям ряда учеников последнего. Среди сотрудников С.Ф.Платонова — ученики А.С.Лаппо-Данилевского А.И.Андреев, М.Ф.Злотников, В.Н.Борсук, С.Н.Валк, В.И.Веретенников и другие.¹⁷⁰ Правой рукой С.Ф.Платонова в Археографической комиссии стал А.И.Андреев, который в 1920-е гг. был одним из лидеров «кружка памяти А.С.Лаппо-Данилевского».¹⁷¹ С.Ф.Платонов характеризовал своего помощника как «исключительно талантливого работника» и первого знатока археографии.¹⁷²

Несмотря на принципиальное различие в подходах к вопросам методологии источниковедения, А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова объединяло представление об историческом источнике как отправной точке всякого исследования, основе каждого вывода и базе любого синтеза. Отсюда особое внимание обоих ученых к задачам археографии, характерное для петербургской школы. Внешнее сходство «нижних этажей» исследовательской работы А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова в условиях послереволюционной историографической ситуации обусловило сближение школы А.С.Лаппо-Данилевского с С.Ф.Платоновым и его школой. Разъединяющие факторы, связанные с чрезмерной, на взгляд платоновцев, теоретизированностью подходов к историческому знанию учеников А.С.Лаппо-Данилевского, отошли на второй план, поскольку система методологии истории, альтернативная марксистской, в условиях советской науки не могла быть востребована. Что касается вопросов техники исторического исследования, в частности детально разработанной археографической системы, которую отстаивали ученики А.С.Лаппо-Данилевского, то она со временем получила всеобщее признание как достижение старой школы. Перед тотальным наступлением «лженауки» М.Н.Покровского (как она воспринималась большинством представи-

телей старой школы и ее последователями) происходило стихийное объединение соперничавших группировок петербургской школы. Археографическая традиция А.С.Лаппо-Данилевского наряду с его системой дипломатики и системой изучения летописей А.А.Шахматова органично вошла в общее профессиональное наследие русской науки. Именно С.Ф.Платонов и его ученики вместе с учениками А.А.Шахматова и А.С.Лаппо-Данилевского стали его главными хранителями в тяжелые для исторической науки 1920–1940-е гг.

В 1923 г. под редакцией А.И.Андреева вышло в свет второе издание первого тома «Методологии истории».¹⁷³ Одним из немногих откликов на выход в свет книги стала статья М.Н.Покровского.¹⁷⁴ Рецензент анализировал труд А.С.Лаппо-Данилевского с позиций прагматика и марксиста, сказались на тоне статьи и его враждебные отношения с Академией наук. М.Н.Покровский начал рецензию с заявления о том, что труд А.С.Лаппо-Данилевского в целом ничего нового собой не представлял. На взгляд автора, некоторая оригинальность работы А.С.Лаппо-Данилевского заключалась в рассмотрении учения К.Маркса в общем ряду номотетических концепций, что, с точки зрения рецензента, являлось абсолютно нелепым. М.Н.Покровский считал, что А.С.Лаппо-Данилевский совершенно не понял К.Маркса.¹⁷⁵ По мнению рецензента, книгу академика можно было использовать для справок, но как теоретическая работа она не представляла никакого интереса. Свою позицию М.Н.Покровский обосновывал тем, что в изданном в 1923 г. Академией наук первом выпуске «Методологии истории» содержался только обзор историософских концепций. Для оценки методологической концепции автора, по мнению рецензента, было необходимо дождаться второго выпуска. Делая такую оговорку, М.Н.Покровский тут же заметил, что в отношении А.С.Лаппо-Данилевского у него еще со времени выхода первой работы этого автора («Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований») сложилось мнение, «что он может одолеть невероятное количество материала и изложить его, но не пойти дальше».¹⁷⁶ Учитывая широкую известность «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского и до выхода в свет первого тома очередного издания, такая точка зрения выглядит более чем странной; по сути, теория истории А.С.Лаппо-Данилевского игнорировалась.¹⁷⁷ Правда, в 1920-е гг. М.Н.Покровский выступил и с более развернутой критикой методологии А.С.Лаппо-Данилевского на лекции в Свердловском университете. Определив исторический источник как «продукт классово-борьбы», М.Н.Покровский выступил с резким неприятием «идеалистической» методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁷⁸

Подобная оценка работы А.С.Лаппо-Данилевского прозвучала со стороны другого историка-марксиста — В.И.Невского.¹⁷⁹ «Мы встречаем ту профессорскую объективность, — замечает рецензент о «Методологии истории», — которая в конечном счете страдает эклектизмом и частенько абсолютным непониманием Маркса и его теории».¹⁸⁰ Однако, так же как

и М.Н.Покровский, В.И.Невский считал эту книгу в некотором роде полезной: «Спрашивается... можно ли рекомендовать книгу Лаппо-Данилевского, скажем, нашему студенту высшей школы? Да, марксисту-студенту можно рекомендовать эту книжку, ибо опасаться того, что автор увлечет читателя в болота идеализма, нечего, а между тем в книге можно найти богатейшую литературу вопроса, с которой небесполезно познакомиться каждому работающему в области истории».¹⁸¹

Показательно, что на книгу А.С.Лаппо-Данилевского откликнулись только историки-марксисты. С окончанием гражданской войны правящий режим обоснованно рассматривал либеральную интеллигенцию как одного из своих главных политических противников. В 1922 г. на идеологически чуждых большевизму представителей интеллектуальной элиты обрушилась волна гонений. Наиболее ярким эпизодом этой кампании стала высылка за рубеж ряда видных ученых, в том числе и историков. В этих условиях в 1922–1923 гг. происходят кардинальные изменения историографической ситуации. Они были связаны с ликвидацией неблагоденных, с точки зрения советского режима, исторических журналов, оттеснением историков старой школы от преподавательской деятельности.¹⁸² К середине 1920-х гг. марксистская школа М.Н.Покровского заняла командные позиции в науке. Представители старой школы группировались вокруг учреждений Академии наук, которая до конца 1920-х гг. оставалась оппозиционно настроенной по отношению к новой власти.¹⁸³

Установка на борьбу с буржуазной историографией и теоретические взгляды М.Н.Покровского и его школы исключали возможность объективного рассмотрения творчества дореволюционных историков со стороны представителей этого направления в исторической науке. С другой стороны, точка зрения М.Н.Покровского как признанного лидера официальной исторической науки об отсутствии у А.С.Лаппо-Данилевского какой-либо теории вообще, повлияла на то, что до конца 1920-х гг. имя автора «Методологии истории» фактически не упоминалось в марксистской исторической литературе.

По существу, первый выпуск второго издания «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского (1923 г.) остался последним немарксистским методологическим опытом в советской историографии. На рубеже 1922–1923 гг. в области теории истории утвердилось полное господство марксистской идеологии (работы М.Н.Покровского,¹⁸⁴ А.М.Большакова,¹⁸⁵ М.В.Нечкиной¹⁸⁶ и др.), что делало нереальным и дальнейшее издание труда А.С.Лаппо-Данилевского. В этих условиях продолжение комплексного рассмотрения работ А.С.Лаппо-Данилевского со стороны представителей «старой» исторической школы стало невозможным. Следует учитывать и то, что одним из ее лидеров в 1920-е гг. был академик С.Ф.Платонов, который, как мы видели, хотя и сотрудничал с учениками А.С.Лаппо-Данилевского, но весьма критически относился к теоретическим построениям своего бывшего научного оппонента. С.Н.Валк, занимавший в 1920-е гг. независимое положение по отношению как к школе М.Н.Покровского, так и к школе С.Ф.Платонова, по существу, остался одним из

немногих учеников А.С.Лаппо-Данилевского, открыто развивавшим его научно-теоретические взгляды и способствовавшим их распространению в науке. Так, в 1925 г. С.Н.Валк призвал историков обращаться по вопросам, связанным с «общей критикой текста исторических документов», к «Методологии источниковедения» (один из отделов «Методологии истории») А.С.Лаппо-Данилевского, которую он охарактеризовал как «лучшее руководство не только в русской, но и европейской литературе этого предмета».¹⁸⁷ Однако и этот положительный отзыв о методологическом труде А.С.Лаппо-Данилевского касался только одной из его частей и не был оценкой всей его историко-теоретической системы. Подобным образом можно охарактеризовать и статью А.И.Андреева «О правилах издания исторических текстов» (1926 г.), в которой автор подчеркивал значение работ А.С.Лаппо-Данилевского по составлению археографических правил, прежде всего «Правил издания грамот Коллегии экономии».¹⁸⁸ А.И.Андреев преподавал археографию и дипломатику в Ленинградском университете (1927–1929 гг.) по «плану» А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁸⁹ Характер оценок и использования наследия А.С.Лаппо-Данилевского, таким образом, отражал в целом парадоксальную ситуацию, сложившуюся в советской исторической науке конца 1920-х гг., отличительными чертами которой был, с одной стороны, высокий уровень археографической культуры и специальных исторических дисциплин, а с другой — крайний схематизм и идеологизация теоретических построений.¹⁹⁰

В 1929 г. в связи с десятилетием со времени кончины А.С.Лаппо-Данилевского Академия наук провела ряд мероприятий, посвященных его памяти. В феврале 1929 г. в Академии наук состоялось совместное заседание Комиссии по истории знаний и Археографической комиссии, посвященное памяти А.С.Лаппо-Данилевского, на котором присутствовали почти все ведущие ленинградские историки. С.Ф.Платонов сделал доклад «А.С.Лаппо-Данилевский как русский историк». Текст этого доклада нами не обнаружен, но сам факт представляется знаковым для послеволюционной науки. Собрание, посвященное одному из лидеров старой петербургской школы, объединило и его учеников, и соратников, и бывших научных оппонентов незадолго до начавшегося разгрома школы. Кроме С.Ф.Платонова на заседании также выступили Н.И.Кареев (доклад «Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского») и ученик А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Введенский (доклад «Работа А.С.Лаппо-Данилевского в области вспомогательных наук»)¹⁹¹ Среди мероприятий, посвященных памяти А.С.Лаппо-Данилевского, также была подготовка и публикация «Материалов для биографии А.С.Лаппо-Данилевского», проведенная его учениками А.А.Шиловым, А.И.Андреевым, Н.И.Сидоровым и Н.С.Чаевым (ученик А.И.Андреева). «Материалы...» включали в себя подробную биографическую справку об А.С.Лаппо-Данилевском, список его трудов, библиографию, краткую опись рукописей ученого.¹⁹² Появление «Материалов...» являлось важным фактом в истории изучения научной биографии А.С.Лаппо-Данилевского, поскольку в дальнейшем они были использованы многими исследователями творчества уче-

ного. Тогда же, в 1929 г., наконец вышел в свет второй том «Сборника грамот Коллегии экономии» под редакцией А.И.Андреева,¹⁹³ печатавшийся Академией в течение трех с половиной лет.¹⁹⁴

Результатом укрепления советской тоталитарной системы в конце 1920-х — начале 1930-х гг. стало усиление идеологического и государственного контроля во всех сферах жизни общества: экономической, политической и культурной. В этом контексте следует рассматривать и новые гонения, обрушивавшиеся на «буржуазную» интеллигенцию и науку. Особенно пострадали от идеологических репрессий общественные науки, мощный удар пришелся по историкам старой школы. В 1929 г. ОГПУ было сфабриковано «Академическое дело», по которому были репрессированы многие видные петербургские и московские историки.¹⁹⁵ Среди репрессированных был и А.И.Андреев — один из наиболее видных учеников А.С.Лаппо-Данилевского. Разгром исторического отделения естественно прекратил деятельность Академии наук по реализации ряда важнейших проектов. Третий том «Сборника грамот Коллегии экономии», который уже печатался под руководством А.И.Андреева,¹⁹⁶ так и не вышел в свет, и его издание было прекращено.

С.А.Пионтковский (ученик М.Н.Покровского) издал в 1931 г. известный труд «Буржуазная историческая наука в России»,¹⁹⁷ где подверг уничтожающей политической критике деятелей старой научной школы. Речь в книге С.А.Пионтковского идет главным образом о школе В.О.Ключевского и С.Ф.Платонова. Однако характерен тот контекст, в котором автор упоминает имя А.С.Лаппо-Данилевского. Выступления коллег и друзей ученого, посвященные его памяти (в шестом номере «Русского исторического журнала» за 1920 год), используются С.А.Пионтковским для доказательства тезиса, что «историки России, сгруппировавшись вокруг Академии наук и ее исторических изданий, были крайне отрицательно и враждебно настроены к советской власти... стремились всеми силами к восстановлению старой дореволюционной России».¹⁹⁸

В конце 1920-х гг. марксистская историческая наука превратилась, по справедливому замечанию одного из исследователей советской историографии, «не только в господствующую, но и в единственно разрешенную».¹⁹⁹ Не случайно одновременно с новым витком политических обвинений и репрессий против «старой школы» в конце 1920-х — начале 1930-х гг. предпринимаются попытки создания новой марксистской «методики» исторического исследования, призванной сменить методику «буржуазных историков». При этом под методологией исследования понимались теоретические положения марксизма (истмат и диамат), а под «методикой» скорее техника исторического исследования.²⁰⁰ Среди работ, посвященных «методике», наиболее фундаментальный характер имели пособия Г.П.Саара и С.Н.Быковского. Оба автора не могли обойти вниманием труды «буржуазных» предшественников и прежде всего А.С.Лаппо-Данилевского. Г.П.Саар в основу своей работы «Источники и методы исторического исследования» (1930 г.), прямо ссылаясь на А.С.Лаппо-Данилевского, положил предложенное им определение предмета методологии

истории и ее структуру (теория исторического знания и методы исторического изучения, распадающиеся на источниковедение и построение), цитируя его в предисловии наравне с Ф.Энгельсом и В.И.Лениным.²⁰¹ При этом Г.П.Саар заявлял, что «для нас не подлежит никакому сомнению, что единственной научной теорией исторического знания является исторический материализм».²⁰² Неким рассуждением на тему исторического материализма является и параграф, посвященный историческому построению, однако источниковедение изложено Г.П.Сааром под очевидным влиянием А.С.Лаппо-Данилевского.

Более непримиримую позицию по отношению к дореволюционным предшественникам в области методологии истории занял С.Н.Быковский. В начале своего труда «Методика исторического исследования» он замечает, что, в отличие от других марксистских работ по методике исторического исследования (включая и труд Г.П.Саара), данная работа «написана не столько на основании трудов “предшественников”, сколько на основании проработки конкретных исторических источников и историко-литературных исследований наиболее видных буржуазных авторов, с критическим к ним подходом и соответствующих трудов виднейших марксистов». При этом автор особо подчеркивает, что «техника или методика исторического исследования, конечно, не может не быть обусловлена методологией истории». Из этого следует и отношение к немарксистским предшественникам. «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского охарактеризована как «труд значительный по своему объему... но чрезвычайно засоренный не идущими к делу, бесполезными в практическом отношении, более того, вредными рассуждениями, идеалистическая основа которых вполне очевидна».²⁰³ Показательно, однако, что в рассуждениях о системе исторической критики (а именно им посвящена большая часть книги) автор в основном следует за «буржуазными» предшественниками, в том числе и А.С.Лаппо-Данилевским.

Одновременно с появлением первых марксистских пособий по методике исторического исследования в советской научной печати была усилена критика буржуазной методологии и теории истории. В качестве примера отметим полемику между А.Айзенбергом и А.И.Тюменевым в 1929–1931 гг. В статье «Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке» А.И.Тюменев предпринял своеобразную атаку на «индивидуализирующую методологию Риккерта» не с точки зрения ортодоксальной марксистской философии, а с точки зрения своих представлений о новом социалистическом обществе. «Социологов и историков будущего общества, — утверждал А.И.Тюменев, — должны будут интересоваться... не индивидуальные факты и события, но общие законы... Для индивидуализирующей истории не останется более совершенно места, и индивидуализирующий метод будет находить себе применение только в отношении прошлых судеб человечества... когда люди еще не управляли своей общественной жизнью, а тенденции общественного развития лишь просматривались сквозь толщу индивидуальных фактов».²⁰⁴ Таким образом, автор фактически допускал существование «индивидуализирующей» точки зрения в историческом исследовании. На статью А.И.Тю-

менева последовал ответ на страницах журнала «Проблемы марксизма».²⁰⁵ Оппонент А.И.Тюменева А.Айзенберг в статье «Марксистская критика Риккерт или Риккертская интерпретация марксизма» обвинил А.И.Тюменева в том, что он «старательно подстриг под марксизм Риккерта и преподнес нам риккертскую интерпретацию марксизма».²⁰⁶ А.Айзенберг доказывал, что индивидуализирующий метод в новой советской исторической науке не имеет права на существование, ибо противоречит самой сущности марксистского взгляда на историю.

С критикой теории истории А.С.Лаппо-Данилевского с позиций, близких А.Айзенбергу, выступил в 1931 г. М.М.Цвибак²⁰⁷ в ходе кампании, развернутой против историков старой школы, во время следствия по «Академическому делу». Тогда же С.Н.Валк предпринял попытку отделить «Методологию истории» от методических идей А.С.Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта и археологии.²⁰⁸ Тем самым С.Н.Валк отошел от точки зрения, высказанной им в 1920 г. На наш взгляд, таким образом ученый хотел оградить школу своего учителя от репрессий. Это стремление С.Н.Валка выразилось также в том, что во время «Академического дела», по которому как один из главных обвиняемых проходил С.Ф.Платонов, С.Н.Валк противопоставлял школу С.Ф.Платонова школе А.С.Лаппо-Данилевского. По его словам, научный метод А.С.Лаппо-Данилевского сильно отличался от «художественного» подхода С.Ф.Платонова и не получил «четкой классово-установки», а потому ученики А.С.Лаппо-Данилевского могут полноценно войти в марксистскую историографию. А.А.Введенский, положение которого было, по-видимому, более уязвимым, занял иную позицию и признал «пассивное блокирование» «лаппо-данилевцев» со школой С.Ф.Платонова.²⁰⁹ С.Н.Валку резко возражали С.Г.Томсинский и М.М.Цвибак. С.Г.Томсинский утверждал, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» носили «великодержавный дворянско-буржуазный характер»,²¹⁰ а М.М.Цвибак заявил, что «технические и методологические приемы Лаппо-Данилевского были всегда определенным образом увязаны с его философией», и указал на несомненную связь методологии истории с дипломатикой частного акта А.С.Лаппо-Данилевского.²¹¹ М.М.Цвибак завершил свое выступление словами: «<...> поскребите Лаппо-Данилевского — получите Пуришкевича».²¹²

Возможно, что позиция официальной историографии, сформулированная М.М.Цвибаком, способствовала тому, что имя и наследие А.С.Лаппо-Данилевского в первой половине 1930-х гг. попали под негласный запрет в научной литературе. Обсуждать проблемы теории истории в условиях политического режима того времени было небезопасно, кроме того, крайне жесткий догматический подход к теории исторического знания и не требовал по своей сути опровержения других точек зрения. Неслучайно с начала 1930-х и до второй половины 1960-х гг. в СССР просто не выходило обобщающих трудов по методологии истории.²¹³ По существу, в условиях постоянного политического давления сама легитимность дисциплины оказалась под вопросом. Б.А.Романову, ученику А.Е.Преснякова и

историку старой школы, приписывают слова, сказанные в той историографической ситуации: «Заниматься методологией — то же, что доить козла».²¹⁴

В середине 1930-х гг. отношение к наследию дореволюционной историографии со стороны власти меняется. С 1934 г. (после постановления ЦК ВКП(б) и СНК о преподавании гражданской истории в школах СССР²¹⁵) началась перестройка всей системы отечественной исторической науки. Ее глубинными причинами были изменения в идеологии советского тоталитаризма, которая все большее значение уделяла роли государства и нации в функционировании политического режима. Произошел отказ от интернационалистской интерпретации марксистской теории истории, сопровождаемый разгромом школы М.Н.Покровского.²¹⁶ Новая политика по отношению к исторической науке нашла отражение в пересмотре учебных программ средней школы, восстановлении исторических факультетов университетов, привлечении к преподаванию представителей старой школы и т.д. Был сформирован новый официальный взгляд на национальную историю, нашедший свое воплощение в «Истории ВКП(б): Кратком курсе» и новых учебниках для средней школы.²¹⁷ Началась частичная реабилитация дореволюционной науки, прежде всего «государственной школы». В частности, во второй половине 1930-х гг. переиздаются сочинения таких наиболее видных ее представителей, как С.Ф.Платонов²¹⁸ и В.О.Ключевский.²¹⁹ Н.Л.Рубинштейн в предисловии к новому изданию курса русской истории В.О.Ключевского (1937 г.) отмечал, что «освоение исторического наследия прошлого — один из основных элементов в деле» выполнения указаний партии и «развития марксистско-ленинской исторической науки».²²⁰ Проходила и «реабилитация» исторического источниковедения. В предисловии к первому советскому учебнику источниковедения для вузов М.Н.Тихомиров подчеркнул, что для «ликвидации вредных последствий деятельности» школы М.Н.Покровского «необходимо систематическое и углубленное изучение исторических источников».²²¹ М.Н.Тихомиров придерживался традиционной схемы классификации источников (на остатки и предания), вне зависимости от классового происхождения, развитой в трудах Э.Бернгейма, Ш.Ланглау и Ш.Сеньобоса, А.С.Лаппо-Данилевского и других «буржуазных» авторов.²²²

Частичное изменение отношения к представителям дореволюционной исторической науки во второй половине 1930-х гг. коснулось и А.С.Лаппо-Данилевского. В сборнике «Проблемы источниковедения» (1936 г.)²²³ был помещен ряд материалов, связанных с творчеством ученого. В статье Г.Е.Кочина «Писцовые книги в буржуазной историографии»²²⁴ методика работы А.С.Лаппо-Данилевского с писцовыми книгами была представлена как пример наиболее тонкого анализа этого источника, сделанного «буржуазным историком». Г.Е.Кочин связал внимание А.С.Лаппо-Данилевского к этому типу источников с переориентацией буржуазной историографии 1880–1890-х гг. на изучение экономического быта русского государства. По Г.Е.Кочину, А.С.Лаппо-Данилевский обратился к этой проблематике как «патриот и националист», т.е. представитель нового

поколения государственной школы. Однако, по мнению Г.Е.Кочина, с «упадком» исторической науки в конце 1890-х – начале 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский отказался от изучения истории социально-экономического процесса и пришел к выводу о невозможности решения «общих вопросов» исторической науки. Отражением этой позиции, как считал Г.Е.Кочин, стала идиографическая методология исторического знания и внимание к таким «индивидуальным» источникам, как частные акты, разработка проблем дипломатики.²²⁵ Таким образом, Г.Е.Кочин, хронологически разделяя творчество А.С.Лаппо-Данилевского, вслед за М.М.Цвибаком указывал на методологическое единство его последнего (с конца 1890-х гг.) этапа.

В предисловии к «Правилам издания документов XVI–XVII вв.»²²⁶ их авторы (Б.Д.Греков, В.Г.Гейман, К.Н.Сербина, Н.С.Чаев, Р.Б.Мюллер) отметили, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» стали «до известной степени, основой и отправным пунктом в разработке» подготовленного ими руководства.²²⁷ В приложении к сборнику «Проблемы источниковедения» был также опубликован «Каталог частных актов Московского государства». В предисловии к «Каталогу...» отмечалось, что его составление было предпринято А.С.Лаппо-Данилевским и проходило в его семинариях.²²⁸

Своеобразным итогом частичной реабилитации государственной школы и дореволюционной исторической науки во второй половине 1930-х гг. стала книга Н.Л.Рубинштейна «Русская историография» (1941 г.). Немало места в монографии уделено историкам рубежа веков, в том числе и А.С.Лаппо-Данилевскому. Отмечая, что он среди историков своего времени «выделялся своей эрудицией и тематическим охватом своих работ»,²²⁹ Н.Л.Рубинштейн характеризовал его «Методологию истории» как философско-религиозную концепцию в духе шеллингианства. Не вдаваясь в детальную оценку теоретических воззрений А.С.Лаппо-Данилевского, Н.Л.Рубинштейн считал их ярким проявлением кризиса буржуазной историографии.²³⁰ В то же время историограф дал высокую оценку конкретно-историческим трудам А.С.Лаппо-Данилевского и его работам по дипломатике частного акта, которые рассматривал в отрыве от теоретических взглядов ученого, следуя, таким образом, в оценке творчества А.С.Лаппо-Данилевского за С.Н.Валком.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. более позитивным стало отношение к наследию А.С.Лаппо-Данилевского и в высшей школе. Так, ученики А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Шилов и А.И.Андреев, преподававшие в Москве в Историко-архивном институте (МГИАИ), читали курсы по археографии²³¹ и источниковедению «по А.С.Лаппо-Данилевскому».²³² Под несомненным влиянием методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского составлен курс источниковедения другого преподавателя этого института и в недалеком будущем ожесточенного критика А.С.Лаппо-Данилевского – Л.В.Черепнина (1946).²³³ Показательно, что в июне 1943 г. на конференции историков-архивистов СССР, приуроченной к 25-летию советского архивного дела, в ряде докладов настойчиво проводилась мысль о преемственности в развитии архивного дела от дореволюцион-

ных историков к советским. В докладах И.И.Никитского и К.Г.Митяева особо подчеркивалась роль А.С.Лаппо-Данилевского в организации архивного дела и разработке архивной теории.²³⁴ В феврале 1944 г. в МГИАИ готовилось заседание памяти А.С.Лаппо-Данилевского (в связи с 25-летием со дня кончины), отмененное в последний момент, по словам А.И.Андреева, «из-за боязни заведу[ющего] учеб[ной] частью... института А.И.Гуковского “как бы чего не вышло”»²³⁵ и «происков» непримиримых оппонентов А.И.Андреева – И.Л.Маяковского и В.В.Маскакова, отправивших жалобу в Главное архивное управление.²³⁶

В 1945 г. вышли в свет «Очерки по истории Академии наук», приуроченные к ее 220-летию юбилею. Примечательно, что в «Очерках...» дается блестящая характеристика А.С.Лаппо-Данилевского как организатора академической науки и подчеркивается, что он сумел «сгруппировать вокруг себя многочисленных учеников и последователей».²³⁷

Большое внимание изучению деятельности А.С.Лаппо-Данилевского С.Н.Валк уделил в статье «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» (1948 г.).²³⁸ Основные наблюдения автора связаны с процессом становления петербургской исторической школы, важным итогом которого стала деятельность А.Е.Преснякова, давшего ей историографическое определение (как школы «восстановления прав источника и факта вне зависимости от историографической традиции») и связавшего ее создание с именами В.Г.Васильевского и С.Ф.Платонова. В целом, соглашаясь с А.Е.Пресняковым, С.Н.Валк заметил, что «все предшествующее наше изложение, как кажется, должно послужить к некоторому расширению представлений об истоках и началах петербургской исторической школы “научного реализма”, в составе которой В.Г.Васильевский является представителем уже среднего поколения». К следующему поколению автор относил как С.Ф.Платонова, так и А.С.Лаппо-Данилевского.²³⁹ Таким образом, С.Н.Валк в определенной мере пересмотрел свою точку зрения 1931 г., указав на принадлежность С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского к одной исторической школе. Явно полемизируя с А.Е.Пресняковым, С.Н.Валк выразил мнение, что А.С.Лаппо-Данилевский оказал влияние не только на своих учеников, но и на «сложение умонастроения основных петербургских исторических кадров».²⁴⁰ В то же время С.Н.Валк вслед за А.Е.Пресняковым подчеркнул, что А.С.Лаппо-Данилевский «рано разошелся с остальными членами» Кружка русских историков и занял на историко-филологическом факультете «особое положение».²⁴¹ В статье С.Н.Валк, по-видимому, умышленно связал имя своего учителя с одним из лидеров советской исторической науки Б.Д.Грековым, сославшись на то, что в работе 1919 г. этот ученый причислял себя к ученикам А.С.Лаппо-Данилевского.²⁴²

Развитие советской исторической науки в области дипломатики и археографии связывал с наследием А.С.Лаппо-Данилевского С.Н.Валк в другой своей работе этого периода – в книге «Советская археография» (1948 г.). Автор пришел к выводу, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» А.С.Лаппо-Данилевского «далеко превосходили все западноевропейские правила издания документов».²⁴³ С.Н.Валк отметил, что этот труд А.С.Лаппо-Данилевского стал «несомненным образцом для всех

последующих наших работ по составлению правил издания документов». ²⁴⁴ Примечательно, что, анализируя в своей книге работы А.С.Лаппо-Данилевского по археографии и дипломатике, С.Н.Валк ни словом не упоминает о «Методологии истории».

Книга С.Н.Валка «Советская археография» и его статья по истории университетской науки были написаны под воздействием того кратковременного ощущения большей свободы, которое присутствовало в обществе и советской исторической науке после окончания Второй мировой войны. С началом в 1948 г. кампании по борьбе с космополитизмом и с наследием «буржуазной» историографии иллюзорность надежд на благоприятные для науки перемены стала очевидной.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. политический режим вернулся к политике «закручивания гаек», начался новый виток репрессий против интеллигенции. Одним из элементов гонений, обрушившихся на общество и науку, была кампания по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом. Большой размах она приобрела в Ленинграде: было сфабриковано «Ленинградское дело», началось преследование журналов «Звезда» и «Ленинград», развернулась настоящая травля ученых-гуманитариев. Особый удар был нанесен ленинградским историкам старой школы (ученикам С.Ф.Платонова, А.Е.Преснякова, А.С.Лаппо-Данилевского, А.А.Шахматова, М.Д.Приселкова) через политическую дискредитацию их учителей. ²⁴⁵ С разгромными статьями о творчестве А.А.Шахматова, М.Д.Приселкова и А.Е.Преснякова выступили В.Т.Пашуто, ²⁴⁶ И.У.Будовниц ²⁴⁷ и Л.В.Черепнин. ²⁴⁸ В этом контексте следует рассматривать и другую статью Л.В.Черепнина — «А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед» (1949 г.). ²⁴⁹ В ней один из будущих лидеров официальной историографии потребовал от советских историков комплексного анализа творчества А.С.Лаппо-Данилевского, вслед за М.М.Цвибаком призвав к объединенному рассмотрению «Методологии истории» и других произведений ученого. ²⁵⁰ Анализ творческой деятельности А.С.Лаппо-Данилевского был проведен автором по очевидному политическому заказу с позиций марксистско-ленинской идеологии.

Л.В.Черепнин утверждал, что религиозно-мистическое воспитание А.С.Лаппо-Данилевского в университете переросло в формирование «историка-идеалиста реакционного типа», ²⁵¹ а это привело в конце концов его на «крайне правое место в лагере официальной буржуазной историографии». ²⁵² Согласно Л.В.Черепнину, заняв такие позиции, А.С.Лаппо-Данилевский разработал систему неокантианской методологии истории, которая отражала настроения буржуазии в годы «столыпинской реакции». ²⁵³ Л.В.Черепнин считал, что «Методология истории» напрямую связана с трудами А.С.Лаппо-Данилевского по дипломатике частного акта, а также с его конкретно-историческими работами. По мнению Л.В.Черепнина, «ошибочные» установки «Методологии истории» (второго выпуска — «Методологии источниковедения») даже усиливаются в «Очерке русской дипломатики частных актов», где А.С.Лаппо-Данилевский «сделал попытку применить свои теоретические взгляды к разработке проблем

актового источниковедения». ²⁵⁴ Это выразилось в неокантианской гносеологии А.С.Лаппо-Данилевского, рассматривавшего источники (в том числе частные акты) как источники и как явления. ²⁵⁵

С иных позиций Л.В.Черепнин установил связь между методологической доктриной А.С.Лаппо-Данилевского и его конкретно-историческими трудами, большинство которых было создано до ее формулирования в «Методологии истории». Историограф пытался показать генезис теоретических воззрений А.С.Лаппо-Данилевского, отразившийся в его конкретно-исторических трудах и нашедший свое завершение в «Методологии истории». ²⁵⁶ Так, в «Организации прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» и в выступлении А.С.Лаппо-Данилевского на магистерском диспуте ²⁵⁷ Л.В.Черепнин выявил несколько теоретических положений, нашедших развитие в его позднейшей теории истории: деление направлений исторической мысли на обобщающее и индивидуализирующее, развитие России как «национального типа», концепция исторического процесса как процесса развития идей, теоретические предпосылки исследования писцовых книг как «источника» и как «явления». ²⁵⁸ Используя историографические наблюдения А.Е.Преснякова об общей схеме русской истории А.С.Лаппо-Данилевского, Л.В.Черепнин, с одной стороны, связал эту схему с теоретико-историческими взглядами А.С.Лаппо-Данилевского, ²⁵⁹ с другой, пытался показать, как эта схема находила воплощение в его конкретно-исторических трудах. ²⁶⁰ По мнению Л.В.Черепнина, «все работы Лаппо-Данилевского ведут к основной проблеме, поставленной в плане буржуазной методологии: о путях развития России как национального типа», ²⁶¹ этому соответствует «общая государственная концепция русской истории», согласно которой «исторический процесс в представлении А.С.Лаппо-Данилевского протекает не в форме борьбы классов, а в форме взаимодействия надклассового государства и бесклассового общества». ²⁶²

В статье Л.В.Черепнина содержатся обвинения А.С.Лаппо-Данилевского в политической ангажированности и в «буржуазном космополитизме», идеологическая критика предшествующих исследователей творчества А.С.Лаппо-Данилевского (И.М.Гревса, А.Е.Преснякова, М.Н.Покровского, Н.Л.Рубинштейна, С.Н.Валка) и его учеников (С.Н.Валка, А.И.Андреева и ошибочно или умышленно причисленного к ним Б.А.Романова). ²⁶³

На наш взгляд, Л.В.Черепнин, по сути, приспособил построения и выводы предшествующих авторов (прежде всего А.Е.Преснякова) к задачам, вызванным идеологической и политической конъюнктурой. Можно заключить, что позитивистская критика методологических оснований творчества А.С.Лаппо-Данилевского получила в изложении Л.В.Черепнина марксистско-ленинскую интерпретацию. С этой точки зрения, автор не внес в свой синтез принципиально нового содержания. Безусловно, при оценке статьи Л.В.Черепнина следует учитывать и то обстоятельство, что сам автор находился под сильным давлением со стороны партийных и карательных органов. В ходе кампании, развернутой в МГИАИ, где Л.В.Черепнин был профессором, против «буржуазной ис-

ториографии», он и сам оказался под «судом чести», будучи вынужденным оправдываться за свои идеологические «ошибки» и доказывать свою политическую лояльность перед усердствующими обвинителями (В.И.Самойловой, А.Д.Никоновым, Е.Н.Даниловой, Н.А.Елистратовым, Н.Н.Яковлевым и др.).²⁶⁴ Другое дело, что линия поведения Л.В.Черепнина все же разительно отличалась от позиции А.И.Андреева, оказавшегося в схожей ситуации и заявившего, что ошибки свои постарается исправить, но от «частной приверженности» к А.С.Лаппо-Данилевскому ему отказаться трудно — «все-таки он был моим учителем».²⁶⁵

Статья Л.В.Черепнина носила характер официального приговора творчеству А.С.Лаппо-Данилевского. Он предопределил оценки творчества А.С.Лаппо-Данилевского, которые давались в литературе общего характера (учебных пособиях, энциклопедиях). Показательно, что, когда в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Академией наук был осуществлен после длительного перерыва ряд научно-критических изданий актового материала по правилам, близким к «Правилам издания сборника Коллегии экономии»,²⁶⁶ в них ни словом не было упомянуто о следовании археографическим принципам А.С.Лаппо-Данилевского. Единственное упоминание, в большей степени критическое, его имени и «Грамот Коллегии экономии» было сделано в редакционном предисловии к первому тому «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси». Признавая ценность материала, введенного в научный оборот изданием «Грамот Коллегии экономии», редактор считал ошибочным «сам принцип, положенный в [его] основу», поскольку не видел смысла в издании случайного фонда.²⁶⁷

В другом фундаментальном многотомном труде, подготовленном Академией наук в 1950-е гг., — «Очерках истории СССР» (1953—1957 гг.) — широко используются труды «буржуазных ученых», в том числе и А.С.Лаппо-Данилевского,²⁶⁸ однако при этом авторы либо вообще воздерживаются от их характеристики, либо оценивают их критически с позиций марксистской догматики.

Резко негативное отношение к археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского проявилось и в «Хрестоматии по археографии», изданной МГИАИ в 1955 г.²⁶⁹ Автор введения к «Хрестоматии...» Е.М.Тальман подвергла резкой критике «Правила издания сборника Коллегии экономии», отметив, что они «страдают формализмом и обходят молчанием важнейшие вопросы научно-критического издания документов, ни в какой степени не отвечают задачам советской археографии» и потому «не были включены в настоящую хрестоматию».²⁷⁰ Аналогичная оценка «Правил...» прозвучала и в книге П.Г.Софинова «Из истории дореволюционной археографии» (1957 г.).²⁷¹

Таким образом, в 1920—1940-е гг. в исторической литературе возникли две основные тенденции в подходе к творчеству историка. Первую можно назвать «тенденцией С.Н.Валка», которая была связана со стремлением отграничить «идеалистическую» теорию истории А.С.Лаппо-Данилевского от других его работ и тем самым отвести место наследию ученого в советской исторической науке. Вторую тенденцию можно назвать «тен-

денцией М.М.Цвибака — Л.В.Черепнина». Она была связана со стремлением к комплексному историографическому анализу работ ученого и реконструкции системы его научно-методологических взглядов. В условиях господства в науке догматического марксизма такой подход неизбежно приводил к отрицательной оценке всего творчества А.С.Лаппо-Данилевского.

Именно «приговор» Л.В.Черепнина (1949 г.) был главной причиной того, что историографы не решались вернуться к анализу творчества историка вплоть до конца 1950-х гг.²⁷²

Период «оттепели» благоприятно повлиял на историческую науку, создал условия для возвращения исследователей к рассмотрению творчества А.С.Лаппо-Данилевского. В то же время следует учитывать, что жесткая регламентация исследовательской деятельности со стороны государства по-прежнему не давала возможности для комплексного анализа «буржуазного» историографического наследия. Лишь очень постепенно на протяжении 1950—1980-х гг. советские историки расширяли границы «санкционированной свободы».²⁷³ На примере изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского этот процесс проявился довольно ярко.

В 1958 г. в очерке, посвященном археографической деятельности Б.Д.Грекова,²⁷⁴ С.Н.Валк вновь использовал имя одного из официально признанных лидеров советской науки для реабилитации своего учителя. По мнению С.Н.Валка, именно семинар А.С.Лаппо-Данилевского, посвященный вопросам дипломатики, «подвел Б.Д.Грекова непосредственно к занятиям в области вспомогательных исторических дисциплин».²⁷⁵ Как и в статье «Историческая наука в Ленинградском университете...» (1948 г.), С.Н.Валк сослался на одну из ранних работ Б.Д.Грекова (его магистерскую диссертацию, 1914 г.²⁷⁶), в которой автор подчеркивал влияние на него ученичества у А.С.Лаппо-Данилевского.²⁷⁷

Упоминание С.Н.Валком имени А.С.Лаппо-Данилевского в положительном контексте заслуживает внимания, прежде всего потому, что до начала 1960-х гг. в советской научной литературе господствовало крайне негативное, полностью идеологизированное отношение к творчеству ученого. В вышедших в свет уже в 1960—1961 гг. учебниках по истории археографии М.С.Селезнева,²⁷⁸ по источниковедению В.И.Стрельского²⁷⁹ и по историографии под редакцией В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева (в изложении И.К.Додонова),²⁸⁰ по существу, были повторены оценки творчества А.С.Лаппо-Данилевского, данные Л.В.Черепниным. Так, в последнем пособии содержался, в частности, следующий характерный пассаж: «На примере произведений А.С.Лаппо-Данилевского наиболее ярко выступает разительное противоречие между ростом документальной базы русской истории и убожеством научного подхода в истолковании документов. Это одно из ярких выражений глубокого идейного кризиса русской буржуазной историографии конца XIX и XX веков».²⁸¹

Более взвешенную позицию по отношению к наследию А.С.Лаппо-Данилевского занял А.А.Зимин. В работе «Методика издания древнерусских актов» (1959 г.) он охарактеризовал «Правила издания сборника гра-

мот Коллегии экономии» как «лучший сборник правил издания актовых материалов прошлого». Вслед за С.Н.Валком А.А.Зимин подчеркнул, что «тщательная разработка правил передачи текста документа, составления заголовков и легенд, а также указателей выгодно отличает эти «Правила» от более ранних опытов» и что «Правила...» были в дальнейшем широко использованы советскими археографами. В то же время А.А.Зимин посчитал необходимым указать на неверные «методологические посылки» «Правил...», связанные с «формально-юридическим подходом к изданию актов их редактора А.С.Лаппо-Данилевского». Пофондовый принцип издания актов казался А.А.Зимину (вслед за Л.В.Черепниным) неверным, а принцип передачи текста грамот, предложенный А.С.Лаппо-Данилевским, «крайне сложным»; упрекал автор А.С.Лаппо-Данилевского и за отсутствие «классовой характеристики» лиц, участвовавших в той или иной сделке.²⁸²

В 1962 году вышла книга А.Л.Шапиро «Русская историография в период империализма».²⁸³ Автор отнес А.С.Лаппо-Данилевского к поборникам риккертства, чьи принципы отбора исторического материала по отношению к данной ценности А.Л.Шапиро называл «глубоко антинаучными».²⁸⁴ Автор рассмотрел систему дипломатики частного акта, разработанную А.С.Лаппо-Данилевским, и пришел к выводу, «что формализм резко снижает значение источниковедческой методологии А.С.Лаппо-Данилевского». Работам А.С.Лаппо-Данилевского в области дипломатики А.Л.Шапиро противопоставил труды его учеников А.А.Шилова и С.Н.Валка, которые «дали хороший результат потому, что изменение формуляров грамот они уже начинали связывать с изменением общественных условий».²⁸⁵ Таким образом, А.Л.Шапиро в основных своих положениях критики творчества А.С.Лаппо-Данилевского следовал за Л.В.Черепниным. В то же время появление в историографии новой, значительной по объему характеристики А.С.Лаппо-Данилевского как «одного из наиболее разносторонних буржуазных историков»²⁸⁶ способствовало возвращению историографов к анализу его творчества.

С начала 1960-х гг. к изучению творчества А.С.Лаппо-Данилевского в области источниковедения обратился С.М.Каштанов. Первоначально он также в целом следовал «линии Л.В.Черепнина», будучи автором раздела «Источниковедение» во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» (1960 г.).²⁸⁷ Однако уже в 1962 г. С.М.Каштанов существенно скорректировал позицию, выступив совместно с А.А.Курновым с протестом против «односторонней оценки таких крупных буржуазных источниковедов, как А.А.Шахматов и А.С.Лаппо-Данилевский», данной в упомянутом учебнике В.И.Стрельского.²⁸⁸ На это сразу же последовала реакция Л.В.Черепнина, который повторил тезис о том, что вся «Методология истории» «проникнута единой теорией неокантианства, для нас неприемлемой».²⁸⁹ С тех же позиций охарактеризовала «Методологию истории» и С.И.Якубовская, подчеркнув, что «эта книга, основанная на идеалистической концепции, отражала кризис буржуазной историографии».²⁹⁰

Двойственную позицию по отношению к наследию А.С.Лаппо-Данилевского занял Д.С.Лихачев. В вышедшей в свет в 1962 г. «Текстологии»

автор цитирует А.С.Лаппо-Данилевского, когда речь идет об истории методологии критики текста. Однако в изложении Д.С.Лихачева, А.С.Лаппо-Данилевский принадлежал к тому поколению текстологов, «которые вели исследование в крайне недостаточных формах», ставя перед собой лишь задачу «восстановления первоначального чтения того или иного места», в то время как задачи современной текстологии заключаются в том, чтобы «изучить историю текста памятника на всех этапах его существования».²⁹¹ В 1963 г. ученик А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Введенский издал «Лекции по документальному источниковедению в СССР»,²⁹² в которых также занял осторожную позицию по отношению к научному наследию учителя. Автор отметил, что «наивысшего развития русская буржуазная дипломатика получила в работах акад. А.С.Лаппо-Данилевского». Автор считал, что исследования А.С.Лаппо-Данилевского по дипломатике «выполнены с буржуазно-идеалистических, неокантианских позиций, но содержат много фактического актоведческого материала и при критическом подходе и полном отбрасывании неокантианских его тенденций в некоторой степени могут быть полезны для советской дипломатики».²⁹³ Одновременно А.А.Введенский солидаризировался с критикой системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского, данной Л.В.Черепниным.²⁹⁴

В 1963 г. в «Очерках истории исторической науки в СССР» (III том)²⁹⁵ А.С.Лаппо-Данилевский, с одной стороны, оценивался как яркий противник марксизма и «воинствующий идеалист»,²⁹⁶ с другой стороны, была отмечена заслуга А.С.Лаппо-Данилевского как организатора новой школы дипломатики частных актов.²⁹⁷ Таким образом, «Очерки...» возродили традицию раздельной оценки разных аспектов творчества А.С.Лаппо-Данилевского, начатую С.Н.Валком. В «Очерках...» было пересмотрено и негативное отношение к конкретно-историческим трудам А.С.Лаппо-Данилевского. При этом особенно высокую оценку получила «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований».²⁹⁸ «Очерк русской дипломатики частных актов» назван автором раздела «Дипломатика» С.М.Каштановым более существенным для развития источниковедения, чем соответствующий раздел «Методологии истории», так как в «Очерке русской дипломатики...» источник анализируется по существу.²⁹⁹ Примечательно, что в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ) тот же С.М.Каштанов в статье «Дипломатика» (1964 г.) отметил в качестве заслуги А.С.Лаппо-Данилевского как раз то, что он «применял в дипломатике категории общего источниковедения».³⁰⁰ По-видимому, жанр энциклопедической статьи позволил автору не касаться вопроса об «идеалистичности» «общего источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского.

«Новый взгляд» на творчество А.С.Лаппо-Данилевского, сочетающий резкую критику теоретических воззрений ученого с признанием ценности его работ в области специальных исторических дисциплин и конкретно-исторических исследований, нашел отражение и в других статьях СИЭ. В частности, это выразилось в общем тоне статьи об А.С.Лаппо-Дани-

левском, помещенной В.И.Бугановым в СИЭ (1965 г.).³⁰¹ Близкие по характеру суждения содержатся и в статье «Источниковедение». Ее авторы, И.А.Булыгин и Л.Н.Пушкарев, в частности, отмечали, что «кризис буржуазной исторической мысли в период империализма остро сказался на источниковедении». Тем не менее «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского приводится как пример одного из первых обобщающих трудов в области источниковедения, пусть и построенного на «идеалистической основе». Авторы статьи приходят к выводу, что «основным достижением русского буржуазного источниковедения было создание крупных работ в области конкретного источниковедения и разработка отдельных приемов и способов источниковедческого анализа и критики источников».³⁰²

В 1964 г. суждения о деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, аналогичные данным в «Очерках истории исторической науки в СССР», были повторены А.В.Кольцовым в другом фундаментальном коллективном труде по истории науки — «Истории Академии наук СССР».³⁰³ В этом издании заслуживает внимания ряд указаний на участие А.С.Лаппо-Данилевского в различных сферах жизни Академии.

К середине 1960-х гг. либерализация исторической науки дошла и до проблем теории и методологии истории. Знаковым фактом стало совещание секции общественных наук Президиума АН СССР, проходившее в январе 1964 г. В докладе П.Н.Федосеева и Ю.П.Францева ставилась задача преодоления догматического подхода к теории истории, который связывался с культом личности И.В.Сталина. М.Я.Гелфтер обосновывал различие между «историческим материализмом и собственно методологией истории» с ее «специфическим» материалом. В выступлениях А.В.Гулыги и М.Б.Храпченко подчеркивалось значение категории «ценности» в историческом исследовании.³⁰⁴ Итогом заседания стало принятие постановления Президиума АН СССР (секция общественных наук) «О разработке методологических вопросов истории», в котором предлагалось усилить разработку вопросов теории и методологии истории.³⁰⁵ Методологии истории как научной дисциплине была возвращена легитимность. В 1964 г. был создан сектор методологии Института истории АН СССР,³⁰⁶ с конца 1960-х гг. стали выходить первые обобщающие труды по марксистской методологии истории,³⁰⁷ в конце 1960-х — начале 1970-х гг. вышел в свет целый ряд сборников статей по проблемам методологии и теории истории, в которых рассматривались различные, в том числе дискуссионные, вопросы.³⁰⁸ Примечательно, что сам по себе факт дискуссий по проблемам исторической методологии после десятилетий «теоретической немоты» прямо связывался их участниками с установками XX съезда КПСС и осознанием «отставания теории истории от конкретного исследования».³⁰⁹ Участник одной из методологических дискуссий тех лет, В.С.Городецкий, прямо признался, что он «ровно пятьдесят лет тому назад в последний раз работал в семинаре по методологии истории академика Лаппо-Данилевского» и с тех пор к этим вопросам не возвращался.³¹⁰ Признание того факта, что единую марксистскую теорию истории еще предстоит создать,³¹¹ по существу означало отказ от прежнего мето-

дологического догматизма эпохи «Краткого курса».³¹² Вообще теоретические споры, которые вели советские философы и методологи (Б.Ф.Поршневу, А.И.Ракитову, К.Д.Петряеву, Л.А.Журавлеву, А.В.Гулыге и др.) в конце 1960-х — 1980-е гг. по поводу различных элементов марксистской системы исторического знания (теория, методология, методика), создавали более благоприятный фон для интерпретации взглядов представителей «немарксистской историографии». Появилась возможность для постепенного смягчения позиции советских философов и историков по отношению к теоретическому наследию дореволюционной науки, в частности к историко-методологическим работам А.С.Лаппо-Данилевского. В оценке дискуссий 1960-х — начала 1970-х гг. можно согласиться с А.Я.Гуревичем, который заявил, что «их освобождающее и стимулирующее воздействие на интеллектуальную жизнь было огромно: многое из догматизма сталинской эпохи было отброшено или пересмотрено».³¹³ В то же время следует подчеркнуть, что процесс переосмысления теоретических идей «буржуазных историков» был долгим и трудным и встречал многочисленные препятствия.

В 1966 г. к анализу теории источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского впервые обратилась О.М.Медушевская. В это время, вслед за Л.В.Черепниным и А.Л.Шапиро, исследовательница придерживалась марксистско-ленинской традиции системного взгляда на творчество А.С.Лаппо-Данилевского и, как следствие, крайне негативного к нему отношения. Оценивая «методологию источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского, О.М.Медушевская считала, что в этой работе «источники берутся вне связи с общественными условиями, которыми они вызваны к жизни, без учета авторства и происхождения».³¹⁴

В 1968 г. С.Н.Валк вновь обратил внимание на значение работ А.С.Лаппо-Данилевского в области техники исторического исследования. Работа по составлению каталога частных актов представлена С.Н.Валком как важный этап выработки исторической наукой правил составления регест.³¹⁵ В статье «Археографическая легенда» (1971 г.)³¹⁶ С.Н.Валк подчеркнул значение «Правил издания грамот Коллегии экономии» и работ учеников А.С.Лаппо-Данилевского в развитии отечественной археографии.³¹⁷

В монографии «Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.)» (1968 г.)³¹⁸ Г.Д.Алексеева подвергла анализу политические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского. Автор отнес А.С.Лаппо-Данилевского к «реакционному», «буржуазно-кадетскому» течению в исторической науке вместе с С.Ф.Платоновым, А.А.Кизеветтером, М.К.Любавским, Р.Ю.Виппером и М.М.Богословским.³¹⁹ Примечательно, что, наряду с резкой критикой политических и философско-теоретических взглядов ученого,³²⁰ Г.Д.Алексеева вслед за С.Н.Валком резко отграничила его «успешные» работы в области «вспомогательных исторических дисциплин» от «Методологии истории».³²¹ Относительно же «Методологии истории» автор высказался даже более резко, нежели Л.В.Черепнин, заявив, что теоретическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского была «направлена на защиту религии, империалистических войн,

колониальной политики и политической реакции, на всемерное оправдание врагов демократии и революции».³²²

В 1969 г. в сборнике «Источниковедение: Теоретические и методические проблемы» было помещено несколько статей, затрагивавших методологические аспекты творчества А.С.Лаппо-Данилевского, прежде всего его методологию дипломатики частного акта. Статьи С.О.Шмидта³²³ и Б.Г.Литвака³²⁴ В.М.Панеях отнес к традиции конструктивной критики системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского, начатой С.Н.Валком.³²⁵ Авторы этих статей отделяли дипломатику частного акта от «идеалистической чепухи» (методологии источниковедения).³²⁶ К этому направлению следует отнести и статью С.М.Каштанова «Предмет, задачи и методы дипломатики», помещенную в том же сборнике.³²⁷

В последующих трудах³²⁸ С.М.Каштанов развил идеи относительно системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского, продолжая рассматривать ее обособленно от основных положений «Методологии истории». Наиболее обстоятельно свою позицию С.М.Каштанов изложил в написанном им учебнике по дипломатике.³²⁹ Автор высказал серьезные критические замечания в адрес А.С.Лаппо-Данилевского: упреки в «делках с принципами юридической школы»,³³⁰ в недостаточной связи акта с общественными отношениями,³³¹ в «формальных приемах исследования»³³² и т.п. В то же время С.М.Каштанов не объяснил, что именно он отвергает в методологии А.С.Лаппо-Данилевского. Автор показал, как А.С.Лаппо-Данилевский сочетал принципы типизации и развития формуляра,³³³ отметил вспомогательную роль юридического метода в системе анализа актов А.С.Лаппо-Данилевского,³³⁴ положительно оценил базовый принцип изучения актов как источника и как явления³³⁵ и в целом схему источниковедческого исследования, предложенную А.С.Лаппо-Данилевским.³³⁶ Видимо, поэтому, заключая очерк о дипломатике А.С.Лаппо-Данилевского, С.М.Каштанов сделал своеобразное пояснение своей позиции: «Работы А.С.Лаппо-Данилевского и его школы, разумеется, не решили всех вопросов дипломатики конкретных разновидностей актов, хотя и внесли в нее существенный вклад. Остались без удовлетворительного ответа и некоторые общие вопросы дипломатики частных актов: проблема достоверности их содержания, метод исследования социальных причин создания актов и др. Теория публично-правового акта совсем выпала из сферы интересов школы А.С.Лаппо-Данилевского».³³⁷ Таким образом, это пояснение становится в некотором роде программным для трудов самого С.М.Каштанова, который развивал систему А.С.Лаппо-Данилевского в указанных областях.³³⁸

Начиная с 1969 г. с рядом трудов по истории буржуазной методологии истории выступил Л.Н.Хмылев. В его работах много внимания уделялось и методологическим взглядам А.С.Лаппо-Данилевского. В трудах Л.Н.Хмылева³³⁹ выделим два ценных момента: во-первых, самое подробное за весь советский период изложение содержания опубликованных типографским способом разделов «Методологии истории» и, во-вторых, наиболее четкое в историографии рассмотрение «Методологии истории» в контексте «кризиса буржуазной науки». В 1978 г. в монографии «Проб-

лемы методологии в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века» Л.Н.Хмылев в отдельной главе изложил теорию А.С.Лаппо-Данилевского о построении исторического знания с номотетической, идиографической точек зрения, а в другой главе привел основные положения теории источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. Хотя это изложение прерывается критическими замечаниями, сделанными с марксистско-ленинских позиций, автор фактически согласился с рядом идей методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. Критические замечания Л.Н.Хмылева относительно «Теории исторического знания» вобрали в себя мысли как дореволюционных авторов, прежде всего Н.Д.Кондратьева, о неосновательности базового принципа «абсолютных ценностей», так и замечания М.Н.Покровского и Л.В.Черепнина о непонимании и противостоянии марксизму со стороны автора «Методологии истории». В своих кандидатской и докторской диссертациях Л.Н.Хмылев обстоятельно рассмотрел методологические аспекты кризиса русской исторической науки и, в соответствии с определенными им фазами кризиса, творчество А.С.Лаппо-Данилевского. Л.Н.Хмылев выделяет следующие этапы кризиса буржуазной историографии: 1) 90-е гг. XIX века — формирование программы теоретического перевооружения науки; 2) начало 1900-х гг. — историзм распространяется на область гносеологии, результатом чего становится создание релятивистской теории исторического познания; 3) 1907—1917 гг. — методология истории приобрела статус специальной научной дисциплины, а историзм распространился на все ее области — гносеологию, логику, теорию исторического процесса.³⁴⁰ С этим последним этапом кризиса дореволюционной исторической науки автор связывал и создание «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского.

В обобщающем коллективном труде «История Ленинградского университета» (1969 г.),³⁴¹ по существу, кратко сформулирована та «либеральная» позиция по отношению к творчеству А.С.Лаппо-Данилевского, которая к концу 1960-х гг. уже прочно закрепилась в историографии. Автор соответствующего раздела «Истории...» Н.Г.Сладкевич отнес А.С.Лаппо-Данилевского к числу «ведущих ученых в области исторических дисциплин», подчеркнул его роль как создателя «блестящей исследовательской школы по овладению приемами источниковедческого анализа» и руководителя занятий по дипломатике частных актов. Одновременно Н.Г.Сладкевич указал на «печать неокантианства», лежащую на работах А.С.Лаппо-Данилевского, и враждебность его методологических позиций по отношению к марксизму.³⁴²

С начала 1970-х гг. изучение не упоминавшегося ранее в исторической литературе историографического наследия ученого начала Р.А.Киреева.³⁴³ В ее работах накоплен ценный материал, используя который, автор старался показать связь эволюции историографических подходов А.С.Лаппо-Данилевского с изменением его историко-теоретических воззрений. Автор, в частности, пришел к выводу о том, что начало 1900-х гг. являлось «вершиной историографической эволюции А.С.Лаппо-Данилевского»,³⁴⁴ поскольку далее А.С.Лаппо-Данилевский перешел в своих ис-

ториографических работах к сомнительной, с точки зрения историка-марксиста, систематизации историографии по форме и методам познания.³⁴⁵

С начала 1970-х гг. усиливается интерес и к «Методологии источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского. В 1973 г., впервые после работы Н.И.Кареева (1920 г.), в книге Г.М.Иванова приводится подробное изложение этого отдела «Методологии истории».³⁴⁶ Автор согласился с тем, что в основе «Методологии истории» лежал «неокантианский идеализм», но в то же время отметил, что из этого не следует, что «все положения А.С.Лаппо-Данилевского, касающиеся исторического источника, обязательно являются идеалистическими и в них не содержится ничего рационального».³⁴⁷

Непримиримый оппонент А.С.Лаппо-Данилевского Л.В.Черепнин в 1973 г. признал, что его критика в статье 1949 г. носила «односторонне негативный характер», и объяснил это как задачами науки того времени, так и «общим направлением, в котором иногда происходили научные дискуссии». В то же время Л.В.Черепнин настаивал на том, что проведенный им «критический пересмотр взглядов А.С.Лаппо-Данилевского имел позитивные результаты».³⁴⁸ Л.В.Черепнин обоснованно указал на причины разногласий в советском источниковедении: «<...> существуют два взгляда. Согласно одному из них, можно говорить о классовом характере исторической науки, но неправомерно это делать в отношении конкретно-исторических приемов... Согласно другому взгляду, исторические концепции и источниковедческие приемы нельзя рассматривать изолированно. Направление и характер источниковедческой работы, использования тех или иных методов зависит от идейных представлений, от мировоззрения историка».³⁴⁹ К сторонникам первого взгляда Л.В.Черепнин отнес своих оппонентов С.О.Шмидта и Б.Г.Литвака, которые положительно отозвались о «методике» исторического исследования А.С.Лаппо-Данилевского в упомянутом сборнике «Источниковедение» (1969 г.).³⁵⁰ Несомненно, эти замечания свидетельствуют о том, что к середине 1970-х гг. традиция системного отрицания творчества ученого утрачивала свои позиции. В этой связи интересен и отклик М.А.Варшавчика на полемику Л.В.Черепнина со С.О.Шмидтом и Б.Г.Литваком. В статье «О структуре исторической критики» М.А.Варшавчик подробно рассмотрел проблему соотношения «методологии» и «методики». В частности, автор отметил, что «проблема соотношения методологии и методики если не возникла в литературе, то во всяком случае приобрела остроту именно в связи с вопросом об отношении к источниковедческому наследию крупных буржуазных ученых — А.С.Лаппо-Данилевского, А.А.Шахматова и др. Возникла потребность объяснить, почему при явно ошибочных мировоззренческих — теоретических и методологических позициях эти ученые могли разработать методики, во многом сохраняющие свою ценность и воспринятые советскими источниковедами».³⁵¹ Автор попытался ответить на поставленный вопрос, учитывая зависимость «методики» от «методологии», т.е. формально с позиции Л.В.Черепнина. М.А.Варшавчик предложил весьма своеобразную, «казуистическую», трактовку творчества до-

революционных историков: «<...> мы воспринимаем от прошлых исследователей, хотя они и стояли на позициях не материалистического, а идеалистического понимания истории, те наблюдения, которые объективно отражают диалектику реального исторического процесса, которые, если можно так выразиться, объективно диалектичны».³⁵² Показательно, что в 1975 г. Л.Н.Пушкарев предпринял любопытную попытку связать источниковедческие достижения А.С.Лаппо-Данилевского с влиянием марксизма и тем самым создать теоретическое обоснование их признанию в советской науке.³⁵³

В то же время продолжали высказываться и традиционные для советской историографии точки зрения на отношении А.С.Лаппо-Данилевского к марксизму. Так, А.Т.Николаева предположила, что «Методология истории» была «своеобразным ответом» «врагов материализма, в том числе буржуазных историков» на труд В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».³⁵⁴ Исходя из того, что в основе методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского «лежит неокантианская философия в самой неприкрытой форме», А.Т.Николаева утверждала, что в теории А.С.Лаппо-Данилевского источник «оторван» от исторического контекста. Одновременно историограф отмечала, что «в своих конкретных исследованиях А.С.Лаппо-Данилевский отходил от своей теории». В качестве примера такого исследования А.Т.Николаева привела «Очерк русской дипломатики частных актов» и довольно подробно изложила основные положения этого труда.³⁵⁵

Двойственность в отношении к наследию А.С.Лаппо-Данилевского сказывалась и на том положении, которое имя ученого занимало в различных учебных пособиях для студентов исторических специальностей. Если в учебниках по источниковедению он прочно обрел статус «крупнейшего буржуазного источниковеда»,³⁵⁶ то в пособиях по историографии идеологический подтекст в оценке его творчества был более заметным. В пособии по историографии В.Е.Иллерицкого (1969 г.) имя А.С.Лаппо-Данилевского вообще не упоминается,³⁵⁷ а в учебнике по историографии А.М.Сахарова (1978 г.) А.С.Лаппо-Данилевский упоминается только в негативном контексте среди авторов работ по методологии истории в начале XX в., которые «отразили напряженные поиски выхода из обозначившегося теоретического “тупика”, стремление что-либо противопоставить марксизму с его учением о формациях».³⁵⁸ Еще более резкую оценку А.С.Лаппо-Данилевскому дают авторы различного рода дидактических работ по методологии истории. В то же время влияние некоторых логических схем А.С.Лаппо-Данилевского, связанных, например, с делением методологии истории на общую (теория истории) и специальную (методы исторического исследования) на труды по методологии советских философов и историков очевидно.³⁵⁹

В 1975 г. скончался ученик А.С.Лаппо-Данилевского и один из наиболее деятельных исследователей его творчества С.Н.Валк. В.Г.Чернуха, ученица и одна из первых исследователей творчества самого С.Н.Валка, отмечала: «Влияние Лаппо-Данилевского на Валка было огромно. Без учета этого Валк не может быть понят ни как ученый, ни как человек».³⁶⁰

С этим обстоятельством связано и то, что имя и наследие А.С.Лаппо-Данилевского не раз упоминалось в контексте рассмотрения творчества С.Н.Валка во второй половине 1970-х гг. в статьях, посвященных его памяти. В 1976 г. Я.С.Лурье высказал мнение, что «А.С.Лаппо-Данилевский – выдающийся источниковед, стремящийся сделать критику источников строго научной теоретической дисциплиной».³⁶¹ Тема влияния А.С.Лаппо-Данилевского на С.Н.Валка рассматривалась в нескольких докладах, сделанных в 1976 г. на заседании в Археографической комиссии.³⁶² С.О.Шмидт и С.В.Чирков особо отметили связь принципов научной работы А.С.Лаппо-Данилевского и С.Н.Валка в области источниковедения и археографии.³⁶³ В 1978 г. В.М.Панеях рассмотрел вопрос об отношении системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского к концепции дипломатики и истории древнерусского акта С.Н.Валка. В статье «Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н.Валка» автор показал отличие подхода к изучению актов со стороны А.С.Лаппо-Данилевского от подхода С.Н.Валка.³⁶⁴

Работы А.С.Лаппо-Данилевского и его школы в области дипломатики стали предметом рассмотрения и в книге А.П.Пронштейна «Методика исторического исследования» (1971 г.).³⁶⁵ В этой работе автор следовал Л.В.Черепнину и утверждал, что «А.С.Лаппо-Данилевский и другие буржуазные ученые... считали правомерным проводить юридический анализ актов, независимо от реальных условий, в которых они возникли».³⁶⁶ Однако уже при переиздании своего труда в 1976 г. (под названием «Методика исторического источниковедения»³⁶⁷) А.П.Пронштейн в значительной степени пересмотрел свои взгляды относительно дипломатического метода А.С.Лаппо-Данилевского. Несмотря на прежнее критическое отношение к неокантианским методологическим взглядам А.С.Лаппо-Данилевского, автор пришел к выводу, что «в отличие от своих предшественников А.С.Лаппо-Данилевский тщательно изучал содержание каждой клаузулы и изменение сочетаний клаузул в зависимости от места и времени». Заслугу А.С.Лаппо-Данилевского А.П.Пронштейн видел в том, что он «показал, что каждый акт был не только свидетельством о факте, но и явлением, т.е. частью исторического процесса».³⁶⁸

В конце 1970-х гг. анализ творчества А.С.Лаппо-Данилевского продолжил и Б.Г.Литвак. Исследователь вновь постарался отделить «идеалистическую чепуху» от «прогрессивной дипломатики». В своей монографии «Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в.» (1979 г.) Б.Г.Литвак попытался доказать, что «методика А.С.Лаппо-Данилевского, впервые цельно изложенная в “Очерке русской дипломатики частных актов”... вовсе не была плодом его худосочного неокантианства, аккуратно усвоенного из немецкой литературы, а объективно отражала достижения русской научной мысли в области массовой документации XIX в.»³⁶⁹ В целях аргументации этого положения автор пытается показать «вторичность» А.С.Лаппо-Данилевского как в области дипломатики, так и статистического метода в источниковедении, указывая на ряд его предшественников, прежде всего Н.В.Варадинова,³⁷⁰ Д.П.Журавского,³⁷¹ А.А.Кауфмана³⁷² и Ю.Э.Янсона.³⁷³ Что касается дипломати-

ки, то от Н.В.Варадинова (чьи труды по истории и теории права появились еще в 1850–1880-е гг.), который членил формуляр современных ему нотариальных актов на части, то, по словам Б.Г.Литвака, от «него тянется невидимая нить к построениям А.С.Лаппо-Данилевского. Последний воспринял делопроизводственную практику XIX в. как опорную точку для своей “дипломатики частного акта”. Он же и гипертрофировал юридический подход, который уже у Варадинова обнаруживал свои слабые стороны».³⁷⁴ Рассматривая книгу Д.П.Журавского «Об источниках и употреблении статистических сведений» (1846 г.), Б.Г.Литвак пришел к выводу, что именно он являлся «пионером в источниковедении массовой документации»,³⁷⁵ с его «легкой руки» складывалась и методика ее изучения. Б.Г.Литвак усматривал ее генетическую связь с «методикой дипломатики в современном ее (дипломатики) понимании».³⁷⁶ В изложении Б.Г.Литвака носителями этой «генетической связи», воздействовавшей на А.С.Лаппо-Данилевского, прежде всего были А.А.Кауфман и Ю.Э.Янсон, чьи труды вышли раньше его «Очерка русской дипломатики частных актов» (1920 г.), первого – в 1915 г., а второго – в 1913 г. А.А.Кауфман применил статистические методы по отношению к анализу писцовых книг. Отмечая, что издание его исследования было поддержано как А.С.Лаппо-Данилевским, так и А.Е.Пресняковым, Б.Г.Литвак подчеркивает, что «в среде, в которой вращался Лаппо-Данилевский, обращение к статистическому методу в источниковедении было не только естественным, но и необходимым». Далее Б.Г.Литвак приводит определение предмета статистики и схемы метода массового статистического наблюдения, которое было дано Ю.Э.Янсоном (задолго до выхода в свет книги А.С.Лаппо-Данилевского): «1. Сложный объект разлагается на неделимые его составляющие и каждое неделимое на его простейшие признаки. 2. Самое наблюдение состоит исключительно в констатировании наличности того или другого признака в каждом из неделимых. 3. Полученные таким образом единичные показатели суммируются и полученные количества (сумма случаев в коих данный признак был налично) выражают искомые свойства или качества явления». Сравнивая методику А.С.Лаппо-Данилевского почему-то в формулировке С.М.Каштанова («клаузальный анализ», «составление графически-статистических таблиц») с процитированным определением Ю.Э.Янсона, Б.Г.Литвак восклицает: «Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы догадаться, откуда идет методика А.С.Лаппо-Данилевского». Постепенно противоречивость изложения Б.Г.Литвака нарастает: «<...> я, конечно, далек от мысли о “плагиате” А.С.Лаппо-Данилевского или даже о прямом влиянии книги Янсона на него (такое вообще-то не исключается)», – но, таким образом, по мнению Б.Г.Литвака, можно показать генетическую связь дипломатики с методикой изучения массовой документации в традициях Д.П.Журавского.³⁷⁷

Общее позитивное изменение отношения к А.С.Лаппо-Данилевскому, которое происходило в исторической науке в 1960-е – первой половине 1970-х гг., способствовало началу работ по реконструкции научной биографии ученого. В 1976–1977 гг. основной архивный фонд А.С.Лаппо-

по-Данилевского был заново переработан и систематизирован Г.И.Греховой.³⁷⁸ Одновременно Г.И.Грехова подготовила обзорное эссе о наследии А.С.Лаппо-Данилевского.³⁷⁹ Наиболее ценные материалы об археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского были собраны С.Н.Валком в 1970-е гг. и ныне хранятся в его фонде.³⁸⁰ Путеводителем по этим материалам может быть статья А.И.Копанева, вышедшая в свет в 1978 г.³⁸¹ Интересно также сделанное в то же время замечание Л.С.Клейна о том, что методологические позиции А.С.Лаппо-Данилевского подвергались в трудах советских историков «чересчур категоричной, безоговорочной критике», поскольку А.С.Лаппо-Данилевский «был неокантианцем, последователем Риккерта».³⁸² Таким образом, в слегка завуалированной форме Л.С.Клейн указал на идеологическую подоплеку критики А.С.Лаппо-Данилевского в советской исторической науке.

А.С.Кан в книге «Историк Г.В.Форстен и наука его времени» (1979 г.) вернулся к тезису А.Е.Преснякова и С.Н.Валка о существовании противоречий в отношении А.С.Лаппо-Данилевского с Кружком русских историков во главе с С.Ф.Платоновым. А.С.Кан, приведя дополнительные свидетельства в пользу этого утверждения, первый в историографии указал на политический подтекст разногласий между А.С.Лаппо-Данилевским и кругом С.Ф.Платонова.³⁸³

С конца 1970-х гг. свое отношение к «Методологии источниковедения» пересмотрела О.М.Медушевская. В 1979 г. исследовательница отмечала: «<...> концепция методологии источниковедения... А.С.Лаппо-Данилевского в теоретико-познавательном отношении стала наиболее цельным и систематическим учением об источнике, которое когда-либо было создано на базе идеалистической философии истории».³⁸⁴ Замечания того же характера были повторены О.М.Медушевской в работе, посвященной зарубежному источниковедению, вышедшей в свет в первой половине 1980-х гг.³⁸⁵ Таким образом, «Методология источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского жила как бы обособленной от «Методологии истории» жизнью, приобретая в теории источниковедения 1970–1980-х гг. в перечисленных работах Г.М.Иванова, Л.Н.Хмылева и О.М.Медушевской статус капитального труда.

В «Очерках развития буржуазной методологии и философии истории» (1979 г.) О.Л.Вайнштейн дал характеристику методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского. Он, в частности, отметил, что «для Лаппо-Данилевского, как и многих других буржуазных теоретиков, методология — это просто подходящая процедура исследования». С точки зрения О.Л.Вайнштейна, А.С.Лаппо-Данилевский смешивает методологию и методику, т.е. методы исторического мышления прилагаются у него к изучению исторического материала, т.е. источниковедению.³⁸⁶ Несмотря на то, что по своему характеру замечания О.Л.Вайнштейна примыкали к традиции Л.В.Черепнина, они интересны как раз утверждением того принципа, против которого Л.В.Черепнин решительно протестовал, а именно отделения методологии (связанной с методами мышления) от методики (связанной с характером материала). Именно признание допустимости такого подхода в советской философии истории и историографии в

1960–1970-е гг. и позволяло положительно характеризовать и оценивать методологические работы А.С.Лаппо-Данилевского, связанные не с «методами исторического мышления», а с «историческим материалом».³⁸⁷

С конца 1970-х гг. выходили в свет исследования И.А.Голосенко, посвященные истории социологической мысли в России, в которых немалое место уделялось трудам А.С.Лаппо-Данилевского.³⁸⁸ В русском неокантианстве И.А.Голосенко выделил три направления: субъективно-нормативистская концепция П.И.Новгородцева и В.М.Хвостова; психологически-эмоциональный вариант неокантианства Л.И.Петражицкого; социальная гносеология А.С.Лаппо-Данилевского и Б.А.Кистяковского.³⁸⁹ Характерным упреком в работах И.А.Голосенко, адресованном русским неокантианцам, было обвинение в отрыве от действительности и подмене науки философской рефлексией над ее методологией.³⁹⁰

В начале 1980-х гг. появились исследования С.П.Рамазанова. Их следует поставить в один ряд с работами Л.Н.Хмылева. С.П.Рамазанов рассмотрел влияние неокантианской теории ценностей на русскую «буржуазную» историографию.³⁹¹ Анализируя понятие ценности в «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского, С.П.Рамазанов отметил принципиальное отличие позиции А.С.Лаппо-Данилевского от Г.Риккерта в том отношении, что «абсолютные ценности» в его интерпретации не являются чем-то независимым от человеческого сознания, и, по сути, приблизился к выводам А.Е.Преснякова об их методологической роли. С.П.Рамазанов, как и Л.Н.Хмылев, рассматривал теоретические воззрения А.С.Лаппо-Данилевского в общем контексте неокантианской философской мысли. К трудам С.П.Рамазанова примыкают работы О.В.Синицына, появившиеся в первой половине 1980-х гг. В работах О.В.Синицына этого периода отстаивается тезис о ненаучности теорий русских неокантианцев, того, что «методологические поиски русских буржуазных историков вызваны не... столько задачами перевооружения... историографии, сколько задачами активного противостояния марксистской теории».³⁹² Следует отметить, что и большинство работ того времени, посвященных теории истории А.С.Лаппо-Данилевского, ориентировались прежде всего на критику неокантианского направления в русской историографии. Общим местом в рассуждениях о «Методологии истории» стало мнение, что она явилась «переложением трудов немецких неокантианцев Виндельбанда и Риккерта»,³⁹³ что по существу копировало оценки, высказанные еще Н.Д.Кондратьевым и Т.И.Райновым и затем повторенные А.Е.Пресняковым и Л.В.Черепниным.

Однако в то же время высказывались и другие точки зрения. Так, А.В.Гулыга, сторонник «ценностного подхода» в исторических исследованиях, в книге «Искусство истории» (1980 г.) подчеркивал отличие продуктивного подхода А.С.Лаппо-Данилевского от неокантианцев, поскольку последний «в отличие от неокантианцев, усматривавших в истории только идиографическую функцию... настаивает на том, что история решает также и номотетические задачи».³⁹⁴ Из трудов, вышедших в первой половине 1980-х гг. и посвященных рассмотрению проблем «Методологии истории», особый интерес представляет монография А.И.Ракитова «Историческое

познание» (1982 г.).³⁹⁵ В ней автор смело использует риккертские понятия «исторического интереса» и «ценности» в рамках марксистской системы философии истории. Такой подход, наряду с анализом построений современной ему западной методологии истории, позволил А.И.Ракитову не только рассмотреть систему методологии А.С.Лаппо-Данилевского в контексте истории историософской и методологической мысли, но и дать позитивную характеристику методам исторического построения (конструирования исторических фактов) А.С.Лаппо-Данилевского, хотя и с понятными оговорками марксистского толка.³⁹⁶ Знаковым стало включение отрывков из «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского в «Сборник материалов по истории исторической науки в СССР» (пособие для вузов), вышедший в свет в 1985 г.,³⁹⁷ хотя в предисловии к публикации и указывалось, что «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского «написана с неокантианских позиций и направлена против марксистской теории и методологии».³⁹⁸ В коллективном труде «Историческая наука: Вопросы методологии» (1986 г.) концепция исторического факта А.С.Лаппо-Данилевского вновь подверглась традиционной и отчасти уже казавшейся ритуальной критике за идеализм.³⁹⁹

В 1981 г. вышла в свет статья Л.В.Ивановой «К истории Союза российских архивных деятелей»,⁴⁰⁰ в которой впервые была дана подробная характеристика деятельности А.С.Лаппо-Данилевского на посту его председателя в 1917–1919 гг. Автор высоко оценил роль А.С.Лаппо-Данилевского в спасении отечественных архивов в годы революции и отметил его заслуги в организации архивного дела. В то же время Л.В.Иванова критически, с марксистско-ленинских позиций дала оценку стремлению А.С.Лаппо-Данилевского сохранить «непартийность» архивов.⁴⁰¹

В 1986 г. в обзоре советской литературы по теоретическому источниковедению его составитель И.Л.Беленький, учитывая обе традиции в изучении «Методологии источниковедения», справедливо отметил, что все основные вопросы «советской теории источниковедения трактуются в нашей науке с точки зрения соотношения их с фундаментальными утверждениями А.С.Лаппо-Данилевского: сближения – согласования с ними или наоборот, принципиального и безоговорочного отталкивания от них, размежевания с ними».⁴⁰²

В монографии «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (1986 г.)⁴⁰³ А.Н.Цамутали отвел отдельную главу творчеству В.О.Ключевского и А.С.Лаппо-Данилевского. Такой подход, несомненно, уже сам по себе подчеркивал значение А.С.Лаппо-Данилевского как классика исторической науки. Сам очерк построен в основном на воспоминаниях А.Е.Преснякова и И.М.Гревса. Автор развил тему критического отношения Лаппо-Данилевского к школе В.О.Ключевского, впервые в историографии подробно рассмотрев статью А.С.Лаппо-Данилевского «Исторические взгляды В.О.Ключевского» (1912 г.).⁴⁰⁴ Негативно охарактеризовав увлечение ученого «неокантианскими идеями», А.Н.Цамутали отметил, что «большой заслугой А.С.Лаппо-Данилевского была разработка принципов дипломатики русского частного акта» и что «отдельные достижения имели место и в его методологических исканиях».⁴⁰⁵

Либерализация исторической науки, начавшаяся в годы «перестройки», способствовала дальнейшим позитивным изменениям в оценке роли А.С.Лаппо-Данилевского в историографии. Так, С.О.Шмидт в ряде статей второй половины 1980-х гг. подчеркивал заслуги А.С.Лаппо-Данилевского как «известного буржуазного ученого» и «выдающегося историка» в организации советского архивного строительства в 1917–1918 гг.,⁴⁰⁶ а также отмечал «великие открытия» А.С.Лаппо-Данилевского в дипломатике⁴⁰⁷ и обращал внимание на недопустимость односторонне негативной оценки «Методологии истории» («без характеристики ее источниковедческих начал») в учебниках по историографии.⁴⁰⁸ В учебном пособии по истории источниковедения XIX–XX вв. (1988 г.)⁴⁰⁹ О.М.Медушевская отвела отдельный раздел изложению системы методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского,⁴¹⁰ указав на то, что она «выводила данную область знания об источниках на иной качественный уровень».⁴¹¹ Вслед за М.А.Варшавчиком и Л.Н.Пушкаревым О.М.Медушевская попыталась найти А.С.Лаппо-Данилевскому место в марксистской мифологии исторической науки. «Как теоретик и логик – ученый, возможно неокантианец, – писала исследовательница, – как исследователь – практик, материалист, ощущающий объективную реальность источника, созданного человеком, творцом, с определенной целью выразившим в этом источнике его назначение, и свою цель и свою индивидуальность. Это двуединство – противоречие концепции прослеживается в последующих главах книги [«Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского. – *Е.Р.*].»⁴¹²

В учебном пособии «Документальные памятники: выявление, учет, использование» (1988 г.)⁴¹³ в разделе «Археографическая деятельность в дореволюционной России» его автор С.В.Чирков дал высокую оценку археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и особенно «Правилам издания сборника грамот Коллегии экономии».⁴¹⁴ В статье «Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века» (1989 г.) С.В.Чирков более детально исследовал вопрос о значении школы А.С.Лаппо-Данилевского и основанной им археографической традиции. Рассматривая научную деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в рамках петербургской школы, он противопоставлял его как традиции московской школы, так и направлению С.Ф.Платонова. С.В.Чирков вслед за С.Н.Валком противопоставлял строго научное направление А.С.Лаппо-Данилевского «художественному» направлению С.Ф.Платонова и считал, что «у С.Ф.Платонова была по преимуществу учебная школа, а А.С.Лаппо-Данилевский выступил как организатор классической научно-исследовательской школы».⁴¹⁵

В 1988 г. несколько скорректировала свою позицию в отношении методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского даже такой непримиримый ее противник, как А.Т.Николаева. Дословно повторив критические замечания в адрес А.С.Лаппо-Данилевского, высказанные в 1975 г., она тем не менее сочла необходимым добавить, что «нужно отдать справедливость [А.С.Лаппо-Данилевскому. – *Е.Р.*], за все существование рус-

ской дореволюционной историографии такого обобщающего теоретического труда, построенного на определенной философской основе, не было».⁴¹⁶

Б.Г.Могильницкий в работе «Введение в методологию истории» (1989 г.) называет «Методологию истории» А.С.Лаппо-Данилевского «капитальным трудом», в котором «был подвергнут систематическому исследованию обширный круг вопросов, раскрывающих в своей совокупности специфику исторического знания». По мнению Б.Г.Могильницкого, целый ряд из них «и по сей день сохраняет научную актуальность». В то же время Б.Г.Могильницкий повторил тезис о кризисе буржуазной историографии, подчеркнув, что буржуазные ученые просто не могли удовлетворительно решать «важные историко-методологические проблемы», на это оказалась способной, по его мнению, только марксистская наука.⁴¹⁷

Раздельное изучение разных направлений историко-теоретической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского в 1960–1980-е гг. предопределило характер выводов, к которым пришли исследователи относительно разных сторон научно-методологической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. В оценке основного теоретического труда А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории» историческая наука не ушла дальше общей обзорной характеристики этой работы. При этом особенностью этого анализа было то, что не сама «Методология истории», а конструкция представлений о ней, созданная позитивистской историографией, как правило, стала объектом марксистской интерпретации. Тем самым в отношении оценки «Методологии истории» была продолжена традиция методологической критики, заложенная Л.В.Черепниным.

Соответственно уровню изучения и степени принятия историко-теоретических идей А.С.Лаппо-Данилевского они оказали различное влияние на развитие исторической науки. Если ею были в целом приняты археографические правила, разработанные А.С.Лаппо-Данилевским, то его основные методологические идеи, связанные с теорией исторического знания, «методологией исторического построения», в своей основной части были отвергнуты и значимого влияния на развитие исторической науки не оказали. Более сложным является вопрос о влиянии на отечественную науку всей системы методологических и методических идей ученого, это влияние определялось приверженностью к той или иной точке зрения относительно системы источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. С одной стороны, была продолжена традиция, основанная Л.В.Черепниным. Она заключалась в последовательном отрицании принципов как методологии, так и методики источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского, поскольку в их основании лежали антимарксистские установки его теории исторического знания. С другой стороны, получила развитие традиция, основанная С.Н.Валком. В 1960–1980-е гг. она претерпела изменения, которые выразились в том, что ее последователи разделились на сторонников двух точек зрения. Приверженцы первой точки зрения признавали заслуги А.С.Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта, но отрицали теоретические установки его методологии источ-

никоведения (А.Т.Николаева, С.М.Каштанов, Г.Д.Алексеева, Б.Г.Литвак и др.). Ученые, придерживающиеся второй точки зрения, пусть и с оговорками, обусловленными идеологической ситуацией советского времени, соглашались с принципами как дипломатики, так и методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского (Г.М.Иванов, Л.Н.Пушкарев, О.М.Медушевская, А.П.Пронштейн и др.). По сути, к началу 1980-х гг. эта точка зрения стала господствующей в советской исторической науке.

Рост влияния традиции, принимавшей, хотя бы и частично, наследие А.С.Лаппо-Данилевского, и постепенное расширение как числа исследователей творчества ученого, так и тематики их работ, отражали процесс демократизации исторической науки по сравнению с предшествующим периодом. Тем не менее марксистско-ленинская теория оставалась призмой, через которую авторам того времени приходилось рассматривать творчество историка.

С теми коренными изменениями в исторической науке, которые были связаны с отказом от идеологической установки в исследовательской работе, начался новый этап изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского. Он ознаменовался выходом в свет первой части неопубликованной докторской диссертации А.С.Лаппо-Данилевского «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.».⁴¹⁸ Это издание предваряет статья ответственного редактора А.И.Клибанова «А.С.Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель».⁴¹⁹ Вслед за А.Е.Пресняковым и Л.В.Черепниным А.И.Клибанов подчеркнул монистичность научного творчества А.С.Лаппо-Данилевского, которую он понимал как следование во всех областях научной деятельности общим принципам и целям. Вслед за историками предшествующего времени А.И.Клибанов отметил существование кризиса в русской историографии рубежа веков, но расценил его как «целительный».⁴²⁰ Автор проанализировал философские «корни» «Методологии истории», детально рассмотрев философию истории Г.Риккерта. Переходя к анализу философских взглядов А.С.Лаппо-Данилевского, А.И.Клибанов отметил схожесть его идей антропокосмизма с понятием ноосферы, разрабатывавшейся в трудах В.И.Вернадского. Автор считал полезными многие методологические идеи А.С.Лаппо-Данилевского для современного исследователя. А.И.Клибанов обратил внимание на чувство неуверенности, ощущение зыбкости цивилизации, охватившие общество во время создания «Методологии истории», как на благоприятную атмосферу для появления исторической теории такого типа, с «верховными» ценностями, неподвластными бурным историческим временам.⁴²¹ Формально оставаясь на марксистских позициях, автор тем не менее уважительно отзывается о методологических достижениях А.С.Лаппо-Данилевского. Характер статьи А.И.Клибанова отражал состояние исторической науки в период отказа от господства марксистско-ленинской идеологии и связанной с ней системы методологических координат.

Переходное состояние, связанное с отказом от марксистско-ленинской идеологии, отразилось и в книге А.П.Пронштейна «Источникове-

дение в России. Эпоха капитализма» (1991 г.).⁴²² Автор изложил, вслед за Г.М.Ивановым и Л.Н.Хмылевым, содержание методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского и отметил многочисленные достоинства этого труда, согласившись фактически со всеми его положениями.⁴²³ В то же время А.П.Пронштейн ошибочно сводил понятие «общепринятой ценности» в представлении А.С.Лаппо-Данилевского к «истине, добру и красоте» и утверждал, что ученый «все же не выходил за пределы неокантианского подхода к возможности познания исторического процесса».⁴²⁴

Крах прежних идеологических установок, произошедший в начале 1990-х гг., породил у многих историков ощущение методологического кризиса исторической науки. Одним из направлений поиска выхода из него стало обращение к дореволюционному наследию русской исторической науки, в частности к личности и работам А.С.Лаппо-Данилевского.

В вышедшем в 1993 году курсе лекций А.Л.Шапиро по русской историографии автор пересмотрел свое отношение к творчеству А.С.Лаппо-Данилевского. Интересно его замечание о том, что современная историческая наука использует, вслед за А.С.Лаппо-Данилевским, специальную дисциплину — аксиологию, которая занимается проблемами отнесения фактов и явлений к ценности.⁴²⁵

Т.И.Хорхордина в работе, посвященной истории архивного дела в советское время (1994 г.), уделила немало места деятельности А.С.Лаппо-Данилевского на посту председателя Союза российских архивных деятелей в 1917–1919 гг. и показала как выдающуюся роль А.С.Лаппо-Данилевского в деле спасения отечественных архивов, так и непримиримые противоречия, существовавшие между ним и режимом, пришедшим к власти в октябре 1917 г. Т.И.Хорхордина обратила внимание и на личные разногласия, существовавшие между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым и их школами относительно подходов в организации архивного дела.⁴²⁶

Тема сложных отношений С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского также затрагивалась в работах М.Б.Свердлова⁴²⁷ и В.С.Брачева.⁴²⁸ В очерке, посвященном творчеству А.Е.Преснякова, М.Б.Свердлов уделил внимание отношениям этого историка с А.С.Лаппо-Данилевским.⁴²⁹ Таким образом, начала разрабатываться важная проблематика — взаимоотношения историков петербургской школы.

В 1994 г. научная общественность отмечала 75-летие со дня кончины академика А.С.Лаппо-Данилевского. В связи с этой датой Археографическая комиссия провела заседание памяти А.С.Лаппо-Данилевского. Оно явилось поводом для подготовки ряда докладов о деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. Впоследствии эти доклады были опубликованы в виде статей в «Археографическом ежегоднике» за 1994 г. В числе их авторов — С.О.Шмидт, О.М.Медушевская, В.П.Корзун, С.В.Чирков, А.А.Александров, Ф.Г.Тараторкин, И.Л.Беленький, Л.Н.Простолова.⁴³⁰

Если большинство этих статей посвящены отдельным сторонам творчества А.С.Лаппо-Данилевского и опираются на работы Н.И.Кареева, А.Е.Преснякова, И.М.Гревса, С.Н.Валка и других авторов 1910-х — начала 1920-х гг., то статьи С.О.Шмидта и О.М.Медушевской содержат попытку создания целостного представления о творчестве А.С.Лаппо-Данилевского.

В статье С.О.Шмидта была намечена «проблематика некоторых разделов в предстоящем изучении творчества и биографии А.С.Лаппо-Данилевского».⁴³¹ В числе определенных автором направлений будущих исследований — изучение феномена научной школы А.С.Лаппо-Данилевского, его личных и творческих отношений с В.И.Вернадским, философских и научно-теоретических работ, работ ученого по историографии, источниковедению, его общественно-политической деятельности.⁴³²

Многоплановой и обобщающей явилась статья О.М.Медушевской, в которой мировоззрение А.С.Лаппо-Данилевского рассматривается в контексте всемирного гуманитарного знания.⁴³³ Используя наблюдения Н.И.Кареева, Т.И.Райнова, А.Е.Преснякова и других о «строгой научности» системы А.С.Лаппо-Данилевского, об интегрирующем разные науки подходе «системного познания» в его методологии и о главенствующей роли «сознания» в теории А.С.Лаппо-Данилевского, О.М.Медушевская поставила себе целью показать, что «парадигма гуманитарного познания А.С.Лаппо-Данилевского» отвечает на «запросы современной гуманитаристики», которая «стремится быть строго научной» и «консолидироваться в единую науку о человеке». С нашей точки зрения, спорным является то, что автор приравнял значение номотетического и идиографического подходов в системе А.С.Лаппо-Данилевского, в то время как сам ученый их строго разграничивал (в общей методологии истории),⁴³⁴ не допуская никакого «синтеза»⁴³⁵ (выражение О.М.Медушевской) этих подходов, а методы (специальная методология истории: методы исторического построения) сочетал, отводя номотетическому методу вспомогательную роль. На наш взгляд, не вполне верно была передана О.М.Медушевской и суть идиографического метода А.С.Лаппо-Данилевского. Его основное значение все-таки не в выяснении особенностей «частей» «через рассмотрение объекта как целостности»⁴³⁶ (как это было представлено О.М.Медушевской), а именно в построении «исторического целого» через отнесение индивидуальных свойств «частей» к определенной ценности (ключевое понятие «Методологии истории», вообще выпавшее из поля зрения автора статьи).

В другой работе, появившейся в печати в том же году, О.М.Медушевская высказала внутренне противоречивое суждение о том, что источниковедческие представления Л.В.Черепнина, изложенные им в упомянутой разгромной статье (1949 г.) против А.С.Лаппо-Данилевского, являются «дополняющими» источниковедческую систему А.С.Лаппо-Данилевского. По мнению О.М.Медушевской, они дополняли методологию А.С.Лаппо-Данилевского определением исторического источника как «продукта общественной борьбы и социальных противоречий эпохи».⁴³⁷ С нашей точки зрения, очевидно, что определение источника, данное с позиций

отрицания методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского, никак не могло дополнять его источниковедческую систему.

В 1996 г. вышла статья А.Н.Нечухрина и С.П.Рамазанова, посвященная А.С.Лаппо-Данилевскому. В статье предпринята ценная попытка комплексного осмысления научного творчества историка. В то же время авторы находились под определенным влиянием историографической литературы (прежде всего работ А.Е.Преснякова, И.М.Гревса, Н.И.Кареева и Л.Н.Хмылева). Видимо, поэтому в тексте статьи содержатся наблюдения, которые отчасти можно охарактеризовать как противоречивые. К их числу можно отнести тезис о позитивистских тенденциях во взглядах А.С.Лаппо-Данилевского до 1905 г. и о критике концепции О.Конта в 1902 г.; положение о споре с Г.Риккертом и следовании ему в вопросах о разграничении методологии естествознания и истории и методе отнесения факта к ценности как ведущего в историческом исследовании; утверждение о главенстве идиографического метода у А.С.Лаппо-Данилевского и тезис о «сочетании» его с номотетическим; заключение о выражении неокантианских идей в конкретно-исторических трудах А.С.Лаппо-Данилевского и положение о «принципиальном сходстве» позитивистского и неокантианского этапов его творчества. Вообще авторы, возможно под воздействием предшествующей литературы, отождествили «обоснованные» и «абсолютные» ценности, связали методологию истории А.С.Лаппо-Данилевского с его «религиозным умонастроением», с политической ситуацией и т. п.⁴³⁸

О.М.Медушевская и М.Ф.Румянцева написали учебник по методологии истории, в котором основывались на собственной интерпретации базовых идей теории истории А.С.Лаппо-Данилевского (1997 г.).⁴³⁹ Целый ряд положений методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского содержится и в учебнике по источниковедению для вузов, подготовленном коллективом авторов (И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская) и вышедшем в свет в 1998 г.⁴⁴⁰

К рассмотренным выше общим обзорам деятельности А.С.Лаппо-Данилевского примыкают многочисленные работы, посвященные отдельным аспектам творчества историка. Объектом внимания были такие темы, как университетские курсы А.С.Лаппо-Данилевского (Р.А.Сидельников,⁴⁴¹ Е.Р.Ольховский⁴⁴²), А.С.Лаппо-Данилевский и московская историческая школа (А.Н.Цамутали,⁴⁴³ В.П.Корзун⁴⁴⁴), А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа (Н.И.Приймак⁴⁴⁵), конкретно-исторические труды А.С.Лаппо-Данилевского (С.Н.Погодин,⁴⁴⁶ Н.А.Трапш,⁴⁴⁷ М.Ю.Сорокина⁴⁴⁸), историографическое наследие А.С.Лаппо-Данилевского (О.В.Синицын,⁴⁴⁹ В.П.Корзун,⁴⁵⁰ С.Н.Погодин⁴⁵¹), археографические предприятия ученого (Е.М.Добрушкин,⁴⁵² С.В.Чирков,⁴⁵³ А.А.Александров,⁴⁵⁴ Ф.Г.Тараторкин,⁴⁵⁵ Н.И.Приймак,⁴⁵⁶ Т.И.Хорхордина⁴⁵⁷), его археологическая деятельность (И.Л.Тихонов⁴⁵⁸), научно-организаторская работа А.С.Лаппо-Данилевского в Академии наук (В.Д.Есаков⁴⁵⁹, Т.В.Чумакова), его международная научная деятельность (Н.И.Приймак⁴⁶⁰), методология и философия истории А.С.Лаппо-Данилевского (Т.И.Калистратова,⁴⁶¹ А.А.Курносков,⁴⁶² И.Л.Беленький,⁴⁶³ Л.Н.Хмылев,⁴⁶⁴ Н.М.До-

рошенко,⁴⁶⁵ К.В.Хвостова и В.К.Финн,⁴⁶⁶ О.В.Синицын,⁴⁶⁷ В.В.Берус,⁴⁶⁸ С.П.Рамазанов,⁴⁶⁹ М.Ф.Румянцева,⁴⁷⁰ А.В.Малинов и С.Н.Погодин,⁴⁷¹ О.М.Медушевская,⁴⁷² Н.А.Трапш,⁴⁷³ О.Ф.Русакова,⁴⁷⁴ М.А.Колеров,⁴⁷⁵ Ф.В.Николай,⁴⁷⁶ Л.Н.Барышникова,⁴⁷⁷ И.Д.Осипов⁴⁷⁸), наследие А.С.Лаппо-Данилевского в историографии (А.А.Чернобаев,⁴⁷⁹ А.Н.Цамутали,⁴⁸⁰ А.В.Макушин,⁴⁸¹ А.В.Свешников⁴⁸²), политическая деятельность академика (В.П.Корзун⁴⁸³), эпистолярное наследие (П.А.Трибунский⁴⁸⁴) и другие. Несмотря на то, что эти работы носят очерковый характер и связаны с изложением сюжетов, как правило, уже рассмотренных в литературе, их появление объективно способствует популяризации научного наследия А.С.Лаппо-Данилевского в историографии и активизации изучения его творчества.

Таким образом, в современной литературе произошло как закрепление тех направлений исследования личности и трудов ученого, работа по которым была начата в советский период, так и значительное расширение исследовательской тематики. Значимым результатом стало общее признание за А.С.Лаппо-Данилевским статуса одного из классиков отечественной исторической науки, что, в частности, выразилось в курсах историографии последнего времени, где творчеству А.С.Лаппо-Данилевского уделяется особое внимание,⁴⁸⁵ широко используется наследие А.С.Лаппо-Данилевского и в современных курсах по методологии истории.⁴⁸⁶ С прекращением идеологического диктата в науке произошли и важные изменения в подходе к самому анализу научного наследия А.С.Лаппо-Данилевского. От советского времени его отличают комплексность и свобода от какого-либо прямого идеологического воздействия на историографическое построение. Лишь немногие современные историографы продолжают придерживаться оценок творчества А.С.Лаппо-Данилевского, данных в условиях жесткого диктата марксистской идеологии.⁴⁸⁷ Можно сказать, что коренное изменение историографической ситуации привело к отказу большинства современных историографов от традиции как Л.В.Черепнина, так и С.Н.Валка. В поисках ориентиров для историографического синтеза многие исследователи вернулись к позициям раннего периода (до 1923 г.) изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского. Труды А.Е.Преснякова, Н.И.Кареева, И.М.Гревса стали основными источниками для ряда современных историографических работ. В то же время установка на поиск новых методологических координат в исторической науке, в том числе и в научном наследии А.С.Лаппо-Данилевского, заставила современных исследователей фактически пройти мимо выводов критического характера относительно творчества А.С.Лаппо-Данилевского, к которым пришла позитивистская историография в 1910–1920-е гг. Такой подход внес элемент противоречивости в изложение современных авторов. Кроме того, многократное повторение одних и тех же сюжетов и суждений показывает, что современная историография продолжает ходить по кругу в изучении творчества А.С.Лаппо-Данилевского. С одной стороны, основную причину этой ситуации мы видим в почти полном отсутствии на протяжении длительного времени работ, которые вводили бы в научный оборот значительный по объему новый источниковый ма-

териал. С другой стороны, причина заключается и в том, что современные исследователи, как правило, в своих заключениях идут за историографическими источниками, что не всегда способствует решению задачи комплексного переосмысления феномена А.С.Лаппо-Данилевского и его школы в контексте истории исторической науки.

В 2001 г. вышла первая книга о А.С.Лаппо-Данилевском – работа А.В.Малинова и С.Н.Погодина «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ» (2001).⁴⁸⁸ На этом труде следует остановиться особо.⁴⁸⁹ Ценно то, что авторы органично переработали труды своих предшественников и поместили в «Приложение» «Обзор работ, посвященных А.С.Лаппо-Данилевскому».⁴⁹⁰ Впервые в новейшей литературе составлена «Библиография основных работ об А.С.Лаппо-Данилевском».⁴⁹¹

С нашей точки зрения, большинство выводов, к которым приходят авторы в ходе исследования, заслуживают полной поддержки. А.В.Малинов и С.Н.Погодин блестяще показывают, что «А.С.Лаппо-Данилевским был накоплен и систематизирован огромный запас фактов и идей, ставших основой новых концепций», А.С.Лаппо-Данилевский был «представителем исторического идеализма», и движущей силой истории в его представлении являлось «человеческое сознание».⁴⁹² Авторы аргументированно отмечают, что «творчество» А.С.Лаппо-Данилевского «вносит определенную динамику в традицию государственной школы».⁴⁹³ Вслед за А.Л.Шапиро авторы справедливо находят ее в неокантианской интерпретации «государственной теории».⁴⁹⁴ Заслугой А.В.Малинова и С.Н.Погодина является то, что в работе впервые освещаются такие сферы, как гимназическая и университетская деятельность А.С.Лаппо-Данилевского. Анализируя систему дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского, С.Н.Погодин и А.В.Малинов приходят к важному выводу о том, что «применение к дипломатике некоторых категорий общего источниковедения» позволила А.С.Лаппо-Данилевскому «создать русскую школу дипломатики частных актов».⁴⁹⁵ Переходя к обзору археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, авторы обоснованно уделяют внимание характеристике деятельности А.С.Лаппо-Данилевского как редактора издания «Грамот Коллегии экономии», задуманного в 1900 г. Важнейшей сферой академических занятий А.С.Лаппо-Данилевского стала характеристика по поручению Академии научных трудов и деятельности ученых. Как отмечают авторы: «К этому вопросу Лаппо-Данилевский подходил не только критически, но и пытался подчеркнуть самостоятельность исследований».⁴⁹⁶

Основные вопросы, которые возникают в ходе чтения работы: как связаны различные сферы в творчестве героя книги? каков контекст той культурной реальности, в которой проходило развитие ученого? Вывод авторов о том, что А.С.Лаппо-Данилевский «стремился подвести под историческую фактичность теоретический фундамент», не вызывает сомнений. Всем ходом изложения А.В.Малинов и С.Н.Погодин аргументируют свое наблюдение о том, что для А.С.Лаппо-Данилевского «теоретические построения не имели самодовлеющего значения», а «становятся научными лишь тогда, когда соотносятся с конкретной действительностью». Авторы

показывают, что для А.С.Лаппо-Данилевского «способом достижения» искомой «предметной реальности» являлся «прежде всего метод».⁴⁹⁷ В этой связи особый интерес представляет тот раздел работы, который посвящен анализу системы методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского.⁴⁹⁸ Вопреки устоявшемуся в историографии мнению авторы высказывают «сомнения в правоверном неокантианстве русского историка».⁴⁹⁹ С этим следует согласиться: для А.С.Лаппо-Данилевского теоретические положения «баденской школы» были важны лишь постольку, поскольку способствовали разработке «научно-обоснованной системы исторического знания».⁵⁰⁰

С нашей точки зрения, авторам, может быть, следовало бы еще более оттенить достоинства того интегрального подхода, который применили в работе авторы. В частности, показать сам механизм связи между конкретными положениями «Методологии истории» и системы дипломатики, системы дипломатики и археографическими правилами, показать, как все это «работало» в конкретно-исторических произведениях А.С.Лаппо-Данилевского. В работе почти не использована весьма важная часть «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского – «Методология исторического построения», издание которой имеется только в литографическом варианте (упомянутое издание 1909 г., литография Богданова⁵⁰¹), – в результате многие важные понятия («относительная ценность», «относительное целое», «историческая группа», «исторический ряд» и др.), которые как раз связаны с приложением теоретических разработок общей методологии истории (содержание которой реконструировано авторами блестяще) к конкретному материалу остались вне сферы внимания исследователей.

А.В.Малинов и С.Н.Погодин считают, что причиной того, что «значительная часть» созданных А.С.Лаппо-Данилевским работ «осела в архиве», заключается «не в холодном академизме исследования, а скорее, в климате эпохи».⁵⁰² Здесь следует учитывать, что климат эпохи как раз и способствовал «холодному академизму исследования». Не вполне ясна попытка авторов⁵⁰³ обусловить процесс утверждения позитивистской доктрины в отечественной историографии развитием традиций государственной школы, по этой логике «государственная школа» затем должна была «провоцировать» появление неокантианства и марксизма. Уместнее говорить о процессе взаимовлияния философской традиции и процесса развития историографии. Вообще, как кажется, важно уделить большее внимание историографическому контексту, в котором проходило творчество А.С.Лаппо-Данилевского, той научной борьбе, которая шла в Петербургском университете. Например, о магистерском диспуте А.С.Лаппо-Данилевского (1890) С.Н.Погодин и А.В.Малинов почти ничего не пишут, кроме того, что оппоненты «дали высокую оценку»⁵⁰⁴ его работе. Между тем, с нашей точки зрения, этот диспут имел важное значение не только в научной судьбе А.С.Лаппо-Данилевского, но и для пути развития всей петербургской школы. Без анализа хода «борьбы идей» и «самолюбий» многое в карьере и научной деятельности ученого останется за кадром. Другая важная проблема, требующая в этой связи внимания, –

отношения А.С.Лаппо-Данилевского с «московской исторической школой». Еще одна тема, лишь затронутая авторами, — своеобразное одиночество А.С.Лаппо-Данилевского в научной среде, которое сочеталось, однако, с его верой в идею «создания строгой науки» о человеке. Поскольку авторы, по-видимому, этот тезис вполне разделяют, как кажется, было бы важным рассмотреть многочисленные научные проекты А.С.Лаппо-Данилевского, направленные на его реализацию. При этом следует учитывать, что основная научно-организационная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского проходила как в стенах Санкт-Петербургского университета, так и в рамках работы историко-филологического отделения Академии наук, в отношении которой авторы ограничиваются общим очерком.⁵⁰⁵

В 2003 г. научная общественность отмечала 140-летие со дня рождения А.С.Лаппо-Данилевского. Этому событию была посвящена проведенная в Санкт-Петербурге конференция «Историческая наука и методология истории в России XX века». Материалы этой конференции вышли в свет, когда работа на этой книгой уже была завершена. Как справедливо отметил один из организаторов конференции Г.Н.Попов, «методологическое наследие А.С.Лаппо-Данилевского стало не просто предметом исследования ряда участников конференции, но было востребовано как исходный материал для собственных интеллектуальных построений».⁵⁰⁶

Тем не менее нельзя не отметить, что историография в течение продолжительного времени «ходит по кругу» в обсуждении тех или иных тем, повторяя суждения, высказанные на первых двух этапах (до 1923 г.) рассмотрения творчества А.С.Лаппо-Данилевского. Так, несмотря на то, что еще в 1910–1920-е гг. были подняты и в течение длительного времени обсуждались такие важные проблемы, как соотношение философского и исторического начал в творчестве ученого, взаимоотношения А.С.Лаппо-Данилевского и его учеников с С.Ф.Платоновым и его школой, они до сих пор не стали объектом специального исследования. В то же время без решения этих проблем восстановление картины научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и определение места его творчества в истории гуманитарной науки едва ли возможны. Поэтому одной из основных задач автора, которую он пытался решить как в своих научных выступлениях и статьях,⁵⁰⁷ так и в настоящей работе (которая представляет собой доработанный и расширенный текст его кандидатской диссертации⁵⁰⁸), стало восполнение данного пробела в историографии и попытка дать удовлетворительный ответ на эти вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898; *он же*. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898; *он же*. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899.

² См.: Лаппо-Данилевский А.С. Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинении В.И.Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // ЖМНП. 1884. № 5. С.21–38 отд. паг.; *он же*. Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // ЖМНП. 1885. № 9. С.66–106 отд. паг.; *он же*. Рец. на: Цветаев Д.В. Обрусение ино-

земцев, иностранцев в Московском государстве. М., 1886 // Библиограф. 1887. № 2; *он же*. Рец. на: Успенский Ф.И. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887 // Там же. № 6–7; *он же*. Рец. на: Архив Юго-Западной России, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1886. Ч. VII, т. I // Там же. № 10–11. С.113–115 и др.

³ Первая часть работы была издана только в 1990 г.: Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.

⁴ Г. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II СПб., 1898 // ЖСПЮО. 1898. Кн.7. С.8. Ср.: Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898 // МБ. 1898. № 7. С.60–62 отд. паг.

⁵ Милоков П.Н. Источники русской истории и русская историография // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб., 1899. Т. XXXVIII, полумот. 55. С.444–446.

⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; *он же*. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II.

⁷ Н.А.Рубакин — А.С.Лаппо-Данилевскому. 29 (24?) мая 1913 г. Черновик // НИОР РГБ. Ф.358. К.177. Д.10. Л.1–2.

⁸ Кареев Н.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; 1913. Вып. II // НИЖ. 1913. № 1. С.64–69.

⁹ Там же. С.64.

¹⁰ Там же. С.65.

¹¹ Там же. С.67.

¹² О чествовании А.С.Лаппо-Данилевского его дипломатическим семинарием также см.: Андреев А.И. Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частнопубличных актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С.6.

¹³ Кун В.Н. 25-летие учено-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского // Речь. 1915. 9 мая.

¹⁴ Кизеветтер А.А. А.С.Лаппо-Данилевский (к 25-летию научной деятельности) // РВед. 1915. 9 мая.

¹⁵ Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому.

¹⁶ Андреев А.И. Краткий очерк деятельности кружка... С.1–7.

¹⁷ Райнов Т.И. О философских взглядах и педагогических приемах А.С.Лаппо-Данилевского // ЖМНП. 1915. № 3. С.44–57 отд. паг.

¹⁸ Там же. С.44 отд. паг.

¹⁹ Там же. С.44–45 отд. паг.

²⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины Конта // Проблемы идеализма. М., 1902.

²¹ Райнов Т.И. Указ. соч. С.45–48.

²² Там же. С.50–52.

²³ Там же. С.49–50.

²⁴ Там же. С.54.

²⁵ Там же. С.56.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С.57.

²⁸ Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С.Лаппо-Данилевского // ИО. 1915. Т.20. С.105–124.

²⁹ Там же. С.116–118.

³⁰ Там же. С.116.

³¹ Там же. С.118–120.

³² Там же. С.120–121.

³³ Там же. С.118.

³⁴ Там же. С.124.

³⁵ Дьяконов М.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // ИАН. 1919. VI серия. Т. XIII, № 8–11. С.359–366.

³⁶ Там же. С.366.

³⁷ Там же. С.365–366.

³⁸ Барсков Я.Л. Памяти А.С.Лаппо-Данилевского и М.А.Дьяконова // ВЛ. 1919. № 9. С.10.

³⁹ Ростовцев М.И. Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег) // Ростовцев М.И. Политические статьи. СПб., 2002. С.108. Ср.: Ростовцев М.И. Мученики науки в Советской России // Там же. С.97–98.

⁴⁰ ИТУАК. 1919. № 56. Статья об А.С.Лаппо-Данилевском, напечатанные в этом периодическом издании, вышли также отдельным изданием (Памяти А.С.Лаппо-Данилевского: статьи Б.Д.Грекова, Г.В.Вернадского и А.И.Маркевича. Симферополь, 1919). В основе статей лежали доклады, сделанные на заседании Таврической ученой архивной комиссии, посвященном памяти А.С.Лаппо-Данилевского.

⁴¹ Вернадский Г.В. А.С.Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века // ИТУАК. 1919. № 56. С.156-160. Уже будучи в эмиграции, Г.В.Вернадский вернулся к рассмотрению творчества А.С.Лаппо-Данилевского (см.: *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С.184-188).

⁴² Вернадский Г.В. А.С.Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века. С.157.

⁴³ Треков Б.Д. Ученая и учебная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского // ИТУАК. 1919. № 56. С.148-156.

⁴⁴ Там же. С.150-153. Автор неверно излагает саму структуру «Методологии истории», подразделяя труд на «Методологию исторического изучения» и «Методологию исторического построения», поэтому непонятно, что Б. Д.Треков имеет в виду, говоря, что в «Методологии исторического построения» А.С.Лаппо-Данилевский «не оригинален», отзываясь с похвалой о новациях первой части, посвященной, как он ошибочно полагает, источниковедению (Там же. С.151).

⁴⁵ Там же. С.148-150.

⁴⁶ Там же. С.153-155.

⁴⁷ Там же. С.153-155.

⁴⁸ Там же. С.149.

⁴⁹ Там же. С.150.

⁵⁰ Там же. С.150.

⁵¹ Там же. С.154.

⁵² Там же. С.155.

⁵³ Там же. С.155-156.

⁵⁴ Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского. С.164-165.

⁵⁵ Там же. С.164.

⁵⁶ Кроме отмеченной статьи А.И.Маркевича об археологических трудах и деятельности А.С.Лаппо-Данилевского см. обширную литературу: *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925. С.363-364; *Ястребов В.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. Древности Южной России. Курган Карагодюашх. СПб., 1894 (Материалы по археологии России /Изд. имп. Археологической комиссии. № 13)// Киевская старина. 1895. Кн.1. С.20-34; *Жебелев С.А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч.1. С.141; *Равдоникас В.И.* О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения ГАИМК. 1931. №9/10. С.22-27; *он же.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т.XII, вып.1-8. С.73; *Семенов-Зусер С.А.* Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Харьков, 1947. Ч.1. С.63; *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 41,44-45 и др.

⁵⁷ Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). [СПб., 1920.

⁵⁸ Там же. С.49-50.

⁵⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

⁶⁰ Андреев А.И. [Предисловие] // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов.

⁶¹ РИЖ. 1920. Кн.6.

⁶² Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // Там же.

⁶³ Кареев Н.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории.

⁶⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908-1909 acad. году. Литография. [СПб.,1909].

⁶⁵ См.: *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского. С.126-127.

⁶⁶ Там же. С.121. Ср.: *Кареев Н.И.* История русской социологии. СПб., 1996.

⁶⁷ Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского. С.125.

⁶⁸ Там же. С.128.

⁶⁹ См.: Там же. С.126.

⁷⁰ Там же. С.113,118.

⁷¹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С.44-81.

⁷² Там же. С.44.

⁷³ Там же. С.48.

⁷⁴ Там же. С.49.

⁷⁵ Там же. С.50.

⁷⁶ Там же. С.65.

⁷⁷ Там же. С.65.

⁷⁸ Там же. С.61.

⁷⁹ Там же. С.66.

⁸⁰ Там же. С.73.

⁸¹ Там же. С.67.

⁸² Там же. С.60-61.

⁸³ Там же. С.68.

⁸⁴ Там же. С.78.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ См.: ОР РНБ. Ф.419. Д.1.

⁸⁸ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн.6. С.164-180.

⁸⁹ Там же. С.164-166.

⁹⁰ Там же. С.166-167.

⁹¹ Там же. С.167-169.

⁹² Там же. С.169-171.

⁹³ Там же. С.171-173,178-180.

⁹⁴ Там же. С.173-174.

⁹⁵ Там же. С.175,176.

⁹⁶ Там же. С.176-177.

⁹⁷ Там же. С.177.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С.179.

¹⁰⁰ Романов Б.А. А.С.Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // РИЖ. 1920. Кн.6. С.181-188. Первая речь произнесена в заседании исторического кружка при Петроградском университете в честь 25-летия научно-литературной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского 27 октября 1915 года (С.181), вторая — на собрании исторического кружка, посвященном 10-летию его деятельности и одновременно — памяти А.С.Лаппо-Данилевского 15 апреля 1919 года (С.186). Об истории подготовки и произнесения этих речей см.: *Чернов С.Н.* Рец. на: Русский исторический журнал. 1920. Кн.6 // ДД. 1922. Кн.3. С.178-179. Ср.: *Валк С.Н.* Борис Александрович Романов // Изв. 1962. Т.62. С.271.

¹⁰¹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.72-73.

¹⁰² Романов Б.А. А.С.Лаппо-Данилевский в университете. С.186,187.

¹⁰³ Об отношениях А.С.Лаппо-Данилевского и Б.А.Романова см.: *Валк С.Н.* Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С.12-14.

¹⁰⁴ Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // РИЖ. 1920. Кн.6. С.200-206.

¹⁰⁵ Там же. С.200.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С.202.

¹⁰⁹ Там же. С.203.

¹¹⁰ Там же. С.204.

¹¹¹ Там же. С.205.

¹¹² Валк С.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // КР. 1920. № 2. С. 39-40; *он же.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.244-258.

¹¹³ Панеях В.М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Т.X. С.56.

¹¹⁴ Таковы были уже первые оценки, вышедшего «Очерка дипломатики...» (см.: *Пресняков А.Е.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // ДД. 1920. Кн.1. С.450-453; *Чернышев Е.И.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Казанский библиофил. 1922. № 3. С.53.

¹¹⁵ Валк С.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // КР. 1920. № 2. С. 39-40.

¹¹⁶ Там же. С.39.

¹¹⁷ О школе А.С.Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта и теоретических позициях ее участников см.: *Кашинов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С.94-98.

¹¹⁸ Валк С.Н. Воспоминание ученика // РИЖ. 1920. Кн.6. С.191.

¹¹⁹ Там же. С.191.

¹²⁰ Там же. С.192.

¹²¹ Валк С.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.249-257.

¹²² О расхождении во взглядах между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Н.Валком см.: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики... С.57-61.

¹²³ Валк С.Н. Воспоминание ученика. С.192.

¹²⁴ Там же. С.193.

¹²⁵ Там же. С.193-194.

¹²⁶ Свою концепцию дипломатики и истории древнерусского акта С.Н.Валк изложил в нескольких работах (см.: *Валк С.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.249-257; *он же.* Грамоты полные // Сборник статей

- по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.113-132; *он же*. Начальная история древнерусского акта // ВИД. М.; Л., 1937. Ср.: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики... С.55-70.
- ¹²⁷ С.Н.Валк специально характеризует статью Г.М.Котлярова (*Котляров Г.М.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.259-265), как «дающую изложение другого из семинарских течений» (см.: *Валк С.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Там же. С.248).
- ¹²⁸ Там же. С.249.
- ¹²⁹ *Котляров Г.М.* Указ. соч. С.263.
- ¹³⁰ Сборник грамот Коллегии экономии. [СПб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда.
- ¹³¹ *Андреев А.И.* Предисловие // Сборник грамот Коллегии экономии. Т.1. С.Х-ХП.
- ¹³² Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.
- ¹³³ *Валк С.Н.* Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // БК. 1924. № 1–2. С.244. См. также: *Валк С.Н.* Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. [СПб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда; Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922 // Века. 1924. Кн.1. С.166-169. Ср.: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики... С.57.
- ¹³⁴ Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922.
- ¹³⁵ *Андреев А.И.* [Предисловие] // Там же. С.1-VI, XI-XIII.
- ¹³⁶ *Валк С.Н.* Рец. на: Историко-революционная библиотека. Пг., 1920–1921 // ДД. 1922. Кн.3. С.194–195 (последнее издание: *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. СПб., 1991. С.22-24).
- ¹³⁷ *Болдырев Н.В.* А.С.Лаппо-Данилевский // Мысль. 1922. № 1. С.152-153.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ *Пресняков А.Е.* Памяти А.С.Лаппо-Данилевского // ИА. 1919. Кн.1; *он же*. А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн.6; *он же*. Труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории // Там же; *он же*. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [СПб., 1922.
- ¹⁴⁰ На это указал и сам А.Е.Пресняков (Там же. С.10).
- ¹⁴¹ Там же. С.16-17,25,
- ¹⁴² Там же. С.27-28.
- ¹⁴³ В другом своем выступлении А.Е.Пресняков отождествлял московскую школу с историко-юридической (*Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». Пг., 1920. С.6-7).
- ¹⁴⁴ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.65,66.
- ¹⁴⁵ Там же. С.7,11,62.
- ¹⁴⁶ Там же. С.10,13,62,65-66.
- ¹⁴⁷ Там же. С.63.
- ¹⁴⁸ Там же. С.62.
- ¹⁴⁹ Там же. С.6,13.
- ¹⁵⁰ Там же. С.7-9,28,44,67
- ¹⁵¹ Там же. С.73-75,78-79,85
- ¹⁵² Там же. С.7-8,51-52.
- ¹⁵³ Там же. С.52,73. Ср.: *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996. С.178.
- ¹⁵⁴ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.78-80,86-87,90-94.
- ¹⁵⁵ Там же. С.32-37
- ¹⁵⁶ Там же. С.30-36.
- ¹⁵⁷ Там же. С.6-7,18-20,33-44.
- ¹⁵⁸ *Чернов С.Н.* Рец. на: Русский исторический журнал. 1920. Кн.6 // ДД. 1922. Кн.3.
- ¹⁵⁹ Там же. С.176.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Там же. С.180.
- ¹⁶² См.: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5698. Л.88-89.
- ¹⁶³ *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.127.
- ¹⁶⁴ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С.12-15.
- ¹⁶⁵ *Брачев В.С.* Дело историков 1929–1931 гг. СПб, 1997. С. 66.
- ¹⁶⁶ Протоколы заседаний ИФО АН за 1920 г. Пг., 1921.
- ¹⁶⁷ То же за 1919 г. Пг., 1920. § 41,147.
- ¹⁶⁸ То же за 1923 г. Пг., 1924. § 9,15.
- ¹⁶⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. Издана примерно треть труда А.С.Лаппо-Данилевского. Полный текст рукописи хранится в ПФА РАН (см. полное описание рукописи: *Сидоров Н.И., Чаев Н.С.* Краткая опись рукописей А.С.Лаппо-Данилевского, хранящихся в библиотеке Академии наук СССР // Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С.44-46).
- ¹⁷⁰ См. материалы, свидетельствующие о работе учеников А.С.Лаппо-Данилевского под руководством С.Ф.Платонова: ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1901 г. Д.20. Л.65,67,70; ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.207. См. также: *Брачев В.С.* Дело историков 1929–1931 гг. С.10-11.

- ¹⁷¹ *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. М., 1994. С.115.
- ¹⁷² С.Ф.Платонов – Е.П.Воронову. Апрель 1929 г. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1738. Л.1.
- ¹⁷³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Пг., 1923. Вып.1.
- ¹⁷⁴ *Покровский М.Н.* О книге А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып.1 // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. Последнее издание: *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып.2. С.97-104. Ср.: *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы М., 1969. С.174.
- ¹⁷⁵ *Покровский М.Н.* О книге А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып.1 // *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып.2. С.97-98.
- ¹⁷⁶ Там же. С.104.
- ¹⁷⁷ Ср.: *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения: Учеб. пособие. М., 1977. С.6.
- ¹⁷⁸ См.: *Якубовская С.И.* Некоторые тоги развития теории источниковедения в советский период // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1962. С.192.
- ¹⁷⁹ *Невский В.И.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып.1 // Печать и революция. 1923. № 7.
- ¹⁸⁰ Там же. С.182. Ср.: *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов. С.174.
- ¹⁸¹ Там же. С.183.
- ¹⁸² Ср.: *Медушевская О.М.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С.58; *Мохначева М.П.* Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Там же. С.125-131.
- ¹⁸³ Ср.: *Ананьич Б.В.* «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С.675.
- ¹⁸⁴ *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып.1-2.
- ¹⁸⁵ *Большаков А.М.* Лекции по русской истории. Введение в изучение истории. М.; Пг., 1923.
- ¹⁸⁶ *Нечина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922.
- ¹⁸⁷ *Валк С.Н.* О приемах издания дореволюционных документов // АД. 1925. № 3-4. С.74.
- ¹⁸⁸ См.: *Андреев А.И.* О правилах издания исторических текстов // Там же. № 5-6. С.97-98. Ср.: *Маскаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М., 1969. С.277.
- ¹⁸⁹ См.: *Простоловская Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1990. С.15.
- ¹⁹⁰ Ср.: *Соколов В.Ю.* К вопросу о возникновении понятия «советская историография» // Россия в XX веке. С.388-397; *Сидоров А.В.* Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии в 1920-е годы: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С.47.
- ¹⁹¹ Протоколы заседаний Комиссии по истории знаний за 1929 г. // ПФА РАН. Ф.154. Оп.1. Д.19. Л.6; То же за 28 февраля 1929 г. // Комиссия по истории знаний. 1921–1933. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. док. СПб., 2003. С.252.
- ¹⁹² Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929.
- ¹⁹³ Сборник грамот Коллегии экономии. Л., 1929. Т.1. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов.
- ¹⁹⁴ *Андреев А.И.* Предисловие // Сборник грамот Коллегии экономии. Т.1. С.П.
- ¹⁹⁵ Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова; 1998. Вып.2. Дело по обвинению академика Е.В.Тарле.
- ¹⁹⁶ *Андреев А.И.* Предисловие // Сборник грамот Коллегии экономии. Т.1. С.1.
- ¹⁹⁷ *Пионтковский С.А.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.
- ¹⁹⁸ Там же. С.66-67.
- ¹⁹⁹ *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 1920-х гг. М.; Симферополь, 2000. С.208.
- ²⁰⁰ См.: *Шестаков А.В.* Методика исторического исследования (из опыта для опытов). Воронеж, 1929. С.7-17.
- ²⁰¹ *Саар Г.П.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930. С.7-11.
- ²⁰² Там же. С.9.
- ²⁰³ *Быковский С.Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. С.3-5.
- ²⁰⁴ *Томенев А.И.* Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке // ИМ. 1929. № 12. С.184.
- ²⁰⁵ См.: *Айзенберг А.* Марксистская критика Риккерт или риккертанская интерпретация марксизма // ПМ. 1930. № 5-6. С.48-66; 1931. № 1. С.41-63.
- ²⁰⁶ Там же. 1931. № 1. С.63.
- ²⁰⁷ *Цвибак М.М.* Платонов и его школа. Доклад [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.107-108.

- ²⁰⁸ Валк С.Н. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Там же. С.114-115.
- ²⁰⁹ Введенский А.А. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Там же. С.111-112.
- ²¹⁰ Томсинский С.Г. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Там же. С.120.
- ²¹¹ Цвибак М. М. Заключительное слово [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Там же. С.122.
- ²¹² Там же. С.125.
- ²¹³ Ср.: Ефременков Н.В. Основы научного исследования и методы самостоятельной работы студента-историка. Калинин, 1987. С.21.
- ²¹⁴ См.: Каганович Б.С. Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей: Человек в истории. М., 1996. С.167; Гуревич А.Я. Вместо заключения, или «Можно ли доить козла» // Там же. С.176. Ср.: Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С.378.
- ²¹⁵ Постановление ЦК ВКП (б) и СНК о преподавании гражданской истории в школах СССР // Правда. 1934. 16 мая.
- ²¹⁶ См.: Против исторической концепции М.Н.Покровского: Сб. ст. М.; Л., 1939. Ч.1; Против антимарксистской концепции М.Н.Покровского: Сб. ст. М.; Л., 1940. Ч.2.
- ²¹⁷ Ср.: Ганелин Р.Ш. Сталин и советская историография предвоенных лет // НЧ. 1998. № 6-7. С.100-117.
- ²¹⁸ Платонов С.Ф. Очерк по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937.
- ²¹⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1937. Ч.1-V.
- ²²⁰ Рубинштейн Н.Л. В.О.Ключевский (1841—1911 гг.) // Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1. С.XVIII.
- ²²¹ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т.1. С.4.
- ²²² Ср.: Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974. С.128.
- ²²³ Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб.2.
- ²²⁴ Кочин Г.Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Там же. С.145-186.
- ²²⁵ Там же. С.163,169,177-180.
- ²²⁶ Правила издания документов XVI—XVII вв. // Там же. С.315-331.
- ²²⁷ [Предисловие] / Правила издания документов XVI—XVII вв. // Там же. С.315.
- ²²⁸ Каталог частных актов Московского государства // Там же. С.333. Один из составителей каталога, С.Н.Валк, впоследствии называл эту публикацию «малопоказательным отрывком» работы, заметив, что весь каталог погиб во время блокады (Валк С.Н. Регесты в их прошлом и настоящем // АЕ за 1968 г. М., 1970. С.283,295).
- ²²⁹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 502-503.
- ²³⁰ Там же. С.484-485.
- ²³¹ См.: Селезнев М.С. К истории преподавания курса «Археография» в МГИИИ // ОА. 1993. № 5. С.59.
- ²³² Простоволосова Л.Н. О несостоявшемся заседании памяти А.С.Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.278. Ср.: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.М. «Мы учим советских людей, а не древних греков» (из истории советской исторической науки конца 1930-40-х гг.) // ИСССР. 1989. № 6. С.92-104.
- ²³³ Черепнин Л.В. Конспект курса «Источниковедение» /Сост. Е.Н.Данилова. М., 1946.
- ²³⁴ См.: Цаплин В.В. Конференция историков-архивистов СССР 1—3 июня 1943 г. // ОА. 1993. № 5. С.49.
- ²³⁵ Цит. по: Простоволосова Л.Н. О несостоявшемся заседании памяти А.С.Лаппо-Данилевского... С.279.
- ²³⁶ См.: Там же. С.278-279. Ср.: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. С.22.
- ²³⁷ Очерки по истории Академии наук. Исторические науки /Под ред. В.П.Волгина; Сост. И.И.Любименко, С.А.Токарев, И.У.Будовниц, В.В.Альтман. М.; Л., 1945. С.20-21.
- ²³⁸ См.: Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С.52-54.
- ²³⁹ Там же. С.57.
- ²⁴⁰ Там же. С.54.
- ²⁴¹ Там же. С.50,52.
- ²⁴² Там же. С.53.
- ²⁴³ Валк С.Н. Советская археология. М., Л., 1948. С.44.
- ²⁴⁴ Там же. С.45.
- ²⁴⁵ Ср.: Панях В.М. Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР // Россия в XX веке. С.689.
- ²⁴⁶ Пашуто В.Т. А.А.Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. 1952. № 2. С.43-73.

- ²⁴⁷ Будовниц И.У. Об исторических построениях М.Д.Приселкова // ИЗ. 1950. Т.35. С.199-231.
- ²⁴⁸ Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е.Преснякова // Там же. Т.33. С.201-231.
- ²⁴⁹ Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С.30-51.
- ²⁵⁰ Там же. С.32-33.
- ²⁵¹ Там же. С.33.
- ²⁵² Там же. С.33-34.
- ²⁵³ Там же. С.42. Ср.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч.1 С.5,449-453; 1951. Ч.2. С.61.
- ²⁵⁴ Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. С.47.
- ²⁵⁵ Там же. С.47-48.
- ²⁵⁶ Там же. С.36-37.
- ²⁵⁷ См.: Исторические диспуты // ИО. 1890. Т.1. С.293.
- ²⁵⁸ Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. С.34-38.
- ²⁵⁹ Там же. С.35-36,39.
- ²⁶⁰ Там же. С.39-41.
- ²⁶¹ Там же. С.39.
- ²⁶² Там же. С.40.
- ²⁶³ О.М.Медушевская в 1996 г. высказала мнение о том, что «негативные суждения» об ученых принадлежавших к школе А.С.Лаппо-Данилевского, появились в статье Л.В.Черепнина без ведома автора (*Медушевская О.М.* Источниковедение в России XX в. С.67).
- ²⁶⁴ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. С.28-30. Ср.: Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. М.—Иерусалим, 2000. Т.1. Отечественная история. С.294.
- ²⁶⁵ Цит. по: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. С.31.
- ²⁶⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч.1; 1956. Ч.2; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV — начала XVI вв. М., 1952. Т.1.
- ²⁶⁷ [Предисловие] // Там же. С.3.
- ²⁶⁸ См.: Устюгов Н.В. Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. /Под ред. А.А.Новосельского и Н.В.Устюгова. М., 1955. С.419,424; Кафенгауз Б.Б. Введение // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I /Под ред. Б.Б.Кафенгауза и Н.И.Павленко. М., 1954. С.36-37; Заозерская Е.И., Фейгина С.А., Бескровный Л.Г. Введение // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. /Под ред. Е.И.Заозерской, С.А.Фейгиной, Л.Г.Бескровного. М., 1957. С.23; Некрасов Г.А. Балтийский вопрос и европейская политика России после Ништадского мира (1721—1732) // Там же. С.328; Сивков К.В. Крестьянское движение 50—60-х гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. /Под ред. А.И.Барановича, Б.Б.Кафенгауза, П.К.Алиференко, Ю.Р.Клокмана, Е.Н.Кушевой. М., 1957. С.175; Гомье Ю.В., Лаппо Ф.И., Кафенгауз Б.Б. Внутренняя политика России в 1750—1772 гг. // Там же. С.261.
- ²⁶⁹ Хрестоматия по археологии: Пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института /Под ред. Г.Д.Костомарова. М., 1955.
- ²⁷⁰ Там же. С.152-153.
- ²⁷¹ Софинов П.Г. Из истории дореволюционной археологии. М., 1957. С.150.
- ²⁷² Примечательно, что в лекциях В.Е.Иллерицкого по русской историографии, вышедших в 1957 г., А.С.Лаппо-Данилевский вообще не упоминается (см.: Иллерицкий В.Е. Русская историография второй половины XIX в. (Лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института). М., 1957).
- ²⁷³ Ср.: Сидорова Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50—60-х гг. // Россия в XX веке. С.705-710; она же. Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50-х — 60-х годов // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II науч. чтений памяти акад. И.Д.Ковальченко. М., 2000. С.401-409.
- ²⁷⁴ Валк С.Н. Б.Д.Греков как деятель археологии // АЕ за 1958 г. М., 1960. С.223-232.
- ²⁷⁵ Там же. С.223.
- ²⁷⁶ Греков Б.Д. Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914. Ч.1 (Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. Ч.120).
- ²⁷⁷ Валк С.Н. Б.Д.Греков как деятель археологии. С.223. См.: Греков Б.Д. Новгородский дом св. Софии. С.ХI. Показательно, что в то время как автор (С.Х-ХI) в одинаковой степени благодарит трех своих «профессоров-учителей» (Д.М.Петрушевского, С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского), С.Н.Валк упомянул о выражении благодарности Б.Д. Грековым только одному из них.
- ²⁷⁸ Селезнев М.С. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и первые шаги советской археологии (1917—1920 гг.): Учеб. пособие. М., 1960. С.72.

- ²⁷⁹ Стрельский В.И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961. См. также: *он же*. Источниковедение истории СССР. Период империализма: конец XIX в. — 1917 г. М., 1962. С.33; *он же*. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1976. С.75. Ср.: Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР периода империализма: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1962. С.13.
- ²⁸⁰ См.: Русская историография: Учеб. Пособие /Ред. В.Е.Иллерицкий, И.А.Кудрявцев. М., 1960. Вып. III. Русская историография периода империализма. С.62-65, Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции /Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М., 1961. (2-е изд.: М., 1971. С.382-383).
- ²⁸¹ Русская историография. Вып. III. Русская историография периода империализма. С.65.
- ²⁸² Зимин А.А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959. С.6-7.
- ²⁸³ Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962.
- ²⁸⁴ Там же. С.33-37, 43, 44, 108-110, 131.
- ²⁸⁵ Там же. С.110.
- ²⁸⁶ Там же. С.34.
- ²⁸⁷ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С.584-585.
- ²⁸⁸ Каштанов С.М., Курносоев А.А. Некоторые вопросы теории источниковедения // ИА. 1962. № 4. С.175. Ср.: Бельский И.Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960—1984): Аналитический обзор. М., 1985. С.18.
- ²⁸⁹ Каштанов С.М., Курносоев А.А. Указ. соч. С.188. Ср.: Бельский И.Л. Указ. соч. С.18.
- ²⁹⁰ Якубовская С.И. Указ. соч. С.192.
- ²⁹¹ См.: Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). Л., 1962. С.26 (3-е изд. СПб., 2001. С. 31-32).
- ²⁹² Введенский А.А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963.
- ²⁹³ Там же. С.9-10.
- ²⁹⁴ Там же. С.11.
- ²⁹⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III.
- ²⁹⁶ Там же. С.266.
- ²⁹⁷ Там же. С.620.
- ²⁹⁸ Там же. С.336-337.
- ²⁹⁹ Там же. С.624.
- ³⁰⁰ Каштанов С.М. Дипломатика // Советская историческая энциклопедия /Гл. ред. Е.М.Жуков. М., 1964. Т.5. Стб.231.
- ³⁰¹ Буганов В.И. А.С.Лаппо-Данилевский // Там же. 1965. Т.8. Стб.422-423. Ср.: Буганов В.И. Лаппо-Данилевский // Большая Советская энциклопедия /Гл. ред. А.М.Прохоров. 3-е изд. М., 1973. Т.14. С.463.
- ³⁰² Булыгин И.А., Пушкарёв Л.Н. Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. 1965. Т.6. Стб.599.
- ³⁰³ История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. II. 1803—1917. С.588-589. Ср.: Князев Г.В., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1964. С.56-57.
- ³⁰⁴ Тексты докладов и выступлений участников совещания см.: История и социология. М., 1964. О «восстановлении в правах» аксиологии и понятия «ценности» в советской исторической науке см.: Гультя А.В. Искусство истории. М., 1980. С.46, 280. О понятии «ценность» в марксистской системе исторического знания см.: Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984. С.66-126.
- ³⁰⁵ История и социология. С.336-339.
- ³⁰⁶ Юдельсон А.В. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время исторической «оттепели» // Образы историографии: Сб. ст. М., 2001. С.158.
- ³⁰⁷ См.: Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989; *он же*. О природе исторического познания. Томск, 1978; Санцевич А.В. Методика исторического исследования. Киев, 1984 (2-е изд.: Киев, 1990); Ракишов А.И. Историческое познание. М., 1982; Котов В.Н. Введение в изучение истории. Киев, 1982; Дербов Л.А. Введение в изучение истории. М., 1981; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981; Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980; Журавлев Л.А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980; Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; Петряев К.Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976; Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986; Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках М., 1967; Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования: Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения. М., 1961 и др.
- ³⁰⁸ См.: История и психология. М., 1971; Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969; Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. М., 1969 и др.
- ³⁰⁹ См.: [Гейфтер М.Я.]. Вступление // Историческая наука и некоторые проблемы современности. С.5.

- ³¹⁰ Городецкий В.С. [Выступление при обсуждении доклада А.С.Арсеньева «Историзм и логика в марксистской теории» на заседании сектора методологии Института всеобщей истории АН СССР 6 декабря 1966 г.] // Там же. С.362.
- ³¹¹ См.: Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. С.14-19.
- ³¹² Подробнее о значении методологических поисков советских ученых см.: Юдельсон А.В. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг. С.147-172.
- ³¹³ Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания: Материалы международной конф., Москва, 19—21 мая 1996 г. М., 1999. С.13.
- ³¹⁴ Медушевская О.М. Развитие теории советского источниковедения // Труды МГИИ. М., 1966. Т.24. С.5.
- ³¹⁵ Валк С.Н. Регесты в их прошлом... С.37.
- ³¹⁶ Валк С.Н. Археографическая легенда // АЕ за 1971 г. М., 1972. С.5-16.
- ³¹⁷ Там же. С.6, 7.
- ³¹⁸ Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968.
- ³¹⁹ Там же. С.204.
- ³²⁰ Там же. С.202-204, 209, 210, 263, 279.
- ³²¹ Там же. С.218.
- ³²² Там же. С.209.
- ³²³ Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. С.55-56.
- ³²⁴ Литвак Б.Г. О путях развития источниковедения массовых источников // Там же. С.104-105.
- ³²⁵ Панях В.М. Проблемы дипломатики... С.60-61.
- ³²⁶ Литвак Б.Г. О путях развития источниковедения массовых источников. С.104.
- ³²⁷ Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. С.152, 165.
- ³²⁸ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С.5-7; *он же*. Русская дипломатика. М., 1988. С.99-103.
- ³²⁹ Там же.
- ³³⁰ Там же. С.101
- ³³¹ Там же. С.99.
- ³³² Там же. С.101.
- ³³³ Там же. С.100.
- ³³⁴ Там же. С.101.
- ³³⁵ Там же. С.99.
- ³³⁶ Там же. С.102.
- ³³⁷ Там же. С.103.
- ³³⁸ Каштанов С.М. Дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина // ВИ. 1965. № 1. С.39-44; *он же*. Очерки русской дипломатики; *он же*. Русская дипломатика.
- ³³⁹ Хмельев Л.Н. Проблема отражения в источниковедении русской либеральной историографии (1907—1917) // Сб. науч. тр. кафедр общественных наук. Томск, 1969; *он же*. Методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского // Доклады II конференции молодых ученых по общественным наукам. Томск, 1973. Вып. II; *он же*. Проблема соотношения субъекта и объекта в историческом познании в русской либеральной историографии конца XIX — начала XX века // Материалы научной конференции по итогам научно-исследовательских работ Томского института электроники и электронной техники за 1962—1968 гг. (секция гуманитарных наук). Томск, 1970; *он же*. Методологические аспекты кризиса русской либеральной историографии (конец XIX — 1917): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971; *он же*. А.С.Лаппо-Данилевский и проблема теории источниковедения // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1976. Вып. XI; *он же*. Проблемы методологии в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века. Томск, 1978; *он же*. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1985.
- ³⁴⁰ См.: Там же. С.36.
- ³⁴¹ История Ленинградского университета. 1819—1969: Очерки /Отв. ред. В.В.Мавродин. Л., 1969.
- ³⁴² Там же. С.150.
- ³⁴³ Киреева Р.А. Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX — начала XX в. // ИИ. 1971. М., 1973; *она же*. Возникновение проблемы историографических направлений в русской буржуазной науке конца XIX — начала XX в. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч.2. С.25-31; *она же*. Неопубликованные труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской историографии // ИИ. 1978. М., 1981; *она же*. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

- ³⁴⁴ Киреева Р.А. Неопубликованные труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской историографии. С. 219.
- ³⁴⁵ Киреева Р.А. История русской историографии (1850-е — 1917 г.): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985. С.36-37.
- ³⁴⁶ Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание (методологический аспект). Томск, 1973. С.26-37.
- ³⁴⁷ Там же. С.27. Ср.: *Беленький И.Л.* Указ. соч. С.20.
- ³⁴⁸ Черепнин Л.В. К вопросу о методологии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. I. С.51. Ср.: *Беленький И.Л.* Указ. соч. С.19.
- ³⁴⁹ Черепнин Л.В. К вопросу о методологии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. С.36.
- ³⁵⁰ См.: Там же. С.32-36,50-52.
- ³⁵¹ *Вариавчик М.А.* О структуре исторической критики // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1979. М., 1980. С.34.
- ³⁵² Там же. С.37.
- ³⁵³ *Пушкарёв Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С.41. Ср.: *Беленький И.Л.* Указ. соч. С.20.
- ³⁵⁴ *Николаева А.Т.* Теория и методика советского источниковедения. М., 1975. С.58. См.: *она же.* Вопросы историографии русского источниковедения. М., 1970. С.49-51.
- ³⁵⁵ *Николаева А.Т.* Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII—XIX вв. М., 1975. С.39-41.
- ³⁵⁶ См., например: Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1973. С.132.
- ³⁵⁷ См. *Иллерицкий В.Е.* Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников. Чита, 1969, *он же.* Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников. М., 1969.
- ³⁵⁸ *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С.210.
- ³⁵⁹ См.: *Косолапов В.В.* Указ. соч. С.51.
- ³⁶⁰ *Чернуха В.Г.* Жизненный путь С.Н.Валка (13 декабря 1887 — 5 февраля 1975 г.) // ИИ. 1978. М., 1981. С.173.
- ³⁶¹ *Лурье Я.С.* Сигизмунд Натанович Валк // ТОДРЛ. Л., 1976. Т.30. С.620. Ср.: *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991. С.316.
- ³⁶² См.: Совместное заседание Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С.Н.Валка. Хроника // АЕ за 1976 г. М., 1977. С.280-310.
- ³⁶³ См.: *Шмидт С.О.* [Вступительное слово на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященном памяти С.Н.Валка] // АЕ за 1976 г. С.291-294; *Цирков С.В.* [Выступление на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященном памяти С.Н.Валка] // Там же. С.309-310.
- ³⁶⁴ *Панях В.М.* Проблемы дипломатики... С.55-70. О концепции С.Н.Валка и ее роли в изучении истории древнерусского акта см. также: *Панях В.М.* Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки) // ВИД. СПб., 1994. Т.XXV. С.19-40.
- ³⁶⁵ *Пронштейн А.П.* Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971.
- ³⁶⁶ Там же. С.327. Ср. с другим работам этого автора: *Пронштейн А.П.* Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками. М., 1972. С.85; *он же.* Истолкование исторических источников // ВИ. 1969. № 10. С.80.
- ³⁶⁷ *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.
- ³⁶⁸ Там же. С.307. Ср.: *Пронштейн А.П.* О предмете источниковедения как научной дисциплины // ИСССР. 1977. № 5.
- ³⁶⁹ *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С.240.
- ³⁷⁰ См.: *Варадинов Н.В.* Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. СПб., 1857.
- ³⁷¹ См.: *Журавский Д.П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846.
- ³⁷² См.: Новгородские писцовые книги в статистической обработке. 1. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498—1501 гг. Табличный материал с предисловием и «статистическими итогами» проф. А.А.Кауфмана. Пг., 1915.
- ³⁷³ См.: *Янсон Ю.Э.* Теория статистики. СПб., 1913.
- ³⁷⁴ *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения... С.214.
- ³⁷⁵ Там же. С.225.

- ³⁷⁶ Там же. С.241.
- ³⁷⁷ Там же. С.240-241.
- ³⁷⁸ ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. С.2.
- ³⁷⁹ *Грехова Г.И.* Эпистолярное наследие А.С.Лаппо-Данилевского // ВИД. Л., 1976. Т.VIII. С.262-273.
- ³⁸⁰ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297.
- ³⁸¹ *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в освещении С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Т.IX. С.81-89.
- ³⁸² *Клейн Л.С.* Археологические источники. Л., 1978. С.36-37.
- ³⁸³ *Кан А.С.* Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979. С.87.
- ³⁸⁴ *Медушевская О.М.* Теоретико-методологические проблемы источниковедения в современной зарубежной историографии // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV Всесоюзной конф. М., 1979. С.50. Ср.: *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения. С.51-52.
- ³⁸⁵ *Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. С.80-81.
- ³⁸⁶ *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979. С.208.
- ³⁸⁷ См.: *Косолапов В.В.* Указ. соч. С.50; *Журавлев Л.А.* Указ. соч. С.15-16. Ср.: *Лубский А.В.* История источниковедения в России: методологические проблемы и решения (к 10-летию публикации исследования А.П.Пронштейна «Источниковедение в России») // Проблемы источниковедения и отечественной истории: (памяти А.П.Пронштейна). Ростов-на-Дону, 1999. С.31.
- ³⁸⁸ См.: Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л., 1978. С.257-264; *Голосенко И.А.* Неокантианские идеи в буржуазной социологии России // Философские науки. 1979. № 2.
- ³⁸⁹ См.: Социологическая мысль в России. С.255-256.
- ³⁹⁰ См.: Там же. С.264.
- ³⁹¹ См.: *Рамазанов С.П.* Методологические воззрения А.С.Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980. Вып. XIV; *он же.* Русская буржуазная историография и неокантианская теория ценностей: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1981.
- ³⁹² *Синицын О.В.* Соотношение истории и теории в русской буржуазной неокантианской историографии периода империализма: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.
- ³⁹³ Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. 2-е изд. М., 1971. С.382.
- ³⁹⁴ *Гульга А.В.* Указ. соч. С.279.
- ³⁹⁵ *Ракитов А.И.* Указ. соч.
- ³⁹⁶ Там же. С.186-190.
- ³⁹⁷ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX — начало XX в.) / Сост. А.Е.Шикло; Под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1985. С.126-168.
- ³⁹⁸ [*Шикло А.Е.*] А.С.Лаппо-Данилевский // Там же. С.125. Аналогичная критика методологической концепции А.С.Лаппо-Данилевского помещена во введении к сборнику: [*Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.*] Введение. Основные тенденции в развитии исторической науки в России в эпоху империализма // Там же. С.15-18. См. также критику «неокантианской теории и методологии истории» в другой статье И.Д.Ковальченко и А.Е.Шикло: *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века // ВИ. 1982. № 1. С.28-30.
- ³⁹⁹ См.: Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. С.126-127.
- ⁴⁰⁰ *Иванова Л.В.* К истории Союза российских архивных деятелей // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.194-203.
- ⁴⁰¹ Там же. С.196-200.
- ⁴⁰² *Беленький И.Л.* Указ. соч. С.18
- ⁴⁰³ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.
- ⁴⁰⁴ Там же. С.146-150.
- ⁴⁰⁵ Там же. С.149.
- ⁴⁰⁶ *Шмидт С.О.* Привлечение интеллигенции к архивному строительству // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. Последнее издание: *он же.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение: Сб. ст. М., 1997. С.137,139.
- ⁴⁰⁷ *Шмидт С.О.* К изучению истории советской археографической культуры (к юбилею Д.С.Лихачева) // Литература и искусство в системе культуры: Сб. ст., посвященный 80-летию акад. Д.С.Лихачева. М., 1988. С.488 (последнее издание: *он же.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение. С.171); *он же.* Традиции русской флигранологии в современной отечественной археографии // Флигранологические исследования. Теория. Методика. Практика. Л., 1990 (последнее издание: *он же.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение. С.229).

- ⁴⁰⁸ Шмидт С.О. Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1987 гг.). М., 1989 (последнее издание: *он же*. Археография. Архивоведение. Памятниковедение. С.216).
- ⁴⁰⁹ Медушевская О.М. История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988.
- ⁴¹⁰ Там же. С.28–42.
- ⁴¹¹ Там же. С.29.
- ⁴¹² Там же. С.35.
- ⁴¹³ Документальные памятники: выявление, учет, использование: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. С.О.Шмидта. М., 1988.
- ⁴¹⁴ Там же. С.75,76,78,79.
- ⁴¹⁵ Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.23.
- ⁴¹⁶ Николаева А.Т. Теория и методика источниковедения истории СССР. М., 1988. С.71.
- ⁴¹⁷ Мошльницкий Б.Г. Введение в методологию истории. С.6–8.
- ⁴¹⁸ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.
- ⁴¹⁹ Клибанов А.И. А.С.Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С.249–280.
- ⁴²⁰ Там же. С.157.
- ⁴²¹ Там же. С.268–269.
- ⁴²² Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991. Книга была сдана в печать в 1988 г. (см.: Александр Павлович Пронштейн. К 70-летию со дня рождения: библиографический указатель / Сост. Т.П.Попова. Ростов-на-Дону, 1988. С.32).
- ⁴²³ Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. С.336. Ср.: Мишинков Н.А. Проблемы источниковедения в трудах А.П.Пронштейна // Проблемы источниковедения и отечественной истории. С.24–25.
- ⁴²⁴ Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. С.336.
- ⁴²⁵ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С.684.
- ⁴²⁶ Хорхордина Т.И. История отечества и архивы. С.19–54. Об архивной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского в 1917–1919 гг. см. также: Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.) // ОА. 1993. № 3. С.9–35; № 4. С.3–27.
- ⁴²⁷ Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа, и рецензии В.С.Брачева. СПб., 1995. С.19.
- ⁴²⁸ Брачев В.С. Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С.44,45,50–51,53.
- ⁴²⁹ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Князьство в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С.510,514,522,524,529,536.
- ⁴³⁰ АЕ за 1994 г. М., 1996.
- ⁴³¹ Шмидт С.О. А.С.Лаппо-Данилевский на рубеже веков // Там же. С.232.
- ⁴³² Там же. С.232–236.
- ⁴³³ Медушевская О.М. Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // АЕ за 1994 г. С.238–255. Ср. с другими работам автора (см.: *она же*. Источниковедение и гуманитарная культура // ОА. 1992. № 4; *она же*. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Вестник гуманитарной науки. 1996. № 1).
- ⁴³⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1910. Ч.1. С.291.
- ⁴³⁵ Медушевская О.М. Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание. С.248.
- ⁴³⁶ Там же.
- ⁴³⁷ Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в. С.68.
- ⁴³⁸ Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С.512–537.
- ⁴³⁹ Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории: Учеб. пособие. М., 1997. Ср.: Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002. С.58–59. См. также: Методология и теория истории: Учебно-методическое пособие / Сост. О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 2001; Казаков Р.Б., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология и теория истории: Учебно-методический модуль. М., 2002.
- ⁴⁴⁰ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1998. См. также: Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996.
- ⁴⁴¹ Сидельников Р.А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С.Лаппо-Данилевского // Российские университеты XIX–XX вв.: Сб. науч. ст. Воронеж, 1993.
- ⁴⁴² Ольховский Е.Р. А.С.Лаппо-Данилевский и начало преподавания источниковедения // Историческое образование на рубеже веков: Тезисы докладов науч. конф. СПб., 1996. С.66–69.

- ⁴⁴³ Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып.1. С.282–289.
- ⁴⁴⁴ Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н.Милокова С.Ф.Платонову // ОИ. 1999. № 2. С.171–182; *она же*. Научная школа в сфере «историографического быта» (В.О.Ключевский, П.Н.Милоков, С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский) // Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.): Материалы Третьей всерос. науч. конф. «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.)», 25–27 ноября 1998 г. В 2-х т. Омск, 1998. Т.1.
- ⁴⁴⁵ Приймак Н.И. А.С.Лаппо-Данилевский и С.Н.Валк (учитель и ученик) // ВСПУ. 1998. Сер.2 История, языковедение, литературоведение. Вып.1; *она же*. А.С.Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // Клио. 1997. № 3; *она же*. А.С.Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // Петербургские чтения 96. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996.
- ⁴⁴⁶ Погодин С.Н. История России в трудах академика А.С.Лаппо-Данилевского (1863–1919) // Клио. 1999. № 2. С.28–40; *он же*. Исторические работы А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С.85–98.
- ⁴⁴⁷ Трапи Н.А. Эволюция научных взглядов А.С.Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII–XVIII вв.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2001; *он же*. Проблемы русской истории XVII–XVIII столетий в ранних произведениях А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.148–159.
- ⁴⁴⁸ Сорочкина М.Ю. Академик А.С.Лаппо-Данилевский и его «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики» // Вестник Российской гуманитарной науки. 2003. № 3 (32). С.106–118.
- ⁴⁴⁹ Синицын О.В. О возникновении неокантианского течения в русской историографии // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Калининград, 1991; *он же*. Особенности развития отечественной историографии начала XX века: вопросы теории и метода // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1993. Вып.1. С.88–90.
- ⁴⁵⁰ Корзун В.П. Неостребованное наследие (материалы по истории науки А.С.Лаппо-Данилевского) // АЕ за 1994 г. С.255–263. Ср.: *она же*. Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С.Лаппо-Данилевского // Историки об истории. Омск, 1989. С.60–76. См. также: Корзун В.П. Историография в контексте культуры (сравнительный анализ историко-научных построений П.Н.Милокова и А.С.Лаппо-Данилевского) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV науч. конф., Москва, 18–19 апреля 2002 г. М., 2002. С.259–262.
- ⁴⁵¹ Погодин С.Н. Русская школа историков: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский. СПб., 1997. С.23–25.
- ⁴⁵² Добрушкин Е.М. Основы археографии. М., 1992. С.22–23.
- ⁴⁵³ Чирков С.В. А.С.Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 г. С.263–268; *он же*. А.С.Лаппо-Данилевский – археограф // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.160–204.
- ⁴⁵⁴ Александров А.А. Академик А.С.Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского // АЕ за 1994 г. С.268–270.
- ⁴⁵⁵ Тараторкин Ф.Г. А.С.Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918) // АЕ за 1994 г. С.270–273.
- ⁴⁵⁶ Приймак Н.И. Материалы по истории Санкт-Петербурга в археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского // Петербургские чтения 97. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997. С.410–413.
- ⁴⁵⁷ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С.252–285.
- ⁴⁵⁸ Тихонов И.Л. Взгляды и труды А.С.Лаппо-Данилевского в области археологии // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С.15–27; *он же*. Деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып.11.
- ⁴⁵⁹ Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т.67, № 12. С.1129–1139.
- ⁴⁶⁰ Приймак Н.И. О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // ВСПУ. 1998. Сер.2. История, языковедение, литературоведение. Вып.4. С.3–8.
- ⁴⁶¹ Калистратова Т.И. Историческая наука в российских университетах: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С.23–24.
- ⁴⁶² Курносов А.А. О месте источниковедения в системе исторических наук // Мир источниковедения: Сб. ст. в честь С.О.Шмидта. М., 1994. С.10–11.
- ⁴⁶³ Бельский И.Л. К проблеме изучения идейного контекста «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского // АЕ за 1994 г. С.274–276.
- ⁴⁶⁴ Хмылев Л.Н. Методологические аспекты исторической науки на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке.

⁴⁶⁵ *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX – XX века). СПб., 1997. С.137-144; *она же.* А.С.Лаппо-Данилевский – основоположник российской методологии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.226-235.

⁴⁶⁶ *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995. С.150,151,158,159,169.

⁴⁶⁷ *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998; *он же.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000; *он же.* Историк среди историков: теоретико-методологические труды А.С.Лаппо-Данилевского в оценке Н.И.Кареева // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.143 – 147.

⁴⁶⁸ *Берус В.В.* Проблемы историографии в русском неокантианстве: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: Автореферат дис. ... канд. философ. наук. СПб., 1998.

⁴⁶⁹ *Рамазанов С.П.* Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1995; *он же.* Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999–2000. Ч.1–II.

⁴⁷⁰ *Румянцова М.Ф.* Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // ВИ. 1999. № 8. С.138-146; *она же.* Философское понимание индивидуальности как предпосылка становления антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений науч. конф. Москва, 4-6 февраля 1998 г. М., 1998. С.26-31; *она же.* Историческая антропология в условиях метарассказа // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С.15-21; *она же.* Эпистемологическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского в контексте европейской философии второй половины XIX – начала XX века // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.258-260.

⁴⁷¹ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Социология в творчестве А.С.Лаппо-Данилевского // ЖССА. 1999. Т.II, № 4. С.33-47. См. также: *Малинов А.В.* Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. СПб., 2001. С.161-170; *он же.* А.С.Лаппо-Данилевский // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003). Справочно-энциклопедическое издание. СПб., 2003. С.140-189; *он же.* «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского в контексте развития русской философии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.226-235.

⁴⁷² *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: Концепция А.С.Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Из. 1999. Т.2 (120); *она же.* Концептуальное единство философии и эмпирической науки // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.236-246.

⁴⁷³ *Транш Н.А.* К вопросу о генезисе историософских и методологических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2000. № 4; *он же.* К вопросу об эволюции историософских и методологических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского // Проблемы отечественной истории: Тезисы докладов науч. конф., посвященной памяти А.П.Пронштейна. Ростов-на-Дону, 2000.

⁴⁷⁴ *Русакова О.Ф.* Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000. С.102-112.

⁴⁷⁵ *Колеров М.А.* Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. М., 2002. С.143-148.

⁴⁷⁶ *Николаи Ф.В.* Методологические идеи А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной историографии: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

⁴⁷⁷ *Барышникова Л.Н.* Некоторые аспекты методологической концепции А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.215-216.

⁴⁷⁸ *Осинов И.Д.* Политическая культурология А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.447-457.

⁴⁷⁹ *Чернобаев А.А.* А.С.Лаппо-Данилевский в дореволюционной русской историографии // История и политика: методология, историография, практика: Материалы всерос. науч. конф. Нижний Новгород, 1997. С.32-34. Ср.: *Чернобаев А.А.* Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) // Историки России. Биографии. М., 2001. С.395-402.

⁴⁸⁰ *Цамутали А.Н.* А.С.Лаппо-Данилевский и его наследие // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.7-14.

⁴⁸¹ *Макушин А.В.* Магистерская диссертация А.С.Лаппо-Данилевского в оценке П.Н.Милюкова // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.69-84.

⁴⁸² *Севешников А.В.* Образ А.С.Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П.Карсавина // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.308-315.

⁴⁸³ *Корзун В.П.* Ученый и реформы государственного строя: к характеристике общественно-политической позиции А.С.Лаппо-Данилевского // П.А.Столыпин и исторический опыт реформ в России: Тезисы докладов и сообщений науч. конф., посвященной 135-летию со дня рождения П.А.Столыпина. Омск, 1997. С.135-140.

⁴⁸⁴ *Трибунский П.А.* Эпистолярные материалы А.С.Лаппо-Данилевского в российском государственном архиве литературы и искусства // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.316-343.

⁴⁸⁵ См.: Историография отечественной истории. С древнейших времен до середины XX столетия: Учебно-методическое пособие. М., 1997. С.31; *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Муравьев В.А., Тертышный А.Т.* Программа курса «Российская историография в XX столетии» // *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* Российская историография на рубеже XIX – XX вв. Тюмень, 1999. С.112-113; *Зашихин А.Н.* Русская историография от Нестора до наших дней: План-конспект курса «Историография истории Отечества». Архангельск, 1999. С.11; *Мауль В.Я.* Историография отечественной истории (курс лекций для студентов исторического факультета). Комсомольск-на-Амуре, 1999. С.114-115; *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001. С.96-100,150-158,174-222; Историография истории России до 1917 г.: Учебник для студентов высших учебных заведений // Под ред. М.Ю.Лачаевой М., 2003. Т.2. С.260–276 и др.

⁴⁸⁶ См.: *Медушевская О.М., Румянцова М.Ф.* Методология истории; Методология истории: Учеб. пособие для студентов вузов. Минск, 1996. С.158,174 и др.

⁴⁸⁷ Исключением является курс лекций по историографии В.И.Усанова и В.А.Лабузова, где наследие А.С.Лаппо-Данилевского оценивается крайне негативно с позиций ортодоксального марксизма (см.: *Усанов В.И., Лабузов В.А.* Историография отечественной истории: с древнейших времен до 1917 года.: Курс лекций. Оренбург, 2000. Ч.2. Эпоха капитализма. С.55-57).

⁴⁸⁸ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. Кроме этой книги, следует указать на обобщающую статью одного из авторов, посвященную А.С.Лаппо-Данилевскому (см.: *Погодин С.Н.* Творческое наследие А.С.Лаппо-Данилевского // ВИ. 2002. № 5. С.149-160).

⁴⁸⁹ Более подробную характеристику этого труда А.В.Малинова и С.Н.Погодина см.: *Ростовцев Е.А.* Новый труд об академике А.С.Лаппо-Данилевском // Клио. 2002. № 4. С.225-233. – Реч. на: Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

⁴⁹⁰ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. С.237-251

⁴⁹¹ Там же. С.252-261

⁴⁹² Там же. С.10

⁴⁹³ Там же. С.23

⁴⁹⁴ См.: *Шаниро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. С.579-581,684.

⁴⁹⁵ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. С.26

⁴⁹⁶ Там же. С.43

⁴⁹⁷ Там же. С.230

⁴⁹⁸ Там же. С.170-227

⁴⁹⁹ Там же. С.178

⁵⁰⁰ Там же. С.174.

⁵⁰¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908-1909 acad. году. Литография. [СПб., 1909].

⁵⁰² *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. С.9.

⁵⁰³ См.: там же. С.22-23

⁵⁰⁴ Там же. С.22.

⁵⁰⁵ Там же. С.33-57.

⁵⁰⁶ *Попов Г.Н.* [Вступительное слово] // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.6.

⁵⁰⁷ *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // Петербургские чтения 97. С.413-416; *он же.* [Выступление в прениях по докладу Б.В.Ананьича и В.М.Панеяча «Петербургская историческая школа и ее судьба»] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня. С.70-75; *он же.* Учебный курс методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского // Научно-методическая конференция-98. Тезисы докладов. СПб., 1998. Ч.1. С.46; *он же.* Методология истории. Учебно-методическое пособие. СПб., 1998. Ч.1. Общая методология истории; *он же.* А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып.1. С.128-165; *он же.* Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98-99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999. С.412-415; *он же.* Термин «петербургская историческая школа» в историографических источниках // Там же. С.415-418; *он же.* Историческая школа А.С.Лаппо-Данилевского // Сборник научных трудов, посвященных 190-летию транспортного образования в России СПб., 1999. С.314-319; *он же.* Основные этапы изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной историографии // Тезисы докладов научно-методической конференции, посвященной 190-летию транспортного образования. СПб., 1999. Ч.1. С.226-228; *он же.* Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // ЖССА. 2000. Т.III, № 4. С.105-121; *он же.* М.М.Ковалевский и А.С.Лаппо-

Данилевский в Академии наук // Максим Ковалевский и современная общественная мысль: Тезисы докладов науч. конф. СПб., 2001. С.51-53; *он же*. Деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып.1. С.135-256; *он же*. Направления петербургской исторической школы (А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов) // Гуманитарные исследования: История, теория, практика: Сб. науч. тр. СПб., 2003. С.7-8; *он же*. Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского в контексте методологии истории петербургской исторической школы // Там же. С.21-25; *он же*. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский в Петербургском университете // Из истории России: Сб. ст. СПб., 2003. С.47-66; *он же*. Наследие А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.99-142.

⁵⁰⁸ *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание научно-исследовательской программы А.С.Лаппо-Данилевского началось в последнее десятилетие XIX века – годы становления его как ученого. Ее формулирование проходило в напряженной идейной и институциональной борьбе с двумя основными парадигмами, существовавшими в отечественной исторической науке конца XIX – начала XX в., – направлением В.О.Ключевского и его школы и направлением «старшего поколения петербургской школы» (В.Г.Васильевский, К.Н.Бестужев-Рюмин), идеи которой наиболее успешно и последовательно развивал в начале XX в. С.Ф.Платонов, по существу, соединивший в своей исследовательской программе традиционную методологию петербургской школы с проблематикой исследований московской школы.

В создании системы исторического знания А.С.Лаппо-Данилевский опирался на опыт российской и мировой исторической науки. Ученому удалось интегрировать в созданную им систему методологии истории достижения современной ему науки: методической школы, психологической школы В.Вундта, герменевтики В.Дильтея, баденской школы философии истории. В этом смысле школа А.С.Лаппо-Данилевского далеко выходит за рамки национальной науки. В то же время научно-теоретические изыскания А.С.Лаппо-Данилевского были обусловлены тем исследовательским опытом, который был накоплен несколькими поколениями ученых петербургской исторической школы. Сам принцип «индивидуализирующего знания», положенный в основу структуры методологии истории, неразрывно был связан с исследовательской практикой петербургской школы. Новаторские научно-теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского внесли «раскол» в прежние «моноклитные ряды» школы. С конца 1890-х – 1900-х гг. начался процесс формирования двух направлений петербургской исторической школы – эмпирического и теоретического.

Центром эмпирического направления стала школа С.Ф.Платонова, а теоретического – школа А.С.Лаппо-Данилевского. Соперничество этих двух школ в первые десятилетия XX века было обострено из-за напряженных личных отношений их лидеров. Организационной базой развития эмпирического направления и школы С.Ф.Платонова стал истори-

ко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Материальной основой теоретического направления и школы А.С.Лаппо-Данилевского явилось историко-филологическое отделение Академии наук.

В первой половине 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский завершил создание основных элементов научно-организационной базы теоретического направления, формулирование научно-исследовательской программы своей школы. Ученый, сформировав в целом свою методологическую концепцию, начал серию коллективных научных работ, призванных способствовать ее реализации. К середине 1910-х гг. вокруг А.С.Лаппо-Данилевского образовалась многочисленная группа учеников и последователей. В то же время ему не удалось ни привлечь к своему научному направлению наиболее видных представителей петербургской школы, ни реализовать абсолютное большинство собственных научных проектов. С нашей точки зрения, это было связано как с конструктивными недостатками, так и с методологической новизной системы исторического знания А.С.Лаппо-Данилевского. Определенное значение имело и то обстоятельство, что основным центром подготовки научных кадров оставался университет, где лидирующее положение занимали представители эмпирического направления во главе с С.Ф.Платоновым. Последовательное проведение методологической системы А.С.Лаппо-Данилевского в исследовательской практике (осуществление его научно-исследовательской программы) по существу означало бы масштабную научную революцию, превращение истории в «строгую науку». Будучи ученым огромной эрудиции, А.С.Лаппо-Данилевский для решения этой задачи попытался синтезировать весь современный ему опыт европейской философской и социологической мысли, но так и не смог создать «строгую науку». Наиболее последовательный и полный критический анализ идей и научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского провел А.Е.Пресняков, указавший на основной уязвимый пункт в системе А.С.Лаппо-Данилевского — нерешенность вопроса об априорных формах сознания (которые на самом деле не априорны, а историчны). Однако следует учитывать, что вопрос о природе человеческого сознания и принципиальной невозможности адекватного постижения «чужой одушевленности» (выражаясь языком А.С.Лаппо-Данилевского) — самый болезненный для исторической науки вопрос, который не решен и по сей день. Проблема культурного релятивизма, как известно, является одной из самых сложных и дискутируемых в философии науки XX века. Попытка построения единых методов и структуры исторической науки на базе идиографического знания тем не менее оказалась весьма продуктивной. Результатом деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и его школы стало создание системы дипломатики частного акта, выработка научно обоснованных археографических правил, принципов научно-критического издания и критики исторических источников, ценные теоретические и конкретно-исторические исследования. В этом смысле деятельность А.С.Лаппо-Данилевского, направленная на утверждение «идеала научности» в сфере исторического познания, оказалась успешной.

Революция 1917 г., смерть А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 г., утверждение в 1920-х гг. марксистско-ленинского подхода к методологии истории пресекли развитие теоретического направления петербургской исторической школы. Следует учитывать, что несмотря на существенные различия в подходе к проблемам методологии истории представителей теоретического и эмпирического направлений петербургской исторической школы, их объединяло общее представление о «восстановлении прав источника и факта вне зависимости от историографической традиции». Именно этот общий взгляд на ремесло историка позволил А.С.Лаппо-Данилевскому широко сотрудничать в 1900–1910-х гг. с представителями эмпирического направления петербургской школы, прежде всего в области научно-критического издания источников. В то же время сложные личные отношения являлись преградой на пути непосредственного сотрудничества школы А.С.Лаппо-Данилевского с С.Ф.Платоновым и его учениками. После смерти А.С.Лаппо-Данилевского, изменения историографической ситуации и пресечения развития теоретического направления в петербургской исторической школе происходит стихийное объединение ее представителей вокруг системы учреждений Академии наук, где лидирующее положение занял С.Ф.Платонов.

В течение всего XX века творчество А.С.Лаппо-Данилевского являлось предметом постоянного изучения в российской историографии. Методологические идеи А.С.Лаппо-Данилевского принимались и отрицались, развивались и подвергались критике, что свидетельствует об их постоянном влиянии на отечественную науку. Еще при жизни А.С.Лаппо-Данилевского в научной литературе утверждается обоснованный взгляд на его творчество как на представителя историко-юридической школы и неокантианского направления в теории истории. Эти идеи получили развитие и на втором этапе анализа его творчества (1919–1922 гг.), который связан с подведением итогов творческого пути ученого. Достижением этого периода стало формирование целостного образа А.С.Лаппо-Данилевского в историографии. Тогда же прозвучала и системная критика научного направления А.С.Лаппо-Данилевского (А.Е.Пресняков, Л.П.Карсавин и др.). Начиная с 1923 г., процесс изучения научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского зависел от политической и идеологической конъюнктуры, которая определяла историографическую ситуацию, в этих условиях комплексное изучение наследия ученого было невозможно. Достижением исторической науки этого времени являлся подробный анализ работ А.С.Лаппо-Данилевского в области техники исторического исследования и дипломатики частного акта, т.е. тех его научных трудов, которые оказались объективно востребованными советской наукой. Однако исследование и этих сторон ученой деятельности историка было ограничено постоянным идеологическим контролем. В основных своих положениях марксистская критика методологической системы А.С.Лаппо-Данилевского (Л.В.Черепнин) опиралась на позитивистскую традицию и не содержала принципиально новых идей относительно творчества ученого. С конца 1980-х гг. наблюдается постоянный рост интереса к личности А.С.Лаппо-Данилевского и активизация про-

цесса изучения его творчества. Примечательно, что методологические идеи А.С.Лаппо-Данилевского и сегодня оказываются востребованными — в условиях новых вызовов, предъявляемых исторической науке, в поиске новых систем методологических координат российские историки вновь и вновь обращаются к классическому наследию А.С.Лаппо-Данилевского.

В заключение нельзя не упомянуть и об «отношениях» «науки А.С.Лаппо-Данилевского» с западной традицией теории истории. Выше уже говорилось, что система А.С.Лаппо-Данилевского неразрывно связана с «классической методологией истории» Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобоса, ее переосмыслением в контексте неокантианских идей. Однако положения Г.Риккерта о разграничении наук о духе и наук естественных, равно как и знаменитый тезис Г.Зиммеля о невозможности познания историком чужого сознания, т.е. те основные элементы, которые внесла баденская школа в западную историко-теоретическую мысль и которые стали важнейшими основаниями крупнейших теоретико-исторических спекуляций минувшего столетия, оказались в системе А.С.Лаппо-Данилевского периферийными. Действительно, А.С.Лаппо-Данилевский пошел по пути выстраивания на основании риккертанской модели истории системы «строгой науки», т.е. по пути принципиально отличному от западной исторической мысли. В этом смысле интеллектуальные усилия А.С.Лаппо-Данилевского шли вразрез с общим ходом историко-теоретической мысли на Западе. Начиная с Э.Дюркгейма и М.Вебера, включая Р.Коллингвуда, Б.Кроче, символический интеракционизм и хайдеггеровскую герменевтику, антиисторизм К.Поппера, заканчивая постструктурализмом и деконструктивизмом, весь набор интеллектуальных конструктов западной гуманитаристики провоцировал критическое восприятие исторической науки как интеллектуальной практики. Безусловно, в какой-то степени школа «Анналов» сумела отстоять традиции классической методологии истории, в качестве поля исследования избрав ментальность людей прошлого, т.е. заняв внешне близкие позиции по отношению к системе А.С.Лаппо-Данилевского. Примечательно, однако, что основатели школы «Анналов» всегда боялись философствования, отстаивая позиции «ремесла», несомненно, прежде всего потому, что были не в состоянии решить проблему «герменевтического круга», как за несколько десятилетий до них проблему «историчности» форм сознания не мог решить А.С.Лаппо-Данилевский. Проблему «научности» истории пытались решить иным способом — «ломающая перегородки» между отраслями знания и заимствуя методы в других науках. Однако сегодняшние «Анналы» принципиально отличаются от мыслителей типа А.С.Лаппо-Данилевского хотя бы тем, что не смеют даже поставить вопрос о существовании какой-либо высшей парадигмы на поле социальных и гуманитарных наук даже в том смысле, в котором делали это Л.Февр, М.Блок и Ф.Бродель (расширение «территории историка»). В этом смысле «строгая наука» А.С.Лаппо-Данилевского была куда ближе марксистской теории и методологии истории в СССР, представители которой, как мы пытались показать, считая ряд положений системы А.С.Лаппо-Данилевского «объективно материаль-

листичными», пытались найти им место в советской системе исторического знания, которая, в свою очередь, была неразрывно связана с идеологизированным восприятием окружающего мира.

Приведенные наблюдения, как кажется, отчасти отвечают на вопрос, почему А.С.Лаппо-Данилевский и его творчество породили целую волну «лаппо-данилеведения» в России и по-прежнему находятся в относительном забвении на Западе, даже в западной русистике. Для доминирующего круга идей современной западной научной традиции А.С.Лаппо-Данилевский — всего лишь один из периферийных метафизических конструктов — музейный экспонат в условиях деконструктивистской эпохи. В этой связи кажется очевидным, что дальнейшая судьба богатейшего наследия А.С.Лаппо-Данилевского во многом зависит от того социального заказа, который человеческая цивилизация будет предъявлять исторической науке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники**I.1 Неопубликованные источники***Архив Российской Академии наук*

Ф.489 (В.И.Семевский)

Ф.518 (В.И.Вернадский)

Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук

Ф.193 (А.Е.Пресняков)

Ф.297 (С.Н.Валк)

Государственный архив Российской Федерации

Ф.579 (П.Н.Милюков)

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Ф.16 (Я.Л.Барсков)

Ф.119 (Н.И.Кареев)

Ф.358 (Н.А.Рубакин)

Ф.376 (В.Э.Грабарь)

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Ф.252 (О.А.Добиащ-Рождественская)

Ф.270 (М.А.Дьяконов)

Ф.585 (С.Ф.Платонов)

Ф.419 (А.С.Лаппо-Данилевский и И.А.Лаппо-Данилевский)

Ф.1000 (Отдельные поступления)

Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Ф.2 (Канцелярия Академии наук)

Ф.24 (К.С.Веселовский)

Ф.95 (А.А.Куник)

Ф.134 (А.А.Шахматов)

Ф.113. (А.С.Лаппо-Данилевский)

Ф.154 (С.Ф.Ольденбург)

Ф.776 (И.М.Гревс)

Российский государственный архив литературы и искусства

Ф.167 (В.Г.Дружинин)

Российский государственный исторический архив

Ф.733 (Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения)

Ф.744 (Министерство народного просвещения. Высочайшие указы, рескрипты и всеподданнейшие доклады)

I.II Опубликованные источники**I.II.I Законодательные и нормативные документы**

Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения /Под ред. Н.Д.Чечулина. СПб., 1907.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1884. Т.IV.

Постановление ЦК ВКП (б) и СНК о преподавании гражданской истории в школах СССР // Правда. 1934. 17 мая.

Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т.I; 1917. Т.II.

Устав Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском университете // ИО. 1890. Т.1. С.12-16 отд. паг.

I.II.II Делопроизводственные источники

Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова; 1998. Вып.2. Дело по обвинению академика Е.В.Тарле.

Доклад Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1901 г. [СПб., 1902].

Извлечения из протоколов заседаний Археографической комиссии за 1888–1916 гг. // ЛЗАК. СПб.–Пг., 1901–1917. Вып.XI–XXIX.

Извлечения из протоколов заседаний Археографической комиссии за 1917–1918 гг. // ЛЗАК. Пг., 1920-1923. Вып. XXX–XXXI.

Извлечения из протоколов заседаний общего собрания имп. Российской Академии наук // ИАН. 1900–1916. СПб.–Пг., 1901–1917. Серия V–VII.

Извлечения из протоколов заседаний общего собрания Российской Академии наук // ИАН. 1917–1918. Пг., 1918–1919. Серия V–VII.

Отчет о присуждении премии почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО 1896. V серия. Т.V, № 3. С.285-287.

Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1899. VIII серия. Т.IV, № 2. С.1-18.

Отчет о сорок первом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1901. VIII серия. Т.V, № 1. С.1-22.

Отчет о сорок четвертом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1902. VIII серия. Т.VI, № 7. С.1-18.

Отчет о сорок седьмом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1906. VIII серия. Т.VIII, № 2. С.1-4.

Отчет о шестом присуждении премии митрополита Макария, читанный на публичном заседании Академии наук, 19 сентября 1895 года, академиком Н.Ф.Дубровиным // Отчет о шестом присуждении премии митрополита Макария в 1895 году. СПб., 1897. С.1-29.

Отчет Ученого корреспондента в Риме Е.Ф.Шмурло за 1908–1909 гг. // Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1911. Т.3, вып.1. С.42–51.

Отчеты о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1900–1916 г. СПб.–Пг., 1900–1917.

Отчеты о деятельности Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1917–1919 г. Пг., 1918–1920.

Предварительный съезд русских филологов. Бюллетени. СПб., 1903.

Премии и награды [Академии наук] // Памятные книжки имп. Российской Академии наук за 1899–1914 гг. СПб., 1899–1914.

[Программа издания серии «Памятники старинного русского законодательства»] // Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения /Под ред. Н.Д.Чечулина. СПб., 1907. Обложка.

Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1898–1916 гг. СПб.–Пг., 1899–1917.

Протоколы заседаний историко-филологического отделения Российской Академии наук за 1917–1923 гг. Пг., 1918–1924.

Протоколы заседаний [Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском университете] // ИО. 1890–1915. Т.1–20.

Протоколы заседаний общего собрания имп. Академии наук за 1900–1916 гг. СПб.–Пг., 1900–1917.

Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии наук за 1917–1918 гг. Пг., 1918–1919.

Состав Археографической комиссии на 1 января 1919 [с указанием времени привлечения к ее деятельности участвующих в ней лиц] // ЛЗАК. Пг., 1919. Вып. XXXI. С.24–25.

Список действительных членов имп. Академии наук, умерших с 1889 г. // Памятная книжка имп. Академии наук на 1903 г. СПб., 1903. С.64–70.

Список членов имп. Академии наук, 1725–1907 /Сост. Б.Л.Модзалевский. СПб., 1908.

Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6–8 мая 1914 г. СПб., 1914.

И.П. III Дневники и мемуары

Барсков Я.Л. Памяти А.С.Лаппо-Данилевского и М.А.Дьяконова // ВЛ. 1919. № 9. С.9–10.

Валк С.Н. Воспоминание ученика // РИЖ. 1920. Кн.6. С.189–199.

Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // РИЖ. 1920. Кн.6. С.200–206.

Гревс И.М. В годы юности. За культуру. // Былое. 1918. № 12. С.42–88.

Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.1.

Пресняков А.Е. Памяти А.С.Лаппо-Данилевского // ИА. 1919. Кн.1. С.521–523.

Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. С.256–288.

Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // ДД. 1921. Кн.2. С.104–133.

Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991.

Чеботарев И.Н. Воспоминания об Александре Ульянове и Петербургском студенчестве 1883–1887 гг. // Ленинградский университет в воспоминаниях современников /Ред. В.В.Мавродин. Л., 1963. Т.1. С.221–224.

Golder F.A. War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927 /Comp., ed., and introduced by T.Emmons and V.M.Patenaude. Stanford, 1992.

И.П. IV Эпистолярные источники

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории /Под ред. М.В.Нечкиной. М., 1968.

К.Р. Избранная переписка /Публ. Н.Н.Лавровой. СПб., 1999.

Письма А.С.Лаппо-Данилевского Е.Д.Лаппо-Данилевской /Подгот. к печати и комм. В.П.Корзун // Мир историка. XX век: Монография /Под ред. А.Н.Сахарова. М., 2002. С.390–409.

Письма и бумаги Петра Великого /Ред. А.Ф.Бычков. СПб., 1887. Т.1.

Письма и бумаги Петра Великого /Ред. А.И.Андреев. М.–Л., 1948. Т.VIII, вып.1.

Письма и бумаги Петра Великого /Ред. А.И.Андреев. М.–Л., 1951. Т.VIII, вып.2.

«Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности»: Письма А.С.Лаппо-Данилевского М.С.Грушевскому. 1905–1914 /Публ. И.Б.Матяш // ИА. 2002. № 4. С.135–151.

Шаховской Д.И. Письма о братстве /Публ. Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокиной // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып.2. С.174–318.

И.П. V Труды А.С.Лаппо-Данилевского

Альберт Сорель. Речь // ИАН 1906. V серия. Т.XXV, № 1–2. С.0III–0VIII.

Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов // ИАН. 1914. VI серия. Т.VIII, № 18. С.1455–1479.

В.Б.Антонович. 1830–1908. Некролог // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 6. С.467–472.

В.О.Ключевский. Некролог // ИАН. 1911. VI серия. Т.V, № 13. С.921–924.

[Вступительная статья] // Нева и Ниеншанц /Сост. А.-И.Гиппинг. СПб., 1909. Ч.1. С.I–XVI.

Габриэль Моно. Некролог // ИАН. 1912. VI серия. Т.VI, № 9. С.667–670.

Герменегильд Ирчек. Некролог // ИАН. 1910. VI серия. Т.IV, № 3. С.189–192.

Дмитрий Фомич Кобеко. Некролог // ИАН. 1918. VI серия. Т.XII, № 7. С.521–530.

[Доклад исторической подсекции II секции Предварительного съезда русских филологов] // Предварительный съезд русских филологов. Бюллетени. СПб., 1903. С.114–117.

Доклад об издании печатной Кормчей 1653 года в серии «Памятников русского законодательства» // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 1. С.0I–0II.

Доклад об издании труда С.Н.Десницкого «Представления об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» // ИАН. 1905. V серия. Т.ХХII, № 2. С.0X; № 3. С.0XI.

Доклад о деятельности некоторых губернских архивных комиссий по их отчетам за 1903–1907 гг. // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 14. С.1117–1122.

Доклад о деятельности некоторых губернских архивных комиссий по их отчетам за 1904–1911 гг. // ИАН. 1913. VI серия. Т.VII, № 2. С.75–86.

Доклад о научной деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам, преимущественно за 1911–1914 гг. // ИАН. 1916. VI серия. Т.X, № 7. С.457–470.

Доклад о снабжении «Наказа» императрицы Екатерины II несколькими фотографическими снимками с собственноручной рукописи императрицы // ИАН. 1906. V серия. Т.ХХIV, № 1. С.0I.

Заключение об отчете Псковской губернской ученой архивной комиссии за 1916–1917 гг. // ИАН. 1917. VI серия. Т.XI, № 15. С.1219–1220.

Заметка по поводу статьи Ф.Г.Мищенко о «Скифских древностях» // ЖМНП. 1888. № 11. С.162–172 отд. паг.

Записка В.И.Семевского об издании проектов государственных преобразований М.М.Сперанского и заключение акад. А.С.Лаппо-Данилевского // ИАН. 1916. VI серия. Т.X, № 14. С.1230–1232.

Записка об издании сочинений А.Гиппинга «Нева и Ниеншанц» с присоединением: «Описи географических карт, приложенных к сочинению А.Гиппинга» // ИАН. 1908. VI серия. Т.XI, № 6. С.464–466.

Записка об усилении личного состава историко-филологического отделения // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1908 г. [СПб., 1909].

Записка о деятельности губернских ученых архивных комиссий // ИАН. 1905. V серия. Т.ХХII, № 1. С.0III–0VII.

Записка о работах профессора П.И.Люблинского по разработке рукописей императрицы Екатерины II, относящихся к уголовному праву и процессу // Протоколы заседаний историко-филологического отделения Российской Академии наук за 1918 г. Пг., 1919.

Записка о трудах А.А.Куника и о состоявших под его наблюдением изданиях начатых печатанием в академической типографии // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1900 г. [СПб., 1901].

Иван Егорович Забелин. Некролог // ИАН. 1909. VI серия. Т.III, № 2. С.123–128.

Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // ГМ. 1914. № 12. С.5–38.

Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинении В.И.Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // ЖМНП. 1884. № 5. С.21–38 отд. паг.

И.И.Бецкой и его система воспитания. Отзыв А.С.Лаппо-Данилевского о сочинении П.М.Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии» // Записки АН по ИФО. 1904. VIII серия. Т.VI, № 7. С.117–177.

Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // ЖМНП. 1885. № 9. С. 66–100 отд. паг.

Исторические взгляды В.О.Ключевского // В.О.Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.100–116.

История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. /Отв. ред. А.И.Клибанов; Подгот. текста М.Ю.Сорокина, Л.А.Черная. М., 1990.

Карты и планы Ниеншанца, собранные А.-И.Гиппингом и А.А.Куником /С предварительной заметкой А.С.Лаппо-Данилевского; Приготовлены и изд. А.А.Куником и А.С.Лаппо-Данилевским. СПб., 1913

Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весной 1902 г. // ИАН. 1902. V серия. Т.XVII, № 4. С.0I–0IV.

Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI–XV вв. Отзыв о сочинении А.И.Никитского «История экономического быта Великого Новгорода». СПб., 1895.

Лекции по русской истории, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1896–7 учебном году. СПб., [1897].

Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса имп. Историко-филологического института в 1890/91. СПб., [1891].

Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса имп. Историко-филологического института в 1892/93. СПб., [1892].

Лекции по русской историографии, читанные студентам имп. Историко-филологического института в 1891–92 акад. году. СПб., [1892].

Материалы для общеобразовательного курса по истории человечества: Записка, составленная А.С.Лаппо-Данилевским по предложению Совета общеобразовательной школы кн. В.Тенишева // Памятная книжка Тенишевского училища СПб., 1902. Ч.I. С.87–101.

Методология истории // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX – начало XX в.) /Сост. А.Е.Шикло; Под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1985. С.126–168.

Методология истории. СПб., 1910. Ч.1. Теория исторического знания.

Методология истории. СПб. 1913. Вып. II.

Методология истории // ЖМНП. 1917. № 11–12. С.79–111 отд. паг.

Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // ИАН. 1918. VI серия. Т.XII, № 5. С.239–260.

Методология истории. II. Главнейшие направления в теории исторического знания Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // ИАН. 1919. VI серия. Т.XII, № 6. С.445–477; № 7. С.651–678; № 9. С.843–872; № 11. С.1059–1088; № 13. С.1291–1296.

Методология истории. Пг., 1923. Вып. I.

Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 акад. году. Литография. [СПб., 1909].

«Мостовые и решеточные деньги» в Новгороде и Москве в XVII веке. Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVIII века, сообщенные А.С.Лаппо-Данилевским и И.Н.Миклашевским // Записки АН по ИФО. 1902. VIII серия. Т.V, № 4. С.1-29.

Н.Ф.Дубровин. Некролог // ИАН. 1904. V серия. Т. XXI, № 3. С.0VII-0VIII.

Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.23).

Особая комиссия при имп. Русском историческом обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911–1916. Пг., 1916.

Основные принципы социологической доктрины Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С.394-490.

Отзыв о сочинении Н.Д.Чечулина «Очерки истории русских финансов в царствование Екатерины II» // Записки АН по ИФО. 1910. VIII серия. Т.X, № 2. С.1-18.

Отзыв о сочинении Н.Н.Оглоблина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. II. Документы таможенного управления» // Записки АН по ИФО. 1899. VIII серия. Т.IV, № 3. С.3-18.

Отзыв о сочинении Н.Н.Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II» // Записки АН по ИФО. 1906. VIII серия. Т.VIII, № 2. С.5-38.

Отзыв о сочинении Н.Я.Новомбергского «Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия» // Записки АН по ИФО. 1916. VIII серия. Т.XII, № 8. С.55-65.

Отзыв о статье И.Н.Миклашевского «Древнерусские поземельные кадастры» // ИАН. 1902. V серия. Т.XVII, № 4. С.0IV

Отзыв о труде И.Н.Миклашевского «Доимочная книга 7202–7203 и т.д.» // ИАН 1900. V серия. Т.XIII, № 5. С.CLXXVIII-LXXIX.

Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898.

Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. СПб., 1905.

Очерк развития русской историографии // РИЖ. 1920. Кн.6. С.5-29.

Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

Памяти Василия Осиповича Ключевского // ВЕ. 1911. № 8. С.337-353.

Памяти Г.А.Леера // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1905 г. [СПб., 1906].

Петр Великий – основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге. СПб., 1914.

Петр Великий – основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге // Речи произнесенные на торжественном собрании имп. Академии наук по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Пг., 1915. С.33-93.

Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сб. материалов и исследований, сообщенных О.Гонсиоровским, А.А.Куником, А.С.Лаппо-Данилевским. СПб., 1907. С.211-311.

План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С.Лаппо-Данилевским. Отдел 1. Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной историографии? // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1900 г. [СПб., 1901].

План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А. С. Лаппо-Данилевским. Отдел 2. План издания частных и правительственных великорусских актов XIV–XVIII вв. // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1901 г. [СПб., 1902].

Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

[Предварительная заметка А.С.Лаппо-Данилевского] // Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца /Прил. к труду А.-И.Гиппинга: «Нева и Ниеншанц». Пг., 1916. С.I-XII.

[Предисловие] / Миклашевский И.Н. Древнерусские поземельные кадастры // Записки АН по ИФО. 1904. VIII серия. Т.VI, № 4. [С.I].

[Предисловие] // Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения /Под ред. Н.Д.Чечулина. СПб., 1907. С.I-II.

[Предисловие. Правила издания переписных и писцовых книг] / Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду /Изд. имп. Археографической комиссией; Под ред. и предисл. А.С.Лаппо-Данилевского // Русская историческая библиотека. СПб., СПб., 1898. Т.XVII (сборный). С.I-XXV.

[Предупреждение] // Иверсен Ю.Б. Заметка о Молодинском кладе 1878 года с приложением А.А.Куника. СПб., 1900. [С.I-II].

Профессор Якоб Каро. Некролог // ИАН. 1905. V серия. Т. XXII, № 3. С.0VII-0VIII.

Разбор мнения г. Самоквасова о научном значении некоторых изданий, предпринятых Академией наук // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1902 г. [СПб., 1903].

Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI–XVII вв. Отзыв А.С.Лаппо-Данилевского о книге М.Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве». СПб., 1900.

[Речь в заседании Государственного совета 4 мая 1906 г. по проекту всеподданнейшего адреса и необходимости полной амнистии] // Стенографический отчет Государственного совета. Сессия I. Заседание III. СПб., 1906. С.6-8.

Рец. на: Архив Юго-западной России /Изд. Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1886. Ч.VII, т.I // Библиограф. 1887. № 10-11. С.113-115.

Рец. на: Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893 // ЖМНП. 1895. № 12. С.343-397 отд. паг.

Рец. на: Успенский Ф.И. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887 // Библиограф. 1887. № 6-7. С.72-75.

Рец. на: Цветаев Д.В.. Обрусение иноземцев, иностранцев в Московском государстве. М., 1886 // Библиограф. 1887. № 2. С.27-28.

Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899.

Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898.

Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1887. Т.4. С.352-543.

Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С.719-764.

Сообщение о международном конгрессе историков, проходившем в Берлине 6–12 августа (н. с.) 1908 г. // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 14. С.1113-1116.

L'idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis les troubles du XVII-ème siècle jusqu'aux réformes du XVIII-me // Essays in Legal History Read before the International Congress of Historical Studies Held in London /Ed. by P.Vinogradoff. Lnd., N. Y., 1913. P.348-355.

Баклунд О.А., Залеман К.Г., Чернышев Ф.Н., Лаппо-Данилевский А.С. Отчет о командировке на общее собрание Международного союза академий // Протоколы заседаний общего собрания имп. Академии наук за 1910 г. [СПб., 1911].

Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах ординарного профессора имп. Московского университета В.О.Ключевского // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1900 г. [СПб., 1901].

Виноградов П.Г., Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Успенский Ф.И. Записка об ученых трудах профессора А.В.Дайси // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1916 г. [Пг., 1917].

Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах Н.И.Кареева // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1910 г. [СПб., 1911].

Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И. Записка об ученых трудах П.Б.Струве // Протоколы заседаний историко-филологического отделения Российской Академии наук за 1917 г. [Пг., 1918].

Дьяконов М.А., Янжул И.И., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах члена Парижской академии надписей Поля Виолле // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1912 г. [СПб., 1913].

Залеман К.Г., Шахматов А.А., Лаппо-Данилевский А.С. Доклад комиссии для рассмотрения сделанного на Римском историческом конгрессе предложения созвать Международную конференцию для упорядочивания непосредственного обмена между библиотеками различных государств рукописями // ИАН. 1904. V серия. Т.XX, № 5. [С. VI-VII].

Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах П.Г.Виноградова // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1913 г. [СПб., 1914].

Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Анри Пиренна // ИАН. 1919. VI серия. Т. XIII, № 1. С.60-62.

Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Ковалевский М.М. Доклад об ученых трудах сверхштатного академика П.Г.Виноградова // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1915 г. [Пг., 1916].

Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Никитин П.В., Латышев В.В. Доклад об ученых трудах сверхштатного академика Ф.И.Успенского // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1915 г. [Пг., 1916].

Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Успенский Ф.И., Виноградов П.Г. Записка об ученых трудах профессора Э.Бутру // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1916 г. [Пг., 1917].

Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Янжул И.И. Записка об ученых трудах И.В.Лучицкого // ИАН. 1909. VI серия. Т. III, № 2. С.123-128.

Лаппо-Данилевский А.С., Ольденбург С.Ф., Латышев В.В. Записка об ученых трудах Эдуарда Мейера // ИАН. 1910. VI серия. Т. IV, № 1. С.193-194.

Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Эрнеста Лависса. // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1914 г. [Пг., 1915].

Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И., Дьяконов М.А., Струве П.Б. Записка об ученых трудах профессора А.А.Кизеветтера // Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии наук за 1917 г. [Пг., 1918].

Лаппо-Данилевский А.С., Янжул И.И., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Берлинского университета Отто Гирке // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1912 г. [СПб., 1913].

Никитин П.В., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С. Доклад Постоянной Исторической комиссии при историко-филологическом отделении имп. Академии наук. I. Проект положения об обязанностях и службе ученого корреспондента историко-филологического отделения в Риме. II. Предварительная инструкция ученому корреспонденту историко-филологического отделения в Риме // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1903 г. [СПб., 1904].

Никитин П.В., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах и.д. ординарного профессора имп. Юрьевского университета Евгения Францевича Шмурло // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1903 г. [СПб., 1904].

Никитин П.В., Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А. Доклад комиссии, организованной при историко-филологическом отделении для рассмотрения вопроса об учреждении в составе Академии наук отделения юридических и экономических наук // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1912 г. [СПб., 1913].

Радлов В.В., Залеман К.Г., Ключевский В.О., Лаппо-Данилевский А.С., Ольденбург С.Ф. Записка об ученых трудах профессора имп. Юрьевского университета Михаила Александровича Дьяконова // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1905 г. [СПб., 1906].

Янжул И.И., Лаппо-Данилевский А.С. Записка о трудах Д.А.Корсакова // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1905 г. [СПб., 1906].

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. /Подгот. к печати Л.В.Черепнин; Отв. ред. С.В.Бахрушин. М., 1951. Ч.1.

Архив П.М.Строева /Под ред. С.Ф.Платонова и М.Г.Курдюмова. Пг., 1915. Т.1.

[*Браун Ф.А.*] Отзыв профессора имп. С.-Петербургского университета Федора Александровича Брауна о статье покойного академика А.А.Куника «Düna und Nawa» // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1900 г. [СПб., 1901].

Верховский П.В. Соображения по поводу критического издания «Духовного регламента» // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1913 г. [СПб., 1914].

Веселовский К.С., Латышев В.В., Янжул И.И., Дубровин Н.Ф. Записка об ученых трудах профессора Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1899 г. [СПб., 1900].

Воззвание ученых // Грядущий день (Пг.). 1917. 26 ноября.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова /Подгот. к печати В.Г.Гейман, Н.А.Казакова, А.И.Копанев и др.; Под ред. С.Н.Валка. М.; Л., 1949.

Диспут в С.-Петербургском университете // НВ. 1890. 10 мая.

Дубровин Н.Ф., Никитин П.В., Латышев В.В., Залеман К.Г., Янжул И.И., Розен В.Р. Записка об ученых трудах адъюнкта А.С.Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1902 г. [СПб., 1903].

Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С., Латышев В.В. Записка об ученых трудах С.Ф.Платонова // ИАН. 1910. VI серия. Т.IV, № 1. С.34–35.

Исторические диспуты // ИО. 1890. Т.1. С.276–310.

Кареев Н.И. [Речь на третьем заседании общего собрания Исторического общества] // ИО. 1890. Т.1. С.5–11 отд. паг.

Кизеветтер А.А. Отчет о ходе работ по изданию «Городового положения» 1785 г. в серии «Памятников русского законодательства» // ИАН 1905. V серия. Т.XXII, № 4 и 5. С.0VII–0VIII.

Комиссия по истории знаний. 1921–1933. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. док. /Сост. В.М.Орел, Г.И.Смагина. СПб., 2003.

Летопись Российской Академии наук /Отв. ред. М.Ф.Хартанович. В 4-х т. СПб., 2003. Т.III. 1861–1900.

Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского /Под ред. А.И.Андреева. Л., 1929.

Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч.1.

Нева и Ниеншанц /Сост. А.-И.Гиппинг; Вступит. ст. А.С.Лаппо-Данилевского. СПб., 1909. Ч.1.

Новгородские писцовые книги в статистической обработке. 1. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498–1501 гг. Табличный материал с предисловием и «статистическими итогами» проф. А.А.Кауфмана. Пг., 1915.

От редакции // РИЖ. 1917. Кн.1–2. С.3–8.

Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией /Сост. и ред. Е.Ф.Шмурло. Л., 1925. Т.I, вып.1. (1578–1581).

Правила издания документов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб.2. С.315–331.

Представления профессора Десницкого об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи /Сообщ. А.И.Успенский // Записки АН по ИФО. 1906. VIII серия. Т.VII, № 4. С.1–45.

Радлов В.В., Залеман К.Г., Янжул И.И., Никитин П.В., Розен В.Р., Ольденбург С.Ф. Записка об ученых трудах экстраординарного академика А.С.Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1904 г. [СПб., 1905].

Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией /Сост. и ред. Е.Ф.Шмурло. СПб., 1907. Т.1, вып.1; 1911. Т.1, вып.2; 1908. Т.2, вып.1; 1913. Т.2, вып.2; 1911. Т.3, вып.1; Пг., 1915. Т.3, вып.2; Л., 1927. Т.4.

Русский сезон в Кембридже // Речь. 1916. 24 августа.

Сборник грамот Коллегии экономии /Ред. А.С.Лаппо-Данилевский, М.А.Дьяконов, А.А.Шахматов, С.Ф.Платонов, А.И.Андреев. [С]Пб., 1922. Т.I. Грамоты Двинского уезда.

Сборник грамот Коллегии экономии /Ред. А.И.Андреев под наблюдением С.Ф.Платонова. Л., 1929. Т.II. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов.

Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца /Прил. к труду А.-И.Гиппинга: «Нева и Ниеншанц» с предварительной заметкой А.С.Лаппо-Данилевского. Пг., 1916.

Совместное заседание Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С.Н.Валка // АЕ за 1976 г. М., 1977. С.280–288.

Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду. СПб., 1906. Вып.1.

Терминологический словарь частных актов Московского государства /Под ред. и с предисл. А.И.Андреева. Пг., 1922.

Хроника // РИЖ. 1917. Кн.1–2. С.142–143.

Янжул И.И. Добавление к Записке А.С.Лаппо-Данилевского об усилении личного состава Историко-филологического отделения // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1908 г. [СПб., 1909].

Янжул И.И. Особое мнение [по докладу комиссии, организованной при ИФО для рассмотрения вопроса об учреждении в составе Академии

наук Отделения юридических и экономических наук] // Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Российской Академии наук за 1912 г. [СПб., 1913].

Honorary degrees for Russian visitors. Ceremony at the Senate House // Cambridge daily news. 1916. August, 12.

II. Литература

Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.) // ОА. 1993. № 3. С.9-35; № 4. С.3-27.

Айзенберг А. Марксистская критика Риккерта или риккертианская интерпретация марксизма // ПМ. 1930. № 5-6. С.48-66; 1931. № 1. С.41-63.

Александров А.А. Академик А.С.Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.268-270.

Александров А.А. Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского // АЕ за 1993 г. М., 1995. С.172-188.

Александров А.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Выслуженные вотчины в Московском государстве / Историческое обозрение. 1891. Т.3 // Библиографические записки. 1892. № 3. С.225-226.

Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. № 4. С.5-21.

Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968.

Аленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. Рязань, 2002.

Альшиц Д.Н. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. /Сост. и ред. Т.Н.Жуковская, А.Д.Марголис. СПб., 1997. С.58-62.

Альшиц Д.Н. Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа: Альманах /Ред. С.Н.Полторак. СПб., 2001. С.60-81.

Ананьич Б.В. О воспоминаниях Н.С.Штакельберг // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка /Сост. А.И.Добкин, М.Ю.Сорокина. СПб., 1995. С.77-86.

Ананьич Б.В. «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки /Под общ. ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.670-675.

Ананьич Б.В., Панеях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // ОИ. 2000. № 5. С.105-113

Андреев А.И. Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частнопубличных актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С.1-7 (ИО. 1916. Т.21).

Андреев А.И. О правилах издания исторических текстов // АД. 1926. № 5-6. С.97-98.

Андреев А.И. Предисловие // Сборник грамот Коллегии экономии. [С]Пб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда. С.1-ХIII.

Андреев А.И. [Предисловие] // *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С.1.

Андреев А.И. [Предисловие] // Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922. С. I-ХIII.

Ардашев П.Н. Третий международный исторический конгресс в Лондоне. СПб., 1913.

Бабич М.В. Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) // Историки России: Биографии /Сост., отв. ред. А.А.Чернобаев. М., 2001. С.403-410.

Барышникова Л.Н. Некоторые аспекты методологической концепции А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.215-216 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I).

Басаргина Е.Ю. Ф.И.Успенский: обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге /Под ред. И.П.Медведева. СПб., 1995. С.45-57.

Бельный И.Л. К проблеме изучения идейного контекста «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.274-276.

Бельный И.Л. К проблеме наименований школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки /Редкол.: М.В.Нечкина (отв. ред.) и др. Калинин, 1978. Ч.II. С.64-65.

Бельный И.Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984): Аналитический обзор. М., 1985.

Берков П.Н. Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета (со сведениями о последующих сборниках) // Очерки по истории Ленинградского университета /Редкол.: Н.Г.Сладкевич (отв. ред.) и др. Л., 1962. Т.2. С.88-105.

Бернгейм Э. Введение в историческую науку. М., 1908.

Берус В.В. Проблемы историографии в русском неокантианстве: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.

Болдырев Н.А. С.Лаппо-Данилевский // Мысль (Пг.). 1922. № 1. С.152-153.

Большаков А.М. Лекции по русской истории. Введение в изучение истории. М.; Пг., 1923.

Бороздин А.К. Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете. СПб., 1900.

Брачев В.С. А.Е.Пресняков, С.Ф.Платонов и петербургская историческая школа. Ответ М.Б.Свердлову (1996) // *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870–1929). СПб., 2002. С.72-83.

Брачев В.С. Возражения критикам // Клио (СПб.). 1998. № 3 (5). С.347-348.

Брачев В.С. Дело историков 1929–1931 гг. СПб., 1997.

Брачев В.С. Жизнь и труды С.Ф.Платонова // *Платонов С.Ф.* Соч. /Отв. ред. В.И.Старцев. В 2-х т. СПб., 1993. Т.1. С.11-33.

Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.

Брачев В.С. Петербургская археографическая комиссия (1834–1929). СПб., 1998.

Брачев В.С. Рец. на: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь /Подгот. текста, статьи и прим. М.Б.Свердлова М., 1993 // ОИ. 1995. № 3. С.198-201.

Брачев В.С. Русский историк А.Е.Пресняков (1870–1929). СПб., 2002.

Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996.

Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1-II.

Брачев В.С. Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997.

Буганов В.И. А.С.Лаппо-Данилевский // Советская историческая энциклопедия /Гл. ред. Е.М.Жуков. М., 1965. Т.8. Стб.422-423.

Буганов В.И. Лаппо-Данилевский // Большая Советская энциклопедия /Гл. ред. А.М.Прохоров. 3-е изд. М., 1973. Т.14. С.463.

Будовниц И.У. Об исторических построениях М.Д.Приселкова // ИЗ. М., 1950. Т.35. С.199-231.

Булыгин И.А., Пушкирев Л.Н. Источниковедение // Советская историческая энциклопедия /Гл. ред. Е.М.Жуков. М., 1965. Т.6. Стб.592-601.

Быковский С.Н. Методика исторического исследования. Л., 1931.

Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: Учеб. пособие. Омск, 2001.

Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. Л., 1979.

Валк С.Н. Археографическая легенда // АЕ за 1971 г. М., 1972. С.5-16.

Валк С.Н. Б.Д.Греков как деятель археографии // АЕ за 1958 г. М., 1960. С.223-232.

Валк С.Н. Борис Александрович Романов // ИЗ. М., 1962. Т.62. С.268-282.

Валк С.Н. Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова /Редкол.: Н.Е.Носов (отв. ред.) и др. Л., 1971. С.8-38.

Валк С.Н. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.114-115.

Валк С.Н. Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.113-132.

Валк С.Н. Законодательные проекты М.М.Сперанского в печати и рукописях // *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии /Сост. Т.В.Андреева и др. СПб., 1991. С.186-196.

Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук /Отв. ред. А.И.Молок. Л., 1948. С.3-79.

Валк С.Н. Начальная история древнерусского акта // ВИД. М.; Л., 1937. С.285-318.

Валк С.Н. О приемах издания дореволюционных документов // АД. 1925. № 3-4. С.60-81.

Валк С.Н. Предисловие // *Сперанский М.М.* Проекты и записки /Подгот. к печати А.И.Копанев и М.В.Кукушкина; Под ред. С.Н.Валка. М.; Л., 1961. С.3-15.

Валк С.Н. Регесты в их прошлом и настоящем // АЕ за 1968 г. М., 1970. С.22-48.

Валк С.Н. Рец. на: Историко-революционная библиотека. Пг., 1920–1921 // ДД. 1922. Кн.3. С.194-195.

Валк С.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатии частных актов. Пг., 1920 // КР. 1920. № 2. С.39-40.

Валк С.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатии частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.244-258.

Валк С.Н. Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. [С]Пб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда; Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922 // Века (Л.). 1924. Кн.1. С.166-169.

Валк С.Н. Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // БК. 1924. № 1-2. С.228-245.

Валк С.Н. Советская археография. М.; Л., 1948.

Вандалковская М.Г. Вечный россиянин: Александр Александрович Кизеветтер // Историки России. XVIII – начало XX века /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.626-657.

Варадинов Н.В. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и индивидуальному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. СПб., 1857.

Варшавчик М.А. О структуре исторической критики // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1979 /Редкол.: В.И.Буганов (отв. ред.) и др. М., 1980. С.23-38.

Васильевский В.Г. А.А.Куник // ИАН. 1899. V серия. Т.X, № 3. С.XV-XXVI.

Введенский А.А. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.111-112.

Введенский А.А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963.

Вернадский Г. В. А.С.Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века // ИТУАК. 1919. № 56. С.156-160.

Вернадский Г.В. Очерки по истории науки в России // ЗРАГ. N. Y., 1971–1975. Т.5–9.

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

Верховский П.В. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении церкви и государства в России: исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону, 1916. Т.1-2.

Веселовский С.Б. Из курса лекций аспирантам Московского государственного историко-архивного института о методике научных исследований // *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма /Под ред. В.И.Буганова и В.В.Левшина. М., 1978. С.193-292.

Г. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898 // ЖСПЮО. 1898. Кн.7. С.7-8 отд. паг.

Гайдено П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М., 1980.

Ганелин Р.Ш. Сталин и советская историография предвоенных лет // НЧ. 1998. № 6–7. С.100–117.

Гасилов В.В. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // Школы в науке: сб. ст. /Под ред. С.Л.Микулинского и др. М., 1977. С.119–152.

Гефтер М.Я.]. Вступление // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения [/Редкол.: М.Я.Гефтер (отв. ред.) и др.]. М., 1969. С.3–6.

Гнатюк Л.В. Теория исторического процесса, социология, философия истории Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.

Голосенко И.А. В.О.Ключевский: историк и социолог // Социологические исследования. 1993. № 9. С.113–114.

Голосенко И.А. Неокантианские идеи в буржуазной социологии в России // Философские науки. 1979. № 2. С.162–167.

Горелова С.И. Исторические взгляды Е.Ф.Шмурло: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

Городецкий В.С. [Выступление при обсуждении доклада А.С.Арсеньева «Историзм и логика в марксистской теории» на заседании сектора методологии Института всеобщей истории АН СССР 6 декабря 1966 г.] // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения [/Редкол.: М.Я.Гефтер (отв. ред.) и др.]. М., 1969. С.362–365.

Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С.44–81.

Греков Б.Д. Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914. Ч.1 (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.120).

Греков Б.Д. Ученая и учебная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского // ИТУАК. 1919. № 56. С.148–156.

Грехова Г. И. Эпистолярное наследие А.С.Лаппо-Данилевского // ВИД. Л., 1976. Т.VIII. С.262–273.

Грушевский М.С. Рец. на: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сб. материалов и исследований, сообщенных О.Гонсиоровским, А.А.Куником, А.С.Лаппо-Данилевским. СПб., 1907 // ЖМНП. 1908. № 9. С.193–203 отд. паг.

Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования: Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения. М., 1961.

Гулыга А.В. Искусство истории. М., 1980.

Гуревич А.Я. Вместо заключения, или «Можно ли доить козла» // Одиссей: Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX века М., 1996. С.176–177.

Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания: Материалы международной конф. Москва. 19–21 мая 1996 г. /Отв. ред. Г.Н.Севостьянов. М., 1999. С.11–23.

Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // ВМУ. 1993. Сер.8. История. № 8. С.40–53.

Гутнова Е.В. Историография средних веков: Учебник для студентов. М., 1985.

Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.

Дербов Л.А. Введение в изучение истории. М., 1981

Демина Л.И. «Записки» Е.Ф.Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // АЕ за 1984 г. М., 1986. С.252–256.

Дмитриев А.Н. Проблемы формирования «строгой науки» в гуманитарном знании // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ /Редкол.: Н.Б.Вахтин (отв. ред.) и др. СПб., 1999. Вып. I. С.329–349.

Добрушкин Е.М. Основы археографии. М., 1992.

Документальные памятники: выявление, учет, использование: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений /Под ред. С.О.Шмидта. М., 1988.

Дорошенко Н.М. А.С.Лаппо-Данилевский – основоположник российской методологии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.226–235 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I).

Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – XX века). СПб., 1997.

Дубенцов Б.Б. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. /Сост. и ред. Т.Н.Жуковская, А.Д.Марголис. СПб., 1997. С.67–68.

Дунаева Ю.В. Западноевропейская история в исторической концепции Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

Дьяконов М.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // ИАН. 1919. VI серия. Т.XIII, № 8–11. С. 359–366.

Дьяконов М.А. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // ЖМНП. 1890. № 8. С.370–381 отд. паг.

Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т.67, № 12. С.1129–1139.

Есенгараев Е.Ж. Научные общества и их роль в исторической науке России конца XIX – начала XX веков (на материалах исторических обществ при Московском и Петербургском университетах): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

Ефременков Н.В. Основы научного исследования и методы самостоятельной работы студента-историка. Калинин, 1987.

Жебелев С.А. Ученые степени в прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем /Публ. и прим. И.В.Тункиной // Очерки истории отечественной археологии /Отв. ред.: И.С.Каменецкий, А.А.Формозов; Сост. А.А.Формозов. М., 2002. Вып. III. С.146–194.

Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980.

Жукович П.Н. Материалы для истории Киевского и Львовского соборов 1629 года // Записки АН по ИФО. 1911. VIII серия. Т.VIII, № 15. С.1–26.

Жуковская Т.Н. Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX–XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы

международной конф. (2-5 февраля 2000 года) /Редкол.: И.О.Ермаченко (отв. ред.) и др. Петрозаводск, 2000. С.341-349.

Жуковская Т.Н. Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. /Сост. и ред. Т.Н.Жуковская, А.Д.Марголис. СПб., 1997. С.8-14.

[*Жуковская Т.Н., Марголис А.Д.* От составителей] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. /Сост. и ред. Т.Н.Жуковская, А.Д.Марголис. СПб., 1997. С.3-7.

Журавлев Л.А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980.

Журавский Д.П. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846.

Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Муравьев В.А., Тертышный А.Т. Программа курса «Российская историография в XX столетии» // *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* Российская историография на рубеже XIX–XX вв. Тюмень, 1999. С.112-113

Зашихин А.Н. Русская историография от Нестора до наших дней: План-конспект курса «Историография истории Отечества». Архангельск, 1999.

Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т.I, ч.1.

Зимин А.А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959.

Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988.

Золотарев В.П. Общая теория истории в понимании Н.И.Кареева // ННИ. 2003. № 2. С.29-43.

Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание: (Методологический аспект). Томск, 1973.

Иванова Л.В. К истории союза российских архивных деятелей // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки /Редкол.: Е.М.Жуков (отв. ред.) и др. М., 1981. С.194-203.

Иверсен Ю.Б. Заметка о Молодинском кладе 1878 года с приложением А.А.Куника. СПб., 1900.

Измозик В.С., Павлов В.Б. Великий князь Николай Михайлович // Из глубины времен (СПб). 1994. Вып.3. С.128-131.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т.I, кн.1.

Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.

Иллерицкий В.Е. Историография истории СССР. Методическое пособие для студентов-заочников. М., 1969.

Иллерицкий В.Е. Историография истории СССР. Методическое пособие для студентов-заочников. Чита, 1969.

Иллерицкий В.Е. Русская историография второй половины XIX в.: Лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института. М., 1957.

Историография истории России до 1917 г.: Учебник для студентов высших учебных заведений /Под ред. М.Ю.Лачаевой. М., 2003. Т.2.

Историография истории СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции /Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М., 1971.

Историография отечественной истории. С древнейших времен до середины XX столетия: Учебно-методическое пособие. Для студентов IV курса по специальности «История» /Сост. Н.Г.Георгиева. М., 1997.

История Академии наук СССР /Редкол.: К.В.Островитянинов (гл. ред.) и др. М.; Л., 1964. Т.II. 1803–1917.

История археологии в дореволюционной России: Учеб. пособие /Под ред. М.С.Селезнева. М., 1969.

История и психология: [Сб. ст.] /Под ред. Б.Ф.Поршнева и Л.И.Анцыфировой. М., 1971.

История и социология. М., 1964.

История Ленинградского университета. 1819–1969: Очерки /Отв. ред. В.В.Мавродин. Л., 1969.

Источниковедение истории СССР /Под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1973.

Источниковедение. Теоретические и методические проблемы /Редкол.: С.О.Шмидт (отв. ред.) и др. М., 1969.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998.

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

Каганович Б.С. Рец. на: Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000 // ННИ. 2002. № 4. С.210-211.

Каганович Б.С. Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей: Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С.166-167.

Казаков Р.Б., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология и теория истории: Учебно-методический модуль. М., 2002.

Калистратова Т.И. Историческая наука в российских университетах: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

Камардина О.В. Императорское Русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866–1916 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.

Кан А.С. Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979.

Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1907.

Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн.6. С. С.112-131.

Кареев Н.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; 1913. Вып. II // НИЖ. 1913. Т.1, вып. 1. С.64-69.

Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). [С]Пб., 1920.

Каталог частных актов Московского государства // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб.2. С.145-186.

Каштанов С.М. Дипломатика // Советская историческая энциклопедия /Гл. ред. Е.М.Жуков. М., 1964. Т.5. Стб.229-231.

Каштанов С.М. Дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина // ВИ. 1965. № 1. С.39-44.

Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы /Редкол.: С.О.Шмидт (отв. ред.) и др. М., 1969. С.134-170.

- Капитанов С. М.* Русская дипломатика. М., 1988.
- Капитанов С.М., Курносоев А.А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // ИА. 1962. № 4. С.173-186.
- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981
- Кизеветтер А.А.* А.С.Лаппо-Данилевский (к 25-летию научной деятельности) // Речь. 1915. 9 мая.
- Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II. Исторический комментарий. М., 1909.
- Кизеветтер А.А.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // РВед. 1890. 22 октября.
- Киреева Р.А.* Возникновение проблемы историографических направлений в русской буржуазной науке конца XIX – начала XX в. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки /Редкол.: М.В.Нечкина (отв.ред.) и др. Калинин, 1978. Ч.II. С.25-31.
- Киреева Р.А.* Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Историки России. XVIII – начало XX века /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.334-364.
- Киреева Р.А.* За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Историки России. XVIII – начало XX века. /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.398-445.
- Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 г. М., 1983.
- Киреева Р.А.* История русской историографии (1850-е – 1917 г.): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985.
- Киреева Р.А.* К.Н.Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.
- Киреева Р.А.* Неопубликованные труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской историографии // ИИ. 1978. М., 1981. С.214-233.
- Киреева Р.А.* Послесловие // *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.VI. Специальные исторические работы. С.436-481.
- Киреева Р.А.* Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX – начала XX века // ИИ. 1971. М., 1973. С.105-137.
- Кистерев С.Н.* Вехи в историографии русского летописеведения // Очерки феодальной России: Сб. ст. М., 2003. Вып.7. С.5-28.
- Клейн Л.С.* Археологические источники. Л., 1978.
- Клибанов А.И.* А.С.Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С.249-280.
- Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси: опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества. М., 1881.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории /Ред. Н.Л.Рубинштейн. М., 1937. Ч.I-V.

- Ключевский В.О.* Методология русской истории. 1884-85 ак[адемический] год // *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.VI. Специальные исторические работы. С.5-93.
- Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1990. Т.IX. Материалы разных лет.
- Князев Г.В., Кольцов А.В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1964.
- Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // ВИ. 1982. № 1. С.28-30.
- [Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.]* Введение. Основные тенденции в развитии исторической науки в России в эпоху империализма // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX – начало XX в.) /Сост. А.Е.Шикло; Под ред. И.Д.Ковальченко М., 1985. С.6-22.
- Колеров М.А.* Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. М., 2002.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Кондратьев Н.Д.* Теория истории А.С.Лаппо-Данилевского // ИО. 1915. Т.20. С.105-124.
- Кононова Н.Н.* Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета /Редкол.: Н.Г.Сладкевич (отв. ред.) и др. Л., 1968. Т.2. С.138-151.
- Коноплев Н.С.* Принцип детерминизма как методологическая основа гуманитарных наук. Иркутск, 1986.
- Копанев А.И.* Археологическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в освещении С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Т.IX. С.81-89.
- Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001.
- Коргонюк Ю.Г.* Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н.И.Кареева: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
- Корзун В.П.* Историография в контексте культуры (сравнительный анализ историко-научных построений П.Н.Милюкова и А.С.Лаппо-Данилевского) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV науч. конф., Москва, 18–19 апреля 2002 г. /Редкол.: В.А.Муравьев (отв. ред.) и др. М., 2002. С.259-262.
- Корзун В.П.* Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н.Милюкова С.Ф.Платонову // ОИ. 1999. № 2. С.171-182.
- Корзун В.П.* Невостребованное наследие (материалы по истории науки А.С.Лаппо-Данилевского) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.255-263.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург–Омск, 2000.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.
- Корзун В.П.* Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С.Лаппо-Данилевского // Историки об истории /[Редкол.: В.П.Корзун (отв. ред.) и др.]. Омск, 1989. С.60-76.
- Корзун В.П.* Ученый и реформы государственного строя: к характеристике общественно-политической позиции А.С.Лаппо-Данилевского //

П.А.Столыпин и исторический опыт реформ в России: Тезисы докладов и сообщений конф., посвященной 135-летию со дня рождения П.А.Столыпина /Редкол.: А.П.Толочко (отв. ред.) и др. Омск, 1997. С.135-140.

Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век: Монография /Под ред. А.Н.Сахарова. М., 2002. С.92-138.

Корзун В.П., Свешников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков как исторического источника) // Письма русских историков (С.Ф.Платонов, П.Н.Милюков) /Под ред. В.П.Корзун. Омск, 2003. С.3-36.

Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984.

Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.

Котляров Г.М. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.259-265.

Котов В.Н. Введение в изучение истории. Киев, 1982.

Кочин Г.Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб.2. С.145-186.

Кравченко Е.А. Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) // Россия в XX веке: судьбы исторической науки /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.436-446.

Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие, 1889-1914 // ИО. 1915. Т.20. С.188-200 отд. паг.

Кривошеев Ю.В. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. /Сост. и ред. Т.Н.Жуковская, А.Д.Марголис. СПб., 1997. С.55-58.

Кром М.М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000.

Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.

Кун В.Н. 25-летие учено-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского // Речь. 1915. 9 мая.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1985.

Куник А.А. Открытое письмо к сухопутным морякам // Известия албекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. II. С.01-066.

Курносоев А.А. О месте источниковедения в системе исторических наук // Мир источниковедения: Сб. ст. в честь С.О.Шмидта /Редкол.: А.Д.Зайцев и др. М., 1994. С.10-12.

Лайтко Г. Научная школа – теоретические и практические аспекты // Школы в науке /Под ред. С.Л.Микулинского и др. М., 1977. С.265-374.

Лебедев Г.С. Заключение // Гиппинг А.И. Введение в историю Санкт-Петербурга или Нева и Ниеншанц. М., 2003. С.465-467.

Левандовский А.А. Т.Н.Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

Литвак Б.Г. О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы /Редкол.: С.О.Шмидт (отв. ред.) и др. М., 1969. С.102-114.

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979.

Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002.

Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). Л., 1962.

Лубский А.В. История источниковедения в России: методологические проблемы и решения (к 10-летию публикации исследования А.П.Пронштейна «Источниковедение в России») // Проблемы источниковедения и отечественной истории: (памяти А.П.Пронштейна) /Отв. ред. И.М.Узнародов. Ростов-на-Дону, 1999. С.28-51.

Лурье Я.С. Сигизмунд Натанович Валк // ТОДРЛ. Л., 1976. Т.30. С.367-368.

Маскаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М., 1969.

Макушин А.В. Магистерская диссертация А.С.Лаппо-Данилевского в оценке П.Н.Милюкова // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.69-84 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып.1).

Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.

Малинов А.В. А.С.Лаппо-Данилевский // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003): Справочно-энциклопедическое издание /Отв. ред. А.Ф.Замалева, Ю.Н.Солонин. СПб., 2003. С.140-189.

Малинов А.В. «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского в контексте развития русской философии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.226-235 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып.1).

Малинов А.В. Философия истории в России: Конспект университетского спецкурса. СПб., 2001.

Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

Малинов А.В., Погодин С.Н. Социология в творчестве А.С.Лаппо-Данилевского // ЖССА. 1999. Т.11, № 4. С.33-47.

Мамонтова М.А. С.Ф.Платонов: поиск модели исторического исследования: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского // ИТУАК. 1919. № 56. С.160-166.

Мауль В.Я. Историография отечественной истории (курс лекций для студентов исторического факультета). Комсомольск-на-Амуре, 1999.

Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1958.

Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства). М., 1941. Ч.1. История архивного дела в СССР до Великой Октябрьской социалистической революции.

Медведев И.П. В.Н.Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге /Под ред. И.П.Медведева. СПб., 1995. С.339-381.

- Медушевская О.М.* История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988.
- Медушевская О.М.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография /Под общ. ред. Ю.Н.Афанасьева. М., 1996. С.42–77.
- Медушевская О.М.* Источниковедение и гуманитарная культура // ОА. 1992. № 4. С.11–19.
- Медушевская О.М.* Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Вестник гуманитарной науки (М.). 1996. № 1. С.31–38.
- Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996.
- Медушевская О.М.* Концептуальное единство философии и эмпирической науки // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.236–246 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып.1).
- Медушевская О.М.* Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.238–255.
- Медушевская О.М.* Развитие теории советского источниковедения // Труды МГИАИ. М., 1966. Т.24. С.3–16.
- Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.
- Медушевская О.М.* Теоретико-методологические проблемы источниковедения в современной зарубежной историографии // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV всесоюз. конф. /Редкол.: Г.И.Сидоренко (отв.ред.) и др. М., 1979.
- Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения. Учеб. пособие. М., 1977.
- Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы /Редкол.: С.О.Шмидт (отв. ред.) и др. М., 1969. С.171–194.
- Медушевская О.М.* Феноменология культуры: Концепция А.С.Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // ИЗ. М., 1999. Т.2 (120). С.100–136.
- Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. М., 1997.
- Медушевский А.Н.* Становление политической антропологии: Французский институт в Петрограде // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докладов и сообщений науч. конф. (Москва, 4–6 февраля 1998 г.) /Редкол.: О.М.Медушевская (отв. ред.) и др. М., 1998. С.157–160.
- Мейер Э.* Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1911.
- Мельгунов С.П.* Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904.
- Методология истории: учеб. пособие для студентов вузов. Минск, 1996.
- Миклашевский И.Н.* Древнерусские поземельные кадастры // Записки АН по ИФО. 1904. VIII серия. Т.VI, № 4. С.1–34.
- Миллюков П.Н.* Источники русской истории и русская историография // Энциклопедический словарь /Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб., 1899. Т.XXVIII, полутом 55. С.430–446.

- Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. М., 1993. Т.1. [Миллюков П.Н.]. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // РМ. 1890. № 9. С.412–414 отд. паг.
- [Миллюков П.Н.]. Рец. на: Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891 // РМ. 1892. № 2. С.64–66 отд. паг.
- Миллюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892.
- Минишников Н.А.* Проблемы источниковедения в трудах А.П.Пронштейна // Проблемы источниковедения и отечественной истории: (памяти А.П.Пронштейна) /Отв. ред. И.М.Узнаровов. Ростов-на-Дону, 1999. С.9–28.
- Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии: (Школа западно-русского права). М.–Брянск, 1996.
- Михальченко С.И.* Киевская школа: Очерки об историках. Брянск, 1994.
- Мищенко Ф.Г.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб., 1887 // ЖМНП. 1888. № 9. С.211–221 отд. паг.
- Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989.
- Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978.
- Мохначева М.П.* Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография /Под общ. ред. Ю.Н.Афанасьева. М., 1996. С.78–123.
- Мухамадеев А.И.* Дмитрий Александрович Корсаков, 1843–1919. Казань, 2002.
- Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: Опыт «Русской исторической школы». Казань, 2000.
- Мякотин В.А.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // ИВ. 1890. № 8. С.449–454.
- Назаров В.Д.* Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) // Портреты историков: Время и судьбы /Отв. ред. Г.Н.Севостьянов и Л.Т.Мильская. В 2-х т. М.–Иерусалим, 2000. Т.1. Отечественная история. С.285–303.
- Назин И.С.* Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских архивных комиссий) // АД. 1936. № 2 (39). С.26–37.
- Наука: возможность и границы /Отв. ред. Е.А.Мамчур. М., 2003.
- Невский В.И.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып.1 // Печать и революция. 1923. № 7. С.182–183.
- Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Немилов А.Н.* [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. /Сост. и ред. Т.Н.Жуковская, А.Д.Марголис. СПб., 1997. С.62–67
- Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.
- Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922.

Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // *Историки России. XVIII – начало XX вв.* /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.512-537.

Николаева А.Т. Вопросы историографии русского источниковедения. М., 1970.

Николаева А.Т. Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XIX вв. М., 1975.

Николаева А.Т. Теория и методика источниковедения истории СССР. М., 1988.

Николаева А.Т. Теория и методика советского источниковедения. М., 1975.

Николаи Ф.В. Методологические идеи А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной историографии: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

Новомбергский Н.Я. Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия. Томск, 1910.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768) // *ЧОИДР.* 1895. Кн.2. С.1-422.

Оглоблин Н.Н. Ответ недобросовестному критику (по поводу «Архивного инвентаря Д.Я.Самоковасова») // *Шохин Л.И.* Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999. С.445-466.

Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // *РИЖ.* 1920. Кн.6. С.164-180.

Ольховский Е.Р. А.С.Лаппо-Данилевский и начало преподавания источниковедения // *Историческое образование на рубеже веков: Тезисы докладов науч. конф.* /Отв. ред. А.В.Терещук, Г.А.Тишкин. СПб., 1996. С.66-69.

Осипов И.Д. Политическая культурология А.С.Лаппо-Данилевского // *Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского* /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.247-257 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып.1).

Очерки истории исторической науки в СССР /Под ред. М.В.Нечкиной (гл. ред.), М.А.Алпатовой и др. М., 1963. Т.3.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. /Под ред. А.А.Новосельского и Н.В.Устюгова. М., 1955.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I /Под ред. Б.Б.Кафенгауза и Н.И.Павленко. М., 1954.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. /Под ред. Е.И.Зазерской, С.А.Фейгиной, Л.Г.Бескровного. М., 1957.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. /Под ред. А.И.Барановича, Б.Б.Кафенгауза, П.К.Алиференко, Ю.Р.Клокмана, Е.Н.Кушевой. М., 1957.

Очерки по истории Академии наук. Исторические науки /Под ред. В.П.Волгина; Сост. И.И.Любименко, С.А.Токарев, И.У.Будовниц, В.В.Альтман. М.; Л., 1945.

Панеях В.М. Б.А. Романов об издании судебных книг XV–XVI вв. // *Проблемы социально-экономической истории России: Сб. ст. к 100-летию*

со дня рождения Б.А.Романова /Редкол.: А.А.Фурсенко (отв. ред.). Л., 1991. С.19-29.

Панеях В.М. Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки) // *ВИД.* СПб., 1994. Т.ХХV. С.19-40.

Панеях В.М. Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР // *Россия в XX веке: судьбы исторической науки* /Под общ. ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.686-696.

Панеях В.М. «Настоящая жизнь»: Борис Александрович Романов – студент Петербургского университета. 1906–1911 годы // *Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. к 60-летию И.Я.Фроянова* /Редкол.: В.М.Воробьев (отв. ред.), А.С.Дворниченко (отв. ред.). СПб., 1996. С.723-737.

Панеях В.М. О полемической заметке В.С.Брачева «Возражения критикам» // *Клио.* 1999. № 2 (8). С.362-364.

Панеях В.М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н.Валка // *ВИД.* Л., 1978. Т.Х. С.55-70.

Панеях В.М. Рец. на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1-II // *ОИ.* 1998. № 1. С.136-141.

Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

Пашуто В.Т. А.А.Шахматов – буржуазный источниковед // *ВИ.* 1952. № 2. С.43-73.

Петряев К.Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976.

Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.

Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // *РИЖ.* 1922. Кн.8. С.225-228.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // *Платонов С.Ф.* Соч. /Отв. ред. В.И.Старцев. В 2-х т. СПб., 1993. Т.1. С.37-720.

[*Платонов С.Ф.*]. Новые монографии по истории русского права // *ЮЛ.* 1890. № 11. С.414-422.

Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Литография. СПб., 1905.

Платонов С.Ф. Очерк по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937.

Платонов С.Ф. Рец. на: Пресняков А.Е. Образование Великолукского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918 // *Международная политика и мировое хозяйство.* 1918. Кн.8. С.99-100.

Погодин С.Н. История России в трудах академика А.С.Лаппо-Данилевского (1863–1919) // *Клио.* 1999. № 2 (8). С.28-40

Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках // *Клио.* 1998. № 2 (5). С.14-26.

Погодин С.Н. Рец. на: Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... (Жизнь и деятельность Е.В.Тарле). Орел, 1994; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995 // *ВИ.* 1997. № 6. С.167-169.

Погодин С.Н. Русская школа историков: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский. СПб., 1997.

Покровский М.Н. О книге А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып.1 // *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып.2. С.97-104.

Полевой П.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб., 1887 // ИВ. 1887. № 7. С.209-210.

Попов А.С. Социологическая методология отечественной истории. Историографические очерки. Пенза, 1999.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

[Предисловие] // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV – начала XVI вв. М., 1952. Т.I. С.1-16.

[Предисловие] // Правила издания документов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб.2. С.313-317.

Пресняков А.Е. А.С.Лаппо-Данилевский, как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн.6. С.82-96.

Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [С]Пб., 1922.

Пресняков А.Е. Историческое общество при университете в 1916 г. // РИЖ. 1917. Кн.1-2. С.145-146.

Пресняков А.Е. Новый труд по теории исторической науки // ЖМНП. 1895. № 1. С.188-210. – Рец. на: Lacombe P. De l'histoire consideree comme science. Paris, 1894.

Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918.

Пресняков А.Е. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк дипломатики частных актов. Пг. 1920 // ДД. 1920. Кн.1. С.450-453.

Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под названием «Образование великорусского государства». Пг., 1920.

Пресняков А.Е. Труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории // РИЖ. 1920. Кн.6. С.97-111.

Приймак Н.И. А.С.Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // Петербургские чтения 96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003» /Ред. совет: Т.А.Славина (пред.) и др. СПб., 1996. С.452-455.

Приймак Н.И. А.С.Лаппо-Данилевский и С.Н.Валк (учитель и ученик) // ВСПУ. 1998. Сер.2. История, языковедение, литературоведение. Вып.1. С.8-16.

Приймак Н.И. Материалы по истории Санкт-Петербурга в археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского // Петербургские чтения 97. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003» /Ред. совет: Т.А.Славина (пред.) и др. СПб., 1997. С.410-413.

Приймак Н.И. О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // ВСПУ. 1998. Сер.2. История, языковедение, литературоведение. Вып.4. С.3-8.

Про [Прост] А. Двенадцать уроков истории. М., 2000.

Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века: Сб. ст. /Отв. ред. Л.Б.Баженов. СПб., 1999.

Пронштейн А.П. Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками. М., 1972.

Пронштейн А.П. Истокование исторических источников // ВИ. 1969. № 10. С.69-86.

Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991.

Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971.

Пронштейн А.П. О предмете источниковедения как научной дисциплины // ИСССР. 1977. № 5. С.161-173.

Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986.

Простоволосова Л.Н. О несостоявшемся заседании памяти А.С.Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.276-280.

Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1990.

Простоволосова Л.Н., Станиславский А.М. «Мы учим советских людей, а не древних греков» (из истории советской исторической науки конца 1930–1940-х гг.) // ИСССР. 1989. № 6. С.92-104.

Против антимарксистской концепции М.Н.Покровского: Сб. ст. /Отв. ред. А.Л.Сидоров. М.; Л., 1940. Ч.2.

Против исторической концепции М.Н.Покровского: Сб. ст. /Ред. Б.Д.Греков и др. М.; Л., 1939. Ч.1.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т.XII, вып.1-8. С.7-107.

Райнов Т.И. О философских взглядах и педагогических приемах А.С.Лаппо-Данилевского // ЖМНП. 1915. № 3. С.44-57 отд. паг.

Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1982.

Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999–2000. Ч.1-II.

Рамазанов С.П. Методологические воззрения А.С.Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей // Методологические и историографические вопросы исторической науки /Редкол.: А.И.Данилов (отв. ред.) и др. Томск, 1980. Вып.XIV. С.77-89.

Рамазанов С.П. Русская буржуазная историография и неокантианская теория ценностей: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1981.

Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898 // МБ. 1898. № 7. С.60-62 отд. паг.

Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903

Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908.

Рождественский С.В. Рец. на: Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918 // РИЖ. 1922. Кн.5. С.279-290.

Романов Б.А. А.С.Лаппо-Данилевский в университете (две речи) // РИЖ. 1920. Кн.6. С.181-188.

Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ /Редкол.: Н.Б.Вахтин (отв. ред.) и др. СПб., 2000. Вып. II. С.171-247.

Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ /Редкол.: Н.Б.Вахтин (отв. ред.) и др. СПб., 1999. Вып. I. С.128-165.

Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский как представитель Петербургской исторической школы // Петербургские чтения 97. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003» /Ред. совет: Т.А.Славина (пред.) и др. СПб., 1997. С.413-416.

Ростовцев Е.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский в Петербургском университете // Из истории России: Сб. ст. /Отв. ред. С.Б.Ульянова. СПб., 2003. С.47-66.

Ростовцев Е.А. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. /Сост. и ред. Т.Н.Жуковская, А.Д.Марголис. СПб., 1997. С.70-75.

Ростовцев Е.А. Деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ /Редкол.: Н.Б.Вахтин (отв. ред.) и др. СПб., 2001. Вып. I. С.135-256.

Ростовцев Е.А. Историческая школа А.С.Лаппо-Данилевского // Сборник научных трудов, посвященный 190-летию транспортного образования в России /Отв. ред. Ю.В.Сумеркин. СПб., 1999. С.314-319.

Ростовцев Е.А. Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003» /Ред. совет: Т.А.Славина (пред.) и др. СПб., 1999. С.412-415.

Ростовцев Е.А. Методология истории: Учебно-методическое пособие. СПб., 1998. Ч. I. Общая методология истории.

Ростовцев Е.А. М.М.Ковалевский и А.С.Лаппо-Данилевский в Академии наук // Максим Ковалевский и современная общественная мысль: Тезисы докладов науч. конф. /Редкол.: А.О.Бароноев и др. СПб., 2001. С.51-53.

Ростовцев Е.А. Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // ЖССА. 2000. Т. III, № 4. С.105-121.

Ростовцев Е.А. Направления петербургской исторической школы (А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов) // Гуманитарные исследования: История, теория, практика: Сб. науч. тр. /Отв. ред. Е.А.Ростовцев, А.А.Хлевов. СПб., 2003. С.7-8.

Ростовцев Е.А. Наследие А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.99-142 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I).

Ростовцев Е.А. Новый труд об академике А.С.Лаппо-Данилевском // Клио. 2002. № 4 (19). С.225-233. — Рец. на: Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

Ростовцев Е.А. Основные этапы изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной историографии // Тезисы докладов научно-методической конференции, посвященной 190-летию транспортного образования /Отв. ред. Ю.В.Сумеркин. СПб., 1999. Ч. I. С.226-228.

Ростовцев Е.А. [Предисловие] / *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.354-359 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I).

Ростовцев Е.А. Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского в контексте методологии истории петербургской исторической школы // Гуманитарные исследования: История, теория, практика: Сб. науч. тр. /Отв. ред. Е.А.Ростовцев, А.А.Хлевов. СПб., 2003. С.21-25.

Ростовцев Е.А. Термин «Петербургская историческая школа» в историографических источниках // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003» /Ред. совет: Т.А.Славина (пред.) и др. СПб., 1999. С.415-418.

Ростовцев Е.А. Учебный курс методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского // Научно-методическая конференция—98: Тезисы докладов /Отв. ред. А.С.Бутов. СПб., 1998. Ч. I. С.46.

Ростовцев М.И. Мученики науки в Советской России // *Ростовцев М.И.* Политические статьи. СПб., 2002. С.94-105.

Ростовцев М.И. Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег) // *Ростовцев М.И.* Политические статьи. СПб., 2002. С.105-111.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Пг., 1925.

Рубинштейн Н.Л. В.О.Ключевский (1841—1911 гг.) // *Ключевский В.О.* Курс русской истории /Ред. Н.Л.Рубинштейн. М., 1937. Ч. I. С. III-XVIII.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.

Румянцева М.Ф. Историческая антропология в условиях метарассказа // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С.15-21.

Румянцева М.Ф. Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // ВИ. 1999. № 8. С.138-146.

Румянцева М.Ф. Философское понимание индивидуальности как предпосылка становления антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докладов и сообщений науч. конф., Москва, 4–6 февраля 1998 г. /Редкол.: О.М.Медушевская (отв. ред.) и др. М., 1998. С.26-31.

Румянцева М.Ф. Эпистемологическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского в контексте европейской философии второй половины XIX — начала XX века // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.258-260 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I).

Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000.

Русская историография: Учеб. пособие /Ред. В.Е.Иллерицкий, И.А.Кудрявцев. М., 1960. Вып. III. Русская историография периода империализма.

Русские и советские ученые на международных конгрессах историков // ВИ. 1955. № 8. С.230-233.

Саар Г.П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930.

Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. I.

Санцевич А.В. Методика исторического исследования. Киев, 1984.

Сарбей В.Г. 3 історії утвердження російської мови на міжнародних конгресах істориків // Український історичний журнал. 1960. № 4. С.140-144.

Сафронов Б.Г. Н.И.Кареев о структуре исторического знания. М., 1994.

Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. /Подгот. текста, статьи и прим. М.Б.Свердлова. М., 1993. С.506-564.

Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб., 1996.

Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева. СПб., 1995.

Свешников А.В. Образ А.С.Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П.Карсавина // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.308-315 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I).

Селезнев М.С. К истории преподавания курса «Археология» в МГИИИ // ОА. 1993. № 5. С.59-62.

Селезнев М.С. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и первые шаги советской археологии (1917—1920 гг.): Учеб. пособие. М., 1960.

Семенов-Зусер С.А. Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Харьков, 1947. Ч. I.

Сидельников Р.А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С.Лаппо-Данилевского // Российские университеты XIX—XX вв.: Сб. науч. ст. /[Редкол.: В.И.Чесноков (отв. ред.) и др.]. Воронеж, 1993. Вып. I. С.140-149.

Сидненко Т.И. Петербургская школа историков (либеральное направление) // Клио. 2002. № 4 (19). С.24-27.

Сидоров А.В. Марксистская историографическая мысль 1920-х гг. М.; Симферополь, 2000.

Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии в 1920-е годы: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

Сидоров Н.И., Чаев Н.С. Краткая опись рукописей А.С.Лаппо-Данилевского, хранящихся в библиотеке Академии наук СССР // Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С.38-54.

Сидорова Л.А. Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50-х — 60-х годов // Проблемы источниковедения и историографии:

Материалы II науч. чтений памяти академика И.Д.Ковальченко [/Отв. ред. С.П.Карпов]. М., 2000. С.401-409.

Сидорова Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50—60-х гг. // Россия в XX веке: судьбы исторической науки /Под общ. ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.705-710.

Синицын О.В. Историк среди историков: теоретико-методологические труды А.С.Лаппо-Данилевского в оценке Н.И.Кареева // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.143-147 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I).

Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX — начале XX вв. Казань, 1998.

Синицын О.В. О возникновении неокантианского течения в русской историографии // Изучение и преподавание историографии в высшей школе /Редкол.: В.В.Сергеев (отв. ред.) и др. Калининград, 1991. С.67-72.

Синицын О.В. Особенности развития отечественной историографии начала XX века: вопросы теории и метода // Историческая наука в меняющемся мире /Редкол.: И.И.Шарифжанов и др.]. Казань, 1993. Вып. I. С.88-90.

Синицын О.В. Соотношение истории и теории в русской буржуазной неокантианской историографии периода империализма: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.

Слонимский А.Г. Основание исторического общества при Петербургском университете // Уч. зап. ист. ф-та Таджикского гос. у-та. Душанбе, 1974. Вып. I. С.22-41.

Слонимский А.Г. Участие российских ученых в международных конгрессах историков // ВИ. 1970. № 7. С.95-108.

Соболев В.С. Для будущего России: Деятельность Академии наук по сохранению национального и культурного наследия, 1890—1930 гг. СПб., 2002.

Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. М., 1969.

Соколов В.Ю. К вопросу о возникновении понятия «советская историография» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки /Под общ. ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.388-397.

Сорокина М.Ю. Академик А.С.Лаппо-Данилевский и его «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 3 (32). С.106-118.

Софинов П.Г. Из истории дореволюционной археологии. М., 1957. Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века /Под ред. Б.А.Чагина. Л., 1978.

Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 г. М., 1975. С.38-55.

Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967.

Сторожев В.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // ЮВ. 1890. № 7. С.462-474.

Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР. Период империализма: конец XIX в. — 1917 г. М., 1962.

Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР периода империализма: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1962.

Стрельский В.И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961.

Стрельский В.И. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968.

Тараторкин Ф.Г. А.С.Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.270–273.

Тарле Е.В. Международный исторический конгресс в Лондоне (3–9 апреля н. ст. 1913 г.) // НИЖ. 1913. Т.1, вып.1. С.130–133.

Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т.1.

Тихонов И.Л. Взгляды и труды А.С.Лаппо-Данилевского в области археологии // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. /Сост. и ред. Т.Н.Жуковская, А.Д.Марголис. СПб., 1997. С.15–27.

Тихонов И.Л. Деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии /Отв. ред. И.С.Каме-нецкий, А.А.Формозов. М., 1998. Вып.11. С.154–166.

Томсинский С.Г. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.120.

Трапиш Н.А. К вопросу о генезисе историософских и методологических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2000. № 4. С.3–10.

Трапиш Н.А. Эволюция научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII–XVIII вв.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2001.

Трибунский П.А. П.Н. Милюков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. науч. тр. кафедры Древней и средневековой истории Отечества /Редкол.: Н.Н.Репин и др. Рязань, 2001. Вып.1. С.5–12.

Трибунский П.А. Эпистолярные материалы А.С.Лаппо-Данилевского в Российском государственном архиве литературы и искусства // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.316–343 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып.1).

Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1933. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. док. /Сост. В.М.Орел, Г.И.Смагина. СПб., 2003. С.637–659.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

Томенев А.И. Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке // ИМ. 1929. № 12. С.153–184.

Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973

Усанов В.И., Лабузов В.А. Историография отечественной истории: с древнейших времен до 1917 года. Курс лекций. Оренбург, 2000. Ч.2. Эпоха капитализма.

[*Успенский А.И.*] [Предисловие с примечаниями А.С.Лаппо-Данилевского] / «Мостовые и решеточные деньги» в Новгороде и Москве в XVII веке. Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVIII века, сообщенные А.С.Лаппо-Данилевским и И.Н.Миклашевским // Записки АН по ИФО. 1902. VIII серия. Т.V, № 4. С.1–4.

Федотов Г.П. Россия Ключевского // СЗ. 1932. Т.1. С.340–362.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Философские проблемы исторической науки /Отв. ред.: А.В.Гулыга, Ю.А.Левада. М., 1969.

Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Казань, 1902.

Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999.

Хартанович М.Ф. Предисловие // Летопись Российской Академии наук /Отв. ред. М.Ф.Хартанович. В 4-х т. СПб., 2003. Т.III. 1861–1900. С.5–12.

Хвостов М.М. Международный исторический конгресс в Берлине. 6–12 августа 1908 г. Казань, 1909.

Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995.

Хмылев Л.Н. А.С.Лаппо-Данилевский и проблема теории источниковедения // Методологические и историографические вопросы исторической науки /Редкол.: А.И.Данилов (отв. ред.) и др. Томск, 1976. Вып.11. С.108–117.

Хмылев Л.Н. Методологические аспекты кризиса русской либеральной русской историографии (конец XIX – 1917 г.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971.

Хмылев Л.Н. Методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского // Доклады II конференции молодых ученых по общественным наукам /Редкол.: В.Н.Сагатовский (отв. ред.) и др. Томск, 1973. Вып.11. Секция философии и научного коммунизма. С.173–176.

Хмылев Л.Н. Методологические аспекты исторической науки на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке: судьбы исторической науки /Под общ. ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.225–229.

Хмылев Л.Н. Проблема соотношения субъекта и объекта в историческом познании в русской либеральной историографии конца XIX – начала XX века // Материалы научной конференции по итогам научно-исследовательских работ Томского института электроники и электронной техники за 1962–1968 гг. (секция гуманитарных наук) /Редкол.: Г.М.Иванов (отв. ред.) и др. Томск, 1970. С.23–31.

Хмылев Л.Н. Проблемы методологии в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX века. Томск, 1978.

Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX века: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1985.

Хорхордина Т.И. История отечества и архивы. М., 1994.

Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.

Хрестоматия по археографии: Пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института /Под ред. Г.Д.Костомарова. М., 1955.

Цамутали А.Н. А.С.Лаппо-Данилевский и его наследие // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского /Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003. С.7-14 (СПб. чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I).

Цамутали А.Н. Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // Историки России. XVIII — начало XX века /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.499-511.

Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

Цамутали А.Н. В.О.Ключевский и петербургские историки // Ключевский: Сб. материалов [Редкол.: С.О.Шмидт (отв. ред.) и др.]. Пенза, 1995. Вып. I. С.282-289.

Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII — начало XX века /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.538-552.

Цамутали А.Н. Особенности развития русской историографии в конце XIX — начале XX века // Историческое познание: традиции и новации: Тезисы международной теоретической конф., Ижевск, 26–28 октября 1993 г. /Сост. и общ. ред. В.В.Иванова, В.В.Пузанова. Ижевск, 1993. Ч. I. С.166-168.

Цамутали А.Н. Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга /Под ред. С.А.Кугеля. СПб., 1993. Ч. I. С.138-142.

Цаплин В.В. Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. // ОА. 1993. № 5. С.42-55.

Цветаев Д.В. Новые издания МАМЮ // РИЖ. 1917. Кн. 1-2. С.151-162.

Цвибак М.М. Доклад «Платонов и его школа» [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.100-111.

Цвибак М.М. Заключительное слово [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.122-125.

Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С.30-51.

Черепнин Л.В. К вопросу о методологии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории /Редкол.: Н.И.Павленко (отв. ред.) и др. М., 1973. Вып. I. С.32-63.

Черепнин Л.В. Конспект курса «Источниковедение» /Сост. Е.Н.Данилова. М., 1946.

Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е.Преснякова // ИЗ. М., 1950. Т.33. С.201-231.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1; 1951. Ч. 2.

Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие // *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С.3-16.

Чернобаев А.А. А.С.Лаппо-Данилевский в дореволюционной русской историографии // История и политика: методология, историография, практика: Материалы всерос. науч.-практ. конф. /Редкол.: Б.П.Шулындин и др. Нижний Новгород, 1997. С.32-34.

Чернобаев А.А. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) // Историки России: Биографии /Сост., отв. ред. А.А.Чернобаев. М., 2001. С.395-402.

Чернов С.Н. Рец. на: Русский исторический журнал. 1920. Кн.6 // ДД. 1922. Кн.3. С.173-181.

Чернуха В.Г. Жизненный путь С.Н.Валка (13 декабря 1887 — 5 февраля 1975 г.) // ИИ. 1978. М., 1981. С.171-181.

Чернуха В.Г. Спигизмунд Натанович Валк (1887–1975) // Историки России. XVIII–XX вв. /Сост. и отв. ред. А.А.Чернобаев. М., 1996. Вып. III. С.94-103.

Чернышев Е.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк дипломатики частных актов. Пг. 1920 // Казанский библиофил. 1922. № 3. С.53.

Черняк В.С. Особенности современных концепций развития науки // В поисках теории развития науки (Очерки западноевропейских и американских концепций XX века) /Отв. ред. С.Р.Микулинский, В.С.Черняк. М., 1982. С.12-50.

Чечулин Н.Д. Введение // Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения /Под ред. Н.Д.Чечулина. СПб., 1907. С. I-CLIV.

Чечулин Н.Д. К вопросу о населенности посадского двора // ЖМНП. 1891. № 3. С.18-29 отд. паг.

Чечулин Н.Д. Очерки истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

Чирков С.В. А.С.Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.263-268.

Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.19-27.

Чирков С.В. [Выступление на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С.Н.Валка] // АЕ за 1976 г. М., 1977. С.309-310.

Чирков С.В. К истории разработки правил издания исторических документов в начале XX в. // АЕ за 1984 г. М., 1986. С.64-74.

Чирков С.В. Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России. XIX — начало XX века /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.553-576.

Чумакова Т.В. Арист Аристович Куник // *Гиппинг А.И.* Введение в историю Санкт-Петербурга или Нева и Ниеншанц /Подгот. текста В.А.Вальковской. М., 2003. С.403-406.

Чумаченко Э.Г. В.О.Ключевский — источниковед. М., 1970.

Шаблаева Н.К. Планы и карты Ниеншанца (Канцев): историко-библиографическое обозрение // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003» /Ред. совет: Т.А.Славина (пред.) и др. СПб., 1999. С.427-430.

Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993.

Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962.

Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

Шестаков А.В. Методика исторического исследования (из опыта для опытов). Воронеж, 1929.

[Шикло А.Е.] А.С.Лаппо-Данилевский // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX — начало XX в.) /Сост. А.Е.Шикло; Под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1985. С.125-126.

Шилов А.А., Андреев А.И. Лекции и практические занятия А.С.Лаппо-Данилевского в Петроградском университете // РИЖ. 1920. Кн.6. С.42-43.

Шилов А.А., Андреев А.И. Список трудов А.С.Лаппо-Данилевского // Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С.9-37

Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое крупным планом — современные исследования по микроистории /Под общ. ред. М.М.Крома и др. СПб., 2003. С.7-26.

Шмидт С.О. А.С.Лаппо-Данилевский на рубеже веков // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.229-237.

Шмидт С.О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение: Сб. ст. М., 1997.

Шмидт С.О. [Вступительное слово на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С.Н.Валка] // АЕ за 1976 г. М., 1977. С.289-296.

Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф.Платонова в контексте проблемы «Петербург — Москва» // Россия в IX—XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения: [Сб. ст. и тезисов докладов Вторых чтений, посвященных памяти А.А.Зиминой, Москва, 26—28 янв. 1995 /Сост. С.М.Каштанов]. М., 1999. С.533-537.

Шмидт С.О. Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917—1987 гг.) /Под ред. К.Б.Гельман-Виноградова, Б.С.Илизарова. М., 1989. С.215-227.

Шмидт С.О. К изучению истории советской археографической культуры (к юбилею Д.С.Лихачева) // Литература и искусство в системе культуры: Сб. ст., посвященный 80-летию академика Д.С.Лихачева /Отв. ред. Б.Б.Пиотровский. М., 1988. С.487-494.

Шмидт С.О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: Материалы юбилейной науч. конф. архивистов Ленинграда. 13—14 июня 1968 г. [Редкол.: И.Н.Соловьев (отв. ред.) и др.]. Л., 1970. С.19-35.

Шмидт С.О. Привлечение интеллигенции к архивному строительству // Интеллигенция и революция. XX век: Сб. ст. /Отв. ред. К.В.Гусев. М., 1985. С.163-170.

Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов (1860-1933) // Портреты историков: Время и судьбы /Отв. ред. Г.Н.Севостьянов и Л.Т.Мильская. В 2-х т. М.—Иерусалим, 2000. Т.1. Отечественная история. С.100-135.

Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы /Редкол.: С.О.Шмидт (отв. ред.) и др. М., 1969. С.7-58.

Шмидт С.О. Традиции русской филигранологии в современной отечественной археографии // Филигранологические исследования. Теория. Методика. Практика [Редкол.: С.О.Шмидт (отв. ред.) и др.]. Л., 1990. С.6-13.

Шмурло Е.Ф. Об учреждении русской исторической комиссии в Риме. М., 1900.

Шохин Л.И. Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX века. М., 1999.

Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С. 45-61.

Юдельсон А.В. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время исторической «оттепели» // Образы историографии: Сб. ст. /Науч. ред. А.П.Логунов. М., 2001. С.145-172.

Якубовская С.И. Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР /Под ред. М.П.Кима и Ю.С.Борисова. М., 1962. С.191-197.

Янсон Ю.Э. Теория статистики. СПб., 1913.

Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке /Под ред. С.Л.Микулинского и др. М., 1977. С.7-97.

Ястребов В.Н. Рец. на: *Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К.* Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. СПб., 1894 (Материалы по археологии России /Изд. имп. Археологической комиссии. № 13)// Киевская старина. 1895. Кн.1. С.20-34.

Anan'ich B.V., Paneyah V.M. The St. Petersburg School of History and its Fate // Russian Studies in History. 1998. Vol.36, № 4. P.72-92;

Anan'ich B.V., Paneyakh V.M. The St. Petersburg School of History and its Fate // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State /Ed. by T.Sanders. Armonk—N. Y.—Lnd., 1999. P.146-162.

Barnes B. About Science. Oxford, N. Y., 1985.

Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Lnd., 1976.

Droysen J.G. Gründriss der Historik. Berlin, 1882.

Fuller S. Philosophy of Science and its Discontens. Boulder, 1989.

Laudan L. Science and Relativism (Some Key Controversies in the Philosophy of Science). Chicago, 1990.

Main Trends of Research in Social and Human Sciences. Hague, 1970. Pt.1. Vol.1-2; Pt.2. Vol.1-2.

Platonov S.F. History of Russia. N. Y., 1925.

Sciences and Cultures. Antropological and Historical Studies of Science /Ed. by E.Mendelson and Y.Elkana. Dordrecht, 1981.

Tsamutali A.N. Sergei Fedorovich Platonov (1860—1933) // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State /Ed. by T.Sanders. Armonk—N. Y.—Lnd., 1999. P.311-331.

1. Архивохранилища

АРАН – Архив Российской Академии наук
Архив СПб. ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПФА РАН – Петербургский филиал архива Российской Академии наук
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

2. Печатные издания

АД – Архивное дело
АЕ – Археографический ежегодник
БК – Борьба классов
ВЕ – Вестник Европы
ВИ – Вопросы истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники
ВЛ – Вестник литературы
ВМУ – Вестник Московского университета
ВСПУ – Вестник Санкт-Петербургского университета
ГМ – Голос минувшего
ДД – Дела и дни (Пг.)
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЖСПНОО – Журнал Санкт-Петербургского юридического общества
ЖССА – Журнал социологии и социальной антропологии (СПб.)
Записки АН по ИФО – Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению
ЗРАГ – Записки Русской академической группы в США
ИА – Исторический архив
ИАН – Известия имп. Академии наук (Известия Академии наук)
ИВ – Исторический вестник
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ – Исторические записки
ИИ – История и историки: Историографический ежегодник
ИМ – Историк-марксист
ИО – Историческое обозрение: Сборник Исторического общества при имп. Санкт-Петербургском (Петроградском) университете
ИСССР – История СССР
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КР – Книга и революция
ЛЗАК – Летопись занятий имп. Археографической комиссии
МБ – Мир божий
НВ – Новое время
НИЖ – Научный исторический журнал
ННИ – Новая и новейшая история
НЧ – Новый часовой (СПб.)
ОА – Отечественные архивы
ОИ – Отечественная история
ПМ – Проблемы марксизма
РВед – Русские ведомости
РИЖ – Русский исторический журнал
РМ – Русская мысль
СЗ – Современные записки (Париж)
Сообщения ГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом)
АН СССР
Труды МГИАИ – Труды Московского государственного историко-архивного института
ЧОИДР – Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских
ЮЛ – Юридическая летопись (СПб.)

Автократов В.Н. 290
 Адарюков В.Я. 179
 Аделунг Ф.П. 59
 Айзенберг А. 247, 248, 283
 Александров А.А. 179, 219, 272, 274, 291
 Александров Б.В. 110
 Александров Д.А. 25, 26, 49
 Алексеева Г.Д. 222, 259, 271, 287
 Алексей Михайлович 163, 165
 Алиференко П.К. 285
 Алленова В.А. 222
 Альтман В.В. 284
 Альшиц Д.Н. 35, 39, 42, 50, 51
 Ананьич Б.В. 18, 26, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 43, 46, 49, 50, 283, 293
 Андреев А.И. 42, 85, 89, 107, 130, 140, 162, 210, 219, 227, 232, 237, 238, 242, 243, 245, 246, 250, 251, 253, 254, 279, 280, 282, 283
 Анна Иоанновна 182
 Антонович В.Б. 186, 220
 Антощенко А.В. 212
 Ардашев П.Н. 223
 Арсеньев А.С. 287

Бабич М.В. 217
 Багалей Д.И. 22
 Байер Г.З. 193
 Байлов А.К. 189, 203
 Баклунд О.А. 223
 Баранович А.И. 285
 Барсков Я.Л. 85, 86, 95, 169, 175, 221, 230, 279
 Бартольд В.В. 86, 142, 202, 203
 Барышникова Л.Н. 275, 292
 Басаргина Е.Ю. 213
 Бауэр В.В. 58
 Бахрушин С.В. 57
 Башляр Г. 48
 Бекариюкова Е.Д. – см. Лаппо-Данилевская Е.Д.
 Бекариюковы 71
 ал-Бекри 155, 214
 Беленький И.Л. 22, 48, 268, 272, 274, 286, 288, 289, 291
 Белопольский А.А. 219
 Беляев И.Д. 157

Бем А.Л. 196
 Бенешевич В.Н. 85, 163-166, 189, 196, 217
 Берг Л.С. 219
 Бердников Я.И. 58
 Бернгейм Э. 103, 113, 122, 249
 Бернулли Д. 193
 Берус В.В. 275, 292
 Бершадский С.А. 64, 65
 Бескровный Л.Г. 285
 Бестужев-Рюмин К.Н. 28, 30, 32, 38, 45, 53, 58, 60-63, 72, 77, 78, 85, 93, 99, 105, 106, 140, 142, 295
 Бетлинг О.Н. 142
 Бецкой И.И. 189, 190, 221
 Блинов И.А. 179
 Блок М. 298
 Бобринский А.А. 202
 Боголепов Н.П. 112
 Богомолов А.И. 18
 Богословский М.М. 31, 57, 85, 95, 169, 189, 259
 Бодуэн де Куртенэ И.А. 84
 Болдырев Н.В. 238, 282
 Болеслав-Юрий II 152, 153, 214
 Большаков А.М. 244, 283
 Борисьяк А.А. 219
 Бородин А.В. 85, 167, 168
 Бородин И.П. 197
 Борсук В.Н. 85, 153, 242
 Браун Ф.А. 155, 156, 215
 Брачев В.С. 26, 38-42, 50, 51, 87, 105, 107-110, 133, 170, 209, 272, 282, 290
 Брейзинг К. 117, 202
 Бродель Ф. 298
 Брокгауз Ф.А. 112, 225, 279
 Брун Ф.К. 155
 Бубнов Н.М. 102
 Буганов В.И. 258, 286
 Будовниц И.У. 252, 284, 285
 Бузескул В.П. 219
 Бульгин И.А. 258, 286
 Бутру Э. 184, 185, 220
 Быковский С.Н. 246, 247, 283
 Бычков А.Ф. 58, 173, 178
 Бычков И.А. 173, 174, 179
 Бычков С.П. 23, 44-46, 48, 52, 293

* В указатель включены имена реальных исторических лиц и псевдонимы из основного текста книги и примечаний, кроме А.С.Лаппо-Данилевского. В указатель не включены имена, присвоенные учебным заведениям, наградам и премиям.

Бэкон Ф. 119
 Бюльфингер Г.Б. 193

Вайнштейн О.Л. 266, 289
 Валк С.Н. 26, 28, 29, 31-33, 36, 40, 42, 43, 49, 50, 57, 82, 85, 89, 93, 105, 106, 109-111, 130, 132, 140, 143, 149, 163, 170, 209, 213, 215-219, 232, 236-238, 242, 244, 245, 248, 250-257, 259, 260, 263, 264, 266, 269, 270, 273, 275, 281-285, 287-289, 291
 Вандалковская М.Г. 220
 Варадинов Н.В. 264, 265, 288
 Варшавчик М.А. 262, 269, 288
 Васенко П.Г. 84
 Васильев А.А. 85, 202
 Васильев А.В. 179
 Васильев В.И. 104
 Васильевский В.Г. 28, 29, 32, 38, 53, 58, 61-65, 75-77, 80, 82, 84, 85, 91, 93, 97, 99, 105, 109, 112, 140-142, 181, 202, 211, 213, 251, 295
 Введенский А.А. 140, 245, 248, 257, 284, 286
 Введенский А.И. 76, 92, 102
 Вебер М. 298
 Веретенников В.И. 89, 107, 110, 227, 232, 235, 236, 242, 281
 Вернадский В.И. 54, 59, 105, 145, 197, 271, 273
 Вернадский Г.В. 22, 29, 48, 49, 85, 167-169, 204, 224, 231, 279, 280
 Верховский П.В. 167, 168, 189, 217
 Веселовский А.Н. 63
 Веселовский Б.Б. 146
 Веселовский К.С. 111, 112, 141, 150, 192, 211, 213, 221
 Веселовский С.Б. 100, 113, 196
 Видеман Ф.И. 142
 Виеркандт Г. 118
 Вико Д. 116
 Виктор, принц Неаполитанский 150
 Виндельбанд В. 119, 120, 233, 239
 Виноградов П.Г. 31, 142, 146-148, 202, 212, 213, 220, 223
 Виоллэ П. 184, 220
 Виппер Р.Ю. 259
 Витте С.Ю. 170
 Владиславлев М.И. 53
 Вознесенский С.В. 179
 Волгин В.П. 284
 Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Аруэ) 190
 Вольтер Э.А. 85, 152, 214
 Вольф К.Ф. 193
 Воронов Е.П. 283
 Вреден Э.Р. 104
 Вундт В. 116, 177, 295

Г. 279
 Гавриил Константинович 109
 Гайденок П.П. 48
 Ганелин Р.Ш. 284
 Гасилов В.Б. 23, 48
 Гегель Г.В.Ф. 119, 157, 201
 Гедонов С.А. 154, 155
 Гейден А.Ф. 54
 Гейман В.Г. 250
 Гельвеций К.А. 190
 Георгиева Н.Г. 46, 52
 Георгиевский Г.П. 179

Гердер И.Г. 118
 Геродот 280
 Герье В.И. 90
 Гессен В.М. 76, 198
 Гессен С.И. 146
 Гефтер М.Я. 286
 Гиппинг А.И. (Гиппинг А.-И.) 152, 154, 214
 Гирке О. 184, 220
 Глинка К.Д. 219
 Глубоковский Н.Н. 180, 203, 219
 Гнатюк Л.В. 110
 Голдер Ф.А. 87, 110, 204, 224
 Голицын Б.Б. 189
 Голицын Н.В. 179
 Голосенко И.А. 106, 267, 289
 Гольмстен А.Х. 109
 Гонсиоровский О. 152
 Горелова С.И. 218
 Городецкий В.С. 258, 287
 Горяинов С.М. 85, 175, 189
 Готье Ю.В. 57, 285
 Грабарь В.Э. 212
 Градовский А.Д. 54
 Грановский Т.Н. 57, 102, 105
 Гревс И.М. 21, 32, 35, 46, 48, 54, 55, 61, 62, 64, 72, 74, 76, 79-81, 84, 86, 97, 104, 105, 107-110, 112, 135, 177, 202, 203, 210, 211, 232-235, 238, 240, 241, 253, 268, 273-275, 280, 281
 Гревс М.С. 72, 107, 110, 111
 Греков Б.Д. 85, 86, 178, 231, 232, 250, 255, 279, 280, 285
 Грехова Г.И. 266, 289
 Гримм Э.Д. 61, 84, 86, 196, 198, 202
 Грот Д. 53
 Грушевский М.С. 98, 112, 154, 214
 Грушин Б.А. 286
 Гуковский А.И. 251
 Гулыга А.В. 258, 259, 267, 286, 289
 Гуревич А.Я. 259, 284, 287
 Гусман Л.Ю. 18
 Гутнов Д.А. 31, 50
 Гутнова Е.В. 36, 50

Дайси А.В. 184, 185, 220
 Данилевский И.Н. 274, 286
 Данилевский Н.Я. 60, 118
 Данилова Е.Н. 254, 284
 Дворниченко А.Ю. 45, 51, 52
 Дегтярева Р.В. 19
 Демина Л.И. 106
 Денисов В.П. 155, 170
 Дербов Л.А. 286
 Десницкий С.Н. 174, 218
 Дидро Д. 116
 Дильтей В. 102, 295
 Дмитриев А.Н. 18, 48
 Дмитриев-Мамонов А.М. 178
 Добиащ-Рождественская О.А. 35, 86, 177, 219
 Добрушский Е.М. 274, 291
 Додонов И.К. 255
 Дорошенко Н.М. 274, 292
 Дройзен И.Г. 103, 113
 Дружинин В.Г. 21, 48, 54, 60, 62, 64, 65, 74, 83, 101, 105, 107, 109, 134, 139, 154, 211, 214, 240, 282
 Дубенцов Б.Б. 18, 35, 50

Дубровин Н.Ф. 97, 111, 112, 141-143, 151, 171, 174, 175, 185, 189, 211, 213, 215, 216, 218, 220
 Дунаева Ю.В. 110
 Дьяков В.А. 284
 Дьяконов М.А. 59, 61, 62, 70, 71, 73, 85-87, 91, 96, 97, 101, 105-107, 111-113, 142, 144-146, 148, 160, 163-165, 175, 176, 183, 189, 196-198, 200, 202, 203, 212, 213, 217, 219, 220, 225, , 230, 241, 279
 Дюркгейм Э. 24, 102, 118, 298

Екатерина II 163, 165-167, 169, 170, 175, 190, 191, 197, 210, 217, 218, 220, 221, 278, 279
 Елистратов Н.А. 254
 Есаков В.Д. 219, 274, 291
 Есенгараев Е.Ж. 106
 Ефременков Н.В. 284
 Ефрон И.А. 112, 225, 278

Жебелев С.А. 61, 86, 109, 180, 202, 219, 280
 Жижиленко А.А. 85, 167, 168
 Жуков Е.М. 286
 Жукович П.Н. 176, 189, 218
 Жуковский Т.Н. 18, 36, 37, 50, 104
 Журавлев Л.А. 259, 286, 287
 Журавский Д.П. 264, 265, 288

Забелин И.Е. 187, 220
 Заболотный Е.Б. 293
 Захаржевский А.Г. 18
 Залеман К.Г. 111, 112, 142, 149, 196, 203, 212, 215, 216, 223
 Залесский М.Д. 219
 Замысловский Е.Е. 53, 56, 58-63, 93, 106, 107
 Заозерская Е.И. 285
 Зашихин А.Н. 46, 52, 293
 Здравомыслов К.Я. 179, 189
 Зеньковский В.В. 113
 Зимин А.А. 255, 256, 286
 Зиммель Г. 24, 102, 119, 298
 Злотников М.Ф. 85, 89, 227, 242
 Золколл Т. 49
 Золотарев В.П. 90, 110, 111

Иванов Г.М. 262, 266, 271, 272, 288
 Иванова Л.В. 222, 268, 289
 Иверсен Ю.Б. 152, 214
 Извольский А.П. 170
 Измозик В.С. 222
 Иконников В.С. 97, 102, 113
 Иллерицкая Н.В. 48
 Иллерицкий В.Е. 52, 255, 263, 285, 286, 288, 289
 Иоанн Алексеевич 178
 Иоанн Константинович 109
 Ирчек Г. (Иречек К.И.) 187, 220
 Истрин В.М. 197

Кабанов В.В. 274
 Каганович Б.С. 18, 26, 34, 38, 50, 51, 284
 Кавелин К.Д. 57, 107
 Казаков Р.Б. 290
 Калашников Г.В. 18
 Калистратова Т.И. 274, 291
 Камардина О.В. 221
 Камынин В.Д. 293
 Кан А.С. 108, 266, 289

Кант И. 69, 116, 119, 227
 Кареев Н.И. 21, 42, 44, 46, 48, 53, 63-65, 69, 70, 72-74, 79, 80, 86, 90-93, 106, 110, 111, 132, 146, 177, 180, 182, 183, 202, 203, 209, 219, 226, 231-233, 245, 262, 273-275, 279, 280, 291-293
 Карл XI 178
 Каро Я. 186, 220
 Карпинский А.П. 200
 Карпов А.В. 18
 Карсавин Л.П. 21, 48, 86, 196, 203, 232, 241, 280, 292, 297
 Карташев А.В. 85, 167, 168
 Кауфман А.А. 74, 79, 86, 189, 219, 264, 265
 Кафенгауз Б.Б. 285
 Каштанов С.М. 256, 257, 260, 265, 271, 281, 286, 287
 Келле В.Ж. 286
 Келер Е.Е. 58
 Кизеветтер А.А. 57, 85, 95, 166, 167, 178, 181-183, 189, 217, 220, 226, 227, 259, 279
 Киреева Р.А. 97, 105, 111, 112, 261, 287, 288
 Кистерев С.Н. 37, 50
 Кистьяковский Б.А. 102, 267
 Клейн Л.С. 266, 289
 Клибанов А.И. 135, 210, 271, 290
 Клокман Ю.Р. 285
 Клочков М.В. 85, 163, 166
 Ключевский В.О. 22, 27-32, 35, 38, 45, 47, 49, 57, 63, 70, 93-100, 106, 111, 112, 136, 160, 161, 199, 210, 212, 216, 238, 246, 249, 268, 284, 291, 295
 Князев Г.В. 286
 Кобеко Д.Ф. 187, 220
 Ковалевский М.М. 42, 46, 86, 142, 146, 148, 202, 203, 213, 291, 294
 Ковальзон М.Я. 286
 Ковальченко И.Д. 288, 289
 Койре А. 48
 Коковцев П.К. 142
 Колеров А.М. 275, 292
 Коллингвуд Р.Дж. 24, 103, 113, 298
 Кольцов А.В. 258, 286
 Кондаков Н.П. 197
 Кондратьев Н.Д. 229-231, 261, 267, 279
 Кондорсе М.Ж.А.Н. 116
 Кононов А.А. 18
 Кононова Н.Н. 106
 Коноплев Н.С. 48
 Константин Константинович 84, 108-110, 150, 175, 213
 Конт О. 53, 113, 117-119, 185, 233, 274, 279
 Копанев А.И. 109, 112, 170, 213, 215, 216, 266, 289
 Копелев Д.Н. 18
 Копосов Н.Е. 49, 113
 Коргонок Ю.Г. 110
 Корзун В.П. 23, 26, 43-46, 48, 52, 90, 105, 110, 113, 222, 272, 274, 275, 291-293
 Коркунов Н.М. 75, 76
 Корнилов А.А. 46, 179
 Корсаков Д.А. 182, 189, 219
 Корф С.А. 179
 Коршунов А.М. 286
 Косолапов В.В. 286, 288, 289
 Костомаров Г.Д. 285
 Котляров Г.М. 154, 227, 237, 282
 Котов В.Н. 286

Кохлер Л. 118
 Кочин Г.Е. 249, 250, 284
 Кравченко Е.А. 223
 Крафт Г.В. 193
 Кривошеев Ю.В. 34, 35, 50
 Кром М.М. 18, 49
 Кроче Б. 24, 103, 113, 298
 Круг Ф.И. 58
 Крылов И.А. 75
 Кудрявцев И.А. 52, 255, 286, 289
 Кузнецова Н.В. 18
 Куланж Ф., де 54
 Куликов С.В. 18
 Куломзин А.Н. 110, 194
 Кульман Н.К. 75, 84
 Куманин Л.К. 77, 78
 Кун В.Н. 85, 89, 226, 227, 279
 Кун Т. 23, 25, 48, 49
 Куник А.А. 58, 82, 93, 97, 142, 151-157, 178, 213-215, 235
 Курнаков Н.С. 200
 Курносов А.А. 256, 274, 286, 291
 Куторга М.С. 43, 57, 58
 Кушева Е.Н. 285
 Куц О.Ю. 18

 Лабузов В.А. 293
 Лависс Э. 184, 220
 Лаврова Н.Н. 213
 Лазарев П.П. 219
 Лайтко Г. 48
 Лакатос И. 23, 48
 Лакомб П. 75, 108
 Ламанский В.И. 61, 63, 80, 104, 278
 Лампрехт К. 117, 118, 202
 Ланглау Ш. 103, 122, 249, 298
 Лапин В.В. 19
 Лаппо И.И. 77, 85, 169, 189
 Лаппо Ф.И. 285
 Лаппо-Данилевская Е.Д. 48, 105, 107-109
 Лапшин И.И. 79, 102
 Латышев В.В. 87, 141, 142, 166, 211-213, 215, 220
 Лачаева М.Ю. 46, 52, 293
 Лебедев Г.С. 214
 Левандовский А.А. 105
 Леванков В.А. 19
 Леер Г.А. 186, 220
 Лейбниц Г.В. 116, 185, 203
 Лейтман И. 193
 Ленин (Ульянов) В.И. 247, 263
 Линниченко И.А. 152, 153, 155, 183
 Липпс Т. 117
 Литвак Б.Г. 260, 262, 264, 265, 271, 287, 288, 290
 Лихачев Д.С. 256, 257, 286, 289
 Лихачев Н.П. 60, 133, 160, 202
 Лихтерман А.Я. 165
 Логош О.А. 18
 Локк Д. 190
 Лосский Н.О. 219
 Лубский А.В. 289
 Лукреций Т.К. 54
 Лупанова Е.М. 18
 Лурье Я.С. 264, 288
 Лучицкий И.В. 42, 146, 182, 219, 291
 Льюис Д.Г. 53

 Лыкошин А.С. 179
 Любавский М.К. 259
 Любименко И.И. 89, 284
 Люблинский П.И. 85, 167, 169, 218
 Любомиров П.Г. 130

 Мабли Г.Б., де 116
 Мавродин В.В. 45, 46, 52, 287
 Майков Л.Н. 70, 213
 Майков П.М. 189, 190, 221
 Макаров А.Н. 179
 Максимов А.А. 219
 Макушин А.В. 112, 275, 292
 Малеин А.И. 219
 Малинов А.В. 18, 43, 51, 104, 275-277, 292, 293
 Мальмберг В.К. 280
 Мамонтова М.А. 106, 110, 113
 Марголис А.Д. 50
 Маркевич А.И. 222, 231, 232, 279, 280
 Маркелл 178
 Марков А.Р. 18
 Маркс К. 243
 Марр Н.Я. 86, 142, 202
 Маскаков В.В. 251, 283
 Матяш И.Б. 112
 Мауль В.Я. 46, 52, 293
 Маяковский И.Л. 221, 251
 Медведев И.П. 217
 Медушевская О.М. 26, 259, 266, 269, 271-275, 283, 285, 287, 289, 290, 292, 293
 Медушевский А.Н. 224
 Мейер Э. 103, 113, 120, 184, 220
 Мейнонг А., фон 117
 Мелиоранский Б.М. 84
 Мельцин М.О. 18
 Меншиков А.Д. 174, 175
 Меншуткин Н.А. 65
 Миклашевский И.Н. 85, 157, 158, 160, 215
 Миллер Г.Ф. 193
 Миллер О.Ф. 53, 54, 61, 105
 Милль Д.С. 53, 116, 118
 Миллюков П.Н. 21, 22, 26, 28, 30-33, 35, 43, 47, 49, 57, 59, 64, 69-71, 93, 95, 96, 99-101, 105-107, 110-113, 131, 146, 158, 160, 161, 193, 199, 215, 225, 238, 240, 278, 291, 292
 Минаев И.П. 63
 Мининков Н.А. 290
 Миславский А. 190
 Митрофанов П.П. 86, 202
 Митяев К.Г. 251
 Михаил Александрович 84
 Михаил Федорович 54, 104, 278
 Михальченко С.И. 23, 42, 48, 51, 217
 Мищенко Ф.Г. 56, 104, 105
 Могильницкий Б.Г. 270, 286, 290
 Моно Г. 187, 220
 Морозов М.А. 18
 Морозов П.О. 179
 Мохначева М.П. 43, 283
 Муравьев В.А. 43
 Муравьев В.А. 293
 Мухамедеев А.И. 219
 Мюллер Р.Б. 250
 Мягков Г.П. 23, 48
 Мякотин В.А. 86

Надеждин Н.И. 102
 Назаров В.Д. 285
 Назин И.С. 221
 Насонов Н.В. 197
 Наук А.К. 142
 Невский В.И. 28, 49, 243, 244, 283
 Нейхардт А.А. 280
 Некрасов Г.А. 285
 Немилос А.Н. 35, 50
 Нестор 52, 293
 Нечкина М.В. 111, 112, 210, 244, 283
 Нечухрин А.Н. 274, 290
 Николаева А.Т. 263, 269, 271, 288, 290
 Николаи Ф.В. 275, 292
 Николай II 175
 Николай Михайлович 88, 110, 194, 200, 222
 Никитин П.В. 53, 142, 145, 149, 170, 171, 173, 212, 213, 215, 218
 Никитский А.И. 211
 Никитский И.И. 251
 Никольский Н.К. 196
 Никонов А.Д. 254
 Новгородцев П.И. 102, 267
 Новомбергский Н.Я. 191, 192, 221
 Новосельский А.А. 285
 Нольде А.Э. 163, 166, 179, 180, 198
 Нольде Б.Э. 179

 Оглоблин Н.Н. 160, 211, 216
 Озерцовский Н.Я. 165
 Ольга Александровна 84
 Ольденбург С.Ф. 32, 54, 62, 73, 74, 76, 79, 85, 86, 142-144, 157, 176, 181, 193, 198-200, 202, 203, 211, 212, 215, 219-222, 232, 235, 281
 Ольденбурги 71
 Ольховский Е.Р. 274, 290
 Осипов И.Д. 275, 292
 Остроградский О.И. 85, 163, 169

 Павленко Н.И. 285
 Павлов В.Б. 222
 Павлов-Сильванский Н.П. 28, 32, 40, 60, 77, 86, 91, 133, 151
 Панеях В.М. 18, 19, 26, 31-35, 37, 38, 41-43, 46, 49-51, 215, 260, 264, 281, 282, 284, 287, 288, 293
 Панченко Б.А. 75
 Панчулидзе С.А. 179
 Паскаль Б. 185
 Пашуто В.Т. 252, 284
 Певзнер Е.Г. 18
 Педан С.А. 18, 19
 Пергамент М.Я. 198
 Перченко Ф.Ф. 104
 Петерс А.А. 156
 Петр I 47, 96, 163, 167-169, 173, 176-178, 186, 190, 192, 218, 221, 285
 Петр III 170
 Петражицкий Л.И. 102
 Петров Д.К. 219
 Петровский Н.М. 219
 Петрушевский Д.М. 102, 285
 Петряев К.Д. 259, 286
 Пионтковский С.А. 246, 283
 Пиренн А. 184, 185, 220
 Пирлинг П.О. 213

 Платонов С.Ф. 21, 22, 27-46, 48-51, 54, 58, 61-66, 69-74, 76-93, 95-97, 99-102, 105-110, 112, 113, 130, 133-135, 139, 143, 161, 165, 171, 177, 183, 194, 196, 202, 203, 209, 212, 216, 220, 223, 225, 240-246, 248, 249, 251, 252, 259, 266, 269, 272, 278, 282-285, 290, 291, 293-297
 Платонова Н.Н. 22, 48, 62, 70, 71, 74, 85, 92, 93, 99, 101, 105, 107-113, 240, 282
 Платоновы 71
 Погодин С.Н. 18, 23, 26, 38, 42, 43, 48, 51, 104, 274-277, 291-293
 Покровский М.Н. 32, 39, 54, 57, 95, 104, 130, 242-244, 246, 249, 253, 261, 283, 284
 Покровский Н.Н. 42, 51
 Полевой П.Н. 56, 104
 Полиевктов М.А. 40, 75, 77, 79, 86, 196
 Помяловский И.В. 53
 Пономарев Е.Р. 18
 Понятовский С.А. 175
 Попов А.С. 106
 Попов Г.Н. 278, 293
 Попова Т.П. 290
 Поппер К. 23, 25, 48, 49, 298
 Поршнев Б.Ф. 259
 Потехина И.П. 18
 Пресняков А.Е. 21, 24, 26-35, 37, 39-41, 45, 46, 48-51, 57, 60, 62, 70, 75-81, 84, 86, 89, 91, 92, 99, 102, 105, 108-113, 130, 135, 139, 143, 146, 150, 196, 198, 201, 203, 209-213, 219, 222, 223, 232, 238-241, 248, 251-253, 265-268, 271-275, 281, 282, 285, 290, 296, 297
 Преснякова Ю.П. 110
 Приймак Н.И. 18, 154, 214, 223, 274, 291
 Приселков М.Д. 35, 42, 61, 75, 86, 130, 196, 252, 285
 Прокопович Ф. 190
 Пронштейн А.П. 264, 271, 272, 286, 288-290
 Прост А. 113
 Простоволосова Л.Н. 272, 283-285
 Прохоров А.М. 286
 Пташицкий С.Л. 76, 86, 152
 Пуришкевич В.М. 248
 Пушкарев Л.Н. 258, 263, 269, 271, 286, 288

 Равдоникас В.И. 280
 Радлов В.В. 111, 112, 176, 212, 215
 Радлов Э.Л. 180, 219
 Райнов Т.И. 107, 227-229, 231, 267, 273, 279
 Ракитов А.И. 259, 268, 286, 289
 Рамазанов С.П. 48, 113, 267, 274, 275, 289, 290, 292
 Ранке Л., фон 24, 103, 119
 Режабек И.В. 152
 Риккерт Г. 119, 120, 207, 233, 239, 247, 248, 266, 267, 271, 274, 298
 Рогинский А.Б. 104
 Рождественский С.В. 32, 40, 50, 60, 77, 84-87, 160, 167, 179, 189, 196, 203
 Рожков Н.А. 95
 Розен В.Р. 85, 104, 142, 155, 215
 Романов Б.А. 32-34, 40, 42, 50, 89, 110, 130, 232, 235, 248, 253, 281, 284
 Романовы 192, 221
 Ростовцев Е.А. 35, 36, 43-45, 50, 52, 110, 112, 210, 212, 213, 216, 217, 219, 220, 222, 282, 293, 294
 Ростовцев М.И. 61, 74, 86, 142, 149, 180, 200-203, 223, 231, 240, 279, 280

- Рубакин Н.А. 226, 278
 Рубинштейн Н.Л. 28, 29, 49, 52, 249, 250, 253, 284
 Румянцева М.Ф. 274, 275, 290, 292, 293
 Русакова О.Ф. 275, 292
 Руссо Ж.Ж. 190
 Рыженко В.Г. 113
 Рязанов Д.Б. 196
- Саар Г.П. 246, 247, 283
 Саблин И.Д. 18
 Самойлова В.Н. 254
 Самоквасов Д.Я. 98, 158, 160, 161, 215, 216
 Санцевич А.В. 286
 Сарбей В.Г. 223
 Сафронов Б.Г. 110, 111
 Сахаров А.М. 263, 288
 Свердлов М.Б. 18, 26, 37, 41, 42, 51, 77, 108, 272, 282, 290
 Свешников А.В. 18, 110, 275, 292
 Севастьянов Ф.Л. 18
 Селезнев М.С. 215, 255, 284, 285
 Семевский В.И. 179, 198, 219, 222
 Семенов-Зусер С.А. 280
 Сеньобос Ш. 103, 122, 249, 298
 Сербина К.Н. 250
 Сергеевич В.И. 57, 144
 Середонин С.М. 49, 62, 99, 112, 189, 194, 195, 202
 Сиверс А.А. 179
 Сивков К.В. 285
 Сидельников Р.А. 274, 290
 Сидненко Т.И. 46, 52
 Сидоров А.В. 283
 Сидоров Н.И. 85, 161, 170, 210, 227, 245, 282
 Сидорова Л.А. 285
 Синицын О.В. 48, 110, 113, 267, 274, 275, 289, 291, 292
 Сладкевич Н.Г. 261
 Слонимский А.Г. 106, 223
 Смирнов М.Н. 227
 Соболев В.С. 222
 Соболевский А.И. 76, 216
 Соколов В.Ю. 283
 Соколов Ф.Ф. 53, 58, 64
 Соловьев С.М. 27, 57, 69, 94, 95, 107, 131
 Сомов П.О. 219
 Сорель А. 186, 220
 Сорокин П.А. 146, 201, 223
 Сорокина М.Ю. 104, 136, 210, 274, 291
 Сохоцкий Ю.В. 104
 Софинов П.Г. 254, 285
 Спенсер Г. 53, 116
 Сперанский М.М. 179, 219, 291
 Срезневский В.И. 196
 Срезневский И.И. 58
 Сталин (Джугашвили) И.В. 258, 284
 Станиславский А.Л. 283-285
 Станоевич Ст. 217
 Стасюлевич М.М. 58
 Степанов В.В. 198
 Степанов С.Л. 70, 74
 Степанский А.Д. 106
 Стефани Л.э. 58
 Стефанов Н. 286
 Столыпин П.А. 222, 292
- Сторожев В.Н. 85, 95, 98, 158, 159, 161, 169, 175, 215
 Стратонов И.А. 169
 Стрельников С.В. 18
 Стрельский В.И. 255, 256, 286
 Строев В.Н. 179
 Строев П.М. 58, 109
 Струве П.Б. 85, 142, 146, 148, 149, 169, 189, 213, 220
- Тальман Е.М. 254
 Тарановский Ф.В. 85, 167-169
 Тарасов Е.И. 179
 Тараторкин Ф.Г. 110, 224, 272, 274, 291
 Тарле Е.В. 38, 50, 51, 85, 86, 146, 223, 240, 283
 Тертышный А.Т. 293
 Тиандер К.Ф. 155
 Тихомиров М.Н. 249, 284
 Тихонов И.Л. 274, 291
 Токарев С.А. 284
 Томсинский С.Г. 248, 284
 Тонков В.Н. 219
 Тотощкий А.И. 179
 Трапш Н.А. 274, 275, 291, 292
 Трибунский П.А. 18, 19, 49, 111, 112, 217, 275, 292
 Троицкий И.Е. 53
 Тулмин С. 48
 Тункина И.В. 49, 219
 Тураев Б.А. 61, 86, 142, 149, 180, 202, 219
 Тэйлор Э.Б. 53
 Тэн И. 118, 186
 Тюменев А.И. 247, 248, 283
 Тюрго А.Р.Ж. 116
- Уайт Х. 24
 Уваров А.И. 287
 Ульянов А.И. 55, 61, 105
 Ульянова С.Б. 19
 Усанов В.И. 293
 Успенский А.И. 85, 158, 170, 174, 215
 Успенский Ф.И. 97, 142, 146, 148, 197, 198, 213, 220, 279
 Устюгов Н.В. 285
- Фармаковский Б.В. 86, 202
 Февр Л. 298
 Федосеев П.Н. 258
 Федотов Г.П. 29, 32, 49
 Фейгина С.А. 285
 Фейерабенд П. 48, 49
 Филиппов А.Н. 179
 Филюшкин А.И. 18
 Финн В.К. 275, 292
 Фирсов Б.М. 19
 Фирсов Н.Н. 190, 191, 221
 Флетчер Дж. 49, 99, 112
 Флоровский А.В. 85, 169
 Форстен Г.В. 32, 37, 41, 64, 75-80, 84, 92, 108, 266, 289
 Францев Ю.П. 258
 Френ Х.Д. 58
 Фримэн Э. 122
 Фролов Э.Д. 43, 52
 Фуко М. 24
- Хайдеггер М. 24

- Хартанович М.Ф. 223
 Хвостов В.М. 102, 267
 Хвостов М.М. 102, 223
 Хвостова К.В. 275, 292
 Хинтикки Я. 48
 Хлевов А.А. 18
 Хмылев Л.Н. 260, 261, 266, 267, 272, 274, 287, 291
 Холодковский Н.А. 219
 Холодник И.И. 71
 Хорхордина Т.И. 88, 105, 110, 196, 222, 272, 274, 283, 290, 291
 Храпченко М.Б. 258
- Цамутали А.Н. 18, 26, 30, 31, 38, 43, 45, 49, 95, 106, 111, 112, 222, 268, 274, 275, 289, 291, 292
 Цаплин В.В. 284
 Цветаев Д.В. 179, 189, 219, 278
 Цветков И.А. 18
 Цветкова Н.А. 18
 Цвибак М.М. 132, 209, 248, 250, 252, 255, 283, 284
- Чаев Н.С. 210, 245, 250, 282
 Чапкевич Е.И. 51
 Чеботарев И.Н. 105
 Чекмасов А.В. 18
 Челпанов Г.И. 102
 Черепнин Л.В. 29, 49, 132, 209, 250, 252-257, 259, 261, 262, 264, 266, 267, 270, 271, 273, 275, 284, 285, 288, 297
 Черная Л.А. 136, 210
 Чернобаев А.А. 275, 292
 Чернов С.Н. 40, 130, 240, 281, 282
 Чернуха В.Г. 217, 263, 288
 Чернышев Е.И. 281
 Чернышев Ф.Н. 223
 Черняк В.С. 48
 Чечулин Н.Д. 54, 60, 62, 70, 84, 85, 91, 107, 163, 165, 166, 181, 189, 191, 199, 217, 221, 222
 Чирков С.В. 26, 31, 42-44, 49, 50, 52, 82, 105, 106, 108, 109, 264, 269, 272, 274, 288, 290, 291
 Чичерин Б.Н. 54, 57, 69, 131
 Чумакова Т.В. 214, 274
 Чумаченко Э.Г. 106
- Шаблаева Н.К. 214
 Шапиро А.Л. 52, 111, 131, 209, 256, 259, 272, 276, 286, 290, 293
 Шаповалов В.Ф. 286
 Шаханов А.Н. 23, 48
 Шахматов А.А. 28, 34, 40, 41, 60, 83-86, 142, 156, 160, 188, 196, 197, 199, 200, 216, 217, 223, 241, 243, 252, 256, 262, 284
 Шаховской Д.И. 54, 62, 85, 104, 105, 176
 Шереметев С.Д. 82
 Шестаков А.В. 283
 Шибяев М.А. 18
- Шикло А.Е. 289
 Шилов А.А. 85, 89, 107, 140, 161, 210, 219, 227, 250, 256
 Шилов Д.Н. 19, 211
 Шлелер А.-Л. 58
 Шлюмбом Ю. 49
 Шляпкин И.А. 62
 Шмидт С.О. 19, 26, 38, 50, 222, 260, 262, 264, 269, 272, 273, 287-291
 Шмурло Е.Ф. 54, 60, 62, 64, 85, 86, 106, 153, 170-173, 176, 177, 189, 197, 213, 218
 Шохин Л.И. 112, 215, 216
 Шпенглер О. 24
 Штакельберг Н.С. 50
 Шумаков С.А. 161
- Щербатов И.А. 176
 Щербатов М.М. 175, 176
- Эйлер Л. 193
 Эйслер Р. 202
 Эммонс Т. 29, 31, 49, 224
 Энгельс Ф. 247
- Юдельсон А.В. 286, 287
 Юрий II – см. Болеслав-Юрий II
- Яковлев Н.Н. 254
 Якубовская С.И. 256, 283, 286
 Янжул И.И. 141, 142, 145, 146, 211, 215, 219, 220
 Янсон Ю.Э. 104, 264, 265, 288
 Ярошевский М.Г. 48
 Ясинский А.Н. 193
 Ястребов В.Н. 280
- Апан'ич В.В. – см. Ананьич Б.В.
- Barnes B. 48
 Bloor D. 48
- Droysen J.G. – см. Дройзен И.Г.
- Emmons T. – см. Эммонс Т.
- Fooler S. 48
- Golder F.A. – см. Голдер Ф.А.
- Laudan L. 48
- Paneyah V.M. – см. Панеях В.М.
 Patenaude V.M. 224
- Vinogradoff P. – см. Виноградов П.Г.
 Platonov S.F. – см. Платонов С.Ф.

<i>Hamburg G.M. A.S.Lappo-Danilevskii and the Writing of History in Late Imperial Russia</i>	7
Предисловие	18
Введение	20
Примечания	47
Глава I. «Слишком сам по себе»: складывание ученого (А.С.Лаппо-Данилевский в профессиональном сообществе рубежа веков)	53
Примечания	104
Глава II. Теория и практика исторического исследования	
А.С.Лаппо-Данилевского	114
1. Методология истории	114
2. «Прирожденный академик»	140
3. Выдающийся археограф	149
4. «Присяжный оценщик»	181
5. «Борьба за культуру»	192
6. «Русский европеец»	201
Примечания	206
Глава III. Наследие А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке	225
Примечания	278
Заключение	295
Список источников и литературы	300
Список сокращений	340
Указатель имен	341

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Серия «Новейшая российская история: исследования и документы» принимает к публикации на конкурсной основе оригинальные исследования и подготовленные к печати первоисточники по истории России XIX-XX вв. Работы, находящиеся в момент подачи заявки на рассмотрении другого учреждения (организации), не принимаются.

Желающим принять участие в конкурсе предварительно следует послать заявку с кратким описанием проекта (4-5 страниц) и свою научную биографию по следующим адресам:

wul537@compuserve.de (Д. Вульф);

Semion.Lyandres.1@nd.edu (С.М. Ляндрес);

pat@pat.gyazan.ru, tra@newmail.ru (П.А. Трибунский).

В случае одобрения автор подготавливает электронный вариант рукописи в соответствии с требованиями серии. Обязательным условием для исследований является наличие указателя имен, а в случае необходимости – и географического. Редакция приветствует составление авторами списка использованных источников и литературы.

Публикация первоисточников должна сопровождаться предисловием, состоящим из исторической и археографической частей, текста документов, примечаний по тексту и содержанию, указателей, списка сокращений, оглавления с перечнем публикуемых источников. Требования, предъявляемые к публикациям первоисточников, базируются на «Правилах издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Для более полного ознакомления с основными документами и публикациями серии посетите наши сайты <http://www.nd.edu/~nriid> и <http://nriid.rspu.gyazan.ru> (зеркало).